

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

18
(2012)

St.-PETERSBURG
2012

Археологические вести

18
(2012)

ДБ

Санкт-Петербург
2012

УДК 902/904
ББК 63, 4

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. НОСОВ (главный редактор),
академик РАН В. Л. ЯНИН, Н. В. ХВОЩИНСКАЯ (зам. главного редактора), М. Ю. ВАХТИНА,
Т. С. ДОРОФЕЕВА (ответственный секретарь), Н. Ю. СМИРНОВ, Л. Г. ШАЯХМЕТОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук С. В. БЕЛЕЦКИЙ
кандидат исторических наук Т. Б. СЕНИЧЕНКОВА

Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. — 1992. —
Вып. 18 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. — 320 с., ил.

ISBN 978-5-86007-721-8

«Археологические вести» № 18 — очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН. В него включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот результаты полевых исследований раннепалеолитической стоянки Родники 4 в южном Приазовье, рассматриваются вопросы хронологии поселения Плаутина 2 и характер устройства эллинистических виноделий Мирмекия. На новом современном уровне переосмысливаются материалы энеолитического поселения Мешоко в республике Адыгеи эпохи энеолита, поселения раннежелезного века и раннего средневековья Залесья в Тверской области. В целом ряде статей рассматриваются отдельные категории археологических древностей. В частности, анализируются костяные изделия Ладожского посада, литые наконечники ножен Великого Новгорода, уздечная гарнитура оголовий X в. на территории Древней Руси и Скандинавии, проводится реконструкция уникальной находки парчового платья X в. из Гнездовского некрополя. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии. Обосновывается значение сурьмы в составе металла для историко-металлургических реконструкций Кавказа и юга Восточной Европы в эпоху бронзы. Кроме того рассматриваются проблемы хронологии периодизации древних культур Кавказа, современное состояние исследований памятников Гальштатта в Северном Причерноморье и характер сложения древнерусского драгоценного убора. В сборнике представлена информация о последнем третьем Всероссийском археологическом съезде в Новгороде и Старой Руссе. Среди авторов сборника ученые из разных научных центров России. Издание рассчитано на археологов, этнографов и историков.

Обложка:

Лицевая сторона — Направляющая ремней оголовья, цветной металл, Гнёздово, курган Л-35/Авд-1949 г.
Фото В. В. Новикова

Обратная сторона — Расположение раннепалеолитической стоянки Родники 4. Вид с северо-запада.
Белым прямоугольником показано место расчистки 2011 г.

ISBN 978-5-86007-721-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»,
продолжающееся издание «Археологические вести» (разработка,
оформление), 1992 (год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012

Содержание

От редакции

Хвоцинская Н. В.

К 20-летию со дня выхода первого номера
ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести» 9

Новые открытия и исследования

В. Е. Шелинский.

Родники 4. Новая раннепалеолитическая стоянка в Южном Приазовье
(материалы 2010–2011 гг.) 13

И. В. Федюнин.

Плаутино 2: вопросы хроностратиграфии 25

С. М. Остахинский.

Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко 43

Л. М. Яковлева.

Кожаные сосуды индейцев *араукана* и некоторых других
этнографических общностей как модель для воспроизведения
в древней керамической традиции 67

Е. В. Грицик.

Эллинистические винодельни Мирмекия 76

И. В. Исланова.

Поселение Залесье на Селижаровском плесе (ранний железный век
и раннее средневековье, по материалам работ Н. Н. Гуриной) 88

О. В. Орфинская.

Парчовое платье X в. из Гнездовского некрополя 97

В. В. Новиков.

Об одном типе скандинавских оголовий X в.
с территорий Древней Руси и Скандинавии 108

И. В. Иванова, Н. Ю. Иванова.

Коллекция костяных изделий Ладоги
(по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) 124

С. Ю. Каинов, Е. Е. Авдеенко.

Литые наконечники ножен мечей
(по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) 145

И. В. Антипов.

Волынские башни 152

А. В. Курбатов.

Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла
средневековой России 162

Актуальные проблемы археологии

Е. И. Гак, Р. А. Мимоход, А. А. Калмыков.

Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы 174

<i>М. Б. Рысин.</i> Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная археологическая типология)	204
<i>М. Т. Кашуба.</i> О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье — современное состояние исследований	232
<i>Н. В. Жилина.</i> Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора	253

Обзоры и рецензии

Окно в далекое прошлое: взгляд из Сибири <i>Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин.</i> Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с. (Рец. С. А. Васильева)	282
Опорная колонка древних культур Северной Америки <i>М. L. Larson, M. Kornfeld, G. C. Frison (eds.).</i> Hell Gap. A Stratified Paleoindian Campsite at the Edge of the Rockies. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2009. 444 p. (Рец. С. А. Васильева)	286

Сотрудничество Восток—Запад

<i>И. Л. Тихонов.</i> Международная научная конференция «История и практика археологических исследований», посвященная 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына	290
--	-----

История науки

<i>И. М. Бухтоярова.</i> Вклад С. Н. Замятнина в изучение палеолита Кавказа	294
--	-----

Хроника

<i>Е. Н. Носов, О. И. Богуславский.</i> К итогам III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород — Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.) Решения III (XIX) Всероссийского археологического съезда	305
<i>С. А. Кулаков.</i> ИИМК РАН в 2010–2011 гг.	310
Список сокращений	318

Contents

From Editorial Board

Khvoshchinskaya N. V.

To the 20th Anniversary of Publication of the First Issue
of the yearbook of IIMK RAS «Archaeological News» 9

New discoveries and studies

V. E. Shchelinskiy.

Rodniki-4: A New Early-Palaeolithic Site
in the Southern Azov Region (Investigations of 2010–2011) 13

I. V. Fedyunin.

Plautino-2: Problems of Stratigraphic Chronology 25

S. M. Ostashinskiy.

Materials from Excavations of 2007 at the Settlement-Site of Meshoko 43

L. M. Yakovleva.

Leathern Jars of the Araucanian Indians and Some
Other Ethnological Communities
as a Model for Reconstruction of Ancient Pottery-Making Traditions 67

E. V. Gritsik.

Hellenistic Wineries in Myrmekion 76

I. V. Islanova.

The Settlement of Zalesye at the Selizharovsky River Reach
(Early Iron Age and Early Middle Ages according to N.N. Gurina) 88

O. V. Orfinskaya.

Brocade Dress of the 10th Century from the Necropolis of Gnyozdovo 97

V. V. Novikov.

About One of the Types of Scandinavian Bridle Sets
of the 10th Century from the Territory of Ancient Rus' and Scandinavia 108

I. V. Ivanova, N. Yu. Ivanova.

Collection of Bone Objects from Ladoga (materials from excavations
near Varyazhskaya Street in Staraya Ladoga) 124

S. Yu. Kainov, E. E. Avdeenko.

Cast Sword Chapes
(Finds from Troitsky Excavation in Novgorod the Great) 145

I. V. Antipov.

Volyn Towers 152

A. V. Kurbatov.

Disputable Problems in Studies of the Leather Craft in Mediaeval Russia 162

Topical problems of archaeology

E. I. Gak, R. A. Mimokhod, A. A. Kalmykov.

Antimony in the Bronze Age
of the Caucasus and South of Eastern Europe 174

<i>M. B. Rysin.</i> Problems of Chronology and Periodization of Ancient Cultures of the Caucasus (Radiocarbon «Revolution» and the Traditional Archaeological Typology)	204
<i>M. T. Kashuba.</i> Hallstatt in the Northern Black Sea Region — Modern Studies	232
<i>N. V. Zhilina.</i> The Theory of Influences and Originality through the Example of Old Russian Jewellery Sets	253

Review articles and book reviews

Window onto the Remote Past: A View from Siberia <i>E. M. Ineshin, A. V. Teten'kin.</i> Man and the Natural Environment of the North of Baikal Siberia in the Late Pleistocene. Site of Bolshoy Yakor I. Novosibirsk: Nauka, 2010. 270 Pages. (Rev. by S. A. Vasil'ev)	282
Reference Column of Ancient Cultures of North America <i>M. L. Larson, M. Kornfeld, G. C. Frison (eds.)</i> . Hell Gap. A Stratified Paleoindian Campsite at the Edge of the Rockies. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2009. 444 p. (Rev. by S. A. Vasil'ev)	286

The East–West cooperation

<i>I. L. Tikhonov.</i> International Scientific Conference «History and Practices of Archaeological Studies», Dedicated to the 150th Anniversary of Corresponding Member of AS USSR, Prof. Alexander Andreevich Spitsyn	290
--	-----

History of science

<i>I. M. Bukhtoyarova.</i> S. N. Zamyatnin's Contribution for Studies of the Palaeolithic Period of the Caucasus	294
--	-----

Chronicle

<i>E. N. Nosov, O. I. Boguslavskiy.</i> THE Results of the IIIrd (XIX) All-Russian Archaeological Congress (Veliky Novgorod — Staraya Russa, October 24–29) Resolutions of the IIIrd (XIX) All-Russian Archaeological Congress	305
<i>S. A. Kulakov.</i> Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS in 2010–2011	310
List of abbreviations	318

ОТ РЕДАКЦИИ

К 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести»

В этом году исполняется 20 лет издания «Археологических вестей». Первый выпуск появился в 1992 г. Сейчас выходит 18-й номер. Из-за финансовых проблем дважды в один том были объединены сборники за два года.

Начало 1990-х гг. время распада Советского Союза и больших перемен в стране. Это не могло ни сказаться на жизни всего научного, в том числе археологического, сообщества. 25 июня 1991 г. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР постановлением Президиума АН СССР было преобразовано в самостоятельный институт с возвращением ему первоначального названия, восходящего к 1930-м гг., — Институт истории материальной культуры, когда он являлся головным археологическим центром в Советском Союзе. В результате печатные издания, которые у нас были общими с московским институтом, — «Советская археология» (сейчас «Российская археология») и «Краткие сообщения», реально стали сугубо московскими, хотя их история начиналась на берегах Невы.

Именно поэтому у В. М. Массона, тогда директора ИИМК РАН, вполне оправданно возникла идея создания собственного петербургского институтского ежегодника «Археологические вести». Его задачи он раскрыл в предисловии к первому тому сборника, назвав статью от редакции «Движение информации в археологии» (Массон, 1992. С. 11–13). В. М. Массон полагал, что «Вести» не должны дублировать существующие периодические археологические публикации. По его мнению, главная их задача — оперативное введение новой инфор-

мации в научный оборот. В связи с этим предполагалось помещать публикации о новых раскопках и исследованиях, проводимых не только на территории России, но и в других государствах как ближнего, так и дальнего зарубежья. Изначально издание задумывалось для широкого круга авторов. «Берлинская стена, — писал В. М. Массон, — была своеобразным символом определенной эпохи». Барьер разделял не только столицу Германии, но информационные потоки между Западом и Востоком. «Одна из задач нового издания — посильное преодоление этого барьера, носящего двусторонний характер. По мере возможности, “Археологические вести” будут стараться учитывать различные потоки информации — в области новых раскопок, в области печатной продукции, в сфере организации науки, в сфере движения идей» (Там же. С. 12). В свете задач ежегодника были намечены и основные рубрики: «Новые открытия и исследования», «Актуальные проблемы археологии», «Обзоры и рецензии», «Организация науки», «Сотрудничество Восток—Запад». Все эти разделы сохранились в «Вестях» до сих пор. Со временем появились такие разделы, как «История науки» и «Персоналии». Сразу же было решено делать обширные резюме и принята оксфордская система ссылок.

Однако любые идеи упираются в денежные возможности. В те годы, когда институту задерживали общее финансирование, в том числе даже зарплату сотрудникам, когда прекратилось бюджетное обеспечение экспедиционных работ и научных командировок, найти деньги

на издание было не просто. Первый сборник вышел в свет при спонсорской помощи коллег из Словакии, прежде всего доктора Павло Мочалы, тогда работавшего в г. Кошице.

Вообще период подготовки первых четырех сборников был временем становления коллектива «Вестей». Мы работали без помощи издательства, ни у кого из сотрудников редколлегии не было опыта такой деятельности, поэтому курьезов, оставшихся на страницах первых номеров издания, множество.

Макет первого номера был подготовлен в Словакии. В недельный срок его вычитывал В. А. Алёшкин, который был отправлен в Кошице в командировку. Поскольку макет был размножен непосредственно в самом словацком институте, то в сборнике нет никаких выходных данных (количество учетно-издательских листов, тиража и т. п.). Тираж был около 300 экз., но даже его переправляли в Петербург небольшими партиями. В частности, одну из них привезли члены правительственной словацкой делегации, прилетевшей в Петербург на хоккейный матч поддержать свою команду, вышедшую в финал турнира. Так первый номер практически сразу стал библиографической редкостью.

Второй номер вышел при содействии немецкой авиакомпании Lufthansa. При его подготовке мы стали впервые осваивать компьютерную технику. Ни одного компьютера в ИИМК тогда не было. В. М. Массон договорился с редакцией малотиражной газеты «Привет Петербург», чтобы нам разрешили набирать номер у них. Набор текста и верстка макета проводились по выходным дням, когда отсутствовали сотрудники газеты. Т. С. Дорофеева и К. А. Матехин работали все воскресные дни в издательстве на Садовой улице. Третий номер был опубликован на средства института, а четвертый — при финансовой поддержке американского фонда «Prince of Sachsen-Altenburg».

Первые четыре года мы учились и осваивали технику, которую до конца не понимали. Обидно было видеть, когда после тщательной выверки текста вылетали нестандартные буквы и в окончательном, уже изданном номере вместо них пропечатывались квадратики или вообще какие-то непонятные значки. Никто из нас тогда до конца не осознавал, что это современная умная самостоятельно думающая техника и принтер «должен понимать» компьютер.

Вплоть до восьмого номера ежегодника мы сами делали макеты издания. Шесть из них были подготовлены К. А. Матехиным, а последний седьмой — О. И. Богуславским. С приходом в редакцию В. Я. Стёганцевой начали цифровую обработку рисунков. Сложность оказалась с переводом резюме статей. Первоначально я договорилась с молодой преподавательницей на академической кафедре иностранных языков. Однако она не знала археологии и ее терминологической специфики. Переводы вызывали у нее затруднения и их надо было проверять. Для этого привлекали даже наших иностранных друзей, участвовавших в экспедициях. В дальнейшем в качестве переводчика в редколлегии работал один из сотрудников родственного академического учреждения, но он не хотел афишировать свое участие в данной роли, так что его фамилии нет в составе издательской группы. Теперь уже больше десяти лет в качестве переводчика в нашем коллективе работает А. В. Гилевич, тонко знающий терминологические особенности разных областей археологии, который постоянно осуществляет переводы статей и даже книг для наших сотрудников института.

Уже трудно представить, в каком «первозданном» виде сдавали в нашу редакцию статьи. В лучшем случае это был машинописный текст, а иногда просто рукописи. Рисунки часто были выполнены на очень низком уровне, буквально карандашом. Их приходилось перерисовывать Г. А. Кузнецовой — художнику нашего института. Получая готовые сборники и видя досадные опечатки, мы поняли, что нам необходим корректор, и в редакционную группу привлекли Н. В. Головачеву. Одним словом, так постепенно формировался издательский коллектив. Изначально и до сих пор сотрудники ИИМК, входящие в редакцию, совмещают эту работу с выполнением научных плановых тем. Редакционная деятельность является работой по заданию дирекции.

Первую редколлегию назначил В. М. Массон. В неё вошли: В. М. Массон — ответственный редактор, Е. Н. Носов — зам. отв. редактора, Н. В. Хвощинская — ответственный секретарь, В. А. Алёшкин, М. В. Аникович, П. В. Шувалов. Т. С. Дорофеева — секретарь, Г. А. Кузнецова — художник. Традиционно от каждого отдела был свой редактор. Постепенно состав редакции менялся. От Отдела палеолита в ней работали М. В. Аникович (2 номера),

Г. В. Григорьева (2 номера), начиная с 1999 г. Л. Г. Шаяхметова; от Отдела Центральной Азии и Кавказа — В. А. Алёкшин (11 номеров), В. А. Завьялов (7 номеров), а с 2006 г. молодой сотрудник Н. Ю. Смирнов; от Отдела античности — Ю. А. Виноградов (2 номера), А. Н. Щеглов (2 номера), с 1999 г. М. Ю. Вахтина. От Отдела славяно-финской археологии на протяжении всего времени в редакцию входили Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская и Т. С. Дорофеева.

Хочу отметить особую роль Т. С. Дорофеевой, являющейся в настоящее время ответственным секретарем издания. Она реально собирает том, ведет переписку с авторами, технически редактирует тексты в соответствии с необходимыми требованиями, выявляет несоответствия в литературе, отслеживает все этапы прохождения статей, а часто помогает и в научном редактировании.

В отличие от многих гуманитарных наук, археология отличается тем, что значительная доля информации содержится не в самих текстах, а в иллюстрациях, сопровождающих их. Изначально мы понимали, что для любого издательства это достаточно сложная проблема. Здесь, прежде всего, должен быть специалист археолог, владеющий искусством компьютерной обработки и компоновки иллюстративного материала. Таким непревзойденным специалистом стала В. Я. Стеганцева.

Говоря о работе нашего редакторского коллектива, хочу выразить особую благодарность всем сотрудникам библиотеки ИИМК, которые неизменно помогают нам при выверке литературы. В подготовке ряда номеров принимала участие М. Е. Мазуренко, вычитывая ссылки на иностранную литературу. Ныне она является зав. Отделом БАН при ИИМК РАН.

Поворотным моментом в истории «Археологических вестей» стал 1998 год. К этому времени, несмотря на все наши сложности и первоначальное дилетантство, издание зарекомендовало себя в археологических кругах. К нам стали активно присылать статьи из разных центров России и зарубежья, и тогда мы стали подавать заявки на финансирование издания ежегодника в Российский гуманитарный научный фонд.

С пятого номера начался иной этап в жизни «Вестей». При поддержке РГНФ они стали публиковаться в профессиональном издательстве «Дмитрий Буланин». С ним за долгие годы со-

трудничества у меня лично и у нашей редакции сложились добрые деловые отношения и взаимопонимание.

По грантам РГНФ «Вести» в издательстве «Дмитрий Буланин» издавались до 2006 г. (№ 13). Затем при поддержке Отделения историко-филологических наук они были включены в список изданий, финансируемых за счет Президиума РАН. Мы наладили контакт с историческим отделом московского издательства «Наука», надеясь на долгое сотрудничество. Был изменен внешний имидж издания. Оно стало выходить в твердой обложке. Для каждого номера выбирался свой цвет, который зависел от цветовой гаммы помещаемой на обложку фотографии. Однако в издательстве «Наука» вышло только два номера (14 и 15). Начался экономический кризис, финансирование было урезано и многие академические издания оказались без поддержки Президиума РАН, в том числе и наши «Вести».

Одним словом, всё вернулось «на круги своя». Мы публикуемся снова в издательстве «Дмитрий Буланин», с которым не прекращали сотрудничества, издавая «Записки ИИМК», сборники и монографии. Теперь ИИМК РАН сам платит за издание «Вестей» полностью за счет отчисления от хозяйственных работ, при этом не ограничивая круг авторов. За годы существования в нем опубликовались помимо многочисленных сотрудников различных учреждений С.-Петербурга авторы из более 30 центров России, среди которых лидируют московские коллеги. Ежегодник стал популярен и на постсоветском пространстве. Среди стран СНГ первенство по опубликованным в «Вестях» статьям держат Украина и Узбекистан. Среди наших авторов есть представители из Молдовы, Таджикистана, Казахстана, Туркменистана, Белоруси и Кыргызской республики. Широкий диапазон и зарубежных авторов, в частности из США, Франции, Швеции, Великобритании, Германии, Дании, Норвегии, Италии, Финляндии, Вьетнама, Ирландии, Болгарии, Нидерландов, Кот д'Ивуара, Греции, Латвии, Испании, Японии, Австралии, Чехии, Грузии, Монголии. Так что наш институтский ежегодник по праву можно считать международным изданием.

Как я уже говорила, в начале издание задумывалось В. М. Массоном для широкого движения информации в археологии. Эту задачу издание выполнило и продолжает выполнять.

За 20 лет изменилась ситуация в жизни и науке, расширились возможности публикаций. В эти годы появлялись новые серийные археологические издания, но далеко не все из них смогли сохраниться. В то же время «Вести» изначально рассматривались как приоритетное издание ИИМК РАН и даже в сложные годы поддерживались дирекцией института.

До сих пор основными направлениями публикаций в ежегоднике являются: введение в научный оборот новой информации о раскопках и исследованиях, обсуждение крупных проблемных тем и знакомство с новейшей отечественной и зарубежной историко-археологической литературой. Редколлегия старается

привлекать в состав авторов как молодых, только что начинающих исследователей, так и всемирно известных ученых. Исходя из поставленных перед изданием задач, мы не считаем необходимым выпускать тематические ежегодники, а стремимся помещать в каждом номере статьи по разным вопросам археологии, истории и культуры от самых древнейших времен до позднего средневековья.

Двадцать лет в историческом измерении — это совсем юный возраст, так что у «Археологических вестей» еще все впереди.

Массон, 1992 — Массон В.М. Движение информации в археологии // Археологические вести. СПб., 1992. № 1.

Зам. главного редактора Н. В. Хвоцинская

Родники 4. Новая раннепалеолитическая стоянка в Южном Приазовье (материалы 2010–2011 гг.)¹

В. Е. Щелинский²

В Южном Приазовье до недавнего времени было известно лишь одно палеолитическое местонахождение — карьер Цимбал у станции Сенной на Таманском полуострове (рис. 1), в котором в 1950–1960-е гг. А. А. Формозов нашел единичные изделия раннепалеолитического облика (Формозов, 1962. С. 25–26; 1965. С. 10, 22). Изделия были найдены на поверхности, но предполагается, что первоначально они залегали вместе с костями ископаемых животных, выявленными в большом количестве в этом карьере и отнесенными к таманскому фаунистическому комплексу эоплейстоцена (Верещагин, 1957. С. 67–68). Это предположение пока не подтверждено раскопками. Однако важным аргументом в пользу того, что изделия действительно могли происходить именно из костеносного слоя карьера, является наличие в этом слое намеренно расколотых костей животных, установленное Н. К. Верещагиным (Там же. С. 21). С учетом этого в справочниках по палеолиту карьер Цимбал считается одним из бесспорных раннепалеолитических памятников Евразии, датируемых в интервале 1,5–0,78 млн лет назад (Bosinski, 1996. P. 55).

Активные поиски новых палеолитических стоянок в Южном Приазовье начались с 2002 г., когда на северном берегу Таманского полуост-

Рис. 1. Расположение раннепалеолитических стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье

Fig. 1. Location of Lower Palaeolithic sites on the Taman Peninsula in the southern Azov Sea region

рова у поселка «За Родину» Темрюкского района Краснодарского края была открыта раннепалеолитическая стоянка Богатыри (рис. 2). Стоянка была обнаружена нами в результате обследования такого же крупного и известного, как карьер Цимбал, местонахождения ископаемой фауны Синяя Балка (Щелинский, Бозински, Кулаков, 2003. С. 265–267). Это палеонтологическое местонахождение было открыто еще в 1912 г. (Губкин, 1914) и с тех пор многократно раскапывалось и исследовалось не одним поколением палеонтологов и геологов. В 1948 г. оно получило статус типового местонахождения таманского фаунистического комплекса, датируемого второй половиной эоплейстоцена (Громов, 1948. С. 460–463). Как показали наши исследования, это местонахождение является не только опорным палеонтологическим объек-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-18132 е).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

© В. Е. Щелинский, 2011

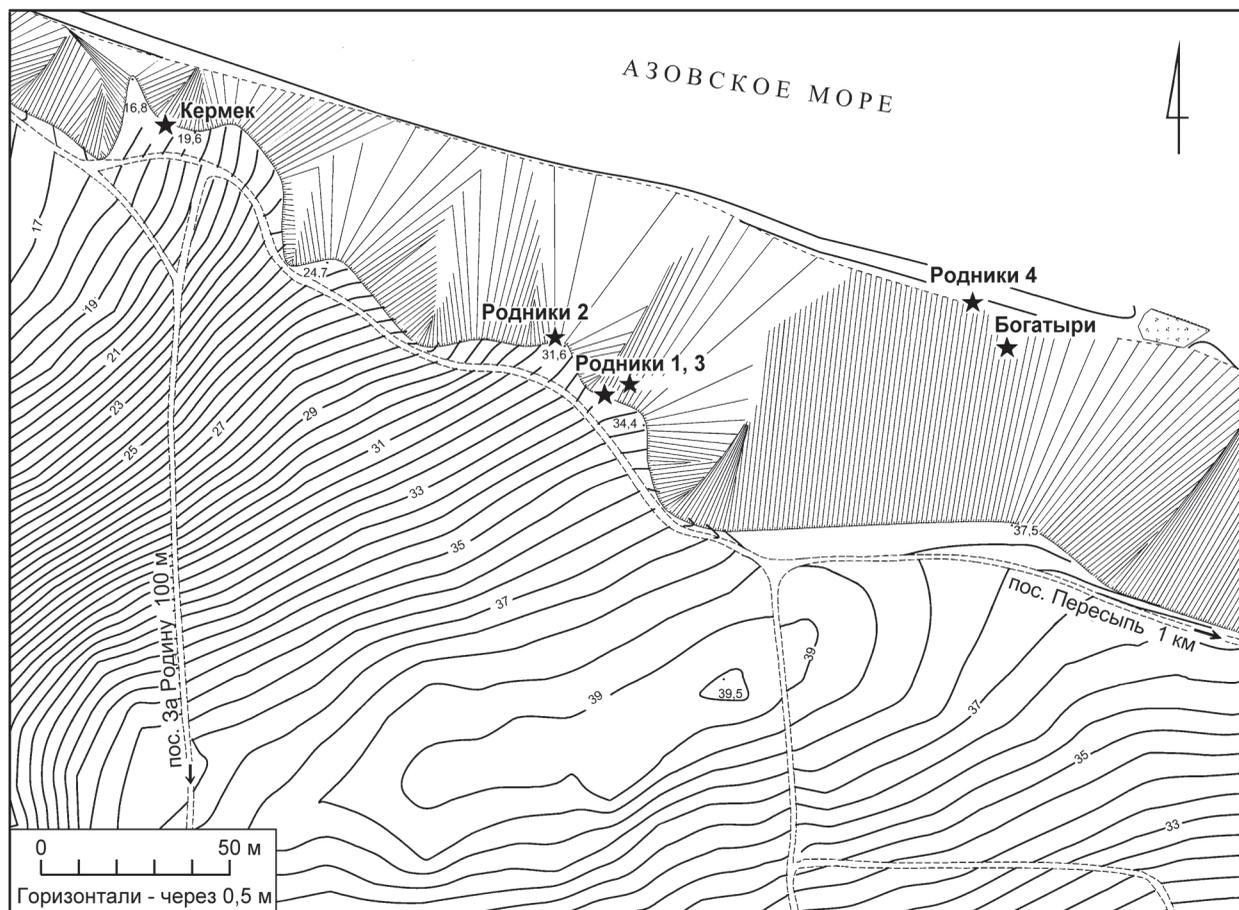

Рис. 2. Топографический план и расположение раннепалеолитических стоянок на северном берегу Таманского полуострова у пос. «За Родину»

Fig. 2. Topographic plan and situation of Lower Palaeolithic sites on the northern littoral of the Taman Peninsula near the village of *Za Rodinu*

том, но и исключительно важным археологическим памятником — эоплейстоценовой раннепалеолитической стоянкой, получившей название Богатыри (по названию мыса, на котором она располагается). О наличии стоянки свидетельствуют обнаруженные в отложениях местонахождения вместе с костями ископаемых животных многочисленные весьма архаичные каменные изделия, а также отходы от их изготовления (Щелинский, Кулаков, 2005. С. 116–118; *Bosinski et al.*, 2003. S. 79–89). В результате регулярных раскопок коллекция каменных изделий стоянки Богатыри в настоящее время насчитывает около 1000 экз., среди которых много продуктов первичного расщепления камня и орудий с вторичной обработкой. К сожалению, эта стоянка сильно нарушена в древности природными процессами (тектоническими деформациями, грязевулканическими процессами, оползнями). Вследствие этого геологические условия ее залегания нуждаются

в дальнейшем исследовании (*Титов, Тесакоев*, 2009. С. 585). Возраст стоянки достаточно надежно устанавливается по обильно представленной в ней таманской фауне, датирующей ее хронологическим интервалом 0,8–1,1 млн лет назад (*Вангенгейм и др.*, 1991. С. 48). Эту датировку стоянки подтверждают и палеомагнитные исследования. Они свидетельствуют, что накопление культуросодержащих отложений стоянки происходило в эпоху обратной полярности (эпоха Матуяма). С учетом общепринятой корреляции местонахождений таманского фаунистического комплекса со второй половиной эоплейстоцена, коррелятивный интервал может быть формально сужен до хроно С1r.1r (0,99–0,78 млн лет назад). Вместе с тем новые биостратиграфические данные по крупным млекопитающим этого комплекса могут указывать и на более древний возраст отложений стоянки и их корреляцию с хроном С1r.2r (1,77–1,07 млн лет назад) (*Додонов и др.*, 2008. С. 58).

Уже в процессе работ на Богатырях на Таманском полуострове в разное время был открыт ряд других раннепалеолитических стоянок: Родники 1 (2004 г.), Родники 2 (2007 г.), Кермек (2008 г.), Родники 3 (2009 г.). Эти стоянки располагаются поблизости от стоянки Богатыри (рис. 2), однако, в отличие от нее, за исключением Родников 3, они залегают в ясных геологических и стратиграфических условиях.

В исследованиях новых раннепалеолитических стоянок Таманского полуострова получены пока лишь первые, но весьма интересные результаты. Надежно установлено, что все стоянки имеют эоплейстоценовый возраст, но при этом они разновременные в рамках этого периода. Наиболее ранней является стоянка Кермек. Культуросодержащий слой этой стоянки залегает *in situ* в толще отложений, датированных поздним кувальником и относимых по существующей у нас стратиграфической шкале к позднему плиоцену. По новой же европейской стратиграфической шкале, принятой в 2009 г. (Тесаков, 2011), они относятся к низам эоплейстоцена. На этом основании и с учетом палеомагнитных данных возраст стоянки определяется приблизительно в 2 млн лет (Тесаков, 2004, С. 93; *Shchelinsky, Tesakov, Titov*, 2010. Р. 149). Более молодыми являются стоянки родниковой группы (Родники 1–3). На данный момент несколько больше сведений о Родниках 1, на которых были проведены небольшие раскопки. Культуросодержащий слой Родников 1 залегает в ненарушенном положении в погребенных отложениях пляжной зоны берега морской лагуны и перекрыт многометровой толщей прибрежно-морских песков среднеэоплейстоценовой, по всей вероятности, апшеронской трансгрессии. В этом слое обнаружена обильная фауна мелких млекопитающих, в которой представлены таксоны, характерные для эоплейстоцена в интервале 1,2–1,6 млн лет назад. Указанный возраст стоянки подтверждается залеганием ее культуросодержащего слоя под толщей морских отложений, соответствующих апшеронской трансгрессии (*Shchelinsky, Dodonov et al.*, 2010. Р. 33; *Shchelinsky, Tesakov, Titov*, 2010. Р. 148). С Родниками 1 во многом сходна по структуре и условиям залегания культуросодержащего слоя стоянка Родники 2. Эти две стоянки, по-видимому, одновременные. Возраст стоянки Родники 3 пока неизвестен. Вполне вероятно, что она несколько моложе

Родников 1, так как связана с отложениями более низкого террасового уровня.

Археологические коллекции отмеченных выше раннепалеолитических стоянок пока невелики (от 100 до 1000 изделий) и позволяют составить лишь предварительное представление об их индустриях. Однако уже сейчас ясно, что речь идет о довольно архаичных, доашельских индустриях. Установлено, что в плане использования исходного сырья, технологии изготовления, категорий и некоторых типов орудий эти индустрии очень сходны между собой. Показательно, что в них нет отчетливых признаков, характерных для ашеля (прежде всего, отсутствуют рубила и проторубила, равно как и типичные нуклеусы плоскостного расщепления). Но при этом выразительными сериями представлены разнообразные чопперы, массивные скребла, пики, нуклевидные скребки, а также мелкие толстые острия, клювовидные и шиповидные орудия, т. е. те формы орудий, которые свойственны олдованским индустриям (Амирханов, 2006; 2007а, б; 2008; *Деревянко*, 2006; 2009; *Щелинский*, 2010; *Щелинский, Кулаков*, 2009; *Leakey*, 1971; 1975). Неразвита и технология первичного расщепления камня. Многие орудия изготовлены из обломков исходного сырья. Поэтому индустрии стоянок определяются как олдованские (*Щелинский*, 2010). Вместе с тем по технико-типологическим показателям каменного инвентаря эти индустрии заметно отличаются от стоянок классического олдована Северо-Восточного Кавказа (Амирханов, 2007а, б) и закавказской стоянки Дманиси (*Ниорадзе, Ниорадзе*, 2010; *Gabunia u.a.*, 1999; *Juris*, 2008), относимой к преолдовану (*Lumley et al.*, 2005). Отличия их заключаются, прежде всего, в том, что им присуще удивительное разнообразие форм орудий, в том числе из отщепов, а также хорошая типологическая выраженность многих из них. При этом некоторые типы орудий не имеют аналогов в материалах олдованских стоянок Кавказа. Таким образом, таманские раннепалеолитические стоянки Богатыри, Родники 1–3 и Кермек можно отнести к особому варианту олдована. Однако индустрии этих стоянок при общем сходстве все же не тождественны и имеют определенные технико-типологические отличия. Вполне вероятно, что эти отличия связаны со спецификой хозяйственной деятельности людей, а также могут носить хронологический характер и отражать инновационные изменения

в технологии обработки камня и изготовления орудий труда в индустриях стоянок.

В этой связи значительный интерес представляют материалы новой раннепалеолитической стоянки Родники 4, открытой в 2010 г. и предварительно исследованной в 2011 г. Стоянка находится в береговом обрыве на высоте 16 м над уровнем Азовского моря всего в 10–15 м к северо-западу от стоянки Богатыри (см. обратную сторону обложки). Поэтому сначала казалось, что это местонахождение является частью стоянки Богатыри. Однако выяснилось, что перед нами новый самостоятельный археологический памятник, получивший название Родники 4 (первоначальное название — местонахождение Береговое). Стоянка обнаружена в результате крупного оползня берегового склона, произошедшего зимой 2010 г. В образовавшемся разрезе и были выявлены ранее неизвестные культуросодержащие слои. Как показало предварительное обследование, стоянка отчасти повреждена современными оползневыми процессами. Однако в целом она неплохо сохранилась. Отложения стоянки образуют пачку литологически различных слоев, залегающих в стратиграфической последовательности с заметным общим наклоном в западном направлении. С восточной стороны они прислоняются к толще коренных темно-серых глин предположительно куяльницкого возраста. Мощность отложений составляет около 5 м. Такое залегание слоистой толщи очень похоже на древний террасовый врез, заполненный субаквальными и субаэральными отложениями. У восточного края стоянки была поставлена расчистка шириной 1,5 м и глубиной около 3 м. Разрез отложений в расчистке выглядит следующим образом (сверху вниз):

Мощность	м
1 Современная почва. Суглинок темно-серый, песчанистый	0,2–0,3
2 Глина темно-серая, переотложенная	1,5
3 Песчано-щебневая пачка с прослоями песка. Щебень в основном окатанный, залегает совместно с глыбами доломита от 10–15 до 30–35 см в поперечнике, доломитовыми гальками и окатышами темно-серой глины, содержит в большом объеме песчано-дресвяный наполнитель коричневого цвета, включающий в себя многочисленные мелкие обломки раковин моллюсков, главным образом дрейссен. Щебневые отложения разделяются несколькими горизонтальными и косо наклоненными прослоя-	

ми светло-серого и желтовато-серого песка толщиной от 5 до 30 см с линзами окатанной дресвы и тонкими прослойками коричневатой-синей глины. Видимая мощность	2,0
--	-----

Основание слоя закрыто осыпью. Однако видно, что он подстилается коренной темно-серой глиной, а мощность его составляет около 3 м.

Культуросодержащим является слой 3. Он, несомненно, имеет водное происхождение и, по-видимому, представляет собой отложения пляжной зоны берега опресненного бассейна, на что указывают раковины моллюсков и преобладание в осадках слабо окатанного обломочного материала. Можно также предполагать, что эти отложения длительное время находились на поверхности и подверглись химической эрозии. Об этом свидетельствует коричневая окраска отложений. Обращает на себя внимание значительная мощность слоя. Поскольку толща слоистая, в дальнейшем ее можно будет разделить на отдельные литологические слои.

Культурные остатки, главным образом каменные изделия и единичные кости млекопитающих (найденны хвостовой позвонок слона и неопределимые обломки костей), залегают в основном поодиночке и встречены на разной глубине по всему слою, в том числе и в прослойках песка. Скоплений находок пока не выявлено. Изделия имеют хорошую сохранность. Лишь некоторые из них (16 % от всех изделий) имеют более или менее выраженные следы водной коррозии. Это указывает на то, что изделия не подвергались значительному перемещению и сравнительно быстро были перекрыты наносами.

Возраст стоянки пока не ясен, так как геологические и другие исследования с применением естественно-научных методов на ней еще не проводились. Сейчас можно лишь отметить, что по положению в рельефе эта стоянка занимает более низкую позицию по сравнению с расположенными рядом стоянками Богатыри и Родники 1 и 2. В этом отношении она ближе всего к Родникам 3. Учитывая это, можно предположить, что Родники 4 и Родники 3 имеют близкий возраст и, возможно, являются наиболее поздними объектами (в рамках эоплейстоцена) среди таманских раннепалеолитических стоянок.

В расчистке и при разборке осыпи на стоянке обнаружено 81 каменное изделие и около

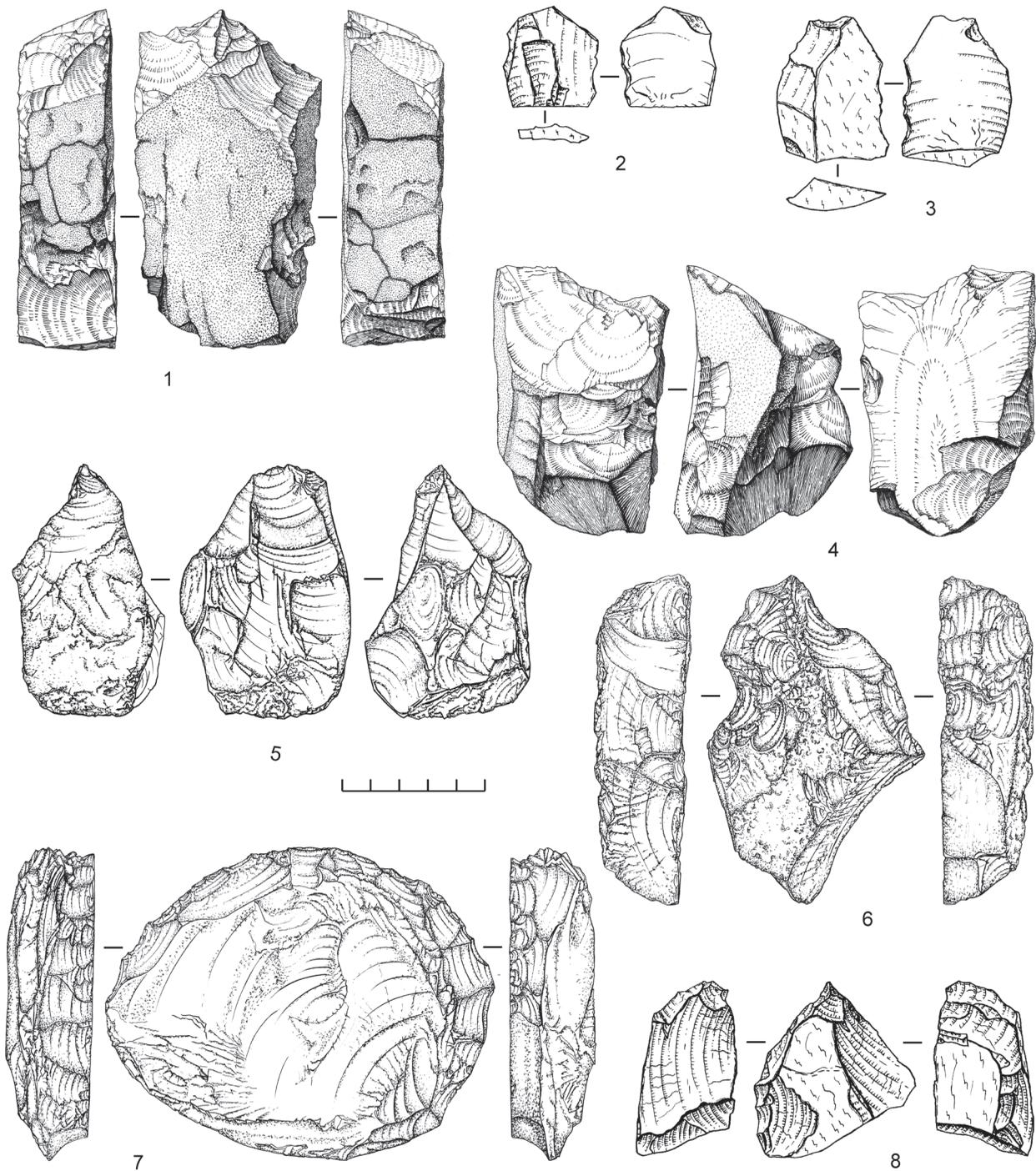

Рис. 3. Стоянка Родники 4. Изделия из окварцованного доломита: 1, 4 — чопперы; 2, 3 — отщепы с частичной обработкой; 5, 6 — пики; 7 — скребло; 8 — остроконечное орудие

Fig. 3. Site of Rodniki-4. Artefacts of quartzified dolomite: 1, 4 — choppers; 2, 3 — partially worked flakes; 5, 6 — pikes; 7 — scraper; 8 — pointed tool

двух десятков предметов с не вполне ясными следами обработки. По сути, это сборная коллекция изделий, происходящих из разных слоев стоянки. Однако изделия в ней не различаются ни по сырью и сохранности, ни по основным технико-типологическим показателям. Коллекция бесспорных изделий включает в себя: орудия (49 экз.), нуклеусы (5 экз.) и сколы (27 экз.) (рис. 3). Все изделия изготовлены из того же местного окварцованного доломита, представленного плитчатыми отдельностями разных размеров, какой использовался на других раннепалеолитических стоянках таманской группы. При этом 76,5% из них изготовлено из качественной мелкозернистой разновидности, 12,4% — из неоднородной мелко-крупнозернистой разновидности и только 11,1% — из грубой крупнозернистой разновидности доломита. Изделия слабо патинизированы, хотя в той или иной степени коррозированы в результате химического выветривания. Патины на них в основном коричневатая-серая, реже серовато-коричневая, наиболее выветрелые экземпляры имеют серовато- и коричневатую-белесую окраску.

Технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки характеризуется получением заготовок для орудий двумя способами: простым раскалыванием естественных отдельностей сырья и расщеплением нуклеусов. Первым способом получались заготовки в виде обломков камня. О намеренном раскалывании природных отдельностей сырья как способе получения обломков-заготовок для орудий свидетельствуют довольно многочисленные орудия, изготовленные из них. Процесс получения этих заготовок мог быть приблизительно таким. Первоначально раскалывались относительно крупные отдельности сырья. Затем отбирались подходящие обломки, которые при необходимости «доводились» до нужных размеров и форм обколкой краев. Негативы раскалывания и обколки плиток хорошо сохранились на заготовках, и важно отметить, что по сохранности эти негативы ничем не отличаются от негативов последующей обработки и оформления орудий. Применение этого способа получения заготовок для изделий было явно преднамеренным и было связано, очевидно, с необходимостью выбора наиболее качественного сырья. Дело в том, что качественное сырье, отличающееся высокой плотностью, отсутствием пористости и мелкозернистой струк-

турой, и сырье менее качественное, имеющее меньшую плотность, пористость и крупнозернистую структуру, обычно включены в одни и те же плитчатые отдельности доломита. При этом плотная, качественная порода нередко находится в центральной части отдельностей, тогда как менее плотный, пористый и вязкий материал образует их периферию. Раскалывание плиток позволяло отобрать лучшее сырье.

Второй способ первичного расщепления камня основывался на расщеплении нуклеусов с целью изготовления отщепов, применявшихся в качестве готовых орудий и как заготовки для орудий с вторичной обработкой. Этот способ первичного расщепления камня на стоянке наиболее интересен и показателен. О характере его свидетельствуют сами нуклеусы и отщепы.

Нуклеусы (5 экз.). Особенно выделяется очень крупный нуклеус в виде куса толстой (11 см) плиты доломита продолговатой формы (11 × 15,5 × 20,5 см). На нем нет какой-либо предварительной обработки. Нуклеус использовался для получения крупных и сравнительно небольших отщепов. Скалывание производилось по всему периметру нуклеуса с горизонтальной ударной площадки, представляющей собой естественную поверхность доломитовой плиты, покрытой выветрелой коркой. Другие нуклеусы обычных размеров (наиболее крупные — 8,7 × 9 × 7,2 см и 6,7 × 9,3 × 3 см), они из обломков доломита. При этом только один из них имеет некоторую предварительную обработку. Один нуклеус грубопризматический, три других — плоскостные, параллельного расщепления. Один нуклеус двусторонний. Обращает на себя внимание подчетыреугольный, слегка укороченный и уплощенный нуклеус со скошенной ударной площадкой, подготовленной двумя крупными сколами. Следы предварительной обработки видны и на одном боковом крае этого изделия.

Отщепы (27 экз.). Размеры их (максимальная длина или ширина):

— 1–3 см	— 6 экз.;
— 3,1–5 см	— 15 экз.;
— 5,1–10 см	— 8 экз.

По признакам подготовленности поверхности, с которой они были сколоты, отщепы разделяются на четыре группы:

- первичные (спинка полностью покрыта коркой) 1 экз.;
- с участком корки на спинке 5 экз.;

- без корки на спинке (15 экз.),
в том числе:
- с разнонаправленным ограничением 9 экз.;
- с параллельным и конвергентным ограничением 7 экз.;
- сколотые от края плитки 5 экз.

Эти последние отщепы имеют характерные отличительные признаки, свидетельствующие о скалывании их именно от необработанного края плитчатой отдельности доломита (неподготовленного нуклеуса в виде плитки или заготовки для орудия). У этих отщепов одна сторона расщепляемой плитки фиксируется на ударной площадке (прямой или скошенной), покрытой плитчатой коркой. Другая сторона плитки сохраняется в виде вертикальной или скошенной плоскости с корочным покрытием на их дистальном крае. Такие отщепы обычно имеют подчетырехугольную форму и укороченные пропорции. Формы других отщепов весьма различные. Следует отметить, что среди отщепов с параллельным ограничением имеются два пластинчатых скола. Многие отщепы имеют следы изношенности от использования в работе.

Значительное количество отщепов было превращено в орудия с вторичной обработкой (21 экз.). Распределение их по размерам и характеру спинки выглядит следующим образом.

- Размеры:
- 1–3 см 1 экз.;
 - 3,1–5 см 6 экз.;
 - 5,1–10 см 11 экз.;
 - > 10 см 3 экз.

- По характеру спинки представлены отщепы:
- первичный 1 экз.;
 - с участком корки на спинке 7 экз.;
 - без корки на спинке (4 экз.), в том числе:
 - с параллельным ограничением 3 экз.;
 - с разнонаправленным ограничением 1 экз.;
 - сколотые от края плитки 9 экз.

Два отщепа с параллельным ограничением спинки являются пластинчатыми.

Следует отметить, что среди отщепов, использованных в качестве заготовок для орудий, имеются особо крупные экземпляры (длина двух из них превышает 14 и 15 см). Эти отщепы были сколоты с неподготовленного нуклеуса в виде толстых плит доломита.

подавляющее большинство отщепов с неповрежденным проксимальным концом, с уче-

том отщепов, превращенных в орудия (всего 32 экз.), имеет необработанную ударную площадку, покрытую плитчатой коркой. В группу сколов с такой ударной площадкой попадают и единичные пластинчатые отщепы. Сколы с обработанной ударной площадкой составляют ничтожный процент. Среди них два отщепа с двугранной площадкой и один — с грубофасетированной.

В связи с расщеплением камня на стоянке уместно отметить, что в коллекции находок имеются *два отбойника*. Они представляют собой массивные неправильно шаровидные куски доломита, покрытые почти по всей поверхности хаотично направленными негативами мелких и сравнительно крупных сколов, произвольно отколовшихся в результате ударов отбойником по камню. На отдельных выпуклых участках этих предметов имеются также следы забитости и лунки от выкрошенности поверхности, характерные для отбойников.

Орудия (47 экз.). Это самая многочисленная группа изделий в коллекции. При этом они разнообразны и нередко представлены выразительными, законченными формами. Орудия изготовлены как из обломков плиток доломита, так и из отщепов. Причем орудия из отщепов составляют почти половину (46,8 %) всех орудий. В составе их:

- чопперы 4 экз.
- пики 9 экз.
- скребки нуклевидные 2 экз.
- остроконечные орудия 3 экз.
- скребла 13 экз.
- провертка-проколка 1 экз.
- отщепы с обработанным краем 13 экз.
- обломки плиток с обработанным краем 2 экз.

Набор орудий типично раннепалеолитический. Обращает на себя внимание наличие чопперов, пик, нуклевидных скребков и многочисленных скребел и отсутствие двусторонне обработанных орудий типа ручных рубил. Интересны типы изделий в рамках отдельных категорий орудий, весьма важные для сравнительного анализа. Однако ограниченный объем статьи позволяет привести описание лишь отдельных образцов этих орудий.

Чопперы (4 экз.). Три из них односторонние, один двусторонний. Два орудия относятся к заостренным чопперам. Один из таких чопперов

(рис. 3, 1) — удлиненный (11,8 × 6,4 × 3,3 см), с узким лезвием и обработанной пяткой, изготовлен из обломка плитки доломита. Лезвие орудия тщательно оформлено мелкими сколами. Боковые края прямые и необработанные, за исключением нижней части одного края, где был снят один скол. Пятка орудия несколько уже лезвия. Она слабовыпуклая и намеренно сформирована серией вертикальных снятий. Примечателен и другой чоппер с обработанной пяткой (рис. 3, 4). Это орудие также слегка удлиненных пропорций (9,5 × 6 × 5,7 см). Лезвие его несколько вогнутое и оформлено в основном крупными сколами. Боковые края прямые и образованы крутыми поверхностями исходной доломитовой плитки, покрытыми коркой. Пятка уже лезвия, выпуклая и оформлена оббивкой с обеих сторон.

Пики (9 экз.). Эти орудия, как и чопперы, характерны для раннепалеолитических индустрий. В коллекции стоянки они представлены довольно крупной серией и разными типами. Длина их колеблется от 18,5 см до 8,3 см. В большинстве своем они односторонне обработанные. Однако два орудия оформлены двусторонней обработкой. Примерно в одинаковых пропорциях имеются орудия с треугольным и подчетыреугольным поперечным сечением. Различаются пики и по форме рабочей части. У одних орудий она в виде острия, у других — имеет долотовидную и топовидную форму. Один из двусторонне обработанных пиков показан на рис. 3, 5. Орудие грушевидной формы (8,8 × 5,9 × 5 см). Максимальная ширина приходится на его середину, а максимальная толщина — на пятку. Рабочее лезвие его узкое, долотовидной формы, выпуклое и сформировано сколами, снятыми вдоль длинной оси с обеих сторон орудия. Верхняя сторона орудия выпуклая и имеет продольное ребро. Нижняя сторона уплощенная. Поперечное сечение треугольное. Пятка орудия выпуклая и оформлена разнонаправленными сколами. Пики с односторонней обработкой также хорошо выражены и разнотипны. Выделяется, например, двуконечный пик (11,3 × 7,4 × 3,2 см) ромбовидной формы (рис. 3, 6). Преимущественно обработан у него верхний заостренный конец (немного отломан в древности). Боковые края, сходящиеся к этому острию, извилистые, с выемками. Нижний конец образован схождением плоскостей от раскалывания исходной доломитовой плитки и лишь частично под-

правлен сколом по одному краю. Верхняя сторона выпуклая и имеет ребро, протягивающееся почти параллельно продольной оси орудия. Вблизи верхнего конца это ребро дополнительно оббито сколами, снятыми с него в направлении бокового края.

Скребла (13 экз.). Орудия, включаемые в эту категорию, различны. Одни из них изготовлены из обломков плиток доломита (6 экз.), другие — из доломитовых отщепов (7 экз.). Соответственно, при их описании используются разные морфологические признаки и орудиям даются различные наименования. В частности, определения скребел по признаку расположения лезвия относительно продольной оси изделия (скребла продольные, диагональные, поперечные) применяются только для изделий, изготовленных из сколов. Скребла же, изготовленные из обломков плиток доломита, различаются в первую очередь с учетом размера и формы их рабочего лезвия.

Скребел, изготовленных из обломков плиток доломита, несколько меньше, чем скребел из отщепов. В основном это массивные орудия. Длина или ширина самых крупных из них — 13,7 см и 9,5 см, размеры других — не меньше 5,7 см. Обычно орудия имеют пятку (обушок), противоположную рабочему лезвию. Боковые края у них нередко усечены сколами. Лезвия орудий оформлены сколами и разреженной ретушью, кромка их извилистая и в той или иной степени зазубренная. Выделяются скребла округлые и укороченно-овальные с распространенным рабочим лезвием, занимающим $\frac{2}{3}$ периметра орудия (2 экз.), укороченно-овальные и укороченно-подчетыреугольные с широким выпуклым лезвием (2 экз.), с широким лезвием, имеющим посередине шиповидный выступ (1 экз.) и с узким рабочим лезвием (1 экз.).

Особенно выделяется прекрасно сделанное крупное скребло округлой формы (10,8 × 13,7 × 2,8 см) (рис. 3, 7). Рабочее лезвие его, протягивающееся почти на $\frac{2}{3}$ периметра орудия, тщательно оформлено сколами с заломками на концах фасеток и крупной разреженной ретушью. Хорошо выражена пятка орудия. Она выпуклая и представляет собой вертикальную дугообразной формы плоскость от раскалывания исходной доломитовой плитки. Орудие отличается четкой выраженностью и законченностью формы.

Скребла из отщепов имеют в целом меньшие размеры. Максимальные размеры их ко-

леблются от 9,3 см до 3,5 см. Среди этих скребел выделяются скребла поперечные с выпуклым лезвием (2 экз.), поперечное выпуклое с вентральной обработкой лезвия (1 экз.), поперечное прямое (1 экз.), продольное выпуклое (1 экз.), продольное прямое (1 экз.) и диагональное (1 экз.). По характеру обработки они не отличаются от скребел из обломков плиток доломита.

Скребки нуклевидные (2 экз.). Изделия сравнительно небольшие (максимальный размер около 6 см), изготовлены из обломков плиток доломита. Они имеют признаки как грубых высоких скребков, так и нуклеусов призматического расщепления. Лезвие у них извилистое и зазубренное, протягивается почти по всему периметру и образовано крутыми и почти отвесными крупными и мелкими сколами.

Остроконечные орудия (3 экз.). Это вполне законченные массивные орудия с выделенным острием. Но их нельзя отнести к остроконечникам, так как изготовлены они не из отщепов, а из обломков доломита. Одно из таких орудий довольно массивное (6 × 5,2 × 3,2 см) и имеет широкую пятку (рис. 3, 8). Боковые края его, образующие заостренный рабочий конец, обработаны по всей длине крупными и мелкими сколами. Один край угловато выпуклый, другой — прямой. Острие толстое, режущее. Пятка скошена относительно продольной оси орудия и представляет собой вертикальную плоскость от раскалывания доломитовой плитки.

Индустрия стоянки Родники 4, судя по имеющимся в настоящее время данным, несомненно, во многом сходна с инвентарем других олдованских стоянок Таманского полуострова (Богатыри, Родники 1–3, Кермек). Это сходство отчетливо проявляется по всем основным параметрам — по исходному сырью, технологии изготовления, категориям и некоторым типам орудий. Наиболее показательными и общими для всех стоянок являются такие раннепалеолитические формы орудия, как чопперы, пики, массивные скребла, нуклевидные скребки. Вместе с тем в индустрии новой стоянки прослеживаются и некоторые отличительные особенности. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что эти особенности проявляются, прежде всего, в технологии первичной обработки камня и, в частности, в том, что на этой стоянке гораздо меньше орудий из простых обломков сырья и велика роль орудий из отщепов, несомненно, специально получен-

ных путем расщепления нуклеусов. Из этих заготовок на стоянке изготовлена, как отмечалось, почти половина всех орудий (46,8 %). Для сравнения. На наиболее ранней стоянке Кермек доля орудий из отщепов составляет всего 28,3 % (Щелинский, 2011. С. 39), на Родниках 1 — 28,6 %, а на Богатырях, которые моложе и Кермека и Родников 1, — 36,8 % (Щелинский, 2010. С. 64, 70). Таким образом, количество орудий из отщепов в индустриях хорошо согласуется с возрастом стоянок. Особенно высокий процент орудий из отщепов на стоянке Родники 4 можно расценивать как важный хронологический показатель, указывающий на то, что эта стоянка моложе других раннепалеолитических стоянок таманской группы. Этому как будто не противоречит и ее геоморфологическая позиция.

Предварительные исследования стоянки Родники 4, позволившие выявить значительное технико-типологическое сходство ее археологического материала с материалами ряда других разновозрастных олдованских стоянок Таманского полуострова, дают основание предполагать, что археологические комплексы всех этих таманских стоянок (Кермек, Родники 1–4, Богатыри) представляют собой, по сути, одну раннепалеолитическую индустрию (традицию). Я отношу ее к особому варианту олдована. Данная индустрия существовала в Южном Приазовье на протяжении более 500 тысяч лет в интервале приблизительно от 2 до 1,1 млн лет назад. С течением времени она эволюционировала в плане технологии обработки камня, хотя основной набор каменных орудий труда в ней мало изменялся. По всей вероятности, это было связано с тем, что древнейшие люди — создатели этой индустрии обитали здесь в благоприятных природно-климатических и экологических условиях, сохранявшихся достаточно стабильными на протяжении эоплейстоцена.

Амирханов, 2006 — Амирханов Х. А. Каменный век Южной Аравии. М., 2006.

Амирханов, 2007а — Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе: Предварительные результаты. М., 2007.

Амирханов, 2007б — Амирханов Х. А. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб., 2007.

- Амирханов*, 2008 — *Амирханов Х. А.* Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.
- Вангенгейм и др.*, 1991 — *Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жигало В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С.* Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М., 1991. № 60.
- Верещагин*, 1957 — *Верещагин Н. К.* Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Труды Зоологического института АН СССР. Л., 1957. Т. 22.
- Громов*, 1948 — *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды Института геологических наук. М., 1948. Т. 48. Геологическая серия: № 17.
- Губкин*, 1914 — *Губкин И. М.* Заметка о возрасте слоев с *Elasmotherium* и *Elephas* на Таманском полуострове // Известия Императорской Академии наук. VI серия. СПб., 1914. Т. 8. № 9.
- Деревянко*, 2006 — *Деревянко А. П.* Раннепалеолитическая микролитическая индустрия в Евразии: миграция или конвергенция? // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. № 1 (25).
- Деревянко*, 2009 — *Деревянко А. П.* Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск, 2009.
- Додонов и др.*, 2008 — *Додонов А. Е., Трубихин В. М., Тесаков А. С.* Палеомагнетизм костеносных отложений местонахождения Синяя Балка / Богатыри // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.
- Ниорадзе, Ниорадзе*, 2010 — *Ниорадзе М., Ниорадзе Г.* Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // С. А. Васильев, В. Е. Щелинский (ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010.
- Тесаков*, 2004 — *Тесаков А. С.* Биостратиграфия среднего плейстоцена-эоплейстоцена Восточной Европы (по мелким млекопитающим). М., 2004.
- Тесаков*, 2011 — *Тесаков А. С.* Изменение положения N/Q границы: последствия для геологической практики: Доклад на заседании Неогеновой комиссии Межведомственного стратиграфического комитета (Геологический институт РАН) 31. 03. 2011 г. М., 2011.
- Титов, Тесаков*, 2009 — *Титов В. В., Тесаков А. С.* Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы VI Всерос. совещания по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 2009.
- Формозов*, 1962 — *Формозов А. А.* Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. М., 1962. № 4.
- Формозов*, 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Щелинский*, 2010 — *Щелинский В. Е.* Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
- Щелинский*, 2011 — *Щелинский В. Е.* Новая раннепалеолитическая стоянка на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.
- Щелинский, Бозински, Кулаков*, 2003 — *Щелинский В. Е., Бозински Г., Кулаков С. А.* Исследования палеолита Кубани // Археологические открытия 2002 года. М., 2003.
- Щелинский, Кулаков*, 2005 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (палеонтологическое местонахождение Синяя Балка) на Таманском полуострове: результаты исследований 2003–2004 годов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы междунар. конф. (18–20 мая 2005 г. Ростов-на-Дону, Азов). Ростов н/Д, 2005.
- Щелинский, Кулаков*, 2009 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри: Синяя Балка и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009.
- Bosinski*, 1996 — *Bosinski G.* Les origines de l'homme en Europe et en Asie: Atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris, 1996.
- Bosinski et al.*, 2003 — *Bosinski G., Ščelinskij V. E., Kulakov S. A. und Kindler L.* Bogatyri (Sinaja Balka) — Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Russland) // Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für D. Mania. Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte. Bd 57. Teil 1. Halle / Saale, 2003.
- Gabunia u.a.*, 1999 — *Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., Justus A., Nioradze V., Bosinski G.* Neue Urmenschenfunde von Dmanisi (Ost-Georgien) // Jahrbuch des Römisch Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz, 1999. Bd 46.
- Jöris*, 2008 — *Jöris O.* Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz, 2008.
- Leakey*, 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge. Vol. 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge, 1971.
- Leakey*, 1975 — *Leakey M. D.* Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines: Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene / Ed. K. W. Butzer, G. L. Issak. Paris, 1975.

Lumley et al., 2005 — *Lumley H. de, Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D.* Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site Dmanissi en Géorgie // *L'Anthropologie*. 2005. Vol. 109, No. 1.

Shchelinsky, Dodonov et al., 2010 — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // *Quaternary International*. Vol. 223–224. September 2010. Elsevier.

Shchelinsky, Tesakov, Titov, 2010 — *Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V.* Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA–SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010)*. Rostov-on-Don, 2010.

Rodniki-4: A New Early-Palaeolithic Site in the Southern Azov Region (Investigations of 2010–2011)

V. E. Shchelinskiy

This article presents information about the Early Palaeolithic site of Rodniki-4 newly-discovered in 2010 on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea area).

This site is situated at a seashore precipice at the height of 16 m above the water level of the Azov Sea, in the immediate vicinity of the well-known Lower Palaeolithic site of Bogatyri. The deposits of the site in question constitute a packet of lithologically differing layers bedded in a stratigraphic sequence with a distinct general westward sloping. On the east they adjoin the mass of the virgin dark-grey clays, presumably of the Kuyalnitsky age. The thickness of the deposits is about 5 m. This type of bedding of the stratified layer reminds very much an ancient terraced incut filled with subaquatic and subaerial sediments.

The archaeological materials are found mostly in a layer of sand-and-gravel deposits with intercalations of pure sand. The general thickness of the layer is about 3 m and it is of aquatic origin. The deposits are rich in fragments of shells of molluscs, predominantly of the genus *Dreissena*, living in fresh and saltish water. Cultural remains, mostly stone artefacts and single bones of mammals (among them a tail vertebra of an elephant and unidentifiable skeletal remains) have been encountered, normally isolated, at different depths throughout the entire layer, including the sand intercalations. The artefacts are well-preserved. Only some of them show more or less distinct traces of water corrosion.

The geological age of the site is so far unclear because no natural-scientific studies have been yet

conducted here. It is only of note that in terms of its position in the relief, this site is lower than the neighbouring Lower Palaeolithic sites of Bogatyri, Rodniki-1 and Rodniki-2. In this respect, it resembles rather the Early Palaeolithic site of Rodniki-3. Taking this fact in consideration, it may be presumed that Rodniki-4 and Rodniki-3 are close in age and, possibly, are the youngest objects (throughout the Eopleistocene) among the Taman Lower-Palaeolithic sites.

During excavation and clearing the talus at the site, 81 stone artefacts and about two dozen of objects with rather uncertain traces of treatment were retrieved. These finds constitute in fact a general collection of artefacts from different strata of the site. However, none of the artefacts stands out in terms of the raw material, state of its preservation or the main technological and typological indications. The collection of undoubted artefacts comprises tools (49 specimens, including two percussors), nuclei (5 specimens) and spalls (27 specimens). All of the artefacts are made from the same local quartzified dolomite. The same material, found here in the form of single slabs of different size, was used at other early Palaeolithic sites of the Taman group.

The assemblage of tools from the site is typically early Palaeolithic. Of note is the presence of choppers, pikes, core-shaped scrapers and numerous side-scrapers while bifacial tools of the handaxe type are absent.

Comparative analysis of the collection of artefacts from the site of Rodniki-4 has shown that it is

to a large extent similar to finds from other Oldowan sites on the Taman Peninsula (Bogatyri, Rodniki-1, Rodniki-3, Kermek). This similarity is distinctly manifested through all of the main parameters — the raw material, technology of making, categories and some types of the tools represented. Such Early-Palaeolithic types of tools as choppers, pikes, massive side-scrapers and core-shaped scrapers are the most distinctive and commonest for all the sites. At the same time, the industry of the newly discovered site shows certain peculiarities. Going into no details, it must be mentioned only that these peculiarities are manifested primarily in the technology of the initial treatment of stone and, in particular, in the fact that at this site tools made simply from debris are considerably less numerous while a very important role belongs to tools on blades produced specially by knapping cores. Almost half of all the tools (46,8 %) are made from such blanks. For comparison, at the oldest site of Kermek, the percentage of tools on blades is only 28,3 %, at Rodniki-1 — 28,6 %, at Bogatyri, which is younger than Kermek and Rodniki-1, it is 36,8 %. Thus, the quantity of tools made from blades in industries in question corresponds well to the age of the sites. The especially high percentage

of tools on blades at the site of Rodniki-4 can be considered as an important chronological mark indicating that the site in question is younger than other Early-Palaeolithic sites of the Taman group. As it seems, its geomorphologic position does not run contrary to this conclusion.

Preliminary studies of the site of Rodniki-4 have enabled us to reveal the technological and typological similarity of the archaeological materials to materials from a series of other Oldowan sites of different ages on the Taman Peninsula. This conclusion suggests that the archaeological complexes of all these sites (Kermek, Rodniki 1, Rodniki-4, Bogatyri) are in fact a single Lower Palaeolithic industry (tradition). This industry seems to be a special variant of Oldowan industry. This industry existed in the southern Azov area throughout more than 500 thousand years. At the same time, it underwent a certain evolution in terms of the technology of treatment of stone, although the main set of stone working tools changed little. Probably, this was due to the fact that the most ancient people who developed this industry lived here in favourable natural, climatic and ecological conditions, which continued fairly stable during the Eopleistocene.

Плаутино 2: вопросы хроностратиграфии

И. В. Федюнин¹

Стоянка Плаутино 2 обнаружена А. В. Сурковым в 2002 г. В 2003–2005 гг. исследовалась А. В. Сурковым и И. В. Федюниным. Материалы памятника частично опубликованы (*Федюнин, 2006а*. С. 37–47). Общая вскрытая площадь за этот период, включая раскопы и шурф, составила 152 кв. м. В 2005 г. на памятнике были проведены спорово-пыльцевые исследования, уточнена специфика литологических условий залегания материалов разных эпох, на основе применения новой методики фиксации материалов в нижнем слое стоянки было выделено два горизонта залегания находок, ранее рассматривавшихся как единый культурный слой (*Федюнин, 2006б*). В общих чертах в 2005 г. корреляция стратиграфических и литологических данных выглядела следующим образом:

1) материалы развитого — позднего неолита располагались в слоях светлой и темной (сверху вниз) гумусированной супеси;

2) материалы, отнесенные к финальному палеолиту, были четко локализованы в слое опесчаненного суглинка, разбитого морозобойными трещинами. Находки этого времени покрыты глубокой белой патиной, что позволило провести сортировку даже подъемного материала. Слой суглинка был продатирован палинологическим методом аллередом, что сразу же вызвало массу вопросов. Материалы нижнего слоя памятника были отнесены И. В. Федюниным к зимовниковской культуре. Эта точка зрения нашла поддержку среди украинских исследователей (*Залізняк, 2005*. С. 66).

В 2009 г. памятник исследовался раскопом площадью 40 кв. м и прирезкой 2 кв. м, соеди-

нившей раскопы 2003 и 2005 гг. Исследование стоянки, продолженное в 2009 г., после четырехлетнего перерыва, поставило множество новых вопросов, обзор которых позволяет отказаться от упрощенной схемы восприятия материалов, приведенной выше.

В данной работе предпринята попытка хронологического расчленения имеющихся материалов памятника прежде всего на основе данных стратиграфии. За ее рамками остается подробный технико-типологический анализ каменных индустрий разных эпох, который будет проведен после дообследования памятника.

Вопросы топографии, литологии и стратиграфии памятника. Топографическое расположение памятника представляет собой достаточно сложный вопрос. Изучение геоморфологических особенностей поймы р. Савала в ее приустьевой части показывает наличие здесь сложных аллювиальных образований. Не всегда можно определить, с деятельностью какой реки — Хопра или Савалы — они связаны. Тем не менее все они разделяются по высотным отметкам на два уровня: 1–1,5 м и 3–4 м над поймой. Судя по данным шурфовки, проведенной в окрестностях памятника в ходе разведки 2003 г., генезис двух типов этих всхолмлений проходил разным путем. Образования с более низкими гипсометрическими отметками представляют собой прирусловые валы серповидной формы, сложенные речным аллювием (в ряде случаев к ним приурочена старица), либо берега р. Савала, подрезанные современной и древней речной деятельностью. И те и другие служили местом для размещения стоянок мезолита и неолита. К образованиям второго уровня относится стоянка Плаутино 2. Ее генезис более древний. В центральной, наиболее высокой и насыщен-

¹ Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет. Кафедра Отечественной истории.

© И. В. Федюнин, 2012

ной материалами части памятника фиксировался слой опесчаненного суглинка, рассеченного морозобойными клиньями. Наибольшая доля суглинистой фракции приходилась на раскоп 2004 г., соответственно, ее замещение супесью усиливалось по направлению к западу (раскоп 2005 г.), пока она не стала почти совсем неразличимой (раскоп 2009 г.). Примечательно, что овальное всхолмление второго порядка на площади памятника, отмеченное на топографических картах, видимо, совпадает с оставшейся линзой суглинка и, соответственно, границей распространения материалов финального палеолита и раннего мезолита.

Таким образом, все данные свидетельствуют о том, что мысовидное образование, на кото-

ром расположен памятник, представляет собой останец древнего берега р. Хопер, уничтоженный эрозионными процессами разного происхождения. В его основании лежит суглинок, перекрытый более поздними аллювиальными отложениями.

Результаты исследований 2003–2009 гг. позволяют достаточно полно реконструировать картину соотношения данных литологии и стратиграфии памятника. Нужно отметить, что никаких «усредненных» данных по всем имеющимся раскопам и шурфам здесь получить невозможно, хотя бы потому, что на разных участках памятника были вскрыты совершенно разные литологические горизонты. Их характеристика приводится ниже.

Шурф 2003 г.
(западная часть оконечности мысового выступа)

№ слоя	Мощность	Характеристика
1	0,05 м	Дерн; встречены каменные орудия и отходы производства, неолитическая керамика.
2	0,15 м	Слой темной гумусированной супеси; встречены каменные орудия и отходы производства, неолитическая керамика.
3	0,25 м	Слой светлой гумусированной супеси; встречены каменные орудия и отходы производства, неолитическая керамика.
4	с 0,45 м	Материк (белый песок), находок нет.

Раскоп 2004 г.
(центральная часть мысового выступа)

№ слоя	Мощность	Характеристика
1	0,02 м	Дерн.
2	0,13 м	Пахотный слой — серо-черная супесь; слой залегал по всей площади раскопа равномерно; встречены керамика эпох неолита и бронзы, а также одновременные изделия из камня.
3	0,25 м	Темная гумусированная супесь; слой залегал равномерно почти по всей площади раскопа, незначительно уменьшаясь в его восточном углу. В слое содержались находки эпохи неолита и финального палеолита.
4	0,25–0,35 м	Слой коричневого (при высыхании желтовато-коричневого) слабо опесчаненного суглинка залегал равномерно, его мощность уменьшалась с севера на юг на 0,1–0,15 м. Отложения рассечены крупноячеистой сеткой полигональных трещин с интрузивным заполнением, незначительно вдающимися в материк. По мнению д. г. н. А. И. Трегуб, трещины имеют криогенную природу. Исходя из данных по корреляции частоты трещин мощности рассекаемого ими слоя (<i>Шульц</i> , 1973. С. 7), можно предположить, что линза суглинков в древности была ориентирована почти перпендикулярно современной поверхности оконечности террасы. В слое были обнаружены материалы финального палеолита.
5	с 0,8–1 м	Материк — белый песок — залегал несколько выше в центральной части раскопа, понижаясь на юг. Материковые отложения также нарушены морозобойными клиньями, вдающимися на глубину 0,02–0,03 м. Находки в материке отсутствовали; находки в заполнении трещин не образуют планиграфической системы, что говорит о сильном похолодании в районе стоянки после ее оставления населением, скорее всего, в молодом дриасе. Это предположение подтверждается и наличием каменных орудий и заготовок со следами криодеструкций.

**Раскоп 2009 г.
(западная часть мысового выступа)**

№ слоя	Мощность	Характеристика
1	0,05–0,07 м	Слабый дерновый слой. Мощность постоянная на всей вскрытой площади с небольшими перепадами в 1–2 см. Нижняя граница нечеткая, «рваная», местами сливающаяся с ижележащим слоем. Единичные находки неолита во вторичном залегании.
2	0,16–0,18 м	Слой светло-серой гумусированной однородной бесструктурной переотложенной супеси. Судя по данным прошлых лет, подвергался неглубокой вспашке. Не исключено, что именно вспашке этот слой обязан своим существованием. Нижняя граница ровная, явно искусственного происхождения. Содержит переотложенные находки неолита, финального палеолита и мезолита.
3	0,25–0,35 м	Слой темно-серой, местами почти черной или темно-коричневой, гумусированной супеси. Культурный слой неолита. Слой однородный, при высыхании монолитный, содержит мельчайшие сажистые включения, рассеянные равномерно по всей площади раскопа. Нижняя граница четкая, неровная в профиле, размазанная норами землероек. Мощность варьирует в пределах 8–10 см. Здесь встречено основное количество неолитических находок и более древние предметы во вторичном залегании. В нижней части слоя, как видно на профильной развертке (рис. 1), выделяется более древний хронологический горизонт находок мезолитического времени.
4	0,25–0,26 м	Слой желтоватого слабо опесчаненного суглинка. Горизонты залегания находок финального палеолита и раннего мезолита. Слой однородный, монолитный, доля глинистой фракции здесь еще меньше, чем в раскопе 2004 г. Верхняя граница неровная, четкая. На всей вскрытой площади не было встречено ни одной морозобойной трещины. Не вскипает с HCL, не карбонизирован. Представляет собой коренные отложения берега р. Хопер. Профильная развертка демонстрирует наличие здесь двух горизонтов залегания находок.
	прослеженная 0,4 м	Материк. Слой белого бесструктурного рыхлого однородного песка с отдельными мелкими кварцевыми включениями. Находок на вскрытой площади не содержал.

**Восточная прирезка 2009 г.
(центральная часть мысового выступа)**

№ слоя	Мощность	Характеристика
1	0,05–0,07 м	Слабый дерновый слой. Мощность постоянная на всей вскрытой площади с небольшими перепадами в 1–2 см. Нижняя граница нечеткая, «рваная», местами сливающаяся с ижележащим слоем. Единичные находки неолита и финального палеолита во вторичном залегании.
2	0,3–0,56 м	Слой темно-серой, местами почти черной или темно-коричневой, гумусированной супеси. Видимо, представляет собой nepотревоженный культурный слой неолита. Слой однородный, при высыхании монолитный, содержит мельчайшие сажистые включения, рассеянные равномерно по всей площади раскопа. Нижняя граница четкая, неровная в профиле, размазанная норами землероек. Мощность варьирует от 0,3 до 0,56 м с запада на восток. Здесь встречены основное количество неолитических находок и более древние предметы во вторичном залегании.
3	0,23–0,67 м	Слой желтоватого слабо опесчаненного суглинка. Горизонт смешанного залегания находок финального палеолита и раннего мезолита. Слой однородный, монолитный, более глинистый, чем в раскопе 2009 г. Верхняя граница неровная, четкая. В северо-западном углу прирезки на уровне зачистки обнаружена линия морозобойной трещины длиной 0,30 м, шириной 0,03 м. Заполнение трещины (грунт вышележащего слоя) находок не содержало, профиль симметричный, конический, верхняя часть размыта, так что уровень и морфологию впуска определить невозможно. Слой не вскипает с HCL, не карбонизирован. Представляет собой коренные отложения берега р. Хопер.
4	прослеженная 0,4 м	Материк. Слой белого бесструктурного рыхлого однородного песка с отдельными мелкими кварцевыми включениями. Находок на вскрытой площади не содержал.

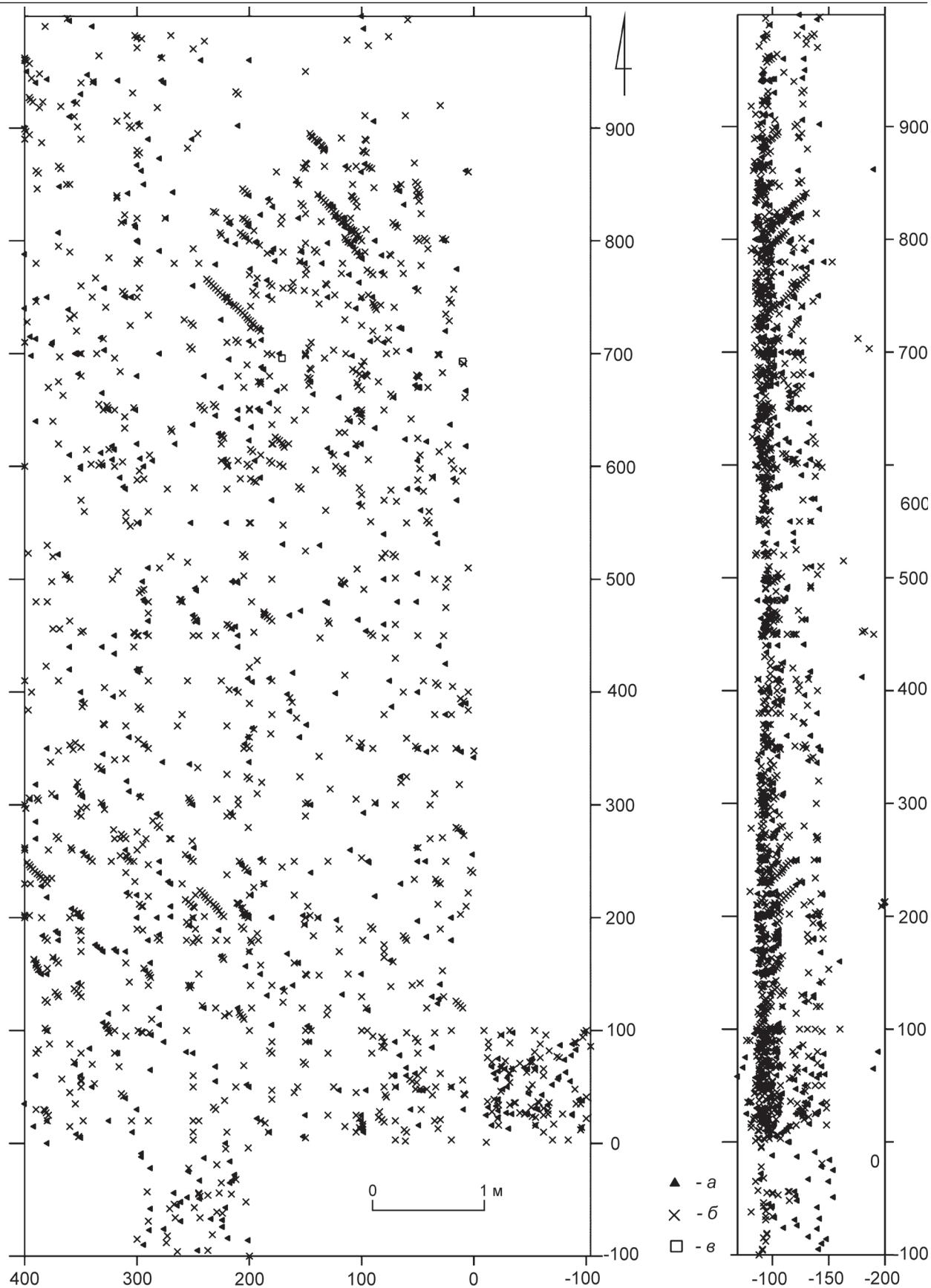

Рис. 1. Плаутино 2. План и профильная развертка находок из раскопа 2009 г. по линии «север—юг». Условные обозначения: *a* — находки финального палеолита; *б* — находки неолита; *в* — находки энеолита и бронзы

Fig. 1. Plautino-2. Plan and profile views of finds from excavation of 2009 along the «north—south» axis: *a* — finds of the Final Palaeolithic; *б* — Neolithic artefacts; *в* — Eneolithic and Bronze Age finds.

Суммарные данные по литологии и стратиграфии памятника позволяют сделать несколько выводов.

1. Линза опесчаненного суглинка в пределах памятника действительно имеет меридиональную ориентировку, что предполагалось еще в 2005 г. По направлению к западу с увеличением супесчаной составляющей она постепенно исчезает совсем. В то же время в шурфе 2003 г. в аллювиальных отложениях во вторичном залегании присутствовали многочисленные патинизированные орудия раннемезолитического облика. Возможно, здесь было исследовано иное обособленное скопление артефактов.

2. В пределах линзы суглинка в раскопе 2009 г. выделяются два горизонта находок. Верхний относится к зимовниковской раннемезолитической культуре. Нижний, представленный материалами импортного мелового кремня и кварцита без трапещей, аналогии которым можно найти в памятниках Костенковско-Борщевского района, скорее всего, относится к финальному палеолиту. Судя по данным спорово-пыльцевых исследований, проведенных на памятнике в 2005 г., именно эти материалы, лежащие в основании слоя, в том числе и разбитого криогенными трещинами, были продатированы аллередом.

3. Помимо уже известных по предыдущим исследованиям материалам неолита в раскопе 2009 г. выделяется серия орудий и заготовок, выполненная в микропластинчатой технике и, возможно, связанная с раннеолитической керамикой.

4. Изучение профильной развертки на уровне слоя темной гумусированной супеси также позволяет выделить здесь под горизонтом простирающихся неолитических материалов параллельно залегающий слой с находками мезолитического времени.

Такая сложная стратиграфическая ситуация обрисовалась достаточно четко лишь в раскопе 2009 г., вскрывшем слабо насыщенную по сравнению с центральными участками периферию памятника, или, вернее, одного из свиты разновременных памятников (рис. 1; 2). Это заставляет еще раз обратиться к имеющимся находкам с особой осторожностью в их хронологической оценке.

Таким образом, в пределах памятника присутствуют не менее трех до-неолитических горизонтов и не менее двух хронологически разных комплексов неолита.

Коллекция финального палеолита. Изделия, отнесенные к финальному палеолиту,² немногочисленны — всего 19 находок, 9 из них — орудия (74 %). Все находки изготовлены из черного мелового импортного кремня, покрыты сплошной глубокой голубой или бело-голубой патиной. Ближайшие выходы этого сырья расположены в 350–400 км к западу от памятника, в бассейне р. Оскол (современная Белгородская область).

Коллекция включает в себя четыре отщепа, осколок, две чешуйки, резцовый скол, две пластины, комбинированное орудие — нож-скребок на крупной пластине, три резца на сломе заготовок, трансверсальный и комбинированный резцы и асимметричное острие со сломанным кончиком и прямым обушком, сформированным крутой, почти отвесной ретушью (рис. 3). Не исключено, что находкам из мелового кремня сопутствовало некоторое количество патинизированных изделий из кварцита, которые невозможно отделить от коллекции раннего мезолита.

Все выявленные находки располагались в основании слоя опесчаненного суглинка (рис. 2). В 2005 г. подстилающий и вмещающий находки литологические слои белого песка и опесчаненного суглинка, разбитого морозобойными трещинами, были продатированы аллередом. Первоначально автором раскопок И. В. Федюниным материалы из патинизированного кварцита и мелового кремня были объединены в одну коллекцию финального палеолита. Сейчас понятно, что этот комплекс был создан искусственно. В то время оснований для таких выводов не было, хотя имели место и определенные сомнения о гомогенности материалов (Федюнин, 2006б). Скорее аллередская датировка соответствует описанной выше коллекции.

По данным исследований прошлых лет можно отметить, что немногочисленные находки изделий из мелового кремня на всей вскрытой площади располагались равномерно, их концентрация увеличивалась по мере приближения к центральной, самой высокой части памятника. Среди изделий из раскопок 2003–2005 гг. можно выделить асимметричное сегментовидное острие на пластине со следами

² Здесь и далее дается технико-типологическая характеристика находок из раскопок 2009 г., на иллюстрациях приведены суммарные данные по исследованиям 2003–2009 гг.

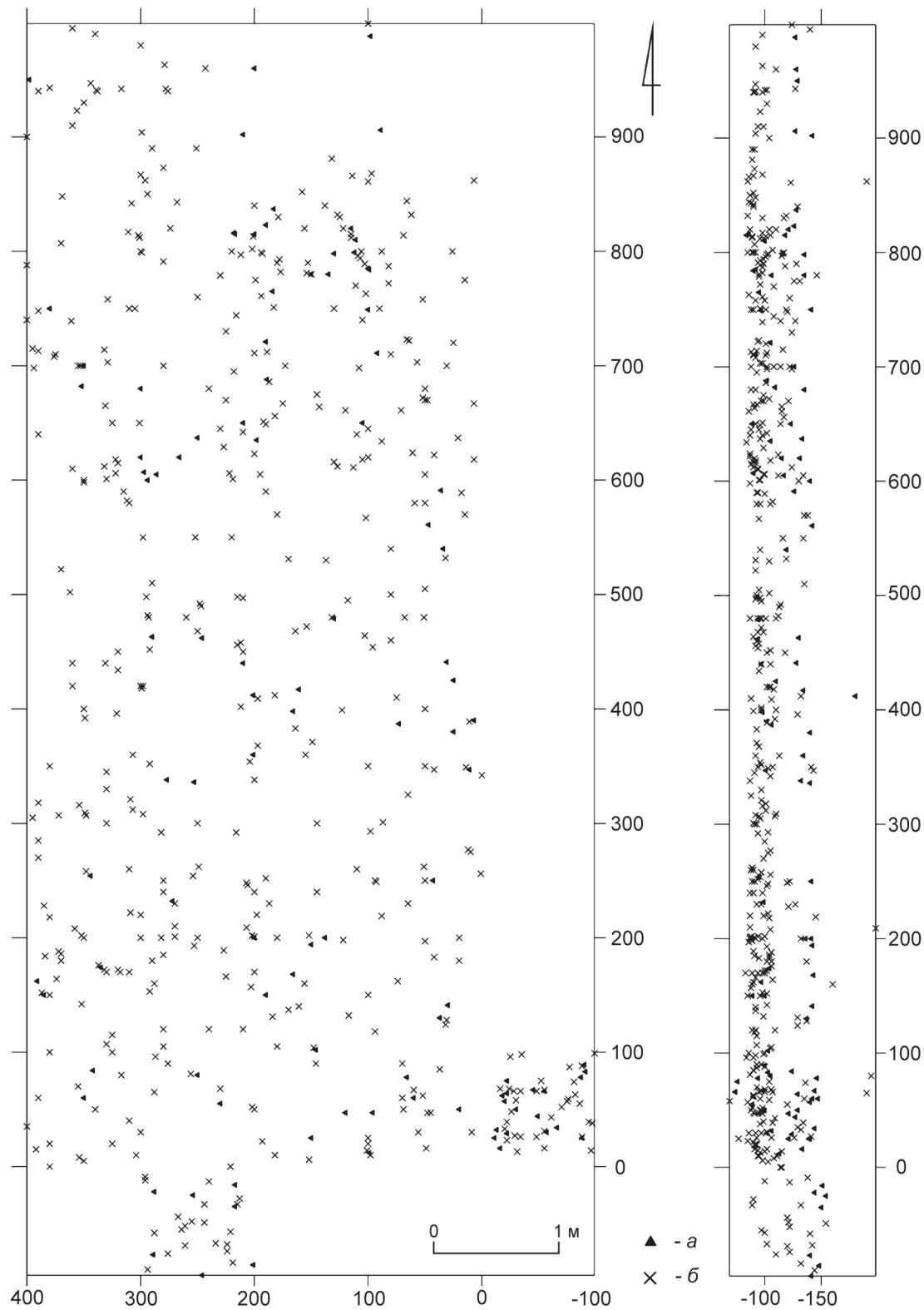

Рис. 2. Плаутино 2. План и профильная развертка находок финального палеолита и раннего мезолита из раскопа 2009 г. по линии «север–юг».

Условные обозначения: *a* — находки финального палеолита; *b* — находки раннего мезолита

Fig. 2. Plautino-2. Plan and profile views of finds of the Final Palaeolithic and Lower Mesolithic from excavation of 2009 along the «north–south» axis:

a — finds of the Final Palaeolithic; *b* — Lower Mesolithic finds.

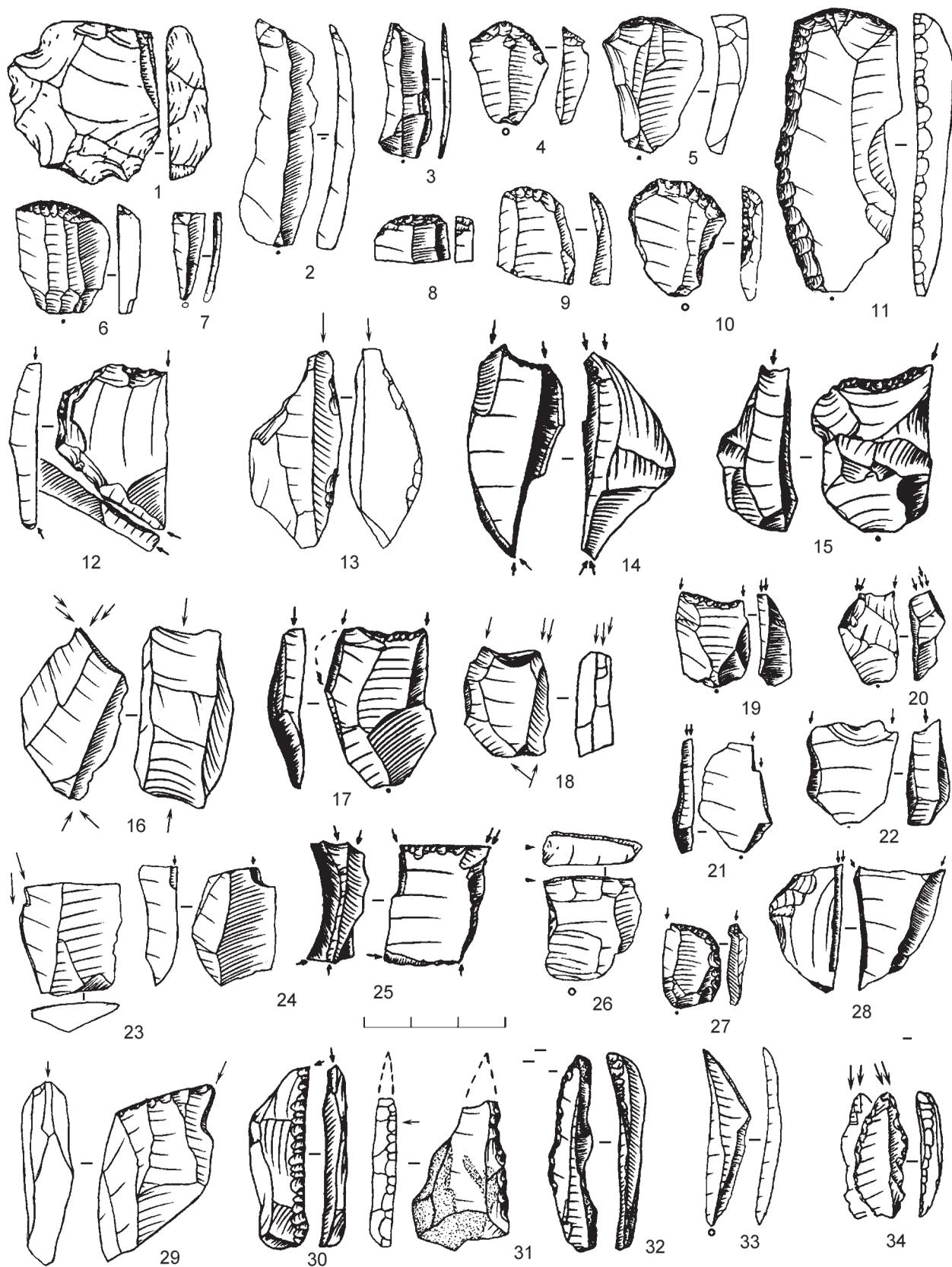

Рис. 3. Плаутино 2. Образцы находок финального палеолита из черного мелового кремня (раскопки 2003–2009 гг.)

Fig. 3. Plautino-2. Examples of Final Palaeolithic artefacts made from black chalkstone (excavations of 2003–2009)

макроизноса в виде мелких резцовых сколов (рис. 3, 34), пластины с притупляющей ретушью (рис. 3, 32), крупные двугранные и ретушные резцы верхнепалеолитического облика (рис. 3, 12–17, 25, 28, 29), концевые скребки с гладкими лезвиями арочной формы (рис. 3, 4–6, 8–11). Техника расщепления мелового кремня остается под вопросом, так как ни одного нуклеуса на памятнике выявлено не было, да и сам состав находок указывает на бережное отношение к этому сырью. Пластины — широкие, как правило, двускатные соответствуют облику верхнепалеолитических длинных сколов. Трапеций или треугольников, изготовленных из мелового кремня, нет.

Среди памятников Среднего Дона некоторое количество аналогий описанным типам орудий из мелового кремня стоянки Плаутино 2 можно найти в материалах первого культурного слоя верхнепалеолитической стоянки Костенки 8 (Тельманская стоянка) (Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 150), хотя говорить об этом с уверенностью нельзя.

Рассматривая вопросы хронологии Плаутино 2, было бы заманчиво связать генезис лежащего выше культурного слоя раннего мезолита зимовниковской культуры с индустрией из мелового кремня, однако общих форм, которые позволили бы сделать такое заключение, недостаточно: это пластины и единственная находка острия с прямым ретушированным обушком.

Коллекция раннего мезолита. Находки встречаются в слое опесчаненного суглинка, выше горизонта финального палеолита в раскопе 2009 г. и в смешанном залегании с этими материалами в восточной прирезке. Концентрация находок в раскопе — 1–4 ед. на кв. м, в восточной прирезке — до 120 ед. на кв. м.

Общее количество находок — 373 экз., из которых 30 орудий (8 %). Найдены три неопределимых обломка трубчатой кости. Находки изготовлены из светло-серого кварцита (99 %) и местного моренного кремня (1 %). Ближайшие выходы обоих видов сырья зафиксированы в обнажении эрозионного останца у с. Плаутино (1 км к северу от памятника). Изделия из камня подверглись разного рода деструкциям. Среди них — регулярная патина, покрывающая изделия с одной (114 экз., 30 %) или всех сторон (245 экз., 65 %); нерегулярная патина (11 экз., 3 %); глубокая, фарфорово-белая (319 экз., 85 %); менее интенсивная (34 экз., 9 %); слабая,

бело-голубоватая (13 экз., 3 %). Два изделия несут следы пребывания в огне, одно — замораживания.

Заготовки и техника расщепления. Информация о технике расщепления может быть получена на основании изучения нуклеусов и сколов. В раскопе 2009 г. встречен только остаточный пирамидальный одноплощадочный нуклеус с подработанными широкими сколами ударной площадкой. На основании данных предыдущих исследований можно отметить, что техника расщепления нуклеусов базировалась на утилизации кварцитовых валунчиков или отдельных, включая в себя этап предварительной подготовки, формирования ребра, вдоль которого производились дальнейшие снятия, и ударной площадки (рис. 4). Эти этапы имели ряд особенностей. Во-первых, следов сплошной оббивки валунчиков, результатом которой было бы получение бифасиальной преформы, нет. Валунчик рассекался перпендикулярно длинной оси, а затем еще раз — вдоль (рис. 4, 2). Полученный острый угол либо сразу же использовался для снятия первых сколов (в коллекциях 2003–2005 гг. много таких трехгранных длинных сколов без следов поперечных снятий — рис. 4, 5), либо незначительно подправлялся для придания симметричности «ребру». Собственно ребристые сколы редко имеют следы поперечной подправки более чем с одной стороны (рис. 4, 8).

Следующий этап расщепления был связан с утилизацией пирамидальных или кубовидных нуклеусов (рис. 4, 1, 3). Первые могли быть одноплощадочными, либо трех-, пятиплощадочными ортогнатными, со следами поочередных снятий на каждой из соприкасающихся площадок. Вторые — только многоплощадочные. Из-за очень близких к 90° значений углов скалывания было встречено много забракованных экземпляров такого типа.

Техника расщепления нуклеусов была направлена на получение преимущественно крупных широких пластин с двускатной и реже — трехскатной спинкой (орудия из пластин — 40 %, из отщепов — 20 %, из обломков — 6,6 %, из осколков — 3,3 %, из кварцитовых отдельных — 3,3 %, из неопределимых заготовок — 23,3 %). Наиболее распространенная ударная площадка у сколов раннемезолитического слоя стоянки Плаутино 2 — гладкая, вытянутой серповидной формы. Некоторое количество фасетированных площадок скорее сви-

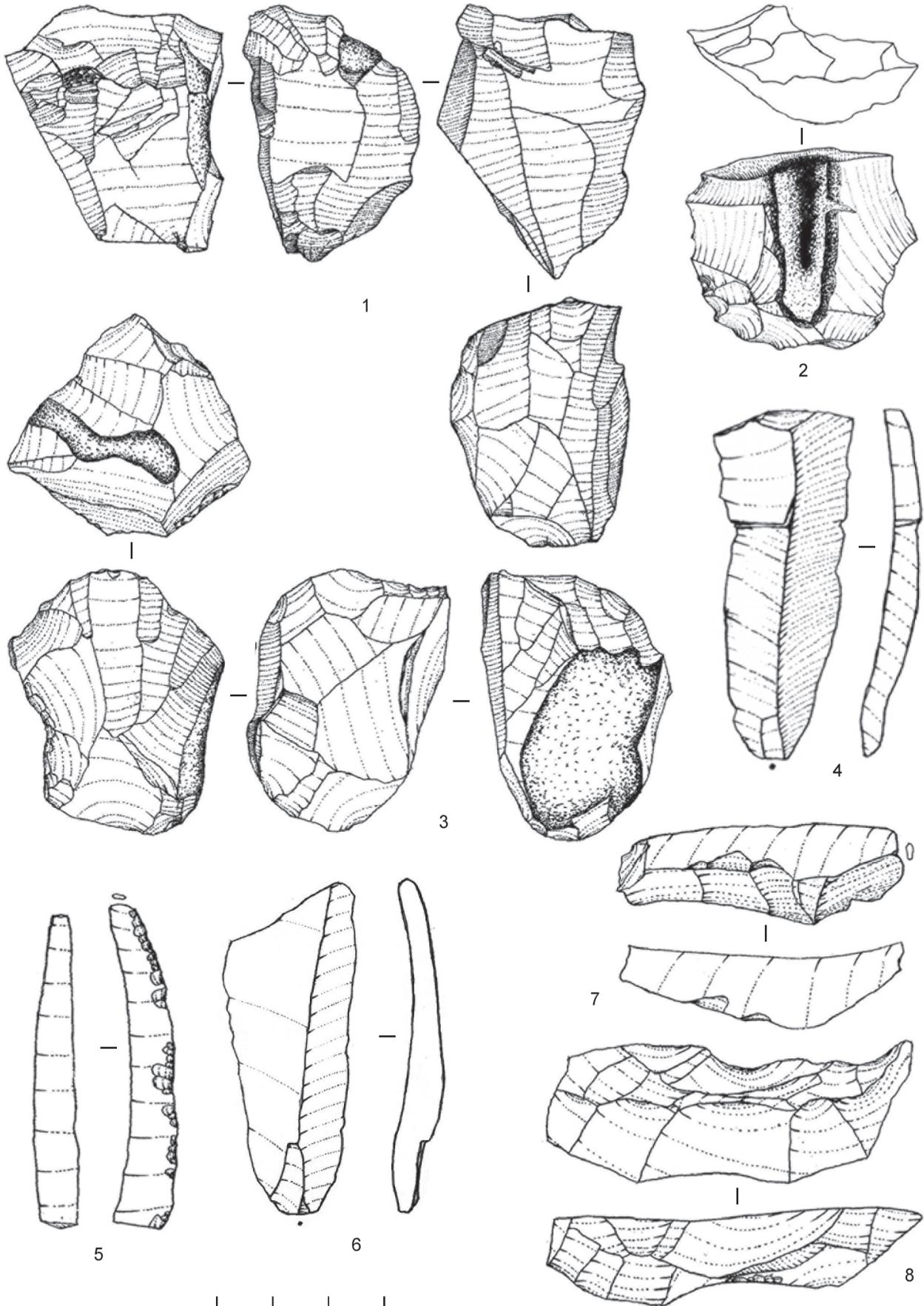

Рис. 4. Плаутино 2. Образцы находок раннего мезолита из кварцита (раскопки 2003–2009 гг.)

Fig. 4. Plautino-2. Examples of Lower Mesolithic finds made from quartzite (excavations of 2003–2009)

детельствует об изготовлении бифасов, чем о редуцировании площадок нуклеусов. На уровне залегания материалов раннего мезолита были встречены несколько кварцевых отщепов и обломков. Вряд ли можно говорить о расщеплении кварца на памятнике. Скорее всего, при использовании кварцевых отбойников, известных по предыдущим исследованиям, от них откалывались случайные отщепы (наподобие техники «block on block» — Гиря, 1997. С. 70).

В коллекции первичные сколы составляют 3 %, полупервичные — 21 %, вторичные — 76 %. Суммарные данные по технике расщепления позволяют сделать вывод об абсолютном преобладании мягкого отбойника. Раскалывание осуществлялось ударом по неподготовленной или обработанной широкими сколами площадке. В результате получались сколы, в том числе длинные.

Вторичная обработка и орудия. Выявленный в ходе исследований комплекс представлен разнообразными орудиями. Подавляющее большинство их, за исключением кремневых резцов и долотовидных орудий, изготовлено из кварцита. Среди орудий раннего мезолита отметим пластины с ретушью, возможно, выполнявшие функции ножей (рис. 5, 11), концевые скребки (рис. 5, 1–10), часть которых, возможно, крепились в рукояти (рис. 5, 6, 7, 9, 10), конвергентные скребла (рис. 5, 14) и скребла с подпараллельными противоположащими лезвиями (рис. 5, 12, 13).

Резцы — двугранные симметричные, комбинированные с другими орудиями.³ Коллекция рубящих орудий пополнилась в 2009 г. новыми типами. Среди них — заготовка удлиненного топорика с неглубоким перехватом (рис. 6, б), заготовка достаточно узкого и длинного орудия, изготовленного на толстом трехгранном сколе путем подтески с бруска (рис. 6, 5), а также топор типа «транше» из крупного отщепа, обработанный со спинки, со следами утилизации по лезвию (рис. 6, 5). Основной тип рубящих орудий, известный по результатам исследований 2003–2005 гг., — подпрямоугольное долото (рис. 6, 1) и трапециевидные тесла (рис. 6, 2, 4).

³ Характер резцовой техники материалов раннего мезолита пока остается под вопросом. Имеющиеся данные стратиграфии не позволили выделить строгое внешнее или технико-типологическое соответствие резцов коллекции этого периода.

Достаточно представительна коллекция охотничьего вооружения и сопутствующих ему изделий (рис. 7). Выявлены пластины со скошенными ретушью концами (рис. 7, 49) и псевдомикрорезцы (рис. 7, 47, 50, 51), треугольники и трапеции, их обломки (рис. 7, 1–38). Особый интерес представляет собой трансверсальное острие — своего рода переходный тип между трапецией и колющим острием, изготовленное на сломанной проксимальной части крупного скола путем подработки последней трети длины края (рис. 7, 53). Другая находка, к сожалению, сломанная, представляет собой пластину, торец которой обработан отвесной ретушью под прямым углом (рис. 7, 46). Вряд ли это обломок трапеции, или, вернее, прямоугольника (таких изделий ранее в материалах памятника выявлено не было). Скорее это обломок тронкированного изделия неизвестного назначения. Собственно острия представлены широкими и узкими изделиями с прямым или арочным ретушированным обушком (рис. 7, 40, 43, 44, 48, 55), а также единичными находками типа федермессер (рис. 7, 41, 42).

Однозначное соотнесение еще двух находок с каким-либо типом затруднительно. Одна из них представляет собой обломок толстой пластины с естественным гладким обушком и противоположащей ему ретушированной выемкой, а также резцовым сколом, нанесенным по слому, образующим острие (рис. 7, 52). Изделия такого типа на других памятниках, например стоянках культуры Бромме, исследователи относят к колющим наконечникам стрел (*Taute*, 1968. Taf. 96). Другое орудие изготовлено из пластины со сломанным дистальным концом путем притупливания половины ее края ретушью (рис. 7, 54). Это изделие представляет собой либо так называемый наконечник с боковой выемкой, либо незавершенную заготовку ножа. В любом случае, оба орудия не являются серийными, а поэтому вопрос об их назначении нужно оставить открытым до проведения новых исследований.

Завершая характеристику орудий раннемезолитического комплекса, нужно отметить, что во вторичной обработке орудий господствует отвесная и крутая формообразующая ретушь, распространены бифасиальная обработка и резцовый скол. В орудийном ансамбле равномерно представлены все основные типы орудий. При этом нужно учитывать, что раскопом 2009 г. была вскрыта периферия стоянки с небольшим

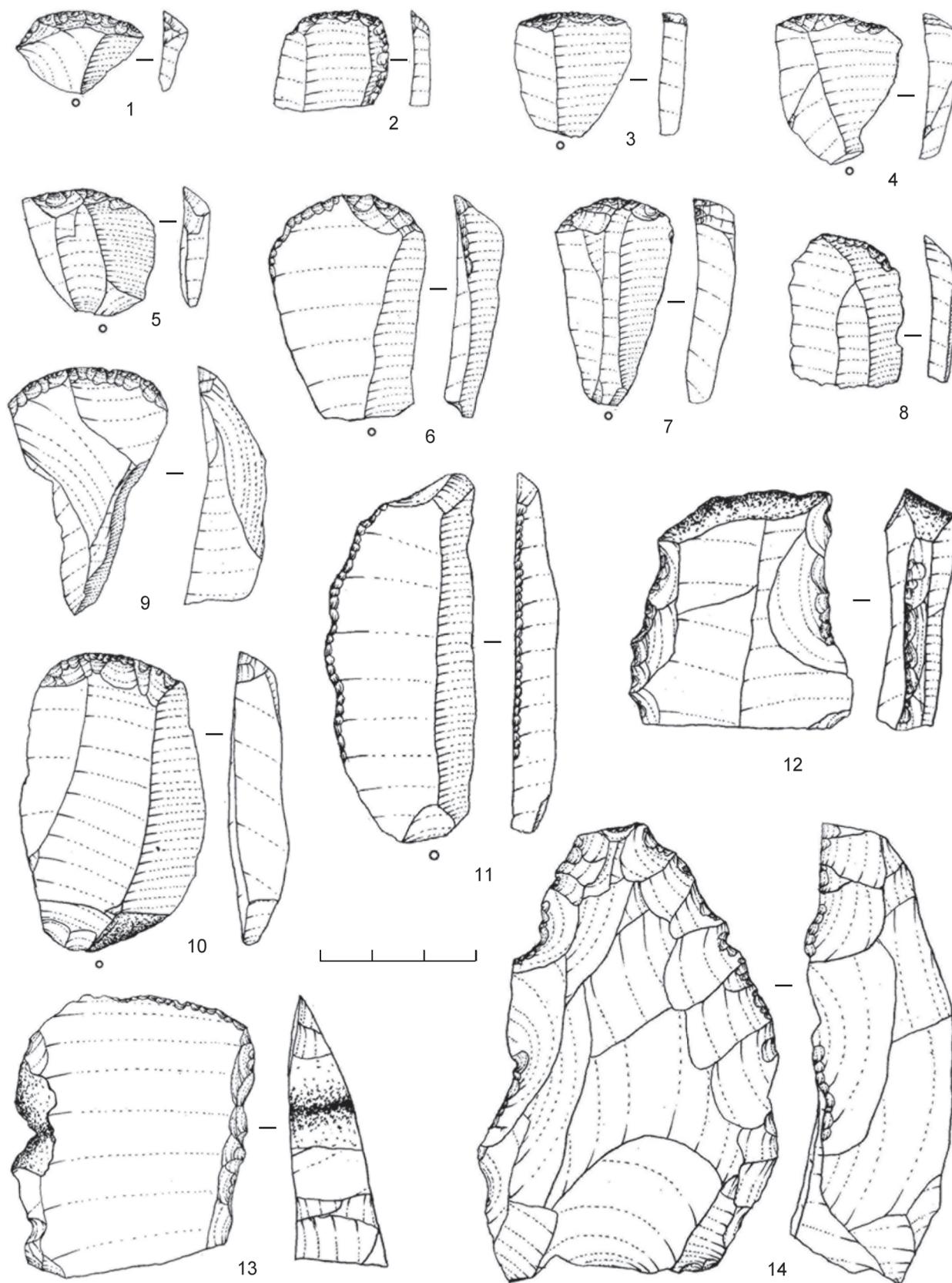

Рис. 5. Плаутино 2. Образцы находок раннего мезолита из кварцита (раскопки 2003–2009 гг.)

Fig. 5. Plautino-2. Examples of Lower Mesolithic finds made from quartzite (excavations of 2003–2009)

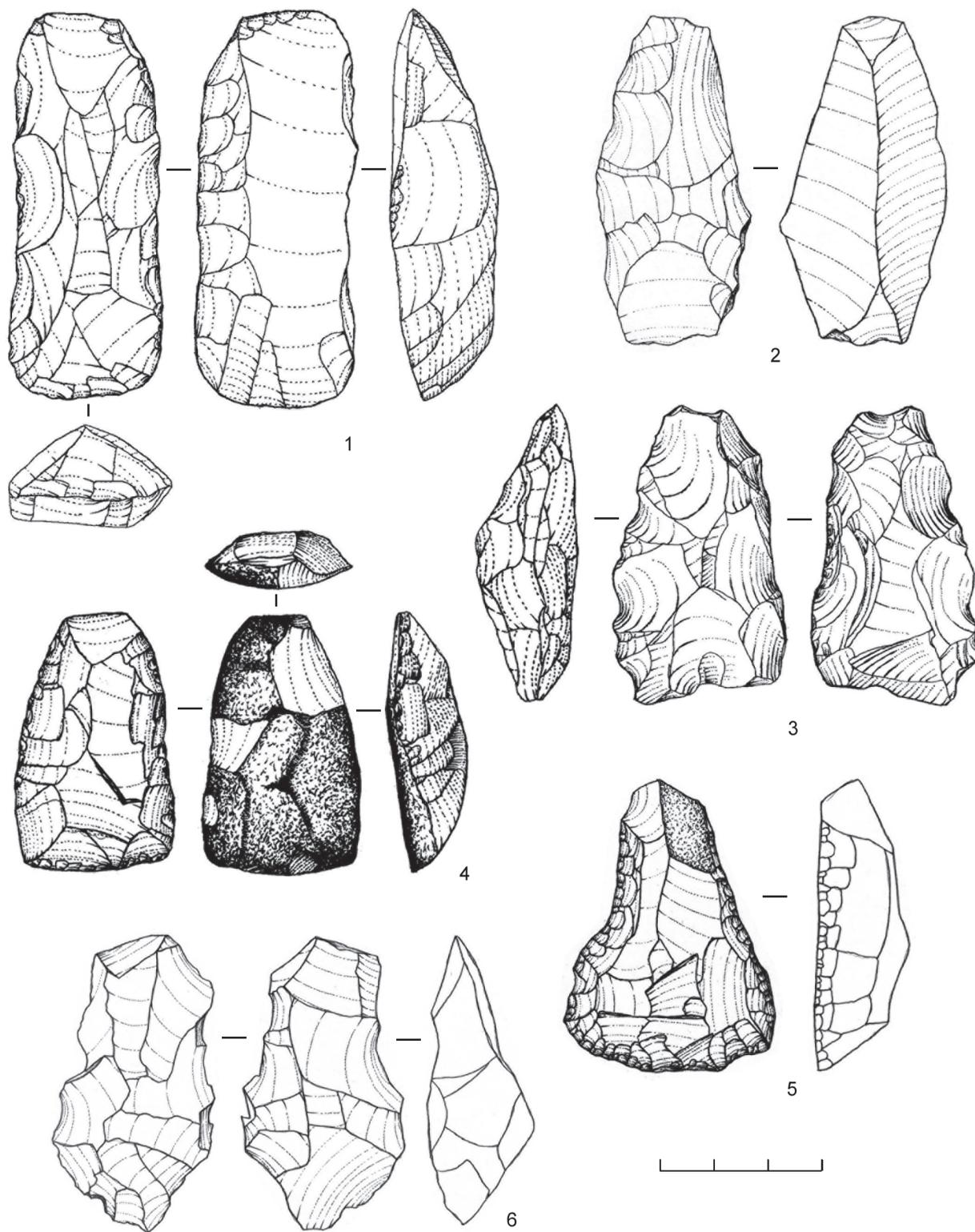

Рис. 6. Плаутино 2. Образцы находок раннего мезолита из кварцита (раскопки 2003–2009 гг.)

Fig. 6. Plautino-2. Examples of Lower Mesolithic finds made from quartzite (excavations of 2003–2009)

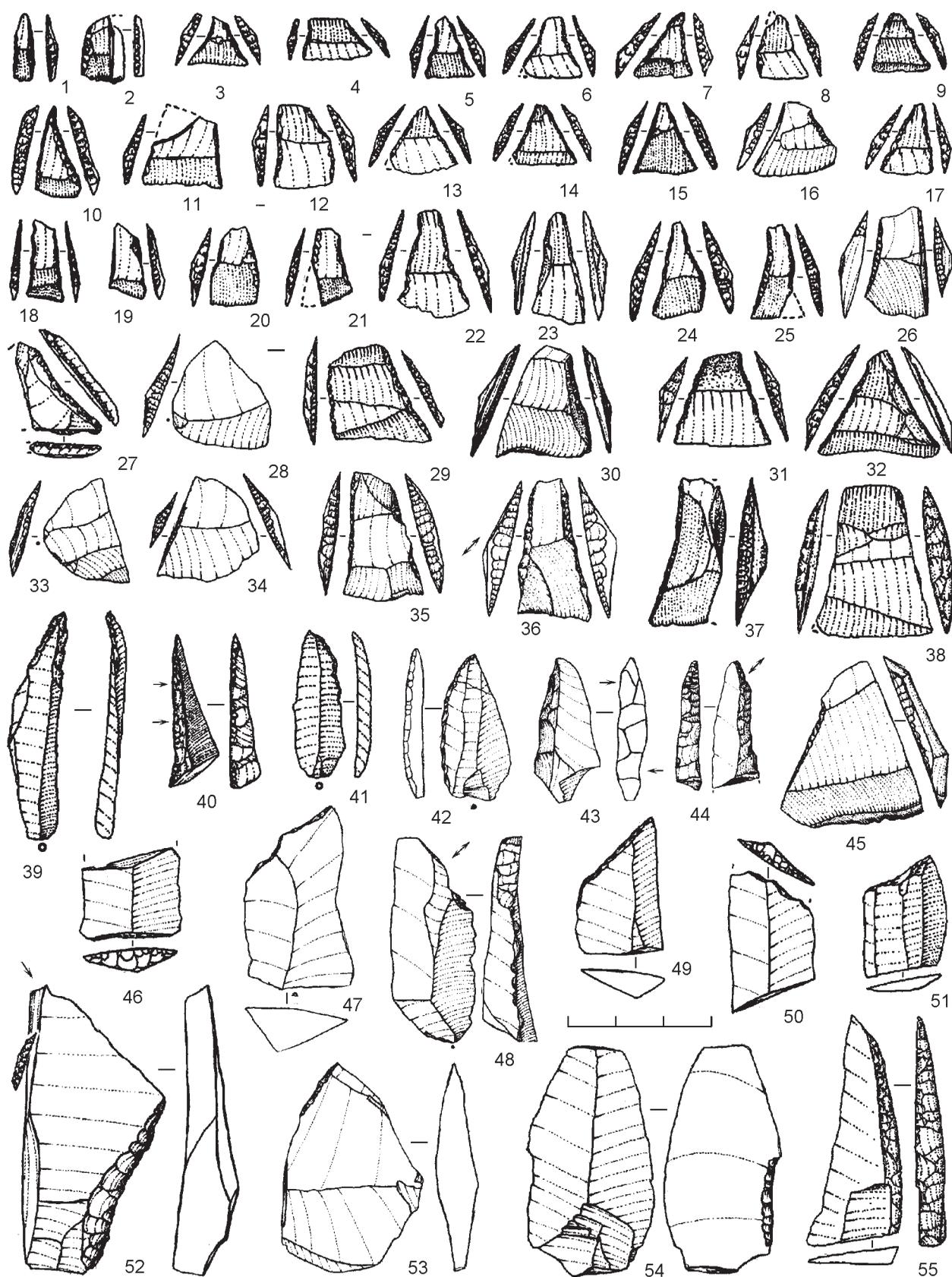

Рис. 7. Плаутино 2. Образцы находок раннего мезолита из кварцита (раскопки 2003–2009 г.)

Fig. 7. Plautino-2. Examples of Lower Mesolithic finds made from quartzite (excavations of 2003–2009)

количеством орудий вообще и восточная прирезка 2009 г., заложенная в центральной части скопления, дала больший процент орудий, близкий показателям прошлых лет.

Описанный выше комплекс был ранее включен автором в круг древностей зимовниковской культуры (*Федюнин, 2006а. С. 47*). Вопрос его датировки был оставлен открытым. Таковым он остается и сейчас. По типологическим аналогиям материалы раннего мезолита вполне могли появиться в пребореале.

Коллекция позднего мезолита. Выделена в ходе исследований 2009 г. на основании изучения стратиграфии залегания находок, техники расщепления, специфического сырья.⁴ Основное количество находок этого комплекса изготовлено из кварцита, а также белого или бежевого в первозданном виде мелового кремня. Это сырье имеет иные условия формирования, чем так называемый оскольский кремень. Выходы такого кремня были впервые обнаружены автором при изучении мезолитической стоянки Четвериково в Донском Левобережье (70 км к юго-западу от Плаутино 2). Специфика мелового кремня сантанских отложений заключается в том, что он имеет многочисленные точечные включения микроорганизмов, а интенсивность патинизации отражается в необычном спектре от рыжевато-коричневого до желто-коричневого и коричневого оттенков.

В комплексе 533 находки, 68 орудий (13 %). Точные данные по составу сырья выглядят следующим образом: кварцит — 279 экз. (50 %), кремень — 226 экз. (40 %), кварц — 15 экз. (3 %), алевролит — 9 экз. (2 %), железняк — 5 экз. (1 %), гранит — 2 экз. (0,5 %), песчаник — 1 экз. (0,5 %), роговик — 1 экз. (0,5 %). Изделия в древности подверглись разного рода деструкциям. Среди них — регулярная патина, покрывающая изделия с одной (10 %) или всех сторон (36 %); нерегулярная патина (19 %); глубокая, коричневая (12 %); менее интенсивная, желтовато-коричневая (40 %); слабая, в виде желтоватой или серой дымки (10 %). 10 изделий имеют следы пребывания в огне (2 %), 24 — замораживания (4 %).

⁴ Здесь и далее при отсутствии датировок наименование «поздний» используется как относительное для характеристики данного комплекса — самого позднего в пределах докерамического периода бытования памятника.

Заготовки и техника расщепления. Техника расщепления камня данного комплекса может быть реконструирована на основе анализа нуклеусов на разных стадиях утилизации, отбойников, сколов (рис. 8, 23–25, 29–31). Кремневые и кварцитовые нуклеусы изготовлены из предварительно подготовленных обломков или уплощенных желваков. Нуклеусов, встреченных в горизонте позднего мезолита, недостаточно для полной реконструкции цикла расщепления. Выявлены торцовые ядрища на естественно плоском краю сломанного желвака (рис. 8, 29), на обломках с предварительно зауженным фронтом (рис. 8, 23, 24, 30) с негативами длинных тонких микропластин и множество истощенных и аморфных (многоплощадочных) нуклеусов. Толстые продольные сколы с нуклеусов также имеют негативы микропластин. В рамках формальной классификации неотличимы от торцовых нуклеусов резцы на сломе заготовки с негативами широких сколов (рис. 8, 25). В принципе, может быть оправданным предположение о двояком назначении этих предметов, в том случае, если не устанавливается последовательность их обработки.

Исходя из общего анализа коллекции нуклеусов, можно отметить, что техника их расщепления базировалась на ситуационном или предварительно подготовленном торцовом раскалывании. Тем не менее даже в первом случае все же проводилась оббивка основания желвака, расположенного противоположно ударной площадке, с целью придать ему коническую форму, скорее всего, для крепления в приспособлении типа шемилки. Нуклеусы на обломках напоминают так называемые челновидные, отличаясь углом нижнего основания.

Техника расщепления камня была направлена на получение длинных тонких симметричных сколов, среди которых высок процент микропластин. Однако микропластинчатая составляющая среди заготовок и орудий позднемезолитического слоя Плаутино 2 отличается от таковой в раннеолитических комплексах территории Среднего Дона и Прихоперья, где процент фрагментированных заготовок и орудий на них превышает количество целых экземпляров (*Федюнин, 2006а. С. 116–121*). В коллекции сколов преобладают гладкие ударные площадки, что в целом соответствует технике раскалывания камня в мезолите. В то же время отмечается большое количество площадок,

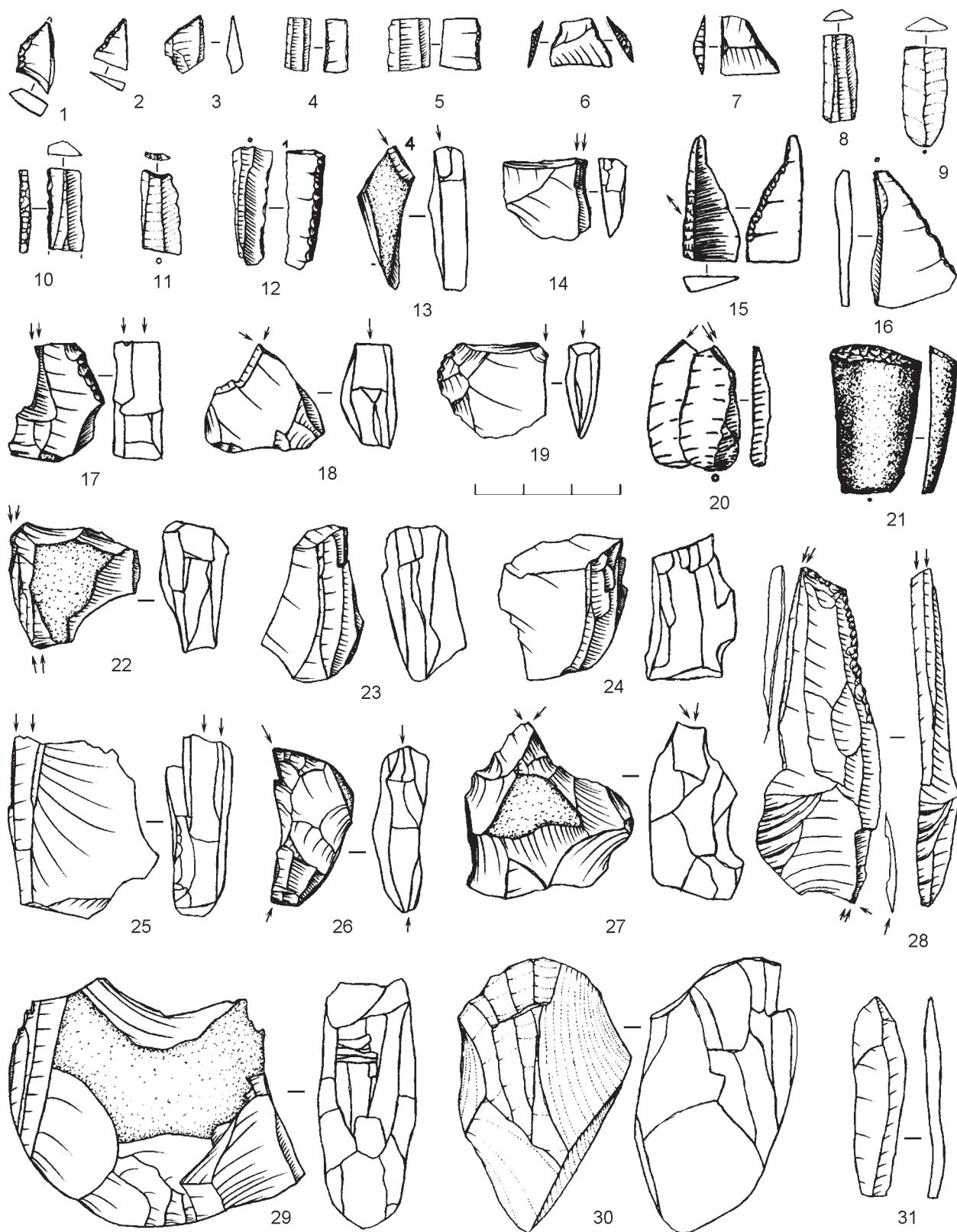

Рис. 8. Плаутино 2. Образцы находок позднего мезолита из белого и желтого сантанского кремня и кварцита (11, 30) (раскопки 2003–2009 гг.)

Fig. 8. Plautino-2. Examples of Upper Mesolithic finds made from quartzite of white and yellow Santonian flint and quartzite (11, 30) (excavations of 2003–2009)

покрытых коркой, связанных с первичным расщеплением, а также линейных.

Среди сколов достаточно много длинных и тонких. Отмеченное выше вместе с другими признаками (кривизна профиля скола, наличие «губы» на проксимальной его части и проч.) позволяет сделать вывод о том, что в технике расщепления преобладал удар мягким и жестким отбойниками примерно в равных количествах, для получения в основном отщепов, а также отжимная техника, использовавшаяся, как правило, для производства пластин.

Завершая характеристику техники расщепления, можно отметить, что она во многом зависела от характера исходного состояния сырья, диктовавшего свои приемы раскалывания, которые сводились к утилизации торцовых нуклеусов. Для изготовления орудий использовались обломки (35 %), отщепы (28 %), пластины (16 %), кремневые гальки (4 %), осколки (3 %), неопределимые заготовки (16 %). С учетом морфологически выраженных орудий можно охарактеризовать индустрию позднемезолитического слоя как пластинчато-отщеповую.

Вторичная обработка и орудия. Несмотря на наличие в коллекции представительной группы аморфных сколов с краевой ретушью, орудия позднемезолитического комплекса достаточно разнообразны.

Резцы, выявленные в ходе исследований, изготовлены на сломанных заготовках (рис. 8, 13, 17, 19, 22, 26) или двугранные (рис. 8, 18, 27), крупные косоретушные в комбинации с двугранными (рис. 8, 28); скребки концевые (рис. 8, 21; 9, 1), боковые (рис. 9, 3) и концевые-боковые (рис. 9, 2); скобель — с оформлением слабо углубленной выемки на конце удлиненной заготовки (рис. 9, 4).

Выразительна серия двустороннеобработанных орудий. Среди них выделяются серповидной формы скребло со сплошной плоской подтеской брюшка (рис. 9, 7), тонкие в профиле подпрямоугольные долотовидные орудия типа *pièce esquillée* со следами забитости лезвийной части (рис. 9, 9, 10), а также заготовки топовидных орудий из целого куска кремня (рис. 9, 5) и отщепа (рис. 9, 8). Еще одно орудие со сплошной обработкой спинки было сломано (рис. 9, 6). Лезвие его угловатое, утилизированное в ходе работы, точное назначение изделия установить нельзя.

В составе коллекции присутствуют малоинформативные находки кончиков острий (рис. 9,

1, 2); проксимальная часть пластины, диагонально скошенная ретушью, — побочный продукт производства геометрических микролитов (рис. 9, 3); обломок средневысокой трапеции (рис. 8, 7); острия, изготовленные на отщепе с естественным гладким обушком и противоположным краем, обработанным мелкой ретушью (рис. 8, 16); острия с прямым частично ретушированным обушком (рис. 8, 15) и симметричные острия со следами макроизноса в виде резцовых сколов, с подправкой одной из сторон крутой ретушью (рис. 8, 20).

Из других находок выделяются пластины и их фрагменты с ретушью (рис. 8, 4, 5), пластины с притупленным отвесной ретушью краем (рис. 8, 10, 12), а также обломок пластины с ретушированной неглубокой выемкой на конце (рис. 8, 11). Орудие такого типа — микролит с торцовой выемкой — выделяется А. Н. Сорокиным в «тип Б» наконечников из стоянки Пургасово 3 (Сорокин, 2004. С. 72). Для нашего памятника достаточных оснований для выделения его в особый тип метательного вооружения пока нет, хотя аналогичные находки встречались в мезолитическом слое стоянки Ямное на Верхнем Дону и в сборах с других памятников Среднего Похоперья.

В целом, необходимо отметить, что выделенный в рамках памятника комплекс позднего мезолита отличается по своим внешним (сырье, патинизация) и внутренним (технотипологические характеристики) особенностям от материалов как финального палеолита, так и раннего мезолита и неолита. Технология расщепления была направлена на получение отщепов и пластин. Среди орудий выразительны резцы с неподработанной площадкой скола, двустороннеобработанные орудия, встречены трапеция и острия.

Сходство описанных выше материалов как в первичном расщеплении, так и в составе орудий обнаруживается с материалами мезолитической стоянки Четвериково, исследуемой автором с 2008 г. Об аналогиях более отдаленного порядка, как и о хронологии комплекса, кроме того, что он был позже раннего мезолита, сказать что-то более определенное пока нельзя.

Выводы. Исследования в полевом сезоне 2009 г. позволили выделить в пределах памятника разновозрастные материалы стоянок финального палеолита, раннего и позднего мезолита, уточнить границы распространения мате-

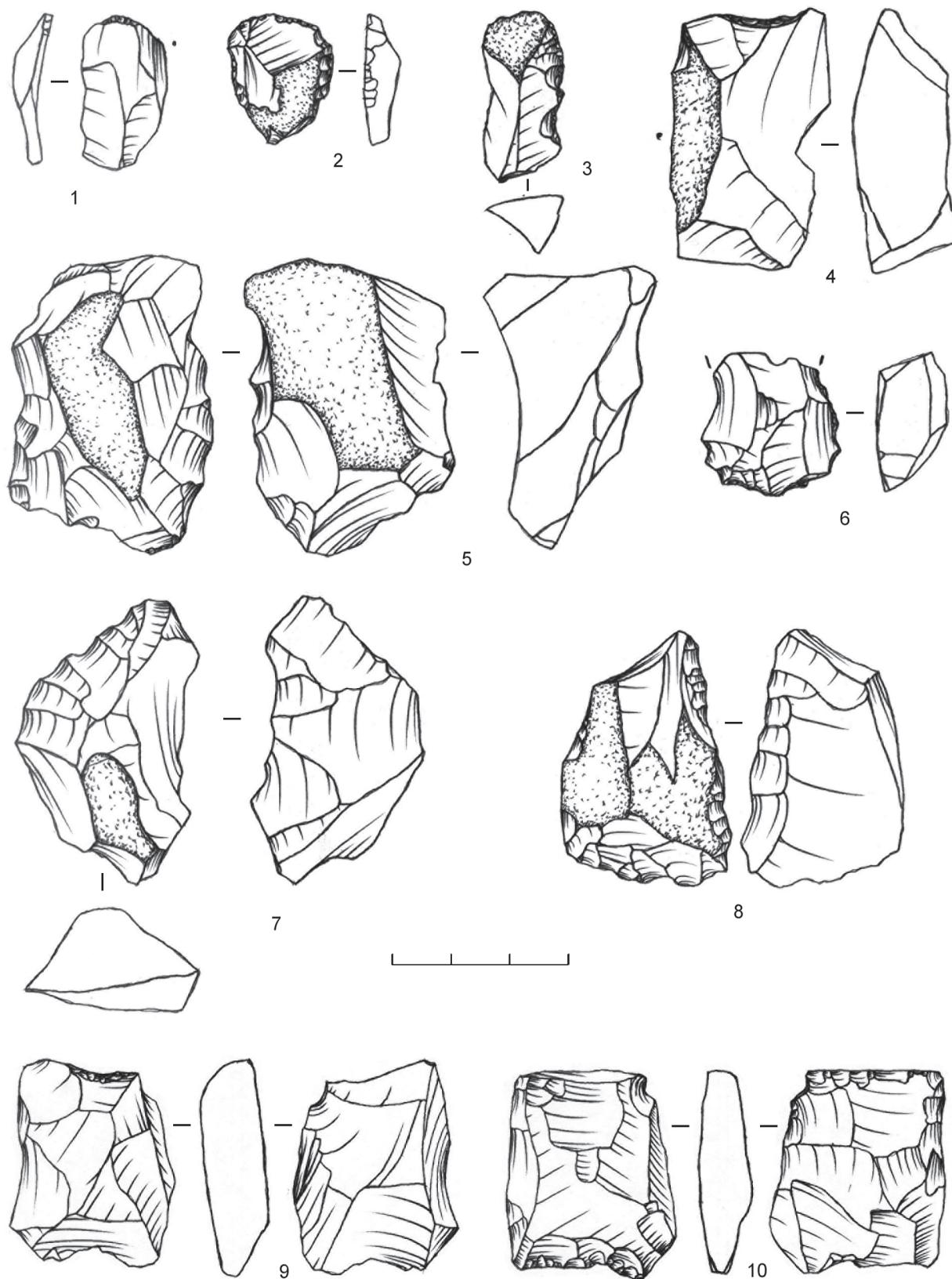

Рис. 9. Плаутино 2. Образцы находок позднего мезолита из белого и желтого сантанского кремня (раскопки 2009 г.)

Fig. 9. Plautino-2. Examples of Upper Mesolithic finds made from quartzite of white and yellow Santonian flint and quartzite (excavation of 2009)

риалов каждой из эпох в пространстве и их культурную специфику. Такая возможность, как ни странно, появилась благодаря исследованию периферийного участка памятника.

Тем не менее проведенные исследования ставят больше вопросов, чем дают ответов. Раскопки прошлых лет сформировали иную картину стратиграфии, хронологии и культурной принадлежности материалов памятника. Думается, что сложности его исследования связаны с исключительно выгодным для охотников и рыболовов расположением стоянки в устье р. Савала, что выразилось в появлении здесь переслаивающейся свиты разновременных и разнокультурных отложений финала плейстоцена и голоцена. Решение этих и других вопросов может быть получено только путем проведения новых исследований, которые планируется продолжить в течение нескольких полевых сезонов.

Аникович, Попов, Платонова, 2008 — *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Боршевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.

Гиря, 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997. Ч. 2.

Залізняк, 2005 — *Залізняк Л. Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт Континентальної України. Київ, 2005.

Сорокин, 2004 — *Сорокин А. Н.* О мезолите низовьев р. Мокши // Тверской археологический сборник. Тверь, 2004. Вып. 8.

Федюнин, 2006а — *Федюнин И. В.*, Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.

Федюнин, 2006б — *Федюнин И. В.* Об одном подходе к изучению культурных отложений на памятниках каменного века (по материалам раскопок стоянки Плаутино 2) // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006.

Шульц, 1973 — *Шульц С. С.* Планетарная трещиноватость // Планетарная трещиноватость. Л., 1973.

Taute, 1968 — *Taute W.* Die stielspitzen-gruppen Nordlichen Mitteleuropa. Bohlau Verlag. Köln. Graz, 1968.

Plautino 2: hronostratigrafiya questions

I. V. Fedyunin

Excavations carried out in 2009 at the site of Plautino-2 at the middle reaches of the Koper River (the left tributary of the Don) have enabled us to reconsider the issues of the stratigraphy and chronology of stone industries found at this site which previously was considered as a monocultural and single-period one.

Stratigraphic evidence obtained by excavation of the peripheral area of the site can be used in future for studies of stone industries in other its areas because the

conclusions drawn have been confirmed by the outer characteristics of the stone tools (raw material, destructions). In the course of the presented investigations, a horizon of finds of the Final Palaeolithic and Early and Late Mesolithic was identified. The horizon of the Final Palaeolithic is datable to the Allerød period; the materials of the Early Mesolithic cannot be younger than the end of the Boreal Epoch. The chronology and cultural attributions of the other collections require further identification.

Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко¹

С. М. Осташинский²

Закубанская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (начальник Ю. Ю. Пиотровский) в 2007 г. возобновила исследования энеолитического поселения Мешоко, расположенного на южной окраине пос. Каменноостровский, на территории Майкопского района Республики Адыгея. Поселение было открыто в 1958 г. и в течение семи полевых сезонов изучалось Северокавказской экспедицией Государственного Эрмитажа (руководитель — А. Д. Столяр), при участии Кубанского отряда Института археологии (начальник А. А. Формозов). Отчеты об этих раскопках изданы Эрмитажем в 2009 г. (*Столяр, Формозов, 2009*).

Перед началом работ была проведена новая топографическая съемка поселения, внешний вид которого за прошедшие полвека претерпел значительные изменения. В результате совмещения нового плана (рис. 1, *Л*) с планами,³ полученными экспедицией А. Д. Столяра, удалось нанести на новый план раскопы 1958–1964 гг., и появилась возможность оценить ущерб, нанесенный памятнику в результате хозяйственной деятельности. Само открытие поселения произошло вследствие разрушения его северной части карьером, заложенным в 1958 г. Вся центральная часть холма оставалась тогда еще ненарушенной. Впоследствии в ре-

зультате продолжавшейся разработки камня она была фактически уничтожена. Сейчас это место представляет собой чередование ям, траншей, доходящих до скального основания плато, и отвалов, заросших лесом и кустарником. Северо-восточный участок попал под современные отвалы карьерных разработок (на плане обозначены как «отвал грунта»). Изменилось и состояние восточного края поселения Мешоко — сейчас он покрыт лесом, который во время работ экспедиции Государственного Эрмитажа (1958–1965 гг.) полностью отсутствовал. Таким образом, лишь западная и юго-западная части памятника сохранили первоначальный вид и пригодны для проведения археологических работ.

Шурф 2007 г. был заложен на участке с непо потревоженной современной дневной поверхностью, расположенном в западной части поселения между I и II раскопами А. Д. Столяра (ближе к раскопу I — рис. 1, *Л*), в нескольких метрах к востоку от края всхолмления, на котором находится памятник. Это место было выбрано, исходя из наблюдений А. Д. Столяра, согласно которым максимальная толщина культурного слоя приходится на участки, вплотную прилегающие к оборонительной стене. Ее остатки и образуют упомянутый выше крутой край холма. Шурф представляет собой прямоугольник со сторонами 2 и 4 м, короткой стороной ориентированный по линии север — юг. Раскоп был разбит на квадраты со стороной 1 м. Археологические находки присутствуют во всей толще отложений. Их количество в культурном слое поселения чрезвычайно велико — число единиц керамики и кремня (в основном имеющих очень мелкие размеры) превышает 16 тысяч, кроме того, в верхней и средней частях отложений представлено большое количество фаунистических остатков.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 06-06-80168а.

² Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

³ Приношу глубокую благодарность директору ООО «Тайвола» Г. В. Порошину, выполнившему топографическую съемку поселения Мешоко и совмещение планов.

© С. М. Осташинский, 2012

Сразу под дерном был зафиксирован слой комковатого темно-серого гумусированного суглинка, пронизанный многочисленными корнями растительного покрова, средней мощностью 0,25–0,30 м (рис. 1, 3; 2). Находки в нем не образуют горизонта залегания и имеют очень незначительные размеры, фрагменты керамики сильно окатаны. Эти наблюдения, а также отсутствие следов окрашенности, мелких угольков и фрагментов печины — так называемого элементарного заполнителя — не позволяют говорить о сохранившемся *in situ* культурном слое (Беляева, 2002. С. 39–40). По мнению почвоведов, сотрудника Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН А. В. Борисова, принимавшего участие в работах 2008–2009 гг., эта часть отложений является горизонтом современного почвообразования. Слой дерна и слой темно-серого гумусированного суглинка разбирались условными горизонтами по 10 см, находки фиксировались поквadratно.

Лишь на глубине около 0,25–0,30 м от поверхности показали крупные камни и появились первые крупные фрагменты керамики. На уровне 3-го горизонта расчистки, на глубине около 0,35 м от поверхности зафиксировано начало следующего слоя — слоя темно-серого суглинка, насыщенного щебенкой (рис. 1, 3; 2). Его мощность — 0,20–0,35 м. Очевидно, что непотревоженный культурный слой начинается именно здесь — дно этого горизонта представляет отчетливую «жилую поверхность», сплошь усеянную находками, имеющими крупные размеры, камнями и щебенкой (рис. 1, 2). Крупные камни известняковых пород, полностью расчищенные на глубине 3–4-го горизонтов, концентрировались в восточной части шурфа, закономерности в их размещении не прослеживалось. В западной части на этом уровне было зафиксировано скопление отдельных фрагментов обожженной глиняной обмазки. Хотя эти находки и не могут пока интерпретироваться как остатки целостных археологических объектов, они маркируют определенный уровень

культурного слоя (верхнюю часть слоя щебенки), где открытие подобных объектов вполне вероятно. Крупные камни были зафиксированы и А. Д. Столяром в заложенных им трех стратиграфических разрезах 1963–1965 гг., а в верхней части отложений раскопа V (1964 г.) они располагались полукругом, напоминая основание легкого жилища. Т. е. присутствие в культурном слое крупных камней является характерной чертой заключительного этапа существования памятника (Столяр, Формозов, 2009. С. 105–106, 140–141). По предположению А. Д. Столяра, камни происходят из разрушенной оборонительной стены, окружавшей Мешоко по периметру. Начиная с 3-го горизонта расчистки и до основания отложений разборка культурного слоя производилась с помощью ножей, мощность горизонта составляла 4–6 см, крупные находки фиксировались на плане.

Следующий слой, содержащий находки в большом количестве, — слой светло-серого гумусированного суглинка был зафиксирован на глубине 0,60 м от поверхности, на 9-м горизонте расчистки (рис. 1, 3; 2). Этот слой имеет более легкую и однородную структуру, чем вышележащие слои. По предположению А. Д. Столяра, светлая окраска определяется присутствием в его заполнении большого количества золы (Там же. С. 71–72). Максимальную мощность этот слой имеет в западной половине раскопа — 0,30–0,45 м, а в восточной части он постепенно выклинивается и исчезает.

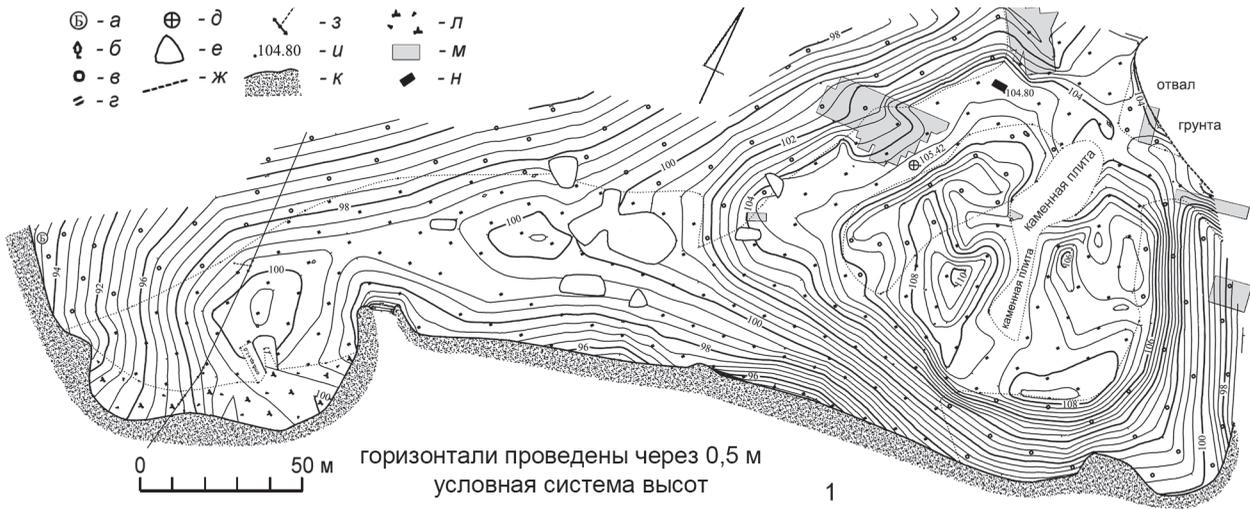
В самом основании отложений на глубине в среднем 0,90–1,00 м находится слой черного гумусированного суглинка мощностью 0,10–0,20 м (рис. 1, 3; 2). Он содержит небольшое количество находок и, вероятно, как и предполагал А. Д. Столяр, является древней дневной поверхностью, на которой обосновались первые поселенцы Мешоко, т. е. погребенной почвой (Там же. С. 14). Под этим слоем располагается материк, состоящий из окатанной известняковой гальки и крупных камней, покрывающих известняковую скалу. В отличие от современной дневной поверхности, а также зафиксированных

Рис. 1. 1 — План плато Мешоко (съемка В. Г. Порошина); 2 — поселение Мешоко 2007 г., горизонт 3, вид с юга; 3 — западная стенка шурфа.

Условные обозначения: *a* — бетонная плита; *b* — отдельно стоящее дерево; *в* — лес; *г* — луг; *д* — репер; *e* — яма; *ж* — отвал грунта; *з* — линии электропередач; *и* — относительные высотные отметки; *к* — скала; *л* — каменистые россыпи; *м* — раскопы 1958–1964 гг.; *н* — раскоп 2007 г.

Fig. 1. 1 — Plan of the Meshoko Plateau (photo by V. G. Poroshin); 2 — Site of Meshoko in 2007, horizon 3, view from south; 3 — the western wall of the pit

Notations: *a* — concrete block; *b* — isolated tree; *в* — forest; *г* — meadow; *д* — reference point; *e* — pit; *ж* — earthen waste; *з* — electricity transmission lines; *и* — relative height marks; *к* — rock; *л* — stone scatterings; *м* — excavation pits of 1958–1964; *н* — excavation of 2007.

слоев, расположенных почти горизонтально, уровень материка характеризуется значительным понижением по направлению с востока на запад. Перепад по северной стенке составляет 0,66 м (рис. 2, 4).

В основании серого слоя на глубине около 0,9–1,0 м от поверхности (14-й горизонт расчистки) был выявлен второй уровень концентрации находок и крупных камней, позволяющий говорить о сохранившейся «жилой поверхности». Скопление камней, зафиксированное в западной части шурфа, по форме напоминает треугольник, основание которого на квадратах А1 и А2 уходит в северную стенку, а вершина находится на границе между этими квадратами у южной стенки шурфа (рис. 1, 3). Камни залегают на слое черного гумусированного суглинка (погребенной почвы) и перекрываются слоем светло-серого гумусированного суглинка, т. е. культурным слоем. Стратиграфическое положение, а также отсутствие следов окатанности говорят об искусственном происхождении этого скопления. Его назначение пока остается неясным.

Остальная часть культурного слоя характеризуется отсутствием структурности, т. е. находки не образуют скоплений, закономерности в их расположении не обнаруживаются. Ниже дается предварительная характеристика обнаруженного материала по слоям и условиям горизонтам расчистки.

Слой дерна и слой темно-серого гумусированного суглинка (1–2-й горизонты). Всего в верхней части отложений (глубина до 0,30 м) найдено 2659 фрагментов керамики, подавляющее большинство которых имеет очень малые размеры. Количество крупных фрагментов постепенно увеличивается. Так, в слое дерна только несколько фрагментов превышают размерами 3 см, а во 2-м горизонте из 1859 фрагментов керамики 115 экз. имеют размер от 3 до 5 см и 12 экз. — более 5 см.

Фрагменты венчиков энеолитических сосудов найдены в количестве 27 экз. (рис. 3, 1, 3, б). Все они имеют небольшие размеры, в тесте примесь известняка (15 экз.) или кварца (12 экз.). Для сосудов с примесью известняка характерна нелощеная пористая поверхность (14 экз.), с примесью кварца — грубая, шероховатая. Наиболее часто стенки сосудов украшались жемчужным орнаментом. Подобных фрагментов насчитывается 28, большая часть

которых (20 экз.) имеет в тесте примесь известняка и пористую поверхность.

Отличительной чертой описываемого слоя является наличие некоторого количества поздней керамики. Наиболее выразительны 10 фрагментов с прочерченным орнаментом в виде заштрихованных полос, треугольников и углов. В одном случае прочерченный орнамент сочетается с неглубокими ямками (рис. 3, 4, 7, 10, 12). Подобная керамика может быть датирована концом бронзового—началом железного века. Вероятно, к этому же времени относится и фрагмент открытого сосуда в виде небольшой глубокой чаши с плавно отогнутым венчиком (рис. 3, 13). Кроме того, найдено и несколько фрагментов средневековой керамики. К этой эпохе может быть отнесен фрагмент стенки сосуда с орнаментом в виде параллельных полосок-каннелюр, а также фрагмент, орнаментированный рельефным валиком. Еще 6 фрагментов венчиков и фрагмент плоского дна сосуда с примесью крупной дресвы (рис. 3, 11) отличаются по составу теста, фактуре и цвету поверхности (очень крупные поры, очень крупная примесь и др.) от основной массы керамики и могут быть датированы более поздним, чем энеолит, временем.

Кремневые находки в этой части слоя составляют 1738 экз. (трасологическое определение коллекции см. *Поплевко*, 2010. С. 387–411). Преобладающим видом сырья является серый кремнь, из цветного кремня изготовлено более трети изделий — 634 экз. (36 %). Самую большую категорию находок составляют мелкие отщепы и их фрагменты — всего их найдено 705 экз., что составляет 45 % от общего количества. Следующая по численности группа — это мелкие отходы расщепления: кремневые осколки и обломки — 607 экз. (35 %) и чешуйки — 101 экз. (6 %). Пластинчатых форм (пластин, пластинчатых отщепов и сколов) зафиксировано значительно меньше — 105 экз. (6 %).

Всего в этой части слоя найдено 106 изделий с ретушью (6 %). Наиболее существенной является находка двух сегментов с притупляющей ретушью по дуге (рис. 4, 1–2) и миниатюрного наконечника стрелы с параллельными сторонами. Такая форма орудия обусловлена характером заготовки-пластины, причем острие наконечника расположено в ее проксимальной части (рис. 4, 3). Кроме того, имеется еще

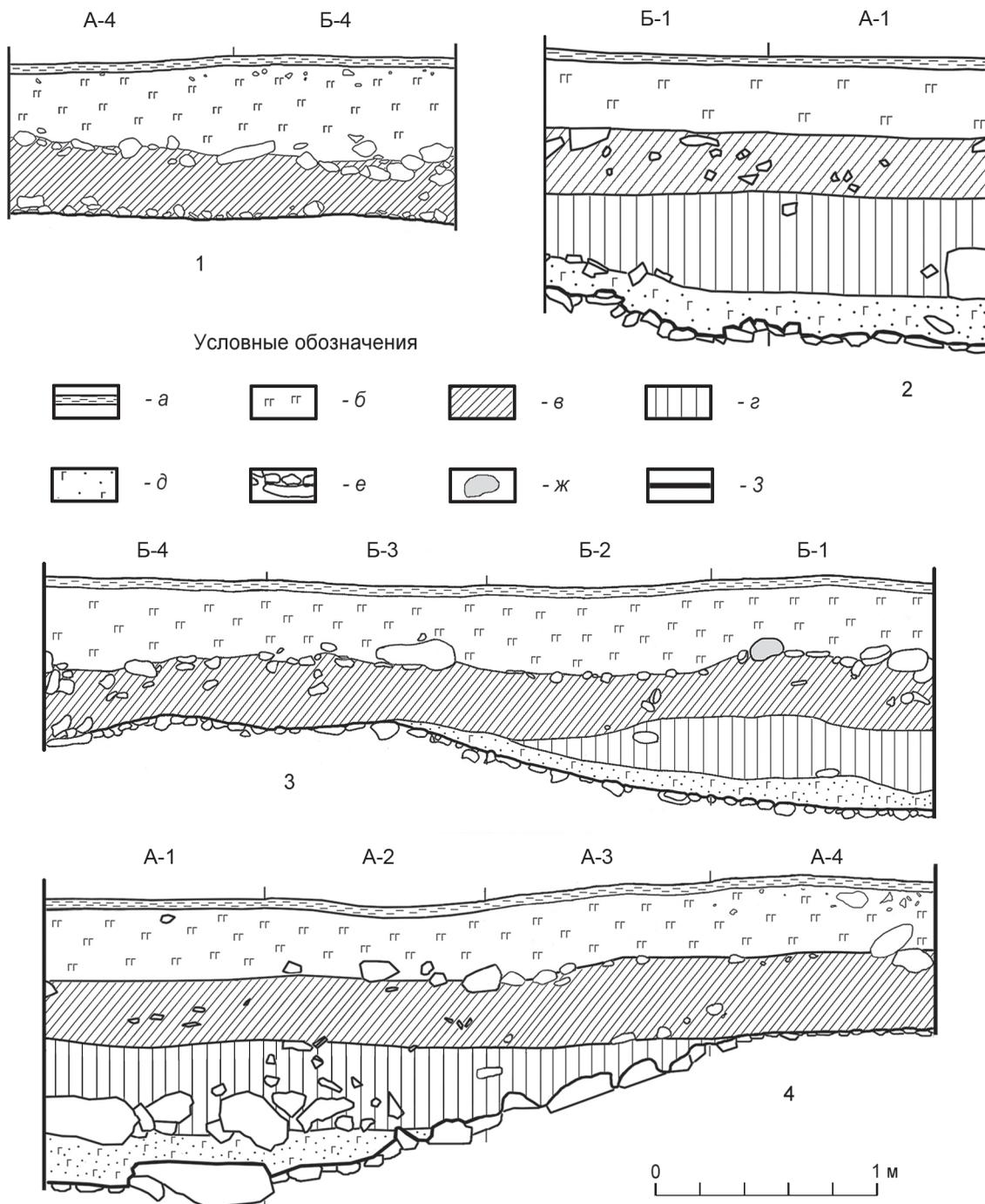

Рис. 2. Поселение Мешоко 2007 г.: 1 — профиль восточной стенки шурфа; 2 — профиль западной стенки; 3 — профиль южной стенки; 4 — профиль северной стенки.

Условные обозначения: а — дерн; б — темно-серый гумусированный суглинок; в — темно-серый гумусированный суглинок насыщенный щебенкой; г — светло-серый гумусированный суглинок; д — черный гумусированный суглинок; е — известняковая щебенка и камни; ж — камень со следами обожженности; з — граница материка

Fig. 2. Site of Meshoko in 2007: 1 — profile of the eastern wall of the pit; 2 — profile of the western wall; 3 — profile of the southern wall; 4 — profile of the northern wall.

а — topsoil; б — dark-grey humic loam; в — dark-grey humic loam with much gravel; г — light-grey humic loam; д — black humic loam; е — limestone gravel and debris; ж — rock with traces of firing; з — surface of the virgin soil

5 фрагментов орудий с двусторонней обработкой, на одном из которых заметны следы заполировки, что говорит об использовании его в качестве вкладыша (рис. 4, 4). Найден также фрагмент заготовки. Скрепки представлены в количестве 7 экз. (3 экз. — мелкие фрагменты), один из них — миниатюрный, имеет ретушь по всему периметру (рис. 4, 5, 6, 11). В единственном экземпляре найдены острие, сверло и проколка на пластинчатых заготовках, а также фрагмент массивного стержневидного ретушера (рис. 4, 10, 12, 13). Среди 27 пластин с ретушью выделяются три пластинчатых вкладыша на узких пластинках (рис. 4, 7, 8), два ножа на крупных, широких пластинах (рис. 4, 15) и фрагмент правильной пластины с ретушью (рис. 4, 9). Самой многочисленной категорией орудий являются отщепы с ретушью — 30 экз., из них наиболее выразительны три орудия с ретушью по большей части периметра. Пластинчатых отщепов с ретушью найдено всего 6, самый крупный из них имеет сходный характер обработки.

Изделия с подтеской насчитываются в количестве 34 экз. (2 %), на трех из них фиксируется ретушь (рис. 4, 14). Эти изделия обычно трактуются как долотовидные орудия, иногда появление подобных форм интерпретируется как следствие применения особой контрударной техники расщепления (Мурашкин, 2007. С. 110–111).

Каменные изделия представлены маленьким шлифованным долотцем (рис. 3, 2), шлифованным теслом (рис. 3, 8) и его фрагментом (обушковой частью), фрагментом сланцевого браслета (рис. 3, 5) и бусиной с биконическим сверлением (рис. 3, 9).

Верхняя часть слоя темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного щебенкой (3–5-й горизонты). В этой части отложений найдено наибольшее количество керамики — 5504 фрагмента, большая часть из них прихо-

дится на 3-й горизонт расчистки — 2460 экз., из которых 65 экз. превышают размерами 5 см, 325 экз. имеют размер от 3 до 5 см.

Фрагменты венчиков насчитываются в количестве 154 экз. Из них 115 имеют примесь известняка в тесте, 36 — кварца. Пористая поверхность фиксируется у 87 фрагментов. Один венчик с примесью кварца в тесте сохранил на внешней поверхности следы покрытия (ангоба?). Большая часть венчиков имеет мелкие размеры, но 26 экз. превосходят размерами 5 см, для некоторых из них возможна реконструкция формы и диаметра. Классификация форм венчиков разработана А. Д. Резепкиным (Резепкин, 2005. С. 74). 19 венчиков относятся к типу плавно отогнутых (рис. 5, 1, 3–5), 17 экз. — отогнуты в верхней части (рис. 5, 2, 6), 2 экз. — слабо отогнутые. Диаметр восстанавливается для 6 фрагментов, 5 из которых имеют диаметр от 14 до 20 см, 1 — 22 см.

Обращает на себя внимание крупный фрагмент венчика и горла сосуда (рис. 5, 1). Он изготовлен с примесью известняка в тесте, при этом одна часть горла имеет пористую поверхность, а другая (горло собрано из двух фрагментов) — нет. Вообще, керамики с пористой поверхностью постепенно становится меньше. В 3-м горизонте расчистки все венчики с примесью известняка имели пористую поверхность, а в 5-м горизонте — только половина из них. Пока нет окончательной ясности, является ли пористая поверхность сосудов результатом действия природных процессов, приводящих к утрате поверхностного слоя черепка и вымыванию примесей, или же она появляется в процессе изготовления.

Наиболее информативной находкой является развал сосуда, обнаруженный на кв. Б-4 в 3-м горизонте (рис. 5, 7). Сосуд имеет примесь известняка в тесте и характерную для керамики верхних горизонтов пористую поверхность желтовато-коричневого цвета. Согласно ре-

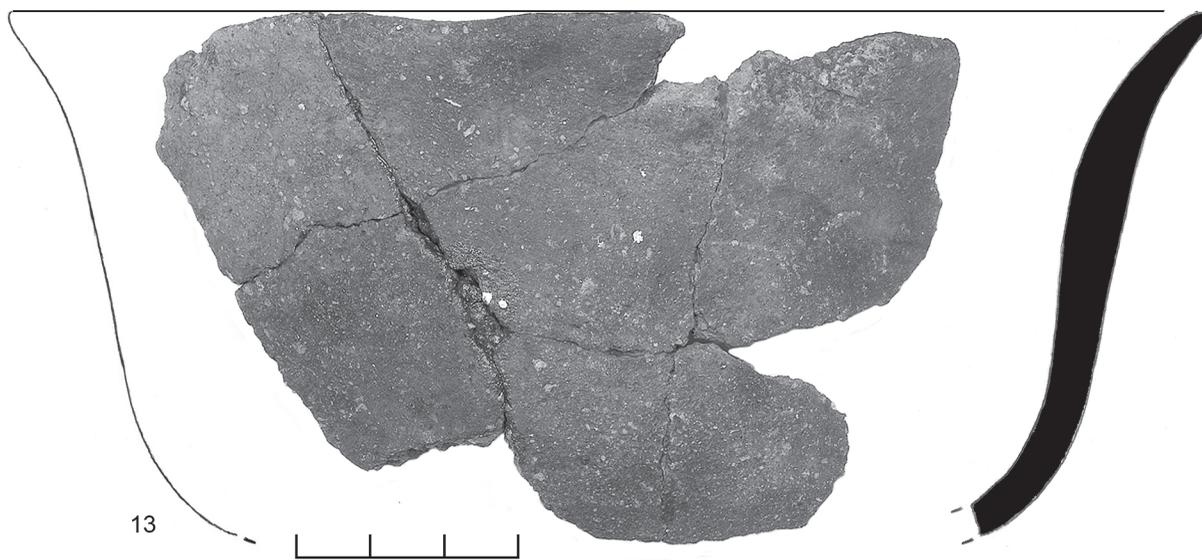
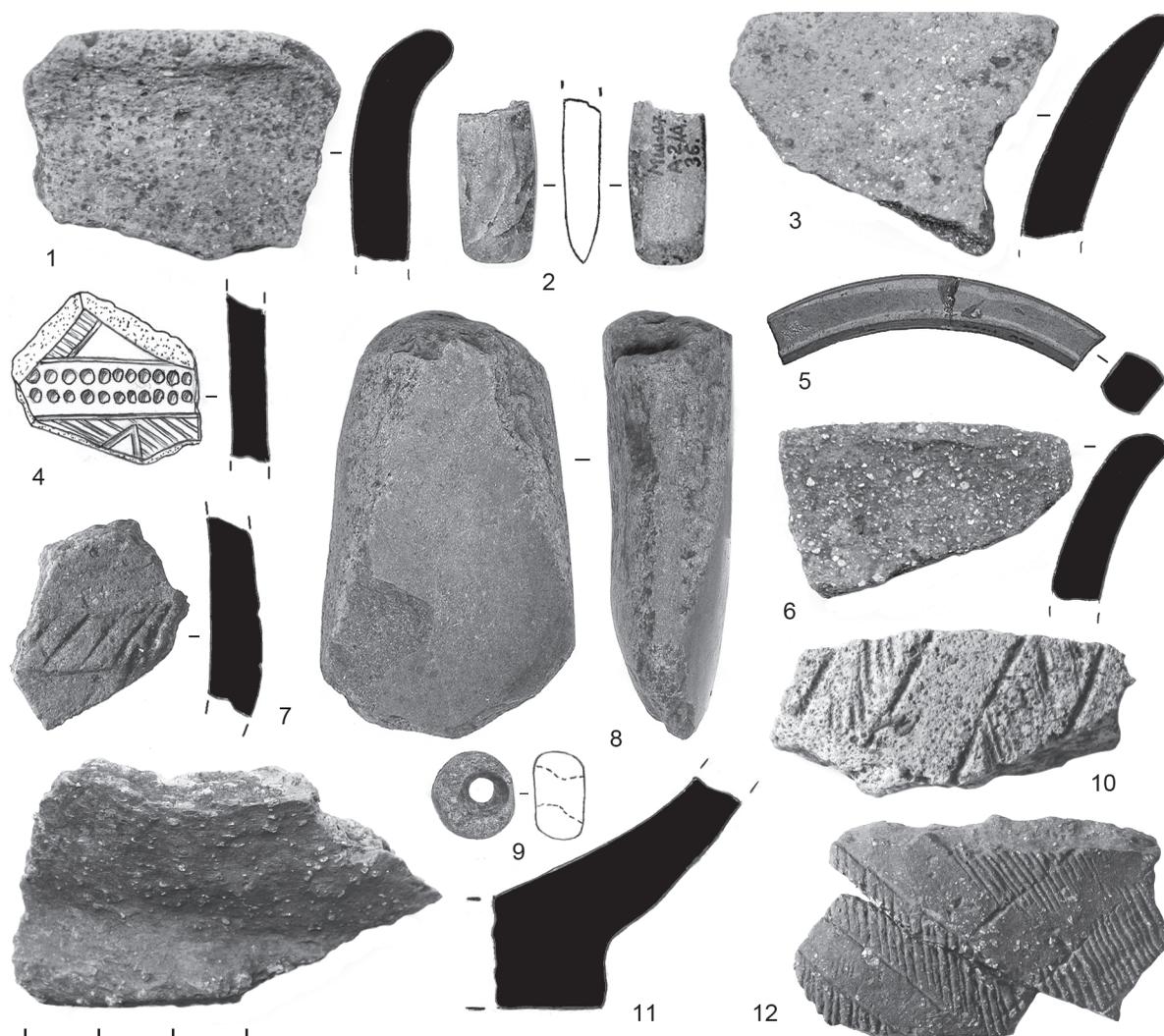
Рис. 3. Поселение Мешоко 2007 г., находки из слоя темно-серого гумусированного суглинка:

1, 3, 6 — фрагменты венчиков; 2, 8 — шлифованные каменные орудия; 4, 7, 10, 12 — фрагменты стенок сосудов с орнаментом; 5 — фрагмент сланцевого браслета; 9 — каменная бусина; 11 — фрагмент донца; 13 — профиль сосуда.

1, 3–4, 6–13 — 2 горизонт; 2 — слой дерна; 5 — 1 горизонт

Fig. 3. Site of Meshoko in 2007, finds from the layer of dark-grey humic loam: 1, 3, 6 — fragments of pottery rims; 2, 8 — polished stone tools; 4, 7, 10, 12 — wall fragments of decorated pottery; 5 — fragment of schist bracelet; 9 — stone bead; 11 — fragment of a pot bottom; 13 — profile of a vessel.

1, 3–4, 6–13 — horizon 2; 2 — topsoil layer; 5 — horizon 1

конструкции он имеет высокое цилиндрическое горло, отогнутый наверху венчик диаметром 20 см, слабовыпуклые плечики и, вероятно, округлое дно. Такая форма, вероятно, является типичной для керамики верхнего слоя поселения Мешоко, встречается и на близких ему памятниках.

Кроме того, в 4-м горизонте найдены фрагменты миниатюрного сосудика в форме чашечки с диаметром венчика 5,5 см и, вероятно, округлым дном (рис. 4, 25). Миниатюрные сосуды ранее были зафиксированы в материалах поселения Свободное (Нехаев, 1992. С. 80). В этом же горизонте найден и фрагмент ленточной ручки, слегка вогнутой в поперечном сечении (рис. 4, 16). Она изготовлена из глины с примесью кварца и красноватого вещества (гематит?), имеет поверхность оранжевого цвета. Эти признаки отличают ее от остальной керамики верхних горизонтов.

В описываемом слое найдено максимальное количество стенок сосудов с жемчужным орнаментом — 191 экз. (рис. 4, 19, 20), большая часть которых происходит из 3-го горизонта расчистки (99 экз.). Как и прежде, для стенок, орнаментированных подобным образом, характерны примесь известняка (их насчитывается 152 экз.) и пористая поверхность (142 экз.); примесь кварца фиксируется у 39 экз. Кроме того, найдено два фрагмента с орнаментом в виде наlepных выпуклин овальной и округлой формы невысокого рельефа (рис. 4, 17, 21) и один фрагмент, украшенный неглубокими ямочными вдавлениями (рис. 4, 22).

Керамики позднего времени в верхней части слоя щебенки найдено существенно меньше, чем в вышележащем горизонте. К ней можно отнести три фрагмента венчиков и один

фрагмент стенки с прочерченным орнаментом, в виде расположенных углом заштрихованных полос, подобный описанным выше.

Количество кремневых находок заметно сокращается по сравнению с вышележащими горизонтами — всего зафиксировано 1036 экз., при этом 402 (39 %) изготовлено из цветного кремня. Отщепы составляют более половины всех находок — 610 экз. (59 %), осколки — 232 экз. (22 %). Доля чешуек сокращается до 2 % (12 экз.). Пластинчатые формы найдены в количестве 61 экз. (6 %).

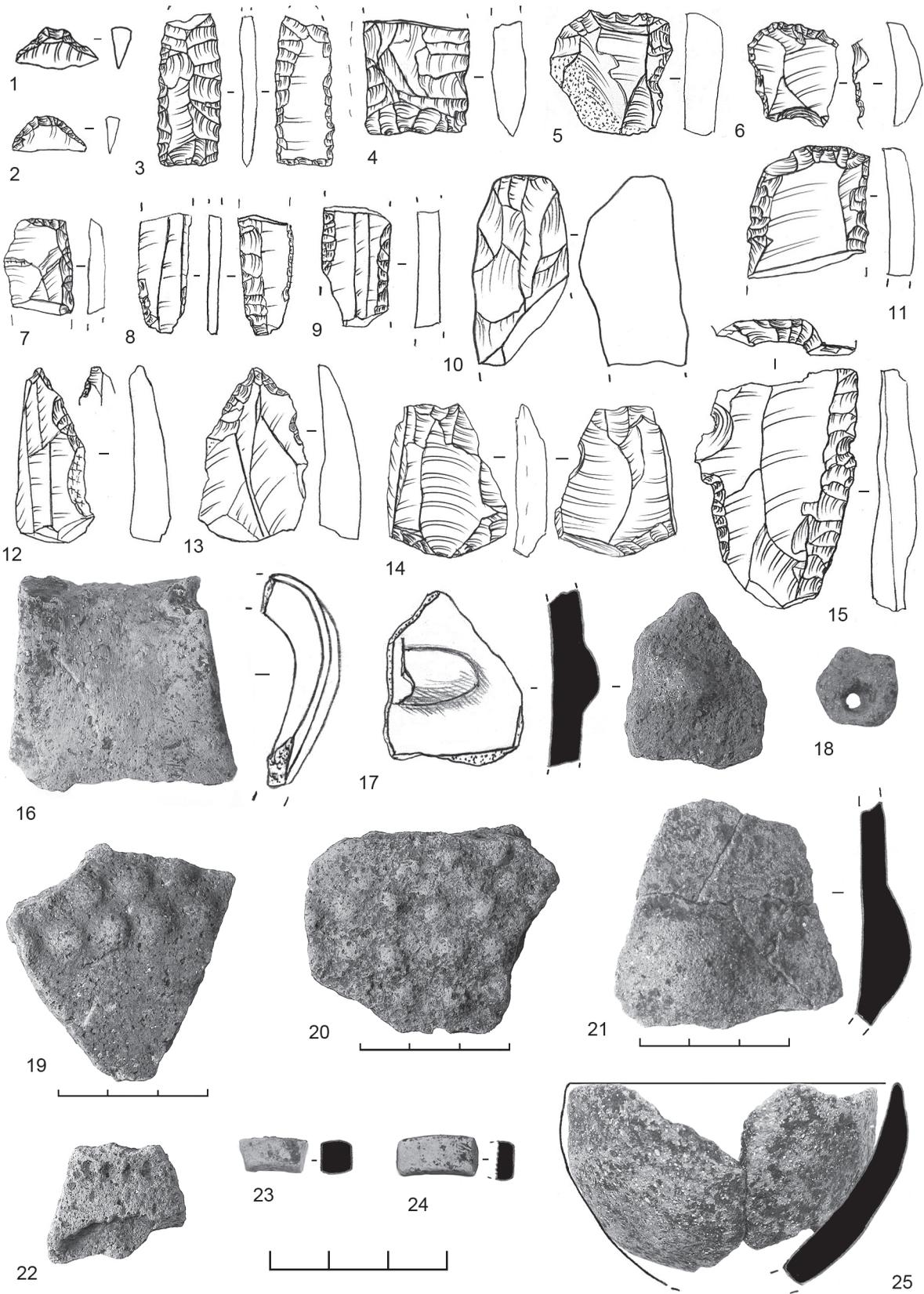
Изделий с ретушью насчитывается 79 экз. (8 %). Среди них наиболее показательны два сегмента из бежевого кремня, обработанные притупляющей ретушью по дуге. Заготовкой одного из них является отщеп, другого — пластина (рис. 6, 1, 2). Изделий с двусторонней обработкой найдено 9 экз. Наиболее выразительны миниатюрный черешковый наконечник стрелы из светло-бежевого кремня (рис. 6, 3) и фрагмент вкладыша из коричневого кремня (рис. 6, 27). Скребок насчитывается 8 экз. (рис. 6, 4, 9–14). Заготовкой одного из них является пластина, 4 экз. изготовлены на пластинчатых отщепах, 3 экз. — на отщепах. Скрепки на пластинчатых отщепах со скругленными углами лезвия (рис. 6, 9, 12–14) являются характерными для верхнего слоя. Среди типологически выраженных орудий следует отметить острие, три проколки, три сверла (провертки) и фрагмент ретушера (рис. 6, 17–20, 25). Пластин с ретушью найдено 15 экз. Из них выделяются два вкладыша с ретушью по большей части периметра (рис. 6, 23–24), нож, обработанный крупной полукрутой ретушью (рис. 6, 26), две массивные пластины с крутой ретушью, вероятно, являющиеся какими-то специализи-

Рис. 4. Поселение Мешоко 2007 г., находки из слоя темно-серого гумусированного суглинка (1–15) и верхней части слоя щебенки (16–25): 1–2 — сегменты; 3 — наконечник; 4 — фрагмент вкладыша; 5–6, 11 — скребки; 7–8 — пластинчатые вкладыши; 9 — фрагмент пластины с ретушью; 10 — фрагмент ретушера; 12 — сверло; 13 — проколка; 14 — изделие с подтеской и ретушью; 15 — нож; 16 — фрагмент ручки; 17, 19–22 — фрагменты стенок сосудов с орнаментом; 18 — керамическая бусина (?); 23–24 — фрагменты сланцевых браслетов; 25 — профиль сосудика.

Условные обозначения: 1 — слой дерна; 2–4, 6, 8–11, 14 — 2 горизонт; 5, 7, 12–13, 15 — 1 горизонт; 16, 21, 25 — 4 горизонт; 17, 19–20, 22–24 — 3 горизонт; 18 — 5 горизонт

Fig. 4. Site of Meshoko in 2007, finds from the dark-grey loam deposits (1–15) and the upper section of the debris level (16–25): 1–2 — segments; 3 — point; 4 — fragment of insert; 5–6, 11 — scrapers; 7–8 — flat inserts; 9 — fragment of a retouched blade; 10 — fragment of retoucher; 12 — borer; 13 — awl; 14 — an object with traces of trimming and retouch; 15 — knife; 16 — fragment of handle; 17, 19–22 — fragments of ornamented ware; 18 — ceramic bead (?); 23–24 — fragments of slate bracelets; 25 — profile of a small jar.

1 — topsoil layer; 2–4, 6, 8–11, 14 — horizon 2; 5, 7, 12–13, 15 — horizon 1; 16, 21, 25 — horizon 4; 17, 19–20, 22–24 — horizon 3; 18 — horizon 5

рованными орудиями (рис. 6, 21, 22), и фрагмент правильной пластины с ретушью. Вторичная обработка также зафиксирована на пяти пластинчатых отщепах, пластинчатом сколе, 14 отщепах, двух первичных сколах и сколе подправки площадки нуклеуса. Изделий с подтеской найдено 27 экз. (3%). Кроме того, здесь найдены образцы кремневого сырья — крупные желваки из серого (9 см) и коричневого (12 см) кремня и один кремневый отбойник.

Наибольшее количество орудий (12 экз.) из камня зафиксировано в этой части слоя: шлифованный топор, две оббитые заготовки топоров или тесел, два фрагмента лезвийных частей, фрагмент обушка. Остальные орудия представлены нетипичными формами: фрагмент цилиндрического в сечении изделия со следами шлифовки, три гальки со следами забитости, одно плоское каменное изделие со следами оббивки на краях и выбоинами на плоской поверхности, фрагмент песчаниковой плитки с двумя параллельными неглубокими канавками на поверхности — следами использования его в качестве абразива. Кроме того, найдены и два мелких фрагмента сланцевых браслетов (рис. 4, 23, 24).

Разнообразные орудия и украшения изготовлялись также из кости. Здесь найдены проколка (рис. 6, 15), фрагмент проколки? (рис. 6, 8) и два орудия, вероятно, предназначенные для кремнеобработки (рис. 6, 7, 16; *Поплевко*, 2002. С. 249–250). Украшения представлены двумя фрагментированными подвесками (рис. 6, 5, 6). Одна из них — каплевидной формы, имитирующая подвески из зубов оленя, типична для верхних горизонтов.

Нижняя часть слоя темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного щебенкой (6–9-й горизонты). В нижней части слоя щебенки фрагментов керамики найдено почти в два раза меньше, чем в верхней, — всего 2976 экз. Части венчиков насчитываются в количестве 92 экз., лишь 12 из них превышают размерами 5 см. По форме они повторяют профили венчиков из верхней части слоя и в основном относятся к типу плавно отогнутых или отогнутых в верхней части (рис. 7, 1–3, 6, 7). В этом слое возрастает количество венчиков, имеющих примесь кварца, — они составляют примерно половину (44 экз.) от общего количества. Почти исчезает керамика, имеющая пористую поверхность, — таких венчиков найдено всего 8 экз. Восстановить диаметры удалось только для че-

тырех фрагментов, происходящих из 9-го горизонта расчистки, два из которых имеют заметные отличия от встречавшихся ранее форм. Слабо отогнутый, завершающийся прямым скосом наружу венчик имеет диаметр 6 см и принадлежит узкогорлому сосуду (рис. 7, 4). Вероятно, в будущем удастся выделить особую группу такой керамики. Второй венчик диаметром 12 см является фактически прямым (рис. 7, 5) и на внутренней поверхности сохранил остатки хорошего лощения. Остальные два фрагмента относятся к сосудам с плавно отогнутым венчиком, их диаметр 16 и 22 см (рис. 7, 1, 3). Поскольку 9-й горизонт расчистки приходится на самую границу с нижележащим слоем светло-серого гумусированного суглинка, а на квадратах линии 1 соответствует его верхней части, он содержит ряд находок, относящихся уже к нижнему слою. Таковы, вероятно, описанные выше венчики новых типов и некоторые фрагменты орнаментированных стенок сосудов.

Отличие керамического комплекса описываемых горизонтов от вышележащих, помимо фактического отсутствия пористости, ярче всего выражается в резком (в девять раз) сокращении количества стенок сосудов, украшенных жемчужным орнаментом. Всего их найдено 21 экз. (рис. 8, 13, 14), лишь пять из них имеют пористую поверхность, а некоторые фрагменты имеют плотный черепок и хорошее лощение. Налепной орнамент зафиксирован на пяти фрагментах стенок сосудов. В 6-м горизонте найден фрагмент с орнаментом в виде прямого налепного валика. На внешней поверхности черепка, имеющего светло-коричневую окраску, есть следы покрытия темно-коричневого цвета (рис. 8, 15). На двух фрагментах с примесью кварца, происходящих из 7-го горизонта, зафиксирован налепной орнамент в виде округлых выпуклин (рис. 8, 5). В 9-м горизонте на квадратах линии 1 и 2 (т. е. уже в нижнем слое) найдены два лощеных фрагмента с налепным орнаментом (рис. 8, 11, 12) — в одном случае это криволинейный налеп, в другом — остатки трех параллельных полос, при этом видно, что на поверхность сосуда перед прикреплением глиняного жгутика наносилась узкая неглубокая канавка. Криволинейный налепной орнамент, помимо Мешоко, найден на поселениях хут. Веселый и Ясеновая поляна (*Столяр, Формозов*, 2009. С. 167, рис. 28, 9), а налепы иной формы пока не находят близких аналогий в

Рис. 5. Поселение Мешоко 2007 г., находки из верхней части слоя щебенки: 1–6 — венчики сосудов, 7 — профиль верхней части сосуда.

1, 3 — 5 горизонт; 2, 4–6 — 4 горизонт; 7 — 3 горизонт

Fig. 5. Site of Meshoko in 2007, finds from the upper section of the debris level: 1–6 — pottery rims, 7 — profile of the upper body of a jar.

1, 3 — horizon 5; 2, 4–6 — horizon 4; 7 — horizon 3

материалах энеолитических памятников Северного Кавказа.

Кроме того, один маленький фрагмент стенки сосуда (9-й горизонт) украшен углубленным орнаментом (рис. 8, 10), а по верху венчика из 6-го горизонта нанесен орнамент в виде оттисков штампа. Из индивидуальных керамических находок следует упомянуть фрагменты четырех глиняных кружков (7-й и 8-й горизонты), фрагмент глиняной крышки сосуда, а также маленький предмет, по форме напоминающий катушку (фишка?), и фрагмент миниатюрной ручки сосуда, найденные на кв. Б-4 в 9-м горизонте (рис. 8, 1, 16). На одном фрагменте стенки сосуда из 7-го горизонта сохранились следы ангоба (?) — остатки темно-коричневого слоя на светло-коричневой поверхности.

Количество кремневых находок сокращается более чем в два раза по сравнению с вышележащим слоем. Всего их найдено 408 экз. Как и прежде, в кремневом сырье более трети (154 экз. — 38 %) приходится на долю цветного кремня. Более половины всех находок составляют отщепы (55 %), сокращается доля аморфных отходов — осколков и обломков кремня (13 %), исчезают чешуйки, зато резко (до 16 %) увеличивается доля пластинчатых форм, которые зафиксированы в количестве 66 экз.

Изделий с ретушью насчитывается 39 экз. (10 %). Двустороннюю обработку имеют семь изделий, среди которых наиболее выразителен фрагмент миниатюрного наконечника стрелы из 6-го горизонта, повторяющий тип наконечников верхнего слоя (рис. 9, 1), и сравнительно массивный фрагмент заготовки наконечника (рис. 9, 2). Скрепки найдены в количестве 4 экз. (рис. 9, 3, 4, 13), перфораторы — пяти. Среди последних выделяется клювовидная проколка, изготовленная очень тщательно с помощью ретуши на всю высоту заготовки

(рис. 9, 12), имеющая близкие аналогии среди изделий подобного рода, найденных в предшествующие годы. Пластины с ретушью насчитываются в количестве 8 экз., в том числе два пластинчатых вкладыша (рис. 9, 6, 7) и орудие на пластине с ретушью почти по всему периметру (рис. 9, 5). Обращает на себя внимание нож, изготовленный на массивном патинированном (древнем) сколе из коричневого кремня (рис. 9, 17). Отщепы с ретушью зафиксированы в количестве 7 экз. Количество изделий с подтеской в этих горизонтах резко сокращается — всего их найдено 9 экз. (0,02 %).

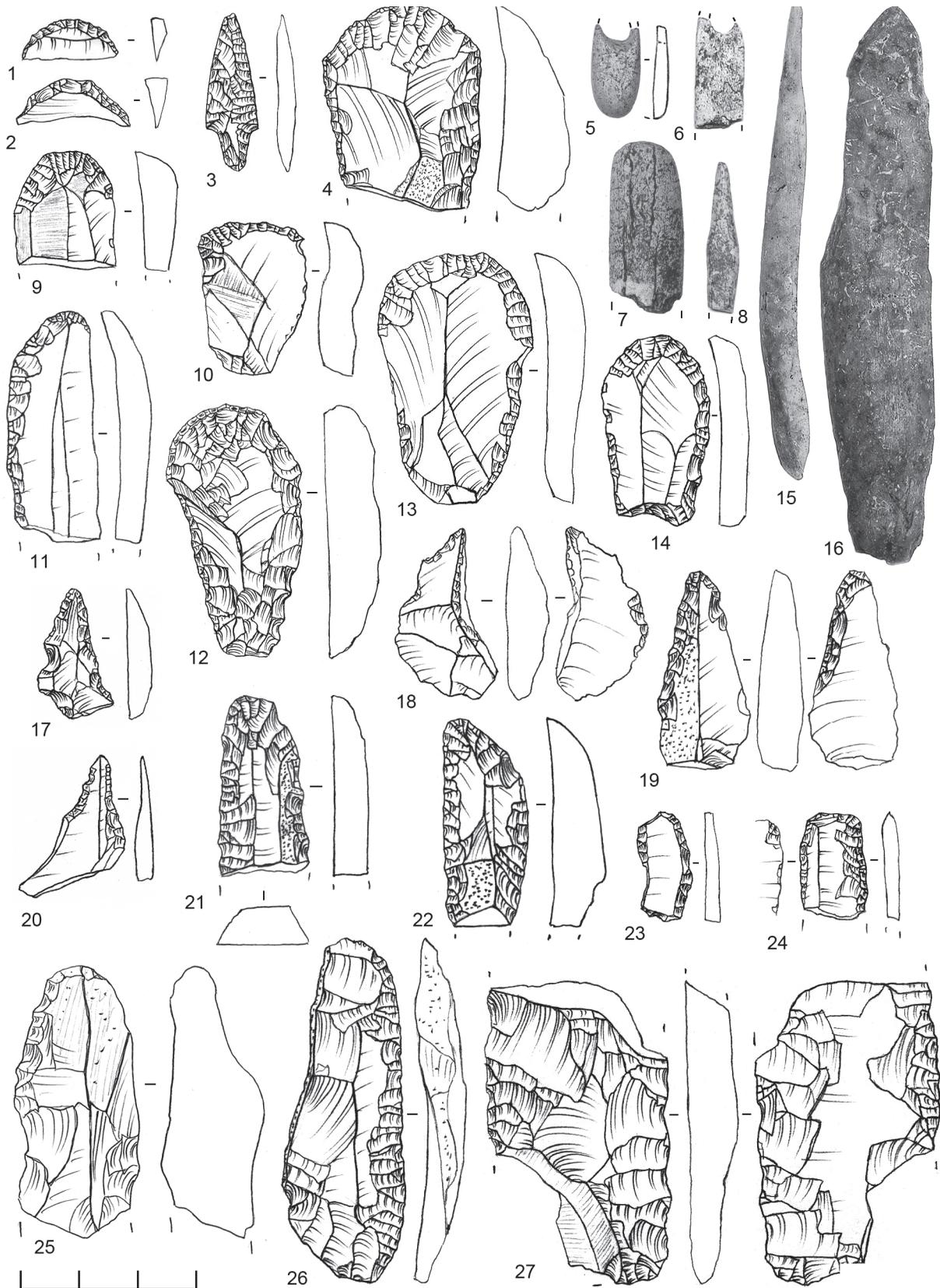
Каменные изделия, как и прежде, найденные в значительном количестве, обнаруживают разнообразие форм. Шлифованные орудия представлены как законченными изделиями (три тесла), так и их заготовками (4 экз.). Крупное изделие (22,5 × 20,5 см) подпрямоугольной формы из камня, расколотого вдоль своей длинной оси, имеет две глубокие выемки на концах и углубления по сторонам, вероятно, для привязывания и могло служить грузилом. Массивная галька (7-й горизонт), которой придана цилиндрическая форма, имеет на верхней и нижней поверхностях углубления, образованные пикетажем, и может интерпретироваться как заготовка каменного браслета (?). Фрагмент самого пластинчатого браслета был найден в 9-м горизонте на кв. А-1 и, вероятно, принадлежит уже нижнему слою (рис. 8, 4). Фрагменты сланцевых браслетов зафиксированы в количестве 4 экз. (рис. 8, 6–9).

Среди каменных изделий наиболее значительной находкой является фрагмент *крестовидной булавы* из известняка (рис. 8, 17, 18).⁴ Изделие обожжено. Фрагмент булавы обнаружен в 9-м горизонте на кв. А-3, относится к нижней части слоя темно-серого гумусированного

⁴ Реконструкция и рисунок Ю. Ю. Пиотровского.

Рис. 6. Поселение Мешоко 2007 г., находки из верхней части слоя щебенки: 1–2 — сегменты; 3 — наконечник; 4, 9–14 — скребки; 5–6 — костяные подвески; 7–8, 15–16 — костяные орудия; 17–18, 20 — проколки; 19 — сверло; 21–22 — орудия на пластинах; 23–24 — пластинчатые вкладыши; 25 — ретушер; 26 — нож; 27 — фрагмент вкладыша.
1, 6, 8–10, 14, 17, 19–20, 23, 27 — 3 горизонт; 2–5, 7, 12–13, 15–16, 18, 22, 24 — 5 горизонт; 11, 21, 26 — 4 горизонт; 25 — горизонты 2–7

Fig. 6. Site of Meshoko in 2007, finds from the upper section of the debris level: 1–2 — segments; 3 — point; 4, 9–14 — scrapers; 5–6 — bone pendants; 7–8, 15–16 — bone tools; 17–18, 20 — borers; 19 — drill; 21–22 — tools on blades; 23–24 — blade inserts; 25 — retoucher; 26 — knife; 27 — fragment of insert.
1, 6, 8–10, 14, 17, 19–20, 23, 27 — horizon 3; 2–5, 7, 12–13, 15–16, 18, 22, 24 — horizon 5; 11, 21, 26 — horizon 4; 25 — horizons 2–7

суглинка, насыщенного щебенкой. В 1964 г. на поселении Мешоко была найдена заготовка навершия этого типа, отличающаяся от нашего экземпляра более плоским сечением (Столяр, Формозов, 2009. С. 161, рис. 21, 5). Крестовидные булавы появляются в погребениях Мариупольского могильника, но наиболее близкими нашей находке представляются экземпляры, происходящие из Константиновского поселения на Нижнем Дону, могильника Дечия Мурешулуй и других памятников эпохи энеолита Западного Причерноморья (Осташинский, 2006. С. 191–194). Б. Говедарица, посвятивший этой теме специальную работу, относит булавы такой формы к типу Дечия. Всего на момент выхода статьи было учтено 11 крестовидных булав этого типа, 8 из которых найдены на территории Трансильвании (Govedarica, 2006. S. 415–418). Дата (4237 cal BC) одного из погребений могильника Дечия Мурешулуй, в инвентарь которого входило такое навершие, хорошо согласуется с полученными недавно датировками поселения Мешоко, относящими его к концу V—началу IV тыс. до н. э. (Зайцева и др., 2004. С. 365–368).

Изделия из кости представлены тремя проколками (рис. 9, 14–16), фрагментом лошила и фрагментированным рыболовным крючком (рис. 8, 2) — тип костяных изделий, известный по раскопкам 1959 г. (Столяр, Формозов, 2009. С. 34, рис. 19, 8–9).

В 8-м горизонте расчистки на кв. А-1 обнаружено и единственное металлическое изделие — медное колечко с несомкнутыми концами (рис. 8, 3), того же типа, что и украшения, найденные экспедицией А. Д. Столяра в раскопках 1962–1964 гг., в верхних горизонтах памятника (Осташинский, 2006. С. 198, рис. 1, 5; Столяр, Формозов, 2009. С. 75; Хаврин, 2009. С. 213–214).

Слой светло-серого гумусированного суглинка (10–14-й горизонты). Количество находок керамики в этом слое сокращается примерно в два раза по сравнению с нижней частью слоя щебенки. Это находит объяснение в сокращении исследуемой площади. Всего здесь найдено 1572 фрагмента, 33 экз. из которых являются фрагментами венчиков. Все они имеют небольшие размеры (не более 5 см), хорошо заглаженную или лошеную поверхность. В качестве примеси в этом слое уже преобладает кварц — таких фрагментов найдено 23 экз., с примесью известняка — 10 экз. Из-за малых размеров

фрагментов судить о форме венчиков затруднительно, среди реконструированных форм продолжают преобладать плавно отогнутые (рис. 10, 1, 6), 1 экз. относится к типу прямых (рис. 10, 7), 1 экз. — отогнут в верхней части (рис. 10, 13). Диаметр (5,5 см) можно восстановить только для одного фрагмента горла узкогорлого сосуда (рис. 10, 3). На кв. Б-2 найдены два фрагмента маленького сосудика с мешковидным туловом, плавно отогнутым венчиком и, вероятно, округлым дном (рис. 10, 5), с примесью кварца. К нему же относится фрагмент придонной части, происходящий из 9-го горизонта.

Фрагменты с жемчужным орнаментом найдены в количестве всего 4 экз. Два из них с примесью известняка, сравнительно толстостенные, серовато-коричневого цвета происходят из восточной части шурфа, с кв. Б3-Б4, и напоминают керамику вышележащего слоя. В западной части шурфа, на кв. А1, наоборот, встречены два тонкостенных фрагмента красноватого цвета, с плотным, лошеным черепком и примесью кварца — типичные для керамики нижнего слоя (рис. 10, 2, 12).

Этот факт свидетельствует о том, что жемчужный орнамент изначально присутствует на керамике поселения Мешоко. Но количество самих фрагментов, украшенных подобным образом, в нижнем слое в десятки раз меньше, чем в верхней части отложений. Возможно, помимо редкости употребления жемчужного орнамента, это объясняется изменением самого принципа орнаментации сосудов. Для керамики верхнего слоя, насколько можно судить по верхним частям сосудов, найденным как на самом поселении Мешоко, так и на других поселениях (Резепкин 2000. С. 224, рис. 1, 1), наиболее типично расположение жемчужин целыми рядами, как правило, на плечиках сосудов довольно крупных размеров. Очевидно, что при фрагментации подобного сосуда количество находок орнаментированных стенок сосудов может быть очень велико. В нижнем слое жемчужины, вероятно, наносились на сосуд в гораздо меньшем количестве и не создавали подобного широкого орнаментального пояса.

Налепной орнамент представлен единственным фрагментом с небольшой, слабо выделенной овальной выпуклиной.

Кроме того, среди индивидуальных находок следует отметить фрагменты двух глиняных «кружков», два фрагмента стенок с зашлифованным краем, один из которых мог быть фраг-

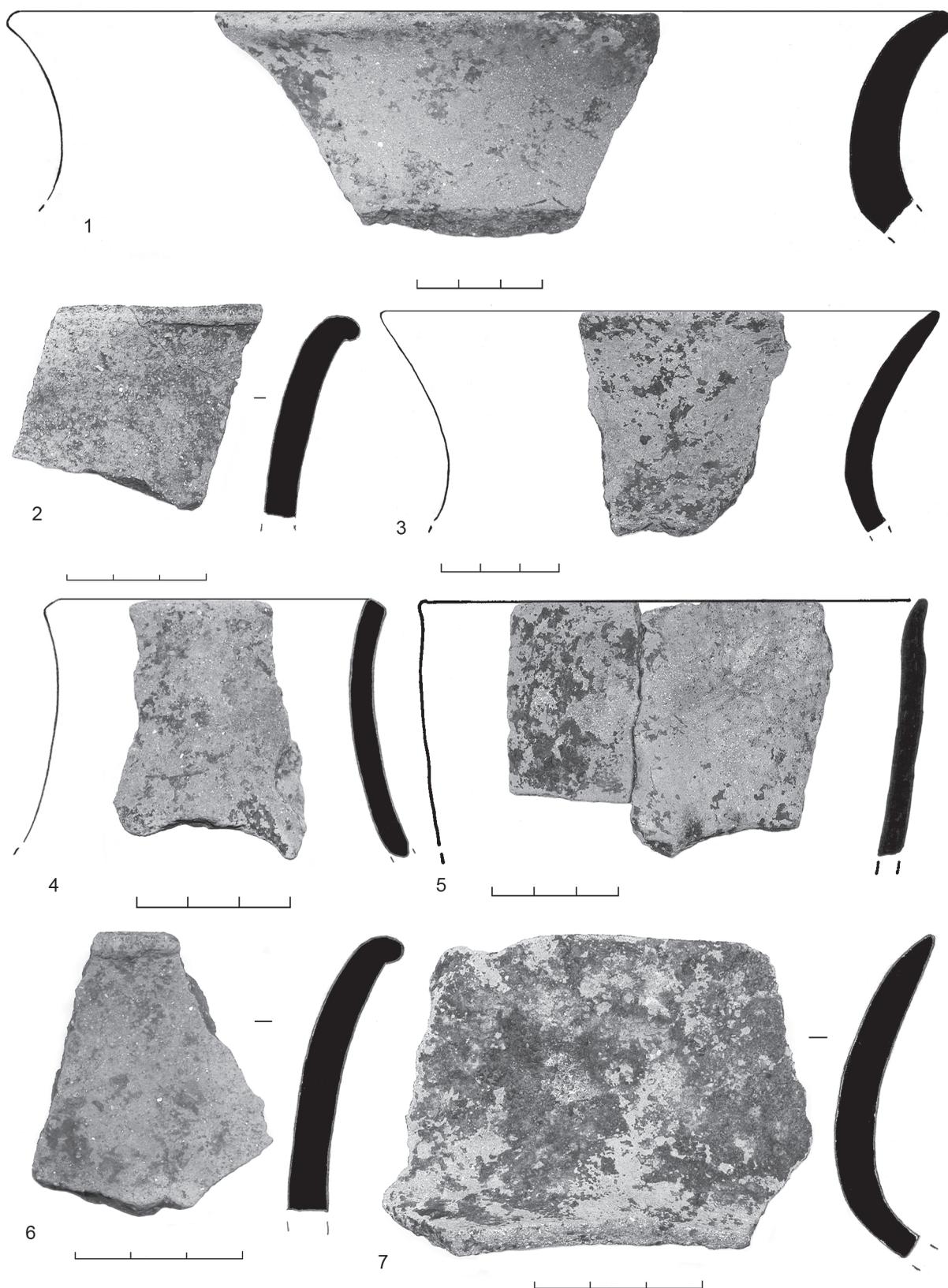

Рис. 7. Поселение Мешоко 2007 г., находки из нижней части слоя щебенки: 1–7 — венчики сосудов. 1, 3–5 — 9 горизонт; 2 — 6 горизонт; 6 — 7 горизонт; 7 — 8 горизонт

Fig. 7. Site of Meshoko in 2007, finds from the lower section of the debris level: 1–7 — pottery rims. 1, 3–5 — horizon 9; 2 — horizon 6; 6 — horizon 7; 7 — horizon 8

ментом крышки, два глиняных шарика (рис. 10, 17, 18), фрагмент поделки цилиндрической формы и два фрагмента глиняного пола.

В целом, керамика нижних горизонтов характеризуется высоким качеством изготовления: примесь в тесте сосудов очень мелкая, черепок плотный, его поверхность имеет хорошее лощение. Качеством лощения особенно выделяется керамика двух нижних горизонтов расчистки. По сравнению с вышележащим слоем изменяется и цветовая гамма — она становится светлее, с преобладанием красных и бежевых оттенков. Все это свидетельствует о значительных изменениях, произошедших в технологии изготовления керамики.

Количество кремневых находок в нижней части слоя невелико — 608 экз., хотя и несколько превышает аналогичные показатели его средней части. Очень существенные отличия обнаруживают характеристики массового материала. Доля цветного кремня в общем объеме сырья сокращается в три раза — до 12 % (72 экз.). Но значительно возрастает процент пластинчатых форм (до 28 %), которые зафиксированы в количестве 168 экз. При том что доля отщепов остается прежней (330 экз. — 54 %), это происходит за счет сокращения количества мелких отходов расщепления: осколки, обломки составляют всего 6 %, чешуйки фактически исчезают. Изделия с подтеской отсутствуют полностью.

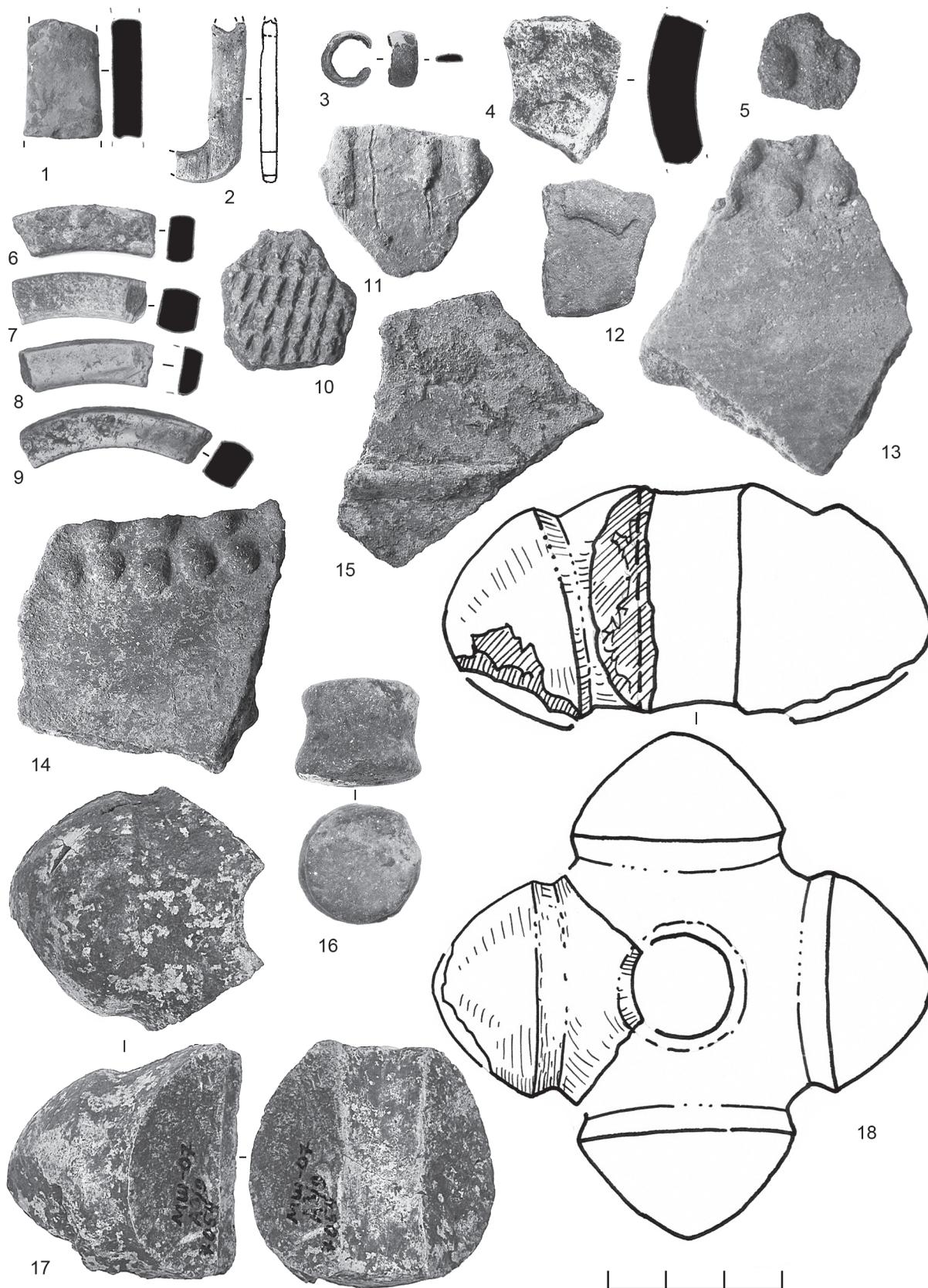
Изделий с ретушью насчитывается 31 экз. (5 %). Наиболее интересным среди них является сегмент. Орудие было найдено в 14-м горизонте, уже в самом верху слоя черного гумусированного суглинка. Этот сегмент сильно отличается от микролитических орудий, которые встречались в верхних горизонтах: он изготовлен на пластине и обработан двусторонней приотстривающей ретушью по дуге (рис. 11, 1). Такой прием обработки широко распространен в эпоху позднего неолита. На Мешоко до этого момента был найден лишь один сегмент, изго-

товленный подобным образом (*Столяр, Формозов, 2009. С. 35, рис. 20, 14*), причем происходит он из верхней части отложений. Обработка двусторонней приотстривающей ретушью была зафиксирована и на трех трапециях, две из которых, относящиеся к типу трапеций с подструганной спинкой, характерному для эпохи позднего неолита, также найдены в нижних горизонтах поселения (*Осташинский, 2008. С. 63, 69*). Таким образом, несмотря на то что подавляющее большинство геометрических микролитов найдено в верхнем слое Мешоко (*Осташинский, 2008. С. 56*), принадлежность нового орудия именно нижнему слою сомнений не вызывает.

Двустороннюю обработку имеют всего два изделия, из-за сильной фрагментированности отнести их к какому-либо типу невозможно (рис. 11, 6, 7). Скребки представлены в количестве 5 экз. Все они довольно заметно отличаются от скребков верхнего слоя. Два скребка изготовлены на массивных сколах округлых очертаний с помощью крупной грубой ретуши, один из них имеет негативы плоских снятий с брюшка (рис. 11, 12, 14). Заготовка другого скребка менее массивна, форма трапециевидная, прямое лезвие четко отделено от сторон, ретушь более тщательная, параллельная, не формирующая типичного скребкового лезвия (рис. 11, 15). Два оставшихся скребка маловыразительны — один из них изготовлен на ребристом сколе, другой — на плоском отщепе с коркой (рис. 11, 11, 13). Перфораторы найдены в количестве 5 экз. Среди них два сверла на пластинах (рис. 11, 2, 3), два острия (один экземпляр на пластине, один — на отщепе; рис. 11, 8, 10) и проколка на пластине (рис. 11, 4). Пластины и отщепы с ретушью зафиксировано по 5 экз., пластинчатых отщепов — 2 экз., а на 16 пластинах, не имеющих вторичной обработки, заметны следы утилизации. Орудие на пластинчатом сколе обработано крутой ретушью на всю высоту заготовки по большей части пе-

Рис. 8. Поселение Мешоко 2007 г., находки из нижней части слоя щебенки: 1 — фрагмент ручки; 2 — рыболовный крючок; 3 — медное колечко; 4 — фрагмент пластинчатого браслета; 5, 10–15 — фрагменты стенок сосудов с орнаментом; 6–9 — фрагменты сланцевых браслетов; 16 — глиняная фишка; 17–18 — фрагмент и реконструкция крестовидной булавы.
1, 4, 8–13, 16–18 — 9 горизонт; 2, 5, 7, 14 — 7 горизонт; 3, 6 — 8 горизонт; 15 — 6 горизонт

Fig. 8. Site of Meshoko in 2007, finds from the lower section of the debris level: 1 — fragment of handle; 2 — fishing hook; 3 — copper ring; 4 — fragment of a plate bracelet; 5, 10–15 — fragments of walls of decorated pottery; 6–9 — fragments of slate bracelets; 16 — clay counter; 17–18 — fragment and reconstruction of a cross-shaped mace.
1, 4, 8–13, 16–18 — horizon 9; 2, 5, 7, 14 — horizon 7; 3, 6 — horizon 8; 15 — horizon 6

риметра (рис. 11, 9). Интересен также фрагмент орудия высокой формы, который имеет обработку встречной почти вертикальной ретушью (рис. 11, 5). Вероятно, к нижнему слою относится и пластинчатый отщеп из черного прозрачного обсидиана с мелкой крутой ретушью по краю и сломана в дистальной части, выделяющимися острие.

Количество шлифованных каменных орудий в нижнем слое существенно сокращается — найден всего один фрагмент шлифованного долота (рис. 10, 4) и две заготовки топоров или тесел. Но появляется новый тип орудий из камня, условно названный нами «каменными ножами»: изделия на плоских сколах, часто подовальных очертаний, стороны которых приострены плоской краевой оббивкой (рис. 10, 19). Всего обнаружено семь каменных ножей и

одна заготовка такого орудия. Другой отличительной особенностью нижнего слоя является присутствие большого количества фрагментов сланцевых браслетов (рис. 10, 8–11) — их найдено 34 экз., что почти в пять раз больше, чем во всех вышележащих горизонтах. Кроме того, зафиксировано и два фрагмента каменных пластинчатых браслетов (рис. 10, 14).

В сфере костяной индустрии также появляются новые типы — таково тщательно изготовленное шлифованное орудие в виде тесла (рис. 10, 15), найден и фрагмент подобного изделия, но меньших размеров. Оба происходят из 14-го горизонта расчистки. Кроме того, найдены костяная проколка (рис. 10, 16) и фрагмент кости с отверстием.

Подводя итоги описания полученных в ходе раскопок материалов, следует обобщить на-

Таблица 1. Распределение керамического материала, каменных изделий и фаунистических остатков по горизонтам шурфа 2007 г.

Table 1. Distribution of pottery finds, stone artefacts and faunal remains throughout the horizons of the excavation pit of 2007.

Горизонт	Глубина от поверхности,	Всего керамики	Венчики	Жемчужный орнамент	Налепной орнамент	Прочерченный орнамент	Сланцевые браслеты	Фауна, кг
Дерн	0,1	185	1	1		1		0,18
1	0,2	615	7	5		3	1	0,2
2	0,3	1859	26	22		7		0,6
3	0,35	2460	50	99	1		2	3,8
4	0,40	1679	55	52	1	1		3,8
5	0,45	1365	50	41				3,8
6	0,50	739	25	9	1			3,5
7	0,55	856	25	3	2		1	3
8	0,60	754	24	5			1	3
9	0,65	627	19	4	2		2	2
10	0,70	472	13	2			8	1,5
11	0,75	304	8	1			8	0,8
12	0,80	341	5	1	1		13	0,35
13	0,85-0,90	255	4	-			4	0,3
14	до 1,25	200	4	-			1	0,25
Итого		12711	316	245	8	12	41	27,08

Рис. 9. Поселение Мешоко 2007 г., находки из нижней части слоя щебенки: 1 — фрагмент наконечника; 2 — фрагмент заготовки наконечника; 3–4, 13 — скребки; 5 — орудие на пластине; 6–7 — пластинчатые вкладыши; 8, 10, 11 — проколки (провертки); 9 — острие; 12 — проколка; 14–16 — костяные орудия; 17 — нож.

1–4, 8, 10 — 6 горизонт; 5, 12 — 8 горизонт; 6–7, 15–17 — 7 горизонт; 9, 11, 13 — 9 горизонт

Fig. 9. Site of Meshoko in 2007, finds from the lower section of the debris level: 1 — fragmentary point; 2 — blank fragment of a point; 3–4, 13 — scrapers; 5 — tool on blade; 6–7 — blade inserts; 8, 10, 11 — borers; 9 — point; 12 — borer; 14–16 — bone tools; 17 — knife.

1–4, 8, 10 — horizon 6; 5, 12 — horizon 8; 6–7, 15–17 — horizon 7; 9, 11, 13 — horizon 9

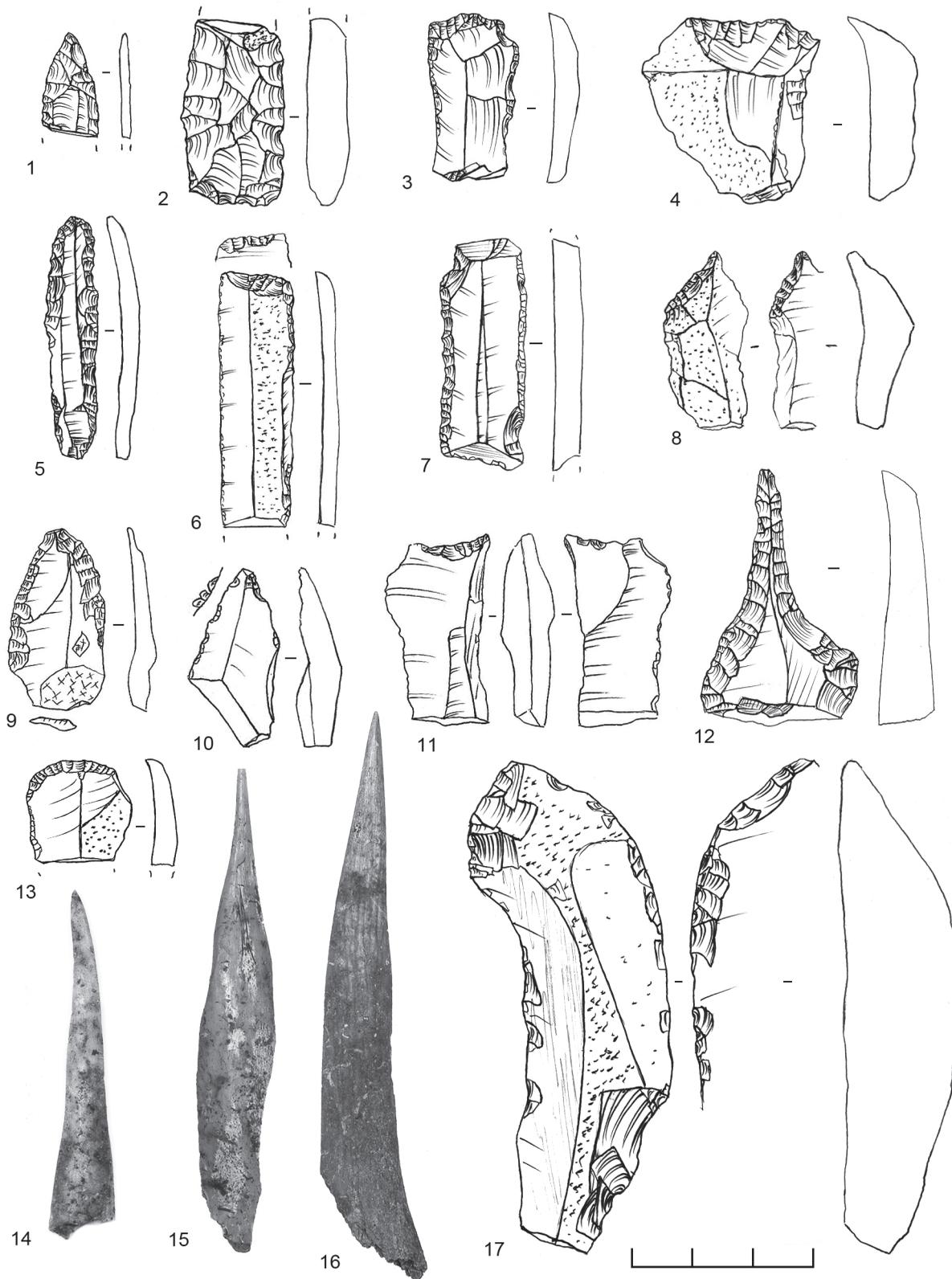

Таблица 2. Распределение кремневых находок по горизонтам шурфа 2007 г.**Table 2.** Distribution of flint tools throughout the horizons of the excavation pit of 2007.

Горизонт	Всего	Цветной кремень	С ре- тушью	С под- теск.	Сегмен- ты	Двустор. обработ. изделия	Пластин- чатые формы	Отщепы	Осколки/ обломки	Че- шуйки
Дерн	180	62 (34%)	9 (5%)	6 (3%)	1		9 (5%)	66 (37%)	74 (41%)	13 (7%)
1	641	239 (37%)	41 (6%)	11 (2%)		3	44 (7%)	286 (45%)	234 (37%)	36 (6%)
2	917	333 (36%)	56 (6%)	17 (2%)	1	4	52 (6%)	433 (47%)	299 (33%)	52 (6%)
3	653	249 (38%)	42 (6%)	15 (2%)	1	8	27 (4%)	380 (58%)	162 (25%)	12 (2%)
4	195	72 (37%)	20 (10%)	5 (3%)			13 (7%)	124 (64%)	37 (20%)	
5	188	81 (43%)	17 (9%)	7 (4%)	1	1	21 (11%)	106 (56%)	33 (18%)	
6	102	50 (49%)	14 (14%)	4 (4%)		3	9 (9%)	57 (56%)	17 (17%)	
7	109	46 (42%)	7 (6%)	2 (2%)		1	21 (19%)	61	(56%)	9 (8%)
8	92	37 (40%)	9 (10%)	2 (2%)		1	12 (13%)	51 (55%)	13 (14%)	
9	105	21 (20%)	9 (9%)	1 (1%)		2	24 (23%)	55 (52%)	15 (14%)	
10	92	22 (24%)	5 (5%)				21 (23%)	52 (57%)	7 (8%)	1
11	72	7 (10%)	4 (6%)				15 (21%)	44 (61%)	4 (6%)	
12	138	7 (5%)	5 (4%)				47 (34%)	68 (49%)	12 (9%)	
13	178	16 (9%)	7 (4%)			2	46 (26%)	100 (56%)	11 (6%)	
14	128	20 (16%)	10 (8%)		1		39 (30%)	66 (52%)	4 (3%)	1
Итого	3790	1262 (33%)	255 (7%)	70 (2%)	5	25	400 (11%)	1949 (51%)	931 (25%)	115 (3%)

блюдения над изменениями их качественного и количественного состава, произошедшими в процессе существования памятника.

Большую близость по составу и количеству находок обнаруживают материалы верхней части верхнего культурного слоя памятника (горизонты 1–5; см. таблицы 1 и 2). В этих горизонтах сосредоточено максимальное количество находок (64 % керамики, 73 % кремня, 45 % фаунистических остатков). Для керамики характерна пористая или грубая шероховатая поверхность коричневого цвета и жемчужный

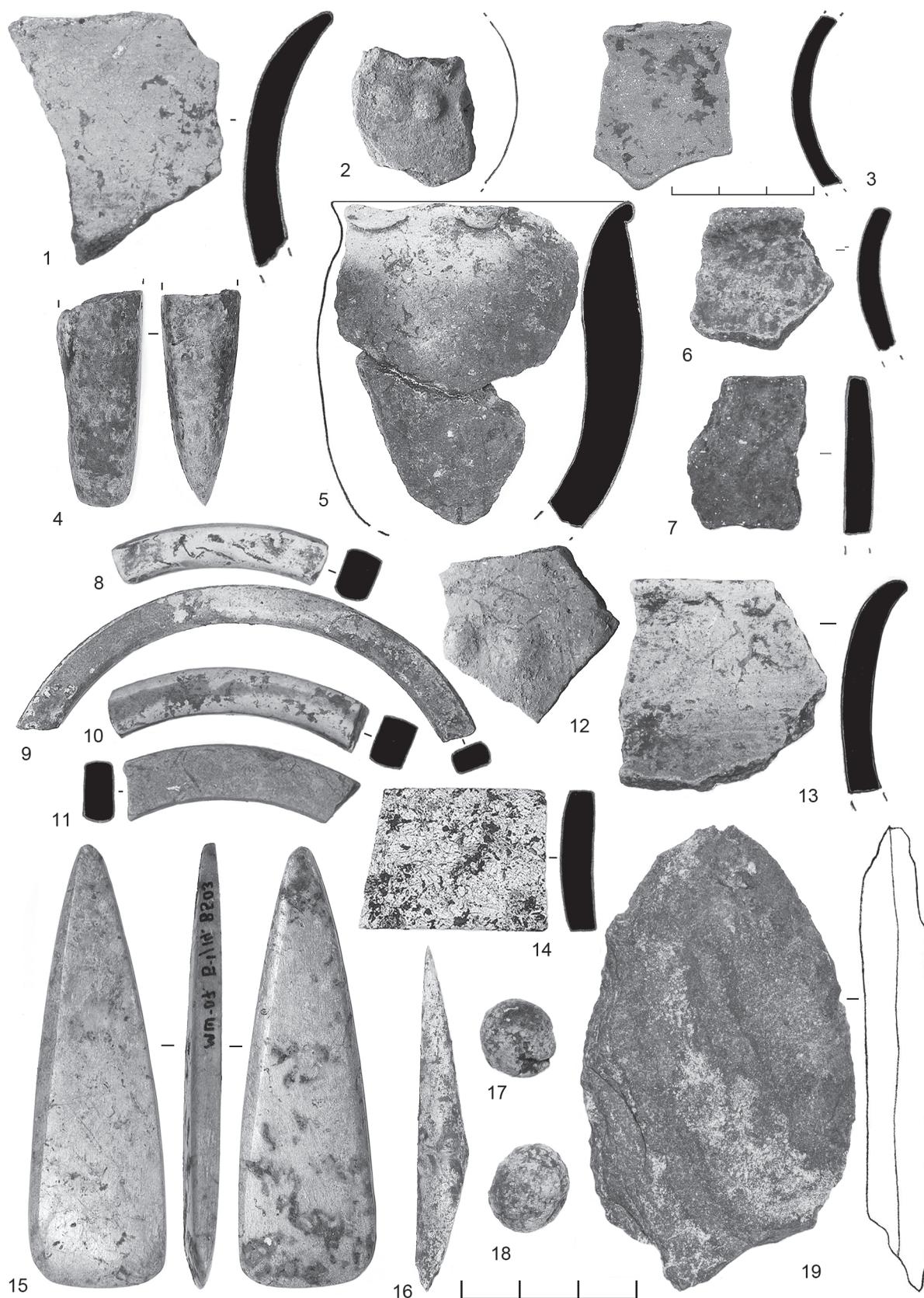
орнамент, найденный в количестве 220 экз., что составляет 90 % от его общего количества. В кремневой индустрии в качестве сырья для изготовления орудий часто используется цветной кремль (более 35 %), пластинчатые изделия составляют лишь 6 % от общей массы кремневых находок, типичны сегменты, наконечники и вкладыши высокого качества изготовления и изделия с подтеской.

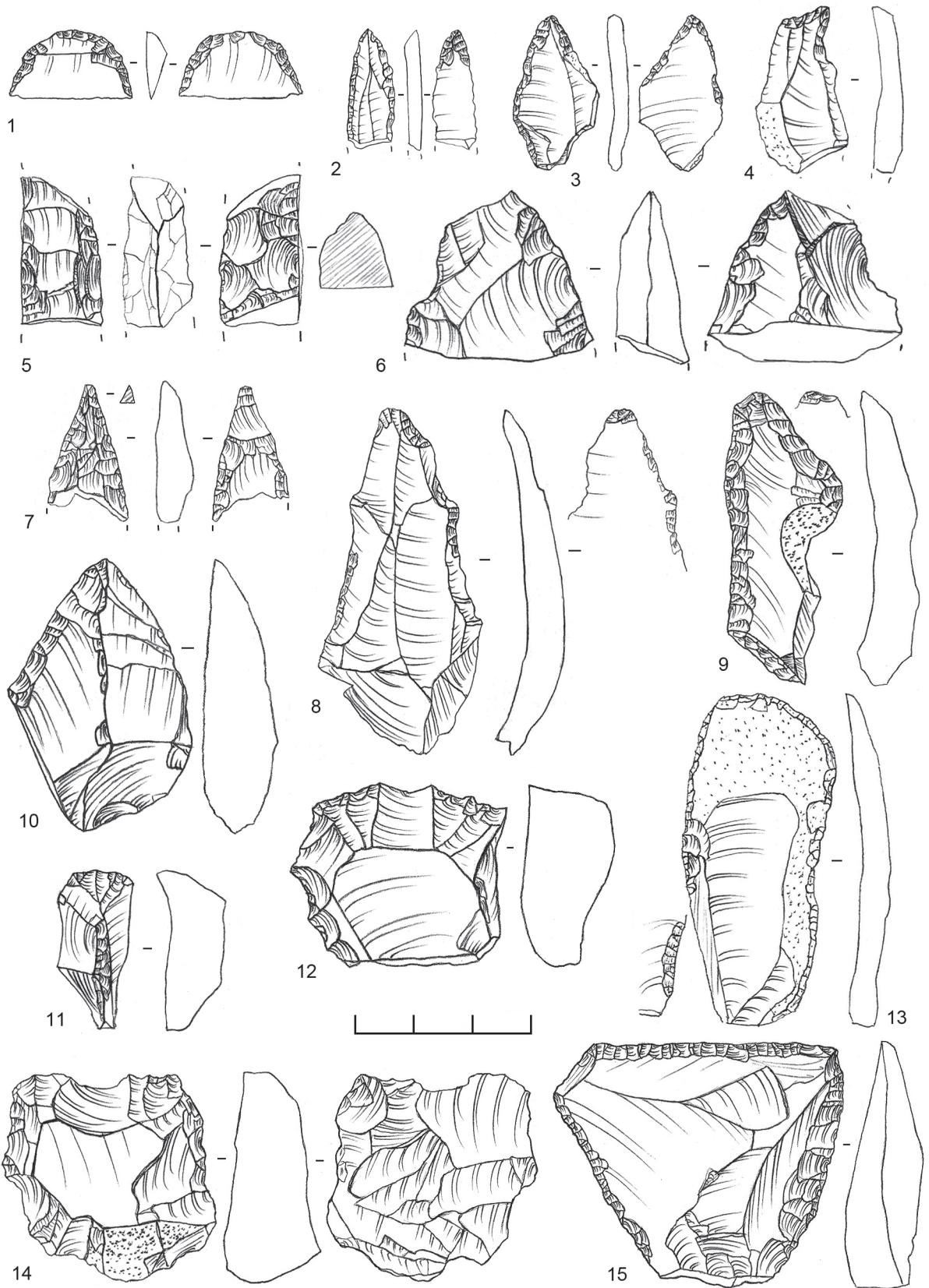
Нижняя часть верхнего культурного слоя (горизонты 6–9; см. таблицы 1 и 2) характеризуется резким сокращением количества нахо-

Рис. 10. Поселение Мешоко 2007 г., находки из слоя светло-серого гумусированного суглинка:

1, 6–7, 13 — фрагменты венчиков; 2, 12 — фрагменты стенок сосудов с орнаментом; 3 — фрагмент горла сосуда; 4 — фрагмент шлифованного долота; 5 — профиль сосулика; 8–11 — фрагменты сланцевых браслетов; 14 — фрагмент пластинчатого браслета; 15 — костяное тесло; 16 — костяная проколка; 17–18 — глиняные шарики; 19 — каменный нож;
1, 16 — 13 горизонт; 2–7, 13, 17–10 горизонт; 8, 10, 14 — 11 горизонт; 9, 11–12, 18 — 12 горизонт; 15, 19 — 14 горизонт

Fig. 10. Site of Meshoko in 2007, finds from deposits of light-grey humic loam: 1, 6–7, 13 — fragments of rims; 2, 12 — fragments of walls of decorated pottery; 3 — fragment of throat of a pot; 4 — fragment of a polished chisel; 5 — profile of a small vessel; 8–11 — fragments of slate bracelets; 14 — fragment of a plate bracelet; 15 — bone adze; 16 — bone borer; 17–18 — clay balls; 19 — stone knife;
1, 16 — horizon 13; 2–7, 13, 17 — horizon 10; 8, 10, 14 — horizon 11; 9, 11–12, 18 — horizon 12; 15, 19 — horizon 14

док. Керамики здесь найдено 23 % от общего количества, кремня всего 11 %, но количество фаунистических остатков (42 %) остается на прежнем уровне. Меньше становится керамики с жемчужным орнаментом (9 %), постепенно исчезает пористость, появляются отдельные фрагменты с хорошим лощением. Сегменты отсутствуют, продолжают встречаться фрагменты кремневых наконечников, вкладышей и изделия с подтеской. Увеличивается процент пластин, в сырье значительное место занимает цветной кремень. Археологический материал обнаруживает черты сходства как с верхними, так и с нижними горизонтами памятника.

В нижнем культурном слое (горизонты 10–14; см. таблицы 1 и 2) количество находок становится еще меньше (12 % керамики, 16 % кремня, 12 % фаунистических остатков). Керамика очень плотная, тонкостенная, с хорошо лощеной поверхностью и более светлой цветовой гаммой (для которой характерно присутствие бежевых и красноватых оттенков), чем в вышележащих горизонтах. Фрагменты с жемчужным орнаментом единичны (всего 4 экз. — 1%), но их присутствие свидетельствует об элементах преемственности в развитии культуры. Значительно возрастает количество сланцевых браслетов (83 %), характерны «каменные ножи». Кремневых орудий немного, среди типологически выраженных орудий чаще всего встречаются скребки и перфораторы, изделия с двусторонней обработкой редки и грубы, найден один сегмент. Количество изделий из цветного кремня сокращается в три раза, пластинчатые формы составляют до трети всех кремневых находок, т. е. их доля почти в пять раз превосходит аналогичный показатель верхних горизонтов.

Полученные в ходе раскопок 2007 г. материалы расширяют наши представления о материальной культуре, характере ее изменений, уточняют понимание стратиграфии поселения Мешоко. Их анализ подтверждает выводы, сделанные на основе изучения коллекций

из раскопок 1958–1964 гг. (Формозов, 1965; Резепкин, 2005; Столяр, Формозов, 2009; Осташинский, 2009), вместе с тем многие вопросы интерпретационного плана все еще остаются далекими от своего решения.

Беляева, 2002 — Беляева В. И. Палеолитическая стоянка Пушкари I (характеристика культурного слоя). СПб., 2002.

Зайцева и др., 2004 — Зайцева Г. И., Бурова Н. Д., Семенов А. А. Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004.

Мурашкин, 2007 — Мурашкин А. И. Технология получения кремневых пластин на мезолитической стоянке Пост II // Российская археология. М., 2007. № 4.

Нехаев, 1992 — Нехаев А. А. Домайкопская культура Северного Кавказа // АВ. СПб., 1992. № 1.

Осташинский, 2006 — Осташинский С. М. К вопросу о культурных связях энеолитического населения Закубанья (по материалам поселения Мешоко) // In situ: К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006.

Осташинский, 2008 — Осташинский С. М. Геометрические микролиты поселения Мешоко // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.

Осташинский, 2009 — Осташинский С. М. Описание и анализ кремневой коллекции стратиграфической колонки 1964 г. на поселении Мешоко // Столяр А. Д., Формозов А. А. Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. СПб., 2009.

Поплевко, 2002 — Поплевко Г. Н. Орудия из кости и рога энеолитического поселения Мешоко // Северный археологический конгресс: ТД. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.

Поплевко, 2010 — Поплевко Г. Н. Трасологическое и технологическое исследование материалов поселения Мешоко из шурфа I // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.

Резепкин, 2000 — Резепкин А. Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова поляна // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. СПб., 2000.

Резепкин, 2005 — Резепкин А. Д. Энеолитическое поселение Мешоко // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.

Рис. 11. Поселение Мешоко 2007 г., находки из слоя светло-серого гумусированного суглинка: 1 — сегмент; 2–3 — сверла; 4 — проколка; 5 — фрагмент орудия высокой формы; 6–7 — фрагменты двусторонне обработанных орудий; 8, 10 — острия; 9 — орудие на пластине; 11–15 — скребки.

1, 3, 10–11, 13–14 — 14 горизонт; 2 — 10 горизонт; 4 — 11 горизонт; 5–7, 12, 15 — 13 горизонт; 8–9 — 12 горизонт

Fig. 11. Site of Meshoko in 2007, finds from the layer of the light-grey humic loam: 1 — segment; 2–3 — drills; 4 — borer; 5 — fragment of a high tool; 6–7 — fragments of bifaces; 8, 10 — points; 9 — tool on blade; 11–15 — scrapers.

1, 3, 10–11, 13–14 — horizon 14; 2 — horizon 10; 4 — horizon 11; 5–7, 12, 15 — horizon 13; 8–9 — horizon 12

- Столяр, Формозов*, 2009 — *Столяр А. Д., Формозов А. А.* Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. СПб., 2009.
- Хаврин*, 2009 — *Хаврин С. В.* Металлические изделия поселения Мешоко // *Столяр А. Д., Формозов А. А.* Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. СПб., 2009.
- Формозов*, 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Govedarica*, 2006 — *Govedarica B.* Die kreuzförmigen Steinkeulen in der frühen Kupferzeit Südost- und Osteuropas // *Homage to Milutin Garašanin.* Belgrade, 2006.

Materials of excavation on Meshoko's settlement in 2007

S. M. Ostashinsky

This article presents the finds from excavations of the Trans-Kuban Archaeological Expedition of the State Hermitage at the Aeneolithic site of Meshoko in 2007. The latter settlement-site dating from the late 5th — early 4th millennia BC is situated in the northern Caucasia, in the Maikop district of the Republic of Adygei. It was excavated from 1958 to 1965 by the North-Caucasian Expedition of the State Hermitage under the direction of Abram D. Stolyar. The excavations of 2007 continued the studies of this site. They have yielded knowledge about the peculiarities of the stratigraphic situation and new evidence on the material culture of the settlement.

Кожаные сосуды индейцев *араукана* и некоторых других этнографических общностей как модель для воспроизведения в древней керамической традиции

Л. М. Яковлева¹

При изучении древних керамических сосудов часто встает вопрос о происхождении и развитии их формы. В большинстве случаев мы не можем привести прямые аналогии и найти формы из органических материалов, служивших моделью для воспроизведения в глине. На поверхности некоторых археологических сосудов сохраняются отпечатки от форм — основ и форм — емкостей из органических материалов, например: плетеные корзины, внутренние органы животных, скорлупа орехов и т. д. (Бобринский, 1978. С. 193–201). В этом случае логично предположить, что многие формы сосудов на раннем этапе развития гончарства повторяли естественные формы этих емкостей. Историю происхождения формы некоторых керамических тетраподов (сосудов на четырех ножках), известных в трипольской культуре, стало возможным проследить, обратившись к этнографическим материалам индейцев *араукана* (исп. — *Araucanos*) из Чили и некоторых скотоводческих народов Восточной Европы и Азии.

Араукана обитали на территории Чили, между реками Аконкагуа (Rio Aconcagua) и Био-Био (Rio Bio-Bio). Археологические памятники на территории Араукании плохо изучены, поэтому информацию о культуре древнего населения можно почерпнуть лишь из письменных источников колониального времени (Березкин, 1981. С. 229–230). Первые сведения о них появляются в письменных источниках инков, которые вторглись на территорию арауканов в 1448–1482 гг. под предводительством

Рис. 1. Локализация племен арауканов в XVI–XVII вв.

Fig. 1. Distribution of Araucanian tribes in the 16th and 17th centuries

Тупак Юпанки (Турас Yupanqui). В XVII–XVIII вв. некоторые арауканы переместились на территорию Аргентины, частично ассимилировав при этом пуэльче и теуэльче (рис. 1).

Название «арауканы» впервые использовал Алонсо де Эрсилья в поэме «La Araucana», написанной между 1569–1589 гг. Сами они себя так не называли, а именовались *мануче* (mapuche). «Че» — означало люди, а «тари» — земля, т. е. — «люди земли».

¹ Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

© Л. М. Яковлева, 2012

По этнографическим источникам под названием «арауканы» объединялись несколько независимых племен, относящихся к одной языковой семье, но никогда не выступавших в качестве единого политического или культурного образования. К ним относятся:

пикунче (Picunche), *мапуче* (Mapuche) и *уильче* (Huilliche) — *Западные Анды*;

пекуэнче (Pehuenche) — *Высокогорные Анды*; аргентинские арауканы — *Восточные Анды*.

Выделить особенные черты культуры араукана довольно сложно, так как они сильно зависят от того, какой период нас интересует. Племена арауканов многое восприняли у инков, а также культур доинкского времени, и сильно изменились после прихода испанцев. Первые контакты с ними относят к 1536 г., когда Диего Альмагро с армией проник в район реки Аконкагуа, а некоторые из его людей достигли реки Моль (Rio Maule), протекающей через земли арауканов.

В центральной части Чили с древности существовало несколько проходов через Анды, которые давали возможность для миграций и установления контактов арауканов с населением Аргентины. По своему типу хозяйства мапуче были во многом похожи на кочевых охотников Патагонии, которые в большой степени зависели от охоты, рыболовства и собирательства. Они использовали кожу для изготовления одежды и перекрытий палаток, необходимых при мобильном охотничьем образе жизни. Безусловно, они испытывали также влияние культур Центральных Анд в доинкское время. Некоторые характерные особенности материальной культуры были приобретены арауканами только после нашествия инков. В результате этого во время испанского завоевания их культура представляла собой смешение традиций араукана, Патагонии и Центральных Анд. В целом, северные группы арауканов (пикунче) были ближе к влиянию Анд, а южные (мапуче, уильче), из центральных районов Чили, к охотникам-рыболовам (*она*, *яганы* и т. д.). Для этих охотничьих племен традиционным являлось изготовление емкостей из кожи различных животных. Например, яганы широко использовали мешочки из кожи тюленя или пингвина для хранения мелких объектов. В емкостях из мочевого пузыря и трахей тюленей хранили кремь для высекания огня; в сосудах из желудков гусей и тюленей хранили масло. Индейцы она использовали кожаные предметы, похо-

жие по форме на конверты различных размеров, для хранения и переноса воды, продуктов, мелких предметов и т. д. (Handbook..., 1946a. P. 91, 112). Видимо, именно от них араукана переняли традицию изготовления кожаных сосудов, а после появления коровы, с приходом испанцев, стали использовать новое сырье для изготовления традиционных сосудов.

На сегодняшний день наибольшее количество информации собрано о двух племенах араукана: мапуче и уильче. В этнографических источниках подробно описаны способ их хозяйствования и бытовая утварь. Основными занятиями мапуче были примитивное земледелие и животноводство. В рацион редко входили мясные продукты. Употребление в пищу рыбы и морепродуктов известно только у обитателей прибрежных районов. В основном арауканы употребляли в пищу продукты земледелия (Handbook..., 1946b. P. 699–700).

Для мапуче было традиционным использование сосудов из кожи. Для хранения различных предметов и продуктов использовали сосуды, сделанные из кожи, снятой с различных частей животного. Мешки из кожи использовали для хранения зерна. Так, для хранения подсушенного зерна служили небольшие мешочки (*уарақи*) из воловьей и лошадиной кожи (Ibid. 1946b. P. 719), а для хранения муки использовали кожу, снятую с вымени коровы (*itillawaka*). Пуговицы и другие мелкие предметы хранили в емкостях, сделанных из мошонки быка (*tringtrong*).

Использование кожаной утвари сочеталось с использованием глиняной посуды (Willey, 1946. P. 264). Мапуче изготавливали керамику, используя широко распространенный прием жгутовой или ленточной техники: конструирование сосуда начиналось с основания (дно — круглый диск) с использованием при этом ручного поворотного столика (Steward, Faron, 1959. P. 277). Дж. Купер подробно описал способ производства керамики арауканов и перечислил основные формы, традиционные для этого народа (Cooper, 1946. P. 717–718). Среди известных форм: кухонные горшки; кувшины с круглым или плоским основанием, без ручек — для хранения воды или чичи (традиционного слабоалкогольного напитка); кувшины с одним или двумя горлами, с одной или двумя ручками; сосуды в виде парящей утки (*kutru metawe*), блюда и т. д. О такой специфической форме сосудов, как тетраподы, упоминания нет.

Традиционно используя кожаные сосуды, сделанные из вымени, мапуче не воспроизводили эту форму в глиняном варианте. Видимо, такие сосуды у араукана использовались для хранения определенных продуктов или мелких бытовых предметов, поэтому производились в достаточном количестве и не нуждались в глиняном эквиваленте.

В собраниях фонда Отдела этнографии Америки МАЭ РАН (Кунсткамера) хранятся три кожаных сосуда, принадлежавших некогда индейцам араукана. По материалам музейной описи известно, что сборная коллекция с территории Чили, Перу и Боливии принадлежала немецкому исследователю Оскару Мингельбиру (Mengelbier) из г. Ахена. Она была приобретена у него немецким этнографом Германом Мейером (Meuer) для Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 8000 марок. В 1904 г. предметы из собрания Мингельбира были переданы в музей в составе коллекции № 845 (845, № 52, 53, 54 — рис. 2, 1–3).² В 1953 г. кожаные сосуды были опубликованы сотрудницей Отдела этнографии Америки Э. В. Зиберт (*Зиберт*, 1953. С. 93–97).

Сосуды сделаны из кожи вымени коровы, снятой единым куском, без разрезов. Первый сосуд (№ 845-52): высота — 22,0 см, диаметр венчика — 21,0 см, диаметр тулова (максимальный) — 23,5 см (рис. 2, 1–1б). Второй сосуд (№ 845-53): высота — 24,0 см, диаметр венчика — 22,0 см, диаметр тулова — 28,0 см (рис. 2, 2–2б). Третий сосуд (№ 845-54): высота — 8,8–14,3 см, диаметр венчика — 13,3 см, диаметр тулова — 13,0–13,6 см (рис. 2, 3–3б).

Со временем сосуды деформировались, но сохранили отчетливые очертания первоначальной сферической формы. Четыре соска на вымени коровы служат подставкой для придания устойчивости круглому дну. В верхней части вымени сделаны отверстия на расстоянии 0,6–1,4 см, через которые к кожаному сосуду крепился изогнутый деревянный прут (рис. 2, 1а). Кожа была прикреплена к обручу с помощью полосок хлопчатобумажной ткани (рис. 2, 2б) или (рис. 2, 1б, 3б) витого шнура из шерстяной нити. На венчиках двух сосудов остались тесемки от ручки. В обоих случаях ручка была сделана из полоски кожи. У одного из них к кожаной

ручке был привязан шнур, витой из шерстяной нити. В карточном каталоге Отдела этнографии Америки сохранился рисунок, согласно которому к венчику сосуда прикреплена двойная ручка (сосуд № 845-52), в верхней части которой были сделаны две петельки для подвешивания.

В этой же коллекции хранится деревянный сосуд арауканов, вырезанный в форме вымени (№ 845-67) (рис. 2, 4–4б). Внутренняя поверхность окрашена краской, предположительно коричневого цвета. В центре под углом 90° пересекаются две более светлые линии, образуя крест. Есть сведения о том, что мапуче использовали деревянные плоские сферической формы — «рали» — на конических ножках, в которых хранили маис или поджаренную муку (*Боркес, Адрисола*, 1987. С. 52). Воспроизведение вымени в дереве подчеркивает особое значение этой формы в традиции араукана. Скорее всего, эти емкости также использовались для хранения определенных продуктов или мелких бытовых предметов, так как сведений о культовом значении таких сосудов автором статьи найдено не было.

Информацию об использовании сосудов из кожи (в частности из вымени), подробное описание способов их производства и использования можно почерпнуть из этнографических материалов скотоводческих племен, таких, как алтайцы, калмыки, башкиры и т. д.

Традиция использования кожаных сосудов для сыпучих и жидких продуктов хорошо известна по этнографическим данным у калмыков, монголов и башкир (*Дамгинжавын*, 2002). Калмыки использовали кожаные сосуды, приспособленные для транспортировки продуктов на дальние расстояния. Посуду делали из кожи лошади, вола или верблюда. В таких емкостях перевозили пресную воду. Как правило, на плечиках сосуда делались два ушка или металлические петли с ремешками, которые исполняли роль ручки. К ручке особым ремешком, чтобы не потерялась, прикреплялась специальная деревянная пробка, которой затыкали сосуд во время переездов (*Эрдниева*, 1985. С. 100).

Сосуды из лошадиной кожи для кумыса встречались в быту башкир еще в XIX в. Кожа животных с разных частей тела использовалась для изготовления определенных форм бытовой утвари. Изделия часто сохраняли естественную форму частей шкуры и органов животных.

В кухонном хозяйстве бурят использовались кожаные сосуды и мешки из сыромятной кожи

² На все изображения сосудов индейцев араукана, использованные в статье, распространяется копрайт МАЭ РАН.

(шкура, снятые целиком с телят, ягнят, жеребят). В мешках хранили зерно, муку, в них же при перевозках укладывались различные домашние вещи.

В статье Э. В. Зиберт кожаные сосуды арауканов из вымени были опубликованы вместе с кожаным сосудом алтайцев, хранящимся в фондах Отдела Сибири МАЭ РАН (Зиберт, 1953. С. 95–96). Сосуд сделан из целого вымени коровы шерстью наружу с сосками, служащими подставкой (высота — 12,0 см, диаметр — 11–13 см). Такие сосуды, сделанные из вымени коровы-нетели, подробно описаны и в статье Е. М. Тошачковой. Они использовались для хранения жидких и сыпучих продуктов (Тошачкова, 1976. С. 186).

Вся утварь, использовавшаяся в быту кочевых племен, должна была отвечать необходимым условиям при переходах, а именно: быть прочной и легкой. Перечисленные примеры использования кожаной посуды различными этнографическими группами говорят об адаптации кожаной бытовой утвари к образу хозяйства кочевников. Она соответствует всем требованиям при длительных переходах: легкая, прочная, удобная для транспортировки. Использование шкур и внутренних органов животных в этом случае является естественным для общностей, занимающихся скотоводством и имеющих достаточное количество необходимого сырья.

Этнографические материалы из различных удаленных друг от друга регионов указывают на то, что использование кожаной посуды характерно в большей мере для скотоводческих кочевых племен, исключением являются только южноамериканские индейцы араукана. Традиция использования кожаной бытовой утвари, видимо, досталась им от предков, которые вели кочевой охотничий образ жизни. Кожаная утварь также могла использоваться для хранения продовольствия во время военных походов против инков или испанцев (Боркес, Адризола, 1987. С. 75).

На наш взгляд, кожаные сосуды из вымени у араукана, калмыков, башкир и т. д. могут дать ответ на вопрос о происхождении одной из групп археологической керамики энеолита Юго-Восточной Европы.

Наиболее важным событием эпохи энеолита в Юго-Восточной Европе является разделение скотоводческой и земледельческой культурных общностей. Различающиеся по типу

воспроизводящего хозяйства, эти две большие группы были связаны во многих бытовых областях, таких как обмен керамическими изделиями (Телегин и др., 2001. С. 18, 58; Мовша, 1961. С. 186–199), каменными орудиями и сырьем для их изготовления (Мовша, Чеботаренко, 1969. С. 46). Археологический комплекс культуры Триполья—Кукутени, распространенной на территории Румынии, Украины и Молдавии, во многом свидетельствует о связях со скотоводческой общностью (Мовша, 1961; Палагута, 1998; Телегин, 2000). Связи эти выражаются наиболее ярко в керамическом комплексе трипольской культуры на этапе В³: в способах приготовления формовочной массы, обработке поверхности сосудов, способе нанесения орнамента, сочетании элементов орнаментальных групп и некоторых других особенностях. Археологические материалы редко позволяют пролить свет на механизмы обмена. Однако морфологический анализ и привлечение этнографических аналогий дают возможность выявить прототипы форм керамических сосудов и декоративных элементов, а также наиболее благоприятную культурную среду для их происхождения.

Свидетельством связей трипольского населения с культурами скотоводческого ареала является одна из групп зооморфных сосудов. В литературе, посвященной трипольской культуре, часто фигурирует название «зооморфный сосуд» (Энциклопедия..., 2004. С. 192). К этой керамике обычно относят все сосуды, имеющие зооморфные элементы, в частности сосуды на четырех ножках (тетраподы). Среди них мы выделяем три морфологические группы.

Группа 1. Миниатюрные сосуды розового и оранжевого цветов в виде мисочек, с мелкими минеральными включениями в формовочной массе (рис. 4, 1). Внутренняя и внешняя поверхности часто декорированы расписным орна-

³ Отечественные и зарубежные исследователи традиционно используют периодизацию Т. С. Пассек, разработанную на основе типологического анализа керамики трипольской культуры (Passek, 1935; Пассек, 1949). Она выделила три больших этапа: А (ранний этап; 4845–4520 лет до н. э.), В (средний или развитый этап; 4520–3785 лет до н. э.), С (поздний этап; 3785–3245 лет до н. э.). Этапы В и С разбиты на более мелкие ступени, но в данной работе важно разделение тетраподов в рамках больших этапов. Приведены калиброванные даты (Энциклопедия..., 2004. С. 92).

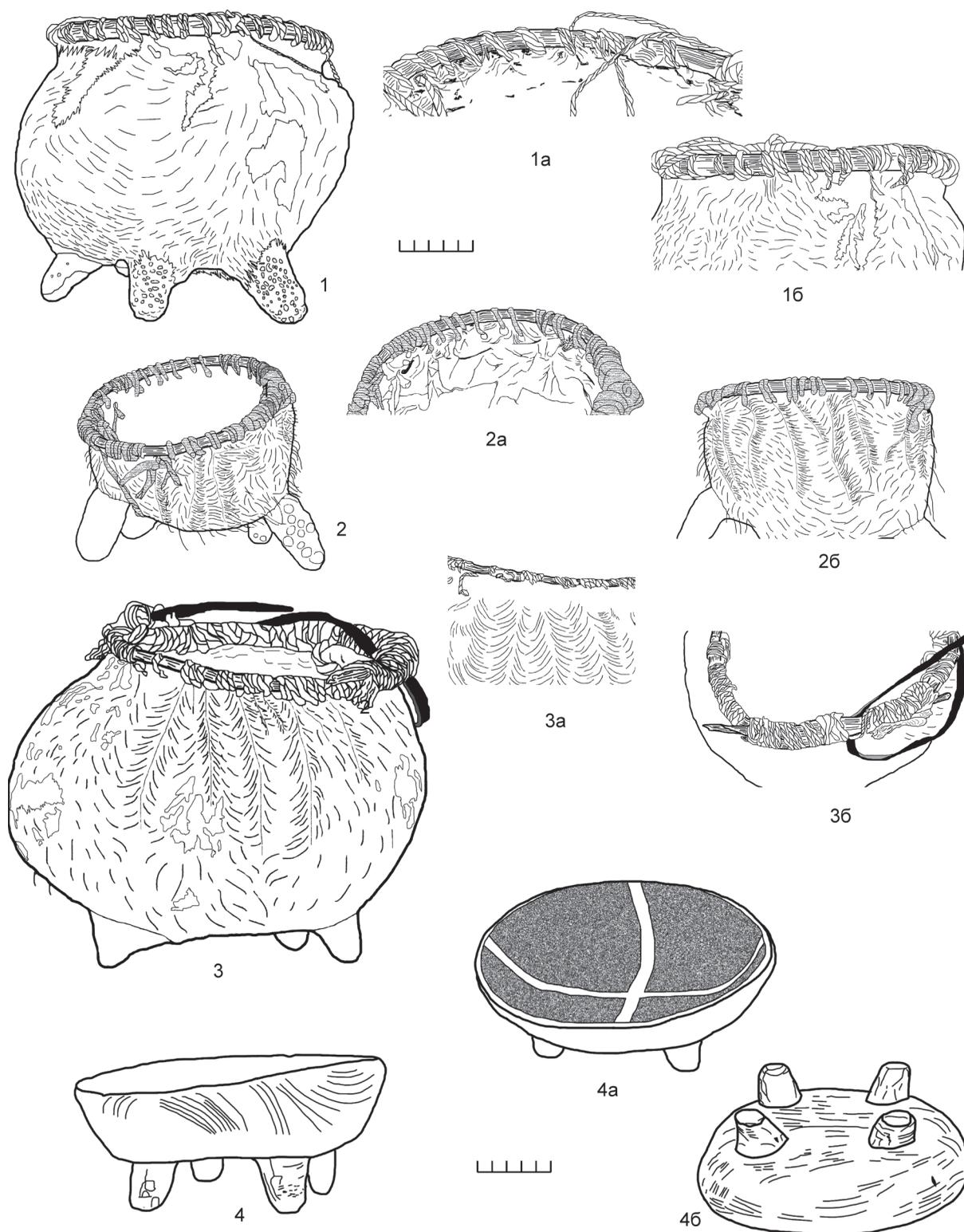

Рис. 2. Сосуды, используемые в быту индейцами араукана из фонда отдела Америки МАЭ РАН: 1–3 — сосуды из вымени (1–16 — № 845-52; 2–26 — 845-53; 3–36 — 845-54); 4–46 — деревянный сосуд в виде вымени, № 845-67

Fig. 2. Ware used by Araucanian Indians in the collection of the Department of America of MAE RAS: 1–3 — vessels made from udder (1–16 — № 845-52; 2–26 — 845-53; 3–36 — 845-54); 4–46 — wooden vessel in the form of udder, № 845-67

ментом. На среднем этапе (этап В) встречаются открытые небольшие мисочки на четырех ножках, иногда с налепами в области венчика в виде голов рогатого скота (Извоаре I, Старые Каракушаны и т.д.). Средняя высота сосудов — 3–5 см, диаметр венчика — 9 см (Энеолит..., 1982. С. 202).

Группа 2. Небольшие столовые сосуды с округлым туловом и сужающимся горлом. У некоторых из них сохранились глиняные крышки. Так же как и в первой группе, керамика розового или оранжевого цветов, с мелкими минеральными включениями в формовочной массе. Сосуды декорированы монохромной или полихромной росписью. Такие столовые сосуды с росписью были найдены, например, на поселении Парканы, относящемся к позднему периоду Триполья (этап С) (рис. 4, 7). В отличие от керамики первой группы, сосуды эти имеют закрытую форму. Средняя высота сосудов 8–10 см, диаметр тулова — 7–9 см.

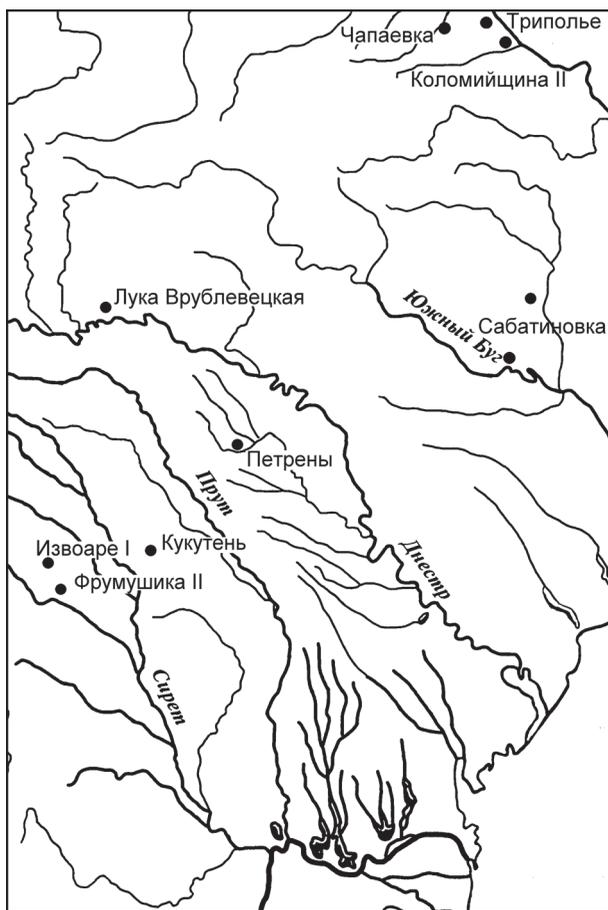

Рис. 3. Территория распространения трипольских тетраподов 2-й группы

Fig. 3. Geographic distribution of Tripolye tetrapods of the 2nd group

Группа 3. Кухонные сосуды серого цвета с округлым туловом и сужающимся горлом, с грубыми включениями в формовочной массе (рис. 4, 2, 4, 5, 6, 9). Поверхность часто декорирована углубленным орнаментом. Средняя высота сосудов — 12 см, диаметр венчика — 14 см.

Рассмотренные группы сосудов можно отнести к определенным периодам трипольской культуры: первая — этапы А, В и С; вторая — этап С, третья — этапы В и С. Нас интересует третья группа сосудов, получившая распространение на развитом этапе трипольской культуры и сохранившаяся на позднем. По типологии Т. С. Пассек, эти сосуды относятся к группе кухонной керамики (Пассек, 1949). Такая керамика, сделанная из грубой формовочной массы с добавлением толченой раковины и орнаментированная углубленным узором, появляется на развитом этапе В и маркирует установление связей с ареалом скотоводческих культур, характерными памятниками которого являются Средний Стог, Стрильча Скеля и т. д. (Мовша, 1961. С. 186–199). Сосуды на четырех ножках, относящиеся к третьей группе, были найдены только на памятниках среднего (В) и позднего (С) этапов трипольской культуры. Среди памятников Триполья В можно назвать такие, как Коломийщина II, Владимировка (В 2, 4100–3800 гг. до н. э.), Триполье, Фрумущика II; среди памятников этапа С — Чапаевка (В2–С1 3800–3200 гг. до н. э.) (Энеолит..., 1982. С. 289); Петрены, Майданецкое (С1, 3800–3500 гг. до н. э.) (Там же. 1982. С. 298); Кошиловцы-Обоз (С2, 3200–3000 гг. до н. э.) (Там же. 1982. С. 307); поселение Чечельник (С1, 3800–3200 гг. до н. э.), Дарабани II (Энциклопедия..., 2004) и некоторые другие (рис. 3). Согласно карте распространения памятников, на которых были найдены сосуды с четырьмя ножками, они не тяготеют к какому-либо географическому или локальному ареалу трипольской культуры (имеются в виду западный и восточный) (Мовша, 1961; Цвек, 2000).

Тетраподы третьей группы имеют специфическую форму: полусферическое тулово опирается на четыре маленькие ножки, венчик плавно отогнут или не выделен совсем (рис. 4, 5, 6, 9). Характерно использование углубленного орнамента. На внешней и внутренней поверхностях тулова фиксируются бессистемные следы от заглаживания зубчатым штампом (рис. 4, 8). Такие орудия, вырезанные из кости или раковины, хорошо известны по материалам раско-

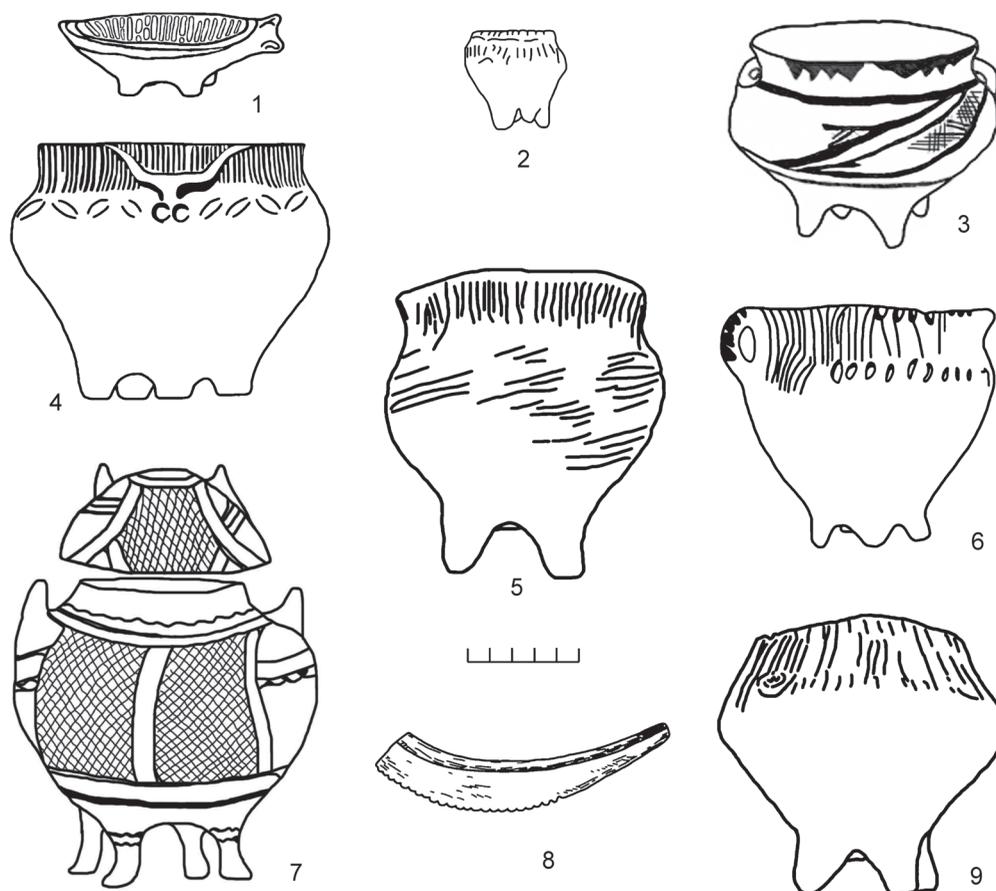

Рис. 4. Керамические тетраподы с различных памятников Трипольской культуры и костяной штамп: 1 — Подолия (Энеолит..., 1982. С. 202); 2 — Кукутени (*Schmidt*, 1932. Тfl. 23, 4); 3 — Майданецкое (*Видейко*, 2004. С. 32); 4 — Фрумушика II (*Matasă*, 1946. P. 68); 5 — Кудринцы-Дарабани (*Passek*, 1935. Pl. X); 6 — Коломийщина II (*Passek*, 1949. С. 71); 7 — Парканы (*Passek*, 1949. С. 203); 8 — зубчатый костяной штамп с п. Сабатиновка (*Passek*, 1949. С. 52)

Fig. 4. Ceramic tetrapods from different sites of the Tripolye culture and a bone stamp: 1 — Podolia; 2 — Cucuteni; 3 — Maydanetskoye; 4 — Frumușica II; 5 — Kudrintsy-Darabani; 6 — Kolomiyschchina II; 7 — Parkany; 8 — toothed bone stamp from the village of Sabatinovka

пок различных памятников трипольской культуры — Лука Врублевская (*Бибиков*, 1953); Блищанка-2 (*Конопля*, 1997); Сабатиновка (*Пассек*, 1949). Часто внешняя поверхность венчика декорирована вертикальными или наклонными углубленными линиями — «расчесами» (рис. 4, 4, 6). Иногда плечико и срез венчика орнаментированы косыми насечками (рис. 4, 2). Некоторые сосуды имеют круглую в сечении ручку, прикрепленную одним концом к венчику, а другим к тулову сосуда (рис. 4, 6).

Принимая во внимание рассмотренные выше этнографические материалы, отметим, что особый интерес вызывает устойчивый способ орнаментации этих трипольских сосудов. Срез венчика декорирован косыми насечками, нанесенными примерно на одинаковом расстоянии (рис. 4, 6). Такой орнамент может яв-

ляться рудиментом от шнура, которым крепили деревянный прут к верхней части вымени. Расчески, вертикальные на горле и бессистемные на тулове, изображают шерсть на вымени (рис. 4, 4, 5, 6, 9). Крепление маленькой, нефункциональной ручки у венчика (рис. 4, 6) соответствует ушку для крепления деревянных крышек у этнографических сосудов калмыков (*Эрдниева*, 1985. С. 100). Такие сосуды, распространенные в период Триполья В, сделанные из формовочной массы, характерной для скотоводческих культур, иногда обладают и другими специфическими признаками. Например, на тулове сосуда из Фрумушиков II было обнаружено рельефное изображение головы быка или коровы (Энеолит..., 1982. С. 285) (рис. 4, 4).

Особенности рассмотренных сосудов в виде вымени могут говорить о традиции воспроизведе-

дения в глине кожаных емкостей, использовавшихся скотоводами. К сожалению, прямая преемственность не может быть прослежена по археологическим материалам в силу того, что органические материалы не сохранились.

Учитывая специфический характер использованной формовочной массы, форму (рис. 4, 4), характерные ручки в области венчика, орнамент, имитирующий фактуру материала, можно предположить, что такие сосуды были заимствованы у скотоводов и что прототипом этих сосудов служили кожаные емкости, изготовленные из вымени.

Говорить об использовании для конструирования глиняного сосуда кожи вымени в качестве формы-основы или формы-емкости пока основания нет, так как поверхность сосудов никогда не изучалась с этой точки зрения.

При длительном общении двух культурных общностей традиция изготовления сосудов в виде вымени на этапе В трипольской культуры могла укрепиться по разным причинам: во-первых, эти сосуды могли попасть в трипольскую среду уже в готовом виде, в результате обмена, во-вторых, гончары-скотоводы делали керамику привычной формы из традиционной формовочной массы на трипольских поселениях, в-третьих, трипольский гончар по каким-либо причинам воспроизводил традиционно скотоводческую форму и, наконец, распространение глиняных сосудов в виде вымени может быть объяснено модой на такую форму. В то же время параллельно продолжалось производство традиционных расписных миниатюрных зооморфных сосудов, выполненных из формовочной массы с мелкими минеральными включениями

На этапе С скотоводческая традиция настолько укрепилась в Триполье, что нашла отражение в сосудах, выполненных по канонам трипольской технологии, но имеющих форму в виде вымени с характерными декоративными элементами. Некоторые сосуды стали изготавливаться с глиняными крышками. При этом в трансформированном виде сохранились элементы, связанные с изначальной формой кожаных сосудов: соски на вымени превратились в четыре ножки-подставки; петли для крепления крышки передавались в виде маленьких нефункциональных ручек или вертикальных выступов на плечиках и крышке; сосуд сохранил закрытую форму, близкую к вымени; углубленные косые расчески на венчике сосуда

заменил расписной орнамент в виде линии свисающих треугольников. Такой тетрапод, копирующий форму кухонных сосудов в виде вымени, был обнаружен на поселении Майданецкое (Видейко, 2004. С. 32) (рис. 4, 3).

Рассмотренные в статье этнографические параллели позволяют предложить возможный ответ на вопрос о происхождении формы трипольских тетраподов. Экстраполяция данных этнографии нового времени на общество доисторической эпохи представляется в данном случае уместной и позволяет предположить, что для энеолитических скотоводческих общностей также было характерно использование кожаных емкостей из вымени, которые и являлись прототипами форм одной из групп трипольских «зооморфных» сосудов.

Возможно, новая информация о происхождении такой формы сосудов станет доступна после более тщательного анализа керамической технологии. А именно исследования способов конструирования и формообразования тетраподов на различных этапах трипольской культуры. Наличие глиняных сосудов в виде вымени в комплексах скотоводческих энеолитических культур и их технологический анализ может объяснить, каким путем подобные сосуды появились на памятниках трипольской культуры.

Березкин, 1981 — Березкин Ю. Е. Этническая история Чили // Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981.

Бибиков, 1953 — Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская. М.; Л., 1953.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Боркес, Адрикола, 1987 — Боркес С. А., Адрикола Р. А. История и этнография народов мапуче. М., 1987.

Видейко, 2004 — Видейко М. Про характер та обсяги виробництва глиняного посуду в трипольських протоміста // Український керамологічний журнал. Опішня. 2004. № 2–3.

Дамгинжавын, 2002 — Дамгинжавын М. Памятники истории и культуры Монголии. Воронеж, 2002.

Энциклопедія..., 2004 — Энциклопедія трипольської цивілізації / Голов. Ред. М. Ю. Видейко. Київ, 2004.

Зиберт, 1953 — Зиберт Э. В. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1953. Т. 14.

Конопля, 1997 — Конопля В. Поселення кошиловецької групи трипольської культури Блищанка-2 // Наукові записки. Львів, 1997. Вип. 6, ч. 1.

- Мовша*, 1961 — *Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // *СА*. 1961. № 2.
- Мовша, Чеботаренко*, 1969 — *Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф.* Энеолитические курганные погребения у ст. Кайнары в Молдавии // *КСИА*. 1969. Вып. 115.
- Палагута*, 1998 — *Палагута И. В.* К проблеме связей Триполья—Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // *РА*. 1998. № 1.
- Пассек*, 1949 — *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений. М.; Л., 1949 (МИА; № 10).
- Телегин*, 2000 — *Телегин Д. Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // *РА*. 2000. № 1.
- Телегин и др.*, 2001 — *Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: археолого-антропологический анализ и каталог памятников. Луганск, 2001.
- Тоцакова*, 1976 — *Тоцакова Е. М.* Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // *Материальная культура народов Сибири и севера*. Л., 1976.
- Цвек*, 2000 — *Цвек Е. В.* Восточнотрипольская культура и контакты ее носителей с энеолитическими племенами Европы // *Актуальные проблемы археологии*. Киев, 2000.
- Эрдниева*, 1985 — *Эрдниева У. Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985.
- Энеолит..., 1982 — Энеолит СССР / Отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М., 1982 (Археология СССР).
- Cooper*, 1946 — *Cooper J. M.* The Araucanians // *Handbook of South American Indians*. Washington, 1946. Vol. 2.
- Handbook...*, 1946a — *Handbook of South American Indians*. Washington, 1946. Vol. 1.
- Handbook...*, 1946b — *Handbook of South American Indians*. Washington, 1946. Vol. 2.
- Matasă*, 1946 — *Matasă C.* Frumușica. București, 1946.
- Passek*, 1935 — *Passek T. S.* La céramique tripolienne // *Известия ГАИМК*. М.-Л., 1935. Вып. 122.
- Schmidt*, 1932 — *Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig, 1932.
- Steward, Faron*, 1959 — *Steward J. H., Faron L. C.* Native peoples of South America. London, 1959.
- Willey*, 1946 — *Willey G. R.* Ceramics // *Handbook of South American Indians*. Washington, 1946. Vol. 5.

Leathern Jars of the Araucanian Indians and Some Other Ethnological Communities as a Model for Reconstruction of Ancient Pottery-Making Traditions

L. M. Yakovleva

In studies of ancient pottery, often the problem is posed of the origin and evolution of its shapes. On the surface of some vessels there are remained imprints of the shaping moulds and container-moulds from organic materials, e.g. basketry or animal viscera, nutshells etc. It is therefore natural to suppose that at the early stages of pottery-making, the shape of many vessels was influenced by these bases or containers. The origination of some types of ceramic tetrapod vessels known in the Tripolye archaeological culture is possibly traceable using ethnographic evidence of the Araucanian Indians in Chile as well as some peoples of Eastern Europe and Asia.

It seems that leathern vessels made from cow's udders used by the Araucanians, Kalmyks, Bashkirs etc. can explain the origin of one group among the archaeological pottery of Tripolye. The cultural relation with a stock-breeding community is most distinctively manifested in the ceramic complex of the Tripolye culture at its stage B. Archaeological evidence not often allows us to shed light onto the mechanisms of interchange of cultural traditions. Never-

theless, morphological analysis and application of ethnographical parallels are able to identify the prototypes of the shapes of ceramic vessels and their decorative patterns borrowed from pastoralists.

One of the groups of zoomorphic pottery indicates the links of the Tripolye people with cultures of the stock-breeding area. These are cooking tetrapods manufactured by technology typical to pastoralists. The decoration of these Tripolye ware imitates the elements peculiar to leathern containers: oblique incisions which may have been a rudiment of the cord with which sticks were attached to the upper parts of udders, the combed designs on the neck and body of the vessels symbolizing the hair on the udder, etc.

Extrapolation of modern ethnographic evidence to the community of the prehistoric period seems in our case to be quite appropriate suggesting that Eneolithic pastoralist communities also used leathern containers made from udders which became the prototypes of the shape of one of the groups of Tripolye «zoomorphic» pottery.

Эллинистические винодельни Мирмекия

Е. В. Грицик¹

Одной из отличительных черт Мирмекия эллинистического и римского периодов являются открытые на его территории винодельни. В. Ф. Гайдукевич в одной из своих работ справедливо назвал Мирмекий «городом виноделов» (Гайдукевич, 1966. С. 396–409), ведь на городище в настоящий момент известно 15 стационарных, так называемых композитных, виноделен указанного времени, больше, чем на других памятниках Боспора.

Практически все винодельни эллинистического времени были открыты экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича (М-1, М-5, М-6, М-7, М-8, М-10). Исключение составляют винодельня М-4, которая была исследована польской экспедицией во главе с К. Михайловским в 1956–1957 гг., и винодельня М-14, открытая в 1993 г. Боспорской экспедицией ИИМК РАН.

На сегодняшний момент можно уверенно говорить о том, что из восьми рассматриваемых эллинистических виноделен четыре являлись частью крупных винодельческих хозяйственно-жилых комплексов (М-1, М-4, М-5, М-6).

Винодельня М-1 открыта в северной части Мирмекия на раскопе «Б» (рис. 1, 2). Комплекс дома винодела был построен в конце III в. до н. э. и существовал до II в. н. э., подвергаясь нескольким перестройкам и перепланировке. В результате этих работ более ранние строительные остатки могли быть полностью разобраны. Так как рамки настоящей работы ограничены эллинистическим периодом, основное внимание будет уделено попытке реконструк-

ции винодельческого комплекса конца III–I вв. до н. э.

Здание состояло из двух дворов, разделенных стеной с дверным проемом. Помещение с винодельней и три жилые комнаты были расположены с северной стороны. Одно помещение, возможно, также построенное в эллинистическое время, находилось в юго-восточном углу восточного двора. Вход в дом был с западной стороны. Вполне уверенно можно говорить о наличии во дворах дома двух портиков. Один располагался вдоль помещения с винодельней и был оформлен стилобатом, который служил опорой для несущих частей перекрытия. Вторым портик находился в южной части восточного двора и представлял собой перекрытие на деревянных опорах, возведенное над вымосткой из прямоугольных плит (Крыжицкий, 1982. С. 66, рис. 25 3, 4).

Комплекс четко делится на две половины: производственную, включающую западный двор и помещение с винодельней, и жилую с восточным двором и помещениями вокруг него.

В помещении винодельни были расположены резервуары I, IIa и IIб и примыкающие к ним давяльные площадки. Благодаря различному составу цемента, покрывающего отдельные части винодельни, можно проследить несколько этапов ее обустройства. В обмазке стен внутри резервуара I и части цементного пола возле давяльной плиты под слоем верхней белой обмазки заметна примесь толченой керамики в виде редких и довольно крупных вкраплений. Сюда входит большое количество крупного песка, камешков, гальки. Этот цемент более ранний и зафиксирован почти во всех частях винодельни. В то же время пол восточной половины помещения, стены винодельни и резервуаров IIa и IIб были покрыты слоем

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

© Е. В. Грицик, 2012

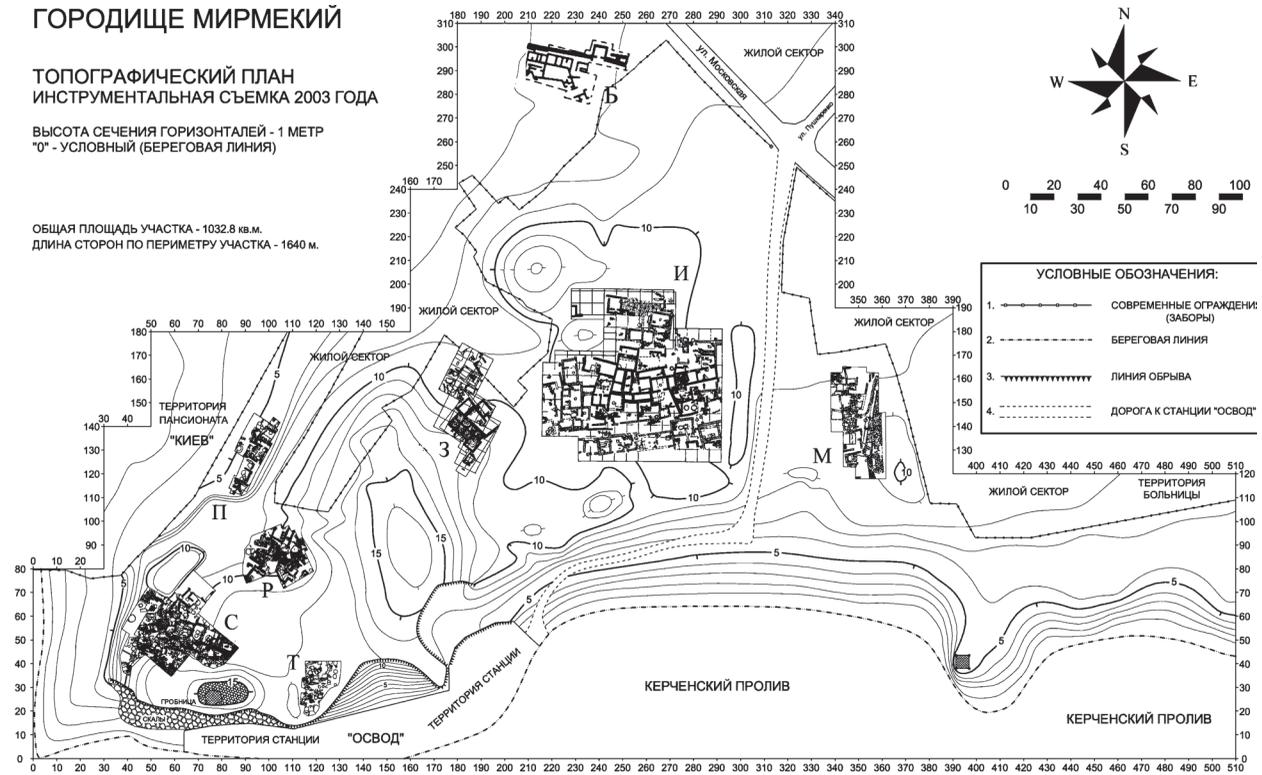

Рис. 1. Общий план городища Мирмекий (съемка 2003 г.)
Fig. 1. General plan of the townsite of Murgmekion (surveys of 2003)

цемента с красноватым оттенком, что означает примесь мелкотолченой керамики, которую стали применять в римский период (*Гайдукевич и др.*, 1941. С. 115–116). Следовательно, резервуар I был сооружен во II в. до н.э. и использовался приблизительно до I в. н.э. С появлением резервуара I была также перестроена цистерна, которую при помощи перегородки разделили на резервуары IIа и IIб. Таким образом, винодельня претерпевает несколько перестроек во время своего функционирования в период эллинизма. Первоначально она имела один резервуар и давящую площадку, что соответствует варианту композитных виноделен с одним резервуаром (типа KI-1a). Подобные винодельни известны уже с середины III в. до н.э. и существовали вплоть до II в. до н.э. (*Винокуров*, 1999. С. 20–21). Чуть позже добавились тарапан для пресса и еще одна цистерна. В таком виде винодельня существовала до первых веков нашей эры. Этот тип относится к варианту композитных виноделен с двумя стандартно расположенными резервуарами (тип KI-2). Начало становления данного типа приходится на рубеж II–I вв. до н.э. (Там же. С. 23).

С появлением пресса в устройстве винодельни процесс производства вина стал более

сложным. Поступавший в обработку виноград сначала давили ногами на площадке. Сок стекал в резервуар IIб, больший по объему и дававший в дальнейшем первосортное вино. Оставшаяся после отжима ногами масса мятого винограда (миздра) складывалась в поддающуюся давлению тару (например, мешок) и отправлялась на каменное ложе (тарапан), где подвергалась давлению прессом. Выжатый сок давал вино второго сорта. Количество сока, получавшегося при второй отжимке, было значительно меньшим, чем при первой, поэтому и отсек имел соответствующие размеры.

Восточная часть винодельческого комплекса состояла из группы хозяйственных и жилых комнат, расположенных к северу и востоку от двора. Помещение I, очевидно, имело хозяйственное назначение, так как в нем были обнаружены обломки глиняных пифосов и большая яма. Очаг в помещении II и наличие каменной вымостки в помещении III, скорее всего, указывают на то, что эти помещения являлись жилыми комнатами. Входы в помещения I и III находились со стороны двора, в то время как помещение II было проходной комнатой.

Другой крупный винодельческий комплекс M-5 был открыт на раскопе «И» в центральной

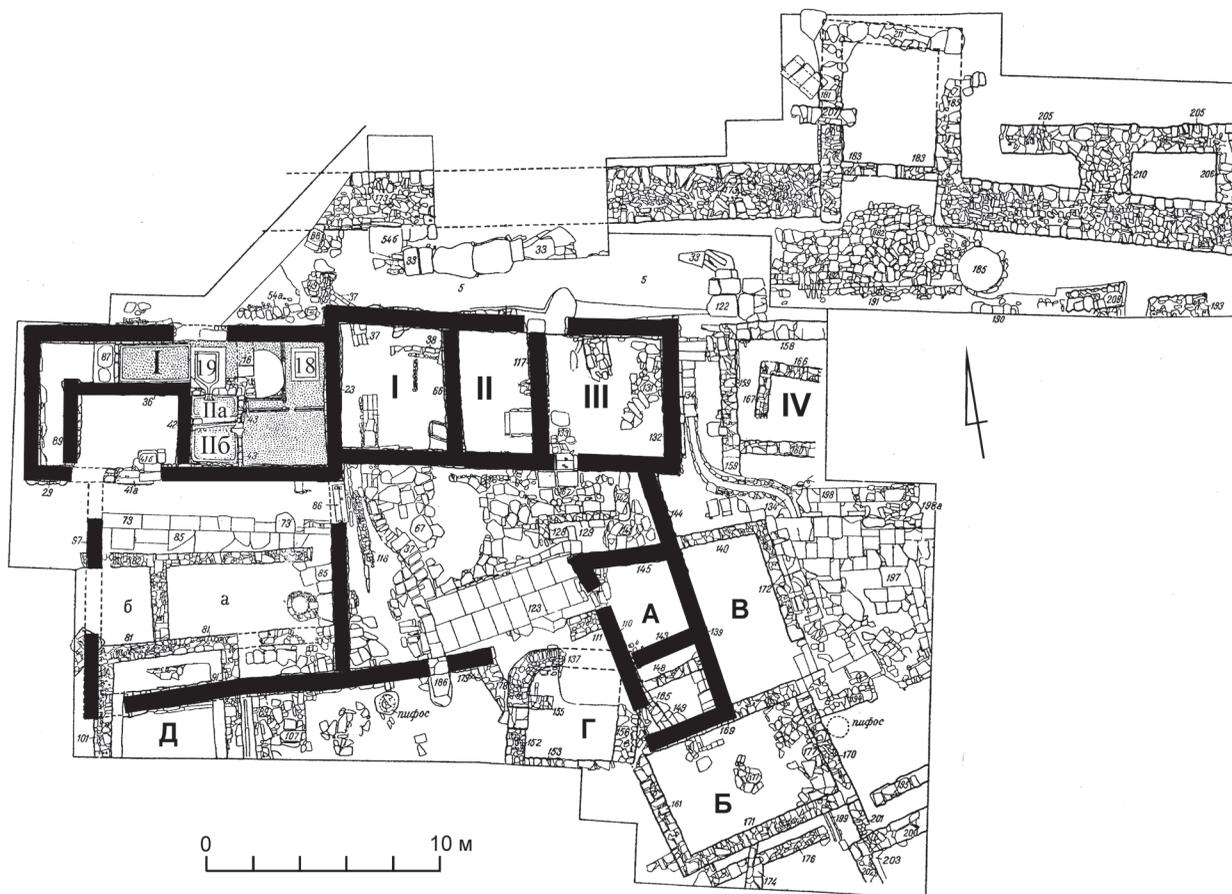

Рис. 2. Раскоп «Б». Винодельческий комплекс М-1

Fig. 2. Excavation «Б». Wine-making complex M-1

части городища (рис. 3). Постройка состоит из комплекса помещений, расположенных вокруг центрального мощеного двора. Дом также можно разделить на две части: производственную (помещение с винодельней) и хозяйственно-жилиую (остальные помещения, с восточной и южной сторон от двора).

За исключением нескольких помещений (I и V), комплекс был возведен единовременно в середине—второй половине III в. до н. э. Винодельня М-5 состояла из одной четырехугольной цистерны и одной давяльной площадки трапециевидной формы. Между цистерной и давяльной площадкой возведена стена, через которую проходит канал со сливом для стока виноградного сула в цистерну. Давяльная площадка покрыта слоем строительного раствора, по составу аналогичного покрытию на полу всего помещения. Поверх этого покрытия был нанесен второй, наружный слой раствора без примеси морского песка (Гайдукевич, 1987. С. 99). Отсутствие в составе строительного раствора примеси измельченной керамики указывает на

то, что винодельня была сооружена не позднее II в. до н. э., когда начали применять цемянку. Цистерна сложена из небольших камней известняка, аккуратно подтесанных и тщательно оштукатуренных раствором того же состава, что и давяльная площадка. Винодельня относится к варианту композитных виноделен с одним резервуаром (типа КИ-1а), которые были распространены с середины III в. до II в. до н.э. (Винкуров, 1999. С. 20–21). На полу помещения и в заполнении цистерны был обнаружен материал III–II вв. до н. э. (Гайдукевич, 1987. С. 100).

Мощеный двор здания имеет четырехугольную форму. Во дворе возможно наличие портика, на что указывает найденный около одной из стен блок округлой формы с прямоугольной вырубкой сверху для установки деревянного столба. С северной стороны от двора находилось помещение с винодельней. С восточной стороны шел ряд помещений как жилого, так и хозяйственного назначения.

Полукруглый очаг и сохранившаяся обмазка белой глиной одной из стен в помещении II

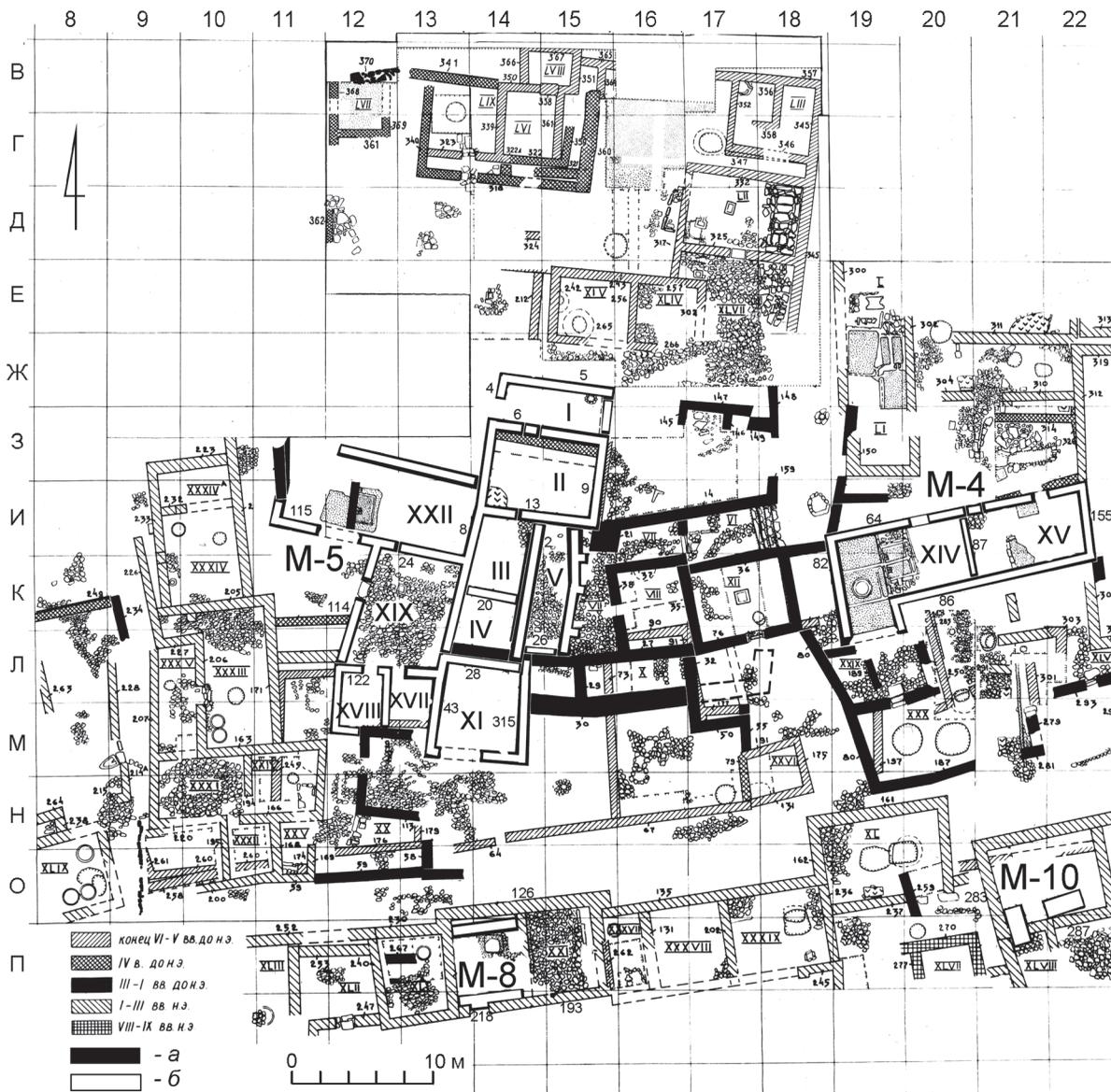

Рис. 3. Раскоп «И»: а — постройки эллинистического времени; б — винодельческие комплексы
Fig. 3. Excavation «И»: 1 — buildings of the Hellenistic period; 2 — wineries

указывают на его жилое назначение. Однако это помещение в планировочной системе дома изолировано от остальных жилых комнат и с северной стороны имело вход, который вел напрямую в кухню через стену 13. Можно предположить, что данное помещение использовалось для размещения там контингента зависимых работников. Подобные помещения выделены в планировке другой мирмекийской винодельни М-1 на раскопе «Б» (Крыжицкий, 1982. С. 68).

С достаточной степенью уверенности можно говорить об использовании помещения III в качестве кухни. На это указывают несколько сохранившихся очагов, следы угля и части обо-

женного сырца, а также найденные здесь фрагменты кухонной посуды (Кастанаян, 1948. Д. 123, л. 16, 19). Расположенное рядом помещение IV, вероятно, имело хозяйственное назначение. С южной стороны двора были расположены три жилых помещения.

В первой половине II в. до н. э. производится перепланировка здания. С северной стороны помещения II пристраивается небольшое помещение I, которое имело хозяйственное назначение и использовалось в качестве кладовки. В это же время с восточной стороны здания возводятся стены 18 и 26, которые образуют редкое в античной архитектуре Северного Причерноморья сооружение. Стена 18, ограни-

чивая уличное пространство, протянулась на всю длину помещений III и IV, представляя собой сплошную стену, с наружной стороны которой имеются выступы — «контрфорсы». Дверные проемы в помещение V не были зафиксированы, а в стене 12 на высоте около метра обнаружены четырехугольные отверстия. Вероятно, помещение V представляет собой систему дымохода, связанного с кухонными помещениями III и IV, где были обнаружены очаги. Данная система позволяла не только выводить дым из помещений, но и отапливать дом.² Так как стена 18 имеет дополнительное укрепление в виде «контрфорсов», можно предполагать возведение во второй строительный период второго этажа над кухонными помещениями, которые могли отапливаться с помощью дымохода. Прямые аналогии подобным сооружениям можно найти в античном домостроительстве Олинфа (*Robinson, Graham, 1938. P. 189–191, fig. 14, pl. 49*).

После перестройки здание продолжало существовать до начала I в. до н. э., на что указывают находки, которые не выходят за пределы первой четверти этого столетия. Прежде всего, это фрагменты «мегарских» чаш местного производства, обнаруженные в заполнении помещений. Известно, что мастерская Деметрия была основной мастерской по производству рельефных чаш на Боспоре, время ее существования относится к самому концу II—первой четверти I в. до н. э. (*Коваленко, 1989. С. 20*).

Винодельня М-4, раскопанная в восточной части участка «И», была исследована польскими учеными в 1956–1958 гг. во время работы на Мирмекии совместной советско-польской экспедиции. От комплекса сохранилось два помещения (XIV, XV), в одном из которых осуществлялось производство вина. Помещение, где находилась винодельня, имеет Г-образную форму. Здесь были обнаружены три расположенные в ряд давящие площадки и два резервуара, в которые поступал выжатый сок (*Michałowski, 1958. S. 49–50*). Две боковые давящие площадки имели гладкую, ровную поверхность, покрытую известковым раствором с примесью толченой керамики, и предназначались для отжима винограда ногами. Средняя давящая площад-

ка, где *in situ* сохранился круглый тарапан, была предназначена для пресса. Конструкция пресса, очевидно, представляла собой простое рычажное устройство с навесной гирей, которая могла состоять из одного или нескольких камней. Возможно, как раз для этих целей и служил найденный в засыпи одного из резервуаров каменный блок весом 550 кг со сквозным отверстием. Используя блок в качестве гири, его могли подвешивать на передний конец деревянного бруса (*Гайдукевич, 1958а. С. 457*).

Пол в восточной части помещения с винодельней был земляным, за исключением небольшого пространства вокруг цистерн, где сохранилась каменная вымостка. Вход в помещение был с севера. По устройству винодельни ее можно отнести к композитным с двумя стандартно расположенными резервуарами (тип К1-2) (*Винокуров, 1999. С. 33*).

Второе сохранившееся помещение находится с восточной стороны от помещения с винодельней. Помещение служило, вероятно, подвалом для хранения готового вина. На это указывают как найденные здесь многочисленные фрагменты пифосов, так и уровень пола, который ниже пола винодельни на 0,25–0,35 м (*Sztetyło, 1976. S. 20*).

Наличие толченой керамики в растворе, покрывающем давящие площадки, а также найденный здесь материал позволяют ограничить время существования винодельни II—I вв. до н. э. (*Sztetyło, 1976. С. 26*).

Довольно сложно говорить о планировке винодельческого комплекса в целом. Учитывая расположение дверных проемов с северной стороны помещений, можно предположить, что здесь находился двор. Об этом также может свидетельствовать участок сохранившейся каменной вымостки, где была обнаружена цистерна грушевидной в разрезе формы, которая могла использоваться для сбора дождевой воды.

Несомненно, открытые помещения являлись частью крупного винодельческого комплекса, скорее всего, не уступавшего комплексам М-1 и М-5. Сложная система устройства давящих площадок, предполагающая более тщательный процесс обработки винограда, наличие пресса, новые технические дополнения в конструкции резервуаров, помещение-хранилище — все это говорит о прогрессе в развитии винодельческого производства на Боспоре. Винодельня М-4 является своего

² Подобное предположение в отношении данного сооружения также высказала Е. Г. Кастанаян в одном из своих докладов на секторе античной археологии ЛОИА АН около 40 лет назад.

последующих реконструкций. Она появилась в III в. до н. э., когда на Боспоре при строительстве виноделен еще не употреблялись растворы с гидравлической добавкой в виде цемянки. Крупной перестройке винодельня, очевидно, подверглась около второй половины II в. до н. э., когда стали применять строительные растворы с добавлением толченой керамики (*Гайдукевич, 1958а. С. 452*). К перестройкам относится и возведение перегородки между цистернами II и III, так как следов белого цемента на ней не прослеживается, в отличие от стен цистерн (*Пругло, 1960. С. 271*).

Плохая сохранность остатков здания не позволяет восстановить его планировку. Можно уверенно говорить о наличии в комплексе мощеного двора, к которому с севера примыкало помещение с винодельней. Остальные комнаты располагались с западной и, возможно, южной сторон от двора. С востока здание ограничивала глухая стена, выходящая на улицу, шедшую параллельно оборонительной стене.

В южной части раскопа М были обнаружены остатки другой винодельни М-7, от которой сохранились небольшой фрагмент давяльной площадки и две цистерны. Давильная площадка состоит из основания, образованного поставленными на ребро обломками боспорских черепиц, и покрытия из нескольких слоев цемента с примесью толченой керамики (*Гайдукевич, 1958а. С. 457*). Среди образцов черепицы, найденных в основании площадки, одним из самых поздних является обломок с клеймом ПА[NTI] (М-58/2002) времени Спартока V, датирующийся 205–185 гг. до н. э. (*Анохин, 1999, рис. 61, 149*). На этом основании строительство винодельни можно отнести к началу II в. до н. э. К западу от давяльной площадки находится цистерна I. Все стенки цистерны, кроме западной, первоначально были оштукатурены белым строительным раствором без примеси цемянки. На западной стенке имеется только розовое покрытие, что указывает на перестройку цистерны после второй половины II в. до н. э. (*Гайдукевич, 1987. С. 160–161*). К югу от разрушенной давяльной площадки открыты остатки цистерны II, восточная и южная части которой уничтожены. Цистерна покрыта белым раствором в несколько слоев.

Винодельня М-14, которая представлена лишь частично сохранившейся цистерной, была открыта и исследована в 1993 г. Мирмекийским отрядом Боспорской экспедиции

ИИМК РАН под руководством Ю. А. Виноградова.

Винодельня располагалась с восточной стороны от акрополя городища, на раскопе «С». Цистерна находится в углу помещения римского времени. Она была впущена в материк на глубину 0,6 м. Полностью выявлен лишь северо-западный ее борт длиной 2 м. По краям цистерна, очевидно, была обложена камнем, а стенки и дно тщательно промазаны известковым раствором (*Виноградов, 1993. Д. 19, л. 19*).

Судя по заполнению цистерны, в которой были найдены родосские, косские амфоры, фрагменты «мегарских» чаш, монеты, винодельня функционировала в эллинистическое время и прекратила свое существование в конце II или начале I в. до н. э. (Там же, л. 20).

Мирмекийские винодельни М-1, М-4, М-5, М-6 относятся к крупным хозяйственно-жилым винодельческим комплексам, которые функционировали на протяжении нескольких столетий вплоть до римского времени, а некоторые и значительно дольше (М-1). Все они представляли собой крупные многокамерные постройки, где вокруг двора группировались хозяйственные и жилые блоки помещений.

Одной из самых ранних виноделен является М-5, которая появилась в центральной части Мирмекии в середине–второй половине III в. до н. э. В конце этого столетия в северной части города появляется винодельня М-1. Совершенно очевидно, что обе эти винодельни изначально планировались как часть крупных винодельческих хозяйств. Вероятно, в их число также можно включить и винодельню М-6, построенную в III в. до н. э. на восточном участке города. В это же время к юго-востоку от винодельни М-5 строится винодельня М-10, плохая сохранность которой не позволяет говорить о ее планировочной структуре.

Следующим этапом в развитии винодельческого производства в Мирмекии можно считать II в. до н. э. В это время происходят перестройки уже существующих винодельческих комплексов. Так, значительно меняется производственная часть винодельни М-1, где путем добавления тарапана для пресса усложняется процесс изготовления вина. Винодельческий комплекс М-5 также претерпевает перестройки, но главным образом они касаются хозяйственно-жилой части здания.

Во II в. до н. э. в центральной части города к востоку от винодельни М-1 был построен еще

один крупный винодельческий комплекс М-4. Несмотря на то что от него сохранились только два помещения (одно — собственно винодельня, второе — винохранилище) и прилегающий к ним двор, можно предполагать, что они являлись частью схожего комплекса с открытыми ранее хозяйственно-жилыми постройками (М-1, М-5). Следует отметить, что конструкция винодельни включала в себя круглый тарапан для пресса, следовательно, виноград подвергался двойной обработке, и винодельня производила как минимум два сорта вина.

В первой половине II в. до н. э. винодельня М-10 прекратила свое существование, а к западу от нее во второй половине этого столетия появилась винодельня М-8. В восточной части города в начале II в. до н. э. строится новая винодельня М-7 и во второй половине столетия перестраивается винодельня М-6. В это же время с восточной стороны от акрополя появляется винодельня М-14.

Практически все перечисленные выше винодельни существуют до I в. до н. э. Винодельни М-7 и М-14 гибнут в конце II в. до н. э., М-6 — в конце II в. или начале I в. до н. э., М-5 — в начале I в. до н. э. Винодельни М-4 и М-8 перестают существовать в течение I в. до н. э. Единственной винодельней эллинистического времени, продолжавшей функционировать в римское время, является М-1.

Рассмотренные выше винодельческие комплексы были открыты на всех основных участках, исследованных на городище. Показательно, что они располагаются в разных частях Мирмекия и даже вблизи от акрополя, чтошний раз подтверждает вывод о широком распространении здесь виноделия в эллинистическое время.

Сохранность нескольких мирмекийских виноделен позволяет провести предварительные расчеты их производительности в указанный период. Учитывая большое количество открытых в Северном Причерноморье винодельческих комплексов, вопросы, связанные с нормами выработки и производительностью виноделен, неоднократно рассматривались в работах исследователей (*Гайдукевич*, 1958а. С. 395–397, 450; *Блаватский*, 1953. С. 146; *Грач*, 1979. С. 100; *Щеглов*, 1977. С. 210–215; *Винокуров*, 1999. С. 69–75). Согласно этим данным можно выделить определенные метрические показатели, связанные с объемами перерабатываемого винограда и получаемого из него сока, позволяю-

щие рассчитать производительность отдельно взятой винодельни. Прежде всего, это объем резервуаров, вместимость цистерн в подсобных помещениях при винодельнях и площадь рабочей поверхности давяльных платформ. Учитывая сохранность дошедших до нас остатков виноделен, когда зачастую довольно сложно реконструировать реальные размеры того или иного объекта, использовать сразу все три показателя не всегда возможно. В большинстве случаев удается восстановить емкость резервуаров виноделен, реже — площадь рабочей поверхности давяльных площадок и исключительно редко — вместимость находящихся в подсобных помещениях цистерн, предназначенных для брожения вина.

Для расчета производительности мирмекийских виноделен в эллинистический период можно использовать метрические показатели наиболее хорошо сохранившихся виноделен М-1, М-4, М-5, М-6 и М-7 (табл. 1–3).

Производительность данных виноделен была достаточно высокой. Например, винодельня М-1 в I в. до н. э. имела резервуары емкостью 9,7 куб. м и 10,9 куб. м, т. е. за один раз, за одну технологическую операцию винодельня могла производить до 20 тыс. литров виноградного суслу. Проведенные расчеты показывают, что в III в. до н. э. рассмотренные выше винодельни одновременно могли изготавливать около 19,5 тыс. литров вина, во II в. — около 27 тыс. литров и в I в. до н. э. — около 27,3 тыс. литров (табл. 4). Следует помнить, что данные расчеты касаются только разовой, а не абсолютной за весь сезон, переработки винограда и, несомненно, получаемые данные довольно условны. Однако следует думать, что они отражают по крайней мере минимальные показатели производительности виноделен. Учитывая непринятые в расчет из-за плохой сохранности остатки еще трех мирмекийских виноделен (М-8, М-10, М-14), а также возможность открытия на территории городища новых винодельческих комплексов, можно предположить, что минимальный объем производительности вина был по крайней мере в два раза выше.

Зная объем резервуаров и, соответственно, количество производимого вина, можно вычислить, сколько требовалось переработать винограда, чтобы резервуары были заполнены целиком. Необходимые вычисления можно выполнить, используя формулу, предложенную Н. И. Винокуровым: $M_{пв} = 100V:65 = 1.54V$, где

Таблица 1. Метрические показатели и объемы производства отдельных виноделен III в. до н. э.**Table 1.** Metric evaluations and production volumes of particular wineries of the 3rd century BC.

	М-1	М-4	М-5	М-6
Давильная площадка				
Размер, м	3,75 × 5,30		1,40–1,77 × 2,42	2,56–2,95 × 2,65–3
Резервуар I				
Размер, м			1,15 × 1,54, гл. 1,47	0,62 × 1,23, гл. 1,37
Емкость, л			2603	1095
Кол-во переработанного винограда, кг			4009	1609
Площадь виноградника, га			1,3	0,5
Резервуар II				
Размер, м	1,65 × 3,10, гл. 1,90			1,23 × 1,59, гл. 1,45
Емкость, л	9719			2836
Кол-во переработанного винограда, кг	14967			4367
Площадь виноградника, га	4,9			1,4
Резервуар III				
Размер, м				1,23 × 2,67, гл. 1
Емкость, л				3287
Кол-во переработанного винограда, кг				5057
Площадь виноградника, га				1,6

Таблица 2. Метрические показатели и объемы производства отдельных виноделен II в. до н. э.**Table 2.** Metric evaluations and production volumes of particular wineries of the 2nd century BC.

	М-1	М-4	М-5	М-6	М-7
Давильная площадка					
Размер, м	3.75 × 5.30	A1– 3,12 × 6,48 A2– 2,90 × 6,48	1,40– 1,77 × 2.42	2,56– 2,95 × 2,65–3	0,7 × 1,0
Резервуар I					
Размер, м		1,57 × 0,85, гл. 1,50–1,55	1,15 × 1,54, гл. 1,50–1,55	0,62 × 1,23, гл. 1,37	1,50 × 2,20, гл. 0,78
Емкость, л		2068	2603	1095	2574
Кол-во переработанного винограда, кг		3185	4009	1609	3964
Площадь виноградника, га		1	1.3	0.5	1.3
Резервуар II					
Размер, м	1,65 × 3,10, гл. 1,90	1,57 × 1,13, гл. 1,43–1,50		1,23 × 1,59, гл. 1,45	1,10 × 0,40, гл. 0,35
Емкость, л	9719	2660		2836	154
Кол-во переработанного винограда, кг	14967	4096		4367	237
Площадь виноградника, га	4,9	1,3		1,4	0,08
Резервуар III					
Размер, м				1,23 × 2,67, гл. 1	
Емкость, л				3287	
Кол-во переработанного винограда, кг				5057	
Площадь виноградника, га				1,6	

* Резервуар сохранился частично.

Таблица 3. Метрические показатели и объемы производства отдельных виноделен I в. до н. э.**Table 3.** Metric evaluations and production volumes of particular wineries of the 1st century BC.

	М-1	М-4	М-5	М-6
Давильная площадка				
Размер, м	3,75 × 5,30	A1-3,12 × 6,48 A2-2,90 × 6,48	1,40-1,77 × 2,42	
Резервуар I				
Размер, м	2,05 × 2,95, гл.1,70	1,57 × 0,85, гл. 1,50-1,55	1,15 × 1,54, гл. 1,47	
Емкость, л	10280	2068	2603	
Кол-во переработанного винограда, кг	15831	3185	4009	
Площадь виноградника, га	5,1	1	1,3	
Резервуар II				
Размер, м	1,65 × 3,10, гл.1,90	1,57 × 1,13, гл.1,43-1,50		
Емкость, л	9719	2500		
Кол-во переработанного винограда, кг	14967	3850		
Площадь виноградника, га	4,9	1,25		

Таблица 4. Общие минимальные объемы винодельческого производства в Мирмекии в эллинистический период на винодельнях М-1, М-4, М-5, М-6, М-7**Table 4.** Total minimum volumes of wine production in Myrmekion of the Hellenistic period in wineries М-1, М-4, М-5, М-6, М-7

	III в. до н. э.	II в. до н. э.	I в. до н. э.
Общая емкость резервуаров, л	19537	26993	27330
Количество переработанного винограда, кг	30009	41491	42088
Площадь виноградника, га	10,1	13,8	14

$M_{пв}$ — масса переработанного винограда (в кг), V — объем резервуаров (в л), 65 — среднее количество сока, получаемого от 100 кг винограда (*Винокуров*, 1999. С. 71). Следуя данной формуле, для того чтобы цистерны рассматриваемых виноделен наполнились, необходимо собрать следующее количество винограда: для III в. до н. э. — 30 009 кг, для II в. до н. э. — 41 491 кг, для I в. до н. э. — 42 088 кг.

Можно также приблизительно подсчитать площадь виноградника, способного обеспечить рассматриваемые винодельни необходимым количеством винограда. Исходя из сведений итальянских аграриев, с одного югера выходило 500–840 л вина, следовательно, с 1 гектара — 2000–3320 л (*Блаватский*, 1953. С. 160). Урожайность крымских виноградников в конце XIX в. колебалась в пределах от одной до шести тысяч литров с 1 га при ручной обработке (*Винокуров*, 1999. С. 89). Для расчетов минимальной площади мирмекийских виноградников предлагается взять усредненную

цифру: 3000 л вина с 1 га. Таким образом, получается, что в III–I вв. до н. э. для того чтобы один раз наполнить резервуары виноделен, необходимо было снять урожай с виноградника площадью не меньше 10–14 га.

Все полученные цифры, несомненно, достаточно условны, к тому же они показывают объемы производства лишь за одну технологическую операцию, а не за весь сезон переработки винограда. Связано это с тем, что в резервуарах давили сок только собирали. Затем его переливали в пифосы, амфоры или в цистерны-погреба, где происходил процесс брожения и где вино в дальнейшем хранилось. Следовательно, для более точного определения масштабов производства необходимо учитывать и винодельню, и хранилище готовой продукции.

Учитывая количество открытых виноделен и судя по вместимости резервуаров, особенно винодельни М-1, можно прийти к выводу, что объемы производства вина в Мирмекии в эллинистический период были довольно значитель-

ными. Необходимо отметить, что крупные винодельческие комплексы (М-1, М-4, М-5, М-6) с вместительными резервуарами и хранилищами представляли собой довольно сложные и, соответственно, дорогостоящие сооружения, рассчитанные на переработку довольно больших объемов винограда. Строительство таких виноделен и систематическое поддержание их в надлежащем состоянии требовало значительных денежных и физических затрат. Это служит дополнительным аргументом в пользу вывода о том, что данные винодельни были ориентированы на широкое товарное производство (Гайдукевич, 1958а. С. 395). Возможно, часть изготовлявшегося на Мирмекии вина поставлялась в варварский мир или на азиатскую часть Боспора, где виноделие в эллинистический период не было так развито.

- Анохин, 1999 — Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Блаватский, 1953 — Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Виноградов, 1993 — Виноградов Ю. А. Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 1993 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 19.
- Винокуров, 1999 — Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- Гайдукевич, 1958а — Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. Т. 2: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. М.;Л., 1958 (МИА; № 85).

- Гайдукевич, 1958б — Гайдукевич В. Ф. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции в 1958 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. 1852.
- Гайдукевич, 1966 — Гайдукевич В. Ф. Мирмекий — город виноделов // *Melanges offerts a Kazimier Michałowski*. Warszawa, 1966.
- Гайдукевич, 1987 — Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.
- Гайдукевич и др., 1941 — Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекии в 1934 г. // БОСПОР: Раскопки Тиритаки и Мирмекии в 1932–1934 гг. М.;Л., 1941. (МИА; № 4: Археологические памятники Боспора).
- Грач, 1979 — Грач Н. Л. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Кастанаян, 1948 — Кастанаян Е. Г. Полевой дневник раскопа «И» городища Мирмекий. № 3: 1948 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 123.
- Коваленко, 1989 — Коваленко С. А. Античная рельефная керамика III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- Крыжицкий, 1982 — Крыжицкий С. Д. Жилье дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
- Пругло, 1960 — Пругло В. И. Восточные кварталы Мирмекии в свете археологических исследований 1957 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1960. Т. 1 (34).
- Щеглов, 1977 — Щеглов А. Н. Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М., 1977.
- Michałowski, 1958 — Michałowski K. Mirmeki. I. Warszawa, 1958.
- Robinson, Graham, 1938 — Robinson D. M., Graham J. W. The Hellenistic House // *Excavations at Olynthus*. VIII. London, 1938.
- Sztetyńo, 1976 — Sztetyńo Z. Mirmeki. III. Warszawa, 1976.

Hellenistic Wineries in Myrmekion

E. V. Gritsik

This article is dedicated to wine-making complexes of the Hellenistic period revealed at the townsite of Myrmekion. Today we are certain that of the eight wineries under consideration (M — 1, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 14), four were part of large wine-making economic and dwelling complexes (M — 1, 4, 5, 6). These arose after the second half of the 3rd century BC and had existed throughout several centuries until the Roman period (winery M-1 was an exception which continued functioning also into the first centuries AD). These wineries were large

many-room buildings where economic and dwelling blocks were grouped around the courtyard.

The present paper presents an attempt to calculate the average productivity of the best preserved wineries (M-1, M-4, M-5, M-6 and M-7; Pls. 1–3). These calculations have shown that, in the 3rd century BC, the wineries under study were able simultaneously, in the course of a single technological cycle, to produce about 19.5 thousand litres of wine, in the 2nd century — about 27 thousand litres, and in the 1st century BC — approx-

ximately 27.3 thousand litres (Table 4). It should be remembered that these calculations are concerned with only a single cycle of processing of grapes rather than with the total production during an entire season and naturally the results obtained are fairly arbitrary. Nevertheless, it seems that they reflect at least the minimum rates of the productivity of the wineries. Taking in consideration yet other three Myrmekion wineries (M-8, 10, 14), which were not accounted for in our calculations being only poorly preserved, as well as the probability of revealing other wineries within the townsite, we are justified to suppose that the minimum volume of wine production was at least twice greater.

The number of the revealed wineries and the capacity of their reservoirs for storing wine suggest that the level of wine production in Myrmekion was fairly high.

It is of note that the large wine-making complexes (M-1, 4, 5, 6) with capacious storing reservoirs were fairly complex structures and, correspondingly, expensive ones intended for processing large volumes of grapes. Construction of these wineries and their regular maintenance required both considerable pecuniary and labour expenditures, therefore we are justified to suppose that these wineries were oriented to an extensive wine production.

Поселение Залесье на Селижаровском плесе (ранний железный век и раннее средневековье, по материалам работ Н. Н. Гуриной)

И. В. Исланова¹

Верховья р. Волги с многочисленными озерами в ее бассейне были освоены людьми, начиная с верхнего палеолита. Многие поселения многослойные — одни и те же участки берега заселялись неоднократно. Как ни странно, поселения раннего железного века и раннего средневековья в этом регионе являются наименее изученными. Остается неясной и культурная принадлежность этих памятников. Интересующий нас материал, ранее не опубликованный, происходит из верхних слоев поселения Залесье.

Многослойное поселение, расположенное в 0,7 км к югу от д. Залесье Осташковского района Тверской области, занимает мыс, образованный двумя заливами Селижаровского плеса оз. Селигер. Мыс имеет два надпойменных террасовых уровня высотой 2–3 м и 4–4,5 м. Памятник (из-за местоположения на разных террасах и разной хронологии находок) исследовался как две разные стоянки — Залесье 1 и Залесье 2. Селище перекрывает обе стоянки (рис. 1). Общие размеры поселения — 160 × 150 м (по *Мирецкий*, 2003. Л. 7). Прибрежная часть поселения распаивалась с 1972 г. Вторая терраса, поврежденная окопами времен Великой Отечественной войны, поросла лесом. В 2003 г. этот мысовой участок берега был отдан в частную собственность под строительство.

Поселение было открыто Н. Н. Гуриной в 1971 г. В 1973–1975 гг. Верхневолжской неолитической экспедицией ЛОИА АН СССР под ее руководством проводились раскопки (*Гурина*, 1973; 1974; 1975). Единым раскопом была ис-

следована площадь в 852 кв. м. Н. Н. Гурину прежде всего интересовали материалы стоянок. В 90-е гг. XX в. учениками Н. Н. Гуриной они были опубликованы (*Верещагина и др.*, 1995. С. 25–28; *Тимофеев*, 1997. С. 107–168). Но в этих публикациях содержатся только лаконичные сведения о наличии на памятнике средневекового культурного слоя и найденной средневековой керамике. А. Г. Фурасьев и А. В. Плохов датировали найденную лепную керамику третьей четвертью I тыс. н. э. (*Тимофеев*, 1997. С. 107, 113). В настоящее время полевые отчеты находятся в Архиве ИА РАН; коллекция керамики в 2010 г. передана на хранение в Тверской государственный объединенный музей.²

В 1976 г. археологические объекты у д. Залесье обследовал Ю. Н. Урбан (*Урбан*, 1976). Им был составлен паспорт на единое поселение, названное стоянкой Залесье 7. В 1993 г. в ходе инвентаризации памятников Осташковского района поселение обследовалось А. В. Курбатовым (*Курбатов*, 1993). Спустя десять лет, в 2003 г., работы на поселении вел А. В. Мирецкий (*Мирецкий*, 2003). Помимо кремневого и керамического материалов неолитической стоянки им была зафиксирована керамика раннего железного века и фрагменты лепной посуды третьей четверти I тыс. н. э.; мелкие фрагменты круговой красно- и белоглиняной средневековой посуды и фрагменты горшков XVIII–XIX вв.; железный черешковый нож, датируемый началом II тыс. н. э.

Вскрытая раскопками Н. Н. Гуриной площадь находилась в восточной части поселения (рис. 1). Раскоп 1 был ориентирован с северо-

¹ Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН. Отдел славяно-русской археологии.

© И. В. Исланова, 2012

² Пользуюсь случаем выразить признательность Г. В. Синецкой, оказавшей помощь при разборке коллекций поселения Залесье.

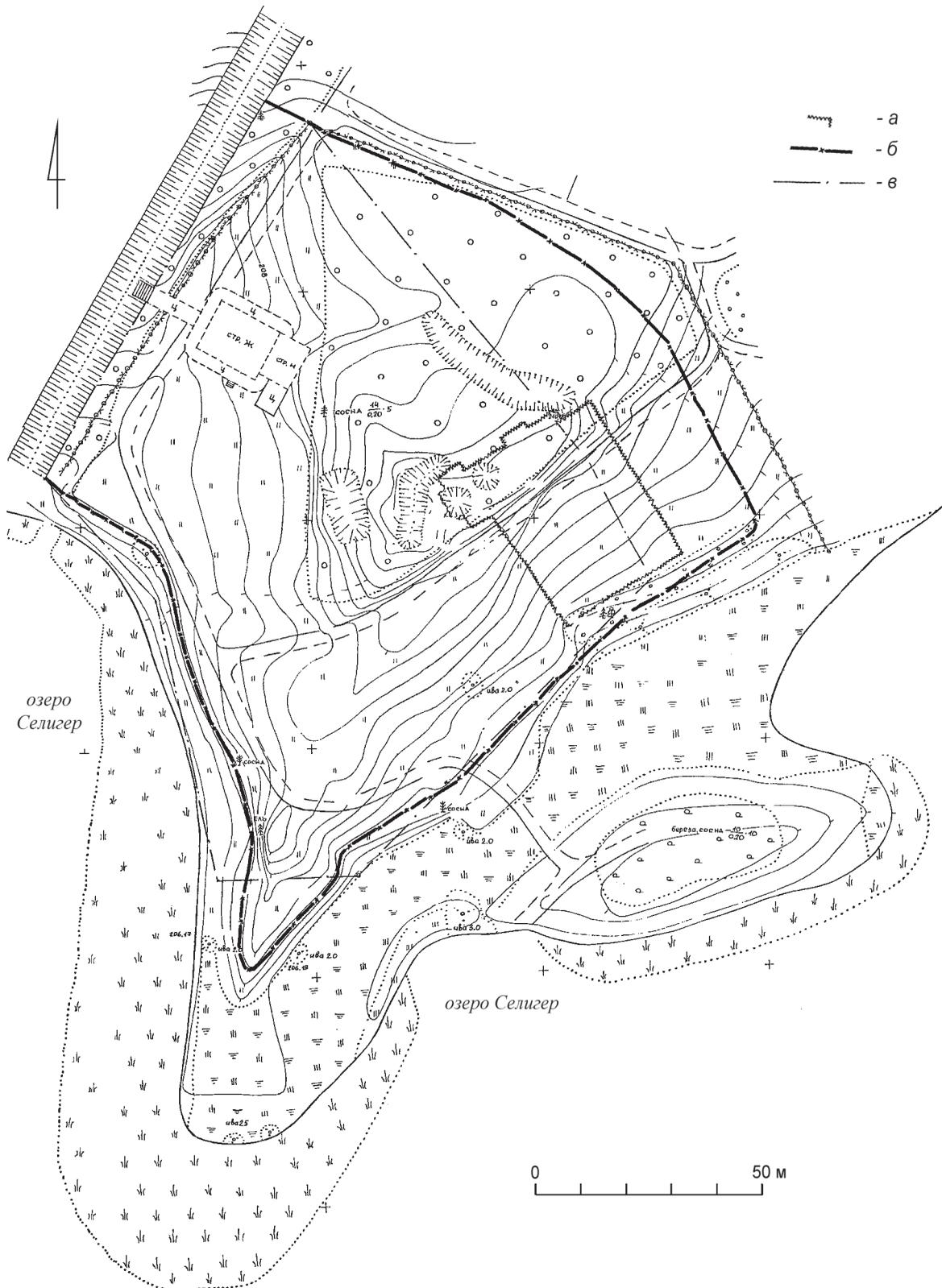

Рис. 1. План поселения Залесье (Мирецкий, 2003).

Условные обозначения: а — границы раскопа Н. Н. Гуриной; б — границы многослойного поселения; в — границы встречаемости подъемного материала

Fig. 1. Plan of the settlement-site of Zalesye:

а — boundaries of N. N. Gurina's excavation; б — boundaries of the long-occupation settlement; в — boundaries of the area where surface finds are encountered

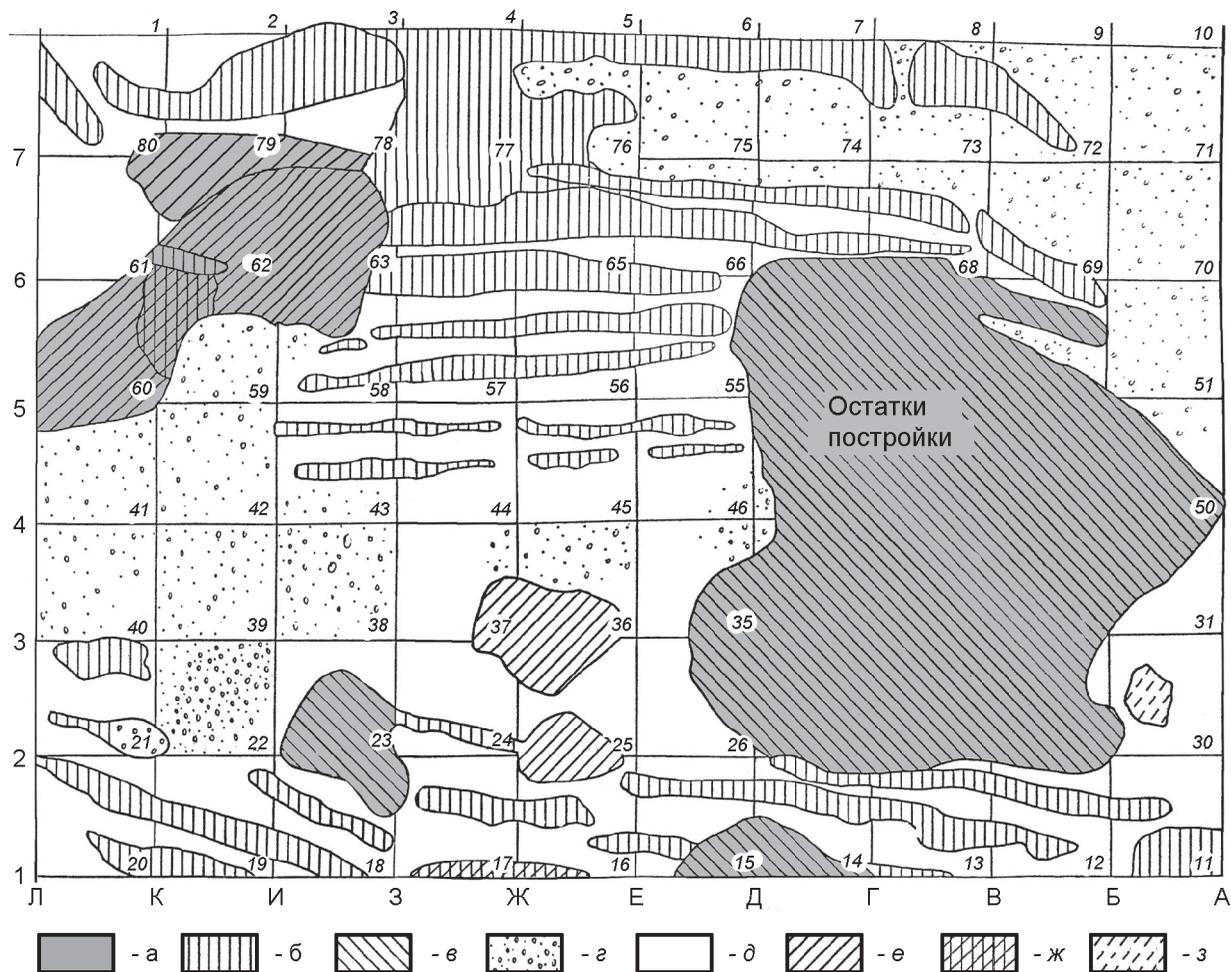

Рис. 2. Поселение Залесье 1–2: пятна в нижней части слоя пахоты на раскопе 2 1974 г. (Гурина, 1974).

Условные обозначения: *а* — пятна с раннесредневековым слоем; *б* — темные полосы на красноватом или желтоватом песке, образовавшиеся от вспашки; *в* — темные пятна; *г* — галька с красноватым песком; *д* — деревья, оставшиеся на раскопе; *е* — темный культурный слой; *ж* — очень темный культурный слой с примесью угля; *з* — буровато-красноватый слой

Fig. 2. Settlement-site of Zalesye 1–2: spots in the lower section of the arable field at Excavation 2 of 1974:

a — spots of the early mediaeval deposits; *b* — dark bands of tillage over the reddish or yellowish sand; *v* — dark spots; *g* — pebbles and reddish sand; *d* — trees preserved within the excavated area; *e* — dark cultural deposits; *ж* — very dark cultural deposits containing charcoal; *z* — brownish-reddish layer

запада на юго-восток. К юго-востоку от него был заложен раскоп 2, который после прирезок с севера был соединен с раскопом 1. Для обозначения селища мы оставляем «сводную» нумерацию (стоянок) Н. Н. Гуриной — Залесье 1–2.

Стратиграфия на верхней и на нижней площадках несколько различалась. Верхние напластования раскопа 1: 0,18–0,2 м — дерн и темный опесчаненный «почвенный слой». Верхние напластования раскопа 2: 0,2–0,25 м — сильно гумусированный темного цвета песок с углистыми пятнами в нижней части, поврежденный пахотой.

На раскопе 1 к раннесредневековому времени можно отнести два объекта. Над неолитическим жилищем зафиксировано углистое пятно с находками лепной керамики третьей четверти I тыс. н. э. Мелкие фрагменты аналогичной посуды были найдены также в верхнем заполнении материкового углубления этого жилища (рис. 2). На разрезе Д2–Г2–В2 «читается» яма, заполненная темно-серым углистым слоем, «идущая» сразу из верхнего селищенского слоя (рис. 3). Яма не попала на планиграфические чертежи отчета. Верхний диаметр ямы 0,6–0,65 м, глубина в материке 0,4 м, стенки крутые, дно вогнутое.

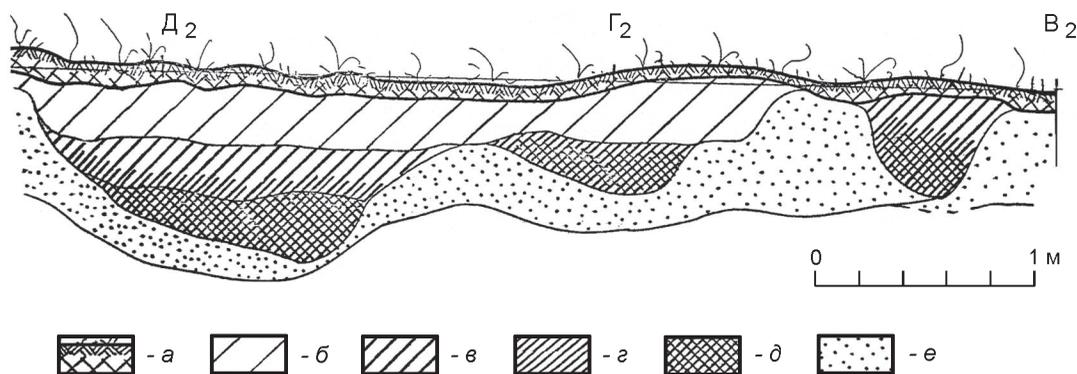

Рис. 3. Поселение Залесье 1–2: разрез Д2 — Г2 — В2 (Гурина, 1975).

Условные обозначения: *a* — почвенный слой; *б* — светло-серый, светло-коричневый слой; *в* — темно-серый, темно-коричневый слой; *г* — темно-серый слой с углем; *д* — углистый слой; *е* — серо-желтый песок с галькой

Fig. 3. Settlement-site of Zalesye 1–2: section Д2–Г2–В2:

a — topsoil; *б* — light-grey and light-brown layer; *в* — dark-grey and dark-brown layer; *г* — dark-grey layer with pieces of charcoal; *д* — layer rich in charcoal; *е* — grey-yellow sand with pebbles

На раскопе 2 встречено значительно больше культурных остатков, относящихся к селищу. На сводном плане (рис. 4) особо обозначены пятна и объекты, которые определены по отчетам или по стратиграфии как средневековые. Не исключено, что серия пятен с «очажным слоем» также относится к селищу. Наибольшее число ям и пятен (углистых и очажных) отмечено на раскопе 2 1974 г. Здесь же помимо раннесредневековых остатков в небольшой трапециевидной яме с углистым заполнением на границе кв. 58, 59, 62, 63 обнаружены керамика раннего железного века и дьяковский грузик (изделие в коллекции не найдено). В заполнении этой ямы встречены обожженные камни. Размеры ямы по линиям запад–восток и север–юг: 1,4 Ч 0,7 м, глубина в материке — 0,5 м, дно плоское (остатки постройки 3).

В кв. 26–29, 32–35, 47–50, 52–55, 67, 68 было отмечено крупное пятно, близкое к прямоугольному, с поперечными размерами с севера на юг и с запада на восток — 8 × 7–9 м (остатки постройки 1). Слой пятна обозначен как темный и «очажный», т. е. насыщенный обожженными камнями. По мере углубления в материк под пятном выявились несколько материковых ям, большинство которых относилось к селищу. Ямы заполнены углистым слоем и обожженными камнями. В материке (по разрезам) фиксируются не менее четырех столбовых ямок, диаметром 0,2–0,25 м, глубиной в материке от 0,15 до 0,4 м.

Остатки очага найдены также в яме в кв. 31, 50 (на планах контур этой ямы не обозначен).

Яма «овальных очертаний», ее размеры 0,9 × 1 м, глубина («ниже нижней границы темного слоя») в материке — 0,2 м. В заполнении встречены угли, обожженные камни, лепная «средневековая керамика» и обломок глиняной льячки (изделие в коллекции не найдено).

В кв. 111, 112, 129–132 раскопа 2 (работы 1975 г.) встречены остатки, по всей видимости, еще одной наземной постройки с очагом из обожженных камней и подпольной материковой ямой (постройка 2). Пятно (и остатки постройки) своей восточной частью уходило за пределы раскопа, но чертежа этой стенки раскопа в отчете нет. Размер пятна по линии северо-восток–юго-запад — 4 м, по линии северо-запад–юго-восток — 3,5–4 м. В темном слое заполнения материковой ямы найдена раннесредневековая лепная керамика.

В тексте отчета 1974 г. при описании слоя селища указывается на следы еще нескольких очагов с находками раннесредневековой керамики. В этих местах «мощность темного гумусированного слоя заметно возрастала». По всей видимости, здесь были прослежены яма или углубления, прорезавшие слои стоянки. К сожалению, количество и местоположение очагов на селище осталось неизвестным.

К слою селища также можно отнести пятна и материковые ямы в кв. 60, 63–64, 68. В южной части кв. 60 в темном пятне помимо кремневых изделий были найдены фрагменты раннесредневековой керамики. По всей видимости, эта средневековая яма повредила комплекс стоянки, из-за чего кремний оказался в более

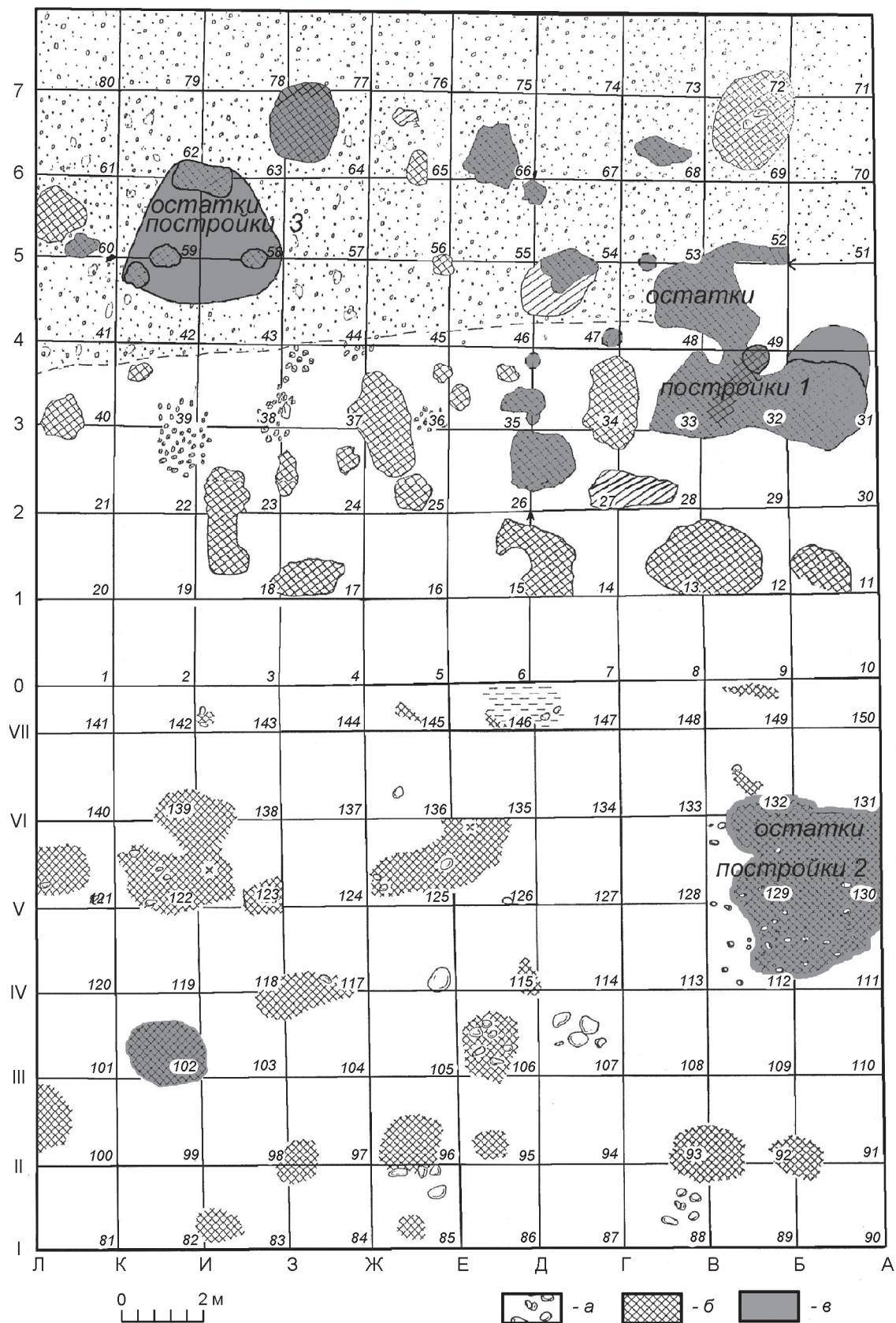

Рис. 4. Поселение Залесье 1–2: пятна материковых ям на раскопе 2.

Условные обозначения: *а* — камни; *б* — очажный слой; *в* — пятна и ямы со средневековыми материалами

Fig. 4. Settlement-site of Zalesye 1-2. Spots of pits in the virgin soil at Excavation 2:

a — rocks; *b* — fireplace layer; *v* — spots and pits with early mediaeval finds

поздней яме. «Поздняя керамика» обнаружена в углистом заполнении овальной ямы в кв. 63—64; ее размер по линии север—юг — 1,7 м, глубина — 0,2 м. В кв. 68 зафиксирована материковая яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,3—0,4 м. В верхней части она определялась как «очень интенсивное» очажное пятно. В заполнении найдены угли, кремневые чешуйки и фрагменты лепной раннесредневековой керамики.

Учитывая скопление найденной лепной раннесредневековой керамики (63 лепных неорнаментированных фрагмента и один лощеный фрагмент), с селищем, предположительно, можно связать еще один «очажный слой» (раскоп 2, 1975 г., кв. 102). На плане этот «слой» обозначен пятном овальной формы, размеры его по линии северо-восток—юго-запад — 1,8 × 1,5 м.

Таким образом, в раскопах 1 и 2 были вскрыты остатки не менее четырех жилых наземных построек. В одном случае в конструкции сооружения употреблялись столбы. В жилищах были отопительные сооружения — очаги, а также подпольные ямы. Судя по упоминаемым в отчетах очагам, следов построек было значительно больше, но отсутствие четкой графической документации не позволяет сказать о них что-либо определенное.

К раннесредневековому поселению относятся железные предметы и фрагмент льячки (в коллекции не сохранились). Среди керамики были обнаружены мелкий обломок округлого глиняного пряслица или грузила и фрагмент глиняного биконического лощеного пряслица с черной внешней поверхностью (рис. 5, 11, 12). Лощеные пряслица известны на памятниках середины—третьей четверти I тыс. н. э. лесной зоны (Исланова, 2006. С. 107—108).

Основной материал, полученный из культурного слоя селища, — это фрагменты лепной неорнаментированной керамики. Для анализа был доступен 891 фрагмент лепной неорнаментированной керамики, пять фрагментов сетчатой керамики и семь фрагментов, орнаментированных отпечатками веревочки или шнура (рис. 5, 1—6, 9). Последние принадлежат сосудам с резко отогнутым венчиком и мисковидным горшкам, датируемым второй четвертью I тыс. н. э. Эта керамика (типа Варварина Гора) (Исланова, 2007. С. 306—308) обнаружена преимущественно на верхней террасе поселения (раскоп 1).

Внешняя поверхность трех неорнаментированных экземпляров — подлощенная, у четы-

рех фрагментов — лощеная, остальные фрагменты имели немного шероховатую внешнюю поверхность. В керамическом тесте встречается примесь небольших зерен дресвы и песка, в лощеных и подлощенных фрагментах — песка. На придонных обломках иногда есть подсыпка из крупнозернистого песка.

Распределить находки, опираясь на планиграфию раскопов, невозможно, так как для большинства фрагментов отсутствует информация о номере квадрата. Подавляющая масса фрагментов стенок и венчиков — это мелкие обломки сосудов. Целые формы не реконструируются. По сохранившимся относительно крупным 17 фрагментам верхних профилированных частей сосудов можно весьма приблизительно судить о форме лепной посуды.

Из них шесть фрагментов принадлежат сосудам, имеющим сходство с керамикой мощинского круга и с посудой, являющейся как бы «развитием» такой керамики (рис. 5, 10, 13—17). Два фрагмента имеют короткое крутое плечо, причем в одном случае прослеживается бороздка в месте перехода от шейки к плечу (рис. 5, 15, 16). Такое оформление характерно для сосудов мощинской культуры (Массалитина, 1993. С. 50). У трех фрагментов прослеживается «удлинение» уступа и «превращение» его в плечо с намечающимся ребром в месте перехода в тулово (рис. 5, 13, 14, 17). Следует отметить, что близкая посуда встречена на раннесредневековых поселениях ржевского течения Волги (Исланова, Черных, 2008. С. 170). За исключением одного подлощенного фрагмента (рис. 5, 15), остальные имеют немного шероховатую поверхность, плотное глиняное тесто с примесью мелкой дресвы. Такая керамика обнаружена в горизонте 2 раскопа 2 1975 г., причем известно местонахождение двух фрагментов — это кв. 102 и кв. 120. В первом случае керамика происходит из пятна «очажного слоя».

Четыре фрагмента (рис. 5, 18, 20, 22, 25) относятся к слабопрофилированным баночным сосудам с немного «сжатой» шейкой. Керамика найдена в раскопе 1 (1973 г.) и в раскопе 2 (1975 г.). Один фрагмент ошлакован (рис. 5, 25), внешняя поверхность остальных — немного шероховатая. Керамика с аналогичным оформлением шейки (тип 11 по Н. В. Лопатину) хорошо известна в древностях так называемой культуры псковских длинных курганов Верхнего Помостья (Исланова, 2006. С. 86—87, рис. 68; 69).

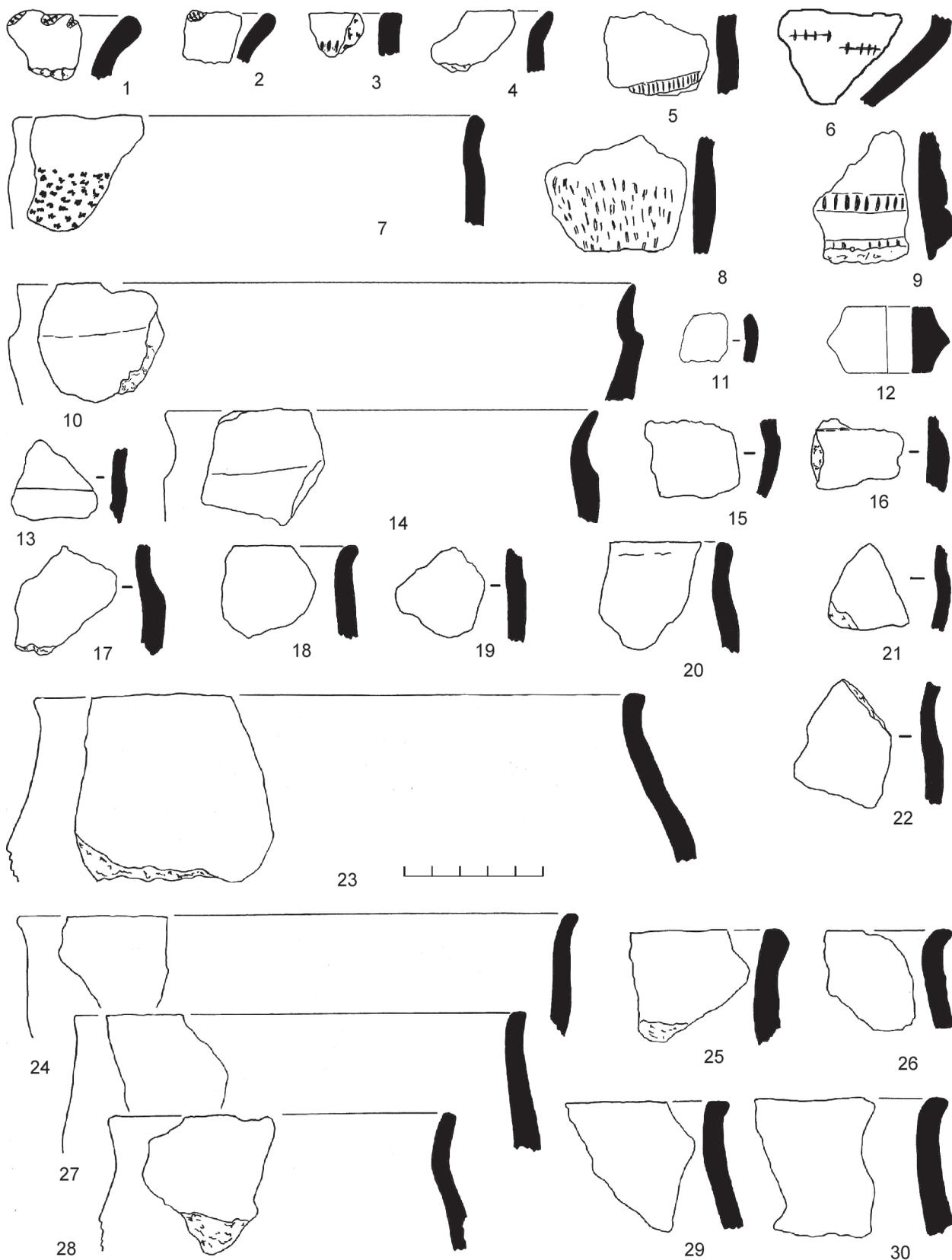

Рис. 5. Поселение Залесье 1-2: глиняные изделия и лепная керамика: 1-9 — лепная керамика раннего железного века; 10, 13-29 — раннесредневековая лепная керамика; 11 — фрагмент пряслица или грузила; 12 — пряслице

Fig. 5. Settlement-site of Zalesye 1-2: Clay objects and handmade pottery: 1-9 — handmade pottery of the Early Iron Age; 10, 13-29 — early mediaeval handmade pottery; 11 — fragment of a spindle-whorl or fishing-weight; 12 — spindle-whorl

Еще четыре фрагмента относятся к слабопрофилированным округлобким сосудам с длинным пологим плечом, слабовыраженной шейкой и оттянутым уплощенным или скругленным краем венчика (рис. 5, 26, 27, 29, 30). Три находки обнаружены в 1974 г. на раскопе 2, еще одна происходит из того же раскопа 1973 г. Внешняя поверхность фрагментов — шероховатая. Аналогичная форма верхней части встречается у посуды второй и третьей четверти I тыс. н. э. в лесной зоне (типы 7 и 8 по Н. В. Лопатину) (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 14, 15). Близкая посуда выделена в группу 4 Верхневолжского набора (Исланова, 2007. С. 313).

Два фрагмента можно отнести к так называемым S-видным сосудам (рис. 5, 23, 28). Горшки имеют длинное пологое плечо, наклоненное внутрь. Керамика происходит из раскопа 2 1974 г. Внешняя поверхность — шероховатая, в тесте — крупные зерна дресвы. Хорошо профилированная посуда встречается на памятниках восточной области культуры псковских длинных курганов и на поселениях ржевского течения Волги (Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007. С. 145, рис. 7, 2, 5; 9, 5, 7; 14, 3–6), но не типична для древностей третьей четверти I тыс. н. э.

Еще один фрагмент, найденный в 1975 г. на раскопе 2, также имеет длинное, но прямое плечо и конусовидно сужающееся тулово (рис. 5, 24). Внешняя поверхность его хорошо заглажена.

Из слоя селища происходят пять фрагментов сосудов с сетчатой поверхностью, относящихся ко второй половине I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э. (рис. 5, 7, 8). Остатки каких-либо строений этого времени не обнаружены. Но не исключено, что основная территория поселения этого времени раскопками не исследовалась.

Подводя итоги проведенному анализу материалов верхнего слоя поселения Залесье, можно говорить о существовавших здесь трех разновременных селищах. Первое, судя по находкам сетчатой керамики, относится ко второй половине I тыс. до н. э. Культурная принадлежность его не ясна. Второе селище функционировало во второй четверти I тыс. н. э. и относится к древностям типа Варварина Гора, распространенным помимо верховьев р. Волги в бассейне Верхней Мсты. Поселения подобного типа возникли в результате культурного импульса, видимо, из Верхнего Подвинья. Третье — раннесредневековое селище — существовало в середине—третьей четверти I тыс.

н. э. и, судя по найденным керамическим материалам, ландшафтной и почвенной приуроченности, предположительно относится к культуре псковских длинных курганов. Не исключено, что со слоями этого селища связаны и находки керамики мощинского круга.

- Верещагина и др.*, 1995 — *Верещагина И. В., Синицына Г. В., Тимофеев В. И., Тихомирова О. М., Шаяхметова Л. Г., Шумкин В. Я.* Каменный век Верхневолжского региона. СПб., 1995. Вып. 1: Материалы к археологической карте.
- Гурина*, 1973 — *Гурина Н. Н.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5949.
- Гурина*, 1974 — *Гурина Н. Н.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5885.
- Гурина*, 1975 — *Гурина Н. Н.* Отчет о работе Верхневолжской неолитической экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6080.
- Исланова*, 2006 — *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006.
- Исланова*, 2007 — *Исланова И. В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М., 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9).
- Исланова, Мирецкий, Олейников*, 2007 — *Исланова И. В., Мирецкий А. В., Олейников О. М.* Городище Осечен (ранний железный век и ранее средневековье) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2007. Вып. 6, т. 2.
- Исланова, Черных*, 2008 — *Исланова И. В., Черных Е. М.* Лепная керамика селища Рогово 2 в Верхневолжье // Лесная и Лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Вып. 1.
- Курбатов*, 1993 — *Курбатов А. В.* Отчет о разведках в Осташковском, Бологовском и Рамешковском районах Тверской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18541, 18542.
- Лопатин, Фурасьев*, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи славянского мира в III–V веках н. э. М., 2007. (Раннеславянский мир; Вып. 8).
- Массалитина*, 1993 — *Массалитина Г. А.* Лепная керамика городища и селища Мошины // Средневековая археология Восточной Европы. М., 1993 (КСИА; Вып. 208).
- Мирецкий*, 2003 — *Мирецкий А. В.* Отчет об охранных археологических работах на территории Тверской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Тимофеев*, 1997 — *Тимофеев В. И.* Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения Валдайской неолитической культуры // *Верещагина И. В., Гурина Н. Н., Крылова Т. Б., Синицына Г. В., Тимофеев В. И., Шумкин В. Я.* Каменный век Верхневолжского региона. СПб., 1997. Вып. 2.
- Урбан*, 1976 — *Урбан Ю. Н.* Отчет о работах Калининского отряда ВВАЭ за 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6878.

The Settlement of Zalesye at the Selizharovsky River Reach (Early Iron Age and Early Middle Ages according to N.N. Gurina)

I. V. Islanova

During excavations of the Neolithic sites of Zalesye-1 and Zalesye-2 by Nina N. Gurina in 1973–1975, some materials of the Early Iron Age and early Middle Ages (Fig. 1) were encountered in the upper horizons. These finds so far have not been published. In the upper layer at the settlement-site of Zalesye, there were found numerous dark humic and charcoal-containing stains with early mediaeval pottery (Fig. 2–4). The field records and drawings suggest the existence of the remains of at least four surface buildings with fireplaces and under-floor pits in the virgin soil within the excavation area here. Two of the structures had pillars.

The ceramic collection preserved and archive evidence suggest that there were three settlements of different periods of occupation at the site. The settlement-site of the second half of the 1st mille-

nnium BC was represented by textile ceramics (Fig. 5, 7, 8). Its cultural belonging is not clear. The settlement of the second quarter of the 1st millennium AD yielded a weight of the Dyakov type (now lost from the collection) and decorated handmade pottery (Fig. 5, 1–6, 9) known from sites of the Varvarina Gora type. Settlements of that type arose apparently due to a cultural pulse from the Upper Dvina region. The settlement-site of the middle and third quarter of the 1st millennium AD yielded smooth-walled ware, including a polished clay spindle-whorl (Fig. 5, 12, 18–20, 22–30). This latter settlement-site evidently belongs to the culture of the Pskov long kurgans. With the latter culture, possibly also the finds of pottery of the Moshchino culture are connected (Fig. 5, 10, 13–16, 21).

Парчовое платье X в. из Гнездовского некрополя

О. В. Орфинская¹

Находки текстиля в Гнездовском некрополе — явление достаточно редкое, что объясняется погребальным обрядом (преобладает кремация), а также климатическими и почвенными условиями местности. Однако находки тканей все-таки есть. Одной из самых интересных и, без преувеличения можно сказать, уникальных является находка сшитой одежды в погребении кургана 301 Центральной группы (далее — Ц-301).

Текстильные изделия, плотно свернутые в комки, находились в коробе, от которого сохранились только круглые детали, вырезанные из бересты (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 201). Ткани были переданы для реставрации А. К. Ёлкиной,² а небольшая их часть — М. В. Фехнер (Фехнер, 1999. С. 8–10). К сожалению, именно такое разделение и привело к тому, что информация о комплекте женской одежды из короба оказалась не введена в научный оборот. В настоящее время весь текстильный материал находится в основном хранении ГИМ.

В 2009–2010 гг. в Центре исследований исторических и традиционных технологий (Институт наследия им. Д. С. Лихачева) совместно с кафедрой археологии МГУ и отделом археологии ГИМ было проведено комплексное исследование текстиля из погребения Ц-301. В результате данной работы были разобраны и атрибутированы фрагменты текстильных изделий, которые находились в коробе. Это два пла-

тья из шелка (1 и 2), кусок шелковой ткани и шелковая отделка от неопределенных изделий, льняное платье (?), льняное плетеное изделие (sprang) и шерстяная ткань. Наиболее интересным являются фрагменты первого платья.

Методы исследования:

— Для определения структуры тканей и плетеных изделий применялась микроскопия в неполяризованном свете (МБС-10), увеличение от $\times 10$ до $\times 40$.

— Для определения природы текстильных волокон применялись методы оптической микроскопии в проходящем и отраженном поляризованном свете (ПОЛАМ-Р-212) при увеличениях $\times 100$ – 400 . Для проведения микроскопии были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме.

— Органическая подложка золотных нитей изучена методами гистохимии, микрохимии и микроскопии (исследования проведены О. Б. Лантратовой, ГИМ).

— Исследование текстильных красителей проводила Е. В. Карпова методом жидкостной хроматографии в Новосибирском институте органической химии им. Н. Н. Ворожцова РАН. Для получения экстрактов красителей образцы тканей кипятили в смеси 37 % HCl: вода: метанол (2 : 1 : 1 по объему). Хроматографический анализ выполнен на жидкостном хроматографе с диодно-матричным и масс-селективным детекторами. Использовался также спектрофотометрический метод определения красителей в экстрактах смеси этанол: вода: комплексон ДТПА и диметилформамида.

— Три образца текстиля с золотными нитями были исследованы на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Н. В. Ениосовой. Химический состав металла определен с помощью неразрушающе-

¹ Россия, 129366, Москва, пр. Космонавтов. Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева. Центр исследований исторических и традиционных технологий.

² А. К. Ёлкина — реставратор Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации.

© О. В. Орфинская, 2012

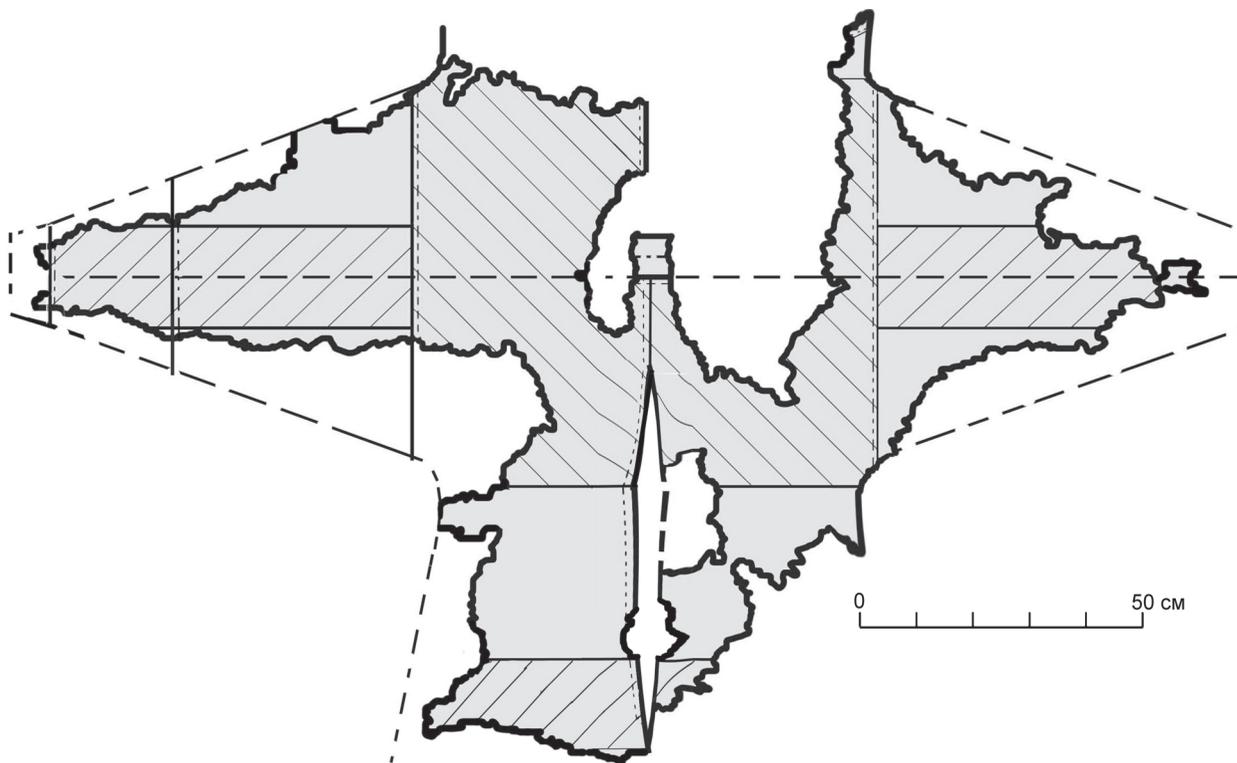

Рис. 1. Прорисовка сохранившихся фрагментов и реконструкция схемы кроя платья

Fig. 1. Detailed drawing of the survived fragments and reconstruction of the scheme of a dress cut

го рентгенофлуоресцентного метода на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen-Technik) с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором. Измерения проводились для каждого образца в течение 180 секунд при электрическом напряжении в 50 kV и силе тока в 700 μ A.

Фрагменты платья были отреставрированы, поэтому на момент исследования материал представлял собой промытые, расправленные и укрепленные белой нитью по основным швам фрагменты, прорисовка которых позволила выполнить реконструкцию основного контура платья (рис. 1). Платье туникообразное, приталенное, с расширяющимся подолом и длинными рукавами. Со стороны спины сохранился фрагмент стоячего воротника. Рукава завершались манжетами. Вероятная ширина изделия по рукавам немного более 2 м.³ Полная длина платья не определяется, но максимально сохранившаяся часть составляет около 100 см. Сшито платье из ткани с узором, вытканым золотыми нитями. Основной рисунок располагается на груди и спине до линии талии, а по юбке проходят горизонтальные полосы с рисунком.

³ Ширина стана равна 80 см + два рукава по 60 см, ширина манжеты не определяется.

Такие же полосы проходят и по рукавам, которые кроились поперек ткацкого куска таким образом, что узорная полоса размещалась по центру рукава вдоль руки. Правый рукав сохранился полностью, он состоит из двух кусков (40 и 20 см), а левый был цельнокроеный (сохранилось 50 см). На спине сделана достаточно глубокая вытачка в талию. Воротник и манжеты сшиты из той же ткани. Высота воротника 8 см, по длине он разделен неглубокой складкой на две неравные части в отношении 1: 2.

Если реконструкция спинки платья не вызывает сомнений, то реконструкция его передней части не так однозначна. Главный вопрос — это форма выреза горловины. Сохранилось два фрагмента верхней части стана: один с правой полы, второй с левой (рис. 2). Фрагмент правой полочки имеет соединительный шов, проходящий по диагонали, и остатки шва, которым, вероятно, была подшита отделка ворота. Небольшой 12-сантиметровый участок левой полы имеет подгиб по краю со следами шва, что указывает на край изделия, к которому была подшита подкладка. В нижней части участка характер края меняется, ткань развернута и имеет проколы по линии, продолжающей линию сгиба. Однако надо отметить, что

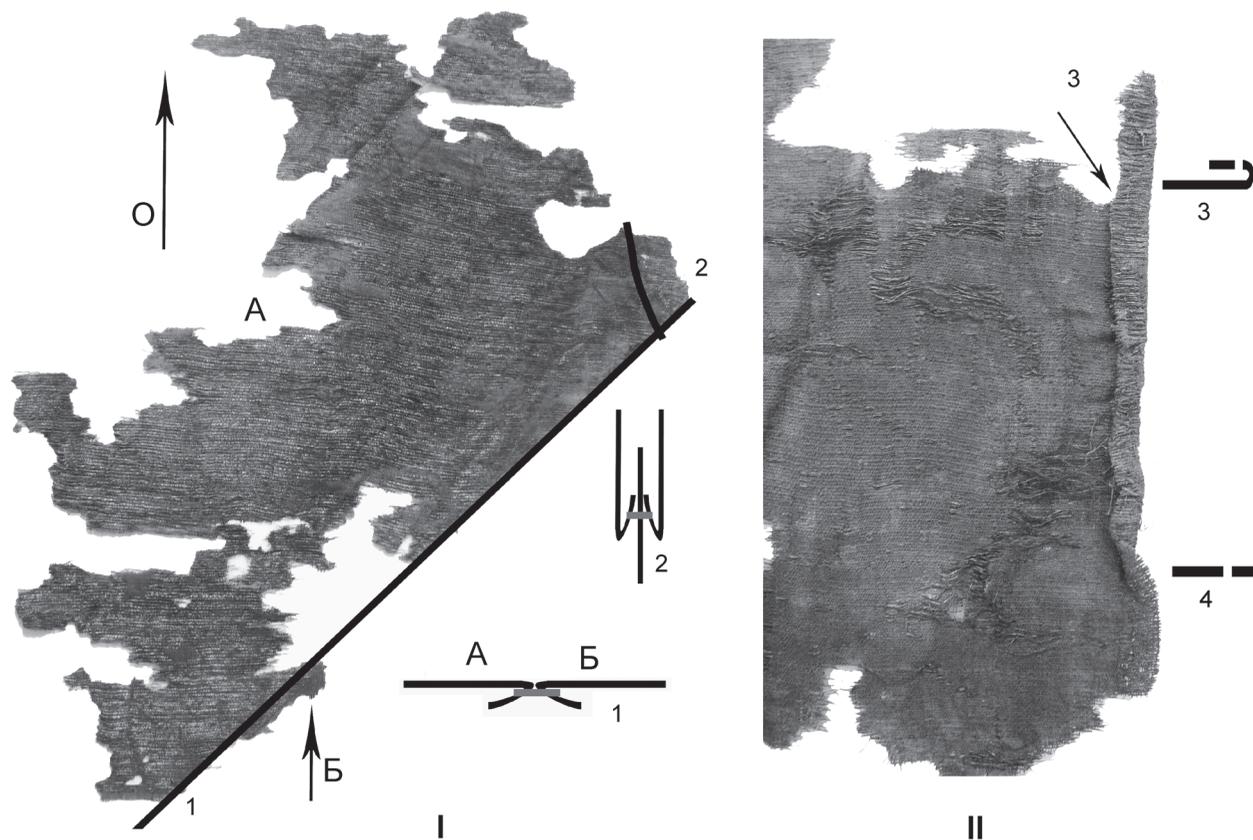

Рис. 2. Два фрагмента передней части стана.

I — Фрагмент правой полы. II — Фрагмент левой полы.

1 — соединительный шов; 2 — шов, которым была укреплена отделка ворота; 3 — край подогнут, по нему проходит цепочка проколов от иглы; 4 — край развернут.

A — основная ткань платья с узором; Б — основная ткань платья без узора; O — направление нитей основы

Fig. 2. Two fragments of the frontal part of the bodice.

I — Fragment of the right lap. II — Fragment of the left lap.

1 — Connective seam; 2 — the seam fixing the decoration of the collar; 3 — the edge is bent and a chain of needle punctures is ranged over it; 4 — the edge is unfolded.

A — Textile of a dress decorated with a pattern; Б — the warp textile of a dress without an ornamental pattern;

O — orientation of the warp threads

фрагменты этого платья уже были отреставрированы, и в них была устранена деформация. Нельзя исключить, что переход одного шва (закрытого края) в другой (соединительный) получился случайно, при реставрационной работе, тем более что сами шивные нити не сохранились. Поэтому платье могло быть распашным с полочками, которые сходятся встык, нераспашным или имело дополнительную полу с правой стороны (рис. 3).

Два фрагмента ткани с узорной полосой и большим участком без узора являются частями боковых швов со складками. Три встречные складки, заложенные одна над другой, выполнены следующим образом: точка, где начинаются складки, расположена на расстоянии 70 см от линии плеча (рис. 3, точка 1); ни-

же нее по кромкам основной ткани вшиты полосы ткани без узора шириной 10 см; боковой шов, идущий от рукава, в этой точке завершается на расстоянии 5 см от края; лишняя ткань вырезается под прямым углом; таким образом, на складки уходит 20 см ткани (5 см основной ткани с каждой стороны и 10 см дополнительной полосы).

Несмотря на хорошую сохранность платья, представить полную и однозначную его реконструкцию невозможно. Однако можно сделать ряд заключений:

- платье было длинным, примерно 120–140 см;
- с длинными рукавами;
- подол не расширялся за счет клиньев, а имел складки, заложенные в боковые швы;

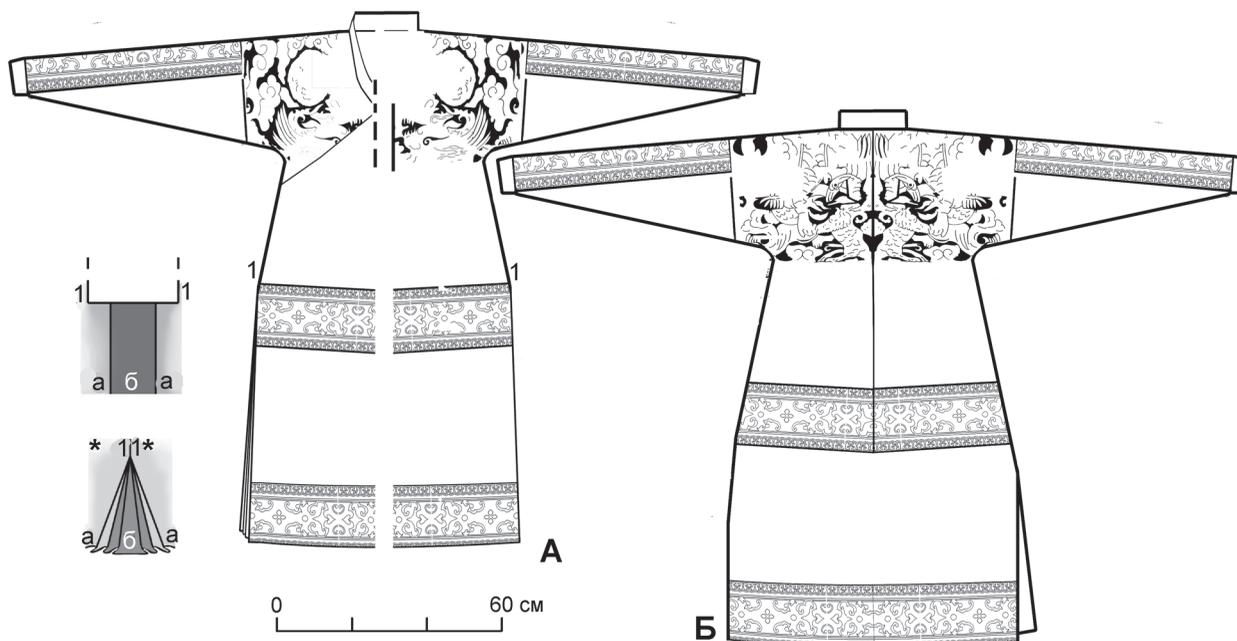

Рис. 3. Вариант реконструкций платья. А — вид спереди; Б — вид сзади.

*I-I**. Точка соединения встречных складок в боковых швах.

а — ткань с узором; б — вставка ткани без узора

Fig. 3. Variant of reconstruction of the clothing. A — Front view; Б — rear view.

*I-I**. The focus of merging creases at lateral seams.

a — textile with a design; б — insert of the textile without a pattern

— по вороту имел отделку или воротник шириной 8 см;

— сохранившиеся участки потайных швов на фрагментах изделия указывают на то, что оно имело подкладку, от которой ничего не сохранилось.

Описание ткани платья. Рисунок на полотне имеет следующее расположение: участок с основным орнаментом занимает 75 см, за ним следует участок без узора 33 см, затем — 18 см с узором, далее ткань обрывается. Основное изображение — это сюжетная сцена, которая имеет зеркальную симметрию относительно вертикальной оси изделия (рис. 4). Рисунок строится вокруг диска, который можно рассматривать как одно из светил: луна или солнце. Самым четким изображением является сидящий грифон (или животное очень похожее на грифона с головой хищной птицы, мягкими лапами и крыльями). Почти прямо перед его пастью проходит «лента» с чешуйками, вероятно, это часть тела другого мифического животного — дракона. Выше грифона дракон пропадает в облаках, из которых он появляется уже с другой стороны диска. На этом участке ткани находится голова дракона, где читаются ухо, рог, ус и «волосы» за ушами, часть пасти. Ос-

тальные части головы однозначно не определяются. Таким образом, на ткани изображены сидящий грифон и летящий в облаках дракон, которого, вероятно, грифон держит за лапу. Грифон имеет выраженные черты, характерные для Средиземноморского региона, а дракон — Китая. В объединении этих двух сюжетов нет ничего странного, так как заимствование западных орнаментальных сюжетов и мотивов в китайском шелкоткачестве начинается уже с первых веков нашей эры (*Лубо-Лесниченко*, 1994. С. 189–211; *Liu*, 1996. Р. 18). Однако найти этих мифических животных вместе нам пока не удалось. Безусловно, данная композиция требует профессионального искусствоведческого анализа. Узорная полоса состоит из пяти более узких полос: двух полос из фигурных фестонов, двух гладких узких полос и центральной полосы с растительным орнаментом (рис. 5).

Вероятно, такое же расположение рисунка было на ткани халата династии Юань (1271–1368): стан до пояса заполнен узором с драконами, по юбке и вдоль рукавов проходят узорные полосы (рис. 6). Для халатов в XIII в. использовалась ткань с орнаментальной полосой, расположенной на плечах. На такой полосе

обычно находился орнамент в форме псевдокуфической надписи (рис. 7). Такой стиль называется «переплетенный куфический», он был разработан на протяжении XI в. в Восточно-ранском регионе (*Folsach, Reblow-Bernsted*, 1993. S. 45). Возможно, в более раннем варианте эта полоса была шире и имела сюжетную композицию. Если принять такой вариант, то получаем, что широкая полоса с драконом и грифоном была расположена в конце ткацкого куска.⁴

По структуре ткань платья относится к тканям, где на базовом полотне полосами вводятся дополнительные золотные утки, формирующий узор. Такая техника называется лансе на полотне. Это один из самых простых вариантов парчовой ткани, когда в ткачестве участвует одна система нитей основ (базовая) и две системы утков (базовый и дополнительный, в данном случае — золотный). Рисунок сформирован золотными нитями на базе полотняного переплетения (рис. 8). На участке с основным рисунком золотные нити почти полностью перекрывают фон. Детальная проработка рисунка осуществляется тонкими линиями базового переплетения. В узорной полосе отношение фона к узору другое, оно находится в примерном равновесии.

Нити основы шелковые со слабой Z круткой, толщиной 0,1–0,3 мм.

Нити базового утка также шелковые, без крутки, толщиной 0,3–0,5 мм. Толщина нитей не равномерна по всему полотну, на отдельных участках нити утка имеют толщину до 0,8 мм. На нитях встречаются спутанные волокна, что отражает не очень высокое качество сырья для уточных нитей.

Нити золотного утка пряденые: на шелковый сердечник навита полоска серозной оболочки кишечника животного с золотым покрытием в Z направлении. Диаметр нити 0,3–0,5 мм, ширина полоски 0,5–0,6 мм. Нити работают парами.

Отношение базового утка к золотному равняется 2 : 1 (нить парная).

Проброс нитей утка происходит в следующем порядке: два проброса базового утка, а за-

Рис. 4. Частичная реконструкция узора широкой полосы

Fig. 4. Partial reconstruction of the design of a broad band

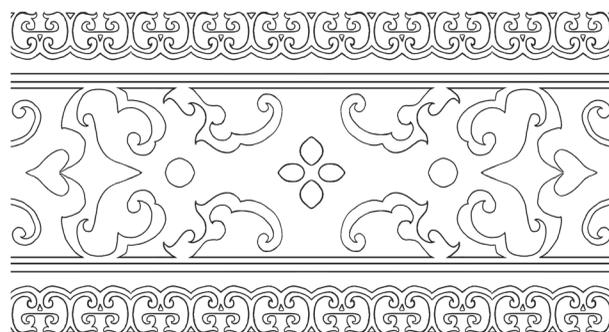

Рис. 5. Прорисовка узкой узорной полосы

Fig. 5. Detailed drawing of a narrow decorated band

⁴ Ткацкий кусок шелка — количество материи для раскроя одного длиннополого платья (*Фехнер*, 1982. С. 57). Такой кусок ткется целиком и имеет начало и конец, которые, как и боковые кромки, отличаются от основного полотна.

Рис. 6. Знатная монголка в парчовом халате (Silk..., 2005. P. 219)

Fig. 6. Noble Mongol woman in a brocaded robe

тем один проброс двух золотных нитей. Укрепление золотных нитей на лице происходит в отношении 1 : 9. Т. е. каждая 10-я нить основы захватывает золотные нити на лицевой стороне ткани. На изнаночной стороне золотные нити не укреплены.

Плотность ткани по основе: 40 нитей; по утку: 18 нитей базового и 9 парных нитей золотного утка на 1 см.

Сохранились две кромки. Нити утка срезаются по краю ткацкого куска, однако отдельные золотные нити не разрезаны. Кромка ткани, с частично разрезанными петлями золотных нитей и бахромой, указывает на то, что ширину ткани на станке регулировали крайними толстыми нитями основы, которые после снятия ткани со станка убирали. На лицевой стороне ткани на участках с рисунком вдоль кромки проходит узкая полоска из золотных нитей.

Такая картина наблюдается на более поздних парчовых тканях, в частности из погребений могильника Маячный бугор (хранение ГИМ).

Шелковые нити базовой основы и утка имеют красный цвет. Окраска производилась в форме сырья красителями марены красильной. В ткани обнаружены ализарин 74 %; пурпурин 24 %; антрагаллол 0,8 %. Следовательно, ткань имела теплый — оранжевый оттенок красного цвета. Сердечник золотных нитей не окрашен.

Определение места производства ткани.

Шелковые ткани в X в. могли быть выработаны в Китае, Индии, Центральной и Малой Азии, Иране, Византии (Liu, 1996. P. 20–22, 124). Но в разных регионах для парчовых тканей применялись различные золотные нити, технологические характеристики которых со времен Фальке служили критерием атрибуции тканей (Falke, 1921. S. 50–57). Так, ткани с золотными нитями на серозной оболочке кишечника животных с покрытием из драгоценных металлов в западном регионе появляются не ранее XI в. (Соболев, 1934. С. 53–54; Фехнер, 1982, С. 64; Tejidos y alfombras..., 1998. P. 20). Следовательно, Византия как место производства данной ткани отпадает. На север Европы в это время попадают шелковые ткани с золотом, возможно иранские⁵ (Owen-Crocker, 1986. P. 187). Однако принято считать, что для Ирана более характерным для золотных нитей является применение не чистого золота, а серебра с позолотой или сплавов (Большаков, 2001. С. 259–260; Watt, Wardwell, 1997. P. 127–141; Wardwell, 1992. P. 371). Для Китая же более характерным является чистое золото (Ibid.; Jinke, 2006. P. 129–145; Лантратова и др., 2002а. С. 245–249). Кроме состава металла для золотных пряденых нитей важным показателем является нить, на которую навивали золотную полоску. Так, в начале эпохи Тан (VII–VIII вв.) для золотных нитей в Иране могли использовать хлопковую нить (Лубо-Лесниченко, 1994. С. 202). Однако пока недостаточно информации по другим центрам, чтобы использовать этот критерий как ведущий. Технику ткачества «броше» и более развитый ее вариант — «лансе

⁵ Употребление термина «персидские ткани» не может являться прямым указанием на место производства ткани в Персии. Так, ткани из Средней Азии, которые поступали на европейский рынок, назывались русскими.

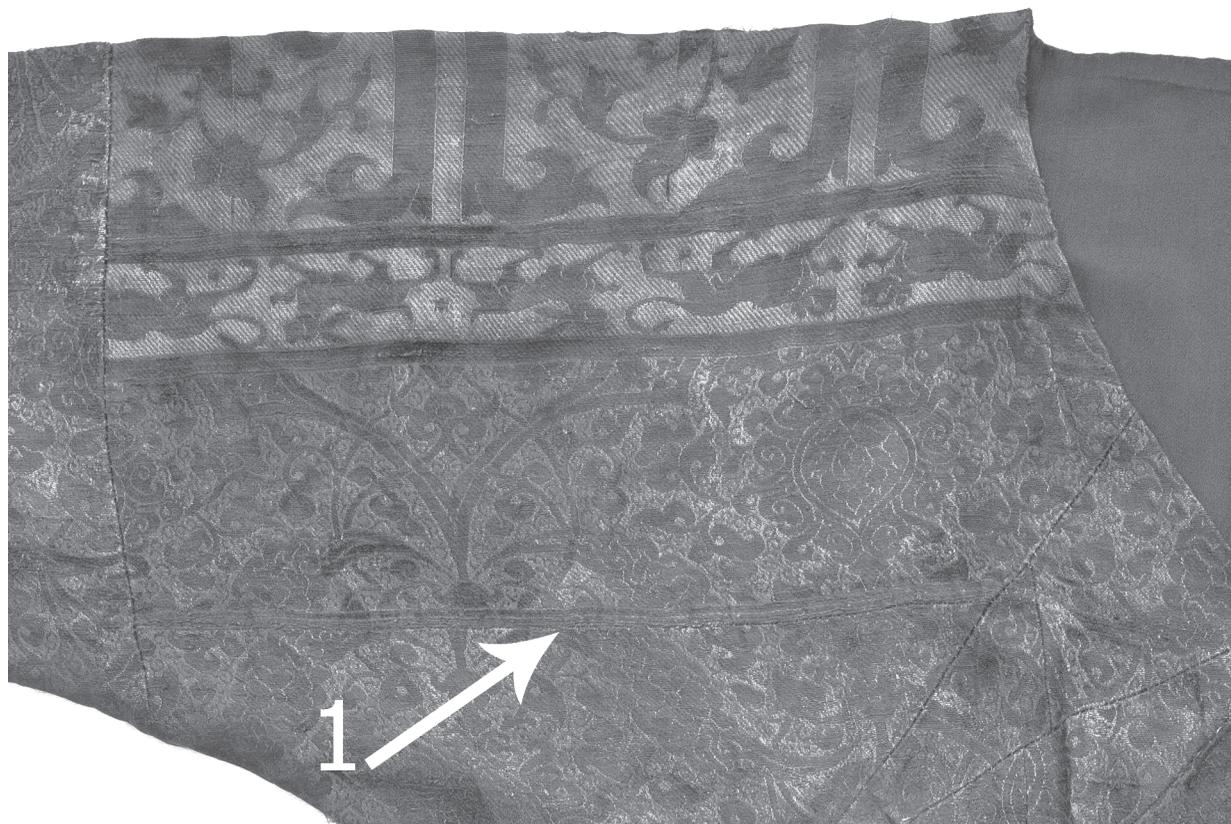

Рис. 7. Верхняя часть халата из ткани с орнаментальной полосой расположенной по плечам (материал из коллекции Марджани).

1 — линия шва

Fig. 7. The upper part of a robe of textile with an ornamental band on the shoulders (specimen from Mardzhani's collection).

1 — line of the seam

на полотне» принято считать китайской (*Jonghe*, 1991. P. 100).

Если подвести итоги, то с достаточно большой долей вероятности можно высказать предположение, что местом производства этой ткани является Китай.

Не менее интересным остается вопрос и о месте пошива платья. Поиск аналогов среди китайского археологического материала привел нас к четырем халатам VIII–XII вв. (*Style from the steppes...*, 2004. P. 12–14; *Чжен*, 2007. P. 98; *Фен*, 2007. P. 99). Эти халаты имеют силуэт, близкий к силуэту нашего платья. За базовый крой можно принять крой фрагмента одежды для куклы из Астаны, датированный IX в. (*Min*, 2006. P. 224, Fig. 160). Одежда, вероятно, имела отрезную юбку (рис. 9). Объединяют этот фрагмент с нашим платьем крой стана, линия горловины на спине и вертикальный разрез. Все эти данные позволяют принять версию, что платье было пошито в Китае. Однако туникообразная форма одежды с рас-

клевенным силуэтом была характерна и для Ирана, и для Византии этого же времени (*Norris*, 1999. P. 151, 259, 267, 274). Следовательно, такой покрой платья мог существовать на большой территории от Китая до Византии и имел базовую стандартную выкройку восточного типа. Поэтому полностью исключить вариант пошива платья на территории Ирана или Византийской империи из китайской ткани нельзя. В скандинавской литературе X в. упоминается датский король и его жена, которые имели парчовые одежды, привезенные из Византии (*Krag*, 2007. P. 241).

Пошив платья из целого куска парчовой ткани на месте, вероятно, можно полностью исключить. Ведь для пошива такого платья (если принять наши рассуждения) потребовалось 4,5 м парчовой ткани, которую ткали специально для определенной модели парадного платья (рис. 10), т. е., начиная работу над тканью, уже было известно, как оно будет сшито и, следовательно, сколько ткани надо выработать.

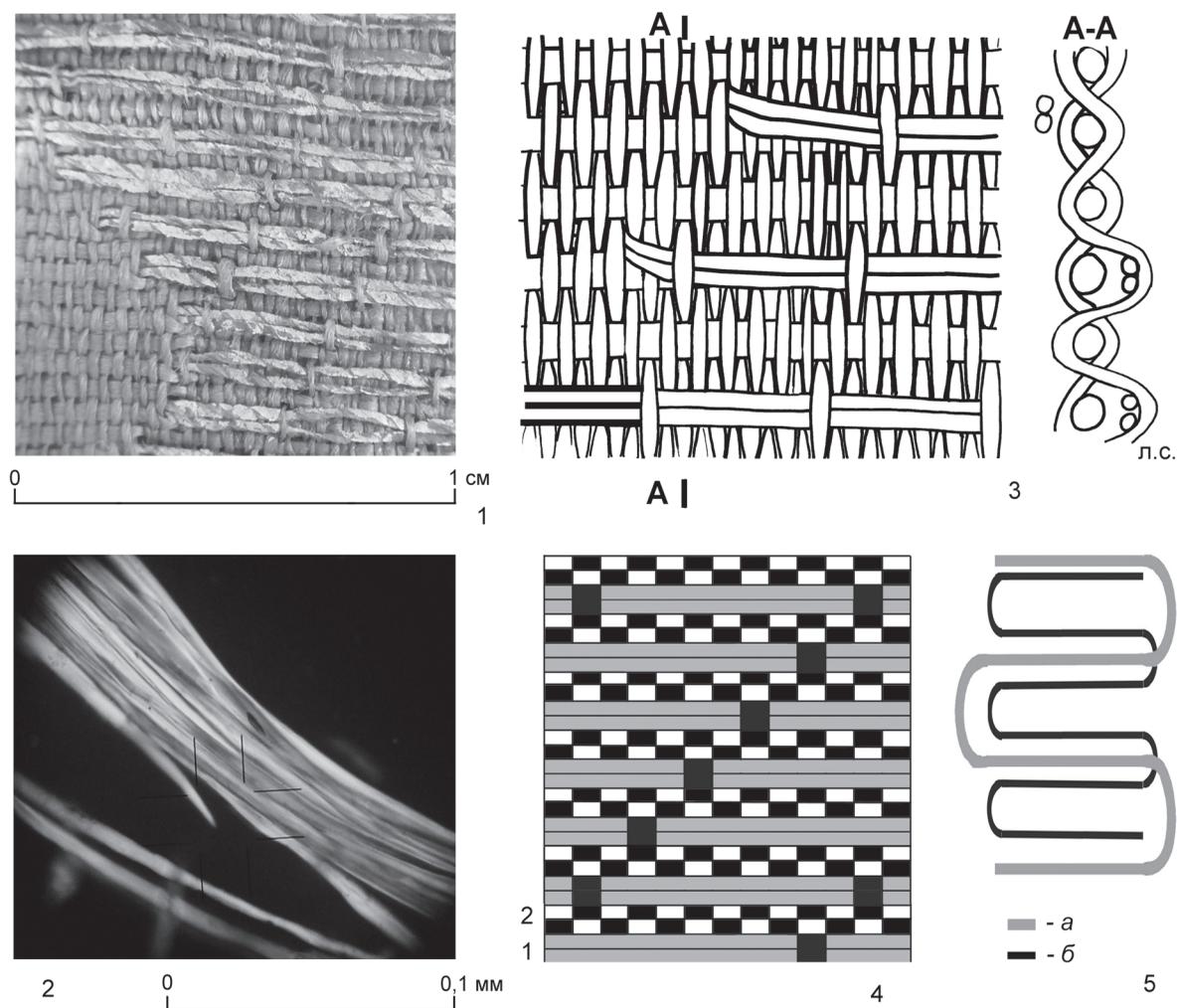

Рис. 8. Парчовая ткань: 1 — микрофотография ткани; 2 — микрофотография шелковых волокон; 3 — схема текстильных переплетений (A-A — разрез в направление нитей основы); 4 — схема укрепления золотных нитей на полотне (лицевая сторона ткани); 5 — схема порядка проброса нитей утка.

1 — золотные нити; 2 — шелковые нити утка

Fig. 8. Brocade textile: 1 — microphotograph of the textile; 2 — microphotograph of the silken fibres; 3 — scheme of the textile weaves (A-A — section along the threads of the warp); 4 — scheme of the fixation of gilded threads on cloth (face side of the textile); 5 — scheme of the weaving of the threads of the weft.

1 — gilt threads; 2 — silken threads of the weft

Рис. 9. Фрагмент одежды для куклы (Min, 2006. Р 224. Fig. 160)

Fig. 9. Fragment of a doll's dress

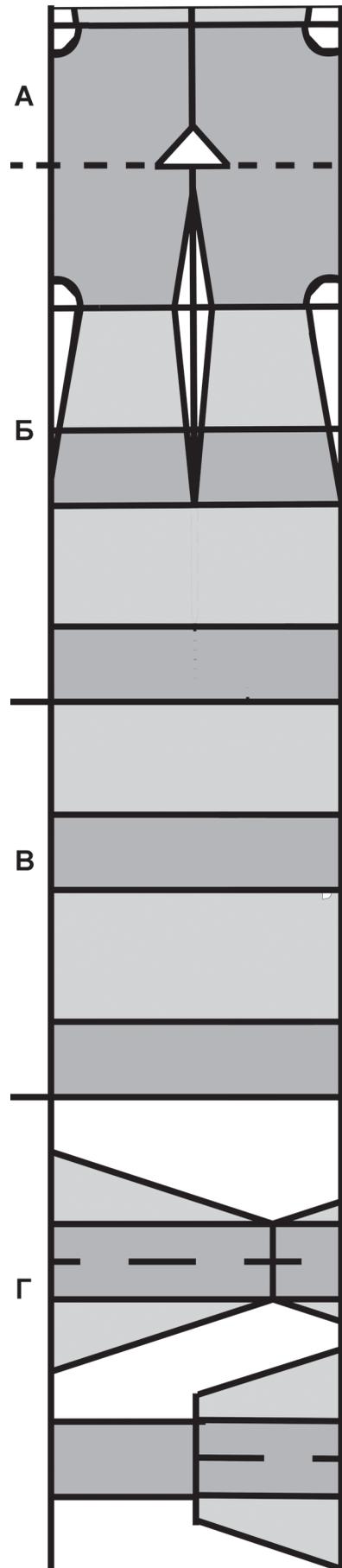

Рис. 10. Реконструкция расклада выкройки платья на ткани. Ширина ткани 80 см, длина ткани 1,40 м.

А — перед; Б — спинка; В — юбка передней части; Г — рукава

Fig. 10. Reconstruction of the layout of a dress. Breadth of the cloth is 80 cm, length — 1.40 m.

А — front; Б — back; В — front skirt; Г — sleeves

Интересное наблюдение касается воротника, поле которого разделено внутренней складкой на две части в отношении 1 : 2. Такое же разделение поля зафиксировано и на воротниках из погребений на территории Дмитровского кремля XII в. (*Орфинская и др.*, 2010. С. 132), и в отделке ворота халатов периода Золотой Орды (*Лантратова и др.*, 2002б. С. 26, 78. Рис. 6.1.14). Возможно, это влияние китайской традиции, которая, придя на север, укоренилась и реализовалась в оформлении отдельных деталей костюма. Возможно, грифоны⁶ и драконы, пришедшие с юга, повлияли на внешность местных мифических животных. Еще много различных «возможно...» появилось у исследователей этого парчового платья. Бесспорно, наличие одежды из китайской ткани на северо-западе Руси показало всю сложность путей взаимного проникновения и обогащения культур Запада и Востока, Севера и Юга.

- Авдусин, Пушкина*, 1989 — *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.* Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Большаков*, 2001 — *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока: VII—середина XIII в. Социально-экономические отношения. 2-е изд. М., 2001.
- Лантратова и др.*, 2002а — *Лантратова О. Б., Голиков В. П., Орфинская О. В., Алиев А. Д., Паюшина О. В.* Экспериментальное исследование техники изготовления золотных нитей в золотоордынском текстиле XIII—XIV вв. из собрания ГИМ // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: Материалы VI науч. конф. М., 2002.
- Лантратова и др.*, 2002б — *Лантратова О. Б., Голиков В. П., Орфинская О. В., Владимирова О. Ф., Егоров В. Л.* Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея — комплексов одежд XIII—XIV вв. М., 2002.
- Лубо-Лесниченко*, 1994 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994.
- Орфинская и др.*, 2010 — *Орфинская О. В., Энгватова А. В., Голиков В. П.* Исследования и реконструкции деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2010. Вып. 6.
- Соболев*, 1934 — *Соболев Н. Н.* Очерки по истории украшения тканей. М.; Л., 1934.
- Фен*, 2007 — *Фен Чжао.* Халат из синей газовой ткани // Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка: Каталог выставки. СПб., 2007.
- Фехнер*, 1982 — *Фехнер М. В.* Шелковые ткани в средневековой восточной Европе // СА. 1982. № 2.
- Фехнер*, 1999 — *Фехнер М. В.* Ткани из Гнёздова // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер. М., 1999 (Труды ГИМ; Вып. 111).
- Чжен*, 2007 — *Чжен Сюй.* Шелковое платье с цветными медальонами // Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка: Каталог выставки. СПб., 2007.
- Falke*, 1921 — *Falke O.* Kunstgeschichte der Seidenweberei. Auff. 2. Berlin, 1921.
- Folsach, Reblow-Bernsted*, 1993 — *Folsach K., von; Reblow-Bernsted A.-M.* Woven Treasures — Textiles from the World of Islam: The David Collection. Copenhagen, 1993.
- Jinke*, 2006 — *Jinke H.* Silk and Gold Textiles from the Tang Underground Palace at Famen si // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Abegg-Stiftung, 2006. Vol. 9.
- Jonghe*, 1991 — *Jonghe D., De.* De Textieldocumenten uit Sint-Truiden. Technologische Bevindingen // Stof uit de kist. De middeleeuwse textielschat uit de abdij van Sint-Truiden. Sint-Truiden, 1991.
- Krag*, 2007 — *Krag A. H.* Christian Influences and Symbols of Power in Textiles from Viking Age Denmark. Christian Influence from the Continent // Ancient Textiles: Production, Craft and Society. Oxford, 2007.
- Liu*, 1996 — *Liu Xinru.* Silk and Religion: An Exploration of Material Life and the Thought of People, AD 600—1200. Oxford, 1996.
- Min*, 2006 — *Min Wu.* The Exchange of Weaving Technologies between China and Central Western Asia from the Third to the Eighth Century Based on New Textile Finds in Xinjiang // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Abegg-Stiftung, 2006. Vol. 9.
- Norris*, 1999 — *Norris H.* Ancient European Costume and Fashion. New York, 1999.
- Owen-Crocker*, 1986 — *Owen-Crocker G. R.* Dress in Anglo-Saxon England. Manchester, 1986.
- Silk...*, 2005 — Silk Road and Mongol-Yuan Art. Paper collection of the International Symposium. Hangzhou, 2005.
- Style from the steppes...*, 2004 — Style from the steppes: silk costumes and textiles from the Liao and Yuan periods, 10th to 13th centuries: Exhibition Catalogue, March 2004 / Zhao Feng, Anne E. Wardwell, Mark Holborn, ed. Donald Dinwiddie. London: Anna Maria Rossi and Fabio Rossi Pub.
- Tejidos y alfombras...*, 1998 — Tejidos y Alfombras del Museo de La Alhambra: Palacio De Carlos V, Granada, Noviembre 1997 — Julio 1998: catálogo de la exposición. Museo de la Alhambra (Granada), 1998.
- Wardwell*, 1992 — *Wardwell A. E.* Two Silk and Gold Textiles of the Early Mongol Period // The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. Cleveland, 1992. Vol. 79, No. 10 (Dec.).
- Watt, Wardwell*, 1997 — *Watt J. C. Y., Wardwell A. E.* When Silk Was Gold: Central Asian and Chinese Textiles. New York, 1997.

⁶ В северной Европе были обнаружены ткани с грифонами (*Owen-Crocker*, 1986. P. 187). В основном, это полихромные самиты из Византии.

Brocade Dress of the 10th Century from the Necropolis of Gnyozdovo**O. V. Orfinskaya**

Finds of textiles are very rare at sites of the 10th century. Therefore, the large fragments of a silk dress retrieved from burial Ц-301 at the burial ground of Gnyozdovo seem to be a unique find. This dress was sewn from a brocade red textile with a golden dragon and a simurgh on the back and shoulders. These two fantastic creatures depicted on a single Chinese textile suggest a fairly complicated interpenetration of the cultures of the East and West, as well as North and South.

The remains of the dress were studied at the Centre of Studies of Historical and Traditional Technologies, the D.S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, in cooperation with the Chair of Archaeology of the Moscow State University and Department of Archaeology of the State Historical Museum.

Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территории Древней Руси и Скандинавии

В. В. Новиков¹

Одним из наиболее полных по сохранности примеров скандинавских уздечных наборов X в., происходящих с территории Древней Руси, можно считать уздечный набор из клада, найденного в 1969 г. на городище Супруты. В состав оголовья входят круглые накладки на ремни, пряжки и удила. Последние привлекают к себе особое внимание. Они состоят из железного трехзвенного грызла и цельнолитых кольцевидных псалиев из медного сплава. Каждое кольцо разделено трехлопастным выпуклым центральным элементом, концы которого оформлены зооморфными масками. С двух сторон на дуге кольца расположены фигурные выступы в виде изогнутых голов коней или драконов. На псалиях закреплены и четыре трапециевидных зажима, фиксировавших ремни оголовья. Как сами псалии, так и зажимы для ремней позолочены и орнаментированы в стиле Борре (рис. 1, 1).

В специальной работе, посвященной этому кладу, В. В. Мурашева рассмотрела вопрос о происхождении удил, уделив особое внимание их декору и общим аналогиям (Мурашева, 2008. С. 7–9). К настоящему моменту, благодаря археологическим исследованиям, на территории Руси заметно увеличилось число находок отдельных деталей псалиев от аналогичных удил, а также металлических зажимов для ремней, украшенных орнаментированными пластинами из цветного металла. Актуальной остается и проблема датировки закрытых комплексов, откуда происходят эти предметы. В связи с этим представляется оправданным вновь вернуться

к находке оголовья из Супрутского клада и более подробно рассмотреть наряду с известными ранее и новые аналогии.

Анализ этой группы находок следует начать с основного элемента оголовья — удила. К сожалению, мы располагаем всего двумя полностью сохранившимися экземплярами, которые позволяют судить не только о псалиях, но и о конструкции грызла. Это удила с двухзвенным грызлом из погребения № 1 в Борре и удила с трехзвенным грызлом из клада в Супрутах.

Удила из кургана № 1 в Борре, снабженные кольцевидными железными псалиями и двухзвенным грызлом (рис. 2, 1, 2), относятся к IV типу по классификации А. Н. Кирпичникова. Это наиболее универсальный тип, получивший самое широкое распространение на территории Евразии с IX в. и используемый по настоящее время (Кирпичников, 1973. С. 16). Псалии этих удил украшены выступающими в стороны от кольца позолоченными пластинами в виде изогнутых голов зверей и также оснащены металлическими трапециевидными зажимами для ремней.

Второй экземпляр — удила с трехзвенным грызлом из клада в Супрутах. Они относятся к V типу удил. По мнению А. Н. Кирпичникова, они имеют скандинавское происхождение (Там же. С. 17). На территории Скандинавии подобные удила получили широкое распространение в IX–X вв. Они обнаружены в нескольких могильниках Швеции (Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 265, 2, 3; Arne, 1934. Taf. IX), а также Норвегии (Petersen, 1951. Fig. 4, 5, 6, 16, 20). В качестве одного из примеров использования удил подобного типа до X в. можно привести находку из погребения № 6 могильника Вальсгерде (Arwidsson, 1942. Taf. 22–24). Удила здесь снабжены специальными за-

¹ Россия, 119992, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4. МГУ. Исторический факультет, кафедра археологии.

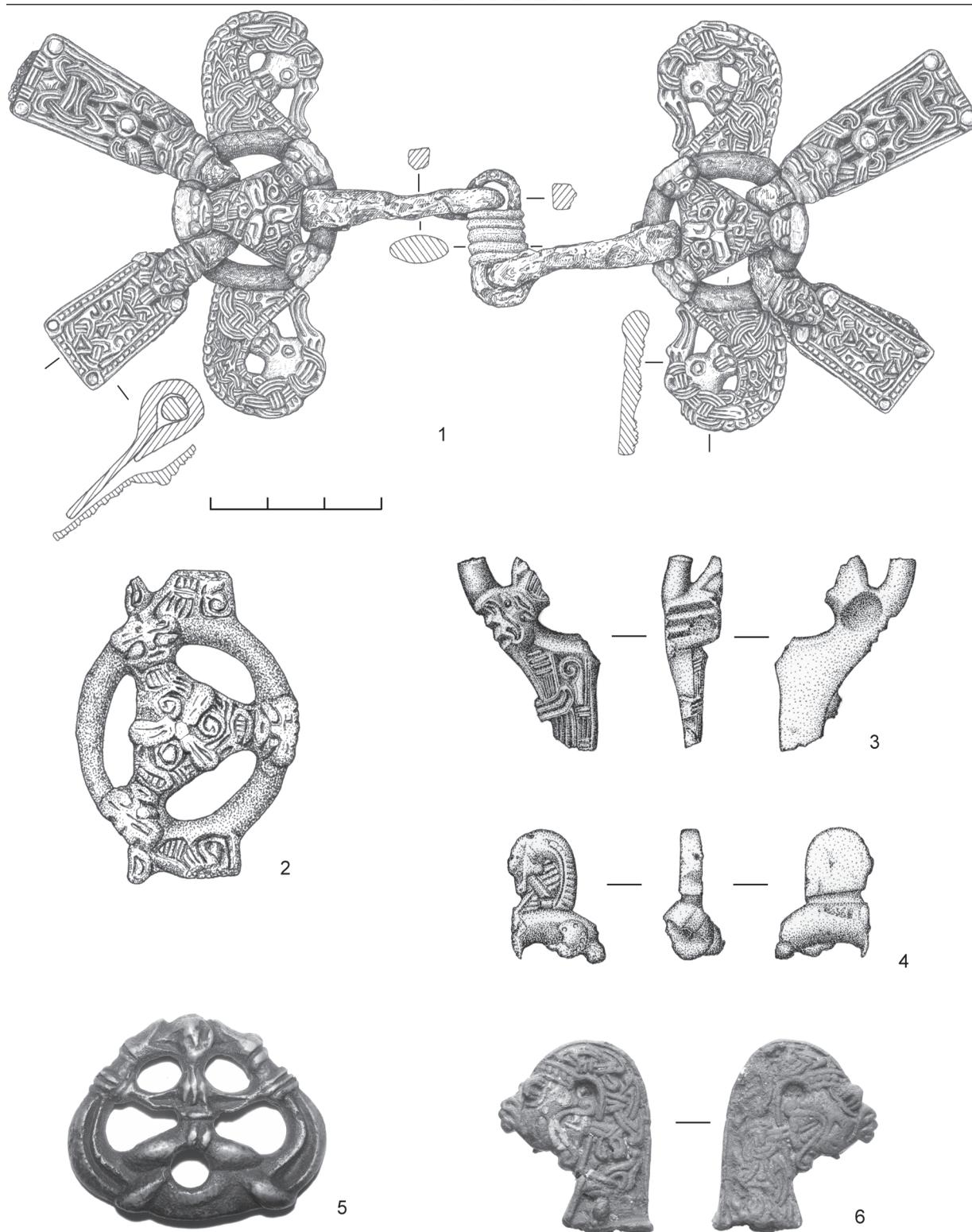

Рис. 1. Удила и псалии: 1 — Тульская обл., городище Супруты, клад 1969 г. (Мурашева, 2008. С. 7); 2 — Вологодская обл., Белоозеро, случайная находка (Мурашева, 2008. С. 9); 3 — Смоленская обл., Гнёздово, курган?/Сиз-?; 4 — Смоленская обл., Гнёздово, Л-113/Авд.-1970; 5 — Новгородская обл., Рюриково городище (НГОМЗ); 6 — Новгородская обл., случайная находка. 3, 4 — рисунки А.С. Дементьевой

Fig. 1. Horse bits and cheek-pieces: 1 — Tula Oblast, settlement-site of Supruty, hoard of 1969; 2 — Vologda Volost, Beloozero, chance find; 3 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Tumulus?/Сиз-?; 4 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Л-113/Авд.-1970; 5 — Novgorod Oblast, Ryurik Gorodishche (Novgorod Museum); 6 — Novgorod Oblast, chance find 3, 4 — Drawings by A. S. Dement'eva

жимами, орнаментированными в стиле III по Б. Салину, что позволило датировать погребение временем не позднее середины IX в. (*Schönbäck, Thunmark-Nylen, 2002. Fig. 6*).

Любопытная деталь в конструкции трехзвенного грызла удил из Супрутского клада заключается в наличии обмотки из медной проволоки на центральном восьмеркообразном звене железного грызла. Свидетельство использования подобного рода перехвата можно увидеть и на удилах в Норвегии. Центральное звено удил из Гокстада также было обернуто только железной полосой (*Petersen, 1951. Fig. 5*). Кроме того, аналогичные удила входили в состав инвентаря в погребении Гёрмюндбю (*Müller-Wille, 1972. Abb. 23*). Можно предположить, что обмотка центрального звена у нескольких экземпляров удил является результатом ремонта.

Близкими по форме к рассматриваемой группе можно считать удила с трехзвенным грызлом и цельнолитыми кольцевидными псалиями, снабженными только трехлопастным центральным элементом, происходящие из неизвестного комплекса из местечка Нэр с о. Готланд (рис. 2, 6, 7).

Вероятно, цельнолитые кольцевидные псалии и специальные зажимы для крепления ремней оголовья могли сочетаться с любым типом грызла — как двухзвенным, так и трехзвенным.

Охарактеризовав имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры полностью сохранившихся удил, обратимся к находкам, представляющим собой целые экземпляры и фрагменты цельнолитых кольцевидных псалиев, разделенных трехлопастным центральным элементом. Концы лопастей оформлены в виде

звериных голов с миндалевидными глазами в фас, а также закрученными спиралями и лентами. Псалии с двух сторон снабжены выступами в форме изогнутых голов коней или драконов с гривой и высунутым языком. Необходимо отметить, что такие изображения получили довольно широкое распространение в прикладном искусстве викингов X в. Не считая псалиев с подобным оформлением из кургана № 1 в Борре (рис. 2, 1, 2; 5, 1) и находок с о. Готланд (рис. 2, 3–8), наиболее близкими к ним по деталям и композиции изображения оказываются кольцевидная фибула из погребения № 886 в Бирке (рис. 2, 9), навершия булавок с о. Готланд (рис. 2, 10, 11) и подковообразная фибула из погребения у д. Кривой Наволок с территории Юго-Восточного Приладожья (*Носов и др., 1994. С. 108*).

На территории Древней Руси найдено восемь цельнолитых псалиев (табл. 1, № 1–7). Два полностью сохранившихся псалия происходят из клада в Супрутах (рис. 1, 1), а псалий с обломанными фигурными элементами в виде голов — из района Белоозера (рис. 1, 2). Фрагментарно сохранились два псалия из дореволюционных раскопок курганов В. И. Сизова в Гнёздове (рис. 1, 3; 4, 8). Их отличает миниатюрность и высокий уровень проработки деталей. Аналогии подобным псалиям с треугольной накладкой обнаруживаются в шведском материале. Среди них наиболее близкой аналогией можно считать псалий из неизвестного погребального комплекса на о. Готланд (рис. 2, 3).

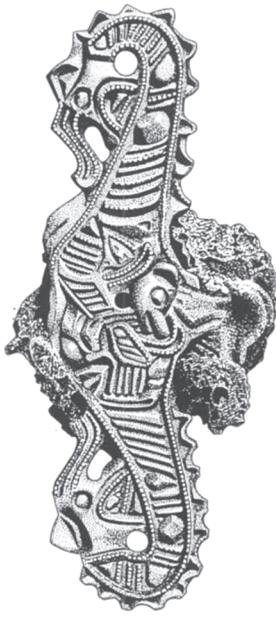
Еще два предмета являются фрагментами фигурных элементов в виде голов зверей. Одна находка происходит из кургана Л-113 из раско-

Рис. 2. Удила и псалии: 1–2 — Норвегия, Вестфолд, Борре, курган № 1 (*Möller-Wille, 1986. S. 156, 159*); 3 — Швеция, о-в Готланд, комплекс (?) (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 264, 4*); 4 — Швеция, о. Готланд, комплекс (?) (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 264, 5*); 5 — Швеция, о-в Готланд, Висбю, комплекс (?) (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 264, 6*); 6–7 — Швеция, о-в Готланд, Нэр, комплекс (?) (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 265, 1*); 8 — Швеция, о-в Готланд, Эке, Смисс, клад ремесленника (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 301*); 9 — Швеция, Бирка, погребение № 886 (*Arbman, 1940. Taf. 49, 2*); 10 — Швеция, о-в Готланд, Гульдрупе, комплекс (?) (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 288, 3*); 11 — Швеция, о-в Готланд, Сьенхем, комплекс (?) (*Thunmark-Nylen, 19986. Typentafeln II: Taf. 288, 2*)

Fig. 2. Bits and cheek-pieces: 1–2 — Norway, Vestfold, Borre, barrow no. 1; 3 — Sweden, island of Gotland, complex (?); 4 — Sweden, island of Gotland, complex (?); 5 — Sweden, island of Gotland, Visby, complex (?); 6–7 — Sweden, island of Gotland, Ndr complex (?); 8 — Sweden, island of Gotland, Eke, Smis, craftsman's hoard; 9 — Sweden, Birka, burial no. 886; 10 — Sweden, island of Gotland, Guldrupe, complex (?); 11 — Sweden, island of Gotland, Sjonhem complex (?)

1

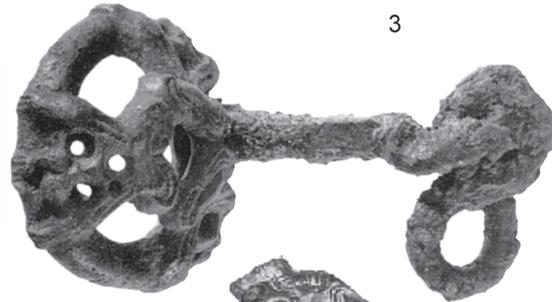
2

3

4

6

7

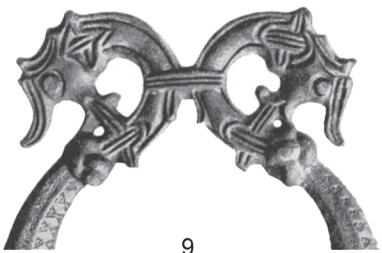
5

8

11

9

10

Таблица 1. Находки удила и направляющих ремней оголовья на территории Древней Руси**Table 1.** Finds of horse bits and head belt distributors from ancient Rus

№	Предмет	Кол-во	Место
1	Псалии	2	Россия, Тульская обл., Супрутское гор., клад 1969 г., С. А. Изюмова
2	Псалия фрагмент	1	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, ?/Сиз-1874-1901
3	Псалия фрагмент	1	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, ?/Сиз-1874-1901
4	Псалия фрагмент	1	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, Л-113/Авд-1970
5	Псалия фрагмент	1	Россия, Вологодская обл., Белоозеро (?), случайная находка
6	Псалия фрагмент	1	Россия, Новгородская обл., Рюриково городище (?), случайная находка
7	Псалия фрагмент	1	Россия, Ярославская обл., Тимерево, случайная находка
8	Направляющие ремней	4	Россия, Тульская обл., Супрутское гор., клад 1969 г., С. А. Изюмова
9	Направляющие ремней	1	Россия, Тульская обл., Супрутское гор., раскоп XXVII, А. В. Григорьев
10	Направляющие ремней	1	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, ?/Сиз-1874-1901
11	Направляющие ремней	2	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, Ц-18(59)/Сиз-1882
12	Направляющие ремней	1	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, Ц-78(54)/Сиз-1896–1897
13	Направляющие ремней	1	Россия, Смоленская обл., Гнёздово, Л-35/Авд-1949
14	Направляющие ремней	1	Россия, Ярославская обл., Тимерево, поселение (пахота), 1975 г., В. И. Дубов
15	Направляющие ремней	1	Россия, Ярославская обл., Тимерево, поселение (пахота), 1976 г., В. И. Дубов
16	Направляющие ремней	1	Россия, Ярославская обл., Тимерево, курган (распахан), 1976 г., В. И. Дубов
17	Направляющие ремней	1	Россия, Новгородская обл., Рюриково городище, раскопки 1980–1983 гг., Е. Н. Носов
18	Направляющие ремней	1	Россия, Новгородская обл., Рюриково городище, случайная находка
19	Направляющие ремней	1	Россия, Новгородская обл., Рюриково городище, случайная находка
20	Направляющие ремней	1	Россия, Новгородская обл., Рюриково городище (?), случайная находка
21	Направляющие ремней	1	Россия, Новгородская обл., случайная находка
22	Направляющие ремней	2	Россия, Вологодская обл., Бабаевский р-он (?), с. Никольское, случайная находка
23	Направляющая ремней	1	Украина, Черниговская обл., с. Шестовица, поселение, 2009 г., В. П. Коваленко, О. П. Моця, В. М. Скороход

пок Д. А. Авдусина² в Гнёздове в 1970 г. и представляет собой довольно схематичное изобра-

² Курганы из раскопок в Гнёздове имеют следующую расшифровку: Л — лесная группа курганов, Ц — Центральная группа курганов; «Ц-78(54)/Сиз-1896-1897» — Центральная группа, курган № 78(54), В. И. Сизов, 1896–1897 гг.; «Ц-78(54)/Сиз-1896-1897» — номера курганов, исследованных В. И. Сизовым, даются по работе С. С. Ширинского (*Ширинский*, 1999); «Ц-74(16)/Серг-1900» — номера курганов, исследованных С. И. Сергеевым, даются по работе А. А. Спицына (*Спицын*, 1905); «Ц-2/Рад-1942» — номера курганов, исследованных К. Раддатцем, даются по публикации автора раскопок (*Raddatz*, 1991); «Л-35/Авд-1949» — номера курганов, исследованных Д. А. Авдусиным, даются по отчетам экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова.

жение головы зверя с волнистой гривой и открытой пастью, из которой высунут язык (рис. 1, 4). Случайная находка, обнаруженная на территории Новгородской области, также выполнена в виде головы с открытой пастью и высунутым языком (рис. 1, б), однако грива здесь короткая, что роднит ее с экземплярами из неизвестного комплекса в Висбю и клада ювелира из Смисс на о. Готланд (рис. 2, 5, 8). Любопытно, что находка из Новгородской области орнаментирована с двух сторон. Можно предположить, что этот предмет является частью навершия одного из видов булавок, которые оформлены в виде аналогичной зооформной головы и также орнаментированы с двух сторон (рис. 2, 10, 11). Однако основание на-

Таблица 2. Находки удила и направляющих на территории Скандинавии**Table 2.** Finds of horse bits and belt distributors from Scandinavia

№	Предмет	Кол-во	Место
1	Удила, направляющие	4	Норвегия, Вестфолд, курган № 1 в Борре, 1852 г.
2	Псалий, направляющая	1	Швеция, о. Готланд, клад ювелира из Смисс
3	Удила, псалии	1	Швеция, о. Готланд, Смисс, Нэр
4	Псалий	1	Швеция, о. Готланд, место неизвестно
5	Псалий	1	Швеция, о. Готланд, место неизвестно
6	Псалий	1	Швеция, о. Готланд, Висбю, Смиттенслунд
7	Направляющие	2	Швеция, Бирка, погребение № 644, 1940 г.
8	Направляющая	1	Швеция, Бирка, Birka's Garrison, 2005 г.
9	Направляющая	1	Швеция, Адельсо, курган Скопинтул, 1986
10	Направляющие	2	Швеция, о. Готланд, комплекс (?)
11	Направляющие	4	Швеция, о. Готланд, мог. Ире, погребение № 110, 1961 г.

верший этих булавок не имеет такой широкой площадки, кроме того, следы слома на новгородском экземпляре также свидетельствуют в пользу отнесения его к кольцевидному псалию. В данном случае наиболее близкой аналогией можно считать псалий из клада Смисс. Из Тимерево происходит находка псалия, от которого сохранилась только часть головы с открытой пастью, высунутым языком и изогнутой орнаментированной шеей. Прямая аналогия этому экземпляру — псалий из неизвестного комплекса с о. Готланд (рис. 2, 3).

Вероятно, к этой группе цельнолитых псалиев с центральным элементом можно отнести и кольцо, украшенное антропоморфной фигуркой, с Рюрикова городища. В данном случае фигура делит кольцо на четыре сегмента, а круглое отверстие между ногами фигуры является креплением железного грызла (рис. 1, 5).

Предметом особого внимания являются упомянутые выше металлические зажимы для ремней оголовья. Именно они наиболее представительны в численном отношении и отличаются друг от друга исполнением и декором. В современной литературе не существует специального термина для этих зажимов. В связи с этим предлагается использовать определение «направляющие ремней оголовья» в соответствии с их прямой технической функцией — соединять и распределять ремни суголовья и повода на голове лошади. В настоящее время известно четыре достоверных примера, когда такого рода направляющие связаны с кольцевидными псалиями (курган № 1 в Борре, клад ювелира из Смисс, клад 1969 г. на го-

родище Супруты, неизвестный курган из раскопок В. И. Сизова в Гнёздове).

Представляется возможным рассматривать удила с трехзвенным или двухзвенным грызлом, кольцевидными псалиями с центральными трехлопастными элементом и фигурными элементами в виде голов зверей, и направляющие ремней оголовья как некий единый конструктивно-декоративный тип оголовья, получивший распространение в X в. на территориях Скандинавии и Древней Руси. На территории Скандинавии общее число опубликованных находок интересующих нас удила с псалиями, направляющих ремней и их фрагментов составляет 19 предметов (табл. 2). На территории Древней Руси общее число подобных находок — 27 (табл. 1).

Направляющие ремней оголовья (суголовья и повода) — самая значительная группа, в которой насчитывается 21 предмет (табл. 1, № 8–23). Количество и разнообразие позволяет подвергнуть их классификации, которая основывается на иерархической системе признаков и представляет собой открытую схему. Это означает, что появление новых элементов можно беспрепятственно интегрировать в существующую систему путем присвоения новых индексов. В условиях постоянного пополнения археологических коллекций этот путь является наиболее правильным в процессе познания древних предметов.

В зависимости от особенностей конструкции направляющие могут быть разделены на два класса (табл. 3). К первому классу (Т1) относятся направляющие, состоящие из желез-

ной основы в виде трапециевидной пластины с петлей и орнаментированной пластиной из медного сплава с отверстиями под заклепки или отлитые сразу вместе со штифтами (рис. 3, 1, 2). Ремни оголовья закреплялись между железной основой и пластиной из цветного металла при помощи заклепок. В большинстве случаев четыре отверстия для заклепок располагались по углам трапеции (рис. 3, 6–8, 10–12). Однако есть экземпляры и с тремя отверстиями (два — по углам основания трапеции и одно — в центре, чуть ниже зооморфной маски) (рис. 3, 4, 5, 9).

В первом классе можно выделить два вида на основании формы железной петли. К сожалению, известные нам железные основы сохранились только в двух случаях: клад 1969 г. из Супрут и курган Ц-78(54)/Сиз-1896-1897 в Гнёздове. К первому виду (Т1S1) относятся направляющие с петлей, загнутой под основу из цветного металла (рис. 3, 3, 4), ко второму (Т1S2) — загнутые в обратную сторону, т. е. под железную основу (рис. 3, 5). Точно отнести остальные находки к первому или второму виду затруднительно: в верхней части всех ор-

наментированных пластин с обратной стороны зооморфной маски обнаруживается выгнутая поверхность для более плотного соприкосновения с железной петлей, однако установить направления ее загиба не представляется возможным. В связи с этим в классификации эти направляющие определяются только по «классу».

К первому классу относится 14 экз. Аналогиями к этим направляющим могут служить предметы из кургана № 1 в Борре, из погребения № 644 в Бирке, находки на территории «гарнизона» поселения Бирка, из кургана Скопинтул в Адельсо и из неизвестного комплекса с о. Готланд (рис. 2, 1, 2; 5, 1–4, 8).

Ко второму классу (Т2) (6 экз.) относятся массивные орнаментированные пластины из цветного металла с отлитой вместе с ними петлей для крепления к кольцевидному псалию (рис. 4, 1, 2). Железная пластина с обратной стороны является вспомогательным элементом: она может выполнять функцию дополнительного крепления или и вовсе отсутствовать. Ремни оголовья здесь закреплялись между железной вспомогательной пластиной и основ-

Таблица 3. Классификация направляющих ремней оголовья

Table 3. Classification of head belt distributors

Направляющие ремней оголовья	Класс	Вид	Подвид	Кол-во	Рисунок
Комбинированные (жел. основа + накл. пласт. цв. мет.)	T1				
<i>Петля основания загнута на внешнюю сторону</i>		S1			
ленточный (Борре), перехваты и треугольники			S1a	2	3, 3
ленточно-тератологический (Борре), восьмерковидные фигуры, звериные лапы			S1b	2	3, 4
<i>Петля основания загнута во внутреннюю сторону</i>		S2			
ленточно-тератологический (Борре), восьмерковидные фигуры, звериные лапы			S2a	2	3, 5, 6
ленточно-тератологический (Борре), восьмерковидные фигуры			b	3	3, 7, 8
ленточно-тератологический (Борре), головы хищных птиц			c	3	3, 9–11
ленточно-тератологический (Борре), фигуры кошачьих			d	1	3, 12
Цельнолитые	T2				
<i>Петля крепление к псалию загнута во внутреннюю сторону</i>		S1			
ленточно-тератологический (Борре), фигуры кошачьих			S1a	2	4, 3, 4
ленточно-тератологический (Борре), восьмерковидные фигуры, звериные лапы			S1b	2	4, 5, 8
ленточно-тератологический (Йеллинг), фигуры зверей и морды в фас			S1c	1	4, 6
<i>Петля — крепление к псалию и ремням оголовья</i>		S2			
ленточно-тератологический (Борре), восьмерковидные фигуры, звериные лапы			S2a	1	4, 7

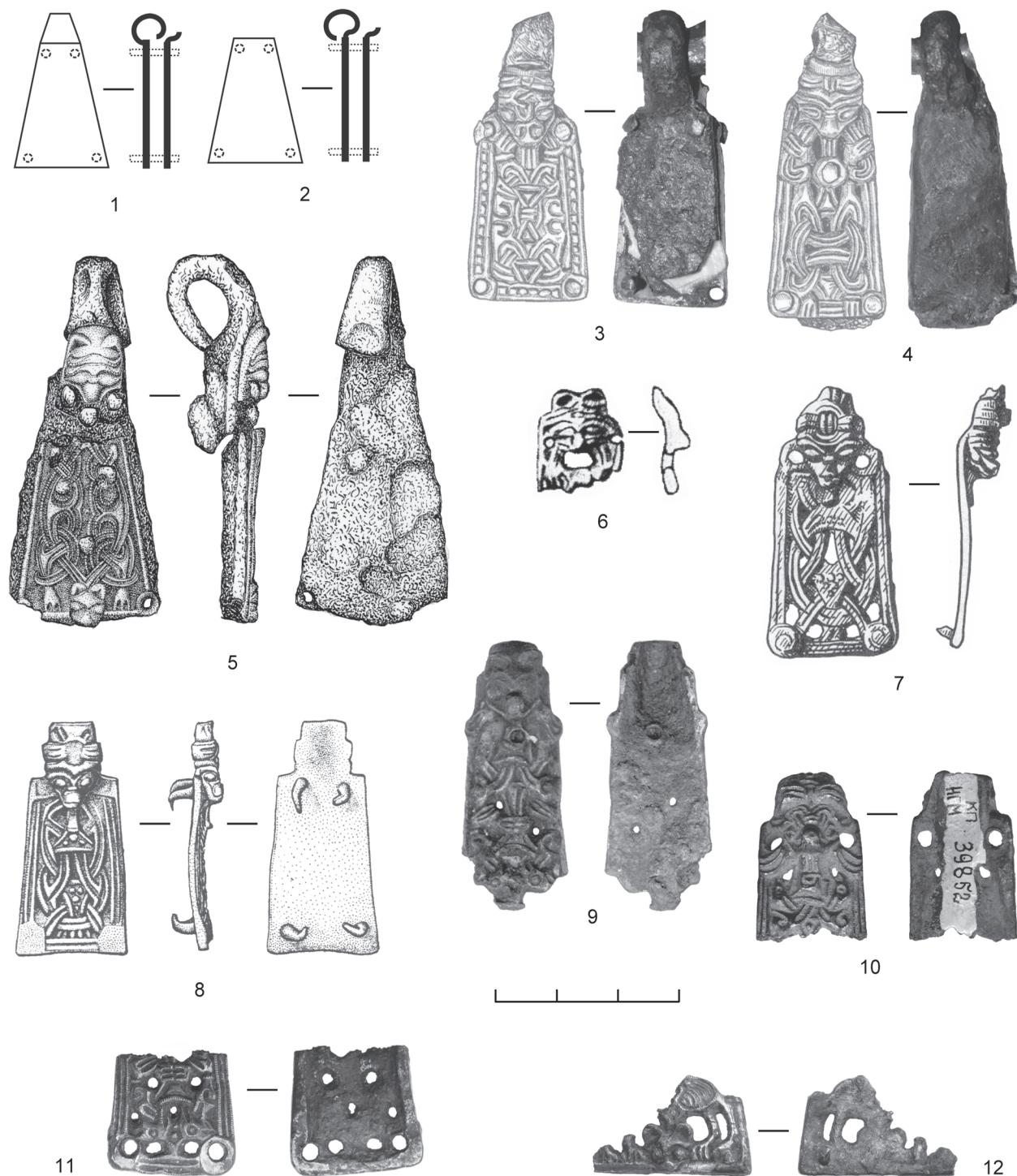

Рис. 3. Направляющие ремней оголовья: 1–2 — конструкция направляющих ремней оголовья — класс 1: комбинированные направляющие (Т1), вид 1 и вид 2; 3–4 — Тульская обл., гор. Супруты, клад 1969 г.; 5 — Смоленская обл., Гнёздово, Ц-78(54)/Сиз-1896-1897; 6 — Ярославская обл., пос. Тимерево, 1976 г. (Дубов, 1982. С. 226); 7 — Новгородская обл., Рюриково городище (Носов, 1990. С. 125); 8 — Вологодская обл., случайная находка; 9 — Новгородская обл., Рюриково городище; 10 — Новгородская обл., Рюриково городище; 11–12 — Новгородская обл., случайные находки (Янссон, 1999. Рис. 1, 5)

Fig. 3. Bridle strap distributors: 1–2 — construction of bridle strap guides — class 1: compound distributors (T1), view 1 and view 2; 3–4 — Tula Oblast, city of Supruty, hoard of 1969; 5 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Ц-78(54)/Сиз-1896-1897; 6 — Yaroslavl Oblast, settlement-site of Timerevo, 1976; 7 — Novgorod Oblast, Rurik Gorodishche; 8 — Vologda Oblast, stray find; 9 — Novgorod Oblast, Rurik Gorodishche; 10 — Novgorod Oblast, Rurik Gorodishche; 11–12 — Novgorod Oblast, stray finds

ной пластиной из цветного металла при помощи штифтов или заклепок.

В этом классе также можно выделить два вида. В пластинах первого вида (Т2S1) петля загибалась в обратную сторону непосредственно в верхней части трапециевидной пластины. К этому виду можно уверенно отнести пять находок (рис. 4, 3–5, 6, 7). Второй вид (Т2S2) характеризуется петлей, которая не только являлась креплением к псалию, но и переходила в крепление для ремня и была снабжена отверстием для заклепки (рис. 4, 8). Аналогией к находке из кургана Л-35 (рис. 4, 6) может служить находка из клада Смисс (рис. 2, 8), а четыре направляющих из погребения № 110 из могильника Ире на о. Готланд (рис. 5, 7), в свою очередь, практически идентичны по форме, оформлению крепления и орнаменту находке из Ц-18(59)/Сиз-1882 (рис. 4, 7).

В качестве дополнительного замечания к характеристике предметов следует отметить, что две упомянутые находки из Гнёздова (рис. 4, 6, 7) имеют следы вторичного использования и демонтажа первоначального крепления. Не исключено, что они являлись литейным браком. В случае с направляющим из кургана Л-35 заметны следы стачивания остатков петли, а в двух направляющих из кургана Ц-18(59)/Сиз-1882 в остатке петли было проделано отверстие, вероятно, требуемое для вторичного использования.

Многие из находок сохранили следы позолоты. Почти все направляющие выполнены из цветного металла и украшены традиционным скандинавским орнаментом в стиле Борре.

Представляется важным отдельно остановиться на рассмотрении орнамента, украшающего направляющие. В предложенной классификации орнамент рассматривается как отдельный признак, позволяющий выделить подвиды в границах классов и видов (табл. 3). Для удобства рассмотрим древнерусские находки в совокупности со скандинавскими предметами. Орнамент — признак, который в настоящей классификации позволяет определить подвид. Однако одинаковые орнаментальные решения в ряде случаев характерны для направляющих, выполненных в техническом плане неодинаково и принадлежащих, соответственно, разным классам и видам. В связи с этим по композиции орнамента и включенным в него элементам все находки направляющих с

территорий Древней Руси и Скандинавии могут быть разбиты на восемь условных групп.

Общим элементом для всех групп является присутствие зооморфной маски в фас в верхней стороне трапеции. Похожие изображения можно увидеть на равноплечных фибулах, например, из кургана № 158 в Бирке (*Aagerd*, 1984. S. 98).

К первой группе относится пара коротких направляющих от удил из Супрут (Т1S1a) и направляющие из погребения № 644 из Бирки. В основе композиции лежит ленточное плетение из двойных лент, украшенное перехватами и треугольниками (рис. 3, 3; 5, 2). В качестве примера аналогии орнамента и формы к направляющим из Бирки и Супрут можно привести щиток пряжки из погребения № 71 в Бирке (рис. 5, 9).

Вторая группа — наиболее многочисленная — представлена находками направляющих от удил из Супрут, из кургана Ц-78(54)/Сиз-1896-1897, неизвестного кургана из Гнёздова, из Тимерева (Т1S1b, Т1S2a, Т2S1b), а также из кургана № 1 в Борре и, вероятно, находкой из кургана Скопинул. Здесь орнамент представляет собой ленточное плетение в виде восьмерковидных фигур со звериными лапками в составе ленточного плетения, охватывающими края или повернутыми навстречу друг другу (рис. 2, 1, 2; 3, 4–6; 4, 5, 8; 5, 1, 4).

К третьей группе относятся находки из слоев Рюрикова городища и пара направляющих из случайных находок на территории Вологодской области (Т1b), а также находка из раскопок поселения Шестовицы в 2009 г. (*Андрощук, Зоценко*, 2012. Рис. 11). В основе композиции ленточное плетение из двойных лент, образующее восьмерковидные фигуры (Рюриково городище, Вологодская область) (рис. 3, 7, 8). Направляющая с Рюрикова городища и Шестовиц ажурная, все остальные предметы — нет.

Четвертая группа представлена двумя находками с Рюрикова городища, случайной находкой из Новгородской области (Т1c) и направляющей с поселения Бирка (рис. 3, 9–11; 5, 3). В состав ленточного плетения, украшающего эти предметы, включены головы хищных птиц в профиль. Подобные изображения представлены на серии уздечных накладок из курганов Ц-18(59)/Сиз-1882, Ц-74(16)/Серг-1900, Ц-3/Рад-1942, а также из кургана № 11 из Седнева (Украина, Черниговская область). В Нор-

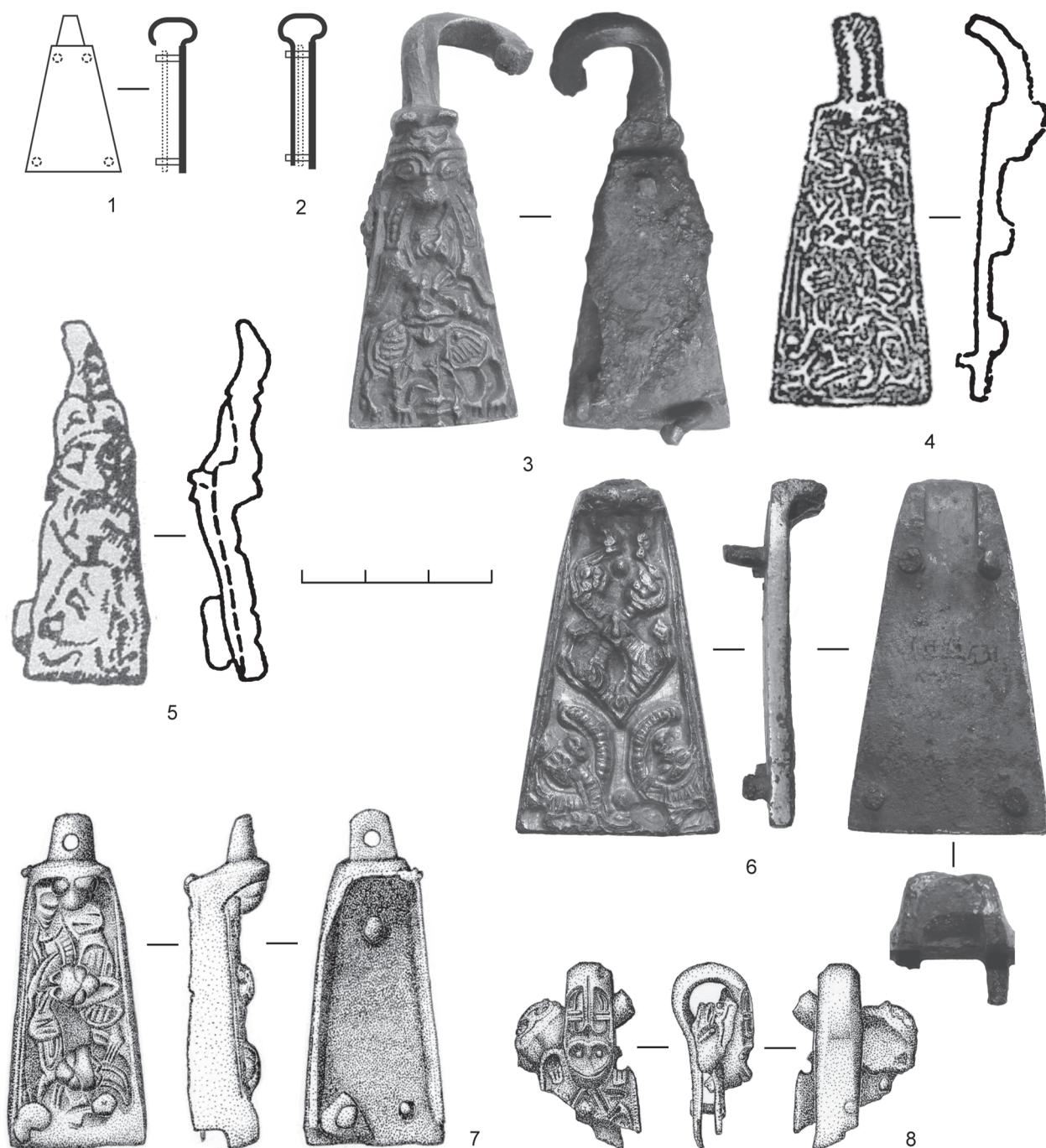

Рис. 4. Направляющие ремней оголовья: 1–2 — конструкция направляющих ремней оголовья — класс 2: цельнолитые направляющие (Т2), вид 1 и вид 2; 3 — Тульская обл., гор. Супруты, раскоп XXVII (Мурашева, 2008. Рис. III); 4 — Ярославская обл., мог. Тимерёво, курган распаханый, 1976 г. (Дубов, 1982. С. 203); 5 — Ярославская обл., пос. Тимерёво, 1975 г. (Дубов, 1982. С. 210); 6 — Смоленская обл., Гнёздово, Л-35/Авд-1949; 7 — Смоленская обл., Гнёздово, Ц-18(59)/Сиз-1882; 8 — Смоленская обл., Гнёздово, курган (?)/Сиз-?

Fig. 4. Bridle strap distributors: 1–2 — construction of bridle strap distributors — class 2: cast single-piece distributors (T2), view 1 and view 2; 3 — Tula Oblast, city of Supruty, Excavation XXVII; 4 — Yaroslavl Oblast, burial ground of Timerevo, ploughed tumulus, 1976; 5 — Yaroslavl Oblast, settlement-site of Timerevo, 1975; 6 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Л-35/Авд-1949; 7 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Ц-18(59)/Сиз-1882; 8 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, barrow (?)/Сиз-?

Рис. 5. Удила, псалии, направляющие: 1 — Норвегия, Вестфолд, Борре, курган № 1 (Möller-Wille, 1986. S. 156, 159); 2 — Швеция, Бирка, погребение № 644 (Arbman, 1940. Taf. 28, 6); 3 — Швеция, пос. Бирка, гарнизон (Hedenstierna-Jonson, 2006. S. 10, Fig. 9); 4 — Швеция, Адельсо, курган «Скопинтул» (Rydh, 1986. S. 117–118); 5 — Смоленская обл., Гнёздово, Ц-74(16)/Серг-1900; Ц-2/Рад-1942; Черниговская обл. Седнев № 11. 6 — Смоленская обл. Гнёздово, Ц-18(59)/Сиз-1882; 7 — Швеция, о-в Готланд, Хелви, могильник Ире, погребение № 110 (Stenberger, 1961. S. 44, Abb. 44); 8 — Швеция, о-в Готланд, комплекс (?) (Thunmark-Nylen, 1998b. Taf. 266); 9 — Швеция, Бирка, погребение № 71 (Maixner, 2004. S. 196); 10–11 — Норвегия, монастырь Ваэрне, в Род, клад (Wilson, Klindt-Jensen, 1966. Pl. XXIX)

Fig. 5. Bits, cheek-pieces, strap distributors: 1 — Norway, Vestfold, Borre, barrow no. 1; 2 — Sweden, Birka, burial no. 644; 3 — Sweden, settlement of Birka's garrison; 4 — Sweden, Adelsu, «Skopinntull» barrow; 5 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Ц-74(16)/Серг-1900; Ц-2/Рад-1942; Chernigov Oblast, Sednev, no. 11; 6 — Smolensk Oblast, Gnezdovo, Ц-18(59)/Сиз-1882; 7 — Sweden, island of Gotland, Helvi, cemetery of Ire, burial no. 110; 8 — Sweden, island of Gotland, complex (?); 9 — Sweden, Birka, burial no. 71; 10–11 — Norway, monastery of Vaerne, Rod, hoard

вегии в кладе из монастыря Ваэрне аналогичные головы птиц украшают наконечник ремня и дуги шпор (Wilson, Klindt-Jensen, 1966. Pl. XXIX) (рис. 5, 5, 6, 10, 11).

Пятая группа представлена находкой из культурного слоя городища Супруты, находками из распаханного кургана в Тимерева (в связи со схематичным изображением в публикации находка относится к этой группе с оговорками) (T2S1a) и случайной находкой из Новгородской области (T1d) (рис. 3, 12; 4, 3, 4). В составе композиции — зооморфные существа с поперечной насечкой на тулове и голо-

вами кошачьих в фас. Близкой аналогией к изображенным мордам кошачьих можно назвать маски на круглых фибулах типа II A по классификации И. Янссона (Jansson, 1984. S. 61–62).

Шестая группа представлена идентичными находками четырех направляющих из погребения № 110 могильника Ире на о. Готланд и двух направляющих из погребения Ц-18(59)/Сиз-1882 из Гнёздова (T2S2a). Орнамент в виде повернутых в профиль тел зверей, покрытых поперечной насечкой, и мордами, развернутыми анфас (рис. 4, 7; 5, 7).

Седьмая группа — направляющие из кургана Л-35 в Гнёздове (Т2S1с) и клада ювелира из Смисс (рис. 2, 8; 4, 6). Они орнаментированы изображениями вытянутых фигур зверей с поперечной насечкой и масками в фас. Орнамент предположительно относится к стилю Йеллинг. В пользу этого может свидетельствовать и близкое по исполнению художественное решение на языковидных фибулах типа I (неизвестный комплекс) и II (погребения № 37) в Бирке (*Maixner*, 2004. S. 129, Taf. 11, 4–5).

Восьмая группа представлена двумя ажурными направляющими из неизвестного погребального комплекса на о. Готланд (рис. 5, 8). В составе орнамента — сложно переплетенные фигуры зверей с лапами и ленточным орнаментом.

Стоит отметить, что среди рассмотренных древнерусских изделий можно выделить более качественно проработанные предметы и более грубые. Так, в пятой группе случайная находка из Новгородской области с детальной проработкой кошачьей фигурки (рис. 3, 12) является более качественным экземпляром по отношению к находке цельнолитой направляющей с аналогичным орнаментом из раскопок на городище Супруты (рис. 4, 3).

Наиболее качественными по исполнению образцами среди направляющих и псалий следует признать находки из неизвестного курганного комплекса из раскопок В. И. Сизова в Гнёздове (рис. 1, 3; 4, 8), направляющую из кургана Ц-78(54)/Сиз-1896 — 1897 в Гнёздове (рис. 3, 5) и находку из Новгородской области (рис. 3, 12). Высокий уровень исполнения демонстрируют и удила из Супрут (рис. 1, 1; 3,

3, 4). Тем не менее даже лучшие образцы направляющих не отражают действительного богатства парадного убранства верховного коня. У всех этих предметов были очевидные образцы, выполненные в серебре, покрытые позолотой и чернью, а также украшенные филигранью. Лучшее тому свидетельство — клад из монастыря в Ваэрне (Норвегия), предметы из которого действительно отражают парадное убранство коня богатого всадника высокого социального ранга (рис. 5, 10, 11).

Наиболее сложным остается вопрос датировки указанных находок. Все удила подобного типа и элементы, к ним относящиеся, можно уверенно датировать X в. Для определения более точных дат необходимо в первую очередь обратить внимание на скандинавские закрытые комплексы, из которых происходят известные нам аналогии (табл. 4).

Даты этих комплексов относятся к периоду не ранее первых десятилетий—середины X в. Датировка погребения Йеллинг и погребения Гокстад, в которых одновременно встречаются предметы, декорированные в стилях Борре и Йеллинг, относятся к середине—второй половине X в. Следует подчеркнуть, что даты для кургана из Борре и кургана Йеллинг определены на основе дендрохронологического анализа, а сооружение самих погребений могло произойти даже немного позднее указанных дат (*Müller-Wille*, 2001. S. 246). Взяв в качестве отправной точки предложенные в современной западной историографии датировки, рассмотрим закрытые комплексы с удилами и направляющими с территории Древней Руси. Мы можем говорить о семи закрытых комплексах, да-

Таблица 4. Датировка погребений на территории Скандинавии

Table 4. Dates of burials found in Scandinavia

Погребение	Дата, X в.	Источник
Швеция, Бирка, погребение № 644	не ранее 920–921 гг.	<i>Maixner</i> , 2004. Tab. 2
Швеция, курган «Скопинтул»	900-е гг.	<i>Еремеев</i> , 2007. С. 253.
Швеция, о. Готланд, м. Ире, п. № 110	не ранее первых десятилетий X в.	<i>Thunmark-Nylen</i> , 1998a. Text III: 2, 692
Норвегия, Борре, курган № 1	первая половина X в.	<i>Müller-Wille</i> , 2001. S. 246.
Швеция, о. Готланд, клад ювелира из Смисс	середина—вторая половина X в.	<i>Jansson</i> , 1995. С. 85.
Швеция, Бирка, Birka's Garrison	вторая половина X в.	<i>Hedenstierna-Jonson</i> , 2006. Part I, 52, Part V, 9–10
Дания, курган Йеллинг	около 958/959	<i>Müller-Wille</i> , 2001. S. 246
Норвегия, курган Гокстад	вторая половина X в.	<i>Müller-Wille</i> , 2001. S. 246
Швеция, курган Антуна	не ранее 917/918 г.	<i>Еремеев</i> , 2007. С. 253

тировки которых могут подвергаться обсуждению — это четыре комплекса из Гнёздовского могильника, распаханное погребение из Тимерева и клад 1969 г. с городища Супруты.

В настоящее время для погребальных комплексов с территории Гнёздова единственным уверенным хронологическим маркером может служить время появления круговой керамики. Эта датировка была предложена и обоснована Е. В. Каменецкой (*Каменецкая*, 1998. С. 125) и подтверждается в настоящее время материалами раскопок на территории пойменной части селища (*Мурашева и др.*, 2007. С. 71). Можно говорить о выделении двух периодов: «безгончарного» — до 30-х гг. X в.; «гончарного» — после 30-х гг. X — начало XI в. В этом случае находка в закрытом комплексе гончарной керамики указывает на время сооружения кургана — не ранее второй четверти X в. Наличие только лепной керамики в погребении дату не определяет, поскольку лепная посуда бытовала в Гнёздове вплоть до начала XI в. Скандинавские предметы различных типов также встречаются в погребениях в различных комбинациях, но их датировка не в полной мере совпадает с традиционными скандинавскими датами. Они могут дать лишь вспомогательную информацию. Монеты же встречены в комплексах с направляющими только один раз.

Погребение Ц-18(59)/Сиз-1882 содержит направляющие, аналогичные обнаруженным в захоронении № 110 могильника Ире. Погребение № 110 в могильнике Ире датируется очень условно временем не ранее первых десятилетий X в. (*Thunmark-Nylen*, 1998a. Text III: 2, 692). В этом же гнёздовском погребении найдена овальная фибула типа 51С по типологии И. Янссона (*Jansson*, 1984. S. 52–53). Согласно последним уточненным данным фибулы этого типа бытуют не ранее середины X в., а преимущественно во второй половине столетия (*Андрощук*, 2009. С. 80). В погребении также обнаружен наконечник ножен меча с изображением птицы. Согласно типологии С. Ю. Каинова, этот наконечник относится к третьему варианту первой группы (Гн-І.1.3). Автор предполагает широкую датировку для этой группы в рамках X в., однако отмечает, что второй и третий варианты являются продуктом производства мастеров на территории Древней Руси, тогда как первый вариант, вероятнее всего, происходит с территории Бирки (*Каинов*, 2009. С. 87–88). Там же обнаружены накладки со сканди-

навским орнаментом в виде голов птиц. Элементы орнамента аналогичны тем, которые украшают направляющие четвертой орнаментальной группы. Таким образом, погребение Ц-18(59) может быть датировано временем не ранее середины—второй половины X в.

Курган Ц-78(54)/Сиз-1896-1897 в составе инвентаря содержит обломок равноплечной фибулы, вероятнее всего, относящейся к типу IV A: 1 (*Aagård*, 1984. S. 99). Фибулы IV группы широко датируются автором в рамках столетия, кроме того, упоминается, что разновидность IV A: 1 встречена в погребении № 969 в Бирке вместе с парой овальных фибул 51 типа по типологии И. Янссона, что в целом уверенно указывает на X в. (*Ibid.* S. 109). Кроме того, в гнёздовском погребении обнаружен круговой сосуд (на основании дневниковых записей), что дает нам дату сооружения погребения не ранее 30-х гг. X в.

В кургане Л-35 из датирующих предметов была обнаружена равноплечная фибула типа 67 по Я. Петерсену (*Petersen*, 1928. S. 83) или тип III F: 1 по Г.-Б. Аагард. Датировка указанного типа фибул последним автором определяется X в. (*Aagård*, 1984. S. 102, 108). Кроме того, в кургане обнаружена лепная и круговая керамика, сочетание которой определяет нижнюю границу сооружения насыпи не ранее 30-х гг. X в. Направляющая из этого кургана практически идентична находке из клада ювелира из Смисс. Этот клад датируется серединой—второй половиной X в. (*Jansson*, 1995. S. 84)

Курган Л-113 содержит лепную и круговую керамику с линейно-волнистым орнаментом, накладки среднеднепровского облика, гребень, железный ледоходный обувной шип, иглу от круглой фибулы, металлические оковки. Нижнюю границу сооружения погребения определяет наличие круговой керамики (30-е гг. X в.), а присутствие накладок среднеднепровского облика относит комплекс ко времени не ранее середины—второй половины X в. (*Орлов*, 1984. С. 94).

Таким образом, погребальные комплексы Гнёздова, в которых обнаружены фрагменты псалиев и направляющие, относятся преимущественно к середине—второй половине X в.

Распаханный курган 1976 г. из Тимерева датируется автором раскопок на основании находок и типа меча временем после середины X в. (*Дубов*, 1982. С. 129). Позднее этот меч был отнесен к варианту 4 типа Е и отмечалось, что на

основании датировки найденного здесь гребня (вторая группа по О. И. Давидан) нижняя граница погребения должна быть отнесена ко времени не ранее 920-х гг. (Каинов, 2001. С. 57).

Клад с городища Супруты предположительно датируется В. В. Мурашевой первой половиной X в. (Мурашева, 2008. С. 34–35). Изображения кошачьих морд на наконечниках ремней в составе клада и накладках на ремни уздечного набора близки к круглым фибулам типа П:А. Они происходят из погребений Бирки, нижняя граница которых, согласно находкам монет, в целом определяется временем не ранее первой четверти X в. (Jansson, 1984. S. 72). Кроме того, две из четырех направляющих аналогичны находкам в кургане № 644 в Бирке. Нижняя граница этого погребения по самой поздней монете отнесена ко времени не ранее 920–921 гг. Там же обнаружены две овальные фибулы типа 51С (Maixner, 2004. S. 124, Tab. 2). Датировка последних, как уже упоминалось, в настоящее время определяется как середина–вторая половина X в. В связи с этим авторскую датировку клада можно уточнить. Видимо, он был зарыт не ранее первых десятилетий или даже середины X в.

Ко второй половине X в. относится распределитель из раскопок на территории размещения гарнизона Бирки (*Hedenstierna-Jonson*, 2006. Part I. S. 52; Part V. S. 9–10). Вероятно, с этим временем стоит соотносить и направляющие, украшенные ленточным орнаментом и головами птиц, происходящие с Рюрикова городища, а также случайную находку из Новгородской области. Накладки, орнаментированные аналогичными головами птиц, происходят из трех погребений в Гнёздове. Первый курган Ц-18(59)/Сиз-1882 (с двумя направляющими) датируется временем не ранее середины — второй половины X в., курган Ц-2/Рад-1942 — серединой X в. (Raddatz, 1991. S. 167). Сооружение третьего кургана Ц-74(16)/Серг-1900 также связано со второй половиной X в. Во всех указанных курганах имеются и другие элементы скандинавских уздечных наборов в виде накладок, обойм, наконечников ремней и пряжек ремней оголовья. Аналогичные накладки с головами птиц найдены в составе инвентаря в кургане № 11 из Седнева (Черниговская область). Этот комплекс можно отнести к периоду не ранее середины X в. на основании присутствия в нем инкрустированных накладок среднеднепровского облика.

Необходимо отметить, что в семи случаях (курган № 1 в Борре, курган Скопинтул, погребение № 110 могильника Ире, неизвестный комплекс с о. Готланд, курган Ц-18(59)/Сиз-1882, супрутский клад и случайная находка уздечного набора из Вологодской области) в составе инвентаря содержатся и другие элементы украшения ремней оголовья, которые не только аналогичны друг другу внутри этой группы, но и часто встречаются в составе других оголовий скандинавского облика на территориях Древней Руси и Скандинавии. Сюда входят прямоугольные накладки, украшенные изображением морды зверя в фас, прямоугольные накладки с головами птиц в профиль, наконечники ремней и т. д.

Эти украшения встречаются в слоях поселений и погребениях также преимущественно в период середины–второй половины X в. (Новиков, 2009. С. 20–21). Наиболее логичным представляется рассматривать удила с орнаментированными пластинами и направляющими ремней оголовья в контексте общей моды на оголовья скандинавского облика. В связи с вышеизложенным можно датировать подобные предметы временем ближе к середине–второй половине X в. Важно отметить, что предметы этого типа используются на территориях Скандинавии и Древней Руси в одно и то же время, т. е. мы не наблюдаем практически никакого хронологического разрыва в появлении предметов в этих регионах.

Нерешенным остается вопрос о присутствии в некоторых погребениях направляющих без удили и других элементов украшений уздечных наборов. Не ясно, можно ли в этом случае относить погребения, содержащие трупопожжения, к группе воинских погребений с конем или снаряжением всадника? Очевидно, что нельзя исключать и попадания в погребение вещи в качестве дара человеку, не имеющему при этом особого статуса или отношения к дружине. Эти вопросы связаны с толкованием особенностей погребального обряда на территории Древней Руси в X в., и в настоящей статье могут быть только обозначены, но не решены.

Подводя итоги, еще раз отметим, что, по всей вероятности, назрела необходимость выделить удила с двухзвенным и трехзвенным грызлом, орнаментированными цельнолитыми кольцевидными псалями с трехлопастным центральным элементом и фигурными зоо-

морфными выступами, снабженными направляющими ремней оголовья, в отдельный тип в составе типологии А. Н. Кирпичникова. Оголовья подобного рода — яркий пример предметов скандинавского облика на территории Древней Руси, массовое распространение которых приходится на вторую четверть—вторую половину X в.

- Андрощук*, 2009 — *Андрощук Ф. А.* Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. СПб., М., 2009. Т. 1.
- Андрощук*, *Зоценко*, 2012 — *Андрощук Ф. А., Зоценко В. Н.* Скандинавские древности Южной Руси: Каталог. Paris, 2012.
- Дубов*, 1982 — *Дубов И. В.* Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Еремеев*, 2007 — *Еремеев И. И.* Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности: Историко-археологический сб.: Материалы междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.). СПб., 2007.
- Каинов*, 2001 — *Каинов С. Ю.* Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМ; Вып. 124).
- Каинов*, 2009 — *Каинов С. Ю.* Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Acta Militaria Mediaevalia V. Kraków–Sanok, 2009.
- Каменецкая*, 1998 — *Каменецкая И. В.* Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиция и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998.
- Кирпичников*, 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973 (САИ; Вып. Е1–36).
- Мурашева*, 2008 — *Мурашева В. В.* Супрутский клад из раскопок 1969 г. М., 2008.
- Мурашева*, и др. 2007 — *Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.
- Новиков*, 2009 — *Новиков В. В.* Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. (по материалам погребений и поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Носов*, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково городище). Л., 1990.
- Носов и др.*, 1994 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Янссон И.* Могильник у деревни Кривой Наволок в Юго-Восточном Приладжье (по следам забытой коллекции Новгородского музея) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Орлов*, 1984 — *Орлов Р. С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.
- Спицын*, 1905 — *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия Археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15.
- Ширинский*, 1999 — *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1: Археологический раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999 (Труды ГИМ. Памятники культуры; Вып. 36).
- Янссон*, 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.
- Aagård*, 1984 — *Aagård G.-B.* Gleicharmige Spangen // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Arbman*, 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Arne*, 1934 — *Arne T. J.* Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, 1934.
- Arwidsson*, 1942 — *Arwidsson G.* Valsgårde 6. Die Gräberfunde von Valsgårde I. Stockholm, 1942.
- Hedenstierna-Jonson*, 2006 — *Hedenstierna-Jonson C.* The Birka Warrior. Stockholm, 2006.
- Jansson*, 1984 — *Jansson I.* Ovale Schlenkspangen // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Jansson*, 1995 — *Jansson I.* Dress pins of East Baltic type made on Gotland. Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm, 1995.
- Maixner*, 2004 — *Maixner B.* Die tierstilverzieren Metallarbeiten der Wikingerzeit aus Birka unter besonderer Berücksichtigung des Borrestils // Zwischen Tier und Kreuz. Untersuchungen zur wikingerzeitlichen Ornamentik im Ostseeraum. Wachholtz Verlag. Mainz, 2004.
- Müller-Wille*, 1972 — *Müller-Wille M.* Zwei wikingerzeitliche Prachtschwerter aus der Umgebung von Haithabu // Offa. 1972. Bd 29.
- Müller-Wille*, 1986 — *Müller-Wille M.* Bild und Bildträger. Beispiele im Borre- und Jellingestil // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Marburg, 1986.
- Müller-Wille*, 2001 — *Müller-Wille M.* Tierstile des 8.–12. Jhrs. im Norden Europas. Dendrochronologie und kunsthistorische Einordnung // Tier. Menschen. Götter. Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption. Göttingen, 2001.
- Petersen*, 1928 — *Petersen J.* Vikinetidens Smykker. Stavanger, 1928.
- Petersen*, 1951 — *Petersen J.* Vikingetidens Redskaper. Oslo, 1951.
- Raddatz*, 1991 — *Raddatz K.* Archäologische Beobachtungen in Gnezdovo bei Smolensk // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. Hildesheim, 1991. Bd 19.

- Rydh, 1986 — *Rydh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1986.
- Schönbäck, Thunmark-Nylen, 2002 — *Schönbäck B., Thunmark-Nylen L.* De vikingatida båtgravarna vid Valsgårde — relativ kronologi // Fornvännen. Stockholm, 2002. Vol. 97.
- Stenberger, 1961 — *Stenberger M.* Das Gräberfeld die Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland. Die Wikingerzeitliche Abschnitt // Acta Archæologica. Kopenhagen, 1961. Vol. 32.
- Thunmark-Nylen, 1998a — *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm, 1998. Bd. 3. 2: Text.
- Thunmark-Nylen, 1998b — *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm, 1998. Bd. 2: Typentafeln.
- Wilson, Klindt-Jensen, 1966 — *Wilson D. M., Klindt-Jensen O.* Viking Art. New York, 1966.

About One of the Types of Scandinavian Bridle Sets of the 10th Century from the Territory of Ancient Rus' and Scandinavia

V. V. Novikov

This article presents finds concerned with a distinctive type of bridle sets which was spread over the territories of Scandinavia and Ancient Rus' in the 10th century. These bridle sets included bits and peculiar cheek-pieces cast as a single piece from a copper alloy. Each ring in the cheek-pieces was divided by a three-blade relief central element, the terminals of which were shaped as zoomorphic masks. At the two ends of the arc of the rings there were figured protrusions in the form of turned heads of horses or dragons. In addition, on the cheek-pieces, there were four trapeziform clips fixing the straps of the bridle. Both the cheek-pieces themselves and the clips for straps were gilded and ornamented in one of the two Scandinavian styles — Borre or Jellinge. Now, 11 finds of such sets are known in Scandinavia and 23 from the area of Ancient Rus' (Tabl. 1, 2).

Especially noteworthy is the most important group of elements in the composition of the bridle sets — the trapezoid fixations for the leathern straps. In the present article, a classification and special terms (guides of the bridle straps) are proposed for this group. Depending on the features of their construction, the guides can be subdivided into two classes (Tabl. 3). The first class (T1) includes the guides consisting of an iron base in the form of a trapezoid plate with a loop and an ornamented plate from a copper alloy either with holes for rivets or with pins cast as one piece with the plate (Fig. 3, 1, 2). The straps of the bridle were fixed between the iron base and the plate of non-ferrous metal by means of rivets. Most commonly, there were four holes for the rivets located at the corners of the trapeze (Fig. 3, 3, 6–8, 10–12). However, also specimens with three holes occur (two — at the corners of the base of the trapeze and one in the centre, slightly below the zoomorphic mask) (Fig. 3, 4, 5, 9). In the first class, two sub-

species can be distinguished according to the shape of the loop. This group now comprises 14 specimens.

The second class (T2) (6 specimens) comprises massive ornamented plates cast from non-ferrous metal together with the loops for their attachment to ring-shaped cheek-pieces (Fig. 4, 1, 2). The iron plate on the back is an auxiliary element: it can serve as an additional fixation or be absent altogether. The straps were fixed between the iron auxiliary plate and the main plate of non-ferrous metal by means of pins or rivets.

This class also can be subdivided into two subclasses. On the plates of the first type (T2S1), the loop was turned backwards immediately at the upper part of the trapezoid plate. We can reliably attribute five finds to that type (Fig. 4, 3–5, 6, 7). The second type (T2S2) is distinguished by a loop which was intended not only for attachment to the cheek-piece but also continued into a fixation for the strap and was provided with a hole for riveting (Fig. 4, 8).

In the classification proposed, the ornamental pattern serves as a separate indication which allows us to distinguish sub-types within the classes and types. Thus according to the composition of the design and its elements, all the finds from Scandinavia and Ancient Rus' can be subdivided into 8 groups.

The problem of dating of the finds in question remains the most complicated issue. In order to obtain more exact dates, one must consider firstly the Scandinavian and Ancient-Russian closed associations from which the known parallels come (Tabl. 4). Their cautious analysis suggests the dates of these objects to be close to the middle or second half of the 10th century. It is of importance that objects of this type were used in Scandinavia and Ancient Rus' simultaneously i.e. we cannot trace any chronological gap between their appearance in these two territories.

Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога)

И. В. Иванова, Н. Ю. Иванова¹

В 1972–1977 гг. В. П. Петренко провел раскопки в пос. Старая Ладога на участке близ Варяжской улицы (далее мы будем называть эту территорию Ладожским посадом). Раскоп расположен на левом берегу р. Ладожки между Волховским шоссе и Варяжской улицей (рис. 1). Его площадь составила 600 кв. м, а мощность культурного слоя 3,8 м (Петренко, 1985. С. 82–83). Условия и методика ведения работ позволили В. П. Петренко дать культурным напластованиям достаточно точную датировку — середина IX–начало XI вв.

На Ладожском посаде был собран богатый вещевой материал, часть которого, в основном деревянные изделия, была передана в Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Остальное после смерти автора раскопок (1991 г.) частично хранилось в ИИМК РАН. Откуда в 2010 г. также было передано в Староладожский музей-заповедник.

В состав находок вошла значительная и разнообразная коллекция предметов из рога и кости — 674 экз. (456 изделий и 218 заготовок).² В настоящее время общее количество костяных изделий, найденных в разные годы на Земляном городище при раскопках Н. И. Репникова,

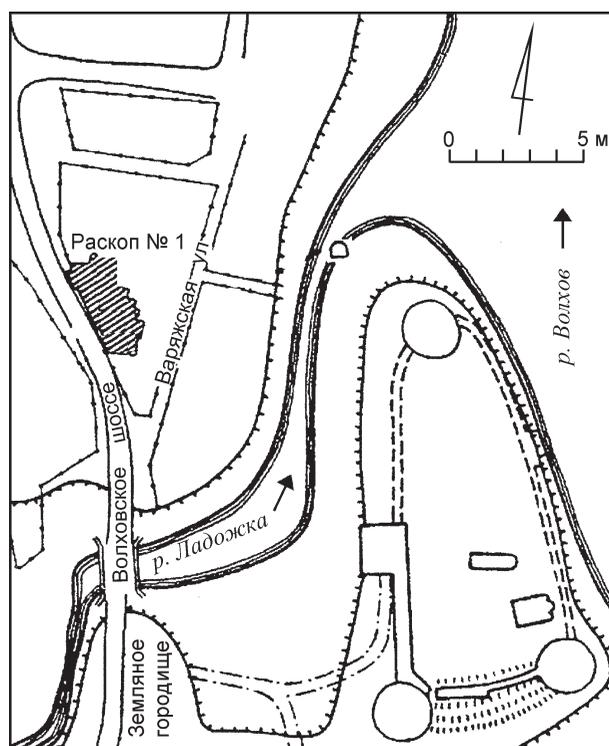

Рис. 1. Схема расположения раскопа

Fig. 1. Scheme of the location of the excavated area

В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябина (гребни),³ а также на Ладожском посаде, составляет чуть более 1000 изделий.

За период с 1991 г. коллекция костяных изделий, полученных при исследовании В. П. Пет-

¹ Иванова И. В. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. Санкт-Петербургский Государственный университет, исторический факультет.

Иванова Н. Ю. Россия, 199048, Санкт-Петербург, В.О., 11-я линия, д. 66. «ООО» Прознергия.

² Здесь и далее количество костяных предметов определяется по данным описей В. П. Петренко.

© И. В. Иванова, Н. Ю. Иванова, 2012

³ Для сравнительного анализа мы будем использовать костяной материал из раскопок Н. И. Репникова (1909–1913 гг.), В. И. Равдоникаса (1938–1958 гг.), Е. А. Рябина (только гребни) (1973–1985 гг.) на Земляном городище. Предметы из рога и кости с Земляного городища были изучены О. И. Давидан.

ренко, была утрачена более чем наполовину, и ныне в ее состав входит 148 предметов (132 изделия и 16 заготовок). Сохранившаяся часть коллекции была описана и проанализирована в дипломной работе И. В. Ивановой,⁴ составившей ее подробный каталог. В каталоге были учтены и изделия, сохранившиеся лишь в рисунках.

Рассматриваемая нами коллекция костяных изделий состоит из следующих групп: гребни,

копоушки, игольники, подвески, булавки, в том числе острия и предметы для плетения, проколки, иглы, ложки, предметы для игр, коньки, пуговицы и застежки, кольца, пряслица, рукояти, наконечники стрел и предметы неизвестного назначения.

Все эти группы нами были включены в таблицу 1, где представлены количество костяных изделий, найденных на Ладожском посаде и на

Таблица 1. Распределение находок костяных предметов на Ладожском посаде и Земляном городище по горизонтам

Table 1. Distribution of bone finds throughout archaeological horizons at the Ladoga settlement and Zemlyanoye Gorodishche

Горизонт Ладожского посада	XI осн. гор.	X–XI осн. гор.	IX–X осн. гор.	VII–VIII осн. гор.	VI осн. гор.	V осн. гор.	IV осн. гор.	III осн. гор.	Неопр. гори- зонт	Итого	
	810 840	840 865	865 890-е	890-е 920-е	920-е 950	950-е 970-е	970-е 990-е	990-е			
Горизонт Земляного городища	E ₃	E ₂	E ₁		Д						
Односторонние составные гребни											
Ладожский посад		6	10	10	2	15	29	6	3	81	
Земляное городище	14	2	5		77				5	103	
Односторонние цельные гребни											
		1								1	
						4				4	
Двусторонние гребни											
Ладожский посад						1	3	9	1	14	
Земляное городище									23	23	
Копоушки											
Ладожский посад							1	2	1	4	
Земляное городище									3	3	
Ложки											
Ладожский посад				1			3			4	
Земляное городище						2			3	5	
Булавки											
Ладожский посад			1		2	2	5	13	1	24	
Земляное городище						7				7	
Подвески											
Ладожский посад		1			1	1	3	3		9	
Земляное городище		4				5				9	
Пуговицы и застежки											
Ладожский посад							2	3		5	
Земляное городище						5				5	

⁴ Дипломная работа И. В. Ивановой защищена на кафедре археологии исторического факультета СПбГУ в 2009 г. (Иванова, 2009. С. 65–123).

Продолжение табл. 1.

Table 1.

Горизонт Ладожского посада	XI осн. гор.	X–XI осн. гор.	IX–X осн. гор.	VII–VIII осн. гор.	VI осн. гор.	V осн. гор.	IV осн. гор.	III осн. гор.	Неопр. гори- зонт	Итого	
	810 840	840 865	865 890-е	890-е 920-е	920-е 950	950-е 970-е	970-е 990-е	990-е			
Горизонт Земляного городища	E ₃	E ₂	E ₁		Д						
Кольца											
Ладожский посад								2		2	
Земляное городище						6				6	
Иглы из костей животных											
Ладожский посад			1	1	1	2	3	1		13	
Земляное городище	1	3				6			10	19	
Пряслица											
Ладожский посад		9	3	1	1	3	7	4	2	30	
Земляное городище	7	10	1			29			2	49	
Предметы для плетения											
Ладожский посад		1			1	2	3	3		10	
Земляное городище	3	3				6			3	15	
Проколки											
Ладожский посад		3	3	5	5	2	9	2	1	30	
Земляное городище			5			60			17	82	
Рукояти											
Ладожский посад		2	1	3	1	2	1			10	
Земляное городище	1		1			9			16	27	
Игольники											
Ладожский посад			1	1	2	1	1	1		7	
Земляное городище						3				3	
Предметы вооружения, охоты и рыбной ловли											
Ладожский посад							2	1	3	6	
Земляное городище	1	1				1			2	3	
Предметы для игр											
Ладожский посад					4	3		4	3	14	
Земляное городище		4				3			4	11	
Коньки											
Ладожский посад			2	2	2	1				7	
Земляное городище		8	2			46			5	61	
Заготовки											
Ладожский посад		9	10	11	20	32	104	22	10	218	
Земляное городище	1	8	1			306			200	517	

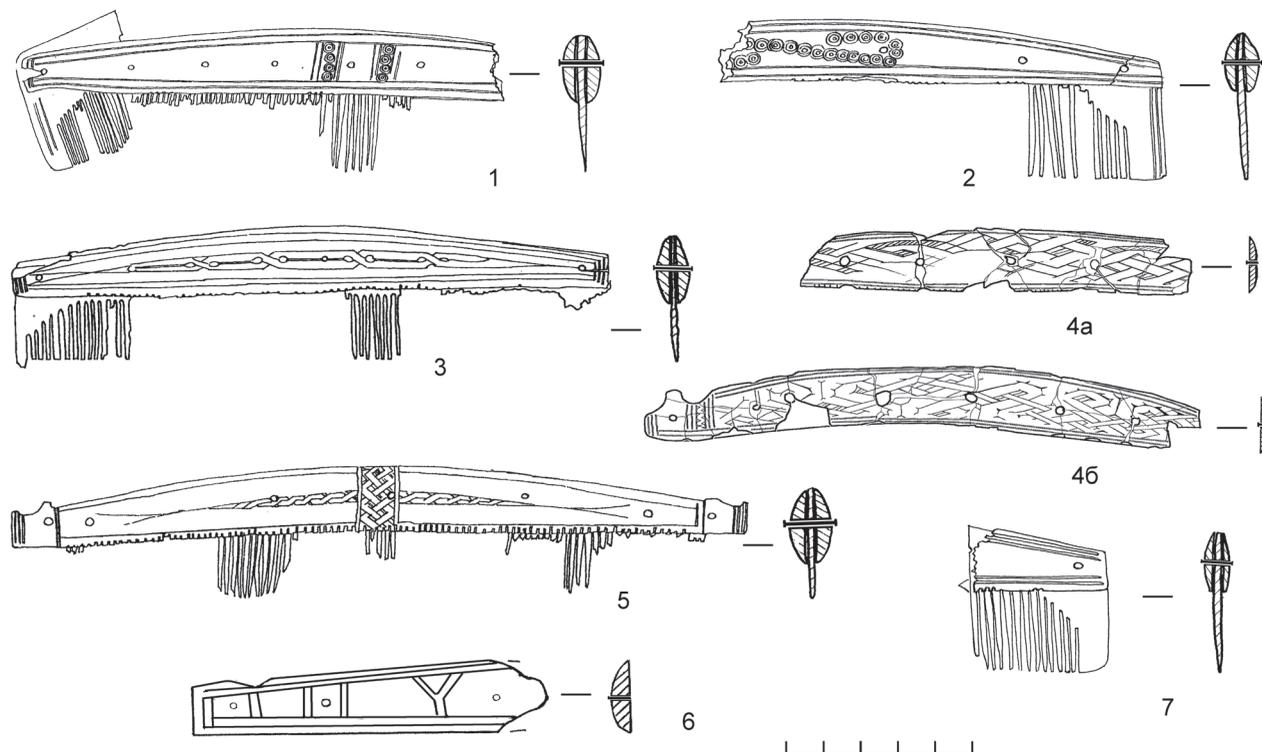

Рис. 2. Односторонние составные гребни I группы: 1, 2 — тип 1-в; 3 — тип 1-г; 4 — тип 2-б; 5 — тип 2-в; 6, 7 — неопределенный тип

Fig. 2. Single-sided composite combs of group I: 1, 2 — type 1-v; 3 — type 1-g; 4 — type 2-b; 5 — type 2-v; 6, 7 — unidentified type

Земляном городище, и их распределение по горизонтам в соответствии с синхронизацией датировок, проведенных С. Л. Кузьминым (*Кузьмин, 1997. С. 345; Давидан, 1966. С. 103*).

Гребни по количеству (96 экз.) и разнообразию являются наиболее значимой группой коллекции костяных изделий. В нее вошли как односторонние цельные и составные, так и двухсторонние цельные и составные гребни.

Богатая коллекция *односторонних составных гребней* Ладожского посада (81 экз.) происходят из слоев середины IX—начала XI в. В каталог сохранившихся предметов вошли 27 гребней, среди них 7 гребней I группы из слоев середины IX—начала X в.

Найдены крупноформатные гребни I группы 1-в типа по классификации О. И. Давидан⁵ (рис. 2, 1, 2) и два гребня I группы 1 типа, подтип которых определить затруднительно из-за их неполной сохранности (рис. 2, 6, 7), а также гребни I группы типа 1-г, 2-б, 2-в (рис. 2, 3, 4а-б, 5) из слоев X в. Гребни типа 1-а, 1-б и 2-а, 2-г на Ладожском посаде не выявлены.

⁵ Здесь и далее типы гребней определялись в соответствии с классификацией О. И. Давидан.

Привлекает внимание гребень I группы 2-б типа. Он украшен сложным плетеным орнаментом, занимающим все поле накладки и ограниченным двойными горизонтальными и вертикальными бороздками. Концы накладок оформлены в виде стилизованных звериных голов. Изделие побывало в огне (рис. 2, 4а-б). Подобный орнамент на ладожских гребнях этого типа ранее не встречался.

Гребни I группы 1 и 2 типов Ладожского посада соответствуют хронологическим рамкам их бытования на ладожском поселении, согласно датировке О. И. Давидан. Для I группы 1 типа — это середина VIII—X вв., для I группы 2 типа — это X в. Но в этой группе изделий появился гребень с новым типом орнамента (рис. 2, 4а-б).

Гребни I группы типа 1-в и 1-г, а также 2-б и 2-в типов О. И. Давидан отнесла к скандинавско-фризским, так как с конца VIII в. и в IX в. они целыми сериями встречаются как во Фризии, так и в Скандинавии. В X в. ареал их распространения расширяется. Подобные гребни известны в Дорестаде, Елизенхофе, на Северо-Фризских островах, (Фризия); в Бирке, Туне и на о. Готланд (Швеция); в Хедебю (Германия)

и в Волине (Польша), они также найдены в Норвегии, на Оркнейских и Шетландских островах, в Англии. На территории лесной зоны Восточной Европы гребни данной группы встречены в Новых Дубовиках на р. Волхов, в Гнёздовском и Тимеревском могильниках, на Сарском и Псковском городищах, на городище Камно и в Новгороде (Давидан, 1999. С. 173).

В X в. на Ладожском посаде, как, впрочем, и на ладожском поселении в целом, количество гребней резко возрастает (см. табл. 1). Среди них лидирующие позиции занимают небольшие односторонние составные гребни II группы.

Многочисленные гребни II группы (23 экз.) из слоев середины IX—второй половины X в. можно разделить на два типа: 1 тип имеет прямые края накладок (рис. 3, 1–4), 2 тип — выступы на краях накладок (рис. 3, 5–13, 16–18, 20, 21). Гребни II группы из слоя середины IX в. имели свои особенности в форме и орнаменте и были не типичны для такого рода изделий ладожского поселения (рис. 3, 1, 2). На Земляном городище гребни II группы найдены только в слое Д (X в.).

Орнамент гребней II группы как Ладожского посада, так и Земляного городища линейно-геометрический. Однако на Ладожском посаде среди гребней 2 типа встречен гребень из слоя середины X в., орнамент которого ранее не был известен на ладожском поселении (рис. 3, 6). Его накладки длиной 11,5 см, шириной 1,2 см и толщиной 0,3 см орнаментированы вертикальными бороздками по краям, а в центральной части — сложным схематичным ленточным плетением, занимающим все поле накладки. Крайние пластины с зубьями выступают за верхние края накладок, образуя «рожки». У одной из краевых пластин есть отверстие для футляра диаметром 3 мм. Подобный гребень был найден на Земляном городище в слоях горизонта E₃ (Давидан, 1999. С. 171).

Нами замечено, что на Ладожском посаде накладки гребней I группы крепились к пластинам с зубьями только железными штифтами, а II группы начиная с рубежа IX—X вв. — железными и бронзовыми.

В целом, ладожские гребни II группы, по мнению О. И. Давидан, близки к гребням Бирки и существенно отличаются от гребней Новгорода и Польского Поморья, для которых характерны выступающие над накладками крайние внутренние пластины, а также очень длинные узкие пропорции. В Новгороде

подобные гребни (X—середина XI в.) наряду с гребнями, идентичными ладожским (1 и 2 тип), составляют примерно половину от общего количества составных односторонних гребней (Давидан, 1974а. С. 6–7).

Находки расчесок, аналогичных по своей форме ладожским гребням II группы, широко представлены на памятниках Северной и Восточной Европы. Они найдены в Бирке, Туне, Венделе, Хедебю, Колобжеге, Волине, в Тимеревском могильнике, на Сарском городище, во Владимирских курганах, в курганах юго-восточного Приладожья, Новгороде, Пскове, Белоозере, в Гнёздове, в Люцинском могильнике, в Михайловском могильнике, на городище Крохино, близ Белозерска, в могильнике на Белом озере, в кургане у села Челмужи, в Киеве, Чернигове и др. (Давидан, 1962. С. 101).

Коллекцию **односторонних цельных гребней** Земляного городища (4 экз.), происходящих из слоя Д, пополнил единственный зооморфный цельный гребень Ладожского посада из слоя середины IX в. Это небольшой гребень (длина 3 см, ширина 5,5 см) со спинкой, имеющей три отверстия и украшенной стилизованными изображениями головок коней, повернутыми в противоположные стороны. Возможно, он служил амулетом (рис. 4, 1). На Земляном городище встречен гребень такого же типа, но со спинкой, оформленной в виде фигур «борющихся» медведей.

Подобные гребни исследователи относят к восточнофинской традиции. Они стилистически близки гребням, найденным на Сарском городище, в курганах Суздальского Ополя и в Подболотьевском могильнике. Гребни этого же типа встречены в Прикамье и в Поволжье (Кондратьева, 1981. С. 103–104; Крыласова, 2007. С. 249–258).

В конце X в. на смену односторонним составным гребням приходят двусторонние. Среди найденных на Ладожском посаде **двусторонних гребней** (14 экз.) выделяются как цельные, так и составные. Двусторонние цельные гребни (4 экз.) представлены типами Л (рис. 4, 2) и Д (рис. 4, 3, 4, 6) по классификации Б. А. Колчина. Составные двусторонние гребни (3 экз.) представлены типами Ж (рис. 4, 5), З (рис. 4, 7) и К (рис. 4, 8) (Колчин, 1982. С. 156–177).

На Ладожском посаде большинство двусторонних гребней встречены в слоях рубежа X—XI вв., а все стратиграфически определяемые находки таких же гребней на Земляном городи-

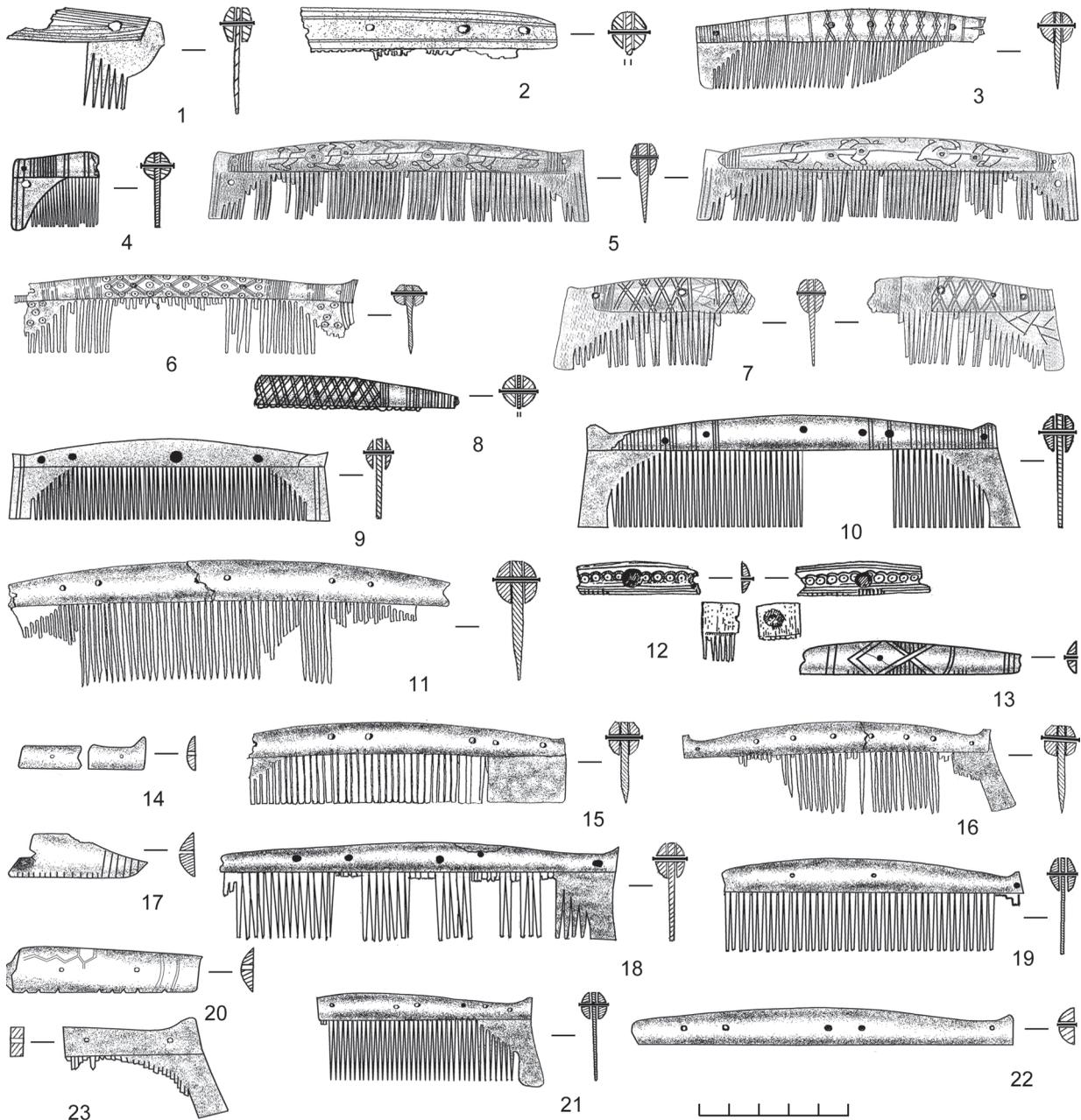

Рис. 3. Односторонние составные гребни II группы: 1–4 — тип 1; 5–18, 22, 23 — тип 2; 17, 20 — обломки гребней неопределенного типа

Fig. 3. Single-sided composite combs of group II: 1–4 — type 1; 5–18, 22, 23 — type 2; 17, 20 — fragments of combs of an unidentified type

ще связываются с горизонтом Г (XI–XV вв.). На Руси подобные гребни бытовали с конца X до середины XIV в.

Рассматривая такую категорию находок как гребни, нельзя не упомянуть, что на Ладожском посаде был встречен самшитовый двусторонний цельный гребень из слоя конца IX–начала X в. Форма его прямоугольная, длина 6,8 см, ширина 12 см; центральная часть украшена резными линиями у основания зубьев и цир-

кульным орнаментом (рис. 4, 9). Сохранилось его графическое изображение. Это единственный известный нам в Ладоге самшитовый гребень. В Новгороде подобные гребни часто встречаются в слоях середины X–XV вв.

Сравнивая коллекции костяных гребней Ладожского посада и Земляного городища, можно с уверенностью сказать, что они практически идентичны как по типу, так и по орнаменту. Большая часть гребней ладожского по-

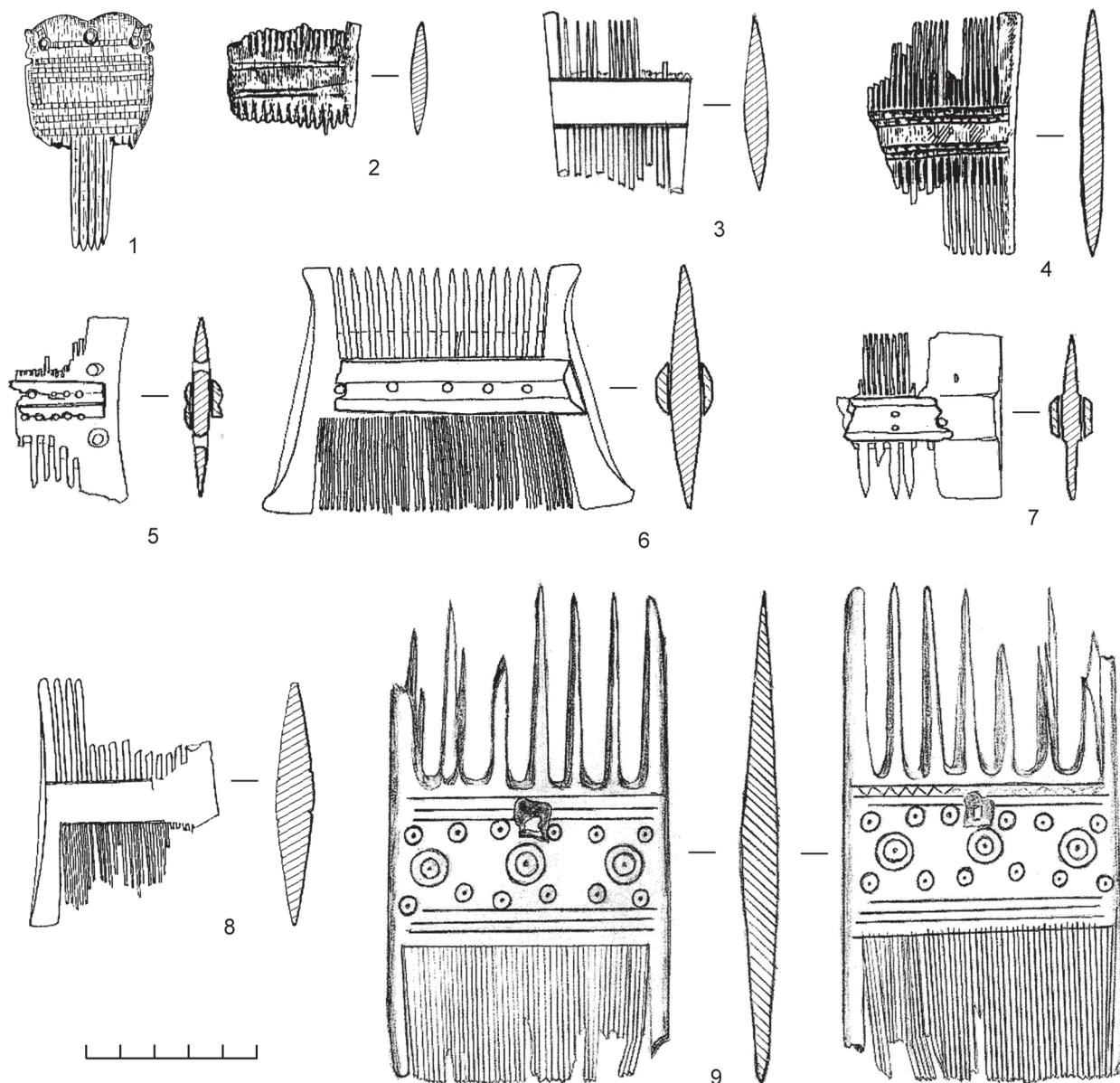

Рис. 4. Односторонний цельный и двусторонние гребни: 1 — односторонний с резной спинкой; 2–4, 8 — цельные гребни; 5–7 — составные гребни; 9 — самшитовый гребень

Fig. 4. Single-sided single-piece comb and two-sided combs: 1 — single-sided comb with a carved back; 2–4, 8 — single-piece combs; 5–7 — composite combs; 9 — boxwood comb

селения происходит из слоя второй половины Х в. За счет находок Ладожского посада коллекция гребней ладожского поселения удвоилась (табл. 1).

Предметы туалета и украшения Ладожского посада включают: копоушки, булавки, пуговицы и застежки, подвески и кольца.

Копоушки, предназначенные для чистки ушных раковин, относятся к распространенным категориям предметов туалета в средневековье. Утилитарное назначение определяло форму этих вещей: чаще всего это бронзовый

или костяной стерженек с подобием крошечной ложечки на конце. Находки металлических копоушек в основном известны в Скандинавии. Для мира восточных финнов характерны костяные копоушки.

Исследователи делят их на две группы: пластинчатые, имеющие плоскую центральную часть, и стержнеобразные, рукоять которых имеет вид стержня с круглым сечением.

Найденные в раскопе близ Варяжской улицы копоушки (4 экз.), пополнившие коллекцию ладожского поселения до 8 экз., происхо-

дят в основном из слоев второй половины X в. Все они сохранились.

Стержневая роговая копоушка с головкой в виде петушиного гребешка (рис. 5, 3), имеющая аналогии на Земляном городище, относится к древнерусскому этнокультурному типу, который бытовал на Руси в X–XII вв. Подобные копоушки встречены в Новгороде–Северском, Минске и Великом Новгороде (Крыласова, 2007. С. 288).

Пластинчатые копоушки из слоя X в. представлены «прикамским» (рис. 5, 2) и «сарским» (рис. 5, 1) типами. По классификации Н. Б. Крыласовой, «сарская» копоушка относится к типу АШ.1.4, варианту б. Подобные предметы туалета, встреченные и на Земляном городище, известны на Сарском городище, в Удмуртском Предуралье, Марийском Поволжье, в Волжской Булгарии, а также в Старой Рязани и на Тимеревском поселении (Давидан, 1974б. С. 64; Крыласова, 2007. С. 285).

«Прикамская» копоушка, сделанная, возможно, из роговой накладки на гребень, встречается редко (рис. 5, 2). Она имеет длину 9,2 см и ширину 1,1 см. Орнамент рукояти копоушки асимметричен, он представлен в виде вертикального ряда циркульных кружков и бороздок, а также ряда горизонтальных бороздок в нижней части изделия. В верхней части рукояти есть отверстие, смещенное вправо от центральной оси. По классификации Н. Б. Крыласовой, она относится к типу АШ.1.3, варианту б. Подобные копоушки были найдены на Рождественском городище (раскопки А. М. Белавина), в Пермском Предуралье в слоях середины XII–XV вв. (Крыласова, 2007. С. 9, 285).

По нашему мнению, к группе копоушек можно отнести и роговой предмет из слоя конца X в. (рис. 5, 4). Его рукоять имеет овалообразную форму с полуовальным сечением. Верхняя узкая стержневидная часть изделия обломана. Лицевая и обратная стороны рукояти украшены сложным плетеным орнаментом, составляющим некий единый художественный образ. Лицевая сторона рукояти содержит образ мифических существ. Плетение здесь мягкое, плавное. Изображение состоит из элементов стилей Еллинге, Борре и Маммен (*Fuglesang*, 1991. S. 95). Обратная сторона украшена угловатым плетением с растительными элементами. Столь богато орнаментированный предмет, не имеющий отверстия, возможно, носился в футляре. Если описываемое изделие дей-

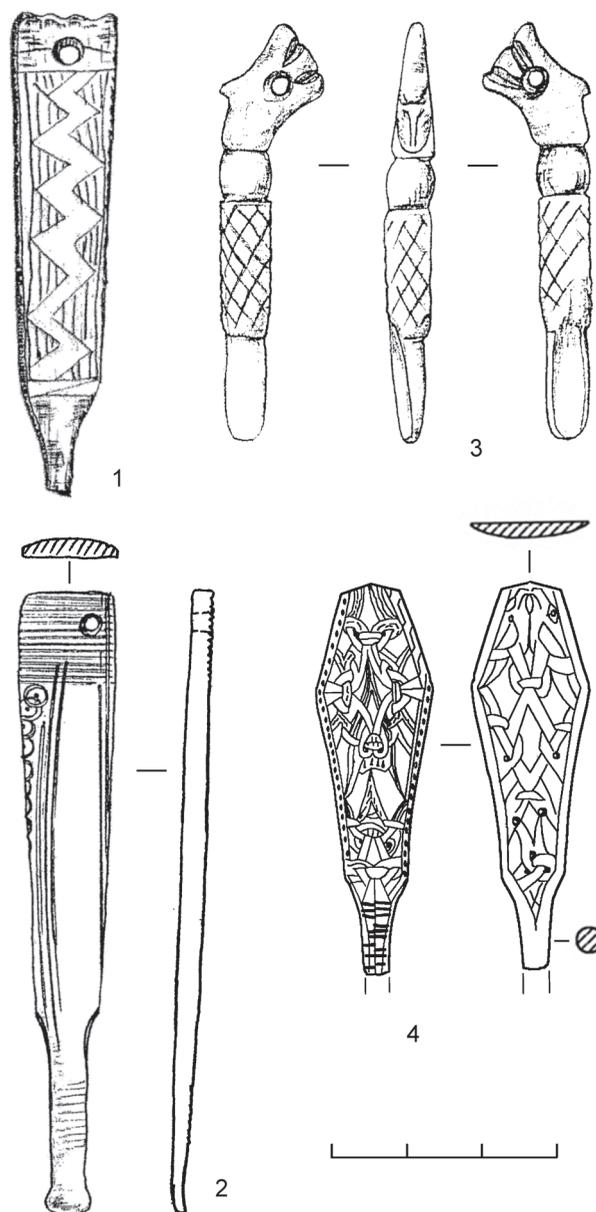

Рис. 5. Копоушки

Fig. 5. Ear spoons

ствительно копоушка, то, вероятно, она была изготовлена ладожскими мастерами. Орнамент рукояти близок к скандинавским стилям, но материал, из которого она изготовлена, и ее форма близки к восточнофинским традициям. Полные аналогии данной копоушке нам неизвестны.

Коллекция **костяных булавок** Ладожского посада по своей многочисленности (24 экз.), разнообразию и уровню обработки рога не имеет себе равных среди подобных коллекций торгово-ремесленных центров Северной Руси.

Булавки Ладожского посада происходят из слоев второй половины IX–начала XI вв. В их

число входят булавки как с прямым, так и с изогнутым стержнем, с разными типами головок, имеется даже целый набор достаточно единообразных булавок (7 экз.). Также к этой категории находок можно причислить острия. Всего 17 предметов.

Набор булавок включает в себя булавки с тонкими заполированными на всю длину стержнями круглого и подпрямоугольного сечения, заостренные на конце. Их головки с отверстиями имеют различную форму (рис. 6, 1–5, 9, 10). Возможно, такие булавки использовались для скрепления деталей одежды. Отверстие в головке могло служить, например, для привязывания шнура, конец которого обматывали вокруг стержня, образуя примитивную английскую булавку. Булавки могли носить парами и скреплять одежду на обоих плечах. Возможно, они соединялись друг с другом шнурком или цепочкой (Смирнова, 1999. С. 148).

Находки подобных булавок известны во Фризии (Roes, 1963. Pl. LII, 4, 16; LIII, 4) и в Хедебю (Schwarz-Mackensen, 1976. Abb. 12. 2, 7; 13, 8). На Земляном городище они не встречены.

Привлекает внимание булавка, сохранившаяся лишь в рисунке, длиной 11 см, с головкой шириной 2 см, украшенной точечным орнаментом и оформленной в виде стилизованных фигурок лебедей, направленных в противоположные стороны (рис. 6, 15). В головке имеется отверстие.

Оформление костяных и, в большей степени, металлических предметов фигурками водоплавающих птиц характерно для западнофинской традиции. Костяные односторонние цельные гребни, украшенные подобным образом, были встречены на Земляном городище, а также на городищах Камно, Псковское, Рыуга (Давидан, 1974а. С. 7). На Любшанском городище в слоях VIII–IX вв. найдена костяная булавка с головкой, оформленной в виде стилизованного птицевидного декора (Рябинин, 2003. С. 188).

Аналогии булавки с флашковидной головкой (рис. 6, 7) из слоя рубежа X–XI вв. найдены во Фризии (Roes, 1963. Pl. LII, 1, 2). Подобные булавки целыми сериями встречены в Хедебю (Schwarz-Mackensen, 1976. Abb. 16, 3).

Длинная (14 см), прямая, хорошо заполированная булавка с лопаткообразной головкой, одна из поверхностей которой скошена и соединяется со стержнем ободком, из слоев второй половины X в. (рис. 6, 12) аналогична бу-

лавкам 4 типа из Хедебю (Schwarz-Mackensen, 1976. Abb. 11, 3).

Из ранних слоев (вторая половина IX в.) происходит длинная (18 см), прямая, заполированная орнаментированная булавка, имеющая в верхней части ушко с отверстием 0,3 см в диаметре. Нижняя ее часть слегка притуплена. Верхняя половина булавки покрыта семью орнаментальными зонами. Крайние из них выполнены в виде поясков, украшенных параллельными ломаными линиями. Две соседние с ними орнаментированы косыми линиями, образующими сетку с ромбовидными ячейками. Центральная зона состоит из трех рядов квадратов. Ромбики и квадраты заштрихованы так, чтобы создать впечатление простого плетения лент (рис. 6, 17). Эту вещь мог сделать только мастер высокой квалификации. Скорее всего, она привозная.

Подобные булавки с ушками (3 тип) целыми сериями встречаются в Хедебю (Schwarz-Mackensen, 1976. Abb. 10, 2, 13). Элементы орнамента, украшающие ладожскую булавку, нам известны во Фризии (Roes, 1963. Pl. XII, 1, 2) и в Хедебю (Schwarz-Mackensen, 1976. Abb. 10, 2).

К этой же группе изделий, на наш взгляд, можно отнести и два сохранившихся лишь в рисунках предмета. Это костяные острия с изогнутым стержнем. У одного из них головка оформлена в виде головы хищника из семейства кошачьих, с небольшими плотно прижатыми ушками, выпученными глазами и широко разинутой оскаленной пастью (рис. 6, 16). Головка имеет сквозное продольное отверстие. Острия с головкой зверя были встречены и на Земляном городище в слоях горизонта Д и в могильнике урочища Плакун, но на них морда животного выполнена более схематично (Давидан, 1966. С. 108, рис. 4, 17; Носов, 1985. Рис. 8, 1).

Подобные острия, украшенные изображением звериных головок, были найдены в мужских погребениях. Чаще всего они встречаются у пояса, иногда рядом с кресалом и кремнем среди остатков сумочки или около нее. Аналогии им известны в погребениях Тимерева, Приладожья, Чернигова, Шестовиц, Киева, Березовецком могильнике, Боршевском и Переверзевском городищах, на городище и в могильниках Гнёздово. Такие же находки есть в Германии, Средней Швеции, Норвегии, Англии. Все они датируются IX–X вв. (Пушкина, 1993. С. 66).

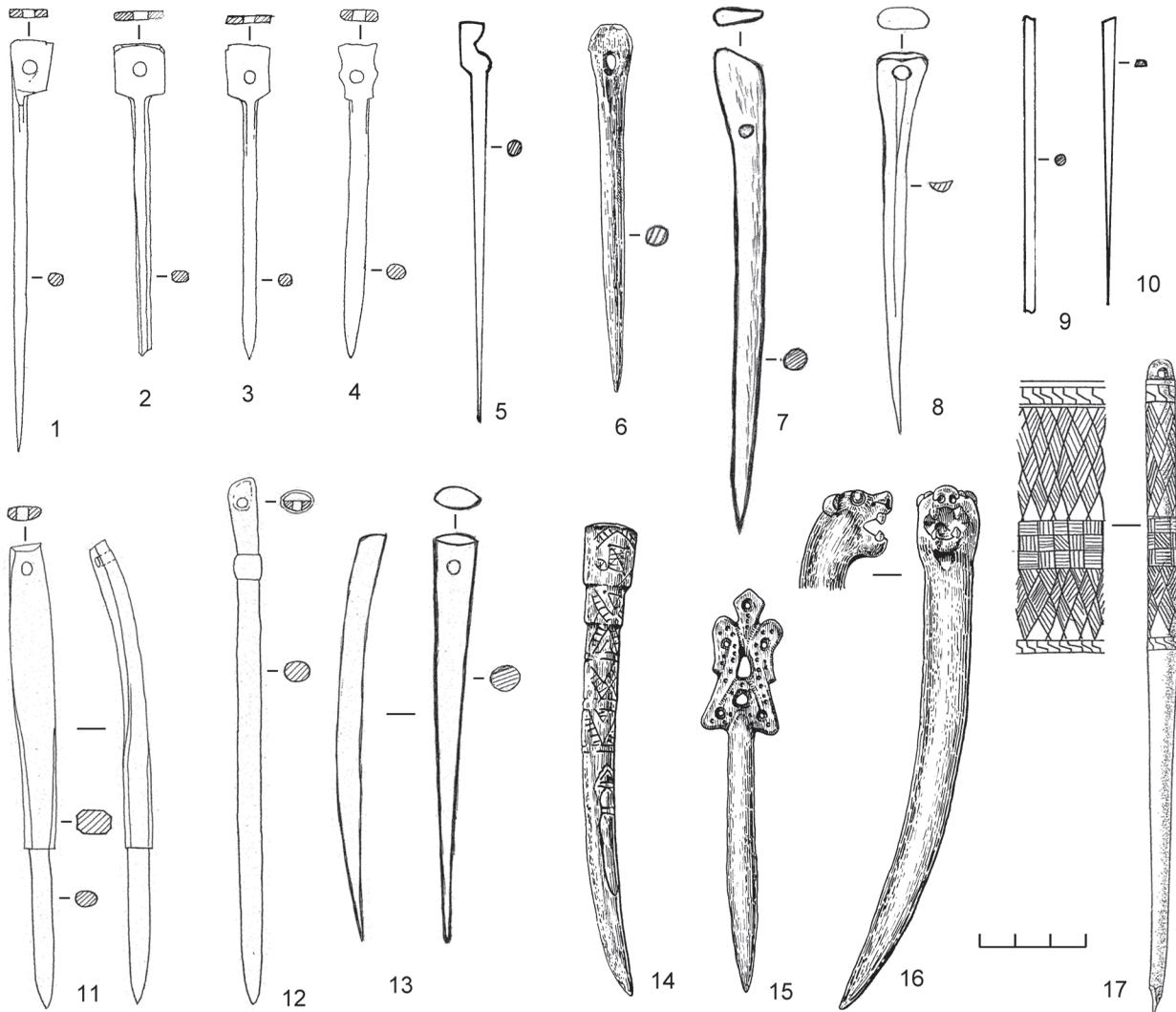

Рис. 6. Булавки и острия

Fig. 6. Pins and points

Второе острие, встреченное на Ладожском посаде, имеет слегка изогнутый стержень и ступенчатую головку. На поверхности предмета есть рисунок, представляющий собой пять поясков, на которых изображены лесенки, образующие треугольники. На головке — изображение прямоугольника с пересекающимися диагоналями (рис. 6, 14). Предметы с подобным рисунком нам неизвестны.

На Ладожском посаде булавки использовались на протяжении практически всего раннего периода существования поселения (вторая половина IX—начало XI в.). Немногочисленная и неразнообразная коллекция булавок Земляного городища происходит только из горизонта Д (6 экз.).

Как уже говорилось, большинство аналогий костяным булавкам Ладожского посада встре-

чены во Фризии и в Хедебю. В Северной Европе и на территории Древней Руси находки их малочисленны.

Большую часть немногочисленной и достаточно однообразной коллекции **подвесок** Ладожского посада (9 экз.), встреченных в слоях середины IX и Ч вв., составили подвески из клыков животных. Одна из них сохранилась (рис. 7, 2). В число амулетов входят одна подвеска из косточки бобра (рис. 7, 1), фигурка-уточка (рис. 7, 3) и заготовка подвески в виде плоской фигурной пластины (рис. 7, 4). Подвески из косточки бобра не встречались на Земляном городище, но такие изделия известны в Прикамье и на городищах Белоозеро и Рыуга (Голубева, 1973. С. 130).

Из ранних слоев Ладожского посада (середины IX в.) происходит фигурка-уточка. В тех

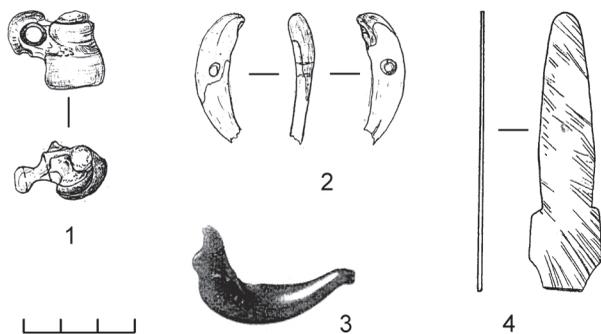

Рис. 7. Подвески

Fig. 7. Pendants

же слоях подобные подвески были найдены и на Земляном городище (2 экз.). Костяные фигурки — уточки являются деталью мужского нагрудного украшения балтов.

Аналоги подобным подвескам известны на городищах Камно и Рыуга. В Новгороде и Белоозере они имеют немного другую форму. Наиболее близки ладожским находкам подвески из длинных курганов смоленско-полоцкой группы (Давидан, 1974б. С. 70).

К группе подвесок мы сочли возможным отнести и плоскую фигурную роговую пластину длиной 7,2 см и шириной 1,8 см (заготов-

ка). По форме она напоминает костяные изделия из Фризии, которые, по мнению А. Рос, являлись шейными украшениями (Roes, 1963. Pl. LXIII, 11–15).

Коллекция пуговиц и застежек Ладожского посада, как и Земляного городища, малочисленна (5 экз.) и неразнообразна. Она происходит, в основном, из слоев второй половины X в. Сохранились круглая роговая пуговица диаметром 2 см с отверстием, через которое продевался ремешок с узлом на конце (рис. 8, 3), стержневидная роговая застежка с тупыми концами длиной 3,5 см (рис. 8, 2) и асимметричная застежка длиной 3,7 см, последняя известна нам по рисунку (рис. 8, 1). На Земляном городище в горизонте Д также найдены стержневидные застежки, но с острыми концами.

Подобные пуговицы и застежки встречаются в Новгороде, Пскове, Белоозере, Рязани, Гродно, Саркеле и других памятниках Восточной Европы (Давидан, 1974б. С. 69).

При исследовании Ладоги в культурных напластованиях найдено 9 костяных колец. Два происходят с Варяжской улицы из слоев конца X в., 6 — с Земляного городища из горизонта Д и одно — из шурфа близ церкви Спаса. Последнее — это единственное целое изделие диаметром 2,8 см и толщиной 0,8 см с круглым сечением (рис. 8, 4). Аналогии ему нам неизвестны. Кольца, зафиксированные при исследовании Земляного городища, имеют сечения в виде многогранника. Подобные находки встречены в Моравии, а в Польше они до сих пор используются в качестве перстней (Давидан, 1966. С. 112).

В категорию предметов домашнего обихода Ладожского посада входят ложки и игольники. Немногочисленная коллекция роговых ложек (4 экз.) из слоев конца IX—начала X и конца X вв. представлена фрагментом единственной сохранившейся ложки. Она имеет узкий тонкий черенок, который в верхней части имел трапециевидное сечение, а в нижней подтреугольное, обратная сторона плоская. В нижней части черенок украшен зубчиками. Верхняя часть его обломана. Черпак ложки плоский и обломан в средней части (рис. 8, 6). Подобные широкие ложки имеют аналогии в памятниках Предуралья XII—XIII вв. (Крыласова, 2007. С. 73, рис. 31, 6).

Изображения двух ложек сохранились в рисунках. Они были найдены в слоях конца X в. Одна из них (рис. 8, 5) по форме черпака схожа

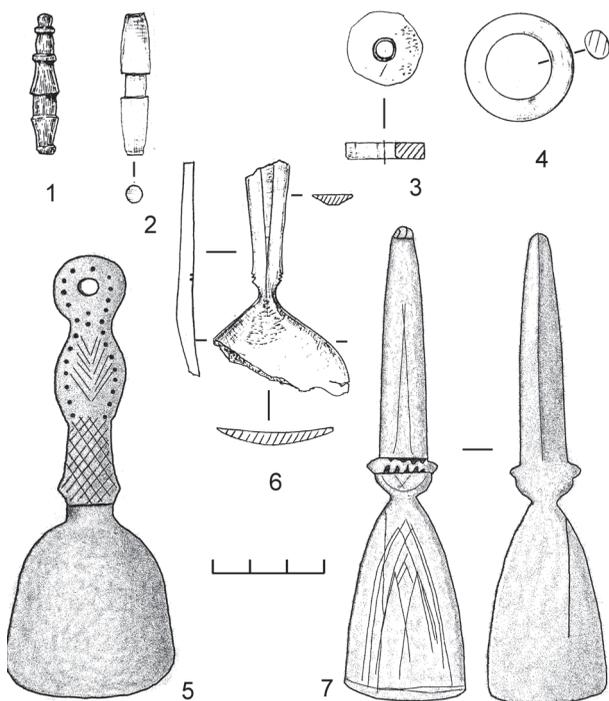

Рис. 8. Застежки (1–2), пуговица (3), кольцо (4);

лопаточки (5–7)

Fig. 8. Fasteners (1–2); buttons (3); ring (4);

spatulas (5–7)

с изделиями с городищ Белоозеро (Голубева, 1973. Рис. 63, 2–3), Рождественское и Анюшкар, происходящими из слоев X–XIII вв. (Крыласова, 2007. С. 64, рис. 27, 10, 14), а по элементам орнамента — с костяными изделиями Фризии (Tempel, 1979. Р. 155–156).

Другая ложка имеет черенок с двугранной тыльной поверхностью. На лицевой стороне есть рисунок в виде узкого треугольника. Верхняя часть черенка украшена шарообразным утолщением, а нижняя — выпуклым пояском. Черенок заканчивается полуovalом. На лицевой части черенка прочерчены треугольник и дуга. Черпак ложки плоский. На его поверхности прочерчены три смещенных треугольника, имеющих общее основание. В центре треугольника есть две пересекающиеся прямые. Рисунок на ложке чрезвычайно индивидуален, аналогии ему нам неизвестны (рис. 8, 7). Ложки, имеющие овально-подтреугольный черпак с прямым краем, встречаются в слоях середины XIII в. на городище Белоозеро (Голубева, 1973. Рис. 63, 2–3). В коллекции также имеется заготовка ложки.

Ложки Земляного городища (5 экз.) из слоев горизонтов Д и В (X в. и XII–XVIII вв.) сохранились в обломках, и форма их полностью не восстанавливается (Давидан, 1974а. С. 8). Орнамент на их черенках имеет аналогии в Скандинавии (Бирка), Новгороде и Белоозере.

Ложки Ладожского посада напоминают лопаточки. Лишь по форме черпака они схожи с более поздними восточнофинскими ложками (XII–XIII вв.). Традиция плоских ложек скорее имеет западноевропейские корни. Они известны в памятниках Польского Поморья и Фризии (Cnotliwy, 1973. R. 113, a; Roes, 1963. Pl. LXIV, 8, 9).

Коллекция **игольников** Ладожского посада немногочисленна (7 экз.) и, в целом, однотипна. Из них сохранились один вертикальный (рис. 9, 10) и пять горизонтальных игольников из слоев второй половины IX–второй половины X в. (рис. 9, 8, 9, 11, 12a–б, 13).

Вертикальный игольник сделан из трубчатой кости и имеет вид полой хорошо заполированной трубки, с двумя отверстиями в верхней части (диаметр 4 мм) (рис. 9, 10). Такие игольники подвешивались на поясе. Известно, что иглы в них хранились на кожаном шнурке, продернутом сквозь трубку и имеющем узел на конце. Подобные игольники Н. Б. Крыласова называет «восточными», характерными для на-

селения Урала и Сибири. По ее классификации, они относятся к группе АП. Они также известны в Удмуртии и на городище Саркел (Белая Вежа) (Крыласова, 2007. С. 237).

Горизонтальные игольники имеют вид цилиндрической тонкостенной хорошо обработанной, заполированной трубки с двумя отверстиями в середине, в которые продевалось металлическое кольцо для подвешивания на

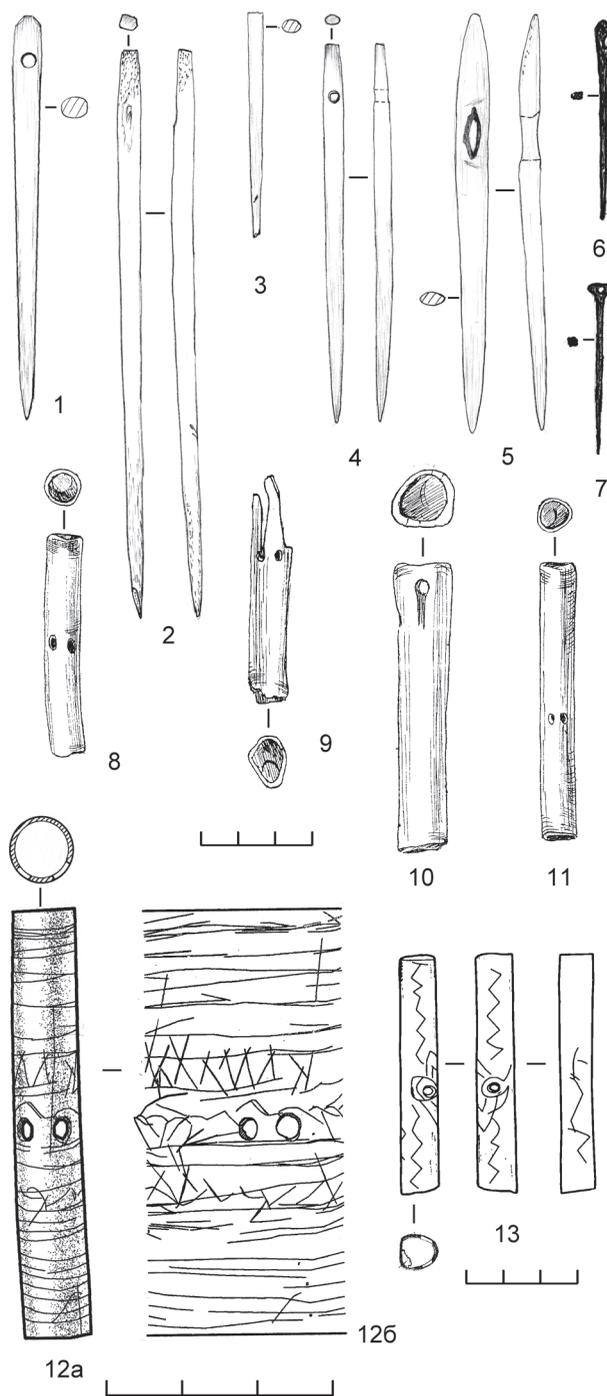

Рис. 9. Иглы и игольники

Fig. 9. Needles and needle cases

поясе. Концы трубки закрывались, очевидно, пробками.

Обращает на себя внимание игольник со схематичным рисунком в виде двух волнистых линий вдоль всей длины изделия (середина X в.). В центральной части между волнистыми линиями вырезан ромб. Отверстия имеют круглую обводку. Внутри игольника сохранились спаянные фрагменты железных игл с частицами дерева, возможно, остатки флакончика (рис. 9, 13).

Из ранних слоев (вторая половина IX в.) происходит игольник, покрытый рисунком в виде полос, заполненных знаками. Внутри него находилась железная игла длиной 2,5 см (рис. 9, 12а–б). Игольники с подобным рисунком известны в Бирке (*Arbman*, 1940. Taf. 169, 3, 4). На Земляном городище горизонтальные и вертикальные игольники (4 экз.) встречены только в горизонте Д.

Горизонтальные костяные игольники Н. Б. Крыласова назвала «западными» (*Крыласова*, 2007. С. 236). Нам известны их аналоги в Польском Поморье (*Cnotliwy*, 1973. S. 228). Немногочисленные находки горизонтальных игольников встречены в шведских могильниках Туна и Бирка, а также на территории Древней Руси: в Старой Рязани, в Пскове, на городище Камно, на Сарском городище, в курганах Юго-Восточного Приладожья, в Гнёздовском могильнике (*Давидан*, 1962. С. 111).

Коллекция костяных изделий Ладожского посада включает в себя **орудия, связанные с домашним производством и промыслами**: иглы, проколки и острия, орудия для плетения, пряслица, рукояти.

В слоях второй половины IX–конца X в. были зафиксированы 13 игл из костей животных, из них сохранились одна заготовка (рис. 9, 2) и четыре иглы как овального, так и круглого сечения (0,3–0,6 см), примерно одной длины (10 см) (рис. 9, 1, 3–5). Все они происходят из слоев конца X в.

Анализируя данные таблицы 1, можно отметить, что костяными иглами ладожане пользовались на протяжении всего раннесредневекового периода существования Ладogi, но особенно активно во второй половине X в. Иглы из костей животных широко представлены во многих раннесредневековых памятниках Европы.

На Ладожском посаде практически во всех слоях встречено огромное количество игл из

рыбьей кости (189 экз.). Они представляют собой хрупкие тонкие заполированные стержни с головками, имеющими просверленное отверстие. Сохранились лишь две иглы и несколько обломков из слоя второй половины X в. (рис. 9, 6, 7). Возможно, такие иглы использовались при работе с бисером. На Земляном городище нам неизвестны подобные находки.

Проколки и острия, из слоев середины IX–конца X в., представляют одну из наиболее многочисленных групп костяных изделий Ладожского посада (30 экз.). Заостренные изделия из костей животных (проколки и острия) использовались, скорее всего, для прокалывания кожи или шкуры и, по мнению Л. И. Смирновой, возможно, являлись орудием ткача (*Смирнова*, 1999. С. 153)

В коллекции представлено 19 проколок и остриев длиной от 5 см до 19 см и три заготовки. К проколкам относятся изделия с эпифизом, использующимся в качестве рукояти (рис. 10, 8, 10, 11, 14, 15–19), а среди остриев выделяются острия, не имеющие рукояти, и острия с ударной площадкой (рис. 10, 2, 4–7). В эту группу изделий можно включить проколку-лощило (рис. 10, 12), проколку из клыка (рис. 10, 3) и двустороннее острие (рис. 10, 1). Из ранних слоев происходят длинная проколка из грифельной кости лошади (рис. 10, 19), проколка со сквозным продольным отверстием, возможно, орудие для плетения (рис. 10, 13), а также острие с ударной площадкой (рис. 10, 2).

Типы костяных заостренных предметов Ладожского посада идентичны типам аналогичных предметов Земляного городища (82 экз.). Однако острия с ударной площадкой на Земляном городище нам неизвестны.

Основываясь на данных таблицы 1, можно отметить, что костяные проколки и острия ладожане начинают использовать лишь с середины IX в. Наиболее широкое распространение в Ладоге эти изделия получили в конце X в.

Предметы для плетения Ладожского посада (10 экз.) происходят из слоев середины IX и X вв. Сохранилось три кочедыка, два из которых хорошо заполированы и имеют два отверстия (рис. 11, 1–3), а также крючок длиной 20,5 см, заполированный с одной стороны (рис. 11, 4).

Орудия для плетения на Земляном городище (15 экз.), представленные практически во всех слоях, кроме горизонта E₁, отличаются от

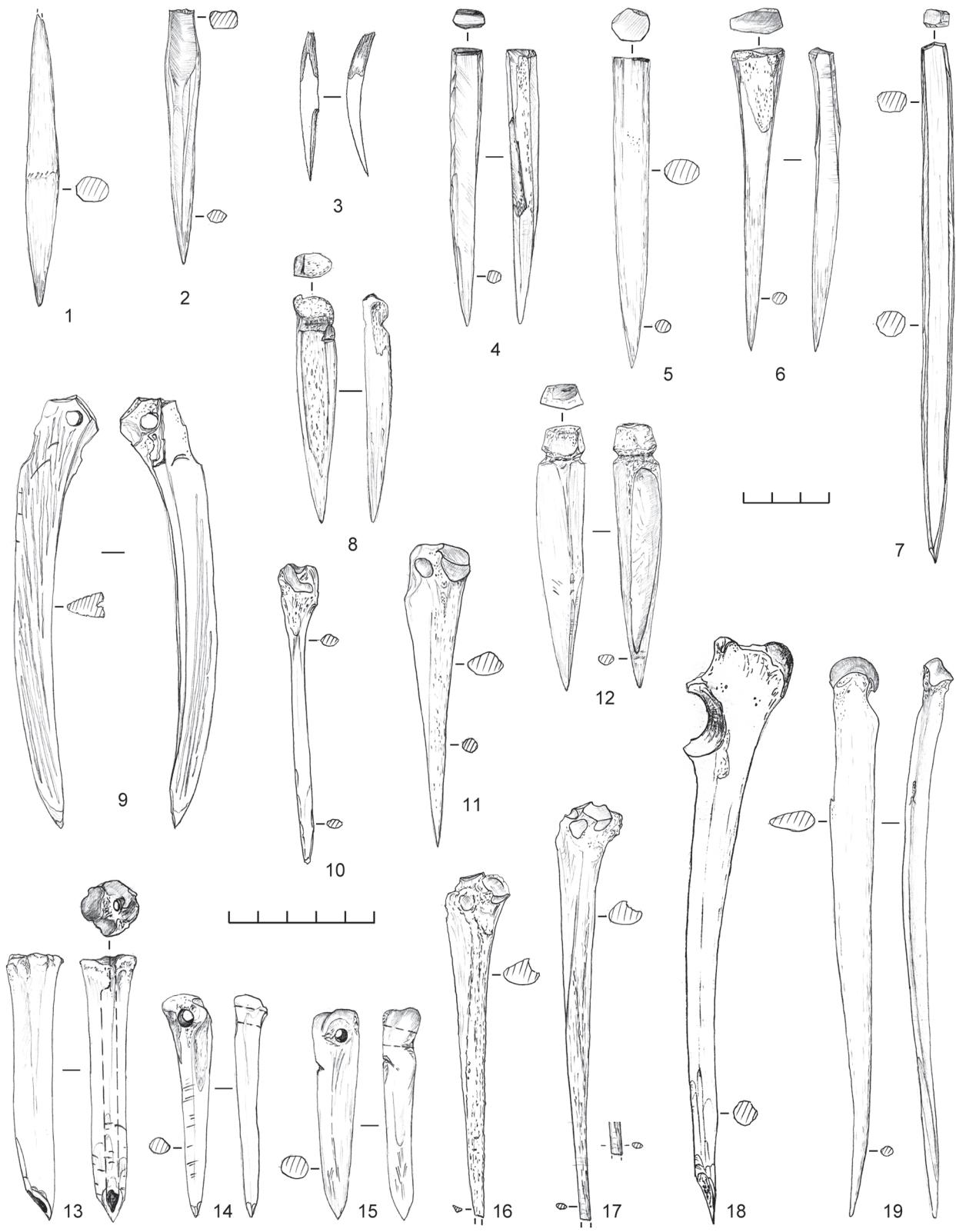

Рис. 10. Проколки

Fig. 10. Borers

ходят из слоев IX в., а на Земляном городище — из горизонта Д.

Костяные рукояти широко представлены в памятниках Европы, но прямых аналогий рукоятям Ладожского посада нами не выявлено. Можно указать лишь на аналогию втулки с гвоздем из слоя середины IX в. (рис. 13, 2). Похожий предмет был найден в Хедебю (*Ulbricht, 1978. Taf. 43, 5*).

Группа **предметов вооружения, охоты и рыбной ловли** как на Земляном городище (5 экз.), так и на Ладожском посаде (6 экз.) немногочисленна.

К ним в частности относятся два черешковых двушипных наконечника стрел с ромбическим сечением, которые происходят из мешаного слоя (рис. 14, 1, 2), роговая пулевидная стрелка для охоты на пушного зверя из слоя конца X в. (рис. 14, 3) и фрагмент костяного гарпуна из слоя второй половины X в. (рис. 14, 4). На Земляном городище наконечники стрел (3 экз.) найдены в слоях горизонтов E₃, E₂, Д.

Находки близких по форме костяным наконечникам стрел Ладожского посада известны в финских и славянских памятниках. В Новгороде они употреблялись для боя и охоты наряду с железными до XII в. (*Давидан, 1966. С. 110*). Пулевидные стрелки встречаются в Хедебю.

Среди случайных находок в коллекции представлена орнаментированная накладка на огнестрельное оружие (рис. 15, 2). Подобные накладки были обнаружены при раскопках крепости Орешек в слоях XVI в. (*Кирпичников, 1980. С. 97*).

В слое второй половины X в. была встречена роговая дугообразная накладка на лук с заостренными концами и легкой насечкой с оборотной стороны, длиной 9,3 см, шириной 0,85 см, толщиной 0,4 см (*Петренко, 1986*). Накладки на лук, но другой формы, были найдены и на Земляном городище (2 экз.) (*Давидан, 1966. С. 110*).

Коллекция **предметов для игр** Ладожского посада из слоев X в. достаточно многочисленна (14 экз.) и разнообразна. В нее входят полусферические и плоские шашки, фишка, фигурки, игральные «кости» и «бабка».

Сохранилось пять предметов и две заготовки. Среди них выделяется полусферическая костяная шашка с несквозным конусовидным отверстием в основании из слоя второй половины X в. (рис. 16, 4). Это типичная форма для шашек IX–X вв. (*Корзухина, 1963. С. 99*). В рим-

Рис. 13. Рукояти

Fig. 13. Handle

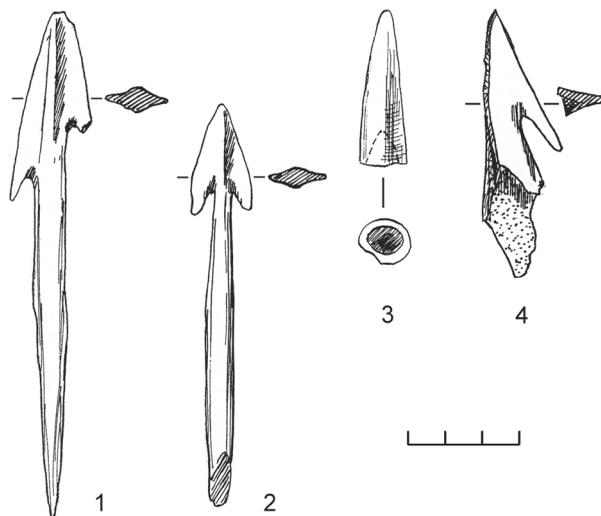

Рис. 14. Наконечники стрел

Fig. 14.

ское время и в эпоху викингов такие шашки были встречены в памятниках Северной, Западной и Восточной Европы (Там же. С. 89). В Бирке они найдены целыми наборами вместе с игральными кубиками и высокими конусовидными фигурами — «королями». Подобная фигурка, наряду с шашками полусферической формы (6 экз.) и игральными «костями», встречена на Земляном городище в слоях IX–X вв. (*Давидан, 1966. С. 112*). На Ладожском посаде сохранившаяся заготовка фигурки короля про-

ходят из слоев IX в., а на Земляном городище — из горизонта Д.

Костяные рукояти широко представлены в памятниках Европы, но прямых аналогий рукоятям Ладожского посада нами не выявлено. Можно указать лишь на аналогию втулки с гвоздем из слоя середины IX в. (рис. 13, 2). Похожий предмет был найден в Хедебю (*Ulbricht, 1978. Taf. 43, 5*).

Группа предметов вооружения, охоты и рыбной ловли как на Земляном городище (5 экз.), так и на Ладожском посаде (6 экз.) немногочисленна.

К ним в частности относятся два черешковых двушипных наконечника стрел с ромбическим сечением, которые происходят из мешаного слоя (рис. 14, 1, 2), роговая пулевидная стрелка для охоты на пушного зверя из слоя конца X в. (рис. 14, 3) и фрагмент костяного гарпуна из слоя второй половины X в. (рис. 14, 4). На Земляном городище наконечники стрел (3 экз.) найдены в слоях горизонтов E₃, E₂, Д.

Находки близких по форме костяным наконечникам стрел Ладожского посада известны в финских и славянских памятниках. В Новгороде они употреблялись для боя и охоты наряду с железными до XII в. (*Давидан, 1966. С. 110*). Пулевидные стрелки встречаются в Хедебю.

Среди случайных находок в коллекции представлена орнаментированная накладка на огнестрельное оружие (рис. 15, 2). Подобные накладки были обнаружены при раскопках крепости Орешек в слоях XVI в. (*Кирпичников, 1980. С. 97*).

В слое второй половины X в. была встречена роговая дугообразная накладка на лук с заостренными концами и легкой насечкой с оборотной стороны, длиной 9,3 см, шириной 0,85 см, толщиной 0,4 см (*Петренко, 1986*). Накладки на лук, но другой формы, были найдены и на Земляном городище (2 экз.) (*Давидан, 1966. С. 110*).

Коллекция предметов для игр Ладожского посада из слоев X в. достаточно многочисленна (14 экз.) и разнообразна. В нее входят полусферические и плоские шашки, фишка, фигурки, игральные «кости» и «бабка».

Сохранилось пять предметов и две заготовки. Среди них выделяется полусферическая костяная шашка с несквозным конусовидным отверстием в основании из слоя второй половины X в. (рис. 16, 4). Это типичная форма для шашек IX–X вв. (*Корзухина, 1963. С. 99*). В рим-

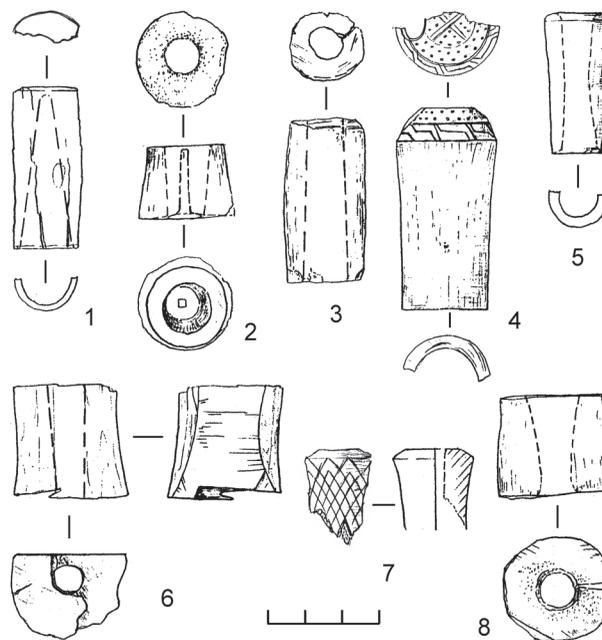

Рис. 13. Рукояти

Fig. 13. Grips

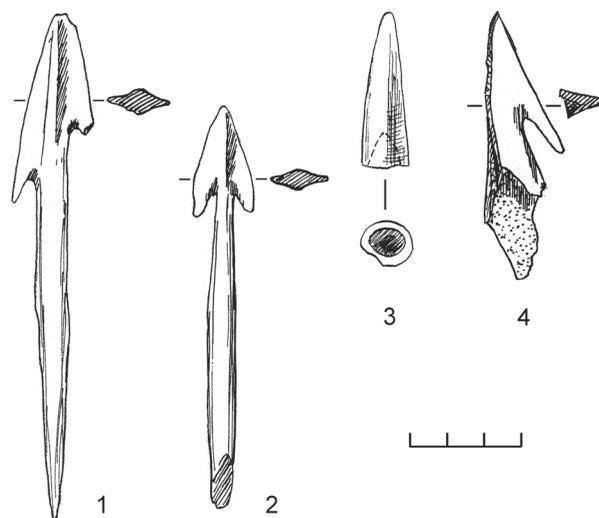

Рис. 14. Наконечники стрел

Fig. 14. Arrowheads

ское время и в эпоху викингов такие шашки были встречены в памятниках Северной, Западной и Восточной Европы (Там же. С. 89). В Бирке они найдены целыми наборами вместе с игральными кубиками и высокими конусовидными фигурами — «королями». Подобная фигурка, наряду с шашками полусферической формы (6 экз.) и игральными «костями», встречена на Земляном городище в слоях IX–X вв. (*Давидан, 1966. С. 112*). На Ладожском посаде сохранившаяся заготовка фигурки короля про-

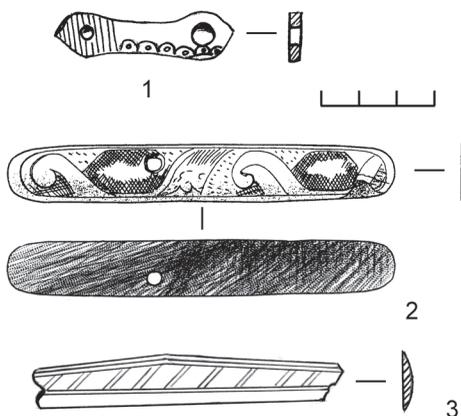

Рис. 15. Накладки

Fig. 15. Mounts

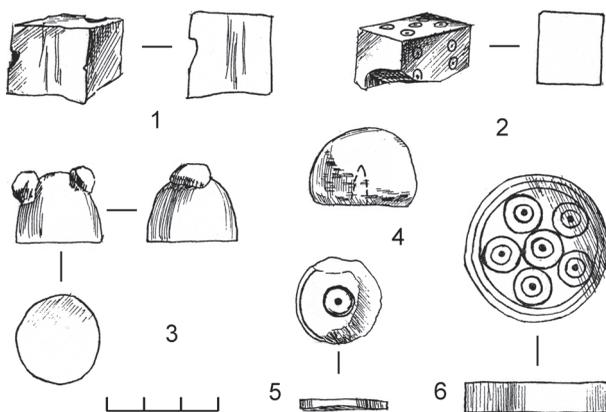

Рис. 16. Игральные кости и фишки

Fig. 16. Gaming dice and chips

исходит из слоя рубежа IX–X вв., а игральная «кость» и ее заготовка — из слоя конца X в (рис. 16, 1, 2).

В данную группу предметов входит плоская шашка с циркульным орнаментом из слоев XI–XIV вв. (рис. 16, б). Плоские шашки с подобным орнаментом встречаются в Польском Поморье в слоях XII–XIII вв. (*Cnotliwy*, 1973. Рус. 112, g, Рус. 113, c). Во Фризии такой орнамент в виде рисунка фиксируется на односторонних составных гребнях (*Roes*, 1963. PL. III, 1, 3, 4).

Можно также отметить фрагмент роговой фишки из слоя конца X в., сохранившийся только в рисунке (рис. 16, 5). Фишка имеет форму диска. В центральной части лицевой поверхности расположен двойной врезной круг с точкой в центре. Край орнаментирован врезной линией в виде окружности. Подобные фишки известны в Новгороде в слоях XII–XIV вв. (*Древняя Русь*, 1997. Табл. 79, 9–14).

Среди несохранившихся предметов для игр можно упомянуть две полусферические шашки из слоя середины X в. и «ладью» в виде слегка конусовидной круглой в сечении фигурки высотой 2,7 см, диаметром основания 2,5 см из слоя конца X в. Она орнаментирована четырьмя рядами концентрических параллельных полосок и кружками с точкой в центре. Также при раскопках была найдена игральная «бабка» (*Петренко*, 1986).

Костяные «коньки» обычно делались из пястных и плюсовых костей коровы и лошади, а также лучевых и берцовых костей последней. Эпифизы срезали так, что конек приобретал форму полоза с загнутым носком. Горизонтальная площадка вдоль кости обычно имеет характерные следы использования (продольные и диагональные штрихи). Коньки с отверстием привязывались к ноге, а без отверстия удерживались под ногой тяжестью тела.

Из немногочисленной коллекции коньков Ладожского посада из слоев середины IX—середины X в. (7 экз.) два конька имели отверстия (рис. 17, 1, 2). На одном из них, из слоя первой половины X в., есть рисунок, напоминающий стяг (рис. 17, 1). Один конек из слоя середины X в. (рис. 17, 3) без отверстия. Он подобен конькам Земляного городища (61 экз.).

Костяные коньки широко известны в памятниках Моравии, Болгарии и Польском Поморье (*Давидан*, 1966. С. 113). Они встречены во Фризии (*Roes*, 1963. Pl. XLVII, 4–7) и в Бирке.

Группа предметов неясного функционального назначения представлена в коллекции находок Ладожского посада 10 экз. Среди них сохранилось лишь пять изделий.

Фрагмент одного изделия из слоя середины IX в. длиной 13,5 см и шириной 3,4 см выполнен из челюсти коровы не крупной породы, распространенной в Северной Европе и на Севере Руси в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. (по определению М. В. Саблина), и напоминает рукоять посоха священника (рис. 18, 3). Первоначально поверхность предмета была украшена в центре пояском из четырех врезных линий, к которому на одной из поверхностей примыкает равносторонний крест, а на одном из торцов — крест с прямоугольными выступами в средокрестии и вписанным в него простым четырехконечным крестом. Край предмета орнаментирован пояском из Z-образных линий, напоминающих полусвастику. Изделие было хорошо заполировано. Затем, на поверхности

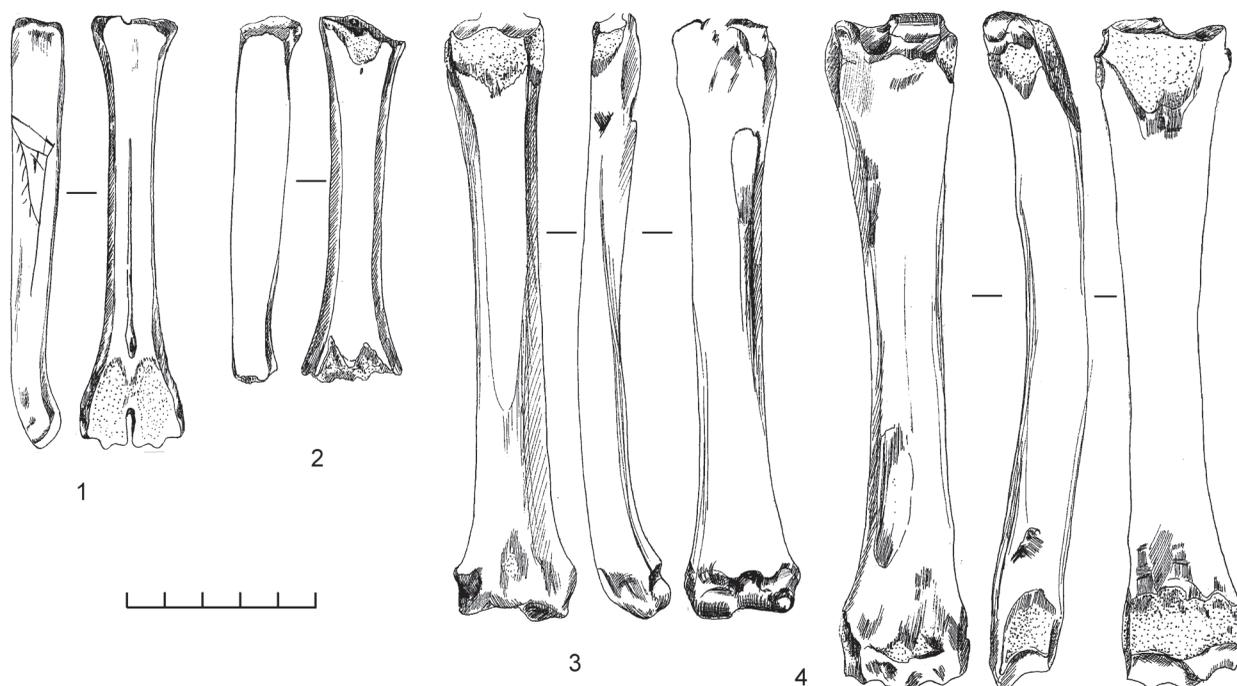

Рис. 17. Коньки

Fig. 17. Bone skates

предмета появляется множество графических изображений: «молоточек Тора», руноподобные знаки, двойные восьмерки, вписанные в восьмерку, лесенки и неидентифицируемые изображения. Орнаментированный край с торца имеет овальное несквозное отверстие размером $0,8 \times 0,4$ см с хорошо заполированным краем. В нижней торцевой части предмета есть семь естественных зубных отверстий. Левая крайняя межзубная перегородка спилена.

Скорее всего, этот предмет был заказан человеком, принявшим христианство, мастеру-язычнику, так как первоначальное изображение содержит христианские символы и языческий орнамент. Затем это изделие попадает в руки скандинавов-язычников, на что указывает грубо вырезанное изображение «молоточка Тора». После этого оно было сломано пополам.

В коллекции костяных предметов имеется фрагментарно сохранившееся заполированное роговое изделие из слоя второй половины X в. (рис. 18, 1) длиной 4 см, шириной 2 см и толщиной 2 см. Оно имеет Г-образный профиль. На лицевой поверхности изделия есть рисунок в виде прямоугольника, разделенного на две части, каждая из которых имеет диагональ.

Привлекает внимание еще одно фрагментарно сохранившееся роговое изделие длиной 5 см и шириной 3 см из слоя середины IX в.

(рис. 18, 2). Оно представляет собой пластину овальной формы. Возможно, это была накладка, так как тыльная сторона предмета плоская и имеет насечку. В верхней части лицевой стороны изделия есть округлые выпуклости, напоминающие глаза, а в средней части — оскаленная пасть с детальным изображением зубов. С левой стороны есть хорошо заполированное полукруглое углубление.

К группе предметов неясного назначения мы отнесли и две роговые накладки из слоя X в. (рис. 15, 1, 3). Хотелось бы заметить, что орнамент одной из них очень близок орнаменту копоушки (рис. 5, 1). Подобных накладок не встречено на Земляном городище.

В раскопе близ Варяжской улицы (218 экз.), как и на Земляном городище (517 экз.), было зафиксировано большое количество **заготовок**. Они происходят, в основном, из слоев середины IX–XIV вв. Наибольшая их часть концентрируется в слоях второй половины X в.

Картографирование продуктов косторезного производства на Ладожском посаде, в том числе и заготовок, а также находок янтаря, тигельков и шлаков, и анализ вещевого материала из комплексов второй половины X в. дали возможность выявить на Ладожском посаде «жилище-мастерскую» костореза в юго-восточной части раскопа (Иванова, 2009. С. 38).

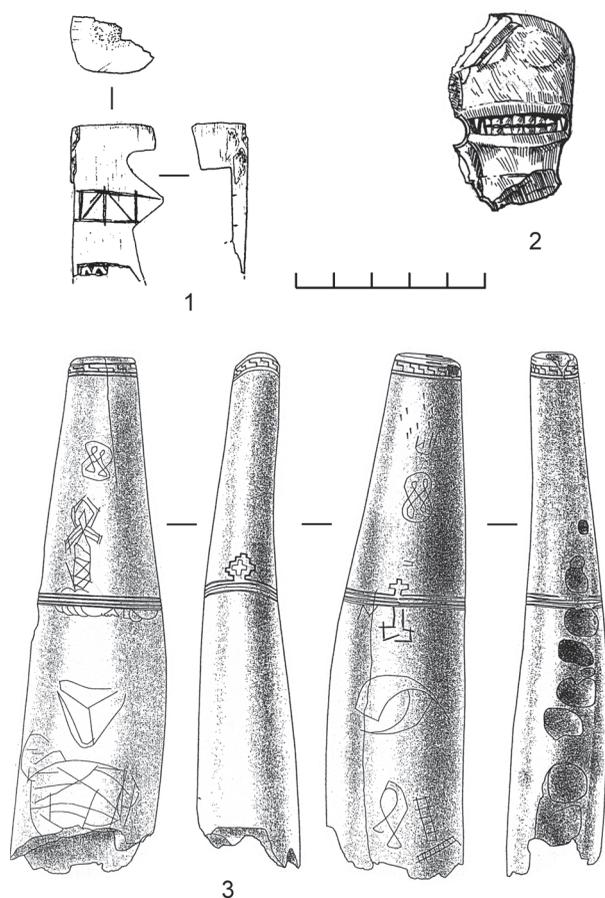

Рис. 18. Предметы неясного назначения

Fig. 18. Objects of unclear purpose

Оно представляет из себя многокамерный комплекс, фиксирующийся во 2, 3 и 4 основных горизонтах (970–990-е гг.) и состоящий из трех струб (постройки 9, 11, 12) и соединяющей их легкой постройки 10 (Петренко, 1985. С. 85–95).

Ранее жилище-мастерскую костореза в тех же слоях (горизонта Д) на Земляном городище выявила О. И. Давидан (Давидан, 1977. С. 103).

При несомненном сходстве коллекций изделий из рога и кости Земляного городища и Ладожского посада в них входят одни и те же группы изделий, выявляется определенная особенность коллекции из раскопа близ Варяжской улицы. Некоторые типы ее изделий, например булавки, отличаются разнообразием и высоким уровнем обработки по сравнению с подобными изделиями Земляного городища.

Тот факт, что на ладожском поселении костяной материал составляет приблизительно $\frac{1}{3}$ из всех видов индивидуальных находок и наличие здесь в слоях второй половины X в. двух косторезных мастерских, дает возможность с большой долей вероятности утверждать, что

косторезное ремесло в этот период становится одним из основных ремесел Ладоги наравне с обработкой железа, ювелирным и стеклодувным производствами.

Предметы из кости и рога, а также их заготовки встречаются с древнейших культурных напластований, отложившихся на Ладожском посаде, причем собранная во время раскопок коллекция отличается богатством и разнообразием. Такие изделия, как гребни I и даже II группы, рукояти, пряслица, булавка, игольники, были выполнены весьма искусно мастерами-косторезами высокой квалификации. Это позволяет предположить, что для первых поселенцев данной территории характерно широкое использование кости в быту и к IX в. косторезное производство у них достигло высокого уровня. Ближайшие аналогии ладожским предметам фиксируются на памятниках южного побережья Балтийского и Северного морей (Хедебю, Волин, Калабжек, Фризия). К концу X в. связи с этими территориями еще более укрепляются. В этот период на Ладожском посаде, как и на Земляном городище, прослеживается тенденция увеличения количества и расширения ассортимента костяных и роговых изделий.

Судя по собранному и рассмотренному нами материалу, Ладога во второй половине X в. выступает как значительный центр косторезного производства Северной Руси.

В заключение хотелось бы выразить особую благодарность Е. Н. Носову, а также А. Н. Кирпичникову, А. А. Песковой, А. Е. Мусину, В. И. Кильдюшевскому, О. А. Щегловой, С. В. Белецкому, А. В. Плохову, А. В. Курбатову, Ю. М. Лесману, Н. Б. Крыласовой, Л. А. Соколовой, Г. Т. Ленц, Т. Б. Сениченковой, М. В. Саблину, В. Н. Седых за помощь в написании статьи.

Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.

Давидан, 1962 — Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // Славянские древности. Л., 1962 (АСГЭ; Вып. 4).

Давидан, 1966 — Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л., 1966. (АСГЭ; Вып. 8).

Давидан, 1974а — Давидан О. И. Изделия из рога и кости Старой Ладоги как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.

- Давидан*, 19746 — *Давидан О. И.* Изделия из рога и кости Старой Ладого как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
- Давидан*, 1977 — *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в Древней Ладого // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18.
- Давидан*, 1999 — *Давидан О. И.* Новые находки гребней в Старой Ладого // РА. 1999. № 1.
- Древняя Русь*, 1997 — *Древняя Русь. Быт и культура*. М., 1997 (Археология СССР).
- Иванова*, 2009 — *Иванова И. В.* Костяные изделия из раскопа 1972–1977 гг. близ Варяжской улицы в с. Старая Ладого: Дипломная работа, выполненная на Кафедре археологии СПбГУ. СПб., 2009.
- Кирпичников*, 1980 — *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Л., 1980.
- Колчин*, 1958 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2.
- Колчин*, 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. Новгород, 1982.
- Кондратьева*, 1981 — *Кондратьева О. А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // Средневековые древности. М., 1981 (КСИА; Вып. 166).
- Корзухина*, 1963 — *Корзухина Г. Ф.* Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4.
- Крыласова*, 2007 — *Крыласова Н. Б.* Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007.
- Кузьмин*, 1997 — *Кузьмин С. Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997.
- Носов*, 1985 — *Носов Е. Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладого // Средневековая Ладого: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Петренко*, 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладого: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Петренко*, 1986 — *Петренко В. П.* Личный архив.
- Пушкина*, 1993 — *Пушкина Т. А.* Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82).
- Рябинин*, 2003 — *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. СПб., 2003.
- Смирнова*, 1999 — *Смирнова Л. И.* Проколки. Хронология и функциональное назначение // ННЗИА: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1999). Новгород, 1999. Вып. 13.
- Arbman*, 1940 — *Arbman H.* Birka I. Lie Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940.
- Cnotliwy*, 1973 — *Cnotliwy E.* Rzemiesło rogownicze na Pomorzu wczesnośredniowiecznym. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.
- Fuglesang*, 1991 — *Fuglesang H.* The axehead from Mammen and the Mammen style // Mammen. Grav, kunst og samfund I vikingetid. Århus, 1991.
- Roes*, 1963 — *Roes A.* Bone and antler objects from the Frisian terp-mounds. Haarlem, 1963.
- Schwarz-Mackensen*, 1976 — *Schwarz-Mackensen G.* Die Knochennadeln von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster, 1976. Issue 9.
- Tempel*, 1979 — *Tempel W.-D.* Die kämme aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Las-Vegas, 1979.
- Ulbricht*, 1978 — *Ulbricht I.* Die Geweihverarbeitung in Haihabu // Die Ausgrabungen in Haihabu. Neumünster, 1978. Bd 7.

Collection of Bone Objects from Ladoga (materials from excavations near Varyazhskaya Street in Staraya Ladoga)

I. V. Ivanova, N. Yu. Ivanova

In 1972–1977, Valeriy P. Petrenko conducted excavations in the area near Varyazhskaya Street in Staraya Ladoga. The excavation was situated on the left bank of the Ladozhka River between the Volkhov Highway and Varyazhskaya Street (Fig. 1). Its total area amounted to 600 sq. m where the cultural deposits were 3.8 m thick. These layers were dated from the mid-9th — early 11th centuries AD.

Fairly rich archaeological materials were recovered from this area. The finds included a large and diverse collection of objects made from horn and

bone — 674 specimens (456 finished objects and 218 blanks). Unfortunately, many artefacts were lost after the death of the researcher. Now, information on 148 objects (132 complete and 16 blanks) is at our disposal. In the present study, not only available objects but also those known only from their graphic representations are considered. This paper deals with detailed analysis of the collection of bone artefacts from the Ladoga Posad (settlement) including bone combs, ear spoons, needle cases, pendants and pins, as well as points and weaving tools, awls,

needles, game implements, skates, buttons and clasps, rings, spindle whorls, grips, arrowheads and objects of unclear purpose. The finds from the Ladoga Posad are compared with finds yielded in different years by excavations of the Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) in Ladoga.

The fact that the bone objects constitute about one third of the individual finds from the Ladoga settlement, as well as the discovery of two bone-carving workshops in layers of the second half of the 10th century here, enables us to state with a fair confidence that bone-working was among the main handicrafts among Ladoga residents during the period mentioned.

Bone and horn objects are found in the most ancient cultural deposits at the Ladoga Posad. Some were very skilfully manufactured by highly qualified

artisans. This fact suggests that the first settlers at the territory under consideration used bone very widely in their everyday life and that by the 9th century AD the bone-carving manufacture had reached a very high level here. The closest parallels to the Ladoga finds are reported from sites of the southern littorals of the Baltic and Northern seas (Hedeby, Wolin, Koiobrzeg, Frisia). By the late 10th century, connections with these regions had become fairly intensive. Moreover, during the latter period, a tendency of quantitative increase and diversification of carved bone and horn products is noted both at the Ladoga Posad and Zemlyanoye Gorodishche.

The archaeological materials here summarized and considered suggest that Ladoga was an important bone-working centre of Northern Rus in the second half of the 10th century.

Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого)

С. Ю. Каинов, Е. Е. Авдеенко¹

Уникальность культурного слоя Новгорода Великого, позволяющего в большинстве случаев «узко» датировать предметы, наряду с возможностью построения типохронологических шкал, охватывающих значительный период времени от середины X до XV в., делают новгородскую вещевую коллекцию во многом эталонной как для Северо-Запада Руси, так и для более географически удаленных регионов.

Данное исследование посвящено литым наконечникам ножен мечей, найденным при археологических работах 1973–2000² гг. на Троицком раскопе Новгорода Великого.³ Коллекция представлена небольшим количеством предметов, тем не менее ее ввод в научный оборот представляется важным как по причине узкой датировки предметов, так и ввиду значимости самого материала для этнической и социальной характеристики населения, заселявшего Людин конец Новгорода во второй половине X–XI в.

Наконечникам ножен посвящено большое количество как отечественных, так и зарубежных исследований. Особо отметим работу П. Паульсена, собравшего и обобщившего информацию о более чем 250 европейских наконечниках X–XIII вв. (*Paulsen*, 1953). П. Пауль-

сен выделил семь орнаментальных мотивов наконечников ножен, разделенных в зависимости от особенностей орнаментации на группы. Классификация П. Паульсена легла в основу типологии В. Казакевичуса, рассмотревшего наконечники, происходящие с территории расселения балтских племен (*Kazakevičius*, 1998. S. 287–332).

Типологию ажурных наконечников ножен «эпохи викингов», основанную, в том числе, и на учете морфологических особенностей, разработала Н. В. Ениосова (*Ениосова*, 1994. С. 100–121). В ее работе были выделены некоторые типы и варианты наконечников, отсутствующие в классификации П. Паульсена.

Древнерусские наконечники, происходящие из Гнёздовского археологического комплекса, рассмотрены одним из авторов данной статьи (*Каинов*, 2007. С. 189–210). В этой работе пересмотрена и дополнена типологическая схема, предложенная П. Паульсеном.

Некоторые новгородские наконечники ножен мечей, найденные на Неревском, Троицком и Михайловском раскопах, были опубликованы и кратко охарактеризованы в статье Т. С. Варфоломеевой (*Варфоломеева*, 1994. С. 166–182).

На Троицком раскопе (Троицкий I–XII) было найдено четыре наконечника ножен мечей.⁴ Три из них относятся к так называемым ажурным наконечникам, распространенным в X–начале XI в. Четвертый наконечник, хоть по технике исполнения и может быть причислен к

¹ Каинов С. Ю. Россия, 109012, Москва, Красная площадь, д. 1. Государственный Исторический музей, Отдел оружия.

Авдеенко Е. Е. Россия, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра археологии.

² Троицкий I–XII раскопы.

³ В статье не рассматриваются так называемые U-образные наконечники ножен мечей, изготовленные из железных пластин (например, *Варфоломеева*, 1994. С. 168. Табл. I, 17).

© С. Ю. Каинов, Е. Е. Авдеенко, 2012

⁴ В статье Т. С. Варфоломеевой указан еще один наконечник ножен, якобы происходящий с Троицкого раскопа (*Варфоломеева*, 1994. С. 180, 172. Табл. II, 2). На самом деле данный наконечник происходит с Неревского раскопа.

«ажурным», тем не менее не находит аналогий среди материала этого периода.

Самым ранним по времени изготовления является наконечник, найденный при зачистке материка на Троицком XI раскопе (рис. 1, 1). Предматериковые отложения на этом раскопе датируются 30-ми гг. X в. (*Гайдуков и др.* 2001. С. 79–81). Несмотря на то что сохранились лишь нижняя и боковая части рамки наконечника, его тип определяется однозначно. Он относится к группе наконечников с вписанной в рамку фигурой птицы с распростертыми крыльями и головой в профиль. Верхняя часть рамки также оканчивается выступом в форме повернутой птичьей головы.

Подобные наконечники П. Паульсен включил в «шведско-варяжскую» группу с «мотивом птицы», в которой он выделил четыре подгруппы (a, b, c, d), в зависимости от особенностей морфологии и орнаментики (*Paulsen*, 1953. S. 22–35). Анализ древнерусских наконечников этой группы, в первую очередь по материалам Гнёздова, позволил предложить несколько иное деление (*Каинов*, 2007. С. 192–193).

Находка из Новгорода принадлежит ко второму типу наконечников группы с «мотивом птицы». У этого типа дополнительные орнаментальные детали на груди птицы и на рамке нанесены преимущественно циркульным орнаментом или отсутствуют совсем. Сама фигура птицы обозначена только внешним контуром почти без проработки деталей. Верхний контур головы очерчивался нижним краем отверстия (округлой или треугольной формы). Глаз птицы обозначался циркульным орнаментом. В центре груди птицы иногда наносился также одиночный циркульный орнамент. Верхний выступ, орнаментально отделенный от наконечника чертой, оформлялся в виде головы птицы, у которой циркульным орнаментом обозначен глаз.

Описываемый тип наконечников является наиболее распространенным на территории Древней Руси. Помимо новгородского из археологических раскопок происходит еще как минимум 18 (17+1?) экз.: Гнёздово — 6 экз., Шестовица — 4 экз., Юго-Восточное Приладожье — 1 экз., Михайловское — 1 экз., Рюриково городище — 1 экз., Старая Ладога — 1 экз., Седнев — 2 (1+1?) экз., Сарское городище — 1 экз., Белоозеро — 1 экз. (*Каинов*, 2007. С. 196). Таким образом, с учетом новгородской находки,

всего на древнерусской территории найдено 19 (18+1?) наконечников этого типа.

На территории Европы данный тип наконечников также является наиболее распространенным. Так, в работе П. Паульсена приводятся данные еще о 13 находках без учета древнерусских и прусских (*Paulsen*, 1953. S. 28–33). В. Казакиявичус учел 17 наконечников с «мотивом птицы», происходящих с территории расселения балтских племен, но в это количество вошло по крайней мере два наконечника с линейной орнаментацией, относящихся к другому типу наконечников с «мотивом птицы» (*Kazakevičius*, 1998. S. 290–291).

Как уже отмечалось, новгородский наконечник был найден при зачистке материка и относится к 930-м гг. Остальные древнерусские находки можно датировать в рамках второй четверти—конца X в. (*Каинов*, 2007. С. 196–198). За пределами Древней Руси единственный относительно узко датируемый наконечник зафиксирован в культурном слое шведского поселения Бирка, содержащем восточные монеты чекана до 932 г. Это позволяет датировать наконечник в рамках второй четверти X в. Остальные европейские наконечники широко датируются X–XI вв. (Там же. С. 198).

Вероятнее всего, появление данного типа наконечников следует относить к первой половине (скорее ко второй четверти) X в. и можно связать со Скандинавией, где на поселении Бирка зафиксировано их производство. Опираясь на новгородскую находку, можно утверждать, что на территории Древней Руси данный тип наконечников появился по крайней мере в 30-х гг. X в. Верхняя хронологическая граница бытования этого типа на территории Древней Руси по археологическим данным ограничена концом X в.

Второй наконечник (рис. 1, 2) найден на Троицком XI раскопе при разборке слоев, относящихся к 27-му ярусу, датированному 970–990 гг. (*Гайдуков и др.*, 2001. С. 81). Наконечник сохранился целиком.

Орнаментация наконечника представляет собой симметричную композицию, состоящую из ленточного плетения, в центре которой находится треугольная фигура. Над ней расположено возвышение округлой формы, а под ней — сердцевидная фигура с двумя завитками внутри.

В классификации П. Паульсена данный тип наконечников отсутствует. Н. В. Ениосова от-

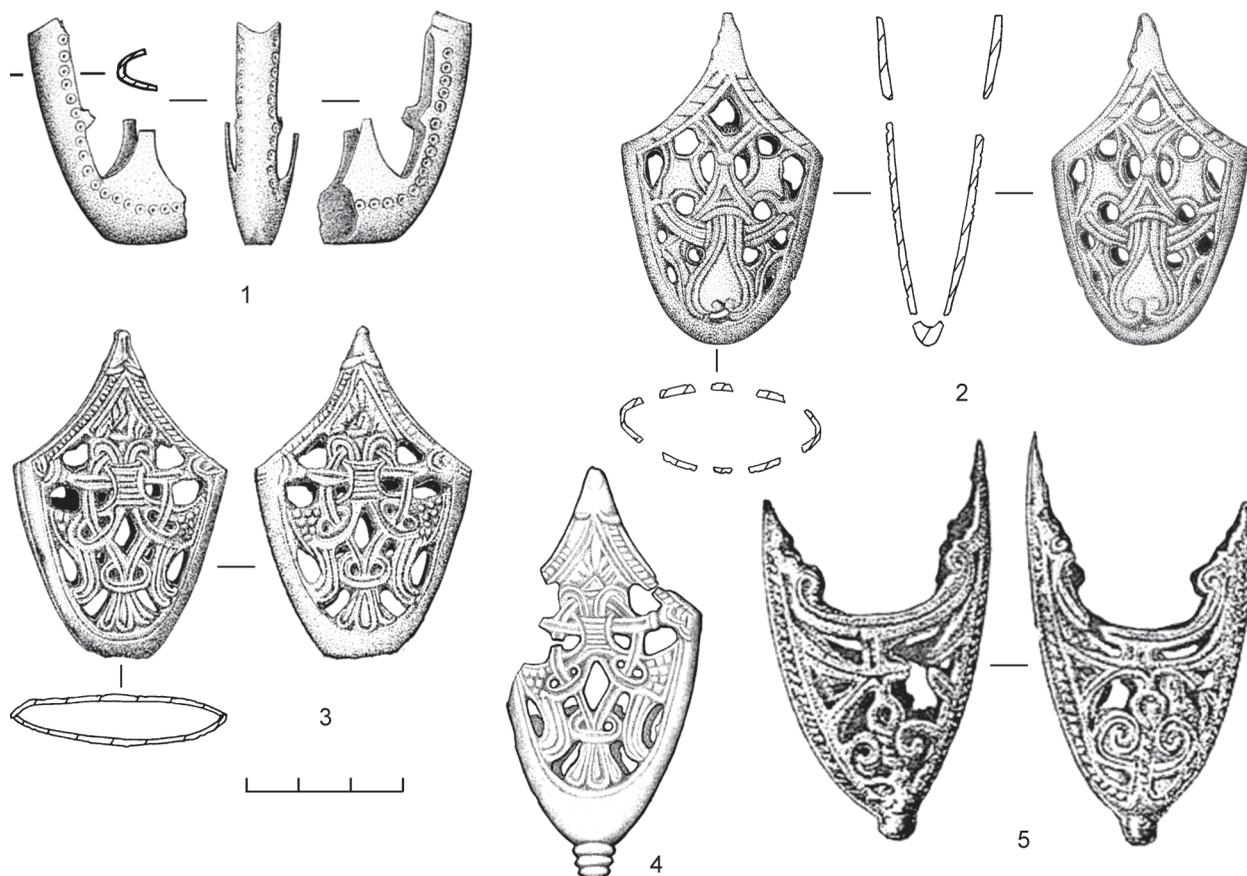

Рис. 1. Наконечники ножен мечей из Новгорода и Гнездово: 1–2 — Троицкий XI; 3 — Троицкий IV; 4 — Гнездово; 5 — Троицкий VIII.

1–2, 4 — рисунки А. С. Дементьевой

Fig. 1. Sword scabbard chapes from Novgorod and Gnezdovo: 1–2 — excavation Troitsky XI; 3 — Troitsky IV; 4 — Gnezdovo; 5 — Troitsky VIII.

1–2, 4 — Drawings by A. S. Dement'eva

носит подобные наконечники к типу А-1-26: «с искаженным изображением птицы» (Енисова, 1994. С. 106). Аналогичного мнения придерживался и В. Казакевичус, также видевший в данном типе развитие наконечников с изображением птицы (Kazakevičius, 1998. S. 328).

Интересную трактовку данного изображения предложил В. И. Кулаков. По его мнению, треугольная фигура в центре орнаментальной композиции символизирует мужскую фигуру. В самой композиции он видит местный вариант изображения Одина, который обеими руками обнимает двух своих мистических спутников — воронов Хугина и Мунина. Традиция таких изображений восходит к эпохе переселения народов (Кулаков, Иов, 2001. С. 81). Собственно скандинавское исполнение этой «языческой иконы», по мнению В. И. Кулакова, представлено на наконечниках, подобных най-

денному в погребении 42 Шестовицкого могильника, которые распространились «в викингской среде южного берега Балтики в середине X века» (Там же. С. 82).

Экземпляр из шестовицкого кургана 42 относится к типу наконечников с «зооморфной личиной» (Каинов, 2007. С. 202), который наряду с наконечниками с «антропоморфной личиной» развивается из наконечников с мотивом человеческой фигуры, не усложненной плетеным орнаментом (Там же. С. 202–204, рис. 9, 3, 4). На них четко обозначена человеческая фигура с разведенными в стороны и согнутыми в локтях руками, стоящая на голове животного (?). На новгородском и аналогичных наконечниках первоначальная орнаментальная схема сильно видоизменена и искажена, хотя в отдельных элементах остается узнаваема.

Шведская исследовательница Ш. Хиденштерна-Йонсон, в отличие от В. И. Кулакова, видит в орнаментальной композиции наконечников с антропоморфной фигурой изображение распятого Христа. В качестве аналогии она приводит изображение на камне из Еллингге (Дания), датирующемся 960–1050 гг. (*Hedenstierna-Jonson Ch.*, 2002. S. 107, 111).

Все аналогии этому новгородскому наконечнику происходят с территории расселения балтийских племен, где их найдено не менее трех экземпляров — в погребениях 62 и 94 могильника Жасинас Шилальского района Литвы и в погребении 117 могильника Ирзекапинис Зеленоградского р-на Калининградской области. Погребение 117 могильника Ирзекапинис В. И. Кулаков датирует началом—серединой X в. (наиболее предпочтительна, по мнению В. И. Кулакова, середина X в. — *Кулаков, Иов*, 2001. С. 81). Наконечники из могильника Жасинас В. Казакиявичус широко датирует X–XI вв. и считает их балтскими по происхождению (*Kazakevičius*, 1998. S. 314–315). Н. В. Ениосова датирует подобные наконечники концом X—началом XI в. и также связывает их производство с балтскими территориями (*Ениосова*, 1994, С. 107).

Третий наконечник (рис. 1, 3) найден на Троицком IV раскопе, в пласте 21, датированном 1065–1075 гг. (*Варфоломеева*, 1994. С. 180). Наконечник сохранился целиком. В нижней части имеется отверстие, образовавшееся, вероятно всего, в результате износа в ходе длительной эксплуатации (стирание от соприкосновения с поверхностью земли). Края наконечника вокруг отверстия были загнуты вовнутрь, тем самым немного уменьшив реальную высоту наконечника.

Наконечники с подобной орнаментацией П. Паульсен относил к «скандинавской группе» наконечников с «мотивом птицы», видя в их орнаментации сильно стилизованное изображение птицы (*Paulsen*, 1953. S. 17). Но, с нашей точки зрения, данные наконечники несут изображение совмещенных фигур человека и птицы. Композиция из этих сплетенных фигур находит свое объяснение в одном из сюжетов германской мифологии. Как следует из «Младшей Эдды», выкрыв мед поэзии у дочери великана Суттунга, Один скрылся от погони, превратившись в орла (*Каинов*, 2007. С. 199).

Наконечников с аналогичной орнаментацией на территории Древней Руси найдено еще три экземпляра: два в Гнёздово, один на поселении Крутик (Там же. С. 200). От новгородского наконечника они отличаются большей высотой и наличием ножки-прилива (рис. 1, 4).

На территории Европы без учета древнерусских находок известно как минимум 13 экз. «высоких» наконечников с мотивом совмещенных фигур птицы и человека: Швеция — 8 экз., Норвегия — 2 экз., Исландия, Дания, Германия — по 1 экз. (*Каинов*, 2007. С. 200).

Аналогичные новгородскому «низкие» наконечники найдены только на территории расселения балтских племен, где их известно не менее 4 экз.: Гинталишке (*Gintaliske*), Вежайчай (*Vezaiciai*), Жасинас (*Zasinas*), Катучай (*Katučiai*) (одна сторона наконечника) (*Kazakevičius*, 1998. S. 294). Еще один наконечник, несколько отличающийся размерами и удлиненным верхним окончанием рамки, найден в литовском могильнике Линкува (*Linkova*) (*Kazakevičius*, 2000. S. 21, *abb. 3, 1*).

Датировка «высоких» наконечников с мотивом совмещенных фигур птицы и человека, по всей видимости, не выходит за рамки второй половины X в. «Низкие» наконечники, найденные в Прибалтике, В. Казакиявичус широко датирует X–XI вв. (*Ibid.* S. 20). По нашему мнению, хронологического разрыва между «высокой» и «низкой» разновидностями наконечников, ввиду полной стилистической идентичности орнаментации, не должно быть, и датировка «низких» наконечников укладывается в рамки второй половины X в., ближе к концу столетия. Стратиграфическая дата новгородского наконечника — 1065–1075 гг. — объясняется или перемещением наконечника из более древних слоев, или длительным бытованием этого наконечника, о чем может свидетельствовать сильная изношенность нижней части.

В. Казакиявичус считал «низкие» наконечники с мотивом совмещенных фигур человека и птицы (тип Ib2 по типологии В. Казакиявичуса) импортом из Скандинавии. На балтских территориях, по его мнению, подобные наконечники дали импульс для возникновения местных вариантов наконечников (Ib2 и Ib3 по типологии В. Казакиявичуса — *Ibid.* S. 20). Стоит отметить, что непосредственно в Скандинавии ни одного «низкого» наконечника с мотивом со-

Таблица. Литые наконечники ножен Троицкого раскопа Новгорода Великого**Table.** Cast scabbard chapes from Troitsky Excavation in Novgorod Veliky

	Раскоп	Год	Пласт	Квадрат	Датировка	Размеры* (высота—ширина, мм)
1	Троицкий XI	1998	зачистка материка	1240	930-е гг.	—
2	Троицкий XI	1998	19	1252	970–990-е гг.	61 × 37
3	Троицкий IV	1976	21	208	1065–1075 гг.	62 × 41
4	Троицкий VIII	1985	6	753	I пол. XIII в.	73 × 40

* Указаны только полностью сохранившиеся параметры

вмещенных фигур человека и птицы неизвестно. Учитывая количество найденных наконечников, с нашей точки зрения, вполне допустимо считать прибалтийские и новгородский экземпляры балтской (по месту изготовления) разновидностью скандинавских по происхождению наконечников с мотивом совмещенных фигур человека и птицы. Изготовлены они были в скандинавской технологической и орнаментальной традициях, по всей видимости, скандинавскими ювелирами, и впоследствии эти наконечники послужили образцами для изготовления наконечников типа Ib2 и Ib3 по типологии В. Казакавичуса, у которых изначальный мотив совмещенных фигур человека и птицы сильно переработан и узнаваем только в отдельных деталях.

Четвертый наконечник (рис. 1, 5) найден на Троицком VIII раскопе, в слое, датирующемся первой половиной XIII в. Наконечник сохранился целиком, его верхняя часть представляет собой два боковых выступа разновеликой высоты, низ наконечника снабжен ножкой-приливом. Орнаментация наконечника выполнена сведенными линиями. В центре орнаментальной композиции расположена вписанная в медальон трехлистная фигура, боковые листья которой оформлены в виде завитков, а верхний представляет собой петлю на закрученной ножке. По бокам рамка наконечника орнаментально подчеркнута жгутовым плетением.

Рассматриваемый экземпляр, в отличие от трех предыдущих, не несет в себе никакого осмысленного сообщения, и его орнамент, по всей видимости, не является символическим. Более поздний по происхождению, он является примером общей тенденции, когда мифологические языческие мотивы исчезают из прикладного искусства. Наконечник подобного рода — это

в чистом виде декор и исполнение функции защиты нижнего края ножен от износа.

Как и предыдущие три, четвертый наконечник изготовлен в технике «ажурного» литья. Однако литье некачественное, с большим количеством непроливов и облоя. Можно отметить, что наконечник отличается довольно грубое исполнение, выразившееся как в плохом качестве отливки, так и в несимметричности самого наконечника и плохой проработке орнаментации.

«Ажурное» литье в целом не характерно для наконечников ножен мечей второй половины XI–XIII вв.⁵ В то же время форма наконечника не имеет аналогий среди «ажурных» наконечников X в., скорее она повторяет по своим особенностям образцы XI–XIII вв., хотя и не находит полных аналогий, главным образом ввиду отсутствия центрального верхнего выступа.

Принимая во внимание отсутствие аналогий новгородскому наконечнику, можно осторожно предположить, что он мог быть изготовлен в Новгороде мастером, не специализировавшимся на отливке вещей в технике «ажурного» литья, о чем свидетельствует плохое качество отливки.

Наконечники ножен мечей, найденные на Троицком раскопе, датирующиеся X–XI вв. (из рассматриваемых первые три), представлены образцами, которые связаны со скандинавским ювелирным искусством и изготовлены или самими скандинавскими мастерами, или ремесленниками, использовавшими

⁵ Наконечник, выполненный в технике «ажурного» литья и датирующийся в рамках 1150–1250 гг., найден в могильнике у пос. Богатыри, Приозерского р-на, Ленинградской обл. (*Кирпичников, Сакса, Томантери*, 2006. Рис. 38–39).

скандинавскую технологическую традицию литья ажурных изделий (Ениосова, 1998. С. 78–79). Единственный наконечник, датирующийся более поздним временем (XIII в.), возможно, является продукцией местного новгородского мастера.

Несомненно, найденные наконечники ножен свидетельствуют о распространении среди населения Новгорода мечей. Интересно отметить, что именно на Троицком раскопе найдено основное количество деталей снаряжения мечей X–XI вв. Единственным исключением является наконечник ножен меча, происходящий с Михайловского раскопа из слоя, датирующегося 1030–1050 гг. (Варфоломеева, 1994. С. 180). Также рукоять меча, которую предположительно можно отнести к типу Т-1 и датировать концом X–первой половиной XI в., обнаружена «при срытии дома “Марфы Посадницы”» (Каталог древностей..., 1907. Рис. 72; Каинов, 2008. С. 148).

Определенная концентрация в ранних слоях Троицкого раскопа находок, связанных с мечами (три наконечника ножен, верхняя часть навершия меча типа Н (по типологии Я. Петерсена) — Тр.-VII, пласт 20, квадрат 493), дополняется другими категориями предметов воинского снаряжения — деталями защитного вооружения, боевым топором, наконечниками копий и стрел. По всей видимости, на этой части территории Людина конца Новгорода в этот период проживали люди, связанные с профессиональной воинской средой.

Варфоломеева, 1994 — Варфоломеева Т. С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок // ННЗИА: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1994 г.). Новгород, 1994. Вып. 8.

Гайдуков и др., 2001 — Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Табарбардина О. А. Хронология Троицкого XI раскопа (ТД) // ННЗИА: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 23–25 января 2001 г.). Великий Новгород, 2001. Вып. 15.

Ениосова, 1994 — Ениосова Н. В. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Ениосова, 1998 — Ениосова Н. В. Литейные формы Гнёздова // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Каинов, 2007 — Каинов С. Ю. Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника. М., 2007.

Каинов, 2008 — Каинов С. Ю. Каталог мечей из собрания Государственного Исторического Музея, составленный В. В. Арентом // Военная археология: Сб. материалов семинара при Государственном Историческом музее. М., 2008. Вып. 1.

Каталог древностей..., 1907 — Каталог древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1907. Отд. III–IV.

Кирпичников, Сакса, Томантери, 2006 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантери Л. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006.

Кулаков, Иов, 2001 — Кулаков В. И., Иов О. В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. 2001. № 211.

Hedenstierna-Jonson, 2002 — Hedenstierna-Jonson Ch. A group of Viking Age sword chapes reflecting the political geography of the time // Journal of Nordic Archaeological Science. Stockholm, 2002. Vol. 13.

Kazakevičius, 1998 — Kazakevičius V. Iš vėlovojo geležies amžiaus Baltų ginklų istorijos // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1998. T. 15.

Kazakevičius, 2000 — Kazakevičius V. Baltų ir skandinavų karinių ryšių beiškant // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Istorija. Vilnius, 2000. T. 43.

Paulsen, 1953 — Paulsen P. Schwertartbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.

Cast Sword Chapes (Finds from Troitsky Excavation in Novgorod the Great)

S. Yu. Kainov, E. E. Avdeenko

In the course of excavations at the Troitsky Area in Novgorod the Great, four sword chapes were uncovered, manufactured in the technique of «openwork casting». The oldest chape belongs to the group of chapes with a representation of a bird; it was found in a layer dated to the 930s. It is possible that chapes of this type appeared in Scandinavia in the second quarter of the 10th century, wherefrom they spread, in particular, to the territory of Ancient Rus'. The second chape was recovered from building horizon 27 dated to 970–990 AD. This chape belongs to the group of chapes with a motif of a human figure. Similar chapes are distributed both throughout Scandinavia and Ancient Rus'. The Novgorod chape belongs to the type with the initial representations strongly modified and distorted. Similar chapes originate from the area of settlement of Baltic tribes where these objects are loosely dated to the 10th and 11th centuries. The third chape was found in a layer of 1065–1075 AD and belongs to the group of chapes with representations of joined fi-

gures of a human and a bird executed in the Scandinavian Borre style. Similar chapes are widely distributed in Scandinavia and three specimens have been found in the territory of Ancient Rus'. The Novgorod example is lower in height. Chapes similar in terms of the representation and size were found in the Baltic area. The fourth chape was retrieved from a horizon of the first half of the 13th century. The present authors are aware of no parallel to this object. Possibly we are dealing with a product of a local artisan.

Chapes from the Troitsky Excavation dated to the 10th–11th centuries comprise examples related with Scandinavian jewellery. The single chape, dated to a later period, is probably a product of a local Novgorod artisan. The finds from the Troitsky excavation related to swords are supplemented by other categories of items of warrior's equipment: a battleaxe, spear-heads and arrowheads. In all probability, this part of the Lyudin Konets district of Novgorod was inhabited by people linked with the professional military milieu.

Волынские башни

И. В. Антипов¹

Памяти Павла Александровича Раппопорта

В 1952 г. в статье «Волынские башни» Павел Александрович Раппопорт впервые подробно описал три башни, располагавшиеся на исторической территории Волыни: Столпъенскую и Белавинскую башни близ г. Холм (ныне Хелм, Польша) и Каменецкую башню вблизи Бреста в Белоруссии (*Раппопорт*, 1952. С. 205–223). Белавинская башня была окончательно разрушена в годы Второй мировой войны, Каменецкая и Столпъенская башни сохраняются до наших дней. Основным материалом для статьи Раппопорта послужили наблюдения, сделанные В. В. Суловым и П. П. Покрышкиным, которые исследовали башни в конце XIX–начале XX столетия (рис. 1).

Башня в Каменце упомянута среди построек волынского князя Владимира Васильковича (1270–1280-е гг.), летописных дат для других башен нет. П. А. Раппопорт предположил, что Столпъенская и Белавинская башни построены во второй половине XIII–первой трети XIV в. Основанием для такого предположения стал тот факт, что в описании Холма 1259 г. эти постройки не упомянуты, позже 1330-х гг., по мнению исследователя, башни не могли появиться, так как в это время Волынское княжество слабеет и утрачивает самостоятельность. В это же время, как считал Раппопорт, могли быть выстроены и некоторые другие башни, на тот момент малоисследованные, а также постройки, не сохранившиеся и не найденные в ходе археологических работ: среди этой категории исследователь выделял башню в Люблине, храм в с. Спас близ Холма, предположительно

перестроенный из башни, башни в Черторыйске, Угровске, Чернеево, Гродно, Лискове на Немане, Львове, Дрогобыче. К середине XIII в. относится и упомянутая летописью каменно-деревянная башня в Холме, остатки которой были обнаружены Покрышкиным (*Раппопорт*, 1954. С. 320–321).

За 60 лет, прошедших с момента публикации статьи П. А. Раппопорта, появились новые данные по истории этих оборонительных сооружений. Самим Павлом Александровичем была раскопана башня в Черторыйске, датированная согласно летописи 1291 г. (*Раппопорт*, 1967. С. 142–146, 149), М. В. Малевской открыта башня в Спасском монастыре около Старого Самбора, построенная, вероятно, в конце XIII в. (*Малевская и др.*, 1979. С. 360), М. А. Ткачевым исследованы две башни в Новогрудке, датированные ученым XIII–первой половиной XIV в., и башня в Каменце (1270–1280-е гг.) (*Ткачев*, 1987. С. 6–10, 14–16, 25; *Ткачоў*, 1972. С. 315–323; 1977. С. 11, 15–16; 1978. С. 19–24). М. А. Ткачевым было высказано предположение о существовании аналогичной башни в Турове. В последние годы В. Е. Соболев проведено повторное исследование башни Щитовка в Новогрудском замке, в результате основные выводы Ткачева были значительно откорректированы (*Соболь*, 2006. С. 222, 229).

В 1970–1990-е гг. польские археологи и историки архитектуры И. Кутыловская, У. Ружковская, С. Голуб, В. Козеювский проводили обследования башен в Столпье и Люблине, изучали остатки Белавинской башни, церковь в с. Спас, предположительно построенную на месте башни (*Kutyłowska*, 1981a. S. 1–4; 1981b. S. 3–12; 1987. S. 139–144; 1997b. S. 19–38; *Koziejowski*, 1975. S. 105–111; *Ruszkowska, Goiub*, 1997. S. 73–82; *Goiub*, 1996. S. 69–73; *Rudnik*,

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. Санкт-Петербургский Государственный университет, исторический факультет.

© И. В. Антипов, 2012

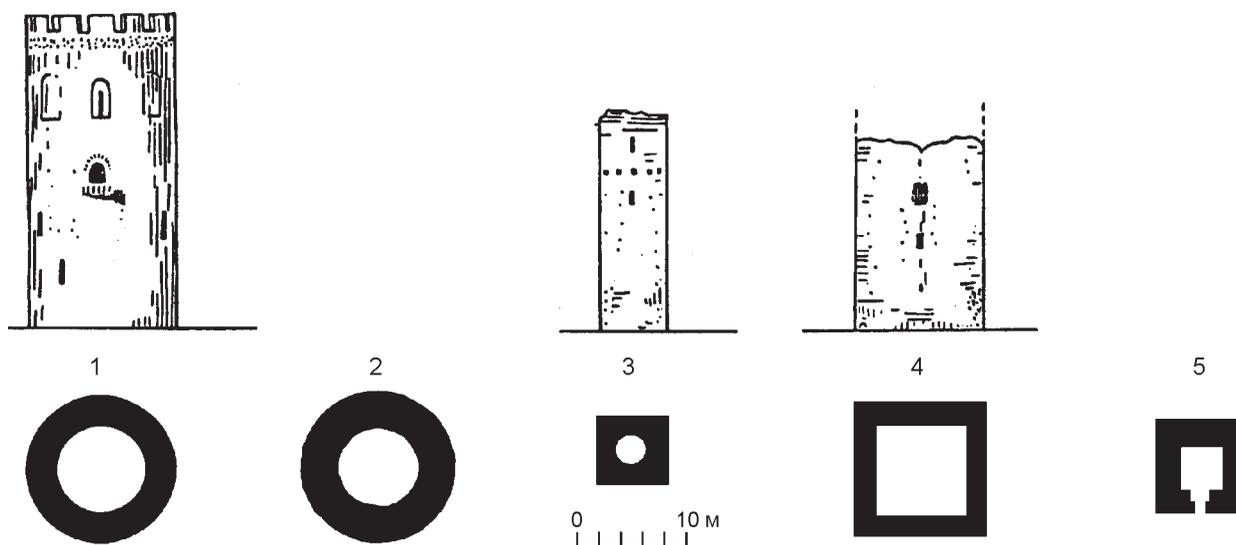

Рис. 1. Так называемые «волынские башни»: 1 — Каменец; 2 — Черторыйск; 3 — Столпые; 4 — Белавино; 5 — с. Спас близ Старого Самбора (чертеж П. А. Раппопорта — *Pannonopt*, 1967. С. 141, рис. 134 — с дополнениями автора)

Fig. 1. The so-called 'Volynian towers': 1 — Kamenets; 2 — Chertoryysk; 3 — Stolpye; 4 — Belavino; 5 — village of Spas near Stary Sambor (drawing by P. A. Rappoport, supplemented by the present author)

1997. S. 39–52). Повторно был раскопан и комплекс построек на Высокой горке в Холме, впервые изученный еще П. П. Покрышкиным (*Gurba, Kutylowska*, 1970. S. 231–241). Украинскими исследователями были предприняты поиски башен в Чернеево и на предполагаемом месте летописного города Угровска на левом берегу Буга (*Mazuryk et al.*, 1998. S. 175–182). Наконец, в 2003–2005 гг. группа польских археологов и историков архитектуры под руководством А. Буко провела новые исследования башни в Столпые, результаты которых недавно были опубликованы (*Zespol wiezowy...*, 2009; *Buko*, 2009). С 2010 г. эти же ученые вновь изучают комплекс построек на Высокой горке в Холме, эти работы пока не завершены.

В последние десятилетия появилось несколько обобщающих публикаций по данной теме: статьи И. Кутыловской и И. Р. Могытыча (*Kutylowska*, 1997a. S. 59–72; *Могытыч*, 2000. С. 3–14), а также часть книги А. В. Майорова (*Майоров*, 2011. С. 306–310, 450–457 и др.). Следует отметить, что работа И. Р. Могытыча лишена какого-либо критического анализа данных о каменных башнях, исследователь полагает, что в XII–начале XVI вв. в Галицко-Волынских землях было построено 68 каменных башен, большую часть которых исследователь датирует XII–XIII вв. Гораздо более обстоятельна статья И. Кутыловской, кропот-

ливо собравшей все новые сведения о волынских башнях (рис. 2). В публикации А. В. Майорова сюжеты, связанные со строительством отдельно стоящих башен, используются для доказательства многочисленных гипотез исследователя, главная идея которых — показать то, что взаимосвязи между Галицко-Волынской Русью и Византией в конце XII–XIII в. носили постоянный и разнообразный характер.

П. А. Раппопорт назвал статью «Волынские башни», подразумевая прежде всего территориальную близость данных построек, находящихся на исторической территории Волыни. Исследователь четко осознавал, что подобные башни широко распространены в европейском оборонном зодчестве, и не выделял их в какой-то отдельный тип. В 1972 г. М. А. Ткачевым был введен в науку термин «башни волынского типа» (*Ткачоў*, 1972. С. 315–327). С тех пор данные башни (т. е., прежде всего башни в Каменце, Белавине, Столпые и Черторыйске) рассматриваются как принадлежащие к одному, так называемому «волынскому типу».²

Наша статья посвящена анализу накопленного материала по сохранившимся и изученным башням с целью определить обоснованность

² Автор данной публикации, к сожалению, тоже воспользовался данным термином (см. *Антипов*, 1998. С. 193–197).

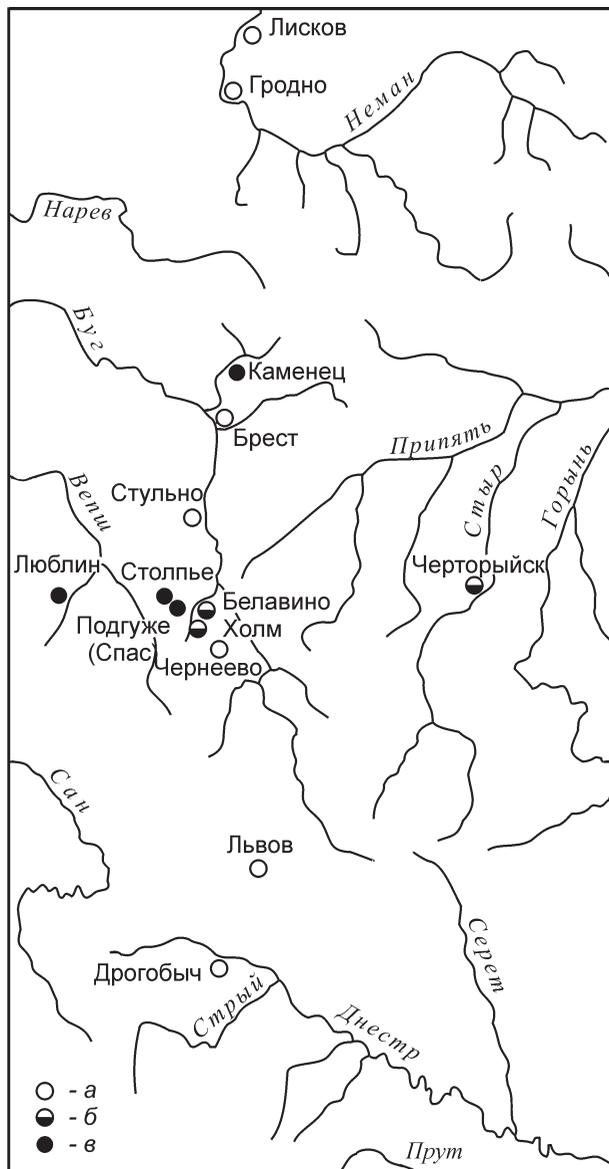

Рис. 2. Расположение так называемых «волинских башен»: *a* — башни, упомянутые в письменных источниках, но до сих пор не найденные; *b* — башни, основания которых были изучены; *v* — существующие башни. План-схема И. Кутыловской (Kutyłowska, 1997a. S. 69)

Fig. 2. Arrangement of the so-called 'Volynian towers': *a* — towers mentioned in documents but undiscovered until now; *b* — towers of which the foundations have been investigated; *v* — survived towers. Schematic plan by I. Kutyłowska

объединения их в единую группу и применения к ним общего термина «башни волинского типа». Мы рассмотрим основные, опорные памятники: Столпье, Белавино, Каменец, Черторыйск, Люблин, с. Спас.

Из всех перечисленных башен наиболее необычна башня в с. Столпье (рис. 1, 3). В на-

чале XX в. она была осмотрена П. П. Покрышкиным, сделавшим несколько фотографий и чертежей, в 1970-х гг. исследована И. Кутыловской. В последние годы башня вновь привлекла к себе внимание: появился ряд публикаций украинских исследователей (В. Пшика, Ю. Дыбы, В. Александровича), в 2003–2005 гг. памятник изучен коллективом ученых под руководством А. Буко, недавно опубликованы размышления об этом комплексе А. В. Майорова.

Башня имеет в плане прямоугольную форму снаружи и круглую внутри (рис. 3). Ее наружные размеры около 5,7 × 6,6 м. Диаметр внутреннего помещения от 3,0 до 3,6 м. Высота сохранившихся стен башни от фундамента до верха около 19,5 м. Всего в башне пять ярусов, наибольший интерес представляет последний, пятый ярус (рис. 3, 2). Верхнее помещение башни октагональное в плане. Восточная ниша представляет собой как бы «апсиду» и имеет несколько больший размер, полукруглую форму и окно в глубине. По бокам алтаря находятся небольшие ниши, выполнявшие роль пастофориев. Стены и ниши верхнего яруса башни обложены брусковым кирпичом. На некоторых кирпичах на одной поверхности имеются борозды. По предположению П. П. Покрышкина, верхний ярус был обложен кирпичом в 60-х гг. XIX в., однако П. А. Раппопорт не исключал того, что он воспроизводит более древние формы (Раппопорт, 1952. С. 218). В 1970-е гг. И. Кутыловской было проведено дополнительное исследование последнего яруса башни. Исследовательница характеризует открытое помещение как часовню, а вероятно, и крещальню. И. Кутыловской установлено, что часовня была сооружена одновременно с основным объемом башни (Kutyłowska, 1997b. S. 19–38). Согласно наблюдениям группы исследователей под руководством А. Буко, капелла, облицованная кирпичом, появилась на втором этапе строительства башни, возможно, в середине–второй половине XIII в. В то же время, пока этапы в строительстве Столпьенской башни выделяются исследователями весьма условно, в опубликованных материалах нет отчетливых доказательств того, что подобная венчающая конструкция изначально не входила в замысел строителей башни.

Наличие в верхнем ярусе Столпьенской башни храма действительно однозначно доказывает, что перед нами — не оборонительное сооружение. Отметим, что и бойниц как тако-

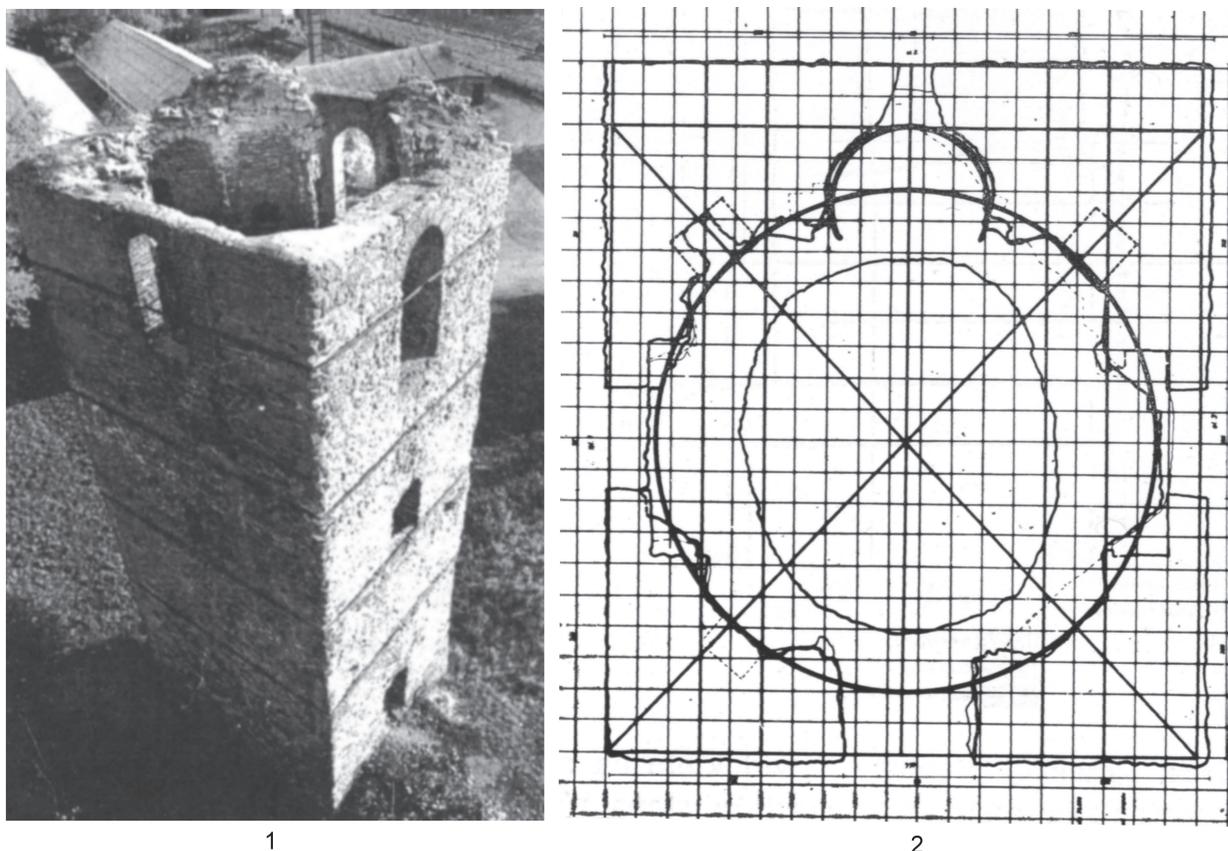

Рис. 3. Башня в Столпье. 1 — вид сверху на башню и ее верхний (пятый) уровень (чертеж — *Kutyłowska*, 19976. S. 34, фото П. Бакун); 2 — план верхнего (пятого) уровня башни (*Kutyłowska*, 19816)

Fig. 3. Tower of Stolpye. 1 — view from above at the tower and its top (5) (drawing by I. Kutyłowska, photo by P. Bakun); 2 — plan of the top (5) of the tower

вых в Столпьевской башне нет. Пытаясь понять функцию Столпьевской башни, И. Кутыловская предположила, что четвертый ярус башни мог использоваться для жилья небольшой группы людей, т. е. Столпьевская башня представляется исследователю своего рода маленьким монастырем. Отметим, что затем И. Кутыловская предложила считать Столпьевскую башню частью более сложного комплекса, в который входили церковь в с. Спас (Подгуже), а также деревянная постройка, находившаяся на холме недалеко от башни. Столпьевской башне в этом комплексе отводится функция баптистерия — крещальни. По мнению Д. Домбровского и А. Буко, башня в Столпье была частью монастырского комплекса, построенного для великой княгини — жены Романа Галицкого (Анны? Марии?), которая после смерти мужа в битве у Завихоста (1205) ушла около 1220 г. в один из монастырей, находившихся возле Холма (*Буко*, 2009. С. 180–181; *Буко*, 2005. S. 49; 2007. С. 198–202). Польские исследователи считают, что вторая жена Романа

Мстиславича происходила из византийского императорского рода. К этой же версии предназначения башни в Столпье присоединяется и А. В. Майоров, много усилий положивший для того, чтобы выяснить имя и происхождение второй жены галицкого князя.³

В этом же направлении двигался к решению проблемы интерпретации функции Столпьевской башни львовский исследователь В. Пшик, который предположил, что эта постройка предназначалась для одного человека. По его мнению, заказчиком и строителем башни являлся византийский император Алексей III Ангел (конец XII—начало XIII в.), а часовня в последнем ярусе предназначалась для патриарха Иоанна Каматероса (*Пшик*, 1994. С. 55). Мне кажется, что имеющихся материалов явно недостаточно для того, чтобы даже осторожно предположить, для кого конкретно была построена башня, но ясно одно — перед нами не

³ Обсуждение доказательств исследователя не входит в задачи нашей работы.

оборонительная башня, не баптистерий, а столп — место уединенной молитвы, возможно, место молитвы монаха-столпника. При этом монах (или монахиня), вероятнее всего, жил не на четвертом ярусе башни, а в расположенной рядом деревянной постройке. Дальнейшее исследование башни, поиск аналогий в Греции, на Ближнем Востоке, в Малой Азии и в Закавказье, тщательное изучение письменных источников может принести очень интересные результаты.

В вопросе о дате постройки ясности пока нет. Очень вероятно, что башня была построена во второй половине—конце XII в., так как уже в 1204 г. в Галицко-Волынской летописи упоминается место Столп (ПСРЛ, Т. 2, 1908. Стб. 721). Учитывая функцию данного сооружения, нет сомнения, что такое название могло появиться только тогда, когда столп уже существовал. В этой связи следует сразу отбросить версию о строительстве башни для «княгини Романовой» — получается, что она заранее предвидела смерть мужа в 1205 г. и свой уход в монастырь около 1220 г. Ранней дате противоречит материал, из которого выполнена облицовка последнего, пятого яруса — это брусковый кирпич-пальчатка, впервые появившийся в Польше в конце XII в., а широко распространившийся только в 1220–1230-е гг. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с одним из наиболее ранних примеров употребления брускового кирпича на территории Польши и Западной Руси.

Рядом со Столпынской башней находится с. Подгуже, старинное название которого — Спас. Здесь стоит Спасская церковь, прямоугольная постройка со сторонами 13 × 16 м и небольшим прямоугольным пресбитерием с востока. В метрике храма указано, что церковь, по преданию, переделана из языческого капища. Учитывая, что местные жители называли капищами холмские башни, П. А. Раппопорт предположил, что и эта церковь была переделана из подобной башни (*Rapponort*, 1952. С. 219–220). По мнению Раппопорта, без алтаря и контрфорсов сооружение это очень близко по плану и технике к Белавинской башне, но несколько больших размеров. Еще более как будто бы подтверждает предположение о наличии в с. Спас каменной башни один документ 1440 г., где эта церковь названа «церковь Спаса от столпа», хотя исследователь не исключал, что эта фраза означала топографическую при-

вязку — храм находился недалеко от Столпынской башни (некоторые современные исследователи вообще считают, что этот документ относится к Столпынской башне, никак, впрочем, не аргументируя это утверждение). В начале 1990-х гг. польскими архитекторами и археологами были проведены исследования, в ходе которых удалось установить, что здание изначально имело церковное предназначение — самая ранняя церковь, вероятно конца XIII—начала XIV в. — это нынешний пресбитерий храма, к которому с востока примыкало небольшое алтарное полукружие. Размеры собственно храма были очень маленькие 5,4 × 5,4 м, алтаря 2,4 × 2,4 м. Церковь бесстолпная. Храм сложен из известняковой плиты и холмского глауконита. Позднее к нему в два этапа была пристроена западная часть. Интересно, что в первоначальной части постройки сохранилась выполненная поверх штукатурки разгранка, имитирующая каменные блоки (*Rudnik*, 1997. С. 39–52). Таким образом, мы вправе исключить церковь в с. Спас из списка волынских башен, вероятнее всего, перед нами памятник древнерусской церковной архитектуры XIII в., хотя аргументация такой датировки весьма гипотетична и памятник этот не находит аналогов в церковном строительстве данной эпохи. В ходе последних комплексных исследований Столпы и округи были предприняты попытки вновь жестко связать Столпы и храм в Подгуже (Спасе) в единый комплекс (*Александрович*, 2006–2007. С. 110–114; *Vuko*, 2007. С. 205), однако эти попытки должны быть признаны весьма неубедительными, никакой видимой связи между этими двумя постройками, на наш взгляд, нет.

Следующий объект — Белавинская башня. У д. Белавино в 2 км от г. Холм на небольшой насыпи посреди труднопроходимого болота до Второй мировой войны находились остатки каменной башни (рис. 1, 4). В 1909 г. она была исследована П. П. Покрышкиным, а в 1910–1911 гг. отреставрирована. Затем остатки башни изучали в 1970–1990-х гг., сейчас ее кладки законсервированы.

В плане башня прямоугольная; к 1909 г. над землей сохранялись только северная стена и примыкающие к ней половина восточной и небольшой кусок западной стен. Наружные размеры сооружения — 11,8 × 12,4 м. Башня сложена из местного известняка на растворе.

Рис. 4. Так называемые «волынские башни»: 1 — Каменец; 2 — Люблин. Фото автора

Fig. 4. The so-called 'Volynian towers': 1 — Kamenets; 2 — Lublin. Photo by the author

П. А. Раппопорт датировал башню второй половиной XIII в., исходя из аналогий и общего уровня развития военного искусства в это время. Исследовавшая башню У. Ружковская полагает, что башня была выстроена на рубеже XIII—XIV вв., в годы правления Юрия Львовича (*Ruszkowska, Goiub, 1997. S. 75*). Сейчас, после работ экспедиции А. Буко в Столпье, появилась тенденция считать Белавинскую башню построенной одновременно с башней в Столпье. В то же время в польской литературе эта башня часто датируется серединой XIV в., временем Казимира Великого, что представляется более вероятным (*Kutyłowska, 1997a. S. 64*). По форме и размерам она чрезвычайно близко напоминает обнаруженную в ходе раскопок на Высокой горке в Холме квадратную жилую башню, датированную польскими археологами временем Казимира Великого (*Gurba, Kutyłowska, 1970. S. 231–241*). Башни такого типа строились Казимиром практически на всей территории тогдашней Польши. На наш взгляд, нет решительно никаких оснований считать, что она возникла раньше середины XIV в. Функции данной башни были, вероятно, прежде всего сторожевые, это своего рода форпост перед

цитаделью г. Холм. Не ясной остается, однако, причина расположения ее в столь странном месте, фактически на территории болота. Башня в Белавине и башня в Столпье — совершенно разные и по размерам и по функции сооружения, источники их происхождения тоже различаются.

Каменецкая и Черторыйская башни являются примером расположения одиночной каменной башни в системе деревоземляных укреплений (рис. 1, 1; 2; 4, 1). Кажется бы, истоки данной системы следует искать в соседней Польше. Тем не менее большинство известных сейчас польских каменных одиночных круглых башен относятся уже к XIV в. (*Guerquin, 1984*), таким образом, источник появления данного типа сооружений на Руси пока проследить трудно.

В этой связи следует рассмотреть сохранившуюся до сего дня башню в Люблине (рис. 4, 2; 5), которая некоторыми исследователями рассматривается в качестве предшественницы Каменецкой и Черторыйской башен, считается, что строительные приемы, использованные при возведении этой башни, были сразу же перенесены на Волынь (*Исаевич, 1974. С. 272*).

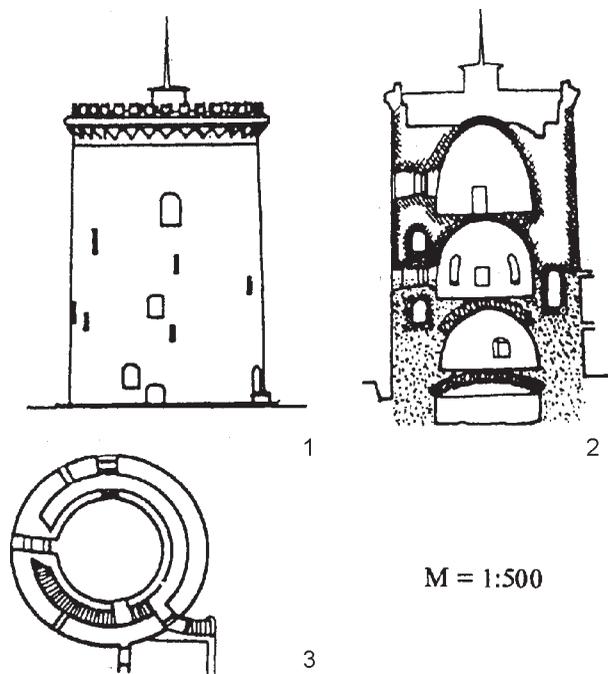

Рис. 5. Башня в Люблине: 1 — фасад, 2 — разрез, 3 — план (Koziejowski, 1975)

Fig. 5. Tower of Lublin: 1 — facade, 2 — section, 3 — plan (drawings by V. Koziejowski)

Строителем Люблинской башни польские хроники называют Даниила Романовича Галицкого (правда, русские летописи не подтверждают этих сведений).

Это круглая цилиндрическая башня, состоящая из трех ярусов и подвала; верх башни перестроен в XIX в. Все три яруса башни перекрыты сводами, сообщение между ярусами осуществлялось с помощью винтовой лестницы. В башне применялись три типа оконных проемов: узкие бойницы, прямоугольные проемы с полуциркульным завершением, существует и одно окно-бифорий в верхнем ярусе, завершающееся трехлопастным архивольтом. Применение подобного типа окон, а также некоторые другие особенности позволили изучавшему башню В. Козеювскому утверждать, что третий ярус башни имел жилое предназначение, это является уникальным для польской архитектуры XIII в. Башня построена из камня и кирпича, до середины второго яруса применялся в основном камень, выше кирпичная кладка продолжает каменную.

Применение в башне позднероманских деталей, таких как окна-бифории, полуциркульные арки и ниши, вендская техника кладки, формат кирпича, а также обнаруженные на стенах башни знаки мастеров, схожие со знаками

первой половины XIII в., позволили В. Козеювскому датировать башню серединой XIII в. Архитектурные формы башни, техника кладки, уникальный для Польши тип жилой башни-донжона, формат кирпича указывают на ее родство с архитектурой Мекленбурга и Хале (Koziejowski, 1975. S. 105–111).

Насколько оправдано соотнесение Люблинской башни с Каменецкой или Черторыйской? План Люблинской башни отдаленно похож на планы Каменецкой и Черторыйской башен, однако основные технические и конструктивные особенности тут резко отличаются (в Каменецкой башне использовалась только кирпичная кладка, отсутствовали своды в нижних ярусах, применялись в основном деревянные лестницы и пр.). В Каменецкой башне мы не найдем декоративных черт, характерных для башни в Люблине, таких, например, как окно-бифорий. Ни один из ярусов Каменецкой башни не мог выполнять функции постоянного жилого помещения. Анализ известных нам сооружений Даниила и его преемников приводит нас к выводу о принципиальных различиях в характере построения форм и декоративном убранстве оборонительных башен в Люблине и на Волыни. Отметим, что и чисто стилистически башни в Люблине и Каменце принадлежат к различным направлениям: обилие романских черт в Люблинской башне позволяет нам определить ее архитектуру как позднероманскую, наличие же в башне в Каменце ярко выраженных признаков готической архитектуры, таких как стрельчатые арки, ниши, нервюрные своды с кронштейнами-серьгами, наряду с употреблением ряда позднероманских строительных приемов дает возможность атрибутировать ее архитектуру как переходную от романской к готической.

Люблинская башня, на наш взгляд, никакого влияния на последующую западнорусскую архитектуру не оказала, оставшись по сути дела частным эпизодом в истории польской архитектуры.

К сожалению, из-за отсутствия подробных публикаций материалов исследований не очень понятной остается датировка Новогрудских башен (рис. 6). По мнению М. В. Малевской, северная центральная башня кирпичного Новогрудского детинца, так называемая «Щитовка», является наиболее ранней и относится к первой половине XIV в. (Малевская, 1989. С. 215, 218). М. А. Ткачев датирует башню концом

Рис. 6. Башни на Детинце в Новогрудке. Справа — башня Щитовка. Фото автора
Fig. 6. Towers at the Novogrudok Kremlin. Shchitovka tower right. Photo by the author

XIV в. (Ткачев, 1987. С. 14–16). Под стенами этой башни М. А. Ткачевым были раскопаны остатки более ранней башни, датированной им второй половиной XIII в. и сложенной из больших тесаных камней на известке; башня имела четырехугольную форму в плане, со сторонами, близкими квадрату, размером 12 × 12 м. В то же время различие в материалах нижней и верхней частей памятника может быть отмечено и в единовременных постройках. Так, в Луцком замке и дворце нижние части сооружений из камня, а верхние из кирпича, тем не менее, как убедительно доказала М. В. Малевская, эти две части появились в течение одного строительного периода (Малевская, 1999. С. 89). Таким образом, не исключено, что башня, раскопанная М. А. Ткачевым, — это просто основание Щитовки. Последние работы в Новогрудке В. Е. Соболя подтвердили это предположение, однако исследователь датирует всю башню (кирпичную на каменном основании) временем после 1392 г., и считает, что она была выстроена по заказу Витовта (Соболь, 2006. С. 222, 229). Прямоугольная в плане башня на Малом замке в Новогрудке датирована М. А. Ткачевым концом XIII–первой половиной XIV в. (Ткачев, 1987. С. 25; Ткачоў, 1978. С. 24). Основания такой датировки пока также не очень ясны. Оче-

видно, что Новогрудские башни — это исключительно оборонительные сооружения, у них не было функции жилых башен-донжонов. К этому же типу, вероятно, относится и раскопанная М. В. Малевской башня в с. Спас около Старого Самбора (Малевская и др., 1979. С. 360; Рожко, 1999. С. 42–49; Антипов, 2000. С. 96–98).

Итак, можно отметить, что господствующая сейчас посылка о том, что во второй половине XIII–первой половине XIV в. на Волыни повсеместно стали строиться оборонительные башни, оказывается неверной. В то же время слабо аргументирована и позиция И. Р. Могытыча, считающего, что каменные башни строились на Волыни весь XII в. Последней третью XIII в. мы можем датировать Каменецкую, Берестейскую и Черторыйскую башни, второй половиной–концом XII в. — башню в Столпье, серединой XIV в. — башню в Белавине. На самом деле все основные башни, о которых мы упоминали выше, не только относятся к разным периодам в истории архитектуры, их функции различны: Столпьевская башня — это столп, храм уникального типа; Каменецкая башня — одиночная башня, стоящая в системе деревоземляных укреплений, Белавинская башня — сторожевая башня, охраняющая под-

ступы к Холму и не связанная с какими-либо оборонительными сооружениями, наконец, Люблинская башня — классический донжон, башня, которая выполняла не только функции оборонительного сооружения, но и была жилищем феодала. Таким образом, строго говоря, из хорошо известных на сегодняшний день башен, пожалуй, лишь Каменецкая, Черторыйская и, вероятно, Берестейская, могут относиться к некому специальному типу, который, однако, все же нельзя называть «волынским», поскольку подобные башни встречаются во многих европейских землях, а также на северо-западе Руси (Изборск, Корела).⁴

- Александрович*, 2006–2007 — *Александрович В.* Архитектурный ансамбль середины XIII ст. у Спаси-Стовпи в окрестностях Холма // *Confraternitas: Юбилейный сборник на пошану Ярослава Ісаевича*. Львів, 2006–2007.
- Антипов*, 1998 — *Антипов И. В.* Оборонительные башни «волынского типа» в системе укреплений городов Западной Руси // *Поселение: структура, социум, реконструкция: ТД конф.* СПб., 1998.
- Антипов*, 2000 — *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII—первой трети XIV в.: Каталог памятников. СПб., 2000.
- Буко*, 2009 — *Буко А.* Некоторые проблемы археологии и истории средневековых Холма и Столпье в свете новых исследований // *Записки ИИМК РАН*. СПб., 2009. № 4.
- Исаевич*, 1974 — *Исаевич Я. Д.* Из истории культурных связей Галицко-Волинской Руси с западными славянами в XII–XIV вв. // *Польша и Русь*. М., 1974.
- Майоров*, 2011 — *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011.
- Малевская*, 1989 — *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII–XIV вв. // *СА. М.*, 1989. № 4.
- Малевская*, 1999 — *Малевская М. В.* Дворец в Верхнем замке Луцка XIV в. (по материалам археологических исследований) // *Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: ТД.* СПб., 1999.
- Малевская и др.*, 1979 — *Малевская М. В., Кос А. И., Рожко М. Ф., Шолохова Е. В.* Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // *Археологические открытия 1978*. М., 1979.
- Могутич*, 2000 — *Могутич І. Р.* Оборонні вежі галицької і волинської земель XI–початку XVI ст. // *Вісник інституту «Укрзахідпроектреставрація»*. Львів, 2000. № 11.
- ПСРЛ*, Т. 2, 1908 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова. 2-е изд.
- Пишк*, 1994 — *Пишк В.* Про перебування візантійського імператора Олексія III Ангела на Галицько-Волинських землях // *Республіканець*. Львів, 1994. № 3–4.
- Раппопорт*, 1952 — *Раппопорт П. А.* Волинские башни // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. 2: Крепостные сооружения Древней Руси / Под ред. Н. Н. Воронина. М., 1952 (МИА; № 31).
- Раппопорт*, 1954 — *Раппопорт П. А.* Холм // *СА. М.-Л.*, 1954. Т. 20.
- Раппопорт*, 1967 — *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967 (МИА; № 140).
- Рожко*, 1999 — *Рожко М. Ф.* Про деякі оборонні Преображенські монастири XIII ст. в Галичині // *Лавра*. Львів, 1999. № 1.
- Соболь*, 2006 — *Соболь В. Е.* Некаторыя вынікі дасядаванняў Мураванага замка ў Навагрудку // *Гістарычна-археалагічна зборнік*. Мінск, 2006. Вып. 22.
- Ткачев*, 1987 — *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. Минск, 1987.
- Ткачоў*, 1972 — *Ткачоў М. А.* Вежи валынскага тыпу і іх распаўсюджанне на Беларусі // *Белорускія старажытнасці*. Мінск, 1972.
- Ткачоў*, 1977 — *Ткачоў М. А.* Замкі Беларусі (XIII–XVII ст.). Мінск, 1977.
- Ткачоў*, 1978 — *Ткачоў М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII ст. Мінск, 1978.
- Буко*, 2005 — *Буко А.* Zagadka pogranicza. Zespół wieżowy w Stołpiu // *Archeologia żywa*. 2005. № 3 (33).
- Буко*, 2007 — *Буко А.* Na pograniczu kultur i ideologii: zespół wieżowy w Stołpiu na ziemi chełmskiej // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. 6.
- Буко*, 2009 — *Буко А.* Stołpie. Tajemnice kamiennej wieży. Warszawa, 2009.
- Gołub*, 1996 — *Gołub S.* Chełm-Bieławin, stan. 1 (2). Badania konserwatorskie pozostałości wieży z okresu średniowiecz // *Informator o badaniach archeologicznych w województwie Chełmskim w 1992–1993 roku*. Chełm, 1996. № VII.
- Guerquin*, 1984 — *Guerquin B.* Zamki w Polsce. Warszawa, 1984.
- Gurba, Kutylowska*, 1970 — *Gurba J., Kutylowska I.* Sprawozdanie z badan wczesnosredniowiecznego grodziska w Chełmie Lubelskim // *Sprawozdania archeologiczne*. 1970. Т. 22.
- Koziejowski*, 1975 — *Koziejowski W.* Romański charakter stylowy architektury wieży na Zamku w Lublinie // *Rocznik Humanistyczne*. 1975. Т. 23. Z. 5.
- Kutylowska*, 1981a — *Kutylowska I.* Badania archeologiczno-architektoniczne zespołu średniowiecznego w Stołpiu-Nowosiółkach, woj. Chełmskie // *Archeologiczne listy*. 1981. No. 2.
- Kutylowska*, 1981b — *Kutylowska I.* Zabytkowy zespół warowno-kultowy w Stołpiu woj. Chełmskie // *Zeszyt Biura Ba-*

⁴ Тем более странной и абсолютно недоказуемой кажется идея считать все эти башни, большинство из которых носит отчетливо оборонительный характер и имеет многочисленные аналогии в западноевропейском средневековом строительстве, храмами-столпами (*Майоров*, 2011. С. 454–457).

- dań Dokumentacji Zabytków w Chełmie. Chełm, 1981. No 2/81.
- Kutyłowska*, 1987 — *Kutyłowska I.* Związki architektury warowni kultowej w Stołpiu z bizantyjskim i romańskim kręgiem kulturonom // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 3, ч. 2а.
- Kutyłowska*, 1997а — *Kutyłowska I.* Nowe dane o budowlach wieżowych tzw. «wołyńskiego typu» koło Chełma i na pograniczu polsko-ruskim // Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chełma i okolic. Chełm, 1997.
- Kutyłowska*, 1997b — *Kutyłowska I.* Wczesnośredniowieczne baptysterium w Stołpiu koło Chełma // Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chełma i okolic. Chełm, 1997.
- Mazuryk et al.*, 1998 — *Mazuryk J., Panyszko S., Ostapiuk O.* Badania archeologiczne latopisowego Uhrowieska // Archeologia Polski Środkowowschodniej. 1998. 3.
- Rudnik*, 1997 — *Rudnik S.* Wyniki badań architektonicznych kościoła w Podgórzu, gmina Chełm // Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chełma i okolic. Chełm, 1997.
- Ruszkowska, Gołub*, 1997 — *Ruszkowska U., Gołub St.* Pozostałości wieży kamiennej w Chełmie — Bieławinie — próba utworzenia rezerwatu archeologicznego // Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chełma i okolic. Chełm, 1997.
- Zespół wieżowy..., 2009 — Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003–2005 / A. Buko (red.). Warszawa, 2009.

Volyn Towers

I. V. Antipov

This article is devoted to several towers which are situated in the historic territory of the Volyn principality occupying in the 12th–13th centuries the borderland between Ancient Russia, Poland and the rising Lithuanian state. In 1952, Pavel A. Rappoport was the first who thoroughly described three buildings here: the Stolpiye and Belavino towers near the town of Holm (now Helm in Poland) and the Kamenets tower near Brest (Byelorussia). The Belavino tower was finally destroyed during the Second World War, the towers in Kamenets and Stolpiye have survived until now. Rappoport supposed that these towers were built in the second half of the 13th or first third of the 14th century.

Now new evidence is available concerning the history of these towers and on some other ones erected in the historic territory of the Volyn principality. The present article presents analysis of new information about these buildings and, in this connection, the author discusses the appropriateness of using such a term as the «Volyn type» of towers.

The main conclusion of the article is that the Volyn towers are of different dates: the towers of

Kamenets, Berestiye and Chertoriysk were built in the second half of the 13th century, the one in Stolpiye was erected in the late 12th century; the tower in Belavino is probably dated from the mid-14th century. These towers are not only differently dated but also their functions differed: the tower in Stolpiye was a temple of a unique type; the Kamenets tower was built as a single brick fortification within the system of wood-and-earthen defenses; the tower in Belavino served as a watchtower protecting the territory around the town of Holm with no other fortifications (walls or moats) near it; the Lublin tower belongs to the classic dungeon type, i.e. the tower which was simultaneously a fortification and a feudal dwelling place.

To conclude, of the towers today known, only those in Kamenets, Chertoriysk and, probably, Berestiye belong to a special variety. However these neither can be attributed to any original «Volyn type», since similar structures are found at many European sites and in Northwestern Russia (for example in Izborsk and Korela).

Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России

А. В. Курбатов¹

Введение. К изучению русского средневекового кожевенного ремесла в последнее время наметился определенный интерес среди отечественных археологов. Были изучены и введены в научный оборот десятки новых археологических коллекций, полученных при широкомасштабных раскопках в разных городах на территории современной России. Выводы, сделанные на основе изучения новых коллекций, касаются как чисто археологических вопросов (появление и бытование определенных форм вещей, их конструкция и техника изготовления), так и историко-культурных сюжетов, опирающихся на археологические данные.

Интерпретация археологических находок, их место в культуре средневекового общества, как и их значение для определения уровня ремесленного производства, у разных исследователей не совпадают. Последнее неизбежно и естественно, поскольку специалисты используют комплексы археологических, письменных, изобразительных материалов. В самое последнее время ряд положений моих работ получил критическую оценку у московского коллеги Д. О. Осипова, а именно: атрибуция археологических кожаных предметов и выводы историко-культурного плана, связанные с древнерусским кожевенным ремеслом.

Критика, касающаяся определения кожаных предметов, требует предварительного пояснения. Во многих древнерусских городах лесной зоны Восточной Европы кожаные предметы являются, после керамики, самой многочисленной категорией археологических нахо-

док. Значительную их часть, в общем объеме находок, составляют обрезки от раскроя и обрывки кожаных деталей. Значительно меньше находят целых деталей и еще меньше целых изделий. Это обусловлено тем, что в культурный слой выпадают почти исключительно вещи, выброшенные за ненадобностью — после износа, вторичного использования, а также обрезки от раскроя. Подчас бывает непросто определить назначение даже целых вещей, а определять принадлежность обрезков и обрывков становится вообще проблематичным. Поэтому для классификации однотипных серийных находок исследователю приходится использовать условные наименования. Такая предположительная атрибуция многих групп археологических находок (не только кожаных) является аксиомой в научных исследованиях по древним эпохам, но это распространяется и на средние века. Назначение даже хорошо известных предметов остается не более чем аргументированным предположением. Например, трудно назвать конкретное использование железных гвоздей. Также назначение шиферных пряслиц, привозимых в Северную Русь из Киевской земли, нельзя сводить к их утилитарному использованию в качестве утяжелителя деревянного веретена (см.: Янин, 1956. С. 188—189). Назначение так называемых костяных проколов, серийно находимых в Новгороде, в свое время рассматривала Л. И. Смирнова (Смирнова, 1999). Таким образом, термины, которыми мы пользуемся при обозначении тех или иных археологических находок, необходимы нам в качестве рабочего инструмента для их описания и систематизации, но условное название не всегда отражает функциональное назначение реконструируемого объекта или изделия.

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© А. В. Курбатов, 2012

Сложность атрибуции изделий является одним из спорных вопросов в изучении кожевенного ремесла. Тем не менее необходима систематизация всего комплекса, без изъятия неопределимых вещей, поскольку только полный комплекс находок объективно характеризует и сам памятник, и соответствующую эпоху. Исходя из этого, я считаю методически правильным публиковать максимально большее число вещей, целых и фрагментированных. Это нужно для последующего поиска аналогов в других коллекциях и определения назначения вещей. Поэтому неправомерно писать о необходимости «исправить ошибку в атрибуции» двух кожаных ремешков с петлями, в которые были вставлены птичьи кости, так как ранее была отмечена предположительность их отнесения к разряду оберегов (Федоров и др., 2011. С. 203).

Условность термина относится и к наименованию «комнатные туфли» — одного из видов обувной конструкции (рис. 1), впервые выделенного в коллекции кожи из Тверского кремля, где эта обувь названа «домашними или рабочими туфлями» (Курбатов, 2004. С. 47). Таким термином я хотел подчеркнуть *повседневность* этого вида обуви, используемой для работы в доме и на дворе. Д. О. Осипов предлагает относить эту обувь к монашеской, забывая, что я допускал подобную связь, приводя в качестве возможных аналогов изображения на миниатюрах из Жития Сергия Радонежского. Неудобство ношения обуви, где шов проходил по всей длине подошвы, он считает способом достижения душевной чистоты, к которому стремились средневековые горожане-монахи через истязание плоти (Осипов, 2011а. С. 170–171). Если принять и развивать дальше такое объяснение, то надо признать, что монахи выбрали самый ненадежный путь к достижению душевной чистоты и святости. Выведенные внутрь обуви швы на подошве могли вызывать только легкое неудобство, поскольку сама кожа обуви очень эластична и легко сминается под давлением стопы. Кроме того, при ношении внутрь вкладывали войлочные стельки, которые были найдены при раскопках непосредственно внутри такой обуви. Для самоистязания плоти средневековые монахи знали куда более действенные способы. Один способ описан в Повести об Ульянии Осоргинской XVII в.: «В сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе... ореховы скорлупы и чрепие острые вместо стелек подкладаше». А в Житии Пахо-

мия из Успенского сборника (XII–XIII вв.) записано следующее: «Она же...не обувавши ся никьгда же» (СлРЯ XI–XVII вв., 1987. С. 176).

Кроме того, статистика деталей обуви, найденной в Тверском кремле, показывает, что «комнатные туфли» количественно значительно преобладали над другими формами обуви. Их можно назвать самой популярной тверской обувью последней четверти XIII–первой половины XIV в. Следуя логике Д. О. Осипова, мы должны будем считать монахами большую часть населения древней Твери.

Объектом критики стала и статья о выделении в коллекциях Твери, Пскова и Новгорода серии сходных деталей с завязками и петлями, названных обрезками фартуков. На основании средневековых изображений и позднейших описаний я предложил четыре возможные реконструкции форм фартуков, которые могли существовать в средневековых городах. Д. О. Осипов интерпретирует эти находки иначе, считая их обрезками высоких голенищ сапог. Верхний край голенищ при ношении натягивался вверх и подвязывался к поясу кожаным ремешком. Такое объяснение можно допускать, поскольку имеются археологические аналоги подобных сапог с высокими мягкими голенищами на памятниках Северного Кавказа, хотя реконструкция предполагает сочетание высоких чулок с низкими башмаками (Доде, 2001. С. 18–19, 58, ил. 1–4). Изобразительные материалы, например, грузинские фрески и чеканки, а также половецкие каменные изваяния, показывают высокие мягкие сапоги с треугольным мысом, закрывавшим колено (Плетнева, 1974. С. 36–37; табл. 3, 15; 6, 23 и др.). Но в описаниях материалов из русских городов такая обувь определенно не выделена. Единственная фотография подобного голенища, найденного в Новгороде, не дает возможности однозначно считать эту находку голенищем подобного сапога (Rybina, 2001. S. 211, Abb. 11, 5). С большим основанием можно считать деталью голенища с завязкой и усилительной накладкой другую находку, впервые приводимую Д. О. Осиповым (Осипов, 2011б. Рис. 6). По мнению оппонента, эти две находки полностью исключают предложенную мной атрибуцию обрезков с петлями и усилительными накладками как деталей фартуков. Это вряд ли допустимо, поскольку большое количество таких обрезков, выделенных в Твери и Пскове, не несут признаков, позволяющих видеть в них

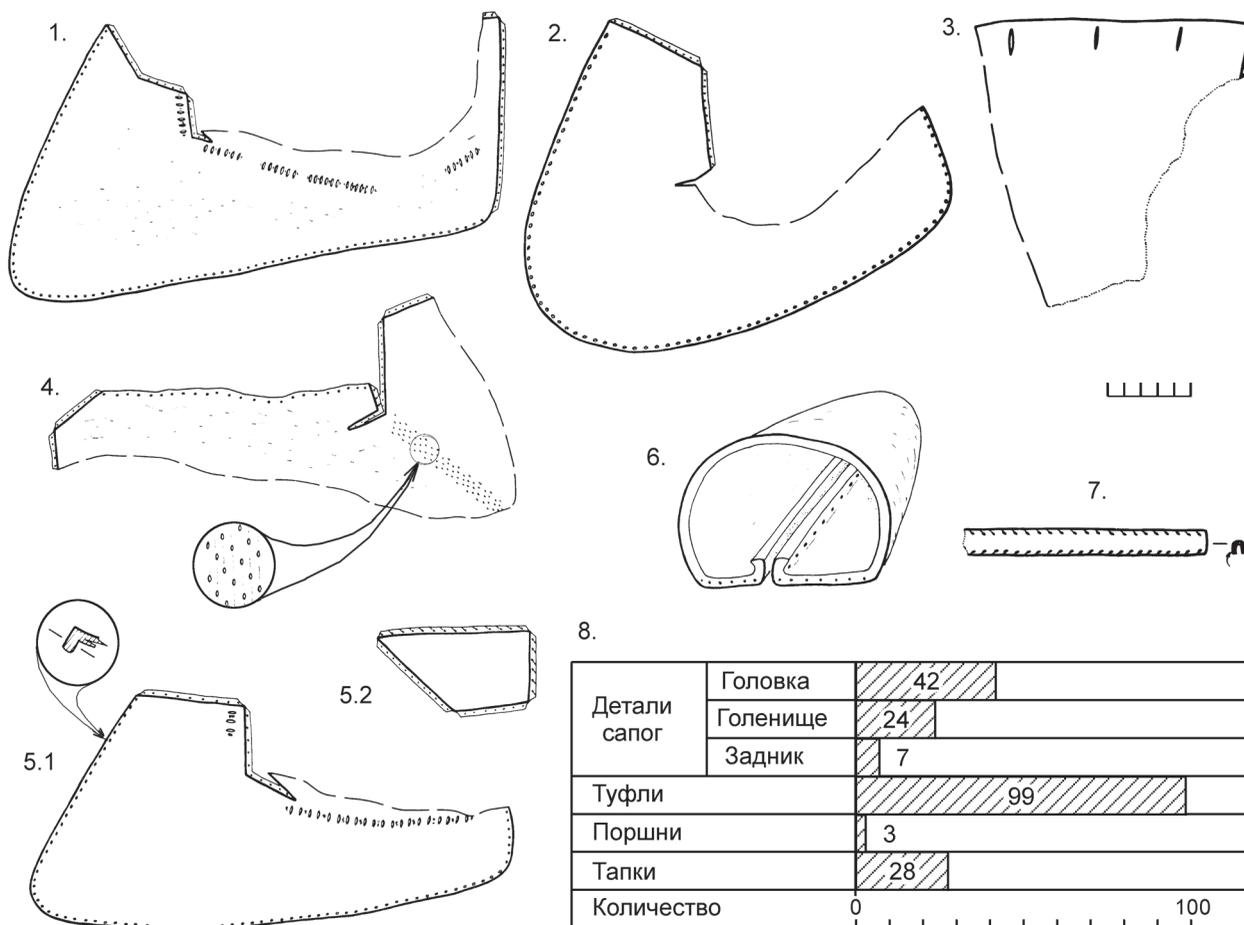

Рис. 1. Полоцк, раскоп 1957 г. Виды обуви: 1, 2, 4, 5.1–5.2 — варианты раскроя верха туфель; 3 — фрагмент поршня; 6 — реконструкция «домашних туфель»; 7 — обшивка верха; 8 — количественное соотношение видов обуви

Fig. 1. Polotsk, excavation of 1957. Types of footwear: 1, 2, 4, 5.1–5.2 — variants of the cutting patterns of the tops of shoes; 3 — fragment of a *porshen*-shoe; 6 — reconstruction of ‘home slippers’; 7 — trimming of the top; 8 — quantitative ratio of the types of footwear

части голенищ (см. Курбатов, 2011. С. 210, 212, рис. 5; 7), поэтому все обрезки нельзя огульно считать частями голенищ

В этой же работе Д. О. Осипов выдвигает и возражение против утилитарного назначения круглых вырезов на голенищах сапог XV–XVI вв., предложенного мной (Курбатов, 2008. С. 230–231). Он видит в них форму декора, подобного разрезной одежде и обуви, модной в Западной Европе в первой половине XVI в. Эту деталь сапог Д. О. Осипов связывает с «проникновением в Россию западноевропейской моды» (Осипов, 2011б. С. 189). Такое предположение казалось возможным еще недавно, хотяшитых тканей в голенищах до сих пор не находили. Напротив, в Ивангороде и Пскове найдены *in situ* узкие кожаные прокладки, вшиваемые в такие вырезы у верхней части голенищ (рис. 2).

Более существенно возражение Д. О. Осипова, затрагивающее вопрос о времени и причинах разделения кожевенного и сапожного ремесел, поскольку для сферы профессиональных занятий это считается показателем уровня развития древнерусского ремесла. Данный вопрос уже обсуждался в 1940–1960-х гг. (Рыбаков, 1948; Изюмова, 1959; Рабинович, 1964), но возврат к нему правомерен по ряду причин:

1) Значительный объем нового археологического материала получен в последние годы при широкомасштабных раскопках целых кварталов средневековой городской застройки; такие раскопки проведены во многих городах Восточной Европы, что позволяет сравнивать городское хозяйство и ремесло разных регионов.

2) Длительное изучение средневекового кожевенного ремесла привело к качественному

Рис. 2. Псков. Петровский IX раскоп, 2007 г. Обрезок голенища сапога кольцевой прокладкой (фото автора)

Fig. 2. Pskov. Excavation Petrovsky IX, 2007. Scrap of a boot-top with a ring washer (photo by the author)

улучшению методики полевой фиксации и камеральной обработки материалов; на практике доказана необходимость сбора, фиксации и описания всех кожаных предметов и находок, сопутствующих ремесленной деятельности; их статистический анализ с учетом планиграфии, распределения по слоям и строительным периодам; отработана система описания археологических находок — графическая, вербальная и фотографическая.

3) Расширение раскопок в средневековых русских городах, в том числе в Сибири, позволило изучать региональные черты ремесла и формы изделий, выделять бытовые, хронологические и технологические особенности в каждом городском центре; заложена основа культурно-исторической периодизации археологических комплексов и групп изделий в каждом городе и регионе.

4) Введение в научный оборот большого объема археологических материалов в зарубежных городах Европы открыло возможность детального сравнения технической базы, приемов работы и продукции кожевенного ремесла.

5) Реализуется комплексная оценка средневекового ремесла по разным видам источников, учитывающая необходимость анализа всего массива данных.

Главным археологическим признаком неразделенного кожевенно-сапожного ремесла в древнем Новгороде С. А. Изюмова считала на-

хождение в ранних комплексах мастерских следов не только выделки кож, но и раскроя кожаных изделий. Подобные мастерские известны по археологическим материалам XI—XII вв., но уже не прослеживаются в слоях XII—XIII вв., следовательно, можно говорить о разделении этих ремесел уже в домонгольское время. Археологическим признаком выделки кож, как правило, служит деревянный ящик-«зольник» и прослойки золы, перемешанной с известью и шерстью, находимые на кожевном дворе. Деятельность обувщиков в этих комплексах маркируют скопления обрезков кожи, изделий и инструментов (Изюмова, 1959. С. 197). Кроме Новгорода совмещенные мастерские найдены в Москве (Рабинович, 1964. С. 100).

Д. О. Осипов проанализировал ранние материалы Новгорода и Москвы, акцентировав внимание на критической оценке археологических источников (Осипов, 2010. С. 207—209, 211, 213—214). В новгородских материалах его сомнения вызвали: 1) датировка комплекса из раскопа 1932 г. XII в., тогда как он относит его к XIII в.; 2) ошибочное отнесение прямоугольного ящика-«зольника» к емкостям для зольения шкур; 3) большое расстояние до реки, тогда как для выделки кож нужна проточная вода; 4) невозможность нахождения кожевенной мастерской в жилом квартале, вблизи Ильинской церкви. Замечания также вызвала интерпретация части материала из раскопок М. Г. Рабинови-

ча в Москве: 1) липовая бочка по размерам мало подходит к дублению кож; 2) неверно датировано скопление деталей обуви; 3) кожевенные мастерские расположены внутри деревоземляных укреплений и далеко от воды; 4) кожевенная деятельность в Зарядье была невозможна в XV в. из-за плотной застройки; 5) в Зарядье не найдены инструменты для выделки кож. Возражение также вызвала интерпретация остатков кирпичного основания как ямы для «топтанья кожи», исследованной в 1950-х гг. А. Ф. Дубыниным в Зарядье. Остатки подобных сооружений, неоднократно находимые в последнее время, определяются как надворные печи-поварни, служившие на территории крупных боярских усадеб для приготовления пищи на боярскую семью и многочисленную дворню (Там же. С. 207–209, 211, 213–214).

Критический разбор материалов раскопок Новгорода и Москвы в 30–50-е гг. XX в. привел Д. О. Осипова к следующим выводам: 1) анализ полевых материалов позволяет в одних случаях сомневаться, а в других опровергать выводы исследователей, якобы обнаруживших следы совместного кожевенно-сапожного ремесла в Новгороде и Москве; 2) периодизация древнерусского ремесла у Б. А. Рыбакова ориентирована на идею всеобщего погрома, упадка и застоя, вызванного монголо-татарским нашествием, что не находит поддержки у современных исследователей; 3) в пользу раннего разделения ремесел свидетельствуют различные термины для шкуры — *кожа* и для выделанной кожи — *усмие* и соответствующее разделение специальностей — *кожевник* и *усмошвец*. «Все это дает основание полагать, что разделение кожевников и сапожников происходит уже в домонгольское время, тогда как в XV–XVI вв. мы видим следующий этап разделения труда, происходящего уже внутри этих обособившихся ремесел» (Там же. С. 216).

Можно признать правомерными критические замечания Д. О. Осипова, связанные с оценкой методов археологической фиксации открытых объектов и находок. В то же время не следует забывать, что методика полевой археологической фиксации в середине XX в. развивалась в русле общего совершенствования археологических исследований древних городов, полностью учитывая отечественный и зарубежный опыт. В ранний период раскопок Новгорода и Москвы было не до конца преодолено отношение к археологии как к «истории, воору-

женной лопатой», для которой не требовалась особая методика интерпретации объектов и вещевых комплексов. Отсюда проистекают широкие исторические выводы, сделанные непосредственно по остаткам открываемых объектов.

В этом плане показательна обработка С. А. Изюмовой кожаных находок Неревского раскопа. Это первый опыт специального изучения большой археологической коллекции, связанной с кожевенным ремеслом в русских средневековых городах, и целенаправленный отбор письменных источников по этому вопросу. При отсутствии адекватных комплексов в других городах, только на материалах одного раскопа, она приводит аргументы в пользу разделения кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде уже в домонгольское время, называя: 1) достигнутый высокий уровень технологичности кожевенного ремесла; 2) то, что только в ранних комплексах сочетаются признаки выделки кож и пошива кожаных изделий в рамках одной усадьбы или двора; 3) резкое увеличение числа кожаных изделий в слоях XII–XIII вв. средневекового Новгорода по отношению к слоям XI в., что объясняется как увеличение спроса на кожевенную продукцию, повлекшее необходимость выделки больших объемов кож (*Изюмова, 1959*).

Приводимые аргументы для Новгорода С. А. Изюмова рассматривала как общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских землях и городах. При этом материалы разных периодов средневековой Руси рассматривались как единое и неизменное состояние ремесла, сохранявшееся в кустарном деле до XX в. Поэтому она считала правомерным использование документов XVI–XVII вв. для оценки ремесла древнерусского времени. Широкий охват археологических, письменных и этнографических данных способствовал популярности работы и предложенных выводов.

Современная оценка источников. Некоторые методические приемы и выводы С. А. Изюмовой, а равно и предложенные датировки, на наш взгляд, сегодня правомерно подвергать критике. Стало очевидным, что выделку кожи в домонгольское время нельзя считать совершенной в технологическом плане. Многие стадии обработки шкур, общепринятые в позднейшее время, в древнерусский период были далеки от совершенства или совсем отсутствовали (*Курбатов, 1997а. С. 367 и сл.*). В данном

контексте уместны критические замечания Д. О. Осипова о методике ранних раскопок и интерпретации открытых объектов в Новгороде. Однако его критика не мешает ему быть солидарным с С. А. Изюмовой в одном из основных исторических выводов — о времени разделения кожевенного и сапожного ремесел. Оба исследователя относят это явление к домонгольскому времени. При этом вывод, сделанный для Новгорода, подразумевается справедливым и для других городов Древней Руси.

На наш взгляд, вопрос о разделении кожевенного и сапожного ремесел нельзя ставить в зависимость от приводимых авторами археологических признаков, которые чрезмерно прямолинейно преобразуются в историко-культурные выводы. Причины разделения производственных мест надо видеть в развитии города как своеобразного поселенческого организма. Надо полагать, что коренные преобразования в организации поселенческой структуры Новгорода происходили в XII—начале XIII в. Сюда входили регламенты по устройству дворов (усадеб), общественных работ по благоустройству территорий, мощения улиц и поддержания их в чистоте. В работе, посвященной этой стороне жизнедеятельности древнего Новгорода, А. Н. Сорокин пришел к выводам о практике очистки улиц города и особых приемах захоронения и утилизации отходов. В частности, он отметил для Новгорода XII—XV вв. отсутствие обычая выбрасывать сор с усадеб на уличные мостовые. Большая часть бытовых и производственных отходов оставалась на территории усадьбы — разбросанной по поверхности или собранной в отдельных местах (возле срубов, между ними и оградой), что устанавливается по большой концентрации находок. Часть отходов выбрасывали в ямы во дворах или под полы в срубах. Другую часть могли сбрасывать на пустырях, в природных низинах и других местах (Сорокин, 1995. С. 12—15; 1998. С. 266).

На ограниченной территории проживало большое число людей, что также требовало вынесения из зоны плотной застройки особо опасных ремесел. К ним относится и выделка кож, при которой многие длительные процессы вызывали опасность накопления и активизации болезнетворных микроорганизмов. Поэтому расположение кожевенных мастерских надо рассматривать через призму организации городского хозяйства и особенностей самого процесса выделки. Это справедливо не только

для Новгорода и было, в частности, отмечено в Твери (Курбатов, 2004. С. 69—70). На этом фоне маловероятна возможность того, что некоторые впускные сооружения Новгорода, судя по анализу грунтовых вод, могли использоваться в ремесленном производстве для обработки кож (Сорокин, 1995. С. 30; 1998. С. 267).

Для позднего средневековья известны факты загрязнения улиц, ставшие основанием для судебного разбирательства. В судебном деле 1695 г. имеется письмо настоятеля Розважа монастыря, где тот жаловался на подьячих Приказной избы, продавших разным людям постройку напротив монастырских ворот — конюшню, поварню и баню. «И ис тех ево хоромин люди ево в тот переулок мечют ис конюшни пометы скотские, а ис поварни и бани пометы же всякие и льют воды смрадные» (Греков, 1926. С. 18). Однако следует отметить, что в целом разработанное законодательное уложение по организации городской жизни в России, видимо, отсутствовало до XVIII в. Немногие известные указы XVII в., связанные с этой стороной жизни города, носили случайный и ситуационный характер. Например, указ 15 апреля 1629 г. касался обеспечения противопожарных мероприятий в Земском приказе, одной из обязанностей которого была борьба с пожарами в Москве (Законодательные акты..., 1987. № 193).

Строгий и детализованный регламент санитарной службы в Москве и других городах России в XVII в. также не был расписан в каких-либо уложениях. При возникновении эпидемии в Москве борьба с ее распространением вменялась Земскому приказу. Данный указ относился не только к Москве, но и ко всему государству (Там же. № 278). Однако превентивные меры против эпидемий в Московском государстве были. К ним надо относить выделение кожевенных дворов в особые слободы, вынесенные из зоны основной застройки на окраины города, ближе к берегу реки. Прежде всего такие слободы появились в городах, специализированных на кожевенном ремесле (Курбатов, 2012. С. 19). Другим примером является указ 5 августа 1640 г. о запрещении торговать больным скотом и снимать с павшего скота кожи. Погибший скот предписывалось зарывать вдали от населенных пунктов на пустырях. Нарушителей закона «велено бить кнутом безо всякой пощады».

Вопрос о времени разделения кожевенного и сапожного направлений в ремесле надо рас-

смаывать отдельно для каждого города, учитывая уровень развития специализации его ремесел в конкретный период. Это явление следует связывать с развитием производства и расширением торговли обиходными товарами. В развитии новгородского ремесла вторую половину XII—первую половину XIII в. Б. А. Колчин относил ко **второму периоду**, характерными признаками которого считал резкое расширение ассортимента продукции, высокую специализацию внутри отдельных отраслей ремесла и значительную рационализацию производства, т. е. упрощение технологии. Производство становится серийным, и создаются стандарты изделий. Это время резкого развития мелкотоварного производства, продукция которого рассчитана на широкий сбыт не только в городе, но и в Новгородской земле (Колчин, 1975. С. 53 и сл.). В. Л. Янин и Б. А. Колчин писали, что предлагаемая периодизация совпадает с общей социально-политической картиной развития Новгородской феодальной республики (Янин, Колчин, 1978. С. 25, 27–30, рис. 8). Сформулированные ими признаки стадий развития новгородского ремесла сегодня находят отражение в разных материальных группах (Курбатов, 2007. С. 101–103). Таким образом, все имеющиеся данные подтверждают, что разделение кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде уже в домонгольское время представляется весьма вероятным. Но этот вывод нельзя распространять на другие древнерусские города.

Взаимосвязь внешнеторгового направления выделки кож, расширения специализации кожевенных мастеров и резкого роста их численности по отношению к другим ремесленным профессиям прослеживается для многих русских городов только в XVI–XVII вв. Эту взаимосвязь позволяет установить комплекс письменных источников (Курбатов, 2009а. С. 126–127). В других городах, особенно небольших, кожевники и сапожники не выделяются численно среди других ремесленных мастеров и также не имеют дробной специализации. Например, в Устюжне, Торопце, Каргополе, Ладоге, Кореле высокий процент ремесленников был занят удовлетворением обиходных потребностей: приготовлением продуктов питания, выделкой одежды, предметов домашнего обихода и изделий, не являющихся товарами первой необходимости. Число сапожников, овчинников, скорняков, кожевников и рукавич-

ников в них невелико и, видимо, соответствует объему выработки, необходимому для удовлетворения спроса только жителей этого города и сельской округи. Такие выводы следуют из оценки данных Н. Д. Чечулина (Чечулин, 1889. С. 51–52) и подтверждаются другими историками. Так, в опубликованной части писцовых книг И. В. Булгакова и П. Шипилова 1568/69 г. по Ладоге отмечены четыре сапожника и один скорняк на 158 человек в 112 тяглых дворах (Города России XVI в., 2002. С. 144–150). В переписной книге 1646 г. на посаде Ладоги значатся один кожевник и сапожник: «двор бобыль Ондрюшка Сысоев сын кожевник»; «двор Дмитрейко Денисьевич сын сапожник» (Бранденбург, 1896. С. 246). В Солигаличе, ориентированном на выварку соли, на 1628 г. было не менее 146 посадчан. Среди них сапожник, серебряник, рукавичник и некоторые другие специалисты единичны (Заозерская, 1970. С. 38). В таких городах разделение кожевенного и пошивочного ремесел не наблюдается.

Кроме внешнеторговой направленности уровень специализации городского ремесла зависел от числа городских жителей. По этому показателю в домонгольское время в Северной Руси только Новгород мог иметь развитую номенклатуру кожевников. По оценке М. Н. Тихомирова, в начале XI в. в Новгороде могло проживать 10–15 тыс. человек, а в начале XIII в. уже 20–30 тыс. Во многих же городах небольшие размеры детинцев позволяют считать, что численность населения в них редко превышала 1000 человек (Горская, 1994. С. 50–51). В частности, в Твери на 1317 г. население оценивается в 1520–1900 человек (Клюг, 1994. Примеч. с. 387). Таким образом, надо предполагать, что расширение застроенной территории Новгорода и рост числа его жителей к началу XIII в. должен был отразиться в пропорциональном увеличении числа мастеров-кожевников и разделение кожевенного и сапожного ремесел. Однако это не следует распространять на большинство древнерусских городов, значительное расширение и увеличение численности которых относится только к XIV–XV вв. Этот период Б. А. Рыбаков назвал возрождением русской культуры и связывал с ним значительное расширение ремесленной специализации в городах. Последнее свидетельствует о товарном характере городского ремесла, ориентированного на внутренний рынок — прежде всего городской округи и в границах отдельных княжеств

(земель). Такое понимание развития древнерусского ремесла, основанное на всем комплексе исторических данных, позволяет соглашаться с выводом Б.А.Рыбакова о времени разделения кожевенного и сапожного направлений.

Среди критических замечаний Д. О. Осипова есть и сомнения в том, что «найденный при раскопках на Славне “зольник” также слабо напоминает чан для золки шкур. Судя по описанию Г. Поварнина, диаметр зольника, имевшего чаще всего круглую форму, составлял примерно 2 м, а глубина чана достигает примерно полутора метров» (Осипов, 2010. С. 207–208). Следует возразить, что описанные Г. Поварнинным чаны использовались в кустарном и мануфактурном производстве не ранее XVIII–XIX вв. и их не стоит искать в кустарных мастерских средневековых городов. Напротив, все находки в кожевенных комплексах разного времени (от XI до XVII–XVIII вв.), зафиксированные в Новгороде, Полоцке, Москве, Пскове, Твери, показывают длительную традицию использования прямоугольных дощатых или срубных «чанов» в процессах обезволивания шкур. Внутри таких чанов и вокруг них всегда находят целые слои извести, перемешанной с золой и шерстью животных (Курбатов, 2010. С. 195). Отличие размеров и формы зольных чанов на мануфактурных предприятиях XVIII–XIX вв. от более ранних кустарных кожевенных можно объяснять разными режимами зольения шкур. Если в позднейшее время зольение вели в жидком растворе золы и извести, то в древнерусское время, надо полагать, приготавливали для этого достаточно густую зольно-известковую суспензию, которой шкуры поочередно намазывали. Такой способ исключал просачивание жидкости между горизонтально уложенными досками (или бревнами) и загрязнение поверхности вокруг зольника закисшим настоем. Последнее было важно для предотвращения развития болезнетворных бактерий.

Таким образом, сам факт сохранения в черте застройки деревянных зольников не следует связывать с историческим процессом разделения кожевенного и сапожного ремесел.

Выводы. Научная полемика в отношении средневекового русского кожевенного производства показывает рост интереса к теме, до недавнего времени не пользовавшейся популярностью. Все узловые исторические вопросы в ней казались решенными уже в 50–60-е гг. XX в., и количественное накопление археоло-

гического материала не могло привести к кардинально иным выводам. Новый взгляд на кожевенное ремесло стал возможным при изменении подхода к оценке источников, а состояние наших знаний определило новые задачи и методические подходы к изучению ремесла:

1. Максимально полный сбор материалов на каждом памятнике, помогающий определять назначение каждой находки.

2. Установление в археологическом контексте участков производственной деятельности кожевников, мест и способов утилизации отходов.

3. Определение назначения отдельных деталей в изделиях, реконструкция формы, техники конструирования, пошива и декора изделий с последующей систематизацией и типологией материалов.

4. Конкретизация места кожевенного ремесла в хозяйстве древнего социума в каждом городе и регионе.

Стало ясно, что научная разработка темы сегодня еще не дала ответов на широкий круг вопросов организации, технологии, техники выделки кож и пошива кожаных изделий. В свете достижений европейской и отечественной науки проблематика в изучении ремесла сегодня выглядит значительно более широкой, чем это представлялось ранее. Увеличилось число направлений изучения и вопросов, ответы на которые могут быть получены при комплексном анализе письменных и изобразительных источников, данных этнографии и археологии. Стали очевидными лакуны в археологических и письменных данных по кожевному ремеслу — и в хронологическом, и географическом плане. Не в равной степени обеспечены материалами города Восточной Европы в каждый исторический период (Киевская Русь, Ордынский, Московский) и более дробные временные диапазоны (столетия и их фазы). Сохранность древних слоев различается даже в одном городе, а тем более в городах разных регионов.

Особого внимания заслуживает оценка сырьевой базы и изучение методов выделки кож. Письменные данные о таких аспектах ремесла до XVI в. единичны, а для XVI–XVIII вв. отрывочны, выборочны и неравномерны по регионам. Этнографические сведения XIX–начала XX в. показывают местные традиции в способах выделки кож для Восточной Европы и Сибири. Но региональные и этнические особенности технологических операций выделки кож

в средние века, а также пошива изделий на сегодня не разработаны на археологическом материале (*Курбатов*, 2012. С. 3–5).

На сегодня сохраняется и определенная недоработка в археологическом подтверждении особого положения Новгорода среди других древнерусских городов в отношении товарного характера кожевенно-обувного ремесла с его преимущественной ориентацией на свободный рынок. Нет документального подтверждения, что число кожевенных и пошивочных мастерских в Новгороде до XV–XVI вв. превышает потребности жителей города и окрестных поселений. По оценке Б. А. Колчина, на территории 18 усадеб, открытых на Неревском раскопе, чаще других ремесел фиксируется деятельность кожевников. «Только одних мастерских (то есть производственных построек с инвентарем) вскрыто восемь. Кроме того, топографическое размещение находок, связанных с сапожным ремеслом (колодки, правила и модели — более 300 штук, сапожные ножи — более 30, стальные шилья — более 40, сапожные гвозди и огромное скопление обрезков кожи), позволяет говорить о деятельности не менее 30 сапожников, работавших, вероятно, непосредственно в своих жилищах. Изучено и несколько мастерских кожевников. Надежным признаком этого ремесла служат зольники (их на раскопе вскрыто несколько, иногда даже с обрывками шкур домашних животных)» (*Колчин*, 1964. С. 7).

Эти выводы Б. А. Колчина требуют комментария к каждому признаку.

1) Можно заметить, что многочисленность мастерских только кажущаяся, поскольку все они относятся к разным строительным горизонтам и согласно полученным дендродатам и другим датирующим признакам функционировали с XI до рубежа XIV/XV вв. (*Колчин*, 1956, рис. 51). Для отдельных строительных периодов, протяженностью примерно в 20 лет, здесь функционировало не более одной-двух мастерских. Если учитывать постоянное жительство и работу мастеров кожевенной специальности именно в этом районе города, на что специально указывает Б. А. Колчин, можно предполагать незначительное число кожевников и сапожников в других городских концах. Таким образом, численность единовременно действовавших кожевников и сапожников в пределах Неревского раскопа представляется минимальной, достаточной только для удовлетворения обиходных потребностей самих новгородцев.

2) Не во всех случаях скопления кожаных предметов следует считать признаком кожевенной деятельности на этом участке. Например, в Ивангороде, Твери и Пскове открыты случаи выбрасывания отходов от раскроя кож, пошива и перешивания кожаных изделий на временно пустующие участки городской территории (*Курбатов*, 1997б. С. 284; 2004. С. 32–33; *Курбатов*, *Харлашов*, 2004. С. 139).

3) Не всегда маркерами производственной деятельности надо считать находки инструментов или приспособлений, относимых к оснащению кожевника. В частности, находимые в Новгороде во множестве деревянные обувные колодки были нужны не только, и не столько, самим обувщикам «для обивания готовой обуви», сколько потребителям — для просушки обуви после ношения (*Курбатов*, 2009б. С. 296).

4) При разбрасывании отходов от раскроя кож на площади двора, надо полагать, ими засыпали прежде всего пониженные и наиболее сырые участки, где кожа могла лежать ниже уровня постройки данного строительного горизонта. При археологических раскопках по пластам эта прослойка кожи могла быть совмещена по уровню с горизонтом нижележащих строений или даже с постройками, перекрывающими данный строительный горизонт, «просевшими» в слое за несколько столетий. Таким образом, может создаваться впечатление длительного существования кожевенной пошивочной мастерской на протяжении нескольких строительных горизонтов.

Кроме Неревского раскопа археологические исследования в Новгороде привели к открытию относительно небольшого числа ремесленных дворов кожевников. На Кировском раскопе в слоях XIV в. на усадьбе «В» отмечена определенно только одна кожевенная мастерская 20–40-х гг. XIV в. и предположительная мастерская на усадьбе «А» первой половины XIV в. (*Колчин*, *Рыбина*, 1982. С. 199, 211, 222; *Рыбина*, 1978. С. 119). В раскопе 1938 г. у Спасской башни Новгородского кремля были открыты два кожевенных комплекса XVI в. (*Строков и др.*, 1939. С. 10). Исследования 1979–1981 гг. на Нутной улице открыли 24 яруса застройки и мостовых. На боярских усадьбах были две ремесленные мастерские, в том числе большая кожевенная, где работали сапожники, рукавичники, сумочники, калитники, ремесленники. Этот вид ремесла здесь исследователи считают традиционным для XIII–XV вв. (*Колчин*, *Янин*,

1982. С. 50; Янин и др., 1983. С. 39; Гайдуков, 1992. С. 110). На Козьмодемьянском раскопе в Неревском конце крупные скопления кожаных обрезков встречены на уровне 14-го и 15-го пластов. Основная масса их полукругом окаймляла сруб № 5 из 1-го строительного горизонта (вторая половина XI—первая половина XII в.), где, вероятно, и была мастерская кожевника (Хорошев, 1982. С. 247–250). На Дмитриевском раскопе (Неревский конец), в углу постройки 2-го строительного яруса (XIV в.) на усадьбе «А», стояла бочка с остатками дегтя, а вокруг лежали около 1500 обрезков кожи и волосы. Предполагается, что бочка могла служить чаном для вымачивания или дубления кож (Там же. С. 262–263). Зольники со скоплениями шерсти найдены на усадьбах «Б» и «В» Посольского раскопа 1999 г. (Славенский конец), разбитого недалеко от раскопа А. В. Арциховского 1932–1937 гг. Открытые комплексы сложились в 40-х гг. XIV в. Среди массовых категорий находок свыше трети составляли предметы из кожи, среди которых преобладали подошвы и детали верха сапог. Считается, что на открытых усадьбах жили и работали кожевники (Тарабардина, 2000. С. 27–29). На Ярославовом Дворище в раскопе 1946 г. были открыты сооружения XII в. Один из срубов, к которому с южной стороны примыкал зольник, мог принадлежать кожевнику, занимавшемуся обработкой кож и пошивом обуви. В раскопе 1948 г. на том же месте была открыта еще одна сапожная мастерская XII–XIII вв. (Константинова, 1959. С. 96–98, 112). На Троицком XI раскопе в слоях, ограниченных по предварительной датировке 60-ми гг. XII–80-ми гг. XIV вв., внимание исследователей привлекло необычно большое скопление массовых кожаных предметов (около 104 тыс. ед. или 60 % от общего числа массового материала). Это позволило предположить существование здесь сапожного производства (Янин и др. 1997. С. 6).

В заключение изложенного можно надеяться, что развернувшаяся дискуссия по кожевенному делу будет способствовать более интенсивной научной разработке всего круга вопросов средневекового русского ремесла.

Бранденбург, 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896.

Гайдуков, 1992 — Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1992.

Города России XVI в., 2002 — Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний / Подготовила Е. Б. Французова. М., 2002.

Горская, 1994 — Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.

Греков, 1926 — Греков Б. Д. План части Новгорода конца XVII в. Л., 1926.

Доде, 2001 — Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.

Законодательные акты..., 1987 — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века / Под ред. Н. Е. Носова, В. М. Паненяха. Л., 1987.

Заозерская, 1970 — Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.

Изюмова, 1959 — Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. 2. (МИА; № 65).

Клюг, 1994 — Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485) / Общая ред. П. Д. Малыгина, П. Г. Гайдукова. Тверь, 1994.

Колчин, 1956 — Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. 1. (МИА; № 55).

Колчин, 1964 — Колчин Б. А. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962 гг.) // Средневековая археология. М., 1964 (КСИА; Вып. 99).

Колчин, 1975 — Колчин Б. А. Становление ремесла древнего Новгорода // ТД сов. делегации на III Междунар. конгр. славянской археологии (Братислава, сентябрь 1975 г.) М., 1975.

Колчин, Рыбина 1982 — Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Колчин, Янин, 1982 — Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Константинова, 1959 — Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9.

Курбатов, 1997а — Курбатов А. В. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919–1997. СПб.; Псков, 1997. Т. 1.

Курбатов, 1997б — Курбатов А. В. Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2.

- Курбатов*, 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов*, 2007 — *Курбатов А. В.* Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник. СПб., 2007.
- Курбатов*, 2008 — *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.
- Курбатов*, 2009a — *Курбатов А. В.* Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009.
- Курбатов*, 2009б — *Курбатов А. В.* Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // *Stratum plus*. 2005–2009. № 5: Русское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009.
- Курбатов*, 2010 — *Курбатов А. В.* Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. 2010. № 5: Ремесло археолога. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010.
- Курбатов*, 2011 — *Курбатов А. В.* Рабочая одежда и обувь средневековых горожан // АВ. СПб., 2011. № 17.
- Курбатов*, 2012 — *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.
- Курбатов, Харлашов*, 2004 — *Курбатов А. В., Харлашов Б. Н.* Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АиИППЗ: Материалы 50 научного семинара. Сб. статей / Под ред. В. В. Седова. Псков, 2004.
- Осипов*, 2010 — *Осипов Д. О.* К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2010. Вып. 6.
- Осипов*, 2011a — *Осипов Д. О.* К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса, 2011 г.) / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 2.
- Осипов*, 2011б — *Осипов Д. О.* К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий // АВ. 2011. № 17.
- Плетнева*, 1974 — *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния. М., 1974 (САИ; Вып. Е 4–2).
- Рабинович*, 1964 — *Рабинович М. Г.* О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964.
- Рыбаков*, 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948.
- Рыбина*, 1978 — *Рыбина Е. А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- СЛРЯ XI–XVII вв., 1987 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12.
- Смирнова*, 1999 — *Смирнова Л. И.* 1999 Проколки: Хронология и функциональное назначение // ННЗИА: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1999). Новгород, 1999. Вып. 13.
- Сорокин*, 1995 — *Сорокин А. Н.* Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995 (Архив архитектуры, VI. Новгородские древности, вып. 2).
- Сорокин*, 1998 — *Сорокин А. Н.* Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Строков и др.*, 1939 — *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 5.
- Тарабардина*, 2000 — *Тарабардина О. А.* Работы на Посольском раскопе в Новгороде в 1999 г. // ННЗИА: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 25–27 января 2000 г.). Великий Новгород, 2000. Вып. 14.
- Федоров и др.*, 2011 — *Федоров В. М., Матехина Т. С., Осипов Д. О.* К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Записки ИИМК РАН. СПб., 2011. № 6.
- Хорошев*, 1982 — *Хорошев А. С.* Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Чечулин*, 1889 — *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
- Янин*, 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.
- Янин и др.*, 1983 — *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1981 г. М., 1983.
- Янин и др.*, 1997 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н.* Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1996 г. // ННЗИА: Материалы науч. конф. (Новгород, 28–30 января, 1997 г.). Новгород, 1997. Вып. 11.
- Янин, Колчин*, 1978 — *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- Rybina* 2001 — *Rybina Elena A.* Die Funde als Spiegel des Lebens Alltag im mittelalterlichen Novgorod // Studien zurhichte und Archaeologie der Ostseegebiete. Wachholtz, 2001. Bd 1.

Disputable Problems in Studies of the Leather Craft in Mediaeval Russia**A. V. Kurbatov**

Recently, among Russian archaeologists, a certain interest has been aroused in studies of mediaeval Russian leather-working craft. The present paper is dedicated to analysis of D.O. Osipov's critics concerned with this problem. Two groups of the critic notes are discussed: 1) attribution of leathern objects among archaeological finds, and 2) historical and cultural conclusions concerned with Ancient-Russian leather-dressing. The author hopes that the discussion started up will be helpful for deeper studies of the entire scope of problems of mediaeval Russian crafts.

Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы

Е. И. Гак, Р. А. Мимоход, А. А. Калмыков¹

Введение. Среди выплавлявшихся в древности металлов сурьма считается малораспространенным, и в историко-металлургических реконструкциях ей не отводится значимого места. Действительно, во многих регионах Старого Света артефакты из металлической сурьмы — очень редкое явление.² Кавказ с прилегающим югом Восточной Европы резко выделяется на этом фоне частотой упоминания сурьмяных изделий в составе инвентаря памятников, относящихся к самым разным культурным образованиям эпохи раннего металла. Время и причины, источники и масштабы распространения металлической сурьмы, технологии и сфера ее применения в кавказско-восточноевропейской зоне — все эти вопросы до сих пор не рассматривались в комплексе. Кроме того, сомнения в достоверности вызывают практикуемые отечественными археологами визуальные определения сурьмы, базирующиеся на субъективных, порой ошибочных представлениях о ней и просто заблуждениях.³ Естественно, что такие дан-

ные не могут служить фактической основой для решения обозначенных вопросов, тем более, когда речь идет о начальных этапах освоения сурьмы как производственного материала.

Обратившись к проблеме появления, распространения и использования сурьмы у населения бронзового века Кавказа и Восточной Европы, мы ставили перед собой несколько задач: 1) собрать сведения о находках изделий из сурьмы, как предполагаемой, так и выявленной аналитическими методами; 2) провести рентгено-флуоресцентное изучение металла серии предположительно сурьмяных вещей из доступных коллекций; 3) предпринять комплексный анализ и сопоставление собранных данных; 4) выделить локальные и культурно-хронологические особенности использования сурьмы в разных регионах, проследить динамику процесса ее распространения; 5) выяснить причины возникновения сурьмяного производства и, опираясь на технологические показатели, уточнить его специфику. Источником исследования являются материалы погребальных комплексов, которые при известной ограниченности своих информативных возможностей позволяют на комплексной основе решать

покрытые серо-фиолетовыми окислами, по цвету напоминающими сурьмяную патину (Синицын, Эрднеев, 1966. С. 21–22, 110; Эрднеев, 1970. С. 12; Синицын, 1978. С. 14; Ошаев, 1982. С. 31, и др.). Эти украшения получены ковкой и изгибанием прутка, что невозможно применительно к сурьме (о причинах см. ниже). К тому же спектральный анализ металла аналогичных подвесок, покрытых точно такой же патиной, указывает на загрязненное примесями серебро.

¹ Гак Е. И. Россия, 109012, Москва, Красная пл., 1. Государственный Исторический музей, Отдел комплексных историко-археологических исследований.

Мимоход Р. А. Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН, Отдел охранных раскопок.

Калмыков А. А. Россия, 355000, Ставрополь, пр. К. Маркса, 56. ГУП «Наследие».

² Последняя сводка древнейших находок из сурьмы приведена в работе А. Шортланда (*Shortland*, 2002).

³ Как пример ошибочного визуального определения металла можно привести височные кольца-подвески,

вопросы историко-производственного плана. Объекты исследования — декоративные изделия, украшавшие различные части тела и одежду погребенных.

Характеристика сурьмы и вопросы ее использования в древности. Прежде чем перейти к существу темы, имеет смысл кратко охарактеризовать свойства и особенности сурьмы, а также обсудить мнения о начале ее использования, отраженные в иностранной и русскоязычной литературе.

Сурьма — химический элемент № 51 пятой группы в таблице Менделеева. Этот металл в силу его физических и химических свойств иногда соотносят с полуметаллами, поскольку, в отличие от большинства металлов, сурьма очень хрупка, легко раскаляется, стирается в порошок и не поддается ковке.

Самый распространенный в природе минерал сурьмы — сурьмяной блеск (он же антимонит, он же стибнит), содержащий до 70% сурьмы. Другие сурьмяные руды, как и самородная сурьма, редко встречаются в природе и индивидуальны по содержанию металла. Стибнит характеризуется металлическим блеском и игольчатым строением. Из него можно легко получить сурьму в условиях низкотемпературного нагрева. При прокаливании на воздухе до $t\ 630^{\circ}\text{C}$ стибнит начинает окисляться, быстро взаимодействует с древесным углем, но не испаряется, как, например, токсичный мышьяк. В результате выделяется металлическая сурьма, загрязненная примесями, присутствовавшими в исходной руде. В разных состояниях сурьма проявляет несколько полезных свойств, из которых наиболее важными для нас являются следующие два: 1) сурьма сравнительно легко вводится в состав сплавов и тем самым увеличивает твердость других металлов; 2) расплав сурьмы расширяется при затвердевании, что позволяет производить литье в формах сложной конфигурации и получать очень четкие отпечатки (Сурьма, 1977). Эти свойства были эмпирически распознаны задолго до начала промышленного использования сурьмы.

В иностранной литературе широко распространено мнение о том, что выплавка сурьмы из руд началась с эпохи средневековья (Лукас, 1958. С. 308–316). В ряду древнейших освоенных металлов сурьма не рассматривалась. Редкие факты обнаружения в Месопотамии и Египте предметов из нее, относящихся к II–I тыс. до н. э., объяснялись использованием са-

мородков (Moorey, 1999. Р. 341). Информация о древних выработках месторождений сурьмы и находках сурьмяных изделий на Кавказе, просачивавшаяся в зарубежные издания (Virchow, 1884; 1887; Selimkhanov, 1975; Chernykh, 1992), долгое время не вызывала интереса западных специалистов по археометаллургии. Лишь недавно кавказские материалы привлекли к себе внимание А. Шортланда в связи с результатами детального исследования литой сурьмяной бусинки из низки украшений в одном из погребений на поселении Jerablus Tahtani вблизи Кархемиша, Сирия (Shortland, 2002). Анализируя известные ему даты древних кавказских рудников и местных памятников с сурьмой в сопоставлении с датами погребения в Jerablus Tahtani (2500–2300 до н. э.), А. Шортланд пришел к выводу о зарождении сурьмяного литья на Кавказе в эпоху средней бронзы и последующем проникновении сурьмы с его территории на Ближний Восток (Ibid. Р. 3–5).

В русскоязычной литературе вопросы использования сурьмы в бронзовом веке никогда подробно не обсуждались. Украшения из нее в кавказских и восточноевропейских памятниках воспринимались как явление широко распространенное и надкультурное. Происхождение сурьмы традиционно связывалось с Кавказом, начиная с А. П. Круглова, который первым из отечественных исследователей дал ей развернутую оценку, опираясь на материалы Хорочоевского могильника в Дагестане (Круглов, 1958. С. 82).

Интерес к сурьмяным украшениям возрос после того, как выяснилось, что некоторые из них могут служить хронологическими индикаторами памятников позднего бронзового века (далее — ПБВ). Применительно к Северному Кавказу была прослежена связь сурьмяных изделий с протокобанскими, каякентско-хорочоевскими и непосредственно предшествующими им памятниками. Близким временем определялась хронология закавказских памятников с сурьмой, хотя подчеркивалось своеобразие изделий Закавказья в сравнении с изделиями, обнаруженными севернее Кавказского хребта (Скаков, 2001; 2003). Для степной и лесостепной зон Восточной Европы была установлена принадлежность найденных там сурьмяных украшений и литейных форм с негативами аналогичной конфигурации к поздеабашевским, покровско-раннесрубным и развитым срубным памятникам (Литвиненко, 1996; Луньков, Лунькова, 2005. С. 156–157; Малов, 2005. С. 11–12).

Эта схема разрабатывалась на основе гипотетических оценок материала украшений. Впрочем, имевшиеся на тот момент точечные аналитические определения (*Virchow*, 1884. S. 127; *Круглов*, 1958. С. 82, табл. 5; *Костюченко*, 1959. С. 120; *Котович*, 1959. С. 138; *Черных*, 1970. С. 129, 132; *Selimkhanov*, 1975) не противоречили ей, а скорее дополняли впечатление культурно-географического разброса как самих сурьмяных изделий, так и мест их производства. Вместе с тем находки, позволявшие об этом говорить, по конкретным территориям распределялись далеко не равномерно. В частности, они были совершенно неизвестны в предкавказской степной зоне, являющейся своего рода буфером между Северным Кавказом и регионами юга Восточной Европы, где комплексы с сурьмяными украшениями считаются обычными. Наличие такой лакуны долгое время не имело никаких объяснений.

Определенная ясность наступила с выделением в степном Предкавказье пласта курганных памятников финальной стадии среднего бронзового века (далее — СБВ) и проведением специального анализа их металла, среди которого оказались украшения из сурьмы (*Гак, Мимоход*, 2009). Напомним, что предкавказские памятники финала СБВ представлены лолинской культурой, локализованной в Северо-Западном Прикаспии, и родственной ей кубанской группой, чья территория охватывает Западное Предкавказье (*Мимоход*, 2006; 2007). Эти группы входят в обширный блок посткатакомбных культурных образований, который сформировался в Восточной Европе после распада катакомбной общности (*Мимоход*, 2005). Представительная серия калиброванных радиоуглеродных дат лолинской культуры и кубанской группы позволяет датировать время их существования в пределах XXII—XVIII вв. до н. э. (*Мимоход*, 2010г).

Результаты аналитических исследований. Сурьма в инвентаре предкавказских степных памятников была выявлена благодаря рентгеноспектральному исследованию небольшой серии украшений, материал которых оценивал-

ся авторами раскопок крайне неоднозначно (*Гак и др.*, 2008). В дальнейшем отбор на анализ предметов аналогичного облика производился из доступных коллекций в более широком территориальном диапазоне. После обработки архивных данных и просмотра инвентаря нескольких сотен памятников эпохи бронзы в аналитическую выборку вошел 31 предмет из 29 погребений 16 могильников. Основная масса объектов анализа представляет лолинскую культуру степного Предкавказья.

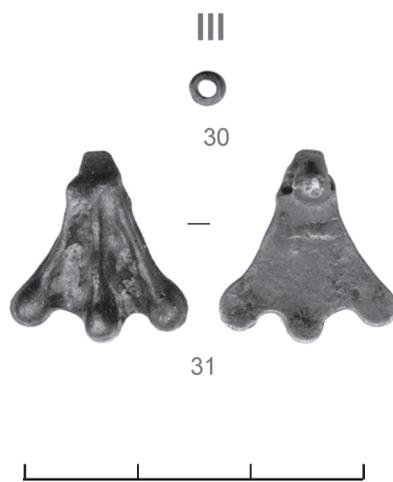
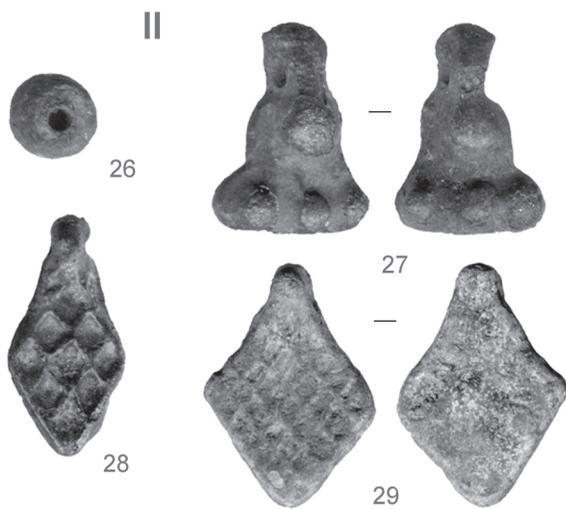
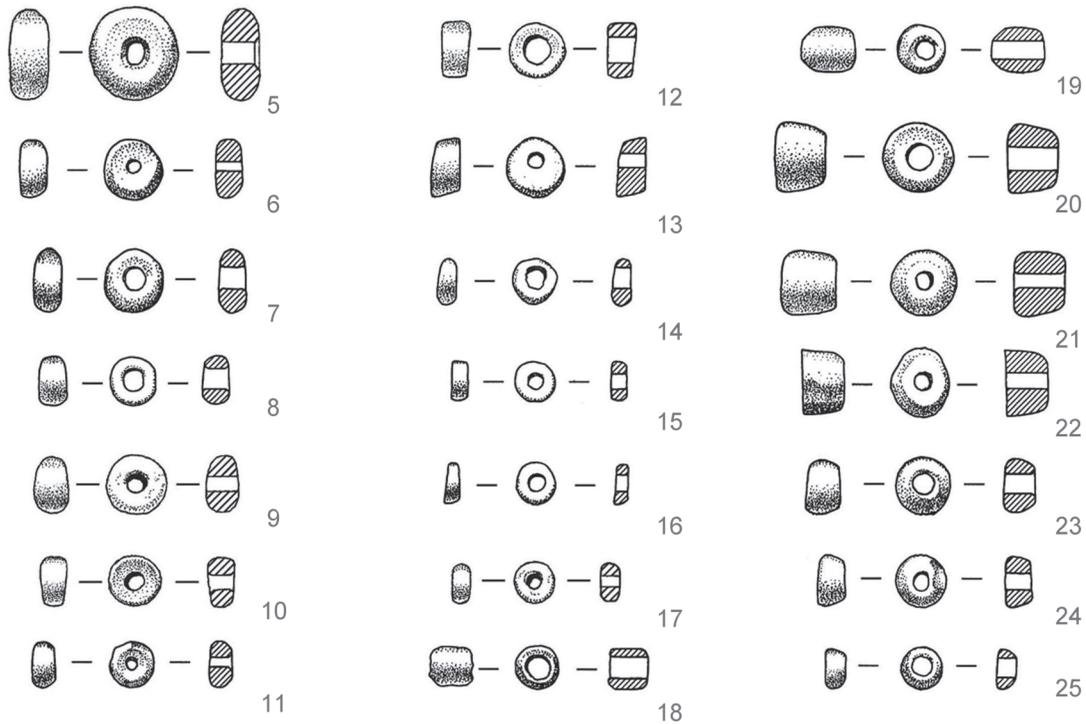
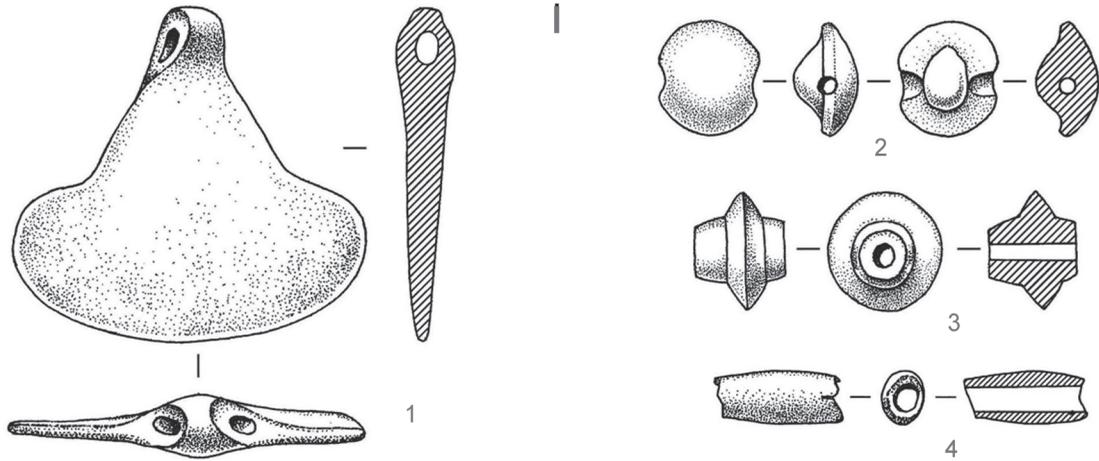
Изучавшиеся вещи являлись деталями наборных ручных и ножных браслетов. Большинство украшений было покрыто плотной светлой серо-коричневой коркой, сильно мешавшей идентификации материала, в связи с чем авторы раскопок называли их «пастовыми», «каменными» или «известковыми». Иногда в отношении находок с патинированной поверхностью тускло-серого оттенка в отчетах можно встретить осторожное определение — «белый металл». Лишь в редких случаях и при отсутствии всяких окислов украшения именовались «сурьмяными».

В составе аналитической выборки украшений из лолинских погребений преобладают плоский бисер и небольшие бусы простых форм — дисковидной, цилиндрической, усеченно-конической. Бисерины имеют диаметр 0,3–0,4 см. Диаметр бусин колеблется в пределах 0,5–0,8 см. Диаметр канала у тех и других 0,1–0,2 см. В выборку также попала крупная цилиндрическая бусина длиной 0,8 см с массивным поперечным валиком, по форме напоминающая колесо со ступицей. Из других категорий лолинских украшений исследованы плоская секировидная подвеска с ушком, бляшка-пуговица с округлым щитком, трубчатая пронизь длиной 1 см с утончающимися неровными торцевыми краями.

Проанализированные изделия Северного Кавказа представлены дисковидной бусиной диаметром 0,6 см, плоской ромбической подвеской с решетчатым орнаментом и лапчатой рельефно-двусторонней подвеской. Все они найдены в разрушенных погребениях Дигории

Рис. 1. Объекты рентгено-флуоресцентного анализа металла из погребений: I — степное Предкавказье; II — Северный Кавказ; III — лесостепное Подонье.
№ даны по табл. 1

Fig. 1. Samples for X-ray-fluorescence analyses of metals from burials: I — steppe Ciscaucasia; II — Northern Caucasus; III — forest-steppe Don region.
The numbers correspond to Table 1

и, по всей вероятности, относится к протокобанской эпохе. Кроме них анализу подверглась ромбическая подвеска из каменного ящика каякентско-хорочоевской культуры, открытого вблизи дагестанского г. Каякент. Два изделия (бисерина и лапчатая подвеска с плоской оборотной стороной) происходят из погребений начала эпохи поздней бронзы лесостепно-

го Подонья, относимых к кругу памятников покровского типа (рис. 1, табл. 1).

Определения химического состава выполнялись в рентгеноспектральной лаборатории геологического факультета МГУ Р. А. Митояном. Корректность определений подтверждена результатами дублирующего исследования нескольких случайно выбранных предметов, про-

Таблица 1. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа металла украшений эпохи бронзы с территории степного Предкавказья (1–25), Северного Кавказа (26–29) и лесостепного Подонья (30, 31)

Table 1. Results of X-ray fluorescent analysis of the metal of Bronze Age ornaments from the steppe Cis-Caucasia (1–25), northern Caucasus (26–29) and forest-steppe Don region (30, 31)

№ на рис. 1	Могильник, погребение	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni
1	Золотаревка-3 9/13	1,46	–	–	–	–	96,54	0,28	1,08	0,65
2	Кунаковский-2 1/1	1,87	–	–	–	–	96,2	0,46	0,88	0,59
3	Ульяновский-1 3/5	–	–	–	–	–	98,35	0,23	0,72	0,7
4	Золотаревка-3 9/13	–	–	–	–	–	98,78	0,12	1,1	–
5	Николаевский-3 2/6	–	–	–	–	–	98,36	–	0,89	0,75
6	Николаевский-3 1/4	–	–	–	0,48	–	96,2	0,25	3,07	–
7	Николаевский-3 1/3	–	–	2,52	–	0,09	94,13	0,46	2,8	–
8	Вавилон-2 6/6	–	–	–	0,9	–	94,19	0,48	4,43	–
9	Ульяновский-1 1/7	–	–	–	–	–	97,73	0,12	1,33	0,82
10	Кунаковский-2 2/9	–	0,11	–	–	4,5	93,08	0,27	1,46	0,57
11	Георгиевский-3 1/3	–	–	–	0,2	–	97,11	0,24	2,15	–
12	Николаевский-3 2/6	–	–	–	–	–	98,08	–	1,19	0,73
13	Золотаревка-1 23/1	–	–	–	0,18	–	98,2	0,13	1,49	–
14	Золотаревка-3 6/3	–	–	–	0,44	–	96,51	0,31	2,75	–
15	Золотаревка-1 26/9	–	–	–	0,86	–	94,89	0,14	4,12	–
16	Иноземцево-1 7/3	–	–	–	0,38	–	97,22	0,11	2,3	–
17	Ульяновский-1 1/7	–	–	–	–	–	97,97	–	1,21	0,82
18	Невинномысский-1 3/2	–	–	–	0,31	–	97,52	0,09	2,09	–
19	Золотаревка-3 9/6	–	–	–	–	–	98,28	0,14	1,58	–
20	Невинномысский-1 2/2	–	–	–	–	–	97,02	0,05	2,93	–
21	Птичьё-3 6/8	–	–	–	–	–	98,59	0,1	1,31	–
22	Красногвардейский к/7	–	–	–	0,15	–	98,58	0,11	1,16	–
23	Кунаковский-2 3/3	–	–	–	0,18	0,24	97,52	0,13	1,93	–
24	Сенгилеевский-1 9/2	–	–	–	0,16	–	97,41	0,2	2,23	–
25	Невинномысский-1 3/5	–	–	–	0,48	–	95,43	0,11	3,98	–
26	Фаскау, разруш. погр.	3,54	–	–	–	–	96,18	0,28	–	–
27	Фаскау, разруш. погр.	4,62	–	–	–	–	95,1	0,28	–	–
28	Верхняя Рутха, погр. 3	0,52	–	–	–	–	99,4	0,08	–	–
29	Каякент, п. 16	0,41	–	–	–	–	99,38	0,21	–	–
30	Высокая Гора 1/3	1,09	–	–	–	–	98,91	–	–	–
31	Шкарин 1/1	76,07	–	–	–	0,13	23,47	0,33	–	–

Под № приведены следующие изделия:

1 – подвеска секировидная; 2 – бляшка-пуговица от браслета; 4 – пронизка; 27, 31 – подвески лапчатые; 28, 29 – подвески ромбические. Остальное – бусы и бисер.

водившегося В. Ю. Луньковым в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.⁴

В отношении 30 предметов рентгено-флуоресцентный анализ однозначно установил, что они изготовлены из металлической сурьмы. Одна вещь — лапчатая подвеска из покровского комплекса Шкарин на Среднем Дону (*Пряхин, Матвеев, 1993. Рис. 2, 7–13*) — оказалась выполненной из бинарного медного сплава с добавкой сурьмы, содержание которой зафиксировано на уровне 23,47 %. Надо сказать, что от других предметов аналитической выборки это изделие отличается коричневато-золотистым оттенком поверхности, что, вероятно, заметили и авторы раскопок комплекса, называющие найденные украшения бронзовыми (Там же. С. 34). К сурьмяным данные подвески были причислены позже, на основании морфологического сходства с кавказскими украшениями (*Литвиненко, 1996; Луньков, Лунькова, 2005*).

Основой металла всех других проанализированных изделий является сурьма с содержанием от 93,08 до 99,4 %. Столь высокие показатели не оставляют сомнений в том, что мы имеем дело с достаточно чистым металлом, полученным непосредственно из сурьмяного минерала. Заметное присутствие меди у бусины и

лапчатой подвески из Фаскау (3,54 % и 4,62 %), серебра (4,5 %) и железа (до 4,43 %) у нескольких лолинских бисерин и бусин в данном случае считается нормальным. Как известно, суммарная доля естественных рудных примесей в выделенной металлической сурьме может достигать нескольких десятков процентов (*Сурьма, 1977*).

Сурьма выявленная и предполагаемая: ареал, типы, культурно-хронологический контекст находок. Получив аналитические данные, мы провели картографирование пунктов находок выявленной сурьмы. На карту были также нанесены памятники эпохи бронзы с упоминающимися в литературе сурьмяными украшениями, как прошедшими аналитическую проверку, так и определявшимися сугубо по внешним признакам. Сводка находок в степном Предкавказье является практически исчерпывающей. Для других регионов она вряд ли может считаться таковой, учитывая рассеянность информации по отчетам и публикациям, часть которых не была нам доступна. Тем не менее представляется, что эта сводка в целом отражает ситуацию с распространением сурьмяных изделий в каждом из рассматриваемых ниже регионов (рис. 2, табл. 2).

Таблица 2. Археологические памятники Восточной Европы и Кавказа с сурьмяными изделиями

Table 2. Archaeological sites of Eastern Europe and the Caucasus with finds of antimony artefacts

№ на рис. 2	Паспортные данные	Культурн. атрибуция / датировка памятника	Предметы	Источник информации
Сурьма, выявленная аналитическими методами				
1	КМ Георгиевский-3 1/3	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	<i>Лычагин, 2004. Отчет</i>
2	КМ Иноземцево-1 7/3	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	<i>Березин, 2001. Отчет</i>
3	КМ Ульяновский-1 1/7, 3/5	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер, бисер	<i>Лычагин, 2005. Отчет</i>
4	КМ Николаевский-3 1/3, 1/4, 2/6	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	<i>Лычагин, 2005. Отчет</i>
5	КМ Кунаковский-2 1/1, 2/9, 3/3	лолинская к-ра / финал СБВ	бляшки-пуговицы, бисер	<i>Матюхин, 2006. Отчет</i>
6	КМ Невинномысский-1 2/2, 3/2, 3/5	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	<i>Матюхин, 2006. Отчет</i>
7	КМ Сенгилеевский-7 9/2	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	<i>Лычагин, 2007. Отчет</i>
8	КМ Птичьё-3 6/8	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	<i>Березин, 2000. Отчет</i>

⁴ Выражаем признательность Р. А. Митояну и В. Ю. Лунькову за выполнение анализов.

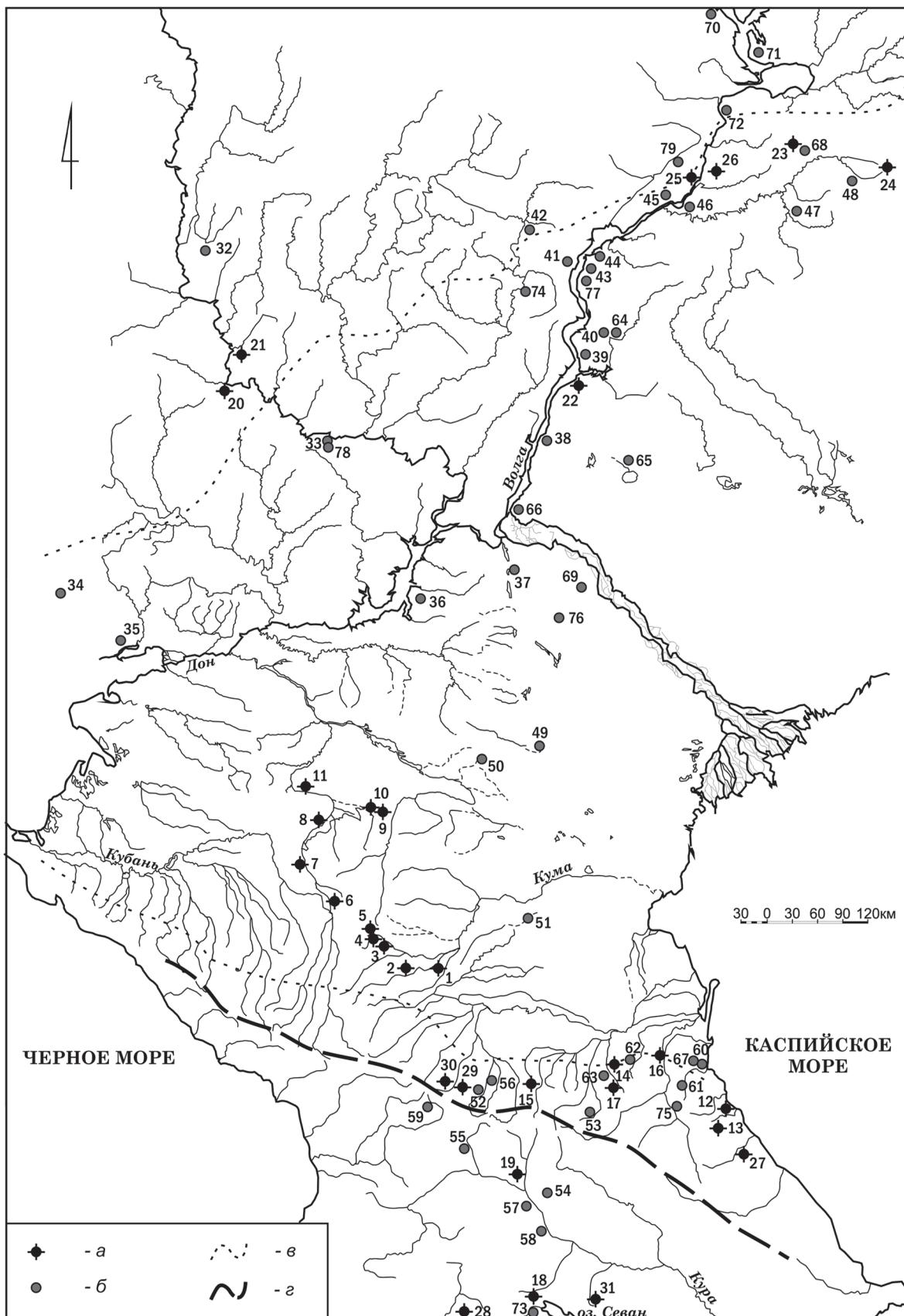
Продолжение табл. 2. Археологические памятники Восточной Европы и Кавказа с сурьмяными изделиями
Table 2. Archaeological sites of Eastern Europe and the Caucasus with finds of antimony artefacts

№ на рис. 2	Паспортные данные	Культурн. атрибуция / датировка памятника	Предметы	Источник информации
9	КМ Вавилон-2 6/6	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	Фонды ГУП «Наследие»
10	КМ Золотаревка-1 23/1, 26/9	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	Калмыков, 2008. Отчет
	КМ Золотаревка-3 6/3, 9/6, 9/13	лолинская к-ра / финал СБВ	подвеска секировид., пронизь, бисер	Бабенко, 2003. Отчет
11	К Красногвардейский п. 7	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер	Березин, Калмыков, 1998. С. 60. Рис. 10
12	ГМ Каякент п. 16	каякент.-хороч. к-ра / начало ПБВ	подвески ромбические	ОАК, 1898. С. 149
13	ГМ Мамай-Кутан п. №1	каякент.-хороч. к-ра / начало ПБВ	подвески, бусы, пронизы, распределит.	Котович, 1959. Табл. VI, 2–5, 7, 8
14	ГМ Бельгинский пп. 18, 21, 22, 40 *пп. 4, 38	гинчинская к-ра / финал СБВ то же	бисер, пронизы, бляшки-кол- пачки *подвеска лапчатая, *подвески-рога	Виноградов, Хаше-гуль- гов, 1986. С. 9, 21; 1988. С. 78, рис. 6, 55. Скаков, 2003. С.20
15	ГМ Эгикал С. 2	гинчинская к-ра / финал СБВ	бляшка-колпачок	Марковин, 1982. Рис. 3, 16. С. 29
16	КМ Миатли XI пп.1, 2, *II к. 2	каякент.-хороч. к-ра / начало ПБВ гинчинская к-ра / финал СБВ	бусы, пронизы, *бусы	Костюченко, 1959. Рис. 23, 5, 6, 10. Марковин, 1969. С.70
17	ГМ Хорочоевский п. 2, *пп. 12, 25, 29	каякент.-хороч. к-ра / начало ПБВ то же	бляшки-пуговицы, бусы *подвески разных форм, *бусы, *бисер	Круглов, 1958. Рис. 25. С. 82
18	ГМ Редькин Лагерь	? / финал СБВ–ПБВ	подвески-медальоны, бляшки-пуговицы, подвески ромбич., ремenn. распреде- лит., накладки, бусы, бисер	Virchow, 1884. S. 127–130
19	ГМ Самтавро	? / финал СБВ–ПБВ	бусы, распределит., биволютн. подвески, *амфоровид. пронизы	Тавадзе, Сакварелидзе, 1959. Табл. XXX, 10, 11
20	КМ Высокая Гора 1/3	покровский тип пам. / начало ПБВ	бисер	Березуцкий и др., 2005. Рис. 5, 8
21	КМ Советское-2 1/5	срубная к-ра / ПБВ	бисер *подвески ромбич.	Луньков и др., 2009. № 49199. Саврасов, 1999. Рис. 3, 8–12
22	КМ Молчановка 1/7	срубная к-ра / начало ПБВ	подвески треугольные	Синицын, 1960. Рис. 35; Черных, 1970. С. 129, 132
23	КМ Кировский I 9/11	срубная к-ра / ПБВ	бисер	Зудина, Судариков, 2007. Рис. 1, 2
24	КМ Герасимовка I 11/4, 14/15, 15/6, Герасимовка III 1/3	андроновская к-ра / ПБВ		бусы Черных, 1970. С. 138, 141

Рис. 2. Пункты находок сурьмяных изделий в погребениях эпохи бронзы Кавказа и юга Восточной Европы. Условные обозначения: *a* — сурьма аналитически выявленная; *b* — сурьма предполагаемая; *v* — границы природно-географических зон; *z* — Главный Кавказский хребет.

№ даны по табл. 2

Fig. 2. Findspots of antimony objects in burials of the Bronze Age in the Caucasus and south of Eastern Europe. The numbers correspond to Table 2

Продолжение табл. 2. Археологические памятники Восточной Европы и Кавказа с сурьмяными изделиями
 Table 2. Archaeological sites of Eastern Europe and the Caucasus with finds of antimony artefacts

№ на рис. 2	Паспортные данные	Культурн. атрибуция / датировка памятника	Предметы	Источник информации
25	ГМ Алексеевский п. 29	срубная к-ра / ПБВ	пронизь	архив лаб. ест.-науч. методов ИА РАН
26	КМ Александровка 1/5	срубная к-ра / ПБВ	пронизь	архив лаб. ест.-науч. методов ИА РАН
27	ГМ Великент С. ?	? / финал СБВ ?	бисер	<i>Shortland</i> , 2002. P. 3
28	ГМ Артик п. 582 *п. 5	группа Лчашен-Мецамор / ПБВ то же	пуговица *бусы	<i>Badalyan, Avetisyan</i> , 2007. P. 69 <i>Хачатрян</i> , 1963. С. 85; <i>Мартirosян</i> , 1964. С. 108
29	ГМ Фаскау (разруш. погребения)	протокобанская / финал СБВ–ПБВ	подвеска лапчатая, бусина, булава, *застежки, *бляшки-колпачки, *бляшки 8-видные, *распределит.	ГИМ, коллекция Дзелихова
30	ГМ Верхняя Рутха п. 3	протокобанская / финал СБВ–ПБВ	подвеска ромбическая *подвески кувшин., *подвески лапчатые, *бляшки-пуговицы, *подвески биволют.	<i>Козенкова, Мошинский</i> , 1995. Рис. 2, 3
31	ГМ Кедабек	? / ПБВ ?	подвески ромбич. «кнопка»	<i>Virchow</i> , 1887. S. 335–336
	КМ Борисоглебский 2/1 ¹	позняковская к-ра / ПБВ	бусина	<i>Черных</i> , 1970. С. 144, 145
*аналитически не исследовавшиеся предметы				
Сурьма предполагаемая				
32	КМ Старая Тойда 1/2	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески ромбические	<i>Корнюшин</i> , 1971. Рис. 34, 3, 4
33	КМ Меркуловский IV 5/1, 5/2	срубная к-ра ПБВ	подвески ромбические	<i>Луньков, Лунькова</i> , 2005. Рис. 1; <i>Шарафутдинова, Житников</i> , 2011. Рис. 13, 6, 7, 15–18
34	КМ Котовский 1/2, 1/3	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески треугольные	<i>Берестнев</i> , 2001. Рис. 86, 31, с. 98
35	КМ Гаевка-Каймакчи XV 1/45	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески ромбические	<i>Ильюков</i> , 1979. Рис. 6, 2
36	К Кирпичный бугор 1/6	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески ромбические	<i>Шилов</i> , 1991. С. 37
37	КМ Цаца 7/7	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески ромбические	<i>Шилов</i> , 1985. Рис. 28, 1
38	КМ Быково IV 9/2	покровский тип пам. / начало ПБВ	бусы	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1
39	КМ Иловатка 4/2	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески: лапчат., треуг., биволютные	<i>Смирнов</i> , 1959. Рис. 8, 6
40	КМ Мурманский I 1/2	покровский тип пам. / начало ПБВ	бусы	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1
41	КМ Золотая Гора 5/8	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески ромбич., треугольные, бисер	<i>Юдин, Матюхин</i> , 2006. Рис. 20, 6, 7
42	КМ Низовка 5/3	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески ромбические	<i>Максимов, Лопатин</i> , 2007. Рис. 3, 5

¹ Самый северный известный нам комплекс с сурьмой. На карте не указан.

Продолжение табл. 2. Археологические памятники Восточной Европы и Кавказа с сурьмяными изделиями
Table 2. Archaeological sites of Eastern Europe and the Caucasus with finds of antimony artefacts

№ на рис. 2	Паспортные данные	Культурн. атрибуция / датировка памятника	Предметы	Источник информации
43	КМ Терновка 4/5, 4/8, 4/10, 4/21	покровский тип пам. / начало ПБВ	бисер дисковидный	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл.1
44	КМ Покровск, ЮВ гр. 34/1, 35/1	покровский тип пам. / начало ПБВ	бусы	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1
45	КМ Медяниково 8/24	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвески крестовидные	Луньков, Лунькова, 2005.
46	КМ Натальино II 2/1, 3/1, 4/2, 8/1, 11/1, 18/5	покровский тип пам. / начало ПБВ	бисер дисковидный	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1
47	КМ Максютково 3/7	покровский тип пам. / начало ПБВ	бусы	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1
48	К Кошкинский п. 10	срубная к-ра / начало ПБВ	бусы	Зудина, Судариков, 2007. С. 59
49	К Улан-Терге п. 8	лолинская к-ра / финал СБВ	пронизи	Рыков, 1936. С. 47
50	КМ Лолинский I 8/3,	лолинская к-ра / финал СБВ	бисер, пронизи	Синицын, Эрднеев, 1963. С. 19
51	КМ Бияш 2/5	лолинская к-ра / финал СБВ	бусина	Куйбышев, Черносивтов, 1984. Рис. 2, 6
52	ГМ Кари Цагат пп. 6 и 9	дигорская к-ра / ПБВ	подвески разные, бляшки-пуговицы, колпачки, застежки, распределители, пронизи, бусы, бисер	Скаков, 2003. С. 18–20
53	ГМ Дай п. 3	кайкент.-хороч. к-ра / начало ПБВ	подвески ромбические	Скаков, 2003. С. 18
54	ГМ Чала пп. 60, 87	? / ПБВ	подвеска ромбическая подвеска-лунница подвеска-медальон	Скаков, 2003. С. 18, 20
55	ГМ Квасатали п. 8	? / финал СБВ	бусы, бляшки-пуговицы	Джапаридзе, 1955. С. 27
56	ГМ Корца	протокобанская к-ра / финал СБВ–ПБВ	распределители	Скаков, 2003. С. 19
57	ГМ Кобальский п. 25	? / финал СБВ?	распределители	Скаков, 2003. С. 20
58	К в с. Ирганчай п. 5	триалетская? к-ра / финал СБВ	распределители	Скаков, 2003. С. 20
59	ГМ Брильский	? / финал СБВ	тип не указан	Джапаридзе, 1955. С. 27
60	КМ Манас 1/1	манасская / к-ра финал СБВ	тип не указан	Марковин, 1969. С. 69
61	ГМ Буйнакск	кайкент.-хороч. к-ра / начало ПБВ	бусы	Круглов, 1958. С. 140
62	ГМ Зандак п. 23	кайкент.-хороч. к-ра / начало ПБВ	бусы, бляшка-пуговица орнаментир.	Марковин, 1969. С. 69
63	ГМ Ведено	? / финал СБВ?	подвеска биволютная	Марковин, 1969. С. 64. Рис. 28, 18
64	КМ Мирный 1/4, 2/4	срубная к-ра / ПБВ	бисер дисковидный и рубчатый	Памятники срубной культуры..., 1993. С. 118
65	КМ Венгеловка 3/2	срубная к-ра / ПБВ	бусина цилиндр., пронизь	Памятники срубной культуры..., 1993. С. 122

Продолжение табл. 2. Археологические памятники Восточной Европы и Кавказа с сурьмяными изделиями
Table 2. Archaeological sites of Eastern Europe and the Caucasus with finds of antimony artefacts

№ на рис. 2	Паспортные данные	Культурн. атрибуция / датировка памятника	Предметы	Источник информации
65	КМ Венгеловка 3/2	срубная к-ра / ПБВ	бусина цилиндр., пронизь	Памятники срубной культуры..., 1993. С. 122
66	КМ Волжский II 1/3	срубная к-ра / ПБВ	бисер дисковидный	Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1
67	ГМ Тахиркалинский п. 5	каякент.-хороч. к-ра / ПБВ	распределитель	Скаков, 2003. С. 19
68	КМ Волчанка 6/2	срубная к-ра / ПБВ	бисер	Семенова, 2000. С. 176
69	КМ Кривая Лука V 5/12	срубная к-ра / ПБВ	бисер	Дворниченко и др., 1977. С. 56
70	КМ Новоселок 10/2	срубная к-ра / ПБВ	бисер	Иванов, Скарбовенко, 1993. Табл.
71	КМ Золотая Нива II 1/4	срубная к-ра / ПБВ	бисер	Агапов и др., 1983. Рис. 7, 1-6
72	КМ Кашпирский 11/4	срубная к-ра / ПБВ	подвески ромбические	Малов, 2005. С. 12
73	КМ Лчашен к. 1	группа Лчашен-Мецамор/ ПБВ	бусы, пронизь	Мнацакян, 1957. С. 148; Мартиросян, 1964. С. 105
74	КМ Южный 12/1	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвеска треугольная	Захариков, Цыбрий. 2009. Рис. 12
75	КМ Ирганай 1/1	гинчинская к-ра / финал СБВ	тип не указан	Магомедов, 1990. С. 41
76	КМ Большой Царан 3/6	покровский тип пам. / начало ПБВ	подвеска округлая	Цуцкин, 1977. С. 21
77	КМ Узморье 2/8	срубная к-ра / ПБВ	бисер	Памятники срубной культуры..., 1993. С. 117. Табл. VII, 5
78	КМ Савельевский 9/3	покровский тип пам. / начало ПБВ	крестовидная подвеска	Шарафутдинова, Житников, 2011. Рис. 49, 9
79	КМ Кулатка 2/4	срубная к-ра / ПБВ	бусы	Ляхов, 2009. С. 24, рис. 7, 2
	Аликемектепеси п. 79 ¹	? / финал СБВ	бусы биконические	Махмудов, 2008. Рис. 34, 5

Сокращения:

КМ – курганный могильник; ГМ – грунтовый могильник; К – одиночный курган; С – склеп.
 п. – погребение, п. п. – погребения.

² Самый южный известный нам комплекс с сурьмой. На карте не указан.

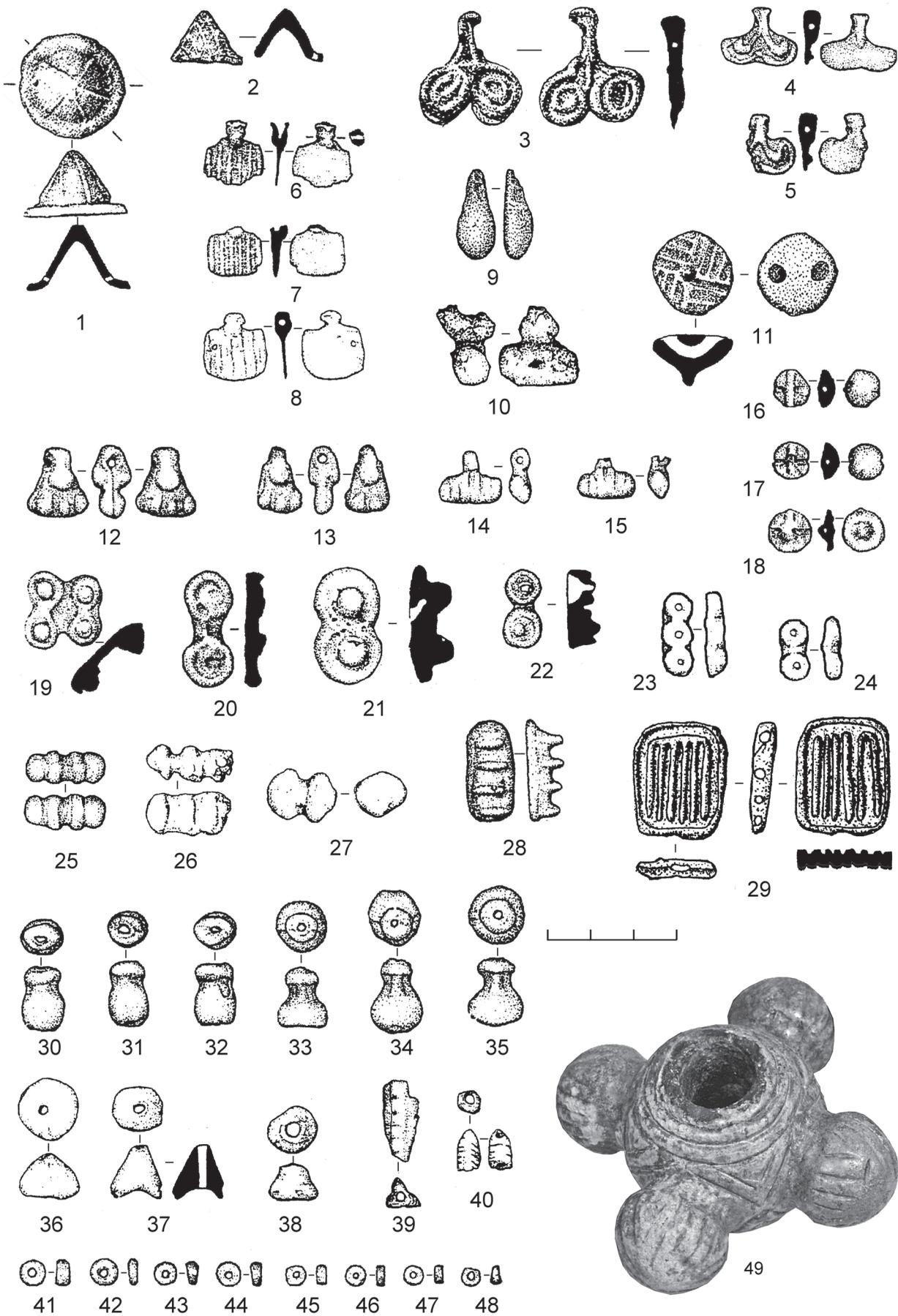
Кавказ. Наиболее компактную группу образуют памятники с сурьмой, располагающиеся в центральной и восточной части Кавказа по обе стороны Главного хребта. Они представляют несколько локальных культурных образований СБВ и ПБВ, каждое из которых характери-

зует свой типологический набор сурьмяных украшений.

Обилием и пестротой форм последних выделяются могильники горной Дигории (Кари-Цагат, Фаскау, Верхняя Рутха) (рис. 3), где типы найденных изделий из сурьмы исчисляются де-

Рис. 3. Сурьмяные изделия протокубанской эпохи из могильников Дигории: 1–48 – Кари-Цагат, Фаскау, Верхняя Рутха (Скаков, 2001. Рис. 1; 2003, Рис. 1); 49 – Фаскау, вотивная булава (Мошинский, 2005. С. 71)

Fig. 3. Antimony objects of the proto-Kuban period from burial grounds of Digoria: 1–48 – Kari-Tsagat, Faskau, Verkhnyaya Rutkha; 49 – Faskau, votive mace

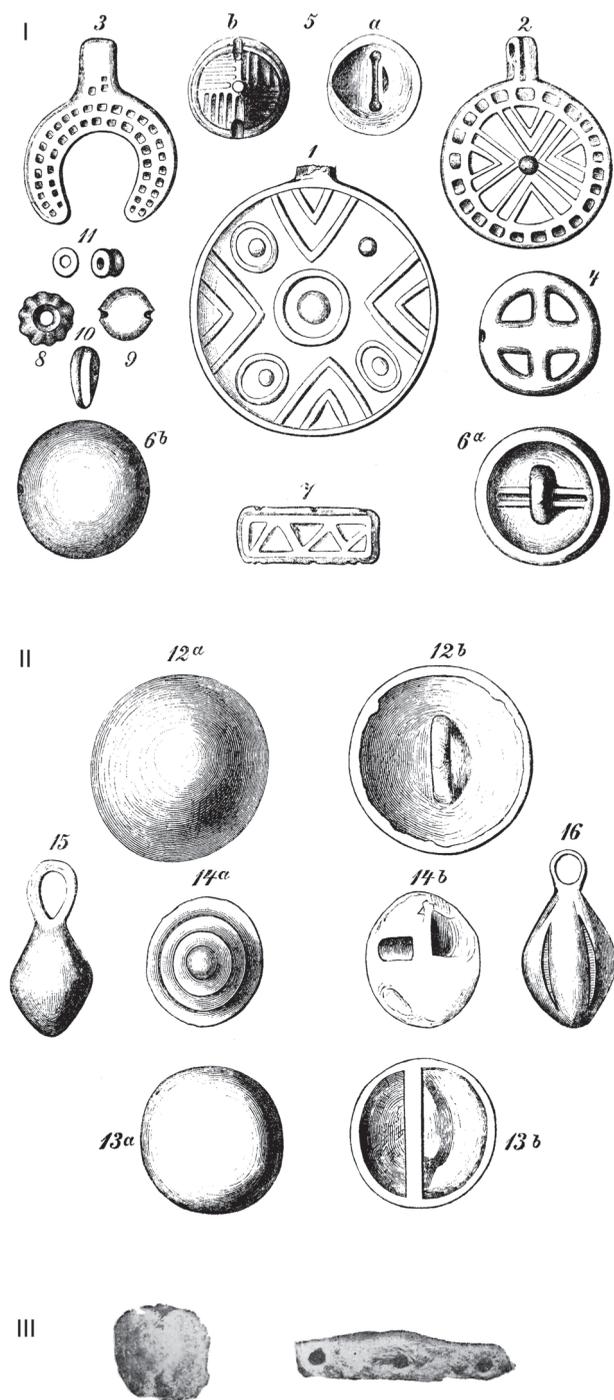

Рис. 4. Сурьмяные изделия конца средней — поздней бронзы из могильников Закавказья: I, II — Редькин Лагерь (*Virchow*, 1884. S. 129, 130); III — Самтавро (*Тавадзе, Сакварелидзе*, 1959. Табл. XXX, без масштаба)

Fig. 4. Antimony objects of the end of the middle and late Bronze Age from cemeteries of Transcaucasia: I, II — Red'kin Lager; III — Samtavro (without a scale)

сятками. В дигорский набор входят: подвески биволютные, кувшинообразные, лапчатые, лопатовидные, ромбические с решетчатым узором; бляшки-пуговицы и бляшки-колпачки, планки с сосцевидными выступами; пластинчатые распределители; застежки с перехватами; амфоровидные, удлинено-конические и трубчатые пронизки; бусы всевозможных типов (конические, цилиндрические, биконические, колечковидные); дисковидный бисер (*Скаков*, 2001. Рис. 1; 2003. Рис. 1). Все эти украшения связываются с погребениями I и II периодов протокобанской эпохи (*Скаков*, 2001. С. 234, 235; 2003. С. 20). Если соотнести периодизацию протокобанских древностей, предложенную А. Ю. Скаковым (*Скаков*, 2004), с периодизацией лолинской культуры, то можно констатировать, что Протокобан I синхронен первому этапу лолинской культуры, а две фазы Протокобана II одновременны второму и третьему ее периодам. Данные линии синхронизации устанавливаются по наличию в материалах обоих культурных образований металлических (вероятно, бронзовых) пуговиц, скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями, фаянсового трехрожкового бисера, а также благодаря перекрестным типологическим параллелям в вещевых комплексах позднегинчинской и позднеприсулакской культуры.

В соседних с Дигорией районах Закавказья, судя по материалам Квасатальского, Брильско-го, Самтаврского и других могильников (*Virchow*, 1884. S. 129; *Джанаридзе*, 1955. С. 27; *Тушишвили, Амиранашвили*, 1982, и др.), бытовали лишь некоторые из перечисленных выше типов сурьмяных украшений (биволютные подвески, бляшки-пуговицы, бляшки с сосцевидными выступами, амфоровидные пронизки, дисковидный бисер). Встреченные там и на Южном Кавказе (Редькин Лагерь) лунницы, подвески-медальоны с геометрическим орнаментом, кругло-плоские ременные распределители и пр. не находят аналогий севернее Главного хребта (рис. 4), хотя большинство известных закавказских и дигорских могильников с сурьмой, видимо, функционировали в одно время. По параллелям в вещевых комплексах некоторые закавказские памятники (Квасатали) могут быть хронологически увязаны и с погребениями лолинской культуры.

К востоку от Центрального Кавказа сурьмяные украшения встречены в погребениях гинчинской (рис. 5) и каякентско-хороцоевской

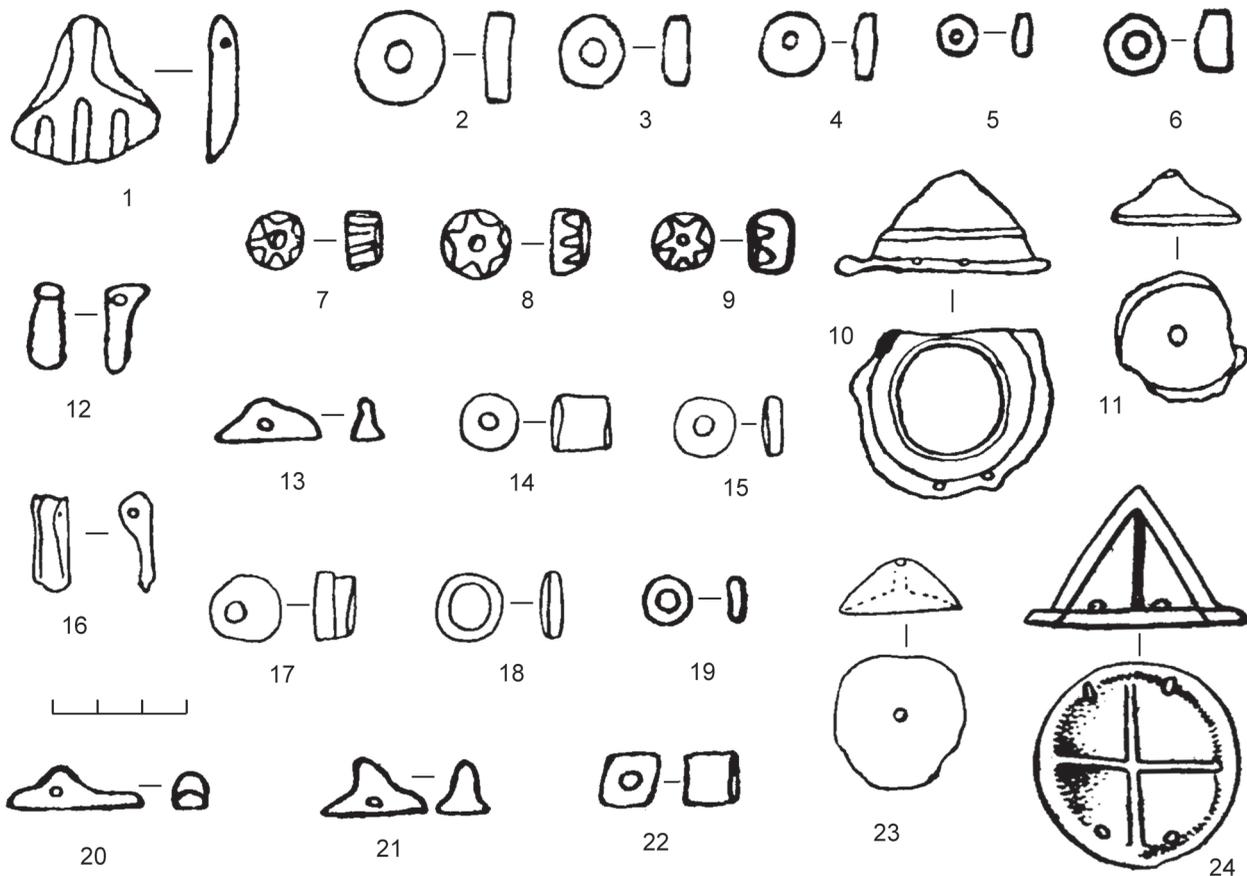

Рис. 5. Сурьмяные изделия гинчинской культуры из могильников Северного Кавказа: 1–23 — Бельтинский (Виноградов, Хашегульгов, 1988. С. 87–98); 24 — Эгикал (Марковин, 1982. Рис. 3, 16)

Fig. 5. Antimony objects of the Ginchin culture from cemeteries of the Northern Caucasus: 1–23 — Beltin; 24 — Egikal

культур (рис. 6). Памятники гинчинской культуры с сурьмой немногочисленны (Бельты, Эгикал, Ирганай). Кроме близких дигорским бляшек-колпачков, дисковидных бус и бисера они содержат специфичные типы сурьмяных украшений: подвески в виде стилизованных бараньих рогов, подвески, отдаленно напоминающие лапчатые, бусы-утюжки (Виноградов, Хашегульгов, 1988. Рис. 6, 55, 12, 46, 13, 20, 21). Важно отметить, что сурьмяное литье присутствует только в поздних гинчинских комплексах. В погребениях раннего этапа культуры изделия из сурьмы неизвестны. Показательно, что в раннегинчинском Малохарсенейском могильнике, для которого имеется представительная серия анализов состава металла украшений, не оказалось ни одного изделия из сурьмы (Марковин, 1995. Табл. 1). Поздние гинчинские памятники по находкам кольцевидно-планочных пряжек, посуды восточнокавказского облика в степных памятниках, фаянсовых бус с выступами, фигурных металлических

подвесок (в том числе сурьмяных), полусферических колпачков и т. д. уверенно синхронизируются с посткатакомбными культурными образованиями: первым и вторым этапами лонинской и бабинской культур, а также с криво-луцкой культурной группой (Мимоход, 2007. С. 153; 2010б. С. 248; 2010в. С. 159; Литвиненко, 2010).

По сравнению с гинчинским комплекс каякентско-хорочоевских украшений из сурьмы отличается большим морфологическим разнообразием и включает типы, распространенные за пределами ареала каякентско-хорочоевской культуры (бляшки-пуговицы; ромбические, биволютные, лапчатые подвески; застежки с перехватами, пронизи; бусы и бисер простых геометрических форм). В погребениях только этой культуры найдены прямоугольные рифленые подвески (Мамай-Кутан), подвеска-медальончик с рельефным перекрестием, продолговатые подвески с выступами и циркульным орнаментом на лицевой стороне (Хорочой),

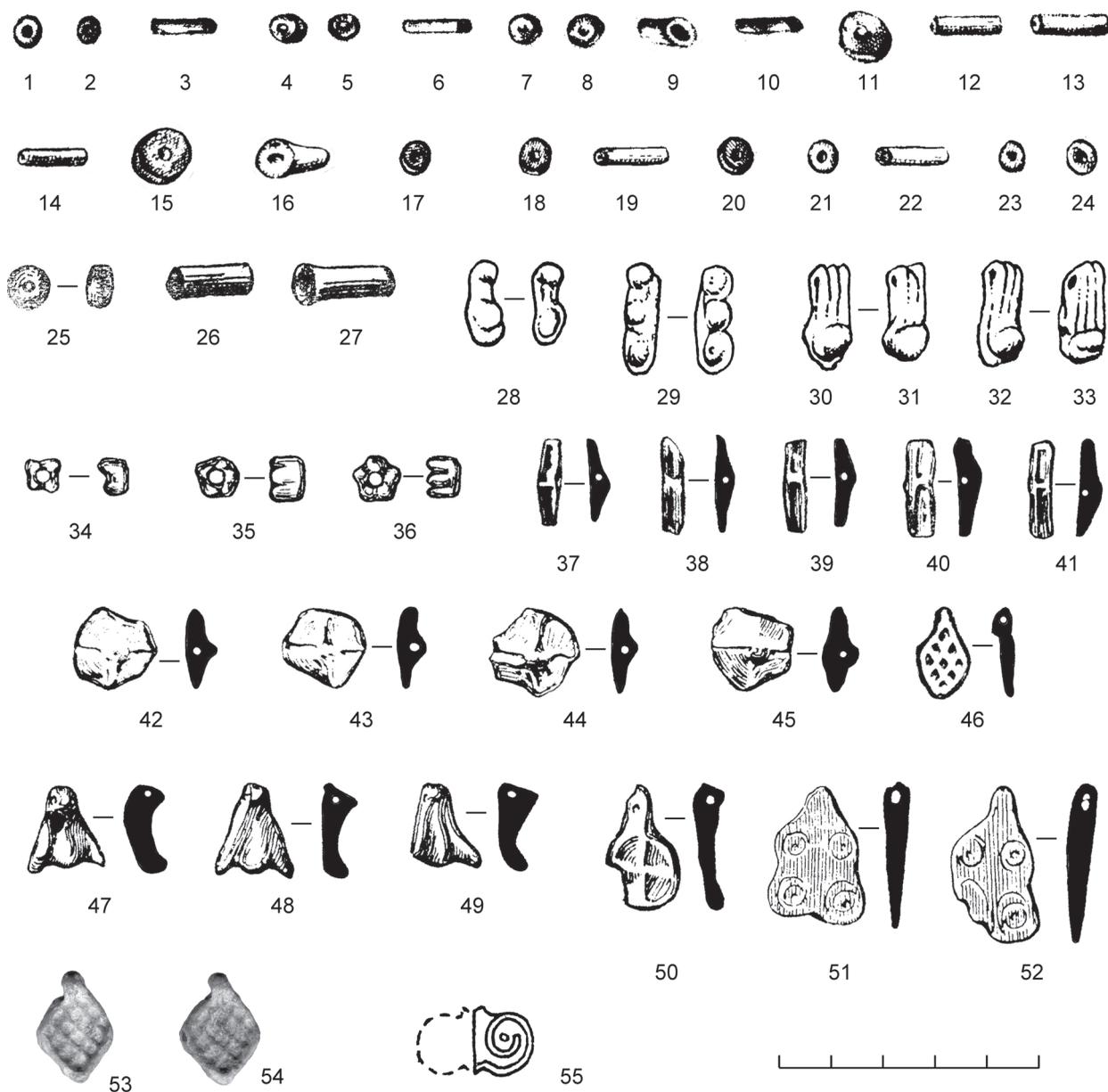

Рис. 6. Сурьмяные изделия каякентско-хорочоевской культуры из могильников Северного Кавказа: 1–24 — Миатли (Костюченко, 1959. Рис. 23, 5–7, 10); 25–33 — Мамай-Кутан (Котович, 1959. Табл. VI, 2–5, 6, 7); 34–52 — Хорохой (Круглов, 1958, рис. 25, 13–20); 53–54 — Каякент (ОАК, 1898. С. 149); 55 — Ведено (Марковин, 1969. Рис. 28, 18)

Fig. 6. Antimony objects of the Kayakent-Khorochoy culture from cemeteries of the Northern Caucasus: 1–24 — Miatli; 25–33 — Mamay-Kutan; 34–52 — Khorochoy; 53–54 — Kayakent; 55 — Venedo

удлиненные пронизи с желобком (Хорохой), перекликающиеся по форме с бусами-утожками Бельтинского могильника, трубчатые пронизи с расширением на одном конце (Миатли, Мамай-Кутан), четырех- и пятигранные рубчатые бусы (Хорохой, Зандак) (Круглов, 1958. Рис. 25, 13–20; Костюченко, 1959. Рис. 23, 5, 6, 10; Котович, 1959. Табл. IV, 2–5, 7, 8).

Хронология каякентско-хорочоевской культуры в целом не выходит за рамки ПБВ. Ее бо-

лее поздний возраст и генетическая преемственность по отношению, главным образом, к гинчинской и присулакской культурам признается всеми исследователями-кавказоведами (Мунчаев, 1958. С. 13; Канивец, 1959. С. 50; Погребова, 1961. С. 122; Котович, 1965. С. 248, 249; Марковин, 1969. С. 78–81; 1994б. С. 341, 351; Гаджиев, 1974. С. 18; Ошаев, 1979. С. 70; 1982. С. 43; Котович, 1978. С. 73; 1982. С. 68, 117; Виноградов, 1982. С. 29, 30; Хашегульгов, 1988.

С. 20; *Магомедов*, 1998. С. 173–180; 2007. С. 502, 503; *Атаев*, 1986. С. 21, 22; 1999. С. 30; 2008. С. 15, и др.). Что касается сурьмяных украшений, то они относятся преимущественно к раннему этапу развития культуры. Для комплексов так называемого талгинского этапа (по В. Г. Котовичу), соответствующего времени существования развитых срубных памятников, сурьяное литье уже малохарактерно (*Котович, Давудов*, 1980. С. 41). Таким образом, основные памятники каякентско-хорочоевской культуры с украшениями из сурьмы синхронны позднелолинским, покровским и раннесрубным древностям (*Мимоход*, 2007. С. 153, Рис. 5; 2010б. С. 248). Немаловажным аргументом для синхронизации является присутствие в материалах этих культур близких типов сурьмяных подвесок.

Для украшений Северного и Южного Кавказа сурьяная основа металла аналитически подтверждена в отношении таких серийно представленных типов, как бляшки-пуговицы, ромбические, биволютные и лапчатые подвески, трубчатые пронизи, дисковидные бусы и бисер (*Virchow*, 1884. S. 127–130; *Круглов*, 1958. С. 82; *Костюченко*, 1959. С. 120; *Котович*, 1959. С. 138; *Тавадзе, Сакварелидзе*, 1959. Табл. 7; *Марковин*, 1982. С. 31). Обширность этого списка дает веские основания полагать, что и другие упоминавшиеся выше кавказские изделия сделаны из металлической сурьмы.

Степное Предкавказье. На север от предгорий Северного Кавказа памятники с сурьмой тянутся цепочкой по центру степного Предкавказья и уходят далее к северо-востоку. Это погребения посткатакомбной лолинской культуры, относящиеся к разным этапам ее развития, но в основном к среднему и позднему этапам. На северо-восточной периферии культурного ареала Лолы известны синхронные позднелолинским немногочисленные покровские погребения, содержавшие образцы сурьяного литья (*Цаца 7/7, Большой Царан 3/6*).

Типологический набор предкавказских украшений из сурьмы гораздо беднее, чем кавказских. Кроме мелких бус и бисера простых геометрических форм в нем присутствуют единичные, не отличающиеся вычурностью подвески и пронизки (рис. 1. I, 1–4, 7, 8I). Аналитическая проверка состава металла проведена в отношении изделий каждого типа. Почти все они находят прямые аналогии на Северном Кавказе и в Закавказье. Исключением являются бу-

сина с массивным поперечным валиком на корпусе и секировидная подвеска. Первое украшение представляет специфичный тип крупных бусин, найденных пока только в погребениях лолинской культуры (рис. 1, 3, 7, 8I). Прототипами для них, вероятно, послужили бронзовые бусы с валикообразным утолщением, известные по материалам степных катакомбных комплексов Шпаковка 2/5, Селимовка 3/5, Ковалевка 3/2,⁵ Сватово 1/2, Пески Радьковские 1/23 (бассейн Северского Донца), Мухин II 8/3 (Нижнее Подонье) и северокавказских могильников Гатын-Кале (п. 0), Бамут (9/3), Белгатовский курган, датируемых СБВ (*Братченко*, 2004. Рис. 4, 4; *Берестнев*, 2001. Рис. 20, 40, 41; *Беспалый, Беспалый*, 2002. Рис. 45, 7; *Марковин*, 1994а. Табл. 101, 18; *Каменский*, 1990. Прил. 1, Рис. 31, *КТР 168*). На раннем этапе Лолы для изготовления бус с поперечным валиком наряду с сурьмой (Бияш 1/13) использовалась бронза (Лола I 7/1). Форма второго украшения (рис. 1. I, 1) близка бронзовым волютообразным подвескам, весьма распространенным в СБВ на Кавказе. В степной зоне такие подвески обнаружены в катакомбном (Барановка I 22/4) и раннелолинском (Новопалестинский II 2/5) захоронениях (*Кияшко*, 2002. Рис. 48, 12; *Яценко*, 2000. Рис. 157, 13). Примечательно их морфологическое сходство с волютообразными навершиями булавок культуры Гинчи, частично синхронизируемой с лолинской культурой.

Доно-Волжское междуречье — Приазовье — Поднепрорье. На этой обширной территории, по нашим сведениям, сурьяные украшения встречены только в шести пунктах (курганых могильниках). Четыре из них находятся на смежном с восточным Предкавказьем участке доно-волжской степи. На Нижнем Дону памятники с сурьмой неизвестны. Те, что открыты западнее его, единичны и разбросанны (рис. 2). Сурьяная основа металла украшений ни в одном случае не подтверждена аналитическими методами. Все комплексы относятся к ПБВ и атрибутируются как покровские и срубные.

Покровские погребения содержали аналогичные северокавказским ромбические подвески (Гаевка-Каймакчи, Кирпичный Бугор, Цаца) (рис. 7, 78, 79). В двух раннесрубных погребениях кургана 1 могильника Котовский, самого западного пункта в ареале находок из

⁵ Раскопки В. А. Городцова, 1901 г. Вещи хранятся в ГИМ (инв. № 42562, 40514, 40520).

так называемой сурьмы, встречены подвески треугольной формы с рельефным узором в виде косых параллельных линий (рис. 7, 80) (*Берестнев*, 2001. С. 98). Этот тип украшений оригинален, хотя в его отдельных деталях угадывается влияние традиций Северного Кавказа: абрисом треугольные подвески напоминают схематичный вариант лапчатых подвесок, а манерой орнаментации — ромбические подвески. Сурьмяные (предположительно) изделия развитого периода срубной культуры представлены бисером из погребения 12 кургана 5 могильника Кривая Лука V (*Дворниченко и др.*, 1977. С. 56).

Среднее Подонье. Бисер из сурьмы, подтвержденной рентгено-флуоресцентным анализом, обнаружен на Среднем Дону в ранних (покровских) и хронологически следующих за ними срубных погребальных памятниках (Советское, Высокая Гора). Вместе с бисером в раннесрубном комплексе могильника Высокая Гора находились подвески «каплевидной формы с полукруглыми бороздками и выформированными валиками» (*Березуцкий и др.*, 2005. С. 8). В публикации они фигурируют как сурьмяные, в отличие от бисера, который назван пастовым, но оказался сурьмяным (рис. 7, 76). Данное обстоятельство, а также специфичная, не имеющая полных аналогий форма подвесок при отсутствии анализа заставляют с сомнением относиться к авторской интерпретации их материала.

Для ромбических подвесок (рис. 7, 69–75), найденных на Среднем Дону в погребении раннего этапа срубной культуры (Старая Тойда) и

двух погребениях развитого этапа этой культуры (Советское, Меркуловский), определения состава металла отсутствуют.

Волго-Уралье. Среди восточноевропейских областей данная территория выделяется сравнительно высокой частотой упоминания сурьмяных изделий. По сведениям В. Н. Зудиной и О. В. Сударикова, мелкие украшения из темно-серого металла (бусы, бисер, пронизки) (рис. 7, 1–53, 59) здесь обнаружены в 56 погребениях срубной культуры, ее разных этапов (*Зудина, Судариков*, 2007. С. 61). Представительным является и типологический набор волго-уральских подвесок, включающий треугольные, ромбические, биволютные, лапчатые образцы (рис. 7, 54–58, 60–68). Эти подвески связаны как с собственно срубными, так и с более ранними, покровско-раннесрубными захоронениями (*Литвиненко*, 1996; *Луньков, Лунькова*, 2005. С. 157; *Малов*, 2005. С. 12). Для треугольной подвески из Молчановки, а также бисера, бус и пронизей четырех срубных и андроновских памятников (Кировский, Герасимовка, Алексеевский, Александровка) имеются результаты аналитических определений материала, свидетельствующие о том, что это действительно сурьма (*Черных*, 1970. С. 129, 132; *Зудина, Судариков*, 2007. С. 62).

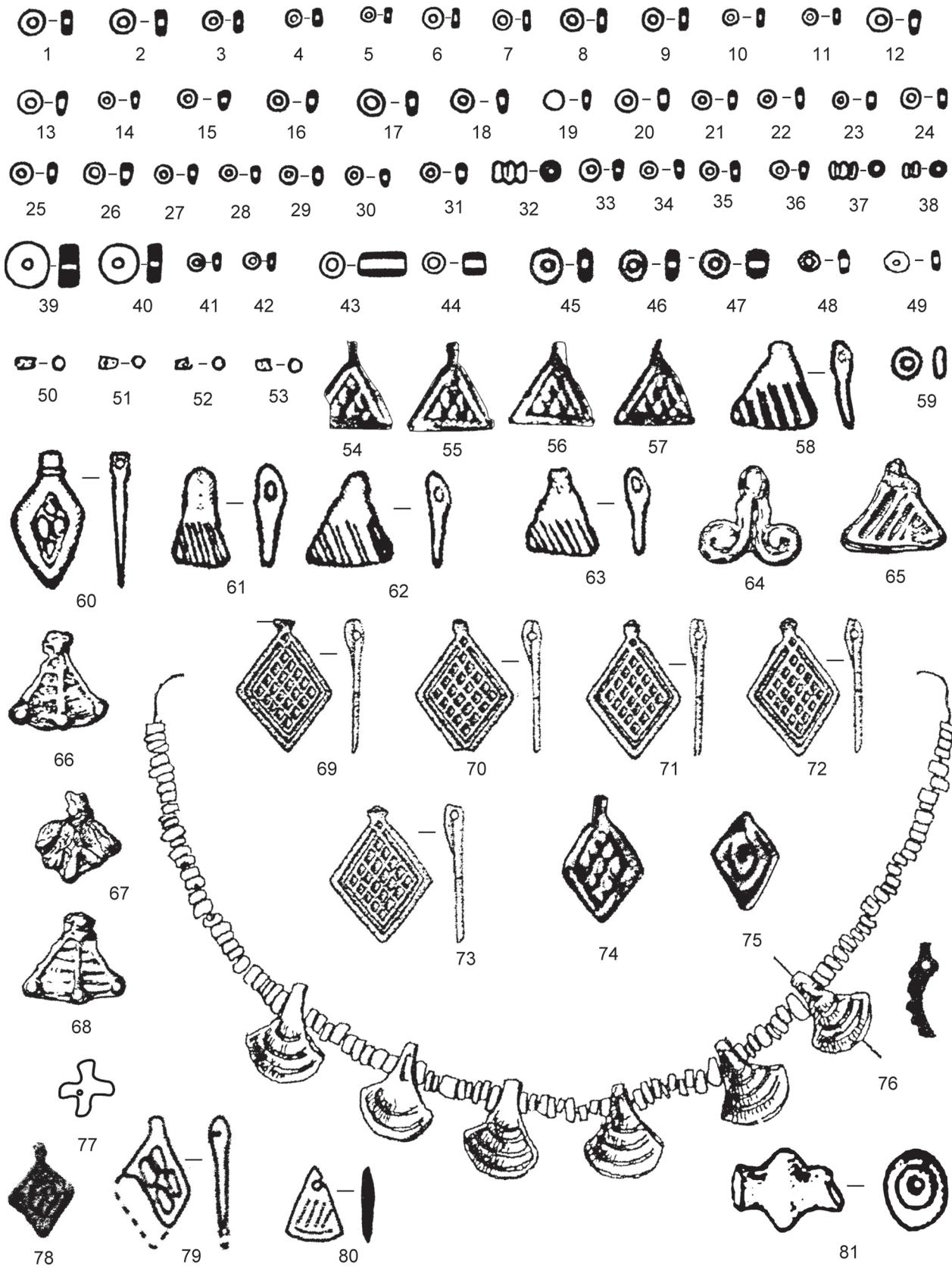
Сопоставление приведенных выше данных показывает, что наиболее древние памятники с сурьмой расположены в кавказско-предкавказской зоне. Несмотря на трудности синхронизации, все они относятся к горизонту культурных образований, замыкающих собой эпоху средней бронзы.

Рис. 7. Сурьмяные изделия конца средней — поздней бронзы из курганных могильников Волго-Уралья (1–68), Среднего Подонья (69–76), Предкавказья, юга Доно-Волжского междуречья, Приазовья и Поднепровья (77–81).

1–14 — Натальино II; 15–24 — Терновка I; 25–31 — Узморье; 32–35 — Мурманский; 36–42 — Мирный; 43–44 — Венгеловка; 45–48 — Волжский II (Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 1–3, 5–7, 10, 24); 49–53 — Кировский (*Зудина, Судариков*, 2007. Рис. 1, 2); 54–57 — Молчановка (*Синицын*, 1960. Рис. 35); 58–63 — Золотая Гора (*Юдин, Матюхин*, 2006. Рис. 20, 6, 7); 64–68 — Иловатка (*Смирнов*, 1959. Рис. 8, 6); 69–73 — Советское (*Саврасов*, 1999. Рис. 3, 8–12); 74–75 — Старая Тойда (*Корнюшин*, 1971. Рис. 34, 3, 4); 6 — Высокая Гора (*Березуцкий и др.*, 2005. Рис. 5, 8); 77 — Савельевский (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. Рис. 49, 9); 78 — Цаца (*Шилов*, 1985. Рис. 28); 79 — Гаевка-Каймакчи (*Илюков*, 1979. Рис. 6); 80 — Котовский (*Берестнев*, 2001. Рис. 86, 31); 81 — Бияш (*Куйбышев, Черносветов*, 1984. Рис. 2, 6)

Fig. 7. Antimony objects dated to the end of the period from the middle to late Bronze Age from kurgan cemeteries of the Volga-Ural region (1–68), Middle Don area (69–76), Ciscaucasia, south of the area between the Don and Volga, Azov Sea region and Dnieper (77–81).

1–14 — Natalyino II; 15–24 — Ternovka I; 25–31 — Uzmorye; 32–35 — Murmanskii; 36–42 — Mirnyy; 43–44 — Vengelovka; 45–48 — Volzhskiy II; 49–53 — Kirovskiy; 54–57 — Molchanovka; 58–63 — Zolotaya Gora; 64–68 — Ilovatka; 69–73 — Sovetskoye; 74–75 — Staraya Toyda; 76 — Vysokaya Gora; 77 — Savelyevskiy; 78 — Tsatsa; 79 — Gayevka-Kaymakchi; 80 — Kotovskiy; 81 — Biyash

Динамика и особенности распространения металлической сурьмы в рамках всей рассматриваемой территории представляются в следующем виде. На первом этапе (XXII–XX cal BC) сурьмяные изделия имели хождение только в центральных (Протокобан I и IIa, по А. Ю. Скакову) и восточных (поздняя гинчинская культура) районах Кавказа с выходом к центру степного Предкавказья (лолинская культура I и II этапов). На Кавказе из сурьмы изготавливались самые разные детали ожерелий и одежды. Многие такие предметы по форме напоминают бытовавшие прежде бронзовые. Комплексы сурьмяного ассортимента северокавказских и южнокавказских памятников существенно отличаются друг от друга, соответствуя местным морфологическим стандартам. В степной зоне Предкавказья воспроизводились лишь некоторые, главным образом простые, типы изделий северокавказского ассортимента. Скорее всего, к северокавказским формам, выполненным в бронзе, восходят и местные сурьмяные модификации.

Второй этап распространения сурьмы связан с появлением изделий из нее в северных степных и южных лесостепных районах Восточной Европы. Этот процесс имел место в начале ПБВ, что на шкале калиброванных радиоуглеродных дат соответствует XIX–XVIII вв. до н. э. Освоение на севере степи и юге лесостепи нового металла, вероятно, происходило не без участия позднелоллинских групп предкавказского населения, которое контактировало с племенами, оставившими памятники покровского типа. От Поднепровья до Поволжья популярность приобрели некоторые формы северокавказских подвесок, зачастую имеющих признаки местной модификации. В самом Предкавказье предпочтение по-прежнему отдавалось мелким простым типам сурьмяных украшений. На Кавказе в начале ПБВ сурьму в разных формах продолжали использовать жители горно-предгорных районов его центральной части (дигорская культура IIb протокобанского периода и синхронные ей культуры Грузии), а также горных и прикаспийских районов восточной части (каякентско-хорочоевская культура).

Для третьего этапа, соответствующего развиту периоду ПБВ (XVII–XV cal BC), достоверными данными мы располагаем только по Среднему Подонью и Волго-Уралью, где сурьмяные изделия составляют значимую часть ас-

сортимента украшений срубной культуры. В обоих регионах ее носителями эксплуатировались типы изделий, бытовавшие в предшествующее время. Это замечание относится к ромбическим подвескам, мелким пронизям и бусам простейших форм. Последние были особенно востребованы в Волго-Уральском регионе, многие памятники которого изобилуют мелкой сурьмяной гарнитурой.

В связи с проблемой синхронизации трудно выделить памятники с сурьмяными украшениями данного периода на Кавказе. Если следовать принятым ранее датам, таковыми могут являться некоторые каякентско-хорочоевские погребения поздней группы, а также ряд захоронений закавказских могильников Лчашен, Кедабек, Артик, Самтавро, Редькин Лагерь (Мнацакян, 1957; Хачатрян, 1963. С. 85; Мартиросян, 1964. С. 105, 108; Badalyan, Avetisyan, 2007. P. 69). Более детально оценить ситуацию с сурьмой для второй половины ПБВ в кавказско-предкавказской зоне пока не представляется возможным.⁶ Но очевидно, что именно оттуда еще какое-то время продолжал идти поток сурьмяного импорта в виде готовой продукции и/или сырья на север, к племенам срубной культуры.

Кавказское происхождение сурьмы в степи не вызывает особых сомнений, хотя и существует ошибочное мнение о более позднем возрасте ранних памятников Кавказа с сурьмяными украшениями относительно покровских (Максимов, Лопатин, 2007. С. 153). Надежная синхронизация ранней Лолы с первым протокобанским периодом и поздней гинчинской культурой делает бесспорным хронологический приоритет кавказской и предкавказской сурьмы по сравнению с доно-волго-уральской. Картографирование изделий из сурьмы (рис. 2) позволяет полагать, что решающую роль в появлении этого металла на территории степной зоны сыграл восточнокавказский импульс. Не случайно памятники с сурьмой массово тяготеют к водным артериям, связывающим Северо-Восточный Кавказ, восточное Предкавказье,

⁶ Использование металлической сурьмы на Кавказе, вероятно, продолжалось вплоть до конца бронзового века, о чем можно судить по сурьмяным украшениям в комплексах кобанской культуры начала I тыс. до н. э. (Virchow, 1887. S. 560; Козенкова, 1998. С. 36, 40, 63). В нашей статье сурьма кобанских памятников не рассматривается.

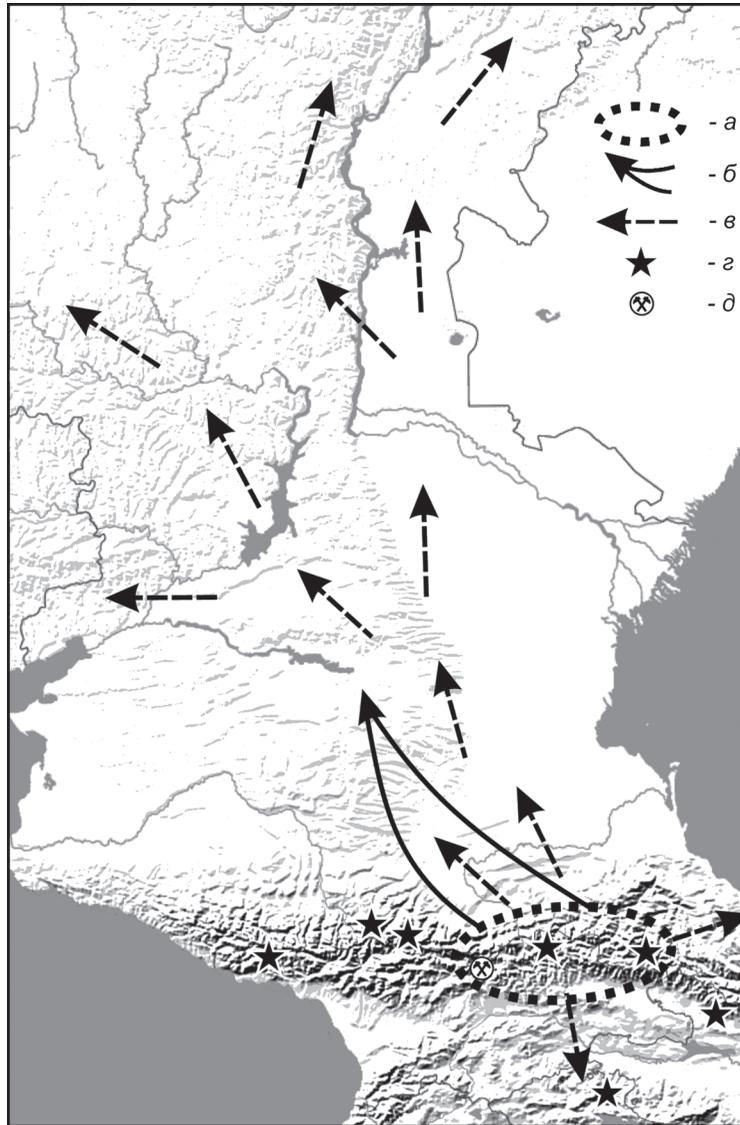

Рис. 8. Пути и динамика распространения сурьмы в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы
Условные обозначения: *a* — первичный очаг сурьмяного производства; *б-в* — пути распространения сурьмяного литья: *б* — на первом этапе (XXII—XX вв. до н. э.); *в* — на втором и третьем этапе (XIX—XV вв. до н. э.); *z* — крупные месторождения сурьмы; *д* — древние сурьмяные рудники

Fig. 8. The routes and dynamics of the spread of antimony in the Bronze Age Caucasus and south of Eastern Europe: *a* — primary source of antimony production; *б-в* — routes of spread of antimony cast-works: *б* — at the first stage (22nd—20th centuries BC); *в* — at the second and third stages (19th—15th centuries BC); *z* — large antimony deposits; *д* — ancient antimony mines

Поволжье и Волго-Уралье. В Западном Предкавказье вплоть до низовий Дона пункты нахождения сурьмяных вещей вообще отсутствуют, далее к северу и западу они единичны. Очевидно, что эта часть Восточной Европы оказалась в стороне от магистральных путей распространения сурьмы (рис. 8).

Отмечаемая картина хорошо ложится в русло концепции, объясняющей появление новых степных культурных образований в конце СБВ—начале ПБВ миграцией населения с тер-

ритории Северо-Восточного Кавказа. Сначала эта миграция обусловила формирование лонинской культуры финала СБВ в Предкавказье (Мимоход, 2010б; Борисов, Мимоход, 2010), после чего посткатакомбные группы южного происхождения приняли участие в формировании культур начала ПБВ Волго-Уралья и Поволжья (Мимоход, 2010г). Ситуация, аналогичная распространению украшений из сурьмы, наблюдается при нанесении на карту пунктов нахождения фаянсовых бус с выступами. Они тоже

концентрируются в памятниках финала СБВ Северо-Восточного Кавказа и Предкавказья, в синташтинских и покровских памятниках начала ПБВ Волго-Уралья. В Волго-Уральском регионе сосредоточены и находки кольцевидно-узкопланочных пряжек кавказского происхождения (Там же. С. 73, 75, 76), а также планочных покровских пряжек, которые ведут свое происхождение от кавказских и предкавказских образцов (*Мимоход*, 2012). Список подобных соответствий можно легко продолжить.

Таким образом, распространение сурьмяных изделий в Поволжье и Волго-Уралье с учетом их хронологии, типов и других вещевых параллелей является еще одной иллюстрацией участия южных посткатакомбных групп населения в сложении колесничных культурных образований, что в свою очередь подчеркивает взаимосвязь кавказского и волго-уральского очагов культуругенеза.

Сфера применения сурьмы и сурьяное производство. Благодаря массовым спектроаналитическим исследованиям, установлено, что как компонент сурьма присутствует в металле изделий широкого территориально-хронологического диапазона. Нередко ее содержание в древней меди слишком велико (более 10 %), чтобы допускать мысль о выплавке такого металла напрямую из руд. Примесь сурьмы в медных рудах всегда существенно меньше (до нескольких процентов). Поэтому более вероятным в данном случае представляется искусственное введение сурьмы в сплав, т. е. использование ее в качестве легирующей добавки (*Тавадзе, Сакварелидзе*, 1959. С. 41; *Chernykh*, 1992. Р. 181).

На Кавказе ранние медные сплавы с сурьяной лигатурой выявлены в материалах памятников СБВ Грузии — Сачхере, Дзегина, Нули, Урбнизи, Озни (*Chernykh*, 1992. Р. 174; *Kavtaradze*, 1999. Table 1). Из них делались как предметы орудийного инвентаря (топоры, ножи, шилья), так и украшения (браслеты, спирали, бусы, булавки). Наряду с сурьмой этот металл обычно содержит и другие компоненты — мышьяк, олово, свинец. Их руды и минералы местные металлурги могли путать при получении бронз (*Тавадзе, Сакварелидзе*, 1959. С. 37). Севернее Большого Кавказского хребта ощутимые концентрации сурьмы в медных сплавах изделий присутствуют редко и только в сочетании с мышьяком (*Chernykh*, 1992. Р. 187; *Гак*, 2007. Рис. 3). Последний в Кавказско-Предкавказских регионах и на большей части Восточ-

ной Европы служил основным легирующим компонентом в течение всего СБВ.

Господство медно-мышьяковых сплавов, включая сплавы с сурьяной добавкой, продолжалось и в период использования металлической сурьмы. Характерно, что по времени процесс распространения сурьяных украшений совпадает с исчезновением высокомышьяковых бронз,⁷ широко применявшихся для отливки многих подобных изделий в предшествующую эпоху. Тенденция вывода из оборота этих бронз, вероятно, наметилась несколько раньше финала СБВ, на что указывает сокращение их доли в общем объеме находок мелкого литья. Это видно при сравнении спектроаналитических данных по металлу степных памятников восточнопредкавказской зоны, дробная хронология которых сейчас, пожалуй, наиболее обоснованна (*Кореневский и др.*, 2007. С. 105–113; *Шишлина*, 2007. С. 287–292; *Мимоход*, 2007). Если в серии мелколитых предметов из погребений ранней фазы СБВ (поздних ямных и новотиторских, раннекатакомбных) высокомышьяковые бронзы составляют 43 % (23 из 53 анализов), то по материалам комплексов поздней фазы (манычских катакомбных) таких бронз учтено всего 16 % (3 из 19 анализов). В перекрывающей позднекатакомбный горизонт лолинской культуре литые бронзы с высоким содержанием мышьяка уже отсутствуют, хотя преемственность местных производственных традиций при сохранении связей с кавказской металлургией в металле посткатакомбных памятников Предкавказья просматривается вполне отчетливо (*Гак, Мимоход*, 2009). Близкая отмеченной картина фиксируется и южнее, в зоне предгорий Центрального Кавказа, откуда в степь была привнесена мода на украшения, имевшие за счет повышенного содержания в меди мышьяка блестящий серебристый цвет (*Кореневский*, 1984. С. 264–265, 281).

Таким образом, в конце СБВ на части кавказско-предкавказских территорий высокомышьяковые или, как их еще называют, «серые» бронзы (*Каменский*, 1988. С. 10–12) оказались

⁷ Имеются в виду только сплавы, в которых мышьяк, согласно результатам спектральных анализов, составляет порядка 10 % и более. Эти сплавы, безусловно, являются искусственными. Сохранить в меди летучий мышьяковый компонент в столь больших концентрациях при выплавке из руд было практически невозможно.

вытеснены сурьмой,⁸ которая сходна с ними по литейным свойствам и серебристому оттенку. Технологический процесс получения сурьмы в условиях тигельной плавки протекает существенно легче и безопасней, что, несомненно, явилось одной из причин быстрого, почти скачкообразного перехода к ее использованию в регионах, где раньше массово практиковалось литье «серых» бронз. В этом свете показательным наличие в металлокомплексе кавказских и предкавказских памятников финала СБВ типов сурьмяных украшений, прежде воспроизводившихся исключительно в бронзе (волютные и лапчатые подвески, подвески-медальоны, пуговицы с петлей на обороте, пронизи, бусы и бисер разных форм).

Возникновению производства металлической сурьмы на Кавказе способствовала доступность имеющихся там сурьмяных месторождений. Рудопоявления сурьмяного блеска в виде гнезд и прожилок сростшихся кристаллов расположены с обеих сторон Главного хребта. На северном склоне наиболее крупными из них являются Хуландойское в Дагестане, Зарамагское в Осетии, месторождения на хребте Малый Тырнауз и склонах горы Коргашинли-Тау в Балкарии. В Закавказье выходы сурьмяного блеска известны на территории Абхазии (Авадхарская группа рудопоявлений), Армении (Севанский рудный район). Особенно богат сурьмой район горной Рачи (верховья р. Риони, Грузия), где открыто 25 сурьмяных месторождений. На трех крупнейших из них — Зопхито, Квардзахети, Сагеби — еще в 30-е гг. прошлого столетия геологами были выявлены древние выработки сурьмы. В результате последовавших археологических исследований установлены время и масштабы ее добычи. Так, в районе с. Геби обнаружено 30 сурьмяных рудников с остатками мощных отвалов, захоронениями вблизи них и многочисленными археологическими находками II—начала I тыс. до н. э. (*Гобеджишвили*, 1952). Аналогичная картина зафиксирована на других месторождениях, где открыты штольни и целые подземные камеры. В камерах найдены следы не только отбойки, но также дробления и частичной сортировки

руды, которая затем поступала наверх и тут же либо поблизости перерабатывалась (*Тавадзе, Сакварелидзе*, 1959. С. 37–40; *Муджири и др.*, 1987).

Результаты радиоуглеродного датирования разработок в горной Раче, выполненного по дереву и углю из двух рудников Зопхито и двух рудников Сагеби (*Муджири и др.*, 1987; *Кавтарадзе*, 1999. Р. 87), иллюстрируют определенную этапность в освоении сурьмяных месторождений данного района. В соответствии с приводимыми значениями эксплуатация Зопхито, имеющего даты в пределах XV–XII са. ВС, началась уже после прекращения разработок Сагеби, время функционирования которого в соответствии с калиброванными датами ¹⁴C определяется в интервале XXI–XVIII вв. до н. э.⁹ В целом, радиоуглеродный возраст обоих рудников неплохо согласуется с хронологией кавказских и восточноевропейских памятников с сурьмой. Если полученные даты достоверны, то разработку сурьмяных месторождений Сагеби можно соотнести с временем существования лолинской культуры (*Мимоход*, 2010а), I и II периодами протокобанской эпохи в Дигории (*Скаков*, 2001. С. 234; 2004), памятниками позднего этапа гинчинской и раннего этапа каякентско-хорочоевской культур Северо-Восточного Кавказа (*Мимоход*, 2007. Рис. 5; 2010б. С. 248), с ранними периодами функционирования могильников Брильский и Квасатальский в Закавказье. Датировка выработок месторождения Зопхито близка времени существования закавказских памятников с сурьмой типа Редькин Лагерь и Самтавро, а также поздних каякентско-хорочоевских памятников. На юге Восточной Европы этому времени соответствуют памятники срубной общности.

Добытое минеральное сырье восстанавливалось в процессе обычной костровой плавки и превращалось в металл, дальнейшее применение которого в силу физико-химических особенностей ограничивалось отливкой декоративной и культово-ритуальной продукции. Эти вещи имели, как правило, очень небольшие раз-

⁸ Высокомышьяковые бронзы не утрачивают своего значения, по-видимому, лишь в западной, азово-прикубанской части Предкавказья: сурьма там неизвестна, а металл мелколитых украшений сохраняет единообразие на всех этапах СБВ (*Галибин*, 1991. Табл. 3).

⁹ Г. Л. Кавтарадзе приводит калиброванные даты для этого рудника в пределах XIX–XVIII вв. до н. э. (*Kavtaradze*, 1999. Р. 87) с опорой на некалиброванные значения, опубликованные ранее (*Муджири и др.*, 1987. С. 236). Калибровка этих дат в программе Ox.Cal показывает, что нижняя их граница уходит в XXI в. до н. э.

меры. Известен лишь один крупный, достоверно сурьмяной предмет — вотивная орнаментированная булава с четырьмя шаровидными выступами, купленная в Дигории В. И. Долбежеевым и аналитически исследованная В. В. Данилевским (*Данилевский*, 1935. Табл. IV, 3). Ее происхождение связывается с могильником Фаскау протокобанского времени (*Мошинский*, 2005. С. 71). По своей форме булава находит массовые аналогии среди каменных наверший эпохи средней и поздней бронзы. Подобный тип оружия известен в позднекатакомбных памятниках (*Братченко*, 1976. Рис. 72, II, 5, III, 8, 75, 2, 5; *Нечитайло*, 1978. Рис. 40, 6; *Николаева*, 1981. Рис. 6, 6; *Братченко*, *Шапошникова*, 1985. Рис. 110, 24; *Державин*, 1984. С. 93, 94, рис. 2, 1; *Илюков*, 2003. С. 112; *Клочко*, 2006. Рис. 37, 11, 12), в древностях СБВ Северного Кавказа (*Уварова*, 1900. Рис. 221; *Иессен*, 1941. Табл. I, 3, 4; *Крупнов*, 1951. Рис. 9, 10; 1957. Рис. 19, 2; *Марковин*, 1960. Рис. 13, 100, 102–104; *Батчаев*, 1984. Рис. 21, 12, 22, 8; *Николаева*, 2011. Рис. 96), в комплексах бабинской и лонинской культур (*Субботин*, 1985. Рис. 7, 1, 2; *Шарафутдинова*, 1987. Рис. 3, 2; *Бабенко*, 2003), в знаменитом Бородинском кладе (*Кривоцова-Гракова*, 1949. Табл. XII, 3, XVII, 3), в покровских, синташтинских и срубных материалах (*Дворниченко*, *Федоров-Давыдов*, 1989. Рис. 74, 75; *Памятники срубной культуры...*, 1993. Табл. 17, 6; *Синюк*, *Погорелов*, 1993. Рис. 3, 7; *Синюк*, 1996. Рис. 50, 6; *Обыденнов и др.*, 2001. Рис. 23, 1; *Мыськов и др.*, 2004. Рис. 4, 2; *Клочко*, 2006. Рис. 70, 2; *Калиева*, *Логвин*, 2009. С. 50, Рис. 15, 3). В последней серии есть экземпляр, сделанный из бронзы (*Памятники срубной культуры...*, 1993. Табл. 2, 9). Так же как и он, дигорская сурьмяная булава была отлита целиком и не подвергалась кузнечной доработке.

К такому же выводу приводит визуально-поверхностный анализ сурьмяных украшений Дигории (коллекция Б. Дзелихова, ГИМ), степного Ставрополя (фонды ГУП «Наследие», Ставрополь) и Среднего Дона (фонды Воронежского гос. пед. ун-та), исследовавшихся на предмет химического состава металла (об этом см. выше). Технология изготовления украшений была единообразной. Все они получены в двустворчатых литейных формах с вставным стержнем. Отливка секировидной подвески из Золотаревки и лапчатой подвески из Фаскау велась через литник, подведенный к верху ушка, о чем свидетельствуют сохранившие-

ся у них на этом месте характерные наплывы. Составная конструкция литейной формы лапчатой подвески, кроме того, маркируется асимметричностью полученных рельефных изображений, одинаковых на обеих сторонах изделия. В литейные формы бус, бисера и пронизей металл заливался со стороны корпуса предметов. На это указывают едва заметные потеки, отмеченные на поверхности осмотренных бусин. Литейные формы бисера и мелких бус, несомненно, были многопредметными, так как отливать каждый такой предмет в отдельности, учитывая его вес и размеры, просто невозможно (*Гак и др.*, 2002. С. 130).

Аналогичные наблюдения о способах изготовления сурьмяных изделий могильника Хорочой были сделаны А. П. Кругловым. Кроме того, на ободках у ряда подвесок им прослежены литейные швы от использования двустворчатых форм. В отношении изделий с одной плоской стороной исследователь предположил использование односторонних литейных форм (*Круглов*, 1958. С. 82–83).

Очевидно, для литья сурьмы были предназначены и односторонние формы с негативами украшений характерных типов, найденные на поселениях ПБВ юга Восточной Европы (*Санжаров*, 2004. Рис. 27, 1–7). Известно пять створок для отливки ромбических подвесок и одна створка для отливки треугольных подвесок. Факт заливки в эти литейные формы именно расплавленной сурьмы ни в одном случае не подтвержден аналитически, хотя почти в каждой из них отмечены следы какого-то окисленного металла (Там же. С. 71). Вместе с тем негативы на формах аналогичны сурьмяным предметам того же культурно-географического круга, а последние в свою очередь имеют параллели на Северном Кавказе — в исходном ареале украшений данных типов. Все это подкрепляет предположение об использовании указанных литейных форм в сурьмяном производстве.

Для получения сурьмяных изделий могли также служить литейные формы с крестовидными негативами, обнаруженные на покровско-раннесрубных поселениях Скатовка в Поволжье и Таранцево на Харьковщине (*Малов*, 2005. С. 11). Подвески в виде креста, предположительно сурьмяные, найдены на правом берегу Волги и Дона в покровских комплексах Медяниково 8/24 и Савельевский 9/3 (*Луньков*, *Лунькова*, 2005. С. 151; *Шарафутдинова*, *Житников*, 2011. Рис. 49, 9).

Кроме литья зафиксировано иное производственное обращение с сурьмой. Недавно В. Н. Зудиной и О. В. Судариковым по результатам химико-технологического анализа сурьмяных бус из срубного погребения в Заволжье (Кировский I 9/11) наряду с литейной технологией было установлено применение метода формовки, напоминающего способ получения бус из стекловидной массы (Зудина, Судариков, 2007. С. 62). Возможно, здесь мы сталкиваемся с локальными особенностями использования металлической сурьмы, тем более, что речь идет о сравнительно позднем явлении на дальней северо-восточной периферии ареала ее находок.

Заключение. Завершая очерк о сурьме бронзового века Кавказа и юга Восточной Европы, кратко изложим основные результаты и выводы работы.

1. Полученная из архивных и опубликованных источников информация показывает неравномерность культурно-географического распространения находок и локально-хронологическую специфику типологических наборов сурьмяных изделий.

2. Благодаря рентгено-флуоресцентному исследованию выборки вещей, проводившемуся с целью проверки спорных визуальных определений материала, установлен факт массового присутствия сурьмяного декоративного литья в посткатакомбной лолинской культуре степного Предкавказья. Таким образом, найдено недостающее звено в цепочке связей, объясняющих появление сурьмы в памятниках ПБВ юга Восточной Европы.

3. Комплексный анализ данных позволяет заключить, что первичный очаг производства металлической сурьмы возник на финальной стадии СБВ в срединной части Кавказа вблизи Главного хребта. В дальнейшем сурьмяное литье распространилось в южнокавказские районы и прикаспийский Дагестан. Продвижение сурьмы на север, в степь и лесостепь Восточной Европы, имело поступательный характер и затрагивало ряд последовательно существовавших там культурных образований конца СБВ — развитой фазы ПБВ (XXII—XV вв. до н. э.). Основной поток сурьмяного импорта шел от восточнокавказских предгорий меридионально по центру Предкавказья. С начала ПБВ он был в большей степени ориентирован на волго-уральского потребителя.

4. Концентрация кавказских памятников с сурьмой в районе сурьмяных месторождений и

рудников с выработками соответствующего времени, наличие массовых типологических параллелей в комплексах сурьмяных вещей близких и удаленных от Кавказа восточноевропейских территорий делают безальтернативной гипотезу о кавказском происхождении этого металла в бронзовом веке всей рассматриваемой зоны.

5. Литье сурьмы практиковалось в разных культурах и регионах рассматриваемой зоны, что подтверждается находками литейных форм, модифицированных типов изделий и изделий, изготовленных с помощью специфических технологических приемов.

6. Сфера использования сурьмы в качестве сырья для отливки мелких украшений предопределялась ее физико-химическими свойствами. Иное применение этого металла в эпоху бронзы было эпизодичным или узколокальным. Будучи доступной, легкой и относительно безопасной в получении, металлическая сурьма на значительной части кавказско-восточноевропейских территорий заместила собой сходные по цвету высокомышьяковые медные сплавы, прежде доминировавшие в производстве мелкой литой гарнитуры.

7. Выявленные в распространении сурьмы пространственно-географические и культурно-хронологические закономерности напрямую связаны с глобальными культурно-генетическими процессами, охватившими юг Восточной Европы и Кавказ в период перехода от СБВ к ПБВ (XXII—XVIII cal. BC). Освоение сурьмяного литья населением степного Предкавказья происходило под влиянием южных, скорее всего, восточнокавказских социумов, принимавших участие в сложении лолинской посткатакомбной культуры. В свою очередь южные посткатакомбные культурные группы, став компонентом формирования колесничных культур начала ПБВ, прежде всего Поволжья и Волго-Уралья, способствовали распространению сурьмы в местных покровских и срубных древностях. Таким образом, сурьма может рассматриваться не только как хроноиндикатор межкультурных взаимодействий, но и как весомый аргумент в пользу существования генетической связи кавказского и волго-уральского очагов культурогенеза.

Агапов и др., 1983 — Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Срубная культура лесостепного

- Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Атаев*, 1986 — *Атаев Г. Д.* Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Атаев*, 1999 — *Атаев Г. Д.* Связи населения Северо-восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней и поздней бронзы // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Археологическая конференция Кавказа: ТД. Махачкала, 1999.
- Атаев*, 2008 — *Атаев Г. Д.* Процессы этнокультурного развития Северо-восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД. Владикавказ, 2008.
- Бабенко*, 2003 — *Бабенко В. А.* Отчет о раскопках курганного могильника Золотаревка-3 в окрестностях с. Золотаревка Ипатовского района Ставропольского края в 2003 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2003.
- Батчаев*, 1984 — *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1: Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н.э.).
- Березин*, 2000 — *Березин Я. Б.* Отчет о раскопках курганных могильников Птичьё-3 Изобильненского района, Успенский-2, Расшеватский-1, Расшеватский-4, Расшеватский-5 Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Б/н. 2000.
- Березин*, 2001 — *Березин Я. Б.* Отчет о раскопках курганного могильника Иноземцево-1 на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2001.
- Березин*, *Калмыков*, 1998 — *Березин Я. Б.*, *Калмыков А. А.* Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 1: Археология.
- Березуцкий и др.*, 2005 — *Березуцкий В. Д.*, *Кравец В. В.*, *Новиков Н. Л.* Древности Богучарского края. Воронеж, 2005.
- Берестнев*, 2001 — *Берестнев В. И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков, 2001.
- Беспалый*, *Беспалый*, 2002 — *Беспалый Е. И.*, *Беспалый Г. Е.* Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2001.
- Борисов*, *Мимоход*, 2010 — *Борисов А. В.*, *Мимоход Р. А.* Палеоэкологические условия и механизмы сложения лолинской культуры // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: III Нижневолжская археологическая конф.: Сб. статей. Астрахань, 2010.
- Братченко*, 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Братченко*, 2004 — *Братченко С. Н.* Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили — кургани III тис. до н. е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східноп України. Луганськ, 2004. № 2.
- Братченко*, *Шапошникова*, 1985 — *Братченко С. Н.*, *Шапошникова О. А.* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология УССР. Киев, 1985. Т. 1.
- Виноградов*, 1982 — *Виноградов В. Б.* Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железного века. Ереван, 1982.
- Виноградов*, *Хашегульгов*, 1986 — *Виноградов В. Б.*, *Хашегульгов Б. М.* Бельтинский могильник эпохи бронзы // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- Виноградов*, *Хашегульгов*, 1988 — *Виноградов В. Б.*, *Хашегульгов Б. М.* Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Гаджиев*, 1974 — *Гаджиев М. Г.* Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии. Махачкала, 1974. Т. 5: Древности Дагестана.
- Гак*, 2007 — *Гак Е. И.* Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // Матеріали та дослідження з археології Східноп України. Луганськ, 2007. № 7.
- Гак и др.*, 2002 — *Гак Е. И.*, *Рындина Н. В.*, *Хаятин С. Г.* Технологии отливки бус среднебронзового века на Северном Кавказе и в Восточной Европе // РА. 2002. № 3.
- Гак и др.*, 2008 — *Гак Е. И.*, *Калмыков А. А.*, *Мимоход Р. А.* Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополья // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД. Владикавказ, 2008.
- Гак*, *Мимоход*, 2009 — *Гак Е. И.*, *Мимоход Р. А.* Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конф.: ТД. Краснодар, 2009.
- Галибин*, 1991 — *Галибин В. А.* Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Гобеджишвили*, 1952 — *Гобеджишвили Г. Ф.* Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. 1952. № 3. Т. 13.
- Данилевский*, 1935 — *Данилевский В. В.* Историко-технологическое исследование древних бронз и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала // Археологические работы на новостройках в 1932–33 гг. М.; Л., 1935 (ГАИМК; Вып. 2).
- Дворниченко и др.*, 1977 — *Дворниченко В. В.*, *Малиновская Н. В.*, *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочи-

- ще Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М., 1977.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1989 — *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Державин*, 1984 — *Державин В. Л.* Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // Неолит и бронза на территории СССР. М., 1984 (КСИА; №177).
- Джапаридзе*, 1955 — *Джапаридзе О. М.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. 1955. Вып. 60.
- Захариков, Цыбрий*, 2009 — *Захариков А. П., Цыбрий В. В.* Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.
- Зудина, Судариков*, 2007 — *Зудина В. Н., Судариков О. В.* Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре Волго-Уральского региона // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. 8.
- Иванов, Скарбовенко*, 1993 — *Иванов А. Ю., Скарбовенко В. А.* Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Иессен*, 1941 — *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л., 1941.
- Илюков*, 1979 — *Илюков Л. С.* Курган бронзового века на Миусском полуострове // СА. 1979. № 1.
- Илюков*, 2003 — *Илюков Л. С.* Каменные навершия булавы эпохи средней бронзы из Нижнего Подонья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: ТД. М., 2003. Ч. 1.
- Калиева, Логвин*, 2009 — *Калиева С. С., Логвин В. Н.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2009. № 9.
- Калмыков*, 2008 — *Калмыков А. А.* Отчет о раскопках курганного могильника Золотарёвка-1 в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2008.
- Каменский*, 1988 — *Каменский А. Г.* К вопросу о «серых бронзах» центральной части Северного Кавказа // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: IV конф. молодых ученых ИА АН СССР: ТД. М., 1988.
- Каменский*, 1990 — *Каменский А. Г.* Металлообрабатывающее производство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- Канивец*, 1959 — *Канивец В. И.* Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. 1.
- Кияшко*, 2002 — *Кияшко А. В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Клочко*, 2006 — *Клочко В. І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 р. до Р. Х.). Київ, 2006.
- Козенкова, Мошинский*, 1995 — *Козенкова В. И., Мошинский А. П.* Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н. э.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995. Вып. 1.
- Козенкова*, 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В2-5; Т. 5).
- Корневский*, 1984 — *Корневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии в 1972–79 гг. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Корневский и др.*, 2007 — *Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.
- Корнюшин*, 1971 — *Корнюшин Г. И.* Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области // КСИИМК. 1971. Вып. 60.
- Костюченко*, 1959 — *Костюченко И. П.* Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. 1.
- Котович*, 1959 — *Котович В. Г.* Новые археологические памятники южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. 1.
- Котович*, 1965 — *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. Махачкала, 1965.
- Котович*, 1978 — *Котович В. Г.* К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Котович*, 1982 — *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Котович, Давудов*, 1980 — *Котович В. Г., Давудов О. М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы—раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4.
- Кривцова-Гракова*, 1949 — *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад // Памятники культуры. М., 1949 (Труды ГИМ; Вып. 1).
- Круглов*, 1958 — *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. М.; Л., 1958 (МИА; № 68).
- Крупнов*, 1951 — *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л., 1951 (МИА; № 23).

- Крупнов*, 1957 — *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
- Куйбышев, Черношвилов*, 1984 — *Куйбышев А. В., Черношвилов П. Ю.* Курганные погребения эпохи бронзы в Ногайской степи // Неолит и бронза на территории СССР. М., 1984 (КСИА; № 177).
- Литвиненко*, 1996 — *Литвиненко Р. А.* Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналоги // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э. СПб., 1996.
- Литвиненко*, 2010 — *Литвиненко Р. А.* Кавказ и Причерноморье: линии синхронизации для финала средней бронзы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД. Магас, 2010.
- Лукас*, 1958 — *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958.
- Луньков, Лунькова*, 2005 — *Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В.* Погребальные комплексы с сурьмяными подвесками эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Воронеж, 2005. Вып. 19.
- Луньков и др.*, 2009 — *Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.* Рентгено-флуоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2009. Вып. 1.
- Лычагин*, 2004 — *Лычагин А. В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Ипатовском районе Ставропольского края в 2003 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2004.
- Лычагин*, 2005 — *Лычагин А. В.* Отчет об охранных раскопках в Андроповском, Георгиевском, Кочубеевском и Минераловодском районах Ставропольского края в 2004 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2005.
- Лычагин*, 2007 — *Лычагин А. В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Шпаковском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2006 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2007.
- Ляхов*, 2009 — *Ляхов С. В.* Погребения эпохи бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009.
- Магомедов*, 1990 — *Магомедов Р. Г.* Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- Магомедов*, 1998 — *Магомедов Р. Г.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998.
- Магомедов*, 2007 — *Магомедов Р. Г.* Гинчинская и каякентско-хорочевская культуры: проблемы преемственности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Крупновские чтения 1971–2006. М., 2007. Вып. 8.
- Максимов, Лопатин*, 2007 — *Максимов Е. К., Лопатин В. А.* Материалы Низовских курганов // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Малов*, 1989 — *Малов Н. М.* Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 1989.
- Малов*, 2005 — *Малов Н. М.* Литейные формы с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.
- Марковин*, 1960 — *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1960 (МИА; № 93).
- Марковин*, 1969 — *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочевская культура. М., 1969.
- Марковин*, 1982 — *Марковин В. И.* К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // Памятники эпохи неолита и бронзы. М., 1982 (КСИА; Вып. 169).
- Марковин*, 1994а — *Марковин В. И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Ранняя и средняя бронза Кавказа: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Археология. М., 1994.
- Марковин*, 1994б — *Марковин В. И.* Каякентско-хорочевская культура // Ранняя и средняя бронза Кавказа: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Археология. М., 1994.
- Марковин*, 1995 — *Марковин В. И.* Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995.
- Мартиросян*, 1964 — *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- Матюхин*, 2006 — *Матюхин А. Д.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников Кунаковский-1, Кунаковский-2, Тоннельный-6, Невинномысский-1 на территории Андроповского и Кочубеевского районов Ставропольского края в 2005 году // Архив ИА РАН. Б/н. 2006.
- Махмудов*, 2008 — *Махмудов Ф.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку, 2008.
- Мимоход*, 2005 — *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Мимоход*, 2006 — *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Древние культуры Кавказского Причерноморья: Первая абхазская международная археологическая конф.: Сб. статей. Сухум, 2006.
- Мимоход*, 2007 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4.
- Мимоход*, 2010а — *Мимоход Р. А.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2010. № 10.

- Мимоход*, 2010б — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура: хронология и происхождение // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД. Магас, 2010.
- Мимоход*, 2010в — *Мимоход Р. А.* Хронология криволукской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание: ТД. Уфа, 2010.
- Мимоход*, 2010г — *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический збірник. Донецьк, 2010. № 13/14 (2009/2010).
- Мимоход*, 2012 — *Мимоход Р. О.* Кістяні та рогові пряжки фіналу середньої—початку пізньої бронзи у Східній Європі та на Кавказі як хронологічні індикатори та свідчення культурних контактів // Миколаївський державні аграрні університети України. Луганськ, 2012. № 11.
- Мнацакян*, 1957 — *Мнацакян А. О.* Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. (предварительное сообщение) // СА. 1957. № 2.
- Мошинский*, 2005 — *Мошинский А. П.* На краю мира // Мастера бронзового века. М., 2005.
- Муджири и др.*, 1987 — *Муджири Т. П., Гобеджишвили Г. Г., Инанишвили Г. В., Майсурдзе В. Г.* Древнейшие сурьмяные рудники Грузии и их радиоактивные датировки // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
- Мунчаев*, 1958 — *Мунчаев Р. М.* Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. 1958. № 71.
- Мыськов и др.*, 2004 — *Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Литвиненко Р. А., Усачук А. Н.* Погребение колесничего из бассейна Дона // Псалии: Элементы упряжи и конского снаряжения в древности: Археологический альманах. Донецк, 2004. № 15.
- Нечитайло*, 1978 — *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Николаева*, 1981 — *Николаева Н. А.* Периодизация кубанотерской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- Николаева*, 2011 — *Николаева Н. А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III—II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М., 2011.
- ОАК, 1898 — Отчет Императорской Археологической комиссии: Приложение III: извлечение из отчета В. И. Долбежева. СПб., 1898.
- Обыденнов и др.*, 2001 — *Обыденнов М. Ф., Горбунов В. С., Муравкина Л. И., Обыденнова Г. Т., Гарустович Г. Н.* Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001.
- Ошаев*, 1979 — *Ошаев М. Х.* Археологические работы у селения Бачи-Юрт // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
- Ошаев*, 1982 — *Ошаев М. Х.* Могильник эпохи бронзы у селения Дай // Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.
- Памятники срубной культуры..., 1993 — Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. Саратов, 1993 (САИ; Вып. В1-10; Т. 1).
- Погребова*, 1961 — *Погребова М. И.* Ирганайский склеп эпохи бронзы // Материалы по археологии. Махачкала, 1961. Т. 2.
- Пряхин, Матвеев*, 1993 — *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Курганная группа у хутора Шкарин // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993.
- Рыков*, 1936 — *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов, 1936.
- Саврасов*, 1999 — *Саврасов А. С.* Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Санжаров*, 2004 — *Санжаров С. Н.* Кайдашинский комплекс поселений рубежа средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск, 2004.
- Семенова*, 2000 — *Семенова А. П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Синицын*, 1960 — *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции / Отв. ред. Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов. М., 1960. Т. 2. (МИА; № 78).
- Синицын*, 1978 — *Синицын И. В.* Древности Восточного Маньча. Саратов, 1978. Т. 1.
- Синицын, Эрдниев*, 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Элиста, 1963. Вып. 1.
- Синицын, Эрдниев*, 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.) // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Элиста, 1966. Вып. 2.
- Синюк*, 1996 — *Синюк А. Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк, Погорелов*, 1993 — *Синюк А. Т., Погорелов В. И.* Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993.
- Скаков*, 2001 — *Скаков А. Ю.* Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Междунар. Науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»: Сб. статей. Самара, 2001.
- Скаков*, 2003 — *Скаков А. Ю.* Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Чтения, по-

- священные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: ТД. М., 2003. Ч. 2.
- Скаков, 2004 — Скаков А. Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004.
- Смирнов, 1959 — Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.; Л., 1959. Т. 1. (МИА; №60).
- Субботин, 1985 — Субботин Л. В. Семеновский могильник эпохи энеолита—бронзы // Новые материалы по археологии Северо-западного Причерноморья. Киев, 1985.
- Сурьма, 1977 — Сурьма / Под ред. С. М. Мельникова. М., 1977.
- Тавадзе, Сакварелидзе, 1959 — Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Тушишвили, Амираншвили, 1982 — Тушишвили Н., Амираншвили Д. Итоги работ Алгетской археологической экспедиции: Полевые археологические исследования в 1970 году. Тбилиси, 1982.
- Уварова, 1900 — Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Вып. 8.
- Хачатрян, 1963 — Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.
- Хашегульгов, 1988 — Хашегульгов Б. М. Бельтинский могильник в системе древностей северо-восточного Кавказа в эпоху средней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.
- Цуцкин, 1977 — Цуцкин Е. В. Отчет об археологических исследованиях в Калмыкии в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 9828, 9828а, б. 1977.
- Черных, 1970 — Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Шарафутдинова, 1987 — Шарафутдинова Э. С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Межвузовский сб. науч. трудов. Днепропетровск, 1987.
- Шарафутдинова, Житников, 2011 — Шарафутдинова Э. С., Житников В. Г. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). СПб., 2011.
- Шилов, 1985 — Шилов В. П. Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. Элиста, 1985.
- Шилов, 1991 — Шилов В. П. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991.
- Шишлина, 2007 — Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V—III тыс. до н.э.). М., 2007 (Тр. ГИМ; Вып. 165).
- Эрдниева, 1970 — Эрдниева У. Э. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1970.
- Юдин, Матюхин, 2006 — Юдин А. И., Матюхин А. Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
- Яценко, 2000 — Яценко В. В. Отчет о раскопках курганного могильника Новопалестинский II в Песчанокоспском районе Ростовской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р. 1 № 22265. 2000.
- Badalyan, Avetisyan, 2007 — Badalyan R. S., Avetisyan P. S. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia. Oxford, 2007.
- Chernykh, 1992 — Chernykh E. N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.
- Kavtaradze, 1999 — Kavtaradze G. L. The importance of metallurgical data for the formation of a Central Transcaucasian chronology // The Beginnings of Metallurgy. Bochum, 1999.
- Moorey, 1999 — Moorey P. R. S. Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The archaeological evidence. Winona Lake, Indiana, 1999.
- Selimkhanov, 1975 — Selimkhanov I. R. Sur l'étude du fragment de vase de Tello appartenant au Musée du Louvre et le problème de l'utilisation de l'antimoine dans l'antiquité // Annales du Laboratoire de Recherche des Musées de France. Paris, 1975.
- Shortland, 2002 — Shortland A. An antimony bead from Jerablus Tahtani // Historical Metallurgy. 2002. Vol. 36 (1).
- Virchow, 1884 — Virchow R. Neuer Erwerbungen aus Transkaukasien, insbesondere eine Fensterurne und Schmucksachen aus Antimon // Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1884.
- Virchow, 1887 — Virchow R. Transkaukasische und babylonisch-assyrische Alterthümer aus Antimon, Kupfer und Bronze // Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1887.

Antimony in the Bronze Age of the Caucasus and South of Eastern Europe

E. I. Gak, R. A. Mimokhod, A. A. Kalmykov

This article discusses the aspects of appearance, distribution and use of antimony by the Bronze Age peoples of the Caucasus and Eastern Europe. In the archaeological publications on metal production, antimony for a long time was not considered among the most ancient metals. Meanwhile, this fact ran contrary to numerous finds of antimony from Caucasian and Volga-Ural sites and the presence of antimony deposits and mines in the Caucasus of the period in question.

Owing to X-ray fluorescent analysis of a series of objects, the fact of copious presence of antimony in the post-Catacomb Lolinskaya culture in the steppe Ciscaucasian region has been established thus defining the missing link in the chain of connections which led to the appearance of antimony in the south of Eastern Europe. Subsequently, aggregate analysis of the evidence on antimony artefacts from sites of the Lolinskaya and other cultures throughout the entire area under consideration and ancient mine working of antimony in the Caucasus has resulted in the conclusion that the primary hotbed of production of antimony arose at the final phase of the Middle Bronze Age in the central zone of the Caucasus near the Main Ridge. From there, antimony casting spread quickly eastwards and southwards. As to the north, the main stream of raw antimony or products from it was directed meridionally via the centre of the Caucasus. During the Late Bronze Age, this exportation was oriented to a great extent to the Volga-Ural consumers.

Antimony production was developed in different cultures and regions. Antimony was used primarily for casting jewellery due to its physico-chemical properties and the silvery lustre of the surface. Easily available and relatively safely produced, metallic antimony, throughout the most of Caucasian and East-European regions, replaced the similar in colour copper alloys with high contents of arsenic which previously dominated in production of small cast fittings.

The spacial-geographic and cultural-chronological regularities revealed concerning the spread of antimony were directly related with the global culturo-genetic processes embracing the south of Eastern Europe and Caucasus at the transitional phase between the Middle and Late Bronze Ages. The development of antimony casting by the population of the steppe Ciscaucasia was probably influenced by the southern, or rather East-Caucasian communities which partly established the Lolinskaya archaeological culture. In turn, the southern post-Catacomb cultural groups, after having become a component constituting the chariot cultures of the Volga and Volga-Ural areas, promoted the spread of antimony in these regions. Thus antimony is to be considered not only as a mark of cultural interactions in the period from the 22nd to 15th centuries cal BC, but, in addition, as a weighty argument in favour of the existence of the links between the Caucasian and Volga-Ural hotbeds of cultural genesis.

Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная археологическая типология)

М. Б. Рысин¹

Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа занимают ведущее место в археологических исследованиях. Важность тематики подкрепляется тем обстоятельством, что Кавказ являлся своего рода «мостом», соединявшим культуры Восточной Европы и Переднего Востока. Фундамент современных периодизаций для Кавказа и Восточной Европы образуют концепции В. А. Городцова (*Городцов*, 1905; 1915) и А. А. Иессена (*Иессен*, 1950).

Предложенные схемы стали «периодической таблицей элементов» в археологии. Уже более века созданные периодизации сохраняют свою актуальность: накопление и научное осмысление нового фактического материала приводит к заполнению «пустых клеточек» в «таблице» и к дополнению колонок культур Восточной Европы и Кавказа, а основная последовательность археологических культур эпохи палеометалла сохраняется.

Новации в методике и подходах связаны с понятиями надкультурного уровня. Это выделение культурно-исторических областей А. А. Формозовым (*Формозов*, 1959), очагов металлургии и металлообработки А. А. Иессеном (*Иессен*, 1951), провинций и зон металлообработки, в том числе «циркумпонтийской зоны металлообработки» Е. Н. Черных (*Черных*, 1978) и концепция очагов культурогенеза В. С. Бочкарева (*Бочкарев*, 1991; 1993; 1995а; 1995б). Концепция, предложенная В. С. Бочкаревым, изменяет традиционные взгляды на процесс

культурогенеза и на роль металлопроизводства в развитии древних культур.

При создании периодизационных схем археологических памятников и сопоставлении региональных схем возникает проблема абсолютной (и относительной) датировки выделенных этапов и определения их хронологической протяженности. Существуют два основных подхода к определению возраста памятников археологии: 1) традиционные методы — стратиграфический, типологический, картографический, сравнительно-исторический; 2) методы естественных наук — датирование по ¹⁴С (радиоизотопный метод), дендрохронология, датировка по вариациям магнитного поля и др.

Каждый из методов обладает свойственными ему недостатками и особенностями, влияющими на его точность. Так, при датировании традиционными методами сложности возникают уже при установлении стратиграфического положения. Артефакты, обнаруженные в культурном слое, могли быть использованы вторично. В состав сопроводительного инвентаря погребения могли попасть вещи, использовавшиеся или хранившиеся до этого длительное время (реликвии). Клады и жертвоприношения также могли формироваться сравнительно долго. Исследователям хорошо известны «подводные камни», ожидающие их на пути датирования артефактов при помощи метода типологических параллелей (конвергентное появление типологически близких артефактов, различное время их бытования в отдельных регионах). Важно также учесть, что, применяя метод датировки по типологическим параллелям, мы получаем не точную дату, но интервал бытования

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

© М. Б. Рысин, 2012

сходного типа артефактов — «terminus post quem» и «terminus ante quem».

Естественнонаучные методы датирования были разработаны в середине прошлого века. Первые десятилетия применения методов датирования по ^{14}C разочаровали исследователей из-за массовых несоответствий полученных дат хронологической шкале, опирающейся на письменные источники. Однако физики учли допущенные ошибки и сравнительно быстро усовершенствовали методику расчетов. Было установлено, что рассчитанные по содержанию в образцах изотопа углерода даты «омоложены». Причем такое омоложение дат возрастает при углублении в прошлое и достигает 500–700 лет у образцов III тыс. до н. э. С 1970-х гг. создаются так называемые калибровочные кривые для уточнения дат по ^{14}C .

Дендрохронология позволяет установить «календарный» возраст образца с точностью до одного-двух лет. Трудности в создании дендрохронологической шкалы вызваны тем, что наиболее древние эталонные деревья — секвойи американские — обнаружены в Калифорнии, а в других регионах по менее долговечным породам деревьев построены только «плавающие» отрезки дендрошкалы, которые необходимо «привязать» к эталонной шкале.

Из-за флуктуаций изотопов углерода в атмосфере в древности на калибровочной кривой имеются «зигзаги» (wobble), что приводит к значительным расхождениям в датах образцов, даже происходящих из одного комплекса. К проблемам абсолютного датирования по ^{14}C относятся сложности установления многочисленных факторов, влияющих на содержание изотопов в атмосфере, и выяснения процессов, протекающих с изотопами в образцах различной природы. Например, недавно было установлено, что так называемый резервуарный эффект приводит к «удревнению» датировок, полученных по образцам костей человека, по сравнению с датировками, полученными по костям животных, дереву и т. п. По поводу необходимости учета поправок на «резервуарный эффект» в печати развернулась дискуссия между Н. И. Шишлиной и С. Н. Корневским. Последний в статье о результатах новейших исследований майкопско-новосвободненской области (далее — МНО²) отрицает необходимость введения поправок на

«резервуарный эффект», объявляя его методической ошибкой (Шишлина и др., 2006; Шишлина, 2007; Корневский, 2008. С. 89–91). Однако полученные Н. И. Шишлиной результаты подтверждают существование этого эффекта, причем «удревнение» образцов костей человека по сравнению с образцами костей животных составило от 185 до 490 лет (Шишлина, 2010. С. 371–373). В результате автор пришла к выводу о необходимости корректировки радиоуглеродных дат, полученных при анализе коллагена из костей человека (Там же. С. 373).³

В богатых карбонатами почвах и грунтовых водах наблюдается эффект жесткой воды. Грунтовые воды растворяют геологический «древний» углерод, разбавляющий «современный» органический углерод. Такое смешение углеродных фракций приводит к увеличению ^{14}C возраста грунтовых вод. Попадая в реки и озера, эта обедненная ^{14}C вода смешивается с «молодыми» поверхностными водами. Таким образом, пресноводные моллюски, рыбы и водные растения могут демонстрировать увеличение ^{14}C возраста вплоть до нескольких сотен лет (Вагнер, 2006. С. 167). Соответственно, удревняется и ^{14}C возраст образцов костей человека.

Важнейшая особенность применения метода калиброванного датирования по углероду ^{14}C состоит в том, что в результате мы получаем не точную («календарную») дату, но «отрезок» хронологической шкалы, рассчитанный с определенной долей вероятности (1 σ или 2 σ — 68 % или 95 %).

В последние годы опубликованы «универсальные» хронологические схемы (для территории Юго-Восточной Европы и Кавказа), построенные на основе баз калиброванных ра-

мятников. Продолжающиеся споры по поводу основных понятий, этапов периодизации и даже культурной принадлежности этих памятников доказывают, что мы все еще находимся в самом начале изучения майкопского феномена.

³ Существование «речного эффекта» требует подтверждения на памятниках, где есть письменные источники. Н. И. Шишлина с коллегами (Плихт и др., 2007. С. 42, табл. 5) ссылаются на работу, в которой подобная проверка была проведена, — радиоуглеродным методом были датированы кости голландских графов и людей с известной датой смерти (Lanting, Plicht, 1995/1996). Результаты показывают, что в образцах имеет место «резервуарный эффект». Удревнение составило от 110 до 365 лет.

² Аббревиатура используется в качестве условного наименования майкопских и новосвободненских па-

диоуглеродных дат (Трифонов, 1996; 2001; Черных и др., 2000; Черных, Орловская, 2008; Кореневский, 2008; 2010). Мы рассматриваем переход от конвенциональных дат к калиброванным датам как одно из прогрессивных усовершенствований радиоуглеродного метода датирования археологических памятников. Тем не менее следует учитывать, что Кавказский регион пока не обеспечен *статистически достоверными* сериями датированных образцов из археологических памятников эпохи палеометалла. Как мы попытаемся продемонстрировать ниже, часть из этих датировок не может не вызывать сомнений. Поэтому, на наш взгляд, сегодня было бы правильнее опираться, в первую очередь, на традиционные сравнительно-типологические и стратиграфические наблюдения.

В представляемой вниманию читателей работе сопоставлены результаты датирования некоторых памятников Северного Кавказа традиционными археологическими и естественнонаучными методами.

Внимательно рассмотрим хотя бы часть из калиброванных дат и оценим достоверность и надежность опирающихся на них периодизаций кавказских памятников. Накопленные базы данных недавно были опубликованы в двух статьях, вошедших в одно издание. Даты с указанием процента вероятности приведены в работе Е. Н. Черных и Л. Б. Орловской (Черных, Орловская, 2008), а без указания процента — в работе С. Н. Кореневского (Кореневский, 2008). В работе Е. Н. Черных и Л. Б. Орловской, на наш взгляд, более наглядно передана природа калиброванных дат в виде интервала на графиках, что напоминает об их вероятностном, статистическом характере.

Проблемы абсолютного датирования энеолитических поселений. Сначала рассмотрим даты, полученные для энеолитических поселений Предкавказья. Традиционно эти памятники включались в майкопскую общность. А. Д. Столяр, исследовавший энеолитическое поселение Мешоко в долине р. Белой еще в начале 1960-х гг., прозорливо заметил «двуприродность» «майкопской» культуры и сложный, порой драматический характер взаимодействия различных племен в предгорьях Северного Кавказа в эпоху раннего металла (Столяр, 1964; 1996; 2009). В конце прошлого века было предложено считать энеолитические поселения предмайкопскими (А. А. Нехаев; С. Н. Ко-

реневский, А. О. Наглер), энеолитическими (А. Д. Резепкин), субстратными энеолитическими (М. Б. Рысин), культурой дарквети-мешоко (В. А. Трифонов), или, по терминологии С. Н. Кореневского, — памятниками с накольчато-жемчужной керамикой (далее — НЖК). Последнее наименование для энеолитических памятников я считаю наиболее удачным. Мне самому еще в 1980 г. (после сравнения керамики из Мешоко, Ясеновой Поляны и новосвободненских погребений) удалось заметить различие в технике нанесения так называемого жемчужного орнамента — определяющего приема декора посуды памятников новосвободненского этапа майкопской культуры. Выяснилось, что на поселениях выпуклины-жемчужины были выдавлены изнутри сосуда по сырой глине, а потом внутренняя поверхность сосуда замазывалась глиной. На сосудах из новосвободненских погребений выпуклины только налепные. На сосудах из открытого А. Д. Резепкиным Новосвободненского поселения «жемчужины» тоже налепные (Резепкин, 2008). О своем наблюдении я сообщил А. Д. Резепкину в 1980 г. При сопоставлении орнамента керамики энеолитических поселений, майкопских и новосвободненских погребений статистический анализ продемонстрировал достоверное различие групп памятников по элементам и мотивам декора (Рысин, 1991; 1992).

По мнению С. Н. Кореневского, энеолитическим памятникам НЖК по калиброванным радиоуглеродным датам соответствует диапазон 4500–4000 гг. до н. э. (Кореневский, 2008). Так ли это? Рассмотрим калиброванные интервалы датированных по ¹⁴C образцов (в основном костей животных) из энеолитических поселений Предкавказья.

Поселение Мешоко. Мощность слоя у обводной стены достигает 1,4–1,7 м (Столяр, 2009. С. 103, 171). Продатированы шесть образцов костей животных и один образец угля (вероятность — 68%). Интервалы датировок образцов из верхних штыков (1–2 штык): Ле-6342 — 5170±130, 4230–3810;⁴ Ле-6343 — 5170±80, 4220–3780. Нижние штыки: 4-й штык Ле-6344 — 5070±80, 3970–3780; образец угля из 7-го штыка Ле-6948 — 5390±140, 4350–4040. Стратиграфическая колонка разобрана по горизонтам в 6–10 см. Верхние 1–2-й горизонты (0,2 м):

⁴ Я опускаю здесь для экономии места расшифровку интервала: гг. до н. э.

Ле-6356 — 4770 ± 110 , 3700–3370. Нижние горизонты: 16–17-й горизонты (1,2 м) — Ле-6340 — 5210 ± 50 , 4220–3970; 18–20-й горизонты (1,3 м) — Ле-6341 — 5300 ± 60 , 4240–4040. Разве вас нестораживает совпадение интервалов дат из верхних штыков (первые две даты) и из нижних горизонтов колонки (на глубине 1,3 м)? Исследовавший укрепленное поселение Мешоко А. Д. Столяр полагает, что памятник существовал 150–200 лет (Там же. С. 204). Интервал калиброванных дат составляет 1000 лет (4400–3400 гг. до н. э.). Следовательно, снова придется выбирать «понравившиеся» диапазоны дат для построения хронологических таблиц, как это практиковалось на заре применения радиоуглеродного метода. Примечательна недавняя публикация калиброванных ^{14}C дат из Мешоко (*Зайцева и др.*, 2004). Авторы почему-то утверждают, что интервал калиброванного календарного возраста (исключая датировку 3700–3370) составляет 4000–3700 гг. до н. э. (Там же. С. 209). Однако «нижний край» интервалов практически всех опубликованных образцов старше 4200 гг. до н. э., а по образцу угля из 7-го штыка даже 4350 лет до н. э. (при вероятности 68%; Там же). Далее следует, на мой взгляд, «эквивалистика». Для пяти радиоуглеродных дат (одна дата по костям и дата образца угля здесь отбрасываются без каких-либо объяснений) рассчитывается *комбинированная* дата (нет, не «усредненная», а с использованием статистического критерия χ^2). Потом строится калибровочная кривая для отрезка распределения этой даты. Поскольку на этой кривой заметны «зигзаги» (wiggle), то в результате получаются до пяти заметных участков вероятного распределения калиброванного интервала этой даты. Интервал для 68% вероятности составляет 4040–3985 гг. до н. э. (Там же. С. 210). Остается только поздравить авторов, ведь им при помощи «ручки, чернил и простейших приемов математической статистики» удалось «превратить» интервал в *тысячу лет* для семи датировок из Мешоко в... 55 лет!

Поселение Ясенева Поляна. Мощность слоя около 0,6 м, а в стратиграфическом шурфе — до 1,6 м. Пять образцов дают даты в следующих интервалах (вероятность 68%): Ki-12717 — 3970 ± 70 , 2590–2300; ГИН-12642 — 4450 ± 150 , 3357–2905; Ki-12718 — 4770 ± 70 , 3650–3500; Ki-12715 — 5370 ± 70 , 4130–4040; ГИН-12643 — 5160 ± 120 , 4212–3800. Разница интервалов впечатляет: можно выбирать от конца V до середи-

ны III тыс. до н. э. С. Н. Корневский считает первый интервал чересчур «омоложенным» (*Корневский*, 2008. С. 85). Поскольку в коллекции керамики из двух верхних штыков Ясенева Поляны встречаются фрагменты, вероятно, относящиеся к эпохе средней бронзы, самый «молодой» интервал можно «реабилитировать». А. Д. Резепкин фиксирует на поселении новосвободненскую керамику (*Резепкин*, 2000). А как же датировать «предмайкопские» горизонты Ясенева Поляны? Видимо, как и все другие варианты датировок по ^{14}C поселений Предкавказья, — по «личным пристрастиям». Одни археологи выберут два последних интервала (конец V–начало IV тыс. до н. э.), другим специалистам больше «приглянется» интервал середины IV тыс., наконец, третьи предпочтут вторую половину IV тыс. до н. э. Очевидно, С. Н. Корневский выбрал для памятников с НЖК два последних образца. Я признаю право С. Н. Корневского выбирать те образцы, которые ему «больше нравятся», но как быть с остальными образцами, не укладывающимися в рамки предложенной им периодизации?

Поселение Замок (раскопки С. Н. Корневского; *Корневский*, 1998). Три образца демонстрируют здесь следующие временные интервалы (вероятность — 68 %): Ki-12713 — 4690 ± 70 , 3540–3360; Ki-12711 — 5140 ± 90 , 4040–3790; Ki-12712 — 5540 ± 90 , 4490–4320. Как говорится, — «выбирай на вкус»: вторую половину IV, первую треть IV, либо вторую половину V тыс. до н. э. Напомню, что С. Н. Корневский относит поселения с НЖК к 4500–4000 гг. до н. э. Как же соотносить даты образцов из энеолитических поселений с предложенной им самой схемой? Возможный алгоритм отбора «правильных» дат представляется следующим: сначала составляется схема периодизации, потом выбираются те интервалы дат по ^{14}C , которые подходят к нашей схеме и... — готово, проблема решена. Правда, есть еще образцы, не «укладывающиеся» в схему, но это не важно. Невнимательный читатель их вообще не заметит.

Гуамский грот. Для слоев с накольчато-жемчужной керамикой (НКЖ) из Гуамского грота, исследованного В. А. Трифоновым, были получены три даты (*Трифонов*, 2000. С. 261). Интервалы представлены с вероятностью 68 %. Уголь из слоя 11 — ОхА-4471 — 4905 ± 65 дал интервал 3770–3630. Уголь из более древнего 12-го слоя — Ле-4226 — 4570 ± 200 датирован 3650–3000.

Кость животного из слоя 12 — Ле-4237 — 4495 ± 80 дала наиболее «молодой» интервал 3350—3090. Как видим, интервалы укладываются в 3800—3700, 3700—3000 и 3400—3100 гг. до н. э., совпадая с интервалами диапазонов МНО. С. Н. Корневский предпочитает «не замечать», что даты части образцов из Ясеновой Поляны, Замка и *все* даты образцов из Гуамского грота приходятся на 3800—3000 гг. до н. э. — значительно моложе предполагаемого времени бытования на Кавказе энеолитических памятников с НЖК (Корневский, 2008. С. 82; 2009. С. 416).

В. А. Трифонов на основании тех же самых калиброванных радиоуглеродных дат поместил предмайкопские энеолитические поселения в интервал 4700—3700 гг. до н. э. (Трифонов, 1996. С. 44—45). Интервал бытования этих памятников у С. Н. Корневского сократился до 500 лет. Зато время бытования майкопских памятников «растянулось» от 800 лет (3700—2900 гг. до н. э.) у В. А. Трифонова (Там же. С. 45—47) до 1100 лет (4000—2900 гг. до н. э.) у С. Н. Корневского.

Таким образом, часть интервалов калиброванных радиоуглеродных дат для памятников НЖК не соответствует предлагаемым периодам существования этих памятников, — 4500—4000 или 4700—3700 гг. до н. э. Причем половина из датированных по ^{14}C образцов относится к IV тыс. до н. э., т. е. ко времени предполагаемого бытования на Кавказе памятников МНО. Подобная «нестыковка» не может быть разрешена даже с учетом наблюдений, свидетельствующих о вероятном сосуществовании отдельных памятников НЖК и МНО (Хаджох III, навес Мешоко, Ясенева Поляна; Резепкин, 1996. С. 52—53; 2000). Необходимо учитывать особенности формирования культурного слоя на бытовых памятниках Северного Кавказа и сложности в интерпретации их стратиграфии. Рельеф местонахождений сложный, часто культурные слои залегают на склонах. Методика снятия культурного слоя по штыкам приводила к тому, что материалы из различных строительных горизонтов «срезались» и смешивались. Судя по фрагментам от керамических сосудов, жизнь на поселениях возобновлялась и после финала МНО, однако стратиграфически эти поздние слои не удалось проследить. Например, на поселении Мешоко найдена протомеотская керамика, которую ранее сопоставляли с куроаракской (Формозов, 1965; Днепровский, Корневский, 1996). Из-за особен-

ностей грунта на поселениях сложно зафиксировать ямы и перекопы, если они не достигают материковой породы. Все эти обстоятельства надо помнить при попытках интерпретации археологических коллекций из поселений НЖК. К примеру, не следует рассматривать материалы из Ясеновой Поляны в качестве полноценного «закрытого комплекса».⁵ Мне удалось зафиксировать в материалах из Ясеновой Поляны фрагменты от сосудов эпохи средней бронзы. А. Д. Резепкин относит часть керамики из Ясеновой Поляны к новосвободненской культуре. Что это может означать? Отражают ли керамические комплексы последовательные этапы заселения памятника? Существовала ли новосвободненская культура на раннем этапе с энеолитической? У нас нет данных о взаимных влияниях этих культур. Во всяком случае, характерные приемы орнаментации посуды (выдавленные изнутри и налепные «жемчужины») их носители друг у друга не перенимали.

В результате, опираясь на различные данные, сегодня можно с большой долей вероятности утверждать, что памятники с НЖК появились раньше памятников МНО и затем сосуществовали с последними на соседних территориях. О более или менее надежном диапазоне абсолютных дат этих памятников (учитывая «разнобой» и противоречивость немногих датированных по ^{14}C образцов) говорить пока преждевременно.

Проблемы абсолютного датирования памятников раннего этапа МНО. А. А. Иессен в 1950 г. опубликовал обоснованную и типологически выверенную периодизацию для памятников Прикубанья. Ранний бронзовый век (далее — РБВ) он разделил на майкопский и новосвободненский этапы, а средний бронзовый век (далее — СБВ) — на привольненский и костромской (Иессен, 1950). Позднее, уже в конце своего жизненного пути, А. А. Иессен внес коррективы в предложенную им схему, обосновав удревнение памятников раннего этапа майкопской культуры до начала III тыс. до н. э. (Иессен, 1961). Предложенные А. А. Иессеном даты и периодизация памятников РБВ Северного Кавказа были приняты и усовершенствованы

⁵ Это тем более справедливо для материалов из майкопских стоянок со слоем в «один черепок», часто к тому же размываемых паводками, как стоянки на берегах Кубани и Терека.

Р. М. Мунчаевым. Он отнес к ранней группе Усть-Джегутинские курганы, а к поздней — Бамутские, выделив среднюю синкретичную группу памятников, с признаками обеих групп (Мунчаев, 1975; 1994). А. Д. Резепкин предложил разделить МНО на этапы в соответствии с тщательно разработанной стратиграфией могильника Клады. Ранний этап он именуется усть-джегутинским, второй этап — иноземцево-костромской, поздний этап — горизонт новосвободненских и синхронных им мегалитических гробниц. Комплекс Большого майкопского кургана (далее — БМК) было предложено относить к раннему этапу, но не к его началу, а к развитой фазе (Резепкин, 2000). По мнению А. Д. Резепкина, новосвободненские комплексы представляют самостоятельную культуру, существовавшую параллельно майкопской. Согласно гипотезе А. Д. Резепкина, майкопские памятники сформировались в результате миграции *восточноанатолийских* энеолитических племен, еще не испытавших воздействия «урукской колонизации». Новосвободненские же памятники (на иноземцево-костромском этапе) формировались миграцией на Северный Кавказ передневожосточных носителей урукской культуры на ее позднем этапе (Резепкин, 2004; Резепкин, Поплевко, 2009). А. Д. Резепкин считает, что деление майкопских древностей на ранние майкопские и поздние новосвободненские (по А. А. Иессену) и трехэтапная их периодизация (по Р. М. Мунчаеву) сегодня утратили свою актуальность. В. А. Трифонов предлагает деление памятников МНО на раннюю (усть-джегутинскую) фазу, среднюю (иноземцево-костромскую) фазу и позднюю (бамутскую) фазу (Трифонов, 2001). Ранние новосвободненские памятники, по его мнению, появляются в Закубанье на иноземцево-костромском этапе МНО. Наконец, С. Н. Корневский предложил разделить майкопско-новосвободненскую общность на несколько локально-хронологических вариантов (Корневский, 2004). Один из вариантов — галюгаевско-серегинский — занимает практически весь ареал МНО от Терека до Тамани и делится на раннюю и позднюю фазы. В Западном Предкавказье выделяется псекупский вариант, подразделяющийся также на раннюю и позднюю фазы. Другие варианты — долинский и новосвободненский — в основном соотносятся с поздней фазой МНО. Долинский вариант занимает восточную часть Предкавказья, а новосвободнен-

ский вариант ограничен Закубаньем (погребения могильника Клады и стан. Костромской). Наверное, из-за того, что доказательства выделения локально-хронологических вариантов субъективны и не до конца понятны, схемой С. Н. Корневского пользуется в основном сам ее автор. Во всяком случае, С. Н. Корневскому пока не удалось убедить в работоспособности предложенной схемы петербургских специалистов по майкопской культуре А. Д. Резепкина, В. А. Трифонова и Ю. Ю. Пиотровского. В свою очередь С. Н. Корневский не признает периодизацию МНО, предложенную петербургскими археологами. Складывается ситуация, когда каждый специалист использует свою периодизацию, отвергая гипотезы коллег, а количество схем периодизаций МНО практически равняется числу «майкоповедов». На мой взгляд, это вызвано рядом объективных причин: крайней «консервативностью» майкопской керамики и других категорий инвентаря; редкостью случаев прямой стратиграфии майкопских погребений, а также их тотальным ограблением (вероятно, погребения «вскрывались» соплеменниками покойников, добывавшими таким способом дефицитный металл).

Явная тенденция к удревнению хронологии памятников МНО прослеживается по публикациям ведущих специалистов, занимающихся этой проблематикой. Читателя не может не впечатлить динамика и масштаб «проваливания» в прошлое хронологической позиции известных комплексов из майкопских курганов. В работах А. Д. Резепкина, В. А. Трифонова и С. Н. Корневского (Резепкин, 1989; 1991; Трифонов, 1983; 1991; Корневский, 1981; 1984; 1991), опубликованных уже *после* выхода «знаковых» для «майкоповедов» статей М. В. Андреевой (Андреева, 1977; 1979), памятники МНО на основании типологических параллелей относятся к первой половине—второй трети III тыс. до н. э. (3100/3000—2400/2300 гг. до н. э.). Майкопскую культуру «сопрягают» на Древнем Востоке с периодами Джемдет-Насра — раннединастическим (Корневский, 1991. С. 39). Однако уже через несколько лет, опираясь на работы М. В. Андреевой, А. Д. Резепкин удревнил новосвободненские памятники до середины IV тыс. до н. э. (Резепкин, 1996. С. 53), а затем уже на тысячу (!) лет — до первой половины IV тыс. до н. э. (Резепкин, 2000). У В. А. Трифонова также (Трифонов, 1996. С. 45—46) ранний майкоп удревнился и соответствует на Пе-

реднем Востоке (по М. В. Андреевой) периоду Аму́к F, а по калиброванным датировкам ^{14}C — второй четверти IV тыс. до н. э. С. Н. Корневский утверждал, что раннемайкопские памятники (галюгаевско-серегинский майкоп) «соответствуют датам слоя Арслантепе VIA эпохи *Джемдет-Насра*, возможно началу раннединастического времени». Галюгаевские поселения им относились к интервалу 3300–2900 гг. до н. э. (Корневский, 1993. С. 100). Через пару лет памятники МНО синхронизируются С. Н. Корневским уже с эпохой «*позднего Урука и Джемдет-Насра*» и вновь с «датами Арслантепе VIA, — вторая половина IV—начало III тыс. до н. э. в калиброванных значениях ^{14}C » (Корневский, 1996. С. 57–58). Однако позднее в своей докторской диссертации и в обзорной статье по итогам изучения МНО (Корневский, 2004; 2008) С. Н. Корневский ранние памятники МНО помещает уже в *начало IV тыс. до н. э.* Полагаю, что подобный «кульбит» не связан с серьезным пересмотром типологических параллелей. Главную роль в перенесении начального периода МНО от начала III к первым векам IV тыс. до н. э. сыграли калиброванные радиоуглеродные даты образцов из майкопских памятников. Дело в том, что до России (точнее, до умов отечественных специалистов) как раз докатилась поднятая К. Ренфрю в Европе «волна», названная им самим «радиоуглеродной революцией» (Renfrew, 1973. P. 48).

Выясним, откуда в работах наших «майкоповедов» вообще взялась эта загадочная датировка — «начало IV тыс. до н. э.»? Кроме ссылок на калиброванные радиоуглеродные даты северокавказских памятников МНО, ведущие отечественные кавказоведы В. А. Трифонов, С. Н. Корневский и А. Д. Резепкин (в соответствии с наблюдениями М. В. Андреевой) соотносят ранний майкоп с фазой Аму́к F и со слоем VII Арслантепе. Коллеги приводят калиброванные даты по ^{14}C из Арслантепе VII — 3700–3500 до н. э. (Трифонов, 1996. С. 46; 1998. С. 261; Корневский, 2004. С. 66; Резепкин 2000. P. 17, 22). Вот тут и происходит нечто необъяснимое, какой-то загадочный «сдвиг» в датировках памятника Арслантепе. А. Д. Резепкин (а позднее к нему присоединяется и С. Н. Корневский) неожиданно удревяняет ранние майкопские памятники со ссылкой на калиброванные датировки слоя VII Арслантепе ... до начала IV тыс. до н. э. (Резепкин, 2000. P. 17, 22). Что

же это за «пластичные» датировки Арслантепе VII? Посмотрим, как в действительности обстоит дело с датами, которые принимаются в качестве надежной «опоры» для установления нижней хронологической позиции МНО.

В 2000 г. вышла статья Дж.-М. Носера с радиоуглеродными датами для Арслантепе. В статье упоминаются *шесть* калиброванных дат по ^{14}C для позднеэнеолитического слоя VII Арслантепе, которые дали диапазон 3640–3535 до н. э. Cal. BC. Здесь нет никакого намека на «начало IV тыс. до н. э.». Таким образом, VII слой Арслантепе датируется сегодня 3700–3600 гг. до н. э. (Nocera, 2000).

Для раннебронзового слоя VIA имеются уже 30 калиброванных дат по ^{14}C . Этот слой в целом датируется в интервале 3300–2900 до н. э. Дж.-М. Носера упоминает проблему интерпретации дат, полученных по образцам дерева от дверей и балок храмового комплекса B (слой VIA). Эти образцы дали удревяненные календарные даты 3708–3543 и 3494–3389 до н. э. Удревянение дат можно объяснить длительным использованием изделий из дерева на Древнем Востоке. Например, в древнем Уре деревянные двери включались в состав наследуемого имущества (Дьяконов, 1990). После разрушения сырцовых построек деревянные элементы конструкции, такие как двери и балки, сохраняли и устанавливали во вновь отстроенном жилище. Дендрохронологическая датировка балки из храма дала возраст 3374 ± 30 гг. до н. э. Очевидный «разрыв» в 300 лет в датах по ^{14}C слоев VI и VII Арслантепе пока никем не объяснен.

Итак, даже если проигнорировать малочисленность дат, полученных для слоя VII Арслантепе, здесь нет и намека на упомянутое коллегами *начало IV тыс. до н. э.* Следовательно, *на словах* синхронизируя ранний этап МНО с VII слоем Арслантепе, *на деле* коллеги утверждают большую древность северокавказских памятников.⁶

Обратимся теперь к калиброванным датам по ^{14}C , положенным в фундамент новой хронологии раннего этапа МНО. Напомню, что, опираясь на эти даты, ряд авторов относит ранние

⁶ Когда статья была уже закончена, А. Д. Резепкин высказал нам свое мнение о дате начального этапа майкопской культуры. На сегодняшний день он полагает, что, вероятнее всего, майкопские памятники появляются на Северном Кавказе со *второй трети IV тыс. до н. э.*

майкопские памятники к 4000–3700 гг. до н. э. (*Резеркин*, 2000; *Черных, Орловская*, 2008; *Кореневский*, 2004; 2008).

Галюгаевское I поселение. Культурный слой на этом памятнике толщиной в «один черепок», по словам автора раскопок С. Н. Кореневского, «не имеет особого окраса почвы и фиксируется только по уровню залегания черепков, развалов керамики, турлука и прочих находок» (*Кореневский*, 2008. С. 83). Здесь были получены две даты по образцам костей животных. Интервалы обеих дат (вероятность 68 %) «падают» на середину—вторую половину IV тыс. до н. э.: ОхА-3777 — 4530±70, 3360–3100; ОхА-3778 — 4650±80, 3630–3350. Однако С. Н. Кореневский (Там же. С. 84) слегка «лукавит», указывая интервал 68 %, поскольку последний диапазон распадается на два *неравноценных* участка: 3630–3590 (вероятность его 6,8 %) и 3530–3350 (вероятность 61,4 %; *Черных, Орловская*, 2008. С. 267). С. Н. Кореневский приводит две даты образцов из Галюгаевского III поселения (стоянка в 4 км западнее Галюгаевского I). Этот памятник был обнаружен в ходе разведок, как и еще четыре стоянки у ст. Галюгаевской (*Кореневский*, 1995). Образец кости животного — ОхА-3779 — 4980±120, 3820–3650 (46,8 %) и 3940–3850 (21,4 %) (*Черных, Орловская*, 2008). У С. Н. Кореневского та же дата дана с 68 % вероятности 3950–3650, т. е. здесь снова объединены два неравноценных по вероятности участка в 21 и 47 %. Образец керамики — Кі-13021 — 4920±90, 3800–3530 (68 %). Мне не удалось в работах С. Н. Кореневского найти сколько-нибудь развернутое описание материалов Галюгаевского III поселения. Очевидно, стационарные работы на этой стоянке не проводились, а материал получен из разведочного шурфа. Находки, опубликованные в работе 1995 г., ничем не отличаются от материалов из Галюгаевского I поселения.

Поселение Новосвободненское. Сегодня это единственное известное поселение новосвободненской культуры, которое, очевидно, существовало во время возведения курганов могильника Клады, а позднее здесь соорудили дольмены, насыпи над которыми перекрыли поселение. Культурный слой поселения толщиной в один штык или в «один черепок» (*Резеркин*, 2008). Образец угля из культурного слоя поселения — Ле-3645 — 3930±150, 2650–2150 (но это ведь интервал бытования постновосво-

бодненских памятников СБВ?). Другой образец угля из того же слоя — Ле-5032 — 4510±40, 3350–3100.

Несколько калиброванных дат по ¹⁴С получены для образцов костей человека из погребений МНО (вероятность 68 %). Село Брут, курган 3, погребение 3: ГИН-9037 — 5020±30, 3940–3710. Село Заманкул, курган 2, погребение 60: ГИН-8424 — 4670±35, 3520–3370; с. Заманкул, курган 1, погребение 70 (образец дерева): ГИН-8034 — 4820±70, 3700–3520. Река Кудахурт, курган 1, погребение 1: Кі-13009 — 4920±70, 3773–3644; р. Кудахурт, курган 1, погребение 3: Кі-12741 — 4610±60, 3520–3400; р. Кудахурт, курган 1, тризна 1 (кость животного): Кі-12733 — 4980±80, 3810–3660; р. Кудахурт, курган 1, тризна 2, яма в бровке (кость животного): Кі-12693 — 4340±80, 3100–2880. Однако при повторной датировке того же образца в той же самой лаборатории был получен совершенно иной результат: Кі-12692 — 4170±80, 2880–2620. Образец «помолодел» на 260 лет. Чего «стоят» в таком случае используемые нами сегодня даты по ¹⁴С! Как можно оценить их достоверность? Могильник Клады, — здесь также датировались в основном образцы костей человека (вероятность 68 %), — курган 11, погребение 43: ОхА-5058 — 4675±70, 3620–3360⁷; Клады, курган 11, погребение 3: Ле-4536 — 5310±160, 4330–3980 (С. Н. Кореневский не принимает эту дату в связи с ее крайне древним значением — *Кореневский*, 2008. Табл. 2, примеч.). Клады, курган 30, погребение 1 (мегалитическая гробница): Ле-4528 — 4620±40, 3500–3350; Клады, курган 31, жертвенник в кромлехе у мегалитической гробницы (кость палочка): GrA-21336 — 4810±70, 3660–3510; Клады, курган 29, погребение 1: Ле-4529 — 4960±120, 3940–3640. Здесь вновь С. Н. Кореневский объединил два неравноценных по вероятности интервала: 3940–3850 (18,5 %) и 3820–3640

⁷ Согласитесь, что автор «лукавит», давая в публикациях объединенный интервал 68 % (*Кореневский*, 2008. С. 84). Читатель ведь не сможет узнать, что вероятность «попадания» образца на «старшую» часть интервала (3620–3600) составляет лишь 4,2 %, а вероятность более «молодой» части интервала (3530–3360) составляет 64 % (*Черных, Орловская*, 2008. С. 268). Малая ложь, как известно, тянет за собой большую, поэтому такой подход девальвирует доверие к выводам исследователя.

(49,7 %) (Черных, Орловская, 2008. С. 268). Клады, курган 27 фрагмент ткани из мегалитической гробницы 1898 г.: GrA-21334 — 4200 ± 60 , 2885—2679; кость животного из этой же гробницы: GrA-21441 — 4270 ± 45 , 2909—2879.

Подведем итог нашего экскурса в новейший корпус калиброванных дат, использованных для определения *ранней* фазы МНО в рамках первой трети IV тыс. до н. э. Более 30 дат получены с четырех майкопских стоянок и из двух десятков погребений основного ареала майкопско-новосвободненской области. На ранний диапазон 4000—3700 гг. до н. э. приходится шесть датированных образцов. Две даты получены из поселения Галюгаевское III — 4000—3700 и 3800—3500 гг. до н. э.⁸ Одна дата получена из погребения 3 в кургане 3 у с. Брут (4000—3700 гг. до н. э.); еще одна — из могильника Клады, курган 29, погребение 1 (4000—3700 гг. до н. э.); наконец, две даты получены из кургана 1 у р. Кудухурт (из погребения 1 и из тризны — 3800—3700 гг. до н. э.). Что можно сказать об этих шести датах?

Начнем с поселения Галюгаевское III. Диапазон двух дат 500 лет (4000—3500 гг. до н. э.). На соседнем поселении Галюгаевское I получены даты в диапазоне 600 лет (3700—3100 гг. до н. э.). Длительность обитания на майкопских стоянках (со слоем в «один черепок») могла составлять от нескольких лет до десятков лет. Каким образом в таком случае определить «точку» их бытования на широком временном отрезке, предлагаемом радиоуглеродным методом датирования? Какие *объективные данные* позволяют отнести поселение Галюгаевское III к диапазону 4000—3500 гг. до н. э.? При этом близкое по археологическим материалам поселение Галюгаевское I почему-то помещают в диапазон 3700—3400 гг. до н. э.? При «точечности» периода обитания «майкопцев» на обеих стоянках это событие можно было отнести к любому иному (не столь экстремально древнему) отрезку вероятностного интервала (например, к 3700—3500 гг. до н. э.). На наш взгляд,

⁸ Корректнее, наверное (учитывая толщину слоя на памятниках в «один черепок» и реконструкции существовавших здесь легких наземных построек как «шалашей» или «вигвамов»), было бы применять для обозначения бытовых памятников майкопской культуры термин «стоянка», но в нарушение требований Полевого комитета их настойчиво и безапелляционно называют «поселениями».

столь значительный разброс в датах образцов, взятых на каждой из стоянок (500 и 600 лет), и большой разрыв в датах этих памятников (400 лет) ставит под сомнение результаты датирования. Во всяком случае, не следует использовать эти ненадежные даты при разработке периодизации памятников МНО. Апофеозом звучит здесь цитата из работы самого С. Н. Кореневского о датах по ^{14}C из Галюгаевских поселений: «по какой бы шкале отсчета данных ^{14}C мы ни брали результаты, они однозначно близки традиционной датировке по *археологической типологии* и соответствуют датам слоя Арслантепе VIA эпохи Джемдет-Насра, возможно началу раннединастического времени ... (3300—2900 гг. до н. э.)» (Кореневский, 1993. С. 100). Что же случилось с «традиционной датировкой по *археологической типологии*» всего через десять лет, что позволило автору в 2004 г. «удревнить» галюгаевский майкоп на целых 700 лет до 4000—3700 гг. до н. э. (Кореневский, 2004. С. 69—70)?

Перейдем к погребению 1 кургана 29 могильника Клады. Напомню, что этот могильник был полностью исследован, без преувеличения, самоотверженными усилиями А. Д. Резепкина, что само по себе представляет уникальный случай в практике полевых работ на Кавказе. Курган 29 могильника Клады был сильно поврежден грабителями в 1936 г. При расчистке грабительской ямы А. Д. Резепкину удалось доследовать погребение 1 и найти в нем кости человека, следы дерева от обкладки и перекрытия могилы и фрагменты от двух сосудов — чернолощеного и красно-охристого. Красно-охристый ангобированный сосуд имел реповидную форму тулова, короткую вертикальную шейку, а на его плечиках располагался горизонтальный «поясок» наколов в «елочку». По конструкции могилы и по керамике погребение относится к III горизонту (погребений в мегалитических гробницах) по тщательно выверенной стратиграфии могильника Клады (Rezepkin, 2000). Поэтому столь ранний диапазон даты по ^{14}C для погребения 1 кургана 29 (4000—3700 гг. до н. э.) выглядит сомнительно.

Большие курганы с мегалитическими гробницами на Кладах располагаются близко друг от друга в один ряд вдоль края крутого склона возвышенности. В начале ряда располагаются курганы, исследованные Н. И. Веселовским в 1898 г. (курганы 26 и 27), за ними следуют кур-

ганы, исследованные А. Д. Резепкиным (курганы 28, 29, 30 и 31). Складывается впечатление, что возведение всего ряда Больших курганов на Кладах не заняло много времени. Во всяком случае, у нас нет объективных данных, чтобы «растягивать» существование «горизонта гробниц» на несколько столетий (прежде всего по археологическим материалам и по данным стратиграфии). Что же показывают даты образцов из гробниц? Они «укладываются» в средний или поздний диапазон дат МНО. Например, дата кости человека из гробницы в кургане 30 — 3500–3400 гг. до н. э. Дата жертвенника в кромлехе насыпи над гробницей кургана 31 — 3700–3500 гг. до н. э. А для образца ткани и кости животного из гробницы в кургане 27 получена дата 2900–2700 гг. до н. э.

Итак, погребение 1 кургана 29 по стратиграфическому положению и по находкам керамики соответствует погребениям третьего горизонта могильника Клады. Радиоуглеродные даты образцов из новосвободненских гробниц этого горизонта соответствуют среднему и позднему интервалам дат МНО (3700–2700 гг. до н. э.). Следовательно, дата погребения 1 кургана 29 также должна относиться к среднему или позднему интервалу дат МНО. В таком случае интервал даты, полученной для погребения 1 кургана 29, следует исключить из рассмотрения как ошибочный. В противном случае следует признать синхронность горизонта гробниц раннемайкопскому этапу, а это предположение противоречит как стратиграфическим наблюдениям, так и типологии инвентаря МНО.

Продолжив рассмотрение датировок новосвободненских гробниц могильника Клады, заметим, что разрыв в 500 и даже в тысячу лет для трех гробниц (курганы 30, 31 и 27) не оставляет сомнений в ошибочности по крайней мере двух из этих дат. В самом деле, как убедительно показывают наблюдения А. Д. Резепкина (*Rezepkin*, 2000; 2010), новосвободненские материалы из мегалитических гробниц демонстрируют типологическую близость, позволяющую их синхронизировать в рамках узкого временного периода. Возведение пяти курганов с гробницами на Кладах могло осуществиться на протяжении 100–150 лет. Нет никаких объективных оснований растягивать этот период до 500 и тем более до 1000 лет. Как видно, калиброванные даты *среднего* и *позднего* диапазонов МНО ничуть не надежнее дат ее *раннего* этапа. Поправки на «ре-

зервуарный эффект» при датировании образцов из могильника Клады не учитывались.

Еще одно майкопское погребение, датируемое по ^{14}C 4000–3800 гг. до н. э., происходит из кургана у с. Брут в Северной Осетии. Курган входит в группу трех больших курганов у селений Брут и Заманкул, раскопанных В. Л. Ростуновым в 1993–1996 гг. (*Кореневский, Ростунов*, 2004). Высота кургана — 7,5 м, диаметр — 60 м. Основное погребение 3 было полностью ограблено в древности, удалось обнаружить только кости мужчины 50 лет. Образец костей человека дал экстремально ранний интервал (3940–3760 гг. до н. э. при 66 % вероятности). Поскольку в погребении не найдено инвентаря, ничто не может подтвердить его раннемайкопский возраст, и тем более нет никаких доказательств большей древности погребения кургана с. Брут по сравнению с курганами, расположенными у с. Заманкул. Большие курганы у с. Заманкул (по найденным здесь артефактам) относятся к раннему усть-джегутинскому этапу МНО, или к галюгаевско-серегинскому раннему варианту МНО по терминологии С. Н. Кореневского. В погребениях заманкульских курганов найдены майкопские сосуды и металлические изделия (тесло, топор, мотыга), близкие орудиям БМК. Это позволяет относить погребения заманкульских курганов к финалу раннего этапа МНО. Погребение у с. Брут сближается с погребениями у с. Заманкул по пропорциям удлиненных могильных ям. Интервалы калиброванной даты ^{14}C дерева из погребения 70, кургана 1 — 3700–3520 гг. до н. э. (68 %), а образца кости из погребения 60, кургана 2 — 3520–3370 гг. до н. э. (68 %). Это средний диапазон дат для МНО. Итак, экстремально ранняя дата образца кости из погребения 3, кургана 3 с. Брут выглядит сомнительной, поскольку нет никаких доказательств большей древности этого памятника по сравнению с майкопскими погребениями с. Заманкул, соответствующими среднему диапазону МНО. Можно добавить, что здесь также не была учтена поправка на «резервуарный эффект».

Во всяком случае, для непредвзятого исследователя должно быть совершенно ясно, что, оставшись в «гордом одиночестве», дата этого «начисто» ограбленного погребения никак не может служить основанием для отнесения раннего этапа майкопских памятников Северного Кавказа к XL–XXXVIII вв. до н. э.

Таким образом, если критически пересмотреть даты майкопских памятников, отнесенных к раннему диапазону, то выяснится, что на его *древнейший отрезок* не попадает ни один надежный образец, а для *верхней части* раннего диапазона в нашем распоряжении есть только два датированных образца из одного памятника — кургана у с. Кудахурт.

Теперь решайте, является ли с точки зрения математической статистики достоверной выборка, состоящая из двух или даже пяти датировок, полученных из памятников расположенных в обширном ареале от Закубанья до Центрального Кавказа?

Так называемые степные майкопские памятники (периферийная группа) демонстрируют следующие интервалы дат.

Большой Ипатовский курган, погребение 195, скелет 1 (68 %): ГИН-10298 — 4610 ± 140 , 3650–3100; погребение 195, скелет 2: ГИН-10301 — 4410 ± 170 , 3340–2900. Получается, что в одной могиле оказались два покойника с разностью в «возрасте» 200 лет? Большой Ипатовский курган, погребение 182 (68 %): ГИН-10300 — 4780 ± 110 , 3660–3370. Однако повторная датировка в этой же лаборатории дала совершенно иной результат (65 %): ГИН-10952 — 4390 ± 70 , 3100–2900. Интервалы дат костей человека в погребении 182 не перекрываются даже по «краям». Снова возникает дилемма: отнести майкопское погребение из Ипатовского кургана ко второй трети, к концу IV тыс. до н. э. или к началу III тыс. до н. э. В этом кургане были датированы образцы костей из майкопских могил: погребения 183 (68 %): ГИН-10307 — 4280 ± 260 , 3350–2550 и погребения 185 (65,5 %): ГИН-10302 — 4530 ± 100 , 3370–3080 (65,5 %). Восточный Маныч 66, курган 17, погребение 11 (костяная бусина; 68 %): GrA-21434 — 5095 ± 95 , 3990–3770. Манджикины-1, курган 14, погребение 13: ИГАН-2400 — 5100 ± 50 , 3970–3910 (24,8 %) и 3880–3800 (43,4 %). Результат этого образца в другой лаборатории: CrA-19521 — 4940 ± 45 , 3770–3650 (68 %). У С. Н. Кореневского также приведены два разных интервала: 3966–3803 и 3781–3693⁹. Как видим, различия в датах составляют от 100 до 200 лет. Появляется сомнение в достоверно-

сти дат. Напомним про неучтенный здесь «резервуарный эффект». Шарахалсун I, курган 2, погребение 17: ИГАН-2517 — 5190 ± 70 , 4230–3820 (68 %). Шарахалсун I, курган 2, погребение 12 (68 %): Ki-12709 — 4980 ± 80 , 3780–3620. Шарахалсун I, курган 5, погребение 7 — анализ образцов костей человека из этого погребения был произведен тремя лабораториями, и результаты говорят сами за себя: ИГАН-2399 — 5090 ± 110 , 3990–3760 (66 %); GrA-19252 — 4710 ± 100 , 3640–3370 (68 %); ГИН-13205 — 4510 ± 50 , 3352–3023 (68 %). Судя по полученным интервалам дат, покойник «сумел пожить» как на раннем, так и на среднем, и на позднем этапах существования майкопской культуры. Разница по краям интервала составляет 700 лет. Добавьте на чашу весов упомянутый «резервуарный эффект», и где окажется интервал даты этого погребения?

Таким образом, у нас имеется десяток датированных образцов из погребений степной майкопской периферии. Здесь на ранний диапазон (4100–3700 гг. до н. э.) приходится *четыре* образца костей человека из *трех* погребений (могильник Шарахалсун I, курган 2, погребения 12, 17; могильник Манджикины, курган 14, погребение 13). Учитывая отсутствие поправок на «резервуарный эффект» (Шишлина, 2010), следует пока исключить эти образцы при решении проблемы установления возраста ранних памятников МНО. Есть еще костяная бусина из Восточного Маныча 66, курган 17, погребение 11, интервал даты которой приходится на 4000–3800 гг. до н. э. Конечно, знакомство хотя бы с азами математической статистики не позволяет считать *достоверной* выборку образцов из *четырех* погребений для обоснования датировки раннего этапа МНО. Хронология раннего периода МНО не может опираться на несколько некритически подобранных дат.

Другой вывод из принятия ранних интервалов калиброванных дат МНО — это растягивание периода существования ее памятников на тысячу лет. Это подается сегодня как доказанный факт (Кореневский, 2008. С. 91). А где же доказательства? Нет ничего, кроме пока единичных и ненадежных (как мы попытались продемонстрировать выше) калиброванных радиоуглеродных дат. Может быть, имеются «жилые холмы» — телли с многометровыми культурными слоями, оставленными носителями МНО? Таких памятников точно нет на Кавказе. Здесь открыты лишь три десятка сто-

⁹ С. Н. Кореневский дает интервал с вероятностью 68 %, но мы должны помнить, что это «объединенные» интервалы — что-то вроде средних показателей температуры пациентов по больничной палате.

янок со слоем в «один черепок» и двести пятьдесят курганов. Самое главное, чего не хватает для подтверждения тысячелетнего бытования МНО на Северном Кавказе, — это типологического развития инвентаря МНО. Да, можно заметить различия артефактов из памятников двух групп или культур — майкопской и новосвободненской, что было прекрасно продемонстрировано еще А. А. Иессеном. Но даже «под микроскопом» не удастся разглядеть и обосновать пресловутое «саморазвитие» майкопских типов изделий на Кавказе, упоминаемое в работах С. Н. Кореневского. В самом деле, о какой эволюции можно говорить в отношении «бесчерепковых» ножей, топоров-мотыг, простых мотыг, плоских тесел, долот и других металлических изделий круга БМК? Все типы изделий появляются в готовом виде и выходят из употребления, ничуть не изменившись. Металлические изделия новосвободненского круга также появляются во вполне сложившемся виде и слабо меняются на протяжении всего времени своего употребления (Резепкин, 2004. С. 107; *Rezepkin*, 2010). Да и после исчезновения МНО очень проблематично обнаружить ее признаки в изделиях культур среднего бронзового века. Все это может свидетельствовать о сравнительно коротком периоде бытования памятников МНО в Предкавказье и о крайнем консерватизме традиций ее металлообработки, да и керамического комплекса тоже. Повторю, что у нас нет никаких данных для обоснования «проваливания» датировок ранних майкопских памятников в начало IV тыс. до н. э.

Майкопские земледельцы и пастухи жили в плетеных хижинах и переносили стоянки на новое место каждые несколько лет. Не совсем ясно, правда, какие причины вызвали перенесение стоянок с места на место. С. Н. Кореневский в качестве причины мобильности населения выдвинул гипотезу «периодического истощения почвы, сопровождающего ее поверхностную обработку (мотыжное земледелие), колебаниями паводков, локальными климатическими условиями с балансом тепла и влаги» (Там же). Разумеется, подтопление паводками не может объяснить расположение стоянок «кустами», протянувшимися на километры вдоль речных террас и отсутствие следов неоднократного восстановления стоянок после схода паводковых вод. Предположение о периодическом истощении почв, на наш взгляд, также не выдерживает критики, поскольку вступа-

ет в противоречие с наблюдением А. А. Бобринского, зафиксировавшего в тесте майкопской керамики Галюгаевского поселения регулярные добавки навоза животных, соломы и веточного корма (Там же). По мнению самого С. Н. Кореневского, такие добавки в тесте сосудов косвенно свидетельствуют о стойловом содержании скота, тем более что доказано присутствие в стаде майкопцев коров и свиней. Если же обитатели майкопских стоянок держали коров и свиней, тогда что мешало им восстанавливать плодородие почв, внося на свои огороды органическое удобрение в виде навоза? С. Н. Кореневскому для проверки этой гипотезы не требовалось «отправляться» за этнологическими параллелями в далекую Африку и Америку, как он сделал при поиске аналогий хижинам обитателей Галюгаевского поселения (Кореневский, 2004. С. 74), достаточно было поинтересоваться, как преодолевают периодическое истощение почвы на огородах соседней станицы.

Сегодня, благодаря открытиям отечественных археологов и наших коллег из государств Южного Кавказа, керамика, близкая майкопской, и другие материалы, сопоставимые с майкопскими (скорее протомайкопские), обнаружены в Дагестане, Грузии и Азербайджане, что позволяет реконструировать вероятный путь распространения племен предков носителей МНО с юга (Мунчаев и др., 2010). Близкая к майкопской посуде круговая керамика обнаружена на Северо-Восточном Кавказе на куроаракских поселениях (Великент II, Серженьюртовском и Луговом; *Gadzhiev et al.*, 2000). В Закавказье подобная «протомайкопская» керамика найдена на поселениях лейлатепинской группы (Лейлатепе, Пойлу, Бюк Кесик и др.), на многослойном памятнике Бериклдееби (в слое V) и на памятниках группы сиони-цопигинчи (Глonti, Джавахишвили, 1987; *Муσειбли*, 2007а; *Нариманов и др.*, 2007). Материалы, подобные майкопским, открыты в погребениях курганов Союг Булаг, а ранее — в курганах Си Гирдан и Учтепе. Отметим, что на Южном Кавказе и в Дагестане предшественникам майкопцев была известна сырцовая архитектура, развитая металлообработка бронзы и круговая высококачественная керамика. В Бериклдееби открыта окруженная оградой глиняная платформа с прямоугольной постройкой из кирпича, которые интерпретированы как «теменос» с храмом. В Предкавказье носители МНО, по-

видимому, утратили часть своего передневнос-точного наследия, сохранив и передав местным субстратным племенам сведения о металлопроизводстве и изготовлении посуды на гончарном круге. Однако ни в Дагестане, ни на Южном Кавказе не удалось обнаружить доказательств длительного тысячелетнего обитания «протомайкопцев».¹⁰ В Бериклдееби (Грузия) сравнительно «тонкий» протомайкопский слой V непосредственно перекрыт куроаракским слоем IV.¹¹ На пос. Великент II (Дагестан) майкопская керамика обнаружена в одном слое с куроаракской посудой периода Квацхелеби Е. Образцы из слоев с майкопской керамикой из поселения Великент II дали интервалы (68 %) 3365–3317, 3645–3352, 3335–3020 (*Gadzhiev et al.*, 2000. Р. 106). Ранее такая же майкопская керамика с орнаментом из оттисков гребенки была обнаружена (также вместе с куроаракской) на Серженьюртовском поселении (*Мунчаев*, 1965). Наконец, В. Л. Ростуновым в пещере Муштылагты-лагат (Северная Осетия) майкопская керамика была обнаружена в одном слое с ранней куроаракской посудой и с сосудами типа сиони-цопи-гинчи (*Ростунов*, 1994; *Ростунов, Танаева*, 2004). Перечисленные факты показывают, что распространение майкопского населения на север происходило через Северо-Восточный Кавказ и через перевалы Центрального Кавказа на раннем этапе бытования куроаракской культуры (период Квацхелеби Е). Пока отсутствуют свидетельства проникновения майкопцев через Главный Кавказский хребет в более ранний период — в начале IV тыс. до н. э.

А. Л. Нечитайло, сопоставив «предмайкопскую» керамику закавказских памятников с северокавказской майкопской керамикой, заметила различие в составе глиняного теста сосудов: на Южном Кавказе (Лейлатепе, Сиони, Бериклдееби) в глину была добавлена рубленая солома, а на Северном Кавказе майкопские сосуды были изготовлены из тщательно отмученного теста (*Нечитайло*, 1995). Подобное различие состава керамического теста может

свидетельствовать не о прямом проникновении майкопцев с юга, но о постепенном распространении в Предкавказье новой южной технологии изготовления глиняной посуды (Там же. С. 40).

Особо примечательна, на наш взгляд, утрата стандартов древневосточной цивилизации при продвижении предполагаемых предков майкопских племен с юга на север. На памятниках Южного Кавказа имеются прямоугольные в плане постройки из сырцовых кирпичей, а в Бериклдееби общественное здание — «храм», возведенное на кирпичной платформе. На поселении Великент II в Дагестане, наряду с сырцовой архитектурой, участок стены жилища включает несколько рядов кладки из обожженных кирпичей. Применение сырцовой кладки отмечено и для Серженьюртовского поселения (*Мунчаев*, 1975. С. 345). Но в ареале майкопской культуры уже нет признаков сырцовой архитектуры, а население обитало в плетенных из веток и обмазанных глиной «шалашах» (глиной обмазывались только стенки, а перекрытие было из прутьев и камыша). На Южном Кавказе обнаружены долговременные поселения, а на Северном — только стоянки со слоем «в один черепок». Именно отсутствие на майкопских стоянках следов сырцовой архитектуры служит доказательством длительного диффузионного процесса распространения «протомайкопцев» из Закавказья, адаптации их на Северном Кавказе и временного лага, отделяющего «майкопцев» от своих южнокавказских предков (периода, за который пришлые племена «забыли» прежние приемы домостроительства и перешли к возведению легких турлучных построек). О многоступенчатости процесса сложения майкопа на Кавказе (с адаптацией передневнос-точных мигрантов сначала в Закавказье, а затем с переселением их потомков на Северный Кавказ) писал С. Н. Корневский (*Корневский*, 1991. С. 40). Сегодня известны несколько калиброванных радиоуглеродных дат из памятников круга лейлатепе (*Музейбли*, 2007б. С. 264–265). Пять образцов из слоя поселения Бюк Кесик 1 (толщина отложений 60 см) дают интервалы от 4150–4120 до 3803–3649 (68 %). Четыре образца из слоя поселения Пойлу (толщина отложений 50–60 см) дали интервалы от 3940–3780 до 3660–3640 гг. до н. э. (68 %). Четыре образца из погребений под курганами Союг Булаг дали интервалы от 3930–3870 гг. до н. э. (курган 11) до 3570–3540 гг. до

¹⁰ Наибольшая мощность культурного слоя зафиксирована на поселении Лейлатепе — до 2 м (*Нариманов и др.*, 2007. С. 9). При использовании сырцовой архитектуры слой такой мощности мог сформироваться за 100–150 лет.

¹¹ Для слоя V имеется одна калиброванная дата: Ле-2197 — 4850±50, 3692–3547 (68 %) Cal. BC.

н. э. (курган 9; 68 %). При незначительной толщине отложений время существования поселений вряд ли могло превышать 100 лет. Интервалы калиброванных дат составляют здесь 300 (Пойлу), 400 (Союз Булаг) и даже 500 лет (Беюк Кесик 1). Неадекватность полученных дат заметна «невооруженным глазом». Например, образец из поселения Беюк Кесик с глубины 1,6 м показал возраст 3780–3700 гг. до н. э., а образец с меньшей глубины 1,4 м (т. е. более молодой) дал более древний возраст 3940–3720 гг. до н. э. (Там же. С. 264). Видимо, для датирования памятников культуры лейлатепе следует сегодня использовать не единичные спорные даты по ^{14}C , а сравнительно-типологический анализ.

В 1960-е гг. в лаборатории ЛОИА АН СССР были сделаны анализы проб дерева из перекрытия могилы большого учтепинского кургана, раскопанного А. А. Иессеном в Мильской степи (Азербайджан). Наряду с красноощеными «майкопскими» округлодонными сосудами в основном погребении найден фрагмент от горшка с петельчатой ручкой, уступом на плечике и уплощенным донцем. Горшочек с ручкой, дисковидная крышка и фрагмент от крупного сосуда с отогнутым краем венчика напоминают посуду куроаракской культуры. По мнению А. А. Иессена, полученные для учтепинского кургана даты по ^{14}C занижены из-за длительного периода роста арчи, из которой были изготовлены бревна перекрытия могилы (Иессен, 1965. С. 185–186). Калиброванные значения радиоуглеродных дат образцов из учтепинского кургана: Ле-305 — 4500 ± 120 , 3274 ± 326 до н. э.; Ле-300 — 4830 ± 230 , 3636 ± 535 до н. э. (Кавтарадзе, 1983. С. 107). Таким образом, с учетом возраста арчи интервал дат укладывается в 3800–2600 гг. до н. э.

В целом, единичные калиброванные даты и археологические материалы из памятников культуры лейлатепе соответствуют периодам ранний и средний урук на Древнем Востоке. Учитывая вероятное запаздывание в заселении Предкавказья майкопцами, по сравнению с периодом обитания их предков на Южном Кавказе, можно было бы определить появление ранних майкопских памятников на Северном Кавказе. Однако, по нашему глубокому убеждению, имеющихся сегодня калиброванных радиоуглеродных дат совершенно недостаточно для установления хронологической позиции «предмайкопских» памятников Южного Кавказа и ранних майкопских памятников.

Традиционные методы датирования. Синхронизация памятников МНО по «южной линии связей». После выхода работ Р. М. Мунчаева (Мунчаев, 1975; 1994) и статей М. В. Андреевой (Андреева, 1977; 1979) большинство исследователей-кавказоведов признает в качестве исходного импульса формирования майкопского феномена культурные влияния и миграцию населения из передневносточного ареала, а в качестве вероятного времени такого импульса рассматривается финал раннего–позднеурукский период. М. В. Андреева впервые выявила круг параллелей стилю, сюжетам и мотивам изображений на серебряных сосудах БМК в изображениях на печатях и «палетках» периодов позднего урука и джемдет-насыра в широком ареале от Египта до Элама (Андреева, 1979). Решающим аргументом синхронизации майкопских памятников Северного Кавказа с урукским периодом послужило сопоставление керамических сосудов, изготовленных с применением гончарного круга. Посуда сходного облика употреблялась в Сиро-Анатолийском регионе от урукского до раннединастического периода. Обнаружение типологически близких металлических изделий (наконечники копий, ножи, мотыги, диадемы, височные кольца, бусы, зеркала, фигурки животных и т. п.) также позволяет синхронизировать майкопские древности Северного Кавказа с урукским периодом на Древнем Востоке. В 1987 г. вышла статья Б. Тейссиер, позволяющая уточнить датировку передневносточных аналогий майкопских изображений (Teissier, 1987). Б. Тейссиер прослеживает связи Ирана, Сирии, Палестины и Египта в IV тыс. до н. э. по данным глиптики. Анализируются несколько сюжетов изображений, общих для всего рассматриваемого региона. Возникнув в Месопотамии в постубейдский период, эти сюжеты распространяются (в процессе торгово-обменных связей) в Сирию и Ливан, а оттуда в Египет. В Иране, Сирии, Ливане и Египте такие изображения удалось надежно датировать. Это периоды Суза II, III в Иране; Урук IV (средний и поздний урук) и Гавра XI–IX в Месопотамии; первое городское поселение — РБ I, II — в Библие; слой VIII в Хазоре; Нагада II, III в Египте, — середина–вторая половина IV тыс. до н. э. (Ibid. P. 46–49, Fig. 13). Реплики некоторых сюжетов (процессия животных, нападение хищника на травоядное, птица на спине животного, розетка, изображение реки; (Ibid. Fig. 1, 5–7) можно обнару-

жить в изображениях на серебряных сосудах БМК. Принимая во внимание, что появление упомянутых изображений связано с включением Кавказа в орбиту обменных отношений обширного Передневоосточного региона, можно рассматривать полученные даты в качестве «terminus post quem» для памятников группы БМК.

Типологически близкие новосвободненским наконечники копий с прямым черенком встречаются в Малой Азии в слоях VIA и VIB1 Арслантепе.

В. А. Трифонов (Трифонов, 1998) сопоставил майкопские изображения львов с амулетами в виде львиных голов из передневоосточных памятников позднеурукского времени — Урук, Сузы, Брак, Гавра. Недавно близкое по стилю и деталям с майкопскими изображение пары львиных голов, украшающих мраморную биконическую подвеску, обнаружено в слое 25 периода РБВ I (конец IV—начало III тыс. до н. э.) на поселении Норшунтепе в Восточной Анатолии (Hauptmann, 2000. P. 428, Abb. 2, 2). Еще одна костяная печать в виде фигуры лежащего льва найдена на поселении Хачинеби, в фазе B2 (Pittman, 1999. Fig. 3, 2). Аналогичная находка из Брака также датируется периодом позднего Урука (Ibid. P. 48).

Булавка из кости с плоской головкой треугольной формы, подобная найденной в раннемайкопском погребении кургана № 13 устье-дзегутинского могильника (Мунчаев, Нечитайло, 1966. Рис. 8, 2), происходит из слоя VIA восточноанатолийского поселения Арслантепе (Frangipane, Palmieri, 1983. Fig. 63, 1). Слой VIA Арслантепе относится к периодам позднего урука—джемдет насра.

Золотые нашивные розетки, подобные украшениям из комплекса БМК, найдены в погребениях периода РБВ Тепе Гавры (слой VIII—X, погребение 110; слой IX—X, погребение 109; Авилова, 2008. С. 76, рис. 18).

Бронзовая проушная мотыга, близкая к майкопским орудиям (БМК, Галюгай, Заманкул, Псекупс), найдена на куроаракском поселении Орчошани (Грузия; Orjonikidze, Jibladze, 2010).

Исследование технологии обработки металла МНО при помощи металлографического, рентгеноструктурного и рентгенофлуоресцентного микроанализа (XRF) позволило установить применение искусственных технологических приемов металлопроизводства: литье по восковой модели; ковку мышьяковых сплавов (6—

9 % As) с высокотемпературными отжигами, вызывавшими их размягчение (эффекты гомогенизации); инкрустацию бронз серебром и золотом; различные приемы получения серебрястых покрытий. Покрытия получались несколькими способами: лужением (медные и медно-мышьяковые сосуды покрытые оловом); серебрением методом выщелачивания (мелкая культовая скульптура из медно-серебряных сплавов); покрытием мышьяком (оружие, виллообразные предметы). Подобные технологические процессы ранее всего были освоены в ближневосточных центрах обработки металла, датируемых концом IV—первой половиной III тыс. до н. э. (Рындина, Равич, 2004. С. 13; 2012. С. 186). По мнению Н. В. Рындиной и И. Г. Равич, сложные, изощренные технологии зарождались в ограниченном числе *передовых центров металлургии*, из которых они распространялись в другие регионы. Только пришлые с юга мастера могли принести в майкопскую среду такие редкие технологии (Рындина, Равич, 2012. С. 186). Таким образом, технологический анализ майкопских металлических изделий также дает возможность установить «terminus post quem» для появления комплекса металлических изделий БМК и гробниц Новосвободной с конца IV тыс. до н. э. Исследования и выводы Н. В. Рындиной подкрепляют точку зрения о передневоосточном происхождении «сокровищ» БМК, в частности знаменитых серебряных сосудов с гравированными изображениями. Не только сложная технология, но и сама «школа изобразительного искусства» не могли «возникнуть» на Кавказе, — путь к этим шедеврам проложили поколения древневосточных мастеров. Примечателен аргумент С. Н. Корневского, приведенный в пользу местного кавказского производства серебряных сосудов майкопского кургана, — эти сосуды местные, поскольку повторяют формы майкопской керамики (Корневский, 1988). Логика автора вызывает недоумение, ведь майкопская керамическая посуда тоже не «местная», а происходит с Переднего Востока! Нам ближе точка зрения Ю. Ю. Пиотровского (Пиотровский, 1993. С. 49), рассматривающего БМК, Старомышастовский клад, Красногвардейский курган как неоднородные комплексы, представляющие собой «конгломерат вещей». Другими словами, перед нами погребения «варварских» вождей с импортными древневосточными вещами (Там же. С. 50).

Р. М. Мунчаев обратил внимание на совпадение яркой и самобытной традиции «жертвоприношений» «реликтовых» микролитических орудий геометрических форм в урукских памятниках (Урук, Ярымтепе II) и в БМК (Мунчаев, 1994. С. 170).

Характерными находками для майкопских поселений являются так называемые глиняные конусы (с отверстием и без отверстия) и «рогатые» кирпичи (Корневский, 2002. С. 94–95). Конусы зафиксированы на поселениях и в погребениях по всему ареалу МНО. Их находки вне основного ареала культуры, по мнению специалистов, отражают миграцию майкопского населения в Приазовье и на Нижний Дон (Константиновское и Раздорское поселения). Плоско-вогнутые «рогатые» кирпичи с желобками на вогнутой поверхности найдены на востоке майкопского ареала (Долинское и Луговое поселения). Фрагмент подобного кирпича найден и на поселении Чишхо на Кубани. Для определения хронологической позиции майкопских памятников Северного Кавказа представляет интерес обнаружение подобных глиняных конусов с отверстиями в памятниках куроаракской культуры Южного Кавказа (Озни, Шреш-Блур, Шенгавит) и на Переднем Востоке (Пулур XI, Тепе-Гавра IX–XII, могила 31; Тарс; Телль Хазна 1). Плоско-вогнутые кирпичи были также найдены в Закавказье на куроаракском поселении Амиранис-Гора (второй горизонт) и на восточноанатолийском поселении Арслантепе VIA (Там же. С. 97). Судя по этим параллелям, майкопские поселения с подобными изделиями можно отнести к урукскому периоду и периоду Джемдет Наср.

Как заметил Ю. Ю. Пиотровский: «учитывая отсутствие прямых аналогий, у нас есть единственная возможность выявить хронологическую позицию Майкопского кургана. Эта возможность связана с наличием каннелированных золотых бус (древневосточного типа) в Майкопском кургане и в погребении стан. Псебайской. В свою очередь, комплекс стан. Псебайской по аналогии наконечникам копий в Арслан-тепе VIA датируется концом IV–началом III тыс. до н. э.» (Пиотровский, 1998. С. 92). Напомним, что БМК относится всеми исследователями к *раннему этапу* МНО (пусть даже к его финальной поре).

В комплексе гробницы из слоя VIB1 Арслантепе найдены многочисленные металлические изделия, типологически близкие к новосвобод-

ненским (например, наконечники копий, кинжалы, украшения). Часть орудий демонстрирует также признаки, характерные для изделий постновосвободненских типов (плоские тесла, долота). Такое сочетание, вероятно, позволяет синхронизировать комплекс гробницы с финалом МНО на Кавказе. Слой VIB1 датирован началом III тыс. до н.э. (Frangipane et al., 2001).

Золотая шестигранная бусина из позднемайкопской могилы в Чегеме I, курган 5, погребение 3 находит типологическую параллель в погребении 429 раннединастического некрополя в Уре (Корневский, 1981. С. 277). В качестве параллели посоховидным серебряным булавам из погребений могильника Клады ранее приводили булавки из погребений в Кише периода РДІ (Пиотровский, 1982).

На наш взгляд, именно *типологические параллели* майкопских изделий в передневосточных комплексах составляют сегодня единственную *надежную основу* для определения хронологической позиции майкопских памятников Северного Кавказа.

В заключение анализа дат ранних памятников МНО на Северном Кавказе остановимся на одном доказательстве, которое, на наш взгляд, сегодня перевешивает рассуждения коллег из Москвы и Петербурга о раннеурукском и даже «убейд-урукском» возрасте памятников МНО. Мы имеем в виду мнение Р. М. Мунчаева, что майкопская керамика (равно как и другие материалы МНО) находит прямые параллели в передневосточной посуде позднеурукского и даже начала раннединастического периодов (например, Мунчаев, 2001. С. 34–35; 2007; Мунчаев и др., 2010. С. 316–318). Как известно, в отличие от нас с вами, коллеги, Р. М. Мунчаев вел успешные многолетние полевые исследования не только на памятниках Кавказа, но и Переднего Востока. Ему действительно «виднее», он один может обоснованно сопоставлять с майкопской посудой древневосточную керамику, которую неоднократно держал в руках, тогда как все остальные коллеги видели ее на иллюстрациях в книгах, либо, в лучшем случае, на музейных полках. Ученик Р. М. Мунчаева Ш. Н. Амиров также многие годы успешно исследует в Северной Месопотамии регион Хабурской степи. В его вышедшей недавно монографии приводятся сопоставления материалов из слоев памятника Телль-Хазна с комплексами других передневосточных теллей. Согласно наблюдениям Ш. Н. Амирова и ряда других

исследователей, распространение элементов южномесопотамской урукской культуры в долине среднего Евфрата, в районе, тесно связанном с Восточной Анатолией и Амукской долиной, началось со среднеурукского периода (3700 г. до н. э.). Однако *массовое* распространение элементов урукской культуры, в том числе характерной керамики, изготовленной с применением медленного гончарного круга, с примесью в тесте рубленой соломы и со «знаками гончаров» (в Арслантепе, на поселениях Амукской долины, на Телль Брак, пос. Хаммам эт Туркман и в Грай Реш), отмечается уже в слоях *позднеурукского периода* и периода *Джемдет Наср* (Амиров, 2010. С. 77). В слоях более раннего времени, соответствующих убейдскому периоду и началу раннего урукского периода (Тепе Гавра XIII–XII; Телль Лейлан VI), сравнительно часто встречается *расписная керамика*, которая не характерна ни для «протомайкопских», ни для собственно майкопских керамических комплексов.

Е. Н. Черных и Л. Б. Орловская сформулировали, по сути, программный лозунг специалистов, использующих радиоуглеродные даты для абсолютного датирования и создания периодизаций, в том числе памятников МНО: «Радиоуглеродные датировки и процессы их подробной систематизации позволили создавать широкие культурно-исторические полотна... Эти исследования продолжают решительную, а порой даже жесткую ломку традиционных взглядов на динамику и характер развития различных социумов и производственных центров эпохи раннего металла в Евразии. Вслед за резким сдвигом вниз по календарной шкале культур медного века Балкано-Карпатя, наступила пора перемен и в отношении блистательных по своим проявлениям древностей майкопского типа. Старая модель понимания динамики предпочитала черпать свои генеральные объяснения в аксиоме плавного, постепенного развития культур, едва ли не повсеместного диффузионизма, когда все должно было иметь своим источником в «Свете с Востока» (Ex Oriente Lux). Кажется, однако, что реальная жизнь в глубокой древности строилась по несколько иным законам» (Черных, Орловская, 2008. С. 264).

Как верно подмечено про решительную ломку традиционных представлений! Позволю только напомнить, что подоплекой «радиоуглеродной революции», вождем которой стал

К. Ренфрю, послужил глубокий комплекс неполноценности западноевропейских специалистов, выдвинувших в пику тезису Г. Чайлда — «свет с Востока» свой собственный, доморощенный, зато очень «патриотичный» и «продуктивный» лозунг — «не учите нас жить, наши европейские предки сами изобрели колесо».

Полагаем, что одним из главных позитивных результатов применения методов радиоуглеродных датировок, и в том числе получения калиброванных дат, явилось разрушение стереотипного взгляда на периодизацию памятников палеометалла. Это, в частности, привело к отказу от расположения памятников «в затылок друг другу», — появились «просветы» в последовательности памятников и этапов культурной периодизации. С одной стороны, такие разрывы отражают фактическую слабую степень изученности древних культур, а с другой — демонстрируют *вероятную протяженность* этапов культурной периодизации, реальные параметры которой нам пока неизвестны. Однако не стоит, забывая об особенностях и ограничениях метода абсолютного датирования, чрезмерно удревнять памятники и излишне «растягивать» во времени этапы культурной периодизации, ссылаясь на калиброванные даты.

Косвенным аргументом для удревнения ранних майкопских памятников послужила реплика орнаментации майкопских сосудов пролощенными линиями (геометрический пролощенный орнамент наносился на шейку и на плечики сосудов). Такой декор был известен на посуде, отнесенной к *среднему* этапу развития майкопской культуры — этап костромская-иноземцево. Сходный «пролощенный» декор обнаружен на керамике Сиро-Анатолийского региона от среднего урука до раннединастического периода (Reserved Slip Ware). Поскольку пролощенный декор не был зафиксирован на посуде раннего этапа майкопской культуры (усть-джегутинского), исследователи сопоставили *раннемайкопские* памятники с периодом, *предшествующим* «урукской колонизации», и начало майкопской культуры соотнесли с первыми веками IV тыс. до н. э. (Трифонов, 2003; Резепкин, 2003). Метод обоснования даты ранних майкопских памятников по *отсутствию* пролощенного декора на раннемайкопской и восточноанатолийской посуде выглядит небезупречно даже с точки зрения законов формальной логики. В ответ на подобные утверждения можно возразить, что памятники ранне-

го этапа майкопской культуры пока слабо изучены на Кавказе. Так, недавно пролощенный орнамент был выявлен на сосудах из погребения раннего этапа МНО (по периодизации С. Н. Кореневского и по радиоуглеродным датам: курган 1, погребение 2 на р. Кудахурт (*Кореневский и др.*, 2008)). По мнению С. Н. Кореневского, пролощенный орнамент на сосудах Кудахурта может рассматриваться как *прототип* такого стиля орнаментации на более поздних сосудах долинского варианта (Там же. С. 88). Таким образом, отсутствие пролощенного декора на керамике не может служить убедительным аргументом синхронизации комплексов начального этапа майкопской культуры с памятниками Восточной Анатолии, *предшествующими* «урукской колонизации». Да и доказательства проникновения на север через Кавказ передневожосточного населения до начала активной фазы «урукской колонизации» у нас пока не имеется. К тому же пролощенный орнамент на сосудах МНО не является прямой «калькой» с орнамента передневожосточной посуды (*Трифонов*, 2003. С. 74–75). На урукских сосудах орнамент в виде горизонтальных либо наклонных полос нанесен на верхнюю часть тулова. На посуде МНО пролощенный орнамент чаще всего представлен разнонаправленно заштрихованными треугольниками (паркетной композицией) и косой сеткой, нанесенной на плечики. Реже орнамент состоит из наклонных параллельных линий на плечиках или зигзагов на плечиках и шейке сосудов. Спорным и недоказанным является передневожосточное происхождение подобной орнаментации сосудов МНО. Тем более бесосновательны попытки хронологических «привязок» и синхронизации кавказских сосудов с длительно употреблявшейся на Переднем Востоке «Reserved Slip Ware».

Синхронизация памятников МНО по «западной линии связей». Западная линия синхронизации майкопских памятников направлена в Северо-Западное Причерноморье. С появлением на Кавказе майкопских памятников РБВ появляются и свидетельства распространения металлических изделий кавказских типов за границами ареала майкопских племен. Это колунообразные топоры (Верхнеднепровск). Наряду с единичными импортными изделиями уже на раннем этапе майкопской культуры в Подонье, Крым и Приднепровье распространялись кавказско-анатолийские рецепты медно-мышьяковистых сплавов и технология ме-

таллопроизводства, прежде всего способ отливки колунообразных проушных топоров в глиняной двухчастной литейной форме со вставным сердечником. Это подтверждают находки подобных литейных форм (Верхняя Маевка, Самарский остров) и топоров, изготовленных из местного металла — чистой меди (Павловский могильник, курган 31, погребение 4; Балаклава). На Константиновском поселении обнаружены следы металлообработки и обломки литейной формы для отливки проушного топора майкопского типа (*Кияшко*, 1994. Рис. 35).

С. Н. Кореневский очертил границы зоны влияния майкопа, охватывающие территории степей от Днепра и Крыма до Волги (*Кореневский*, 2004. С. 94). Объяснение этому явлению сам автор видит в прямом переселении майкопского населения на север, в степь, за пределы Предкавказья, а также в экспорте майкопских изделий в район Волго-Днепровского коридора. Присутствие кавказского населения в степном Причерноморье документируется находками майкопской керамики в слое Константиновского поселения (III группа посуды по В. Я. Кияшко — до 8,2 % от общего количества посуды; *Кияшко*, 1994. С. 76, 77). На Константиновском поселении найдены также глиняные конусы, жаровни кавказских типов и множество флажковидных наконечников стрел¹² (*Кияшко*, 1994. С. 46, 53; *Кияшко, Поплевко*, 2000). Глиняный конус найден также в 6-м слое поселения Раздорское 1, а флажковидные наконечники стрел присутствуют в 6-м и 7-м слоях Раздорского поселения (*Кияшко*, 1987. С. 77; 1994. С. 93, рис. 7, 11). О расселении «майкопцев» в Приазовье и на Нижнем Дону свидетельствуют и отдельные захоронения с майкопской керамикой (*Кореневский*, 2004. С. 94). Последние были найдены в Костырском могильнике (*Кияшко*, 1994. С. 124). Майкопские сосуды найдены и в других погребениях Приазовья (в Кой-

¹² Флажковидные наконечники стрел маркируют второй этап МНО — этап костромская-иноземцево по В. А. Трифонову и А. Д. Резепкину (I горизонт Кладов; *Резепкин*, 2004). Остается пока открытым вопрос о присутствии флажковидных наконечников в энеолитических памятниках — Хвалынском и Александровском могильниках (*Кияшко, Поплевко*, 2000. С. 253, 255). Либо эти наконечники отличаются от кавказских и появились здесь независимо от последних, либо флажковидные наконечники бытовали длительный период и непригодны для датирования памятников МНО.

сугских курганах, кургане Радутка, кургане 3 у Константиновского поселения и др.; Там же. С. 76, 77). В приазовских погребениях найдены также украшения, сопоставимые с майкопскими: височные кольца из бронзы, серебра и золота, кольца с подвесками из сердолика и гагата, связки из нескольких металлических колец (аналоги наборам в Старомышастовском кладе). Среди степных энеолитических погребений Нижнего Дона и Приазовья В. Я. Кияшко выделяет несколько групп, синхронных слоям поселений. По присутствию импортов и подражаний и по признакам обрядовой практики третья группа погребений синхронизирована им с майкопскими памятниками Северного Кавказа и с трипольскими памятниками этапа С1. Четвертая группа — погребения животиловско-волчанского типа — сопоставляется с новосвободненскими памятниками Кавказа и с трипольем этапа СII (Там же. С. 76–77, 80).

Ю. Я. Рассмакин и Г. Л. Евдокимов синхронизируют появление майкопско-новосвободненских сосудов и подражаний им в степном Причерноморье с этапом СII позднего триполья (конец IV—первая четверть III тыс. до н. э. по калиброванным радиоуглеродным датам; *Рассамакин, Евдокимов, 2009/2010. С. 26–28*). В. А. Трифонов в свое время сопоставил энеолитические прикубанские погребения с чернолощенными кубками и погребения с майкопским инвентарем (тип 8) с позднесреднеэпохскими, нижнемихайловскими памятниками и нижнедонскими погребениями группы IV по В. Я. Кияшко (*Трифонов, 1991. С. 100–104*).

В Причерноморье встречаются керамические сосуды, напоминающие майкопские горшки, в том числе и с пролощенным орнаментом. Такие сосуды происходят из погребений позднего этапа трипольской культурной общности и из погребений так называемой животиловской группы (животиловско-волчанская группа энеолитических погребений по Ю. Я. Рассмакину; *Ковалева, 1991; Рассмакин, 1991; 1993; Рассмакин, Самар, 1999*). В инвентарь могил этой группы входят также роговые и металлические крюковидные булавки, которые исследователи сближают с серебряными посоховидными булавками и золотыми иглами из новосвободненских гробниц на Кавказе (*Ковалева, 1991. С. 84; Рассмакин, 2001. С. 106*). По определению И. Ф. Ковалевой, «памятники животиловского типа — одна из составляющих в синхронистической цепи погребений, остав-

ленных взаимодействующими племенами, в культуре которых преобладали либо западные трипольские, либо юго-восточные кавказские (майкопско-новосвободненские) элементы...» (*Ковалева, 1991. С. 85*). Памятники животиловского типа концентрируются в Присамарье, а отдельные погребения найдены в Приазовье. Цепочка памятников животиловского типа, возможно, маркирует древний путь, выводивший к одной из основных переправ на Днепре, расположенной напротив устья р. Самары (Там же. С. 86). По мнению Ю. Я. Рассмакина, погребения животиловско-волчанского типа охватывают «степную зону от Дуная до Прикубанья, составляя единый культурно-хронологический горизонт, образуя ряд локальных групп» (*Рассамакин, 1991. С. 53*).

В. Г. Збеневич (*Збеневич, 1987. С. 115, 116*) высказал предположение о появлении сосудов с пролощенным и прочерченным орнаментом в майкопских могилах под влиянием позднетрипольских племен (например, остросереберный сосуд с прочерченным орнаментом в виде кося сетки в кургане 4, погребение 10 аула Уляп). С. Н. Корневский в совместной статье с К. А. Днепровским (*Днепровский, Корневский, 1996. С. 11*) отвергает такое предположение, утверждая, что сосуды с декором в косую сетку характерны для закубанского майкопа. А. Л. Нечитайло (*Нечитайло, 1991*) предполагала, что позднетрипольские сосуды с ребром на тулове и с орнаментом в косую сетку отражают распространение майкопских влияний в степной зоне. Сопоставление керамических сосудов из погребений животиловского типа с майкопской и новосвободненской посудой приведено в работе И. Ф. Ковалевой (*Ковалева, 1991. С. 82–83*). В погребениях животиловского типа присутствуют биконические сосуды, амфорки и реповидные горшки, находящие прямые типологические параллели в керамических комплексах МНО. Совпадают такие признаки как ангобирование поверхности сосудов, пролощенные зигзаги на шейке биконических горшков, горизонтальный пролощенный поясок в основании шейки сосудов, сетчатое лощение на плечиках амфорок. На внутренней стороне венчика реповидного сосуда из Павлограда (курган 8, погребение 3) нанесены параллельные вертикальные нарезки, как у сосуда из Усть-Джегутинского могильника (Там же. С. 81). Для синхронизации памятников МНО по западной линии связей представляется важ-

ным присутствием прямых аналогов специфическим майкопским сосудам с декором в виде косой сетки, зигзагов или пересекающихся косых линий (X-видный орнамент) в животиловско-волчанских памятниках степной зоны Причерноморья, погребениях IV группы Нижнего Дона (по В. Я. Кияшко), памятниках позднего триполья этапа СII. По трипольской линии животиловско-волчанские памятники синхронизируются с Усатово, Софиевским могильником и городско-касперовским (гординештским) вариантом позднего триполья (Там же. С. 85).

Другой тип сосудов МНО, выводящий на западную линию синхронизации, — так называемые тюльпановидные кубки с чернолощенной поверхностью. Подобные сосуды характерны для закубанских памятников МНО (горизонты I—III могильника Клады по А. Д. Резепкину, Уашхиту, Уляп, Общественный, Костромская, Серегинское поселение, поселение Чишко; *Днепровский, Корневский* 1996. С. 10—11). А. Д. Резепкин прослеживает присутствие подобных чернолощенных кубков в ряде погребений степного Причерноморья (*Резепкин*, 1991. С. 189—197). По его предположению, появление погребений с кубками отражает существование блока культур с чернолощенной керамикой, включающих культуру воронковидных сосудов, нижнемихайловские памятники и ранний этап новосвободненской культуры в Закубанье.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что первые контакты трипольских племен с носителями культур воронковидных сосудов фиксируются, вероятно, в конце этапа CI (Тадани), а активизация таких контактов связана с позднетрипольскими племенами периода СII (Брынзены III, Жванец, Шовб; *Дергачев, Манзура*, 1991. С. 57; *Manzura*, 1993; *Dergachev*, 1999). Позднетрипольские памятники синхронизируются с культурой воронковидных кубков, нижнемихайловской культурой и с поздними майкопскими памятниками Северного Кавказа (*Dergachev*, 1999. P. 46—47, Fig. 16). Именно в этот период появляется реальная возможность соединить в общую синхроническую цепь разнотипные памятники от Карпато-Днепровского региона до степного Прикубанья. И на этом же этапе в степной зоне появляются погребения с чернолощенными кубками и крюковидными подвесками (болградского типа) из кости и металла. На юго-восток распространя-

лись позднетрипольские племена из лесостепной зоны. По мнению Ю. Я. Рассамакина, об этом свидетельствует «цепочка» животиловско-волчанских погребений, протянувшаяся от Днепровского надпорожья через долину р. Самары в Приазовье. Здесь, в долине р. Кальчик, притоке р. Кальмиус, у с. Вишневатое исследовано погребение (курган 2, погребение 4) животиловского типа с расписным позднетрипольским сосудом касперовского (гординештского) типа (*Рассамакин*, 1998. С. 65).

Значение синхронизации майкопских памятников с трипольской культурой особенно велико, «поскольку любое сколько-нибудь заметное продвижение западных культурных традиций на восток вряд ли могло миновать “трипольское сито” и в каком-либо виде должно было проявиться в трипольском ареале» (*Дергачев, Манзура*, 1991. С. 56).

Для синхронизации майкопских памятников по западной линии может представлять интерес сопоставление бронзовых ножей с широким, слабо отделенным от плечиков черенком. Ножи этого типа являются маркирующими орудиями для майкопского компонента МНО. Подобные ножи известны также в разнотипных комплексах к западу от Кавказа: в Западном Причерноморье, Прикарпатье, среднем Подунавье. Ножи западного ареала были проанализированы И. Вайсовым (*Vajsov*, 1993), который выделил 12 типов изделий энеолита—ранней бронзы. При этом с майкопскими можно сопоставить ножи двух типов: бодрогкерестур и софиевка. Ножи типа бодрогкерестур известны с территории Венгрии, Румынии и Болгарии, ножи типа софиевка найдены на территории Молдавии, Украины и Румынии. Самые ранние ножи типа бодрогкерестур синхронизируются с трипольскими памятниками этапа VII. Остальные находки ножей этого типа синхронизируются с памятниками этапа CI. По мнению И. Вайсова, архаичные изделия без заклепочных отверстий типа бодрогкерестур стоят в самом начале типологического ряда подобных орудий. Вероятно, они восходят к кремневым прототипам. Ножи типа софиевка автор склонен считать производными от изделий типа бодрогкерестур. Один экземпляр ножа типа софиевка найден на поселении Городница финала этапа VII триполья. Остальные находки ножей этого типа происходят из памятников позднего триполья этапов CI и CII. По составу металла ножи делятся на две

группы: западную группу изделий из «чистой» меди и восточную группу медно-мышьяковых изделий. Ножи типа бодрогкерестур относятся к медной группе, а орудия типа софиевка — к медно-мышьяковой группе. Медно-мышьяковая группа изделий соответствует кавказско-анатолийской традиции металлообработки. И. Вайсов на основании калиброванных радиоуглеродных дат относит ножи типа софиевка из Молдавии и Украины к IV тыс. до н. э. (3900/3800–3100 до н. э.) и полагает независимое распространение ножей (подобных типу софиевка) на Кавказе (майкопская культура) и в Юго-Восточной Европе. Все-таки можно предположить существование неких связей через степную зону, что вызвало на этапе позднего триполья распространение типологически близких изделий (тип софиевка и майкопский «с подтрапещиевидным черенком»), изготовленных из сходных медно-мышьяковистых сплавов. Такое допущение позволит нам синхронизировать майкопские памятники с памятниками позднего триполья.

Примечательно также заключение Н. В. Рындиной по поводу «больших» усатовских кинжалов. Эти изделия найдены в трипольских памятниках финала этапа СII. Согласно наблюдениям Н. В. Рындиной, при их изготовлении применялись технологические приемы покрытия мышьяком (придающие поверхности изделия серебристый цвет), известные анатолийским металлургам и новосвободненским мастерам. Типологически усатовские кинжалы близки анатолийскому оружию начала—первой половины III тыс. до н. э. (Рындина, Конькова, 1982). Однако по калиброванным радиоуглеродным датам усатовские кинжалы относятся к IV тыс. до н. э. Здесь, на наш взгляд, следует отдать предпочтение типологическому и технологическому анализам, а не калиброванным датам по ¹⁴C. Тем более, что существуют разногласия по определению верхней границы финальных трипольских памятников (Бурдо, Видейко, 1998). Так, Г. Парцингер датировал этап СII IV тыс. до н. э. (3400–3100 гг. до н. э. Cal. BC; Parzinger, 1993). К.-П. фон Вехлер — 3150–2880 до н. э. (Cal. BC; Wechler, 1994). М. М. Ковалюх с коллегами — 3300–2900 до н. э. (Cal. BC; Kovaljukh et al., 1995). С. Б. Кадров датирует некрополь Софиевки (финал этапа СII) началом III тыс. до н. э. — 2920–2790 до н. э. (Cal. BC; Kadrow, 1995). Сегодня украинские исследователи определяют даты трипольских памят-

ников следующим образом: этап CI — 3600/3400–3200 гг. до н. э., этап CII — 3400/3200–2750 гг. до н. э., а для финала триполья принята калиброванная дата 3150–2750 гг. до н. э. (Videiko, 1999; Видейко, 2004. С. 97).

Учитывая приведенные выше наблюдения, большинство археологов по западной линии синхронизируют ранние майкопские памятники с трипольем этапов ВII–CI, CI, YI, а новосвободненские памятники — с трипольем этапа CII, YII и с финалом триполья (Dergacev, 1999. P. 43–47; Дергачев, Манзура, 1991. С. 57; Манзура, 2005. С. 77; Ковалева, 1991. С. 85; Рассемакин, 1991. С. 54–55; 2001; Рассемакин, Будников, 1993. С. 137; Рассемакин, Самар, 1999; Рассемакин, Евдокимов, 2009/2010. С. 26–28; Кияшко, 1994. С. 80; Нехаев, 1992. С. 82–83; Трифонов, 1996. С. 47). Статистическая обработка базы данных по калиброванным датам и сопоставление полученных интервалов дат трипольских и майкопских памятников продемонстрировали совпадение майкопских дат с датами триполья этапа С (Черных, Орловская, 2008). Установлено, что нижние даты майкопского диапазона граничат с периодом триполье В, но практически не переслаиваются с последним (Там же. С. 264. Рис. 5). При этом вероятный хронологический диапазон майкопских памятников (4050–3050 гг. до н. э.; 68 %) берется с учетом даже тех единичных ранних датировок, в достоверности которых мы усомнились (см. выше).

Если перевести сопоставление на надкультурный уровень, то трипольская культурная общность связана с функционированием балкано-карпатского очага металлообработки. Трипольские культуры, включая памятники развитого этапа (триполье В), относятся к энеолитическому периоду, как и новоданиловская культура и памятники НЖК на Кавказе. Памятники МНО на Кавказе связаны с функционированием кавказского очага металлообработки и принадлежат к периоду раннего бронзового века. К тому же этапу относятся константиновская культура и позднетрипольские памятники.

Особого мнения придерживается А. Д. Резепкин. Он синхронизирует ранние майкопские и ранние новосвободненские памятники с трипольем этапов VI–II (Rezepkin, 2000. P. 16, 21). В качестве доказательства такой синхронизации А. Д. Резепкин упоминает обнаружение фрагментов каменных зооморфных жезлов на

поселениях Ясенева Поляна и Константиновка (*Резепкин, 1996; Кияшко, 1994. С. 55, рис. 33, 10; Нехаев, 1992. С. 82, рис. 4*). По его мнению, каменные «навершия» распространились на обширной территории от Волги до Дуная сравнительно быстро и существовали очень недолго (вторая половина этапа триполье VI). Однако это вопрос спорный. Нет доказательств синхронизации Константиновского поселения и Ясеновой Поляны. В. А. Трифонов, В. Я. Кияшко, А. А. Нехаев и С. Н. Корневский с трипольем В и с новоданиловскими памятниками синхронизируют энеолитические поселения Западного Кавказа (в том числе и Ясенева Поляну), а Константиновское поселение соотносят со средним этапом МНО и синхронизируют с поздним трипольем CI–II (*Трифонов, 1996. С. 47; Кияшко 1994; Нехаев, 1992; Корневский, 2009*).

Для синхронизации по западной линии материалов Константиновского поселения имеются достоверные данные. На Нижнем Дону многолетними работами В. Я. Кияшко исследован уникальный многослойный памятник — Раздорское поселение 1 (*Кияшко, 1987; 1994*). Судя по стратиграфической колонке Раздорского поселения, триполью В, новоданиловским памятникам, Хвалынскому могильнику, а также поселению Свободное (НЖК) соответствуют здесь слои 4–5 (*Кияшко, 1987; 1994. С. 79*). Материалы константиновской культуры находят соответствие в слоях 6–7 Раздорского поселения (*Кияшко, 1994. С. 44–46, 80*). Для константиновской культуры В. Я. Кияшко предлагает сопоставление с памятниками МНО на Северном Кавказе, а по западной линии синхронизирует ее с позднетрипольской городско-касперовской группой (Там же. С. 61–62).

Принципиальное отличие погребений с каменными зооморфными «скипетрами» от синхронных МНО погребений III и IV групп Нижнего Дона и Приазовья состоит в их принадлежности к различным этапам археологической периодизации. Погребения со «скипетрами» относятся к стадии энеолита. Металлические изделия в их инвентаре встречаются редко и включают только украшения и мелкие шилья. Погребения III и IV групп принадлежат к раннему бронзовому веку, и металлические изделия в них встречаются намного чаще. В состав металлических изделий, наряду с украшениями, входят ножи, тесла, долота, шилья, а из

слоя Константиновского поселения происходит обломок от формы для отливки проушного топора. Таким образом, стратиграфические и типологические наблюдения опровергают предположение А. Д. Резепкина о синхронности Константиновского поселения (по находке фрагмента от зооморфного «скипетра») с трипольем этапа В. На подобную «нестыковку» обращали внимание и другие археологи. Так, С. Е. Жеребилов, ссылаясь на находку обломка «скипетра» из Константиновского поселения, высказал предположение, что схематические зооморфные «скипетры» бытовали вплоть до позднего триполья этапа CI (*Жеребилов, 1998. С. 37*). Правда, в этом случае «скипетры» утратили бы свою роль в качестве хронологических маркеров.

На том же «обломке от скипетра» «споткнулись» и авторы статьи, посвященной исследованию флажковидных наконечников стрел Константиновского поселения (В. Я. Кияшко и Г. Н. Поплевко). Авторам не удалось преодолеть противоречия в оценке хронологической позиции материалов Константиновского поселения. В результате они вынуждены были констатировать, что по связям с майкопскими памятниками константиновская культура синхронизируется с этапами триполья CI–II, а по обломку от «скипетра» соответствует триполью VI (*Кияшко, Поплевко, 2000. С. 255–256*). Если здесь последовательно отстаивать позицию А. Д. Резепкина о синхронности обломка «скипетра» и крестовидной булавы «мариупольского» типа материалам Константиновского поселения (и майкопским комплексам), то можно прийти к выводам о синхронности «майкопа» не только с Хвалынским могильником (схематические «скипетры»), но и с Мариупольским могильником (крестовидная булава, украшения из клыков кабана). В итоге, складывается абсурдная ситуация *существования* памятников различных эпох и периодов: мариупольских, хвалынских, новоданиловских, среднестоговских, майкопских, ранних курганных энеолитических погребений, кавказских поселений НЖК, трипольских памятников этапов В и С. А. Д. Резепкин не берет в расчет, что Константиновское поселение (не смотря на находки обломков от крестовидной булавы и «скипетра») нельзя синхронизировать с Хвалынским и Мариупольским могильниками. Для проверки подобных гипотез лучше всего «свериться» с материалами многослойного

Раздорского поселения. Здесь, как ясно продемонстрировал В. Я. Кияшко, хвалынским и константиновским памятникам соответствуют комплексы из различных слоев — 4–5 и 6–7 (Кияшко, 1987; 1994).

С подобным «несоответствием» столкнулся недавно и С. Н. Корневский (Корневский, 2010), рассматривая энеолитические подбойные захоронения Предкавказья. В составе их инвентаря присутствуют предметы, характерные для энеолитических могильников, синхронных триполью VI (кремневые ножевидные пластины, украшения из клыков кабана, медная бляшка с пуансонным орнаментом), а также майкопская круговая керамика с пролощенным орнаментом. Однако калиброванные даты образцов из этих погребений соответствуют среднему и позднему этапам МНО и триполью С (Там же. Табл. 1). Пытаясь дать объяснение подобному сочетанию артефактов различных эпох в инвентаре захоронений, С. Н. Корневский высказал предположение, что на севере степного Ставрополя «пережиточные» энеолитические традиции существуют до эпохи ранней бронзы (периода триполья CI; Там же. С. 106).

Наконец, возможно иное объяснение появления «скипетров» на поселениях. На Константиновском поселении и на Ясеновой Поляне найдены не целые «скипетры», а только их фрагменты. На поселения эти фрагменты могли попасть из более древнего контекста, например, из разрушенных энеолитических погребений. В этом случае обломки «скипетров» на поселениях были вторично использованы и не могут применяться для датирования культурного слоя. Поселенческий слой нельзя рассматривать в качестве полноценного «закрытого» комплекса. За примерами не придется далеко ходить. Достаточно привести факт обнаружения обломка каменного браслета в верхнем «позднеямном» слое Михайловского поселения на Днепре (Коробкова и др., 2009. С. 213). Сегодня по находке этого обломка браслета никто уже не синхронизирует верхний слой Михайловского поселения ни с майкопскими памятниками, ни с памятниками НЖК на Кавказе. Точно так же два обломка от каменных браслетов были найдены нами в культурном слое поселения Старчики (культура строителей дольменов эпохи средней бронзы). Обломки от каменных браслетов, найденные в составе инвентаря майкопского и новосвободненского

погребений (Усть-Джегутинский могильник, курган 3, погребение 9; Мунчаев, Нечитайло, 1966. Рис. 3, 6; Клады, курган 15, погребение 1; Rezapkin, 2000), вероятно, отражают традицию помещения в могилу неких архаичных предметов-реликвий. Существование подобной традиции подтверждается помещением в могилу БМК кремневых сегментов. Вторичным, «ритуальным» использованием можно объяснить и обнаружение каменного полированного топора-тесла энеолитического облика вместе с бронзовым теслом в погребении начала СБВ кургана 12 могильника Клады. Так что обломки «скипетров» из поселений Константиновское и Ясенева Поляна вряд ли могут служить в качестве надежного аргумента для синхронизации этих памятников, а тем более памятников МНО, с трипольем VI.

В последние годы наметилась еще одна — южная линия синхронизации для кавказских зооморфных жезлов. Два реалистичных каменных зооморфных жезла обнаружены в подкурганых погребениях в протомайкопском (или раннемайкопском?) контексте к югу от Кавказского хребта (Си-Гирдан и Союз Булаг). Недавно в публикации инвентаря основного погребения кургана 1 у сел. Тельманкенд (Азербайджан) был представлен артефакт, судя по описанию, также являющийся зооморфным жезлом реалистического типа: «...удлиненный камень с изваянием головы лошади (?) на конце. Рельефно обозначены грива и уши. Морда срезана, вдавленными линиями отмечен рот» (Махмудов, 2008. С. 39). По типам черенковых копий, плоских тесел и керамических сосудов это подкурганное погребение вполне сопоставимо с куроаракскими памятниками и с новосвободненскими памятниками развитого этапа. Напомним, что В. А. Трифонов сопоставляет резное изображение головы льва на конце жезла из Си-Гирдана с изображениями львов на передневожосточных печатях и амулетах позднеурукского периода (Трифонов, 1998; 2000. С. 260). Обнаружение зооморфного жезла в Тельманкенде свидетельствует о длительности использования подобных артефактов. Иными словами, предположение о синхронности памятников МНО с трипольем этапа В (на основании обнаружения на поселениях фрагментов от зооморфных жезлов) сегодня утрачивает свою актуальность.

Находки артефактов МНО в слоях стратифицированных поселений (Константиновское,

Раздорское 1), а также обнаружение керамических сосудов МНО (вероятно, подражаний) в погребениях степной зоны Причерноморья и Крыма позволяют сегодня надежно синхронизировать «степной майкоп» с поздним трипольем этапа СII.

Подведем итог нашей работы. Более или менее надежные даты памятников МНО (по методу типологических параллелей) приходятся на вторую половину IV—начало III тыс. до н. э. Этому соответствует и большинство калиброванных дат по ^{14}C . При попытке датирования памятников МНО первой половиной IV тыс. до н. э. мы переходим в область предположений и рассуждений «общего порядка», подкрепленных несколькими калиброванными датами по ^{14}C . Надежно обосновать такую раннюю хронологическую позицию майкопских памятников Северного Кавказа сегодня не представляется возможным. Попытка еще большего «удревнения» памятников МНО — до начала IV тыс. до н. э. — основана исключительно на «общих рассуждениях», дополняемых одиночными ненадежными датами по ^{14}C .

Повторю, что положительно отношусь к естественнонаучным методам датирования археологических памятников и уважаю усилия специалистов, разрабатывающих и применяющих такие методы. Однако любой метод является лишь инструментом для решения научных проблем. Мы считаем некорректными попытки построить периодизацию древних культур Кавказа на основании малого числа калиброванных образцов.

Авилова, 2008 — Авилова Л. И. Металл Ближнего Востока. М., 2008.
 Амиров, 2010 — Амиров Ш. Н. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV—первой половине III тыс. до н. э. М., 2010.
 Андреева, 1977 — Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
 Андреева, 1979 — Андреева М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1.
 Бочкарев, 1991 — Бочкарев В. С. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.
 Бочкарев, 1993 — Бочкарев В. С. Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТД конф. СПб., 1993.

Бочкарев, 1995а — Бочкарев В. С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы: (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995.
 Бочкарев, 1995б — Бочкарев В. С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита—бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конф. (21–25 августа 1995 г. Саратов). СПб., 1995.
 Бурдо, Видейко, 1998 — Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю. Основы хронологии Триїлля-Кукутені // Археологія. Київ, 1998. № 2.
 Вагнер, 2006 — Вагнер Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.
 Видейко, 2004 — Видейко М. Ю. Периодизация и хронология трипольской культуры // Энциклопедия трипольской культуры. Киев, 2004. Т. 1, кн. 1.
 Глonti, Джавахишвили, 1987 — Глonti Л. И., Джавахишвили А. И. Новые данные о многослойном памятнике эпох энеолита—поздней бронзы в Шида Картли-Бериклдеоби // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. М., 1987 (КСИА; Вып. 192).
 Городцов, 1905 — Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т. 1.
 Городцов, 1915 — Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915.
 Дергачев, Манзура, 1991 — Дергачев В. А., Манзура И. В. Европейский компонент майкопской культуры в контексте взаимосвязей центрально- и восточноевропейских общностей // МФ. Л., 1991.
 Днепровский, Корневский, 1996 — Днепровский К. А., Корневский С. Н. Сравнительный анализ керамики Галюгаевского и Серегинского поселений майкопской культуры // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996.
 Дьяконов, 1990 — Дьяконов И. М. Люди города Ура. М., 1990.
 Жеребилов, 1998 — Жеребилов С. Е. От памятников новоданиловского типа к скелянской культуре // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: ТД VII Донской археологической конф. (Ростов-на-Дону, 22–26 ноября 1998 года) Ростов н/Д, 1998.
 Зайцева и др., 2004 — Зайцева Г. И., Бузова Н. Д., Семенов А. А. Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004.
 Збенович, 1987 — Збенович В. Г. Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
 Иессен, 1950 — Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. 12.

- Иессен*, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИАСК. М., 1951 (МИА; № 23).
- Иессен*, 1961 — *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка // ТД на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1961.
- Иессен*, 1965 — *Иессен А. А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // Труды Азербайджанской археологической экспедиции: Т. 2 (1956–1960 гг.). М.; Л., 1965 (МИА; № 125).
- Кавтарадзе*, 1983 — *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.
- Кияшко*, 1987 — *Кияшко В. Я.* Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. М., 1987 (КСИА; Вып. 192).
- Кияшко*, 1994 — *Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н. э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
- Кияшко*, *Поплевко*, 2000 — *Кияшко В. Я.*, *Поплевко Г. Н.* Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов, 2000. Вып. 16.
- Ковалева*, 1991 — *Ковалева И. Ф.* Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра (к выделению животиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1991.
- Корневский*, 1981 — *Корневский С. Н.* Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. 1981. № 1.
- Корневский*, 1984 — *Корневский С. Н.* Новые данные о металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Корневский*, 1988 — *Корневский С. Н.* К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
- Корневский*, 1991 — *Корневский С. Н.* К вопросу о майкопе на Среднем Тереке // МФ. Л., 1991.
- Корневский*, 1993 — *Корневский С. Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
- Корневский*, 1995 — *Корневский С. Н.* Галюгай I — поселение майкопской культуры. М., 1995.
- Корневский*, 1996 — *Корневский С. Н.* Проблема стадийного соотношения поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры (в свете текущей дискуссии) // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX Крупновские чтения (Москва, апрель 1996 г.). М., 1996.
- Корневский*, 1998 — *Корневский С. Н.* Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1.
- Корневский*, 2002 — *Корневский С. Н.* Глиняные конусы и плоско-вогнутые кирпичи майкопско-новосвободненской общности // Археология (IV) и Этнология (III) Кавказа. Тбилиси, 2002.
- Корневский*, 2004 — *Корневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.
- Корневский*, 2008 — *Корневский С. Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Корневский*, 2009 — *Корневский С. Н.* Поселение энеолитической эпохи Предкавказья, Ясенева поляна — наследие П. А. Дитлера // Stratum plus. 2005–2009. Кишинев, 2009. № 2: Воины медного века.
- Корневский*, 2010 — *Корневский С. Н.* Радиоуглеродная хронология энеолита, раннего бронзового века Предкавказья в сравнении // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апреля 2010 г.): ТД. Магас, 2010.
- Корневский и др.*, 2008 — *Корневский С. Н.*, *Атабиев Б. Х.*, *Аккизов А. Я.*, *Хашироков А. Х.* Майкопские погребения кургана I на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Корневский*, *Ростунов*, 2004 — *Корневский С. Н.*, *Ростунов В. Л.* Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Коробкова и др.*, 2009 — *Коробкова Г. Ф.*, *Рысин М. Б.*, *Шапошникова О. Г.* Проблемы изучения древнеямной культурной общности в свете исследования Михайловского поселения // Stratum plus. 2005–2009. Кишинев, 2009. № 2: Воины медного века.
- Манзура*, 2005 — *Манзура И. В.* Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // Stratum plus. 2003–2004. Кишинев, 2005. № 2: Дискурс цивилизаций.
- Махмудов*, 2008 — *Махмудов Ф.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку, 2008.
- Мунчаев*, 1965 — *Мунчаев Р. М.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3.
- Мунчаев*, 1975 — *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев*, 1994 — *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994 (Археология России).
- Мунчаев*, 2001 — *Мунчаев Р. М.* Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001 (Материалы и исследования по археологии России; Вып. 3).
- Мунчаев*, 2007 — *Мунчаев Р. М.* Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007.
- Мунчаев и др.*, 2010 — *Мунчаев Р. М.*, *Амиров Ш. Н.*, *Магомедов Р. Г.* Восточный Кавказ и проблема кавказско-

- месопотамских связей в IV–III тыс. до н. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010.
- Мунчаев, Нечитайло, 1966 — Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3.
- Муσειбли, 2007а — Муσειбли Н. А. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку, 2007.
- Муσειбли, 2007б — Муσειбли Н. А. Радиоуглеродная хронология лейлатепинской культуры // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007.
- Нариманов и др., 2007 — Нариманов И. Г., Ахундов Т. И., Алиев Н. Г. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку, 2007.
- Нехаев, 1992 — Нехаев А. А. Домайкопская культура Северного Кавказа // АВ. СПб., 1992. № 1.
- Нечитайло, 1991 — Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991.
- Нечитайло, 1995 — Нечитайло А. Л. Истоки майкопской керамики // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Пиотровский, 1982 — Пиотровский Ю. Ю. Хронология посоховидных булавок и вопросы опорных дат «северокавказской» культуры // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. М., 1982.
- Пиотровский, 1993 — Пиотровский Ю. Ю. «Майкоп» и древний Восток // Эрмитажные чтения: Памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1993.
- Пиотровский, 1998 — Пиотровский Ю. Ю. Периодизация ювелирных изделий в циркумпонтийской провинции (энеолит–ранняя бронза) // Шлиман, Петербург, Троя. СПб., 1998.
- Плихт и др., 2007 — Ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Хеджес Р. Е. М., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагов О. А. Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия // РА. 2007. № 2.
- Рассамакин, 1991 — Рассамакин Ю. Я. О соотношении степных и новосвободненских памятников // МФ. Л., 1991.
- Рассамакин, 1993 — Рассамакин Ю. Я. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья (по погребальным памятникам) // The Fourth Millennium В. С. Sofia, 1993.
- Рассамакин, 1998 — Рассамакин Ю. Я. Станица Новосвободная и Понтийская степь: новый источник решения актуальной проблемы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: VII Донская археологическая конф. (22–26 ноября 1998 года). Ростов н/Д, 1998.
- Рассамакин, 2001 — Рассамакин Ю. Я. Подвески болгарского типа как специфический индикатор миграционных процессов на рубеже энеолита–раннего бронзового века в понтийских степях // XV Уральское археологическое совещание: ТД. Междунар. науч. конф. (17–21 апреля 2001 г., Оренбург). Оренбург, 2001.
- Рассамакин, Будников, 1993 — Рассамакин Ю. Я., Будников О. Б. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток // Археологія. 1993. № 3.
- Рассамакин, Евдокимов, 2009/2010 — Рассамакин Ю. Я., Евдокимов Г. Л. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2009/2010. № 13/14.
- Рассамакин, Самар, 1999 — Рассамакин Ю. Я., Самар В. А. Миграции в Понтийских степях на рубеже энеолита: новые источники к решению проблемы // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.
- Резепкин, 1989 — Резепкин А. Д. Северо-западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
- Резепкин, 1991 — Резепкин А. Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии Майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Резепкин, 1996 — Резепкин А. Д. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита–ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // МАЕ. СПб., 1996.
- Резепкин, 2000 — Резепкин А. Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясеновая Поляна // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000.
- Резепкин, 2003 — Резепкин А. Д. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом // МИАК. Краснодар, 2003. Вып. 3.
- Резепкин, 2004 — Резепкин А. Д. Некоторые аспекты формирования эпохи поздней бронзы на Северном Кавказе // МИАК. Краснодар, 2004. Вып. 4.
- Резепкин, 2008 — Резепкин А. Д. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Резепкин, Поплевко, 2009 — Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н. Начало раннебронзовой эпохи на Северном Кавказе // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2009. Вып. 17.
- Ростунов, 1994 — Ростунов В. Л. К вопросу о соотношении энеолитической, майкопской и куро-аракской культур в горной зоне Центрального Кавказа (по материалам пещерной стоянки Мыштулагты-лагат) // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.
- Ростунов, Танаева, 2004 — Ростунов В. Л., Танаева Б. Г. О протомайкопском компоненте в энеолитической керамике из слоя 3 пещерной стоянки Мыштулагты-лагат // МИАСК. Армавир, 2004. Вып. 4.
- Рындина, Конькова, 2004 — Рындина Н. В., Конькова Л. В. О происхождении больших Усатовских кинжалов // СА. 1982. № 2.
- Рындина, Равич, 2004 — Рындина Н. В., Равич И. Г. Феномен серебристых покрытий на изделиях майкопской культуры Северного Кавказа // Археология и естественнонаучные методы. Конф. памяти Б. А. Колчина. М., 2004.

- Рындина, Равич*, 2012 — *Рындина Н. В., Равич И. Г.* Роль Передней Азии в сложении и развитии металлопроизводства майкопской культуры Северного Кавказа // Земледельцы и скотоводы древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. Киев; СПб., 2012.
- Рысин*, 1991 — *Рысин М. Б.* Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
- Рысин*, 1992 — *Рысин М. Б.* Закубанье в эпоху средней бронзы (По материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.
- Столяр*, 1964 — *Столяр А. Д.* Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // ТД сессии, посвященной итогам научной работы ГЭ за 1963 год. Л., 1964.
- Столяр*, 1996 — *Столяр А. Д.* О реалиях Майкопского кургана как свидетельств драматургии энеолитической истории Кубани // МАЕ. СПб., 1996.
- Столяр*, 2009 — *Столяр А. Д.* Феномен древнейшей крепости Мешоко // Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. СПб., 2009.
- Трифонов*, 1983 — *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
- Трифонов*, 1991 — *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита—средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Трифонов*, 1996 — *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита—бронзы Северного Кавказа // МАЕ. СПб., 1996.
- Трифонов*, 1998 — *Трифонов В. А.* Переднеазиатские прототипы майкопских изображений львов: стиль и хронология // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1998.
- Трифонов*, 2000 — *Трифонов В. А.* Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: сб. материалов. СПб., 2000.
- Трифонов*, 2001 — *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита—средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. конф. Самара, 2001.
- Трифонов*, 2003 — *Трифонов В. А.* Майкопская керамика с «пролощенным» орнаментом // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в ГИМ. М., 2003. Ч. 1.
- Формозов*, 1959 — *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Формозов*, 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Черных*, 1978 — *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
- Черных и др.*, 2000 — *Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Черных, Орловская*, 2008 — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Шишлина*, 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V—III тысячелетия до н. э.). М., 2007 (Труды ГИМ; Вып. 165).
- Шишлина*, 2010 — *Шишлина Н. И.* Новые данные о резервуарном эффекте в Прикаспии (по материалам современных и археологических образцов) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апреля 2010 г.): ТД. Магас, 2010.
- Шишлина и др.*, 2006 — *Шишлина Н. И., Ван дер Плихт Й., Севастьянов В. С., Зазовская Э. П., Чичагова О. А.* К вопросу о поправке на резервуарный эффект и радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Dergacev*, 1999 — *Dergacev V.* Cultural-Historical Dialogue Between the Balkans and Eastern Europe (Neolithic—Bronze Age) // Thraco-Dacia. 1999. T. 20, No. 1–2.
- Frangipane, Palmieri*, 1983 — *Frangipane M., Palmieri A.* A Protourban Centre of the Late Uruk Period // Origini. Roma, 1983. V. 12. 2.
- Frangipane et al.*, 2001 — *Frangipane M., di Nocera G. M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.* New Symbols of New Power A Royal Tomb from 3 000 BC Arslantepe. Malatya (Turkey) // Paléorient. 2001. Vol. 27/2.
- Gadzhiev et al.*, 2000 — *Gadzhiev M. G., Kohl Ph. L., Magomedov R. G., Stronach D., Gadzhiev S. M.* Daghestan-American archaeological investigations in Daghestan, Russia 1997–1999 // Iran. 2000. Vol. 41.
- Hauptmann*, 2000 — *Hauptmann H.* Zur Chronologie des 3. Jahrtausends v. Chr. am oberen Euphrat aufgrund der stratigraphie des Noreuntepe // Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe-IIIe millenaires: Actes du colloque d'Istanbul, 16–19 Dйcembre 1998. Paris, 2000 (Varia Anatolica 11).
- Kadrow*, 1995 — *Kadrow S.* Absolute chronology of the Sofievka Type in the light of «Wiggle matching» analysis. Cemeteries of the Sofievka type: 2950–2750 BC // Baltic-Pontic Studies. Poznań, 1995. Vol. 3.
- Kovaljukh et al.*, 1995 — *Kovaljukh N., Videiko M. Yu., Skripkin V.* Chronology of Sofievka type Cemeteries: archaeological and isotopic one. Cemeteries of the Sofievka type: 2950–2750 BC // Baltic-Pontic Studies. Poznac, 1995. Vol. 3.

- Lanting, Plicht*, 1995/1996 — *Lanting J. N., van der Plicht J.* Wat hebben Floris V, skelet Swifterbant en visotters gemeen? // *Palaeohistoria*. 1995/1996. № 37/38.
- Manzura*, 1993 — *Manzura I.* The East — West interaction in the mirror of the eneolithic end early bronze cultures in the northwest Pontic // *Revista Arheologică*. Chişinău, 1993. 1.
- Nocera*, 2000 — *di Nocera G.-M.* Radiocarbon datings from Arslantepe and Norsuntepe: the fourth—third millennium absolute chronology in the upper Euphrates and transcaucasian region // *Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVE-IIIe millenaires: Actes du colloque d'Istanbul*, 16–19 Décembre 1998. Paris, 2000 (*Varia Anatolica* 11).
- Orjonikidze, Jibladze*, 2010 — *Orjonikidze A., Jibladze L.* Once again about the Orchosani settlement site // *Dziebani*. Tbilisi, 2010. 19.
- Parzinger*, 1993 — *Parzinger H.* Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der jungstein-, kupfer- und frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittlerem Taurus // *Römisch-germanische Forschungen*. Mainz am Rhein, 1993. Bd 52. T. 1–2.
- Pittman*, 1999 — *Pittman H.* Administrative Evidence from Hacinebi Tepe: an Essay on the Local and the Colonial // *Paléorient*. 1999. Vol. 25, 1.
- Renfrew*, 1973 — *Renfrew C.* Before civilization. The radiocarbon revolution and prehistoric Europe. New York, 1973.
- Rezepkin* 2000 — *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Berlin, 2000 (*Archäologie in Eurasien*; Bd 10).
- Rezepkin*, 2010 — *Rezepkin A. D.* Metallfunde der Majkop- und Novosvobodnaja-Kultur // *Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. Beiträge des Internationalen Symposiums in Berlin vom 1.–3. Juni 2006*. Bonn, 2010. (*Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte*; Bd 13).
- Teissier*, 1987 — *Teissier B.* Glyptic Evidence for a Connection between Iran, Syro-Palestine and Egypt in the Fourth and Third Millennia // *Iran*. 1987. Vol. 25.
- Vajsov*, 1993 — *Vajsov I.* Die frühesten Metalldolche Südost- und Mitteleuropas // *Prähistorische Zeitschrift*. Berlin; New York, 1993. Bd 68, Heft. 1.
- Videiko*, 1999 — *Videiko M. Yu.* Radiocarbon Dating Chronology of the Late Tripolye Culture // *The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC*. Poznań, 1999 (*Baltic-Pontic Studies*; Vol. 7).
- Wechler*, 1994 — *Wechler K.-P.* Zur Chronologie der Tripolje-Cucuteni-Kultur aufgrund von C 14-Datierungen // *Zeitschrift für Archäologie*. Berlin, 1994. Bd 28.

Problems of Chronology and Periodization of Ancient Cultures of the Caucasus (Radiocarbon «Revolution» and the Traditional Archaeological Typology)

M. B. Rysin

This paper is an attempt to develop a more exact chronology of North-Caucasian sites of the Aeneolithic period and Early Bronze Age. The data obtained by methods of natural science differ considerably from the chronology of Caucasian sites based on the traditional archaeological techniques. For the Caucasian region, *statistically reliable* series of dated samples from archaeological sites of the Palaeometal Epoch are as yet unavailable. Some single dates obtained cannot be but doubtful. Therefore, it seems more correct now to base our knowledge primarily on traditional comparative typological and stratigraphic studies.

At present, it seems very probable that Aeneolithic settlement-sites of Zamok, Meshoko, Yase-

neva Polyana arose prior to the Maykop sites and afterwards were occupied simultaneously with the latter in adjacent regions. Any range of absolute dates for these Aeneolithic sites so far looks as far-fetched. The more or less reliable dates of Maykop and Novaya Svoboda sites (as defined by traditional archaeological methods) fall to the second half of the 4th and beginning of the 3rd millennium BC. The majority of calibrated ¹⁴C dates also correspond to this period. When attempting to date the Maykop sites to the early 4th millennium BC, archaeologists are basing on a hypothesis confirmed only by a few unreliable calibrated radiocarbon dates. At present, it is unlikely that such an early chronological position could be any convincingly founded.

О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье — современное состояние исследований

М. Т. Кашуба¹

Введение. Изучение гальштаттских² древностей в Северном Причерноморье перешагнуло свой вековой рубеж. Термин «Гальштатт» применительно к археологическим материалам из Северного Причерноморья впервые появился в работе члена Императорской Археологической Комиссии (ныне — ИИМК РАН), профессора Санкт-Петербургского университета А. А. Спицына, опубликованной в 1911 г. В самом названии этой статьи — «Скифы и Гальштатт» — была поставлена актуальная по сей день исследовательская проблема. После раскопок С. С. Гамченко (1911) и своих исследований на Южном Буге, принимая во внимание, что «Гальштатт — не единая однородная культура, а целая сеть культурных настроений, объединенных одним временем и общим происхождением из одного источника (бронзовый век) и заканчивающихся в VI—V вв. до н. э.», А. А. Спицын написал, что «связь скифов с Гальштаттом выявилась при раскопках Немировского городища». Помимо тех параллелей, которые он увидел между «скифской» чернолощеной посудой с каннелюрами и гальштаттской керамикой, в качестве «нескольких вещей, близких к Гальштатту», А. А. Спицын назвал «известные золотые бляшки в виде треугольника, орнаментированные концентрическими кружками с точкой посередине (подобные найдены в южной Италии)» (Спицын, 1911. С. 155

сл., 161 сл., 166)³. В дальнейшем нацеленность на изучение взаимосвязей и контактов с культурами поздней бронзы и раннего железного века, распространенных в областях к западу от Северного Причерноморья (Карпато-Подунавье, Средняя Европа и т. д.), являлась одним из приоритетов ленинградской/санкт-петербургской археологической школы, в том числе научной школы М. И. Артамонова. Достойное место здесь занимало также изучение гальштаттского периода, связанное с продолжением полевых исследований самого Немировского городища и раскопками памятников «фракийского гальштатта» в Закарпатье, Северо-Восточном и Восточном Прикарпатье.

Тогда же, более ста лет назад, интересные и прозорливые наблюдения А. А. Спицына касались находок из могильника Гальштатт на оз. Гальштатт в Нижней Австрии. Как известно, материальная культура могильника Гальштатт стала общеевропейским хронологическим стандартом железного века или, по образному выражению Л. С. Клейна, эпохой-культурой (Клейн, 2000. С. 487; также см. *László*, 2001. Р. 294). Она охватила период с XII по VI в. до н. э., который в хронологической системе Райнке—Мюллера—Карпе был поделен на этапы НаА—НаВ—НаС—НаD. Таким образом, расширительно истолкованный термин — «эпоха гальштатт» — относится к заключительному периоду эпохи поздней бронзы (НаА—НаВ: культура полей погребальных урн и ее регио-

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² В статье используется наиболее употребляемое в русскоязычной археологической литературе название термина «Гальштатт» вместо «Галлштатт» (ср. «Hallstatt»).

© М. Т. Кашуба, 2012

³ Речь шла о небольших золотых бляшках в виде листа клевера из курганных погребений в Среднем Поднепровье, трактовавшихся как украшения парадного женского головного убора, которые наклеивались или нашивались на основу (Бобринской, 1901. С. 113, 138).

нальные проявления) и раннему железному веку (HaC–HaD: различные культуры/культурные группы Западно- и Восточногальштаттского кругов). Последовавшая далее адаптация европейской хронологической схемы для археологических культур различных частей древней Европы породила многие вопросы, в том числе о широте своего применения. Однако терминология гальштаттского периода, принятая для Средней и Юго-Восточной Европы, широко используется исследователями и для Северного Причерноморья, корректнее говоря, европейская хронологическая система применяется для северопричерноморских материалов. Это порождает ряд вопросов и исследовательских задач, касающихся того, правомерно ли изучать гальштатт в Северном Причерноморье и как далеко на восток простирается эпоха-культура гальштатт?

Оценка состояния изученности заключительного периода эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье на современном этапе показывает, что имеются не только новые и важные археологические материалы, но также выработаны новые концепции, имеющие непосредственное отношение к изучению гальштаттских древностей в этом регионе. В настоящей работе не стоит задача в полном объеме дать обширную историографию вопроса, что требует отдельной публикации.⁴ Речь пойдет о состоянии изученности и систематизации таких материалов, существующих тенденциях и возможностях дальнейших исследований.

Можно ли считать Северное Причерноморье ареалом гальштаттских культур? На этот вопрос сегодня можно ответить положительно, принимая во внимание накопленный объем археологического материала и его интерпретации.

Гальштаттские культуры Карпато-Подунавья. Хронологическая система Райнеке–Мюллера-Карпе практически сразу стала применяться для культур финального периода эпохи бронзы и раннего железного века Карпато-Подунавья (территория современной Румынии). Разработки покладам бронзовых изделий и выделение их горизонтов, новые раскопки поселений и могильников, датировки изделий по аналогиям, анализ керамических форм и

пр. — привели в результате к тому, что датировки культур и культурных групп рассматриваемого времени Карпато-Подунавья «привязывались» и были сориентированы на европейскую хронологическую систему, в том числе гальштаттского периода. Считалось, что ранний железный век этого региона соответствовал раннегальштаттскому периоду (HaA1, XII в. до н. э.) и включал несколько этапов (*Zaharia, Morintz, 1965. P. 451–462*).

Следует отметить, что с момента своего открытия и раскопок материалы поздней бронзы и раннего железного века Карпатского бассейна и Балкан в румынской и болгарской археологической литературе были причислены к фракийским (ранне- или протофракийским) культурам. В румынской специальной литературе можно упомянуть несколько основных работ, заложивших фундамент таких представлений. В своем капитальном труде 1926 г. В. Пырван пришел к выводу, что фракийцы владели Карпатскими землями, начиная, самое малое, с начала или середины II тыс. до н. э. (*Párvan, 1992*). И. Нестор выдвинул идею о «контрнаступлении карпатского блока», обладавшего специфичностью по отношению к культурам раннего гальштатта Средней и Западной Европы. Он напрямую отождествлял эти культурные образования с фракийским этносом, полагая, что этот «фракийский блок» с самого начала и особенно с XI в. до н. э. был подвержен процессу культурного обособления (*Nestor, 1933. P. 61 сл.; 1970. P. 22 сл.*). Далее в обобщающем труде 1960 г. было, собственно, закреплено как использование термина-этнонима (?) «фракийский» в отношении древних сообществ, так и применение термина «гальштаттский» в отношении археологических культур и культурных групп Карпато-Подунавья раннего железного века, который был поделен на периоды — ранний (HaA–HaB), средний (HaC) и поздний гальштатт (HaD). Параллельно в специальной литературе также сформировалась традиция разделения раннего железного века Румынии на первую и вторую эпохи железа (*Istoria României, 1960. P. 137 сл., 147–155; László, 2001. P. 297*). И наконец, С. Моринц проследил основные этапы процесса формирования и становления фракийской этнической, культурной и лингвистической группы в ее историческом развитии. Он показал образование блока раннегальштаттских культур и его разделение на два культурных комплекса, обладаю-

⁴ Соответственно, в тексте даются ссылки только на основные памятники и материалы.

ших определенными специфическими признаками: северный (с каннелированной керамикой) и южный (с резной и штампованной керамикой), принадлежащих, по его мнению, северным и южным фракийцам (*Morintz*, 1977. P. 1465 сл.; 1987. P. 58 сл., 62 сл., 67 сл.).

Последовавшее в дальнейшем пополнение источниковедческой базы позволило целому ряду исследователей выработать концепцию культурно-исторического развития Карпато-Подунавья в заключительный период эпохи бронзы—начальный период раннего железного века. Было доказано, что сложение раннегалльштатских культур имело место на территориях между Тиссой и Западными Карпатами и в Банате в течение XIII в. до н. э. на основе местных культур поздней бронзы при инфильтрации элементов средневропейского характера. Далее здесь же формировались последующие культуры и культурные группы, относимые также к галльштатским. Из исходных областей носители этих культур и культурных групп распространились на восток (включая территории Восточного Прикарпатья с Днестровским бассейном), образуя там характерные археологические культуры (см. *Vulpe*, 1990. S. 102 сл.; *Gumă*, 1995. P. 99–137; *László*, 1989. P. 111–129; 2001. P. 294–339; и др.). Все же начало железного века как исторической эпохи в Карпато-Подунавье датируется румынскими коллегами по-разному — раннегалльштатским периодом, HaA (*László*, 1975. P. 17–39; *Stoia*, 1989. P. 43–67; *Boroffka*, 1991. P. 6), около 1000 г. до н. э. (*Gumă*, 1995. P. 99, 110) или даже HaB1–3 (*Vasiliev et al.*, 1991. P. 126–128).

Для рассматриваемой здесь темы важно, что в современной румынской специальной литературе культуры и/или культурные группы поздней бронзы и раннего железного века Карпато-Подунавья относятся к ранним (HaA–HaB, XII–IX вв. до н. э.), средним (HaC1, VIII в. до н. э.) и поздним (HaC–HaD, VII/VI в. до н. э.) галльштатским (см. *Vulpe*, 1990. S. 102–104. Taf. 62; *László*, 2001. P. 296 сл. Fig. 50; и др.). Отмеченные особенности в используемой терминологии связаны с исследовательской традицией и состоянием изучения поздней бронзы—раннего железного века в Карпато-Подунавье, что также позволило акцентировать два существенных обстоятельства. Первое — распространенные в областях Карпато-Подунавья раннегалльштатские культуры соответствуют средневропейской периодизации времени культуры

полей погребальных урн (Урненфельдеркультура, HaA–HaB), и только среднегалльштатские культуры соответствуют ранним фазам средневропейской культуры Галльштатт (HaC). Второе — используемый в румынской специальной литературе термин «галльштаттизация» не имеет ничего общего с возможным распространением средневропейской культуры Галльштатт, но обозначает диффузию местных культурных элементов с запада на восток в Карпато-Дунайском регионе (см. *Vulpe*, 1990. S. 102–104; *Morintz*, 1987. P. 61 сл.; *László*, 2001. P. 299).

Таким образом, специфические культуры/культурные группы, обозначаемые как ранне-, средне- и позднегалльштатские, были распространены не только в Карпато-Подунавье, но также в областях влияния и продвижения их носителей на восток. Но — насколько далеко на восток?

«Фракийский галльштатт» Днестровского бассейна. Когда в первой половине — середине XX в. в лесостепных областях Днестровского региона (современные территории Западной Украины и Республики Молдова) были открыты новые культуры/культурные группы позднего периода эпохи бронзы и раннего железного века, их начали относить к «фракийскому галльштатту».⁵

Открытые культуры/культурные группы региона отличались от местных северопричерноморских (восточноевропейских) культур, но оказались схожи с культурами Карпатского бассейна и Подунавья. В понимании этого, а также общности хронологических фаз развития материальной культуры сопредельных территорий Румынии, Западной Украины и Республики Молдова важную роль сыграли два научных семинара, проведенных «по горячим следам» в Кишиневе и Бухаресте румынскими и советскими исследователями (*Пассек*, 1959. С. 329–331; 1963. С. 291–295).

⁵ Для культур лесостепной части Днестровско-Прутского междуречья термин «фракийский галльштатт» впервые появляется в полевых отчетах Т. С. Пассек и А. И. Мелюковой о раскопках в 1954–1955 гг. поселения и могильника у с. Шолдэнешть. Что касается Верхнего Поднестровья, то этот термин начал активно применяться И. К. Свешниковым при обозначении Голиградской группы памятников (*Свешников*, 1964. С. 40 сл.), что закрепилось в специальной литературе (см. *Смирнова*, 1969. С. 7 сл.; *Крушельницкая*, *Малева*, 1990. С. 123 сл.; и др.).

Но почему — гальштатт? Найденная керамика имела специфические характеристики и обнаруживала поразительное сходство не только с посудой соседних (гальштаттских) карпато-дунайских культур, но также с чернолощенными сосудами типа Вилланова из альпийской и приальпийской зон, датируемых периодом Гальштатта. Попытка соединить эти две специфические характеристики (близость к карпато-дунайским культурам и аналогии с далекими гальштаттскими культурными образованиями) и породила термин — «фракийский гальштатт». Одновременно это была и попытка «написания истории»: Северное Причерноморье в раннем железном веке было заселено скифами, а их известные ближайшие западные (карпато-дунайские) соседи — фракийцы. Опять же был сделан акцент на специфику Днестровского бассейна в северопричерноморском контексте и задан своеобразный ориентир (на запад и юго-запад) в поиске аналогий и приоритетах культурных контактов (Мелюкова, 1958. С. 51–98; и др.).

Что касается Днестровско-Прутского междуречья, то, разрабатывая дальше западные—юго-западные культурные связи, А. И. Мелюкова выдвинула гипотезу о нескольких (не менее трех) волнах проникновения фракийского населения в лесостепь этого региона (Мелюкова, 1984. С. 224 и сл.). И. Т. Никулицэ (Никулицэ, 1977) рассмотрел классических гетов IV–III вв. до н. э., а историю северных фракийцев в регионе начинал с VI в. до н. э. (Никулицэ, 1987; Niculișă, 2004). Далее В. Л. Лапушнян предложил схему непрерывного развития раннефракийской/фракийской культуры (через промежуточные культуры-связки) начиная с X и вплоть до III в. до н. э. (Лапушнян, 1979. С. 16 и сл.). Таким образом, «фракийский гальштатт» Днестровско-Прутского междуречья в представлениях отдельных исследователей оформился в двух своих противоположных ипостасях: в миграционном характере происхождения и непрерывном (генетически связанном) развитии составляющих его культур (ср. Niculișă, 1992. Р. 8–17; Arnăut, 2003).

Хотя в Верхнем Поднестровье памятники Голиградской группы были открыты еще в начале XX в., что связано с деятельностью Я. Пастернака, Т. Сулимирского и др. (см. Археологічні пам'ятки..., 1982. С. 129, 132; Бандрівський, 2008. С. 128 сл.), однако первая археологическая карта была составлена много

позже (Свешніков, 1964. С. 40–66). Обобщение и систематизация известных материалов и полученных новых данных Г. И. Смирновой, Л. И. Крушельницкой и Ю. Н. Малеевым позволили увидеть общность культуры Гава Трансильвании с Голиградской группой и выработать концепцию о гавско-голиградском круге памятников (см. Smirnova, 1971. С. 71; Смирнова, 1976. С. 18–34; Крушельницка, 1976. С. 25; Бандрівський, 2008. С. 128–130; и др.). И хотя трактовки исследователей были разные, речь все же шла о фракийском гальштатте или голиградской группе культуры фракийского гальштатта (см. Смирнова, 1969. С. 7–34; Крушельницка, 1985. С. 54–55; Крушельницкая, Малеев, 1990. С. 123–132; и др.). В дальнейшем к культуре (культурному кругу?) Гава—Голиграды была присоединена группа Грэничешть, поселения и могильники которой занимали восточнокарпатскую территорию Румынии (László, 1976. С. 89–98; 1994. Р. 48–104).

Такие обобщения действительно явились достижениями: во всех последующих исследованиях археологические культуры эпохи поздней/финальной бронзы и раннего железного века этого региона уже всегда рассматривались не столько под «восточным углом» зрения, сколько через призму их западных и юго-западных связей и контактов. Сам термин «фракийский гальштатт» широко применялся в русскоязычной литературе советского периода. Однако с учетом того, что дальнейшее использование термина приводило к расширению границ фракийского мира как вглубь, так ивширь (не говоря уже о наделении археологических культур этническими признаками), в начале 2000-х гг. автор настоящей статьи предложил от термина «фракийский гальштатт» отказаться (Кашуба, 2003. С. 261–262), что поддержали фактически все исследователи, работающие в этой области.

Современные представления: гальштаттские культуры Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья. Для эпохи финальной бронзы и начала раннего железного века важнейшей региональной характеристикой Днестровского бассейна следует считать непосредственное присутствие здесь пришлых (инокультурных, но также иноэтничных?) групп населения. Согласно археологической систематике — это гальштаттские культуры Карпатского бассейна и Балкано-Подунавья ранней, средней и поздней фаз их развития (рис. 1–4). Саморазвитие

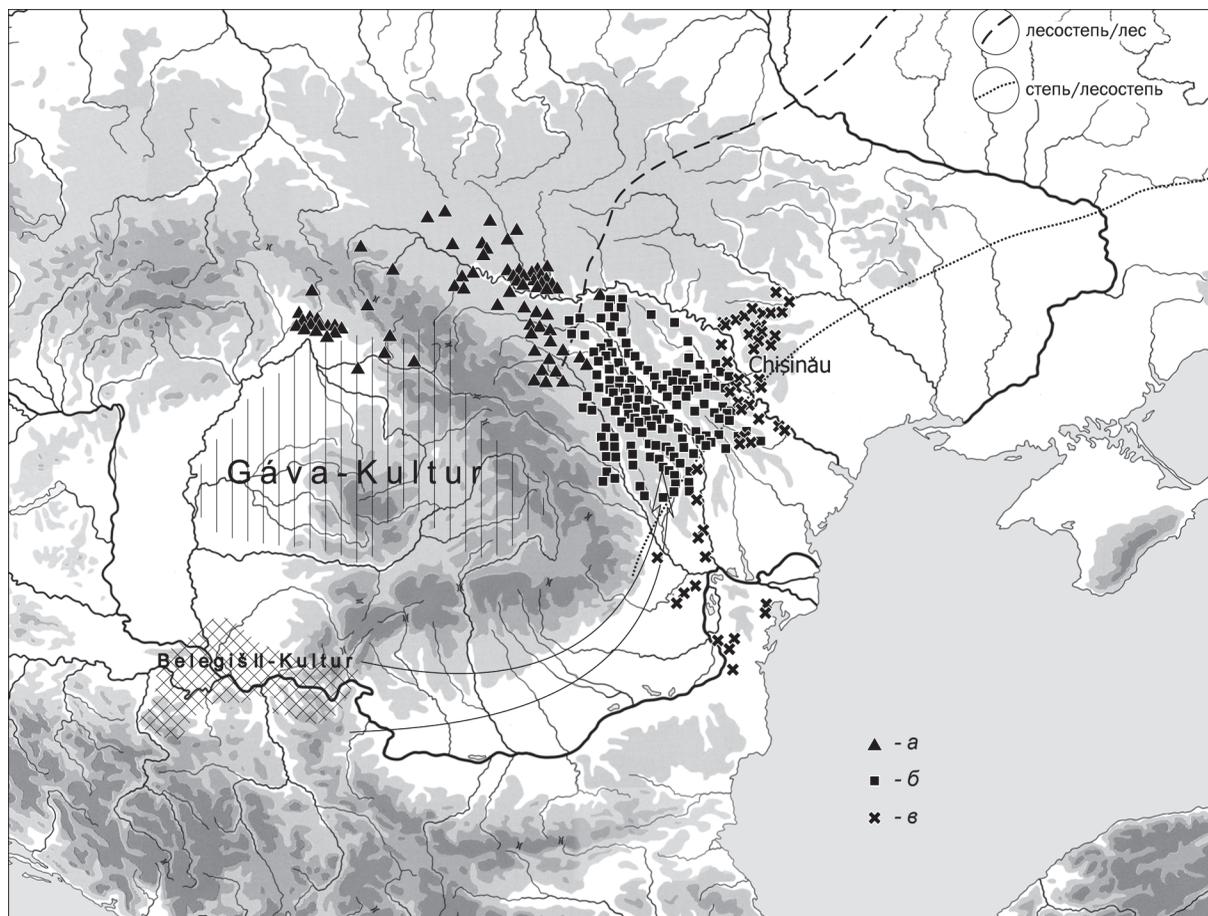

Рис. 1. Раннегальштаттский период (около 1200 — около 1000 гг. до н. э.) в Северо-Восточном и Восточном Прикарпатье, включая Днестровский бассейн. Условные обозначения: *a* — Гава—Голиграды—Грэничешть (Gáva—Holihrady—Grăniceşti), *б* — Кишинэу—Корлэтенъ (Chişinău—Corlăteni), *в* — Тэмэоань—Холеркань—Балта (Tămăoani—Holercani—Balta) (Hänsel, 1976; László, 1994; Leviţki, 1994a; 1994b; Археологічні пам'ятки..., 1982; Малеев, 1981; Kaşuba, Leviţki, 2010; и др.)

Fig. 1. Early Hallstatt period (ca 1200 — ca 1000 BC) in the northeastern and eastern Carpathian region including the Dniester basin: *a* — Gáva—Holihrady—Grăniceşti, *б* — Chişinău—Corlăteni, *в* — Tămăoani—Holercani—Balta

гальштаттских культур в новых условиях, а также взаимоотношения этого пришлого гальштаттского населения с местными северопричерноморскими племенами и определяют содержание этапов исторического развития региона в конце II—первой половине/середине I тыс. до н. э. (обобщение см. Kaşuba, 2008a. С. 56 сл.; 2011. С. 53–54; Kaşuba, Leviţki, 2010. Р. 316–324; и др.).

Около 1200 г. до н. э.⁶ в Северное Причерноморье происходило масштабное проникновение раннегальштаттских групп с каннелированной керамикой двумя массивами: Гава—Голиграды (= Гава—Голиграды—Грэничешть) и Кишинэу—Корлэтенъ (рис. 1, *a–б*).

⁶ В настоящей статье не рассматриваются проблемы хронологии.

Восточная периферия гавско-голиградского круга памятников (от около 1200 г. до н. э.) охватывает Восточные Карпаты, а также Северо-Восточное и Восточное Прикарпатье, в том числе Западную Подолию, Сучавское плато и низменность Рэдэуць, т. е. междуречье Днестра и Прута в верхних притоках этих рек, включая соленосные районы Карпат и Левобережье среднего течения Днестра (нижнее течение его левого притока р. Серет) (рис. 1, *a*). Важными оказались блестящие открытия, связанные с солевыми разработками носителей гавско-голиградской культуры в Прикарпатье — Лоева, Текуча и др. (Крушельницька, 1993. С. 56 и сл.), однако опорным стратиграфическим памятником восточной гавской периферии остается поселение Магала (Смирнова, 1969. С. 7–33; 1976, 18 и сл.). С позднегав-

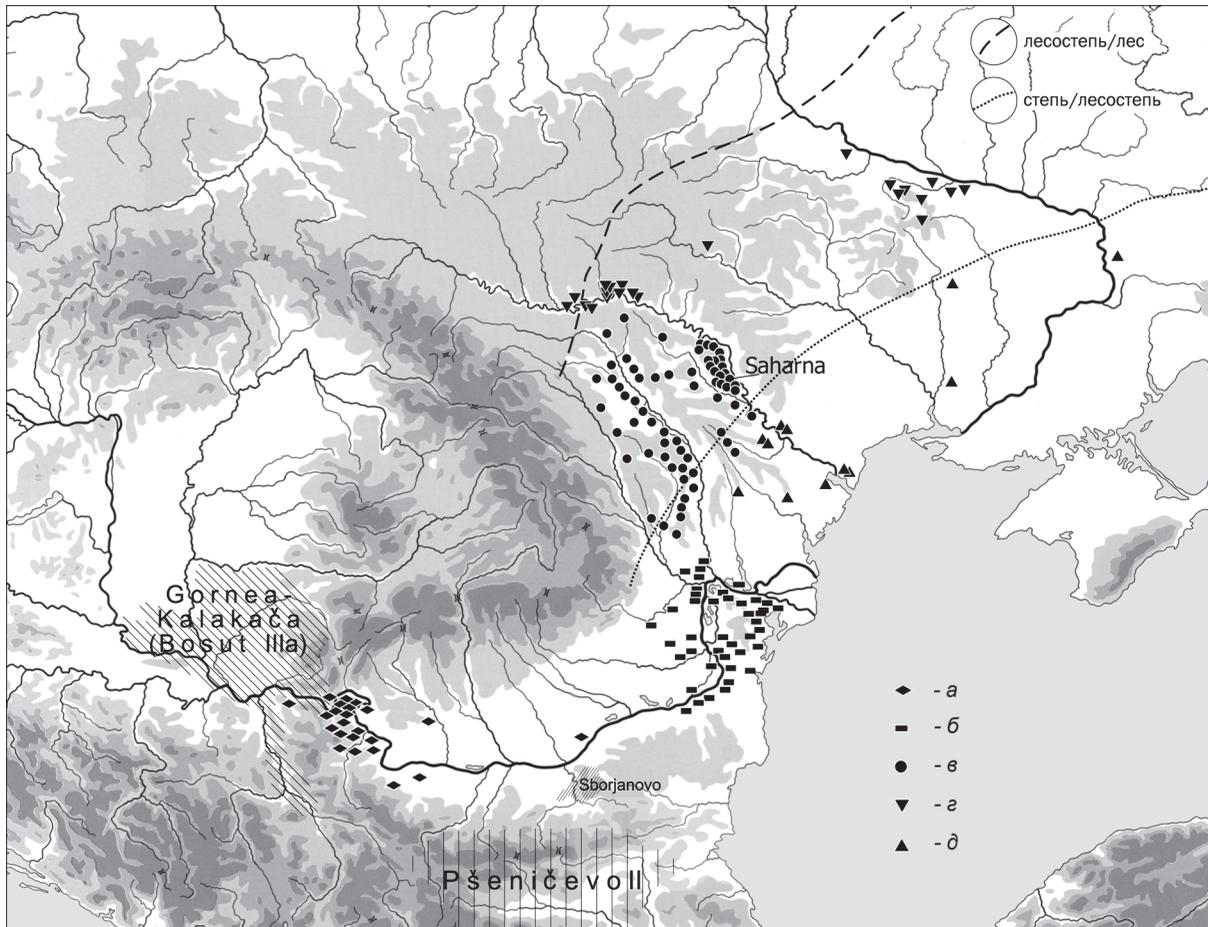

Рис. 2. Раннегалльштаттский период (около 1000 — около 800 гг. до н. э.) в Подунавье, Восточных Карпатах и Восточном Прикарпатье, включая Днестровско-Прутское междуречье. (выборочное картирование).

Условные обозначения: *a* — Инсула Банулуй/Остров (Insula Vanului/Ostrov), *b* — Бабадаг II (Babadag II), *v* — Козия-Сахарна (Cozia-Saharna), *z-d* — сахарнянские и позднесахарнянские импорты в лесостепи и степи Северного Причерноморья (Hänsel, 1976; László, 1989; Gumz, 1995; Мелюкова, 1984; Смирнова, Кашуба, 1988; Крушельницкая, 1998; Кашуба, 2000а; Kaşuba, 2010; Kaşuba, Levijki, 2010; и др.)

Fig. 2. Early Hallstatt period (ca 1000 — ca 800 BC) in the Danube region and eastern Carpathians including the area between the Dniester and Prut (selected mapping):

a — Insula Banului (Ostrov), *b* — Babadag II, *v* — Cozia-Saharna, *z-d* — Saharna and late Saharna imports in the forest-steppe and steppe of the northern Black Sea littoral

скими памятниками многое еще неясно не только в эпицентре собственно культуры Гава (внутрикарпатские области), но и на ее восточной периферии. Носители этих культурных традиций оказали достаточно сильное влияние на развитие местных культур не только Прикарпатья и Западной Волыни, но также всей лесостепной части Северного Причерноморья (см. Крушельницкая, 1991. С. 24 сл.), что подтверждено новейшими данными (Кашуба, Левицкий, 2011. С. 153 сл. Рис. 3; Левицкий, Кашуба, 2011. С. 244–249. Рис. 5). Однако время, до которого позднегавские/позднеголиградские древности доживают в Верхнем Поднест-

ровье и центральной части среднего течения Днестра, остается в области дискуссий (вплоть до прихода сюда носителей раннескифского комплекса? — ср. Смирнова, 1990. С. 5 сл.; Крушельницкая, 1991. С. 24 сл.). Недавно было предложено существенно сместить в сторону удревнения хронологические рамки всей Голиградской группы (см. Бандрівський, 2008. С. 129, 136 сл. Рис. 2). Это требует отдельного обсуждения, так как предложенная практически полвека назад Г. И. Смирновой периодизация этой культуры на основе материалов поселения Магала, без сомнения, нуждается в корректировке, а важные материалы из раско-

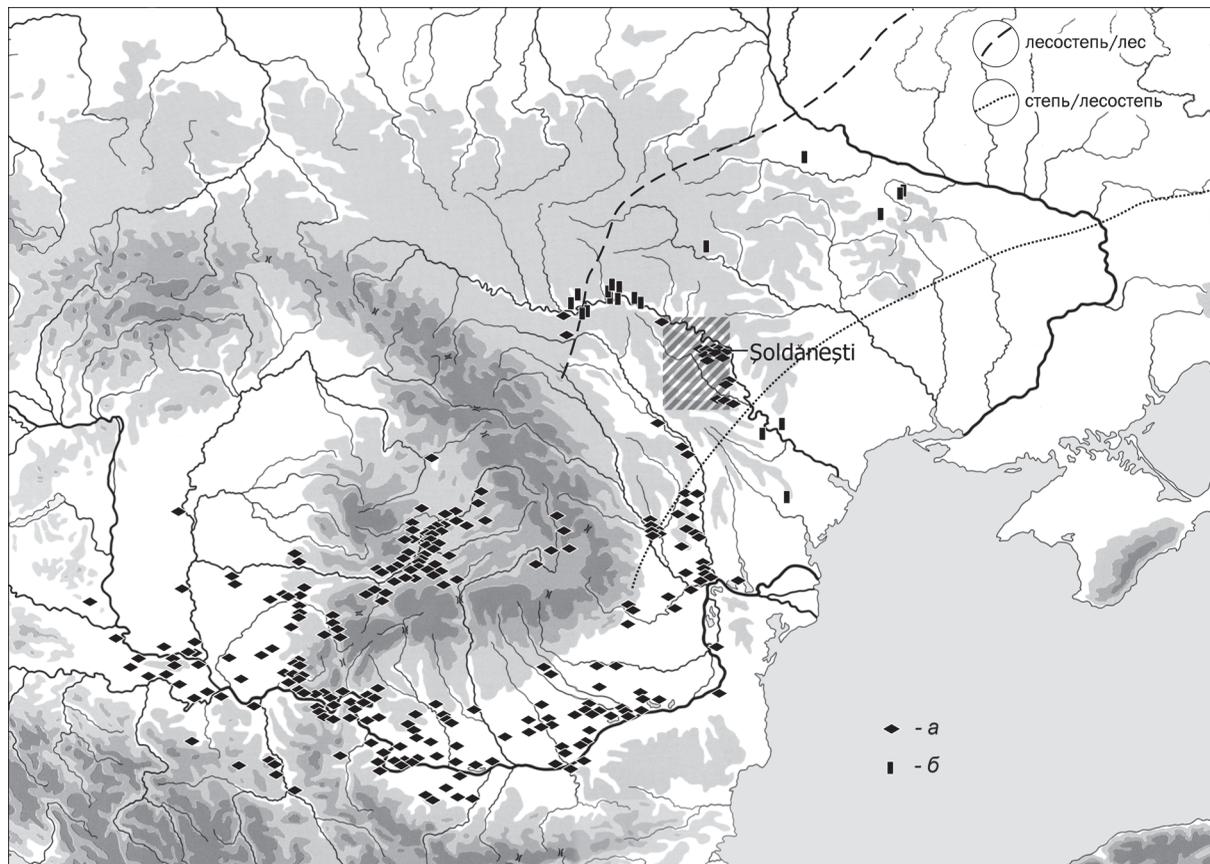

Рис. 3. Среднегалльштатский период (около 800 — около 700 гг. до н. э.) в Подунавье, Карпатском бассейне, Восточных Карпатах и Восточном Прикарпатье, включая Днестровско-Прутское междуречье (выборочное картирование)

Условные обозначения: *a* — культурный комплекс Басарабь (Basarabi), *b* — импорты Басарабь-Шолдэнешть (Basarabi-Soldănești) в лесостепи и степи Северного Причерноморья (Hänsel, 1976; László, 1989; Gumă, 1993; 1995; Кашиба, 2000a; Kaşuba, 2008; 2010; Kaşuba, Levițki, 2010; и др.)

Fig. 3. Middle Hallstatt period (ca 800 — ca 700 BC) on the Danube, in the Carpathian basin, and eastern Carpathians including the area between the Dniester and Prut (selected mapping)

a — cultural complex of Basarabi, *b* — imports from Basarabi-Soldănești in the forest-steppe and steppe of the northern Black Sea littoral

пок Ю. Н. Малеева (Малеев, 1981) и по сей день остаются неопубликованными.

Второй массив носителей раннегалльштатской культуры с каннелированной керамикой Кишинэу—Корлэтенъ (от около 1200 г. до н. э.) продвинулся из Среднего Подунавья (кручень-белегишские традиции), широко освоив лесостепь Днестровско-Сиретского междуречья, где просуществовал вплоть до начала VIII(?) в. до н. э. (Коту Морий, бассейн Сирета). По данным А. Ласло (László, 1994. P. 105 и сл.) и О. Г. Левицкого (Levițki, 1994a. P. 51–53; 2010. P. 333 сл.), известно более 320 местонахождений (рис. 1, б). Для западной части ареала опорным стратифицированным и наиболее изученным памятником является городище Кын-

дешть (Florescu, Florescu, 1983. P. 112–123). Для областей к востоку от Прута (памятники типа Кишинэу) из всего ряда важных местонахождений (Кишинэу, Мындрешть, Костешть VII и Вэратик IV) особое значение имеет многослойное поселение Петрушень-Ла Чигоряну, на котором прослежена вертикальная стратиграфия (Sava, Levițki, 1995. P. 157 и сл.). Ранее считалось, что имеется недостаточно оснований для периодизации (László, 1994. P. 157–159), тем не менее таковая в последнее десятилетие была сделана (ср. László, 2001. P. 320; Levițki, 2010. P. 337). Выделяя три этапа в развитии культуры Кишинэу—Корлэтенъ: старший/ранний (XII в. до н. э.), «классический»/средний (до второй половины/конца XI в. до н. э.) и финальный/

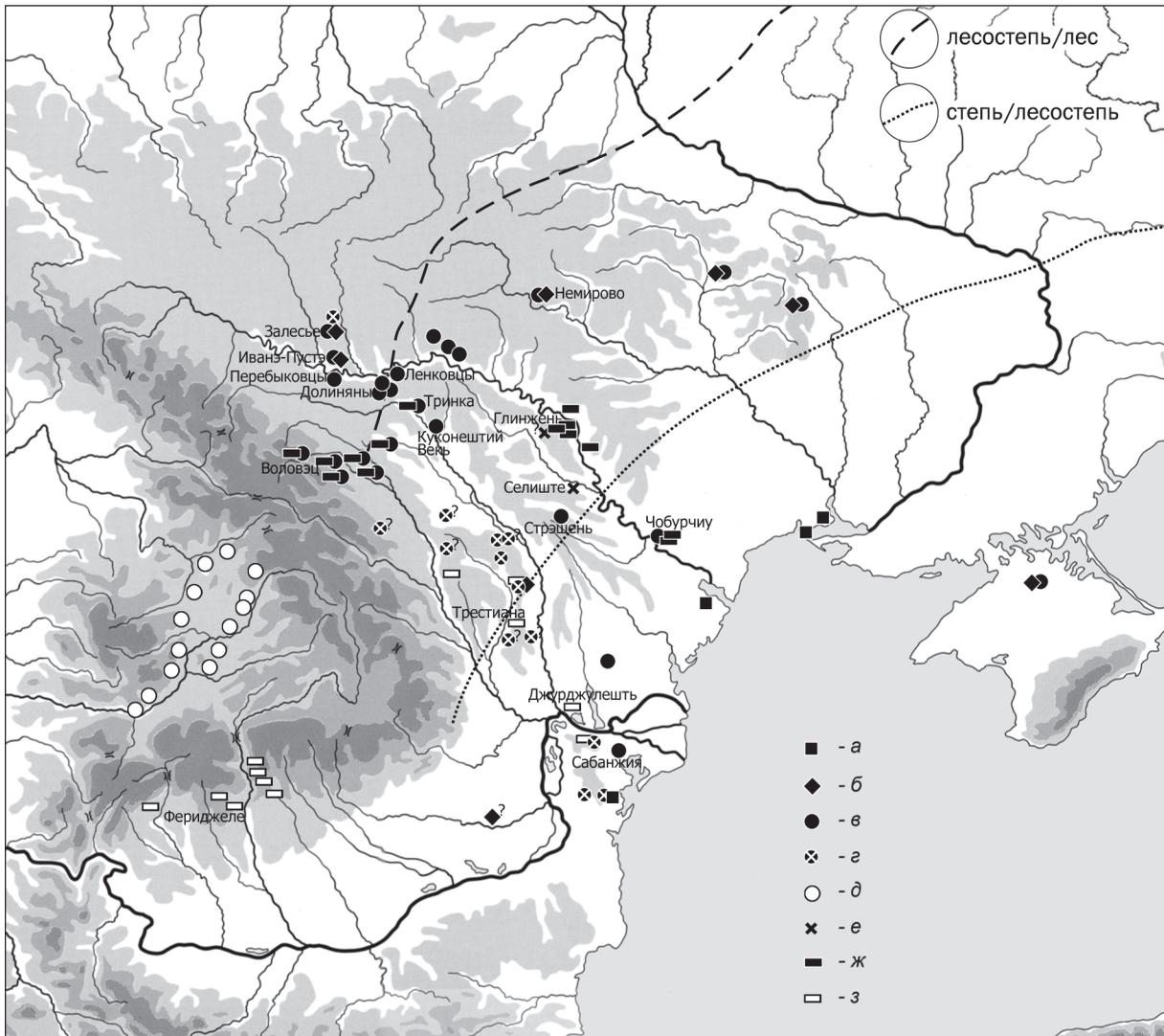

Рис. 4. Позднегалльштатский период = мозаика культур VII–VI вв. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье (выборочное картирование).

Условные обозначения:

греческий мир: *a* — греческие колонии, *б* — ранний греческий импорт;

раннескифская культура: *в* — поселения, могильники, погребения, *г* — отдельные находки, *д* — скифские памятники Трансильвании;

позднегалльштатские памятники: *е* — позднейшие местонахождения Шолдэнешть, *ж* — древности Попрутья и Днестровского бассейна, *з* — древности Подунавья и Восточного Прикарпатья (László, 1989; Levişki, Haheu, 1999; Смирнова, 2001; Кашуба и др., 2003; Arăgut, 2003; Бруйко, 2005а; 2005б; Levişki, 2006; Kaşuba, 2010; и др.)

Fig. 4. Late Hallstatt period = cultural mosaics of the 7th–6th centuries BC in the northwestern Black Sea region (selected mapping):

Greek world: *a* — Greek colonies, *b* — early Greek imports;

Early Scythian culture: *v* — settlement-sites, burial grounds and separate burials, *z* — particular finds, *d* — Scythian sites of Transylvania;

Late Hallstatt sites: *e* — the latest sites of Coldneeti, *ж* — antiquities of the Prut and Dniester basin, *з* — antiquities of the Danube and eastern Carpathians

поздний (до середины/второй половины(?) Х в. до н. э.), О. Г. Левицкий подчеркивает предварительный характер предложенной периодизации, требующей дальнейшего обоснования (*Levički*, 2010. Р. 337).

Около 1100 г. до н. э. носители раннегалльштаттской культурной группы (рис. 1, в) с прочерченной и пролощенной керамикой к северу/северо-востоку от Нижнего Дуная — на пограничные степи и лесостепи бассейна Сирета (группа Тэмэоань), бассейна Днестра (группа Холеркань) и за Днестром (группа Балта) — образовали целый ряд памятников (*Hänsel*, 1976. Р. 122 и сл.; *László*, 1986. Р. 65 и сл.; *Levički*, 1994б. Р. 219 и сл.; *Nicic*, 2008). Образовавшийся культурный горизонт (= блок культур) Тэмэоань—Холеркань—Балта просуществовал в Днестровском регионе до времени около 1000 г. до н. э. Хотя для Запрутской Молдовы не теряет своей значимости эпонимное поселение Тэмэоань, большую важность имеет могильник Фолтешть, где прослежена стратиграфия (*László*, 1986. Р. 71–72; *Nicic*, 2008. Р. 34). Для Днестровского бассейна эпонимное поселение Холеркань пока продолжает оставаться базовым (хотя и находится под водой), однако появились важные стратиграфические наблюдения по недавним раскопкам на городище Сахарна Микэ (*Niculita et al.*, 2008). Заключительный этап бытования этих древностей в регионе характеризуют материалы поселения Солончень—Хлина (Кашиба, 2000. С. 416–429; *Nicic*, 2008. Р. 40) и городище Сахарна Микэ (*Nicic*, 2008. Р. 39–40).

Около 1000 г. до н. э. в лесостепной зоне Днестровско-Сиретского междуречья появляется новая раннегалльштаттская культура с резной и штампованной керамикой из областей среднего и нижнего течения Дуная (рис. 2). Археологически это выразилось в культуре Козия-Сахарна с ее двумя локальными вариантами: Козия (западный) и Сахарна (восточный) (Кашиба, 2000. С. 255 и сл.). Согласно выработанной Л. С. Клейном типологии миграций (*Клейн*, 1999. С. 66–68), сначала имело место переселение достаточно большой фракции населения с Дуная. Затем продолжилась «ползучая» миграция («волна передвижения») на север и северо-восток — на территории, занятые носителями позднечернолесской культуры, в результате взаимодействия с которыми где-то в IX в. до н. э. образовалась григоровская/непортовская группа позднечернолесской культу-

ры Среднего Днестра (*Смирнова, Кашиба*, 1988. С. 18–28; *Крушельницка*, 1998). Сама же культура просуществовала в регионе вплоть до начала VIII в. до н. э. Об опорных памятниках варианта Козия (бассейн Сирета) судить сложно, так как раскопаны всего два (Козия и сравнительно позднее городище Покреака-Четэуя). Базовыми для восточного варианта Сахарна являются городище Глинжень II-Ла Шанц, где прослежена культурно-хронологическая (не генетически связанная) колонка X–III вв. до н. э. (*Гольцева, Кашиба*, 1995. С. 7–44), и поселение Алчедар III с двумя периодами существования культуры Сахарна (Кашиба, 2000. С. 442–476). В развитии восточного варианта Сахарна автором были выделены четыре основных этапа, но предложенная периодизация: Сахарна I (конец XI–середина X в. до н. э.), Сахарна IIa (середина X–вторая четверть/середина IX в. до н. э.), Сахарна IIb/поздняя (середина–конец IX в. до н. э.) и Сахарна—Шолдэнешть/Шолдэнешть I (рубеж IX/VIII–первая четверть VIII в. до н. э.) — требует дальнейшей развернутой аргументации (см. *Кашиба*, 2010. Р. 360–363).

В начале среднегалльштаттского периода (около 800–около 700/650 гг. до н. э.) в регионе отмечается расцвет поселенческих структур: новая волна мигрантов (носители басарабских традиций) из Среднего Подунавья прибыла уже на освоенную территорию, заселяя позднесахарнянские поселения и основывая новые (рис. 3). Археологически это отложилось в образовании культуры Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть). Какой-то небольшой промежуток (начало–первая четверть VIII в. до н. э.) в лесостепи Днестровского бассейна сосуществовали культура поздней Сахарны и новая культура Шолдэнешть. Конечный период бытования шолдэнештских памятников приходится на первую половину VII в. до н. э., хотя не исключено, что может быть ограничен временем около начала VII в. до н. э., если учитывать отсутствие вещей раннескифских типов на сравнительно позднем могильнике Селиште I. Хотя поселение Шолдэнешть I остается эпонимным (оно однокультурное), опорные памятники — могильники Шолдэнешть II и Селиште I (*Мелюкова*, 1958. С. 64–76; *Лапушнян*, 1979. С. 37–50), а также городище Глинжень II-Ла Шанц (*Гольцева, Кашиба*, 1995. С. 32–37; *Кашиба*, 2008. Р. 37–50). Периодизация культуры Басарабь—Шолдэнешть, в развитии которой выделены три фазы: Сахарна—Шолдэнешть/

Шолдэнешть I (рубеж IX—VIII/первая четверть VIII в. до н. э.), Шолдэнешть II (вторая четверть—конец VIII в. до н. э.) и Шолдэнешть III (рубеж VIII—VII/первая половина VII в. до н. э.), — находится в стадии своей разработки (см. *Kaşuba*, 2010. P. 373—375).

Далее, в постшолдэнештское время начиная со второй половины VII в. до н. э. после сравнительно плотной заселенности в центральной части Днестровского региона наблюдается уменьшение поселенческих структур, запустение и сокращение населения (рис. 4). Пришедшие в конце VIII в. до н. э. носители раннескифского комплекса кардинально изменили ситуацию в Северном Причерноморье. Решающее давление, по всей вероятности, они оказали и на гальштатские культуры на территориях к западу от Днестра, заставив население центральной зоны рассматриваемого региона подтянуться в более безопасные районы лесостепи. В Днестровском регионе известен целый ряд раннескифских комплексов и находок (*Левицкий, Демченко*, 1995. С. 41—53; *Бруяко*, 2005а. С. 152—167), однако в материальной культуре многослойных местонахождений в южной части Среднего Днестра (*Кашуба и др.*, 2003. С. 118 и сл.) преобладают постшолдэнештские, позднегальштатские элементы (культура Фериджиле-Бырсешть Южного Прикарпатья) и присутствие раннескифских традиций. Что касается северной части Днестровско-Прутского междуречья, то к 700 г. до н. э. она была значительно освоена племенами позднечернолесской культуры, которые «перешли Днестр» и частично освоили его правый берег (о чем убедительно свидетельствуют многочисленные памятники микрорайона Рудь — см. *Sava et al.*, 1995. P. 281 сл.; *Ларина, Кашуба*, 2005. С. 212—239). На Левобережье Прута обитало население, своей материальной и духовной культурой принадлежащее к фракийскому миру времени позднего гальштатта Карпато-Дунайского бассейна (группа Тринка — *Levițki*, 1994а. P. 58—59; *Levițki*, 2006; и др.). Новые исследования на Левобережье Прута также показывают присутствие здесь комплексов с позднегальштатскими традициями и отдельными раннескифскими элементами (Щуцора-Буздугань — *Tepitiuc et al.*, 2009. P. 22—25). Позднегальштатские древности значительно представлены на юге региона — поселение Чобурчиу (*Никулицэ, Фидельский*, 2004. С. 50—63; и др.) и захоронение Слободзея на Нижнем Днестре (*Фидель-*

ский, 2009. С. 235—246), а также могильник Жюржюлешть-Стына луй Мокану на Нижнем Дунае (*Levițki, Haheu*, 1999. P. 121—134). Далее, с VI в. до н. э. в центральную часть Днестровско-Прутского междуречья начинает активно продвигаться северофракийское население из Карпато-Подунавья (*Никулицэ*, 1987; *Arnăut*, 2003. P. 167 сл. Fig. 1), и на вновь заселенных и возникших в сравнительно отдаленных лесостепных областях стационарных поселениях с середины столетия появляется греческий импорт (*Matevici*, 2007. P. 61—65; *Samoilova*, 2010. P. 490 сл. Harta).

Таким образом, для времени конца II—первой половины I тыс. до н. э. для Днестровского региона (в большей степени его центральной части) выстроена колонная секвенция (Кишинэу—Холеркань—Сахарна—Шолдэнешть—пост Шолдэнешть). Однако следует отметить, что в представленном обзоре присутствует ряд ограничений, например, не рассматривалась работа дискуссий по вопросам хронологического (и иного) порядка и, собственно, культура фракийцев и пр. (ср. контрверза: *Niculijă*, 1992. P. 8—17; *Arnăut*, 2003; и *Ткачук*, 1998. С. 60—86; 1999. С. 274—304; *Бруяко*, 2005а. С. 204 и сл.; 2005б. С. 245—254; и др.).

Для обсуждаемой в статье темы важно, что в течение XII—VI вв. до н. э. приоритетной в Днестровском бассейне оставалась гальштатская (карпато-дунайская) культурная среда, но с разной степенью участия в отдельные столетия северопричерноморских компонентов (позднебелозерских, позднебелогрудовских, чернолесских и высокогорных, раннекочевнических черноровской и новочеркасской групп, раннескифских и скифоидных). Обзор показал, что на протяжении шести-семи столетий ситуация в Днестровском бассейне зависела, главным образом, от состояния культурно-исторической обстановки именно в Подунавье: в большей степени — в Среднем, в меньшей — в Нижнем (рис. 1—3). Действительно, процессы «гальштатизации» в полной мере охватили территории Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья, включая все лесостепные области бассейна Днестра, что неоднократно было отмечено многими специалистами. Что же являлось генератором, обеспечивающим трансляции гальштатских (карпато-дунайских) традиций на восток?

Представляется, что «гальштатизация» была следствием функционирования среднеду-

найского очага культурогенеза, в провинцию которого входили рассматриваемые территории, где в конце II—первой половине I тыс. до н. э. обеспечивались ритмы и динамика культурно-исторического развития (рис. 5). Среднедунайский очаг культурогенеза «заработал» на базе предшествующего карпато-балканского очага, который, согласно выдвинутой и разработанной В. С. Бочкаревым очагово-пульсационной концепции культурогенеза (Бочкарев, 1991. С. 24–27; 1995. С. 18 сл.; 2010; 2011. С. 5–8; о концепции — см. Тихонов, 2011. С. 17), наряду с кавказским и волго-уральским очагами культурогенеза, существовал в бронзовом веке. Без сомнения, богатый сырьевыми ресурсами и металлургическими традициями район Карпато-Подунавья способствовал аккумуляции и ретрансляции передовых технических и идейных стандартов. Поэтому отмеченная «галыштаттизация» Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья дает полные основания использовать для этих территорий термин «ранний железный век среднедунайского (карпато-дунайского) очага культурогенеза».

Влияния карпато-дунайского очага культурогенеза в Карпатской котловине, Нижнем Подунавье и Карпато-Поднестровье разрабатываются как на примере металлических изделий (Дергачев, 1997. С. 51–59; 2010; 2011), так и иных компонентов материальной и духовной культуры (Leviťki, 2003; Kařuba, Leviťki, 2010. P. 313 сл.; и др.). Очагово-пульсационная концепция культурогенеза и существование среднедунайского очага была поддержана и применена в работах автора, что вылилось в гипотезу о существовании в Северном Причерноморье «двух ранних железных веков», один из которых был местным, северопричерноморским, а второй — связан с носителями культуры Козия-Сахарна, представляющих раннегалыштаттскую железоделательную традицию Карпато-Подунавья (Kařuba, 2000. С. 241–243, 352, рис. I; 2011. С. 56–59; и др.). Когда в течение VII в. до н. э. этот очаг постепенно затухает и далее к концу столетия прекращает свое существование, то и на самой восточной его периферии (в лесостепи Днестровского бассейна) фактически пустеют поселенческие структуры. Однако здесь необходимо принимать во внимание сложившуюся новую геополитическую обстановку в Северном Причерноморье, связанную с возникновением Архаической Скифии (см. Алексеев, 2003. С. 38 сл., 153–193, 278–280; и др.).

Причины отмеченных миграций галыштаттских сообществ к востоку/северо-востоку остаются неясными, однако они могли быть вызваны разведками и разработками природных ресурсов Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья. В частности, речь может идти о соледобыче, которая в XVI–IX вв. до н. э. во Внутрикарпатском регионе носила индустриальный характер и была предназначена главным образом для бессольных территорий Нижнего Потисья и Среднего Подунавья, также не исключается балканское направление поставок. Как подчеркивает В. Каврук, из 45 радиоуглеродных дат из исследованных внутрикарпатских памятников соледобычи подавляющее большинство полученных данных (более 80 %) показывает период именно XIV–IX вв. до н. э. (Каврук, 2011. С. 42). Возможно, именно соль, представляющая в поздний период эпохи бронзы одну из наиболее важных единиц обменной торговли, по мнению Л. И. Крушельницкой, и являлась причиной проникновения в северные Карпаты и Прикарпатье первых носителей раннегалыштаттской культуры Гава—Голиграды (Крушельницкая, 1985. С. 49). Среди внутренних причин, спровоцировавших возникновение городищ в Прикарпатье, также называется добыча соли населением культуры Гава—Голиграды и охрана ими торгово-обменных путей, по которым транспортировали этот продукт в соседние регионы (Бандрівський и др., 2002. С. 97–98).

Однако движущие мотивы миграции к востоку носителей среднегалыштаттского культурного комплекса Басарабь как будто не имеют экономической составляющей, а связаны скорее с расширением его «сакрального пространства». Можно предполагать, что население обширных лесостепных областей Северного Причерноморья включилось в контекст идеологических представлений и культовых практик носителей среднегалыштаттских (карпато-дунайских) традиций (Kařuba, 2008. С. 37 сл.; Kařuba, 2011. S. 237 сл.). В пользу этой концепции свидетельствуют новые интерпретации старых материалов, а также археологические исследования последнего десятилетия в Среднем Поднепровье.

Галыштаттские (карпато-дунайские) материалы Среднего Поднепровья. Проведенный сравнительный анализ импортов и влияний культурного комплекса Басарабь в Северном Причерноморье позволил прийти к ряду новых выводов. Было фактически полностью пере-

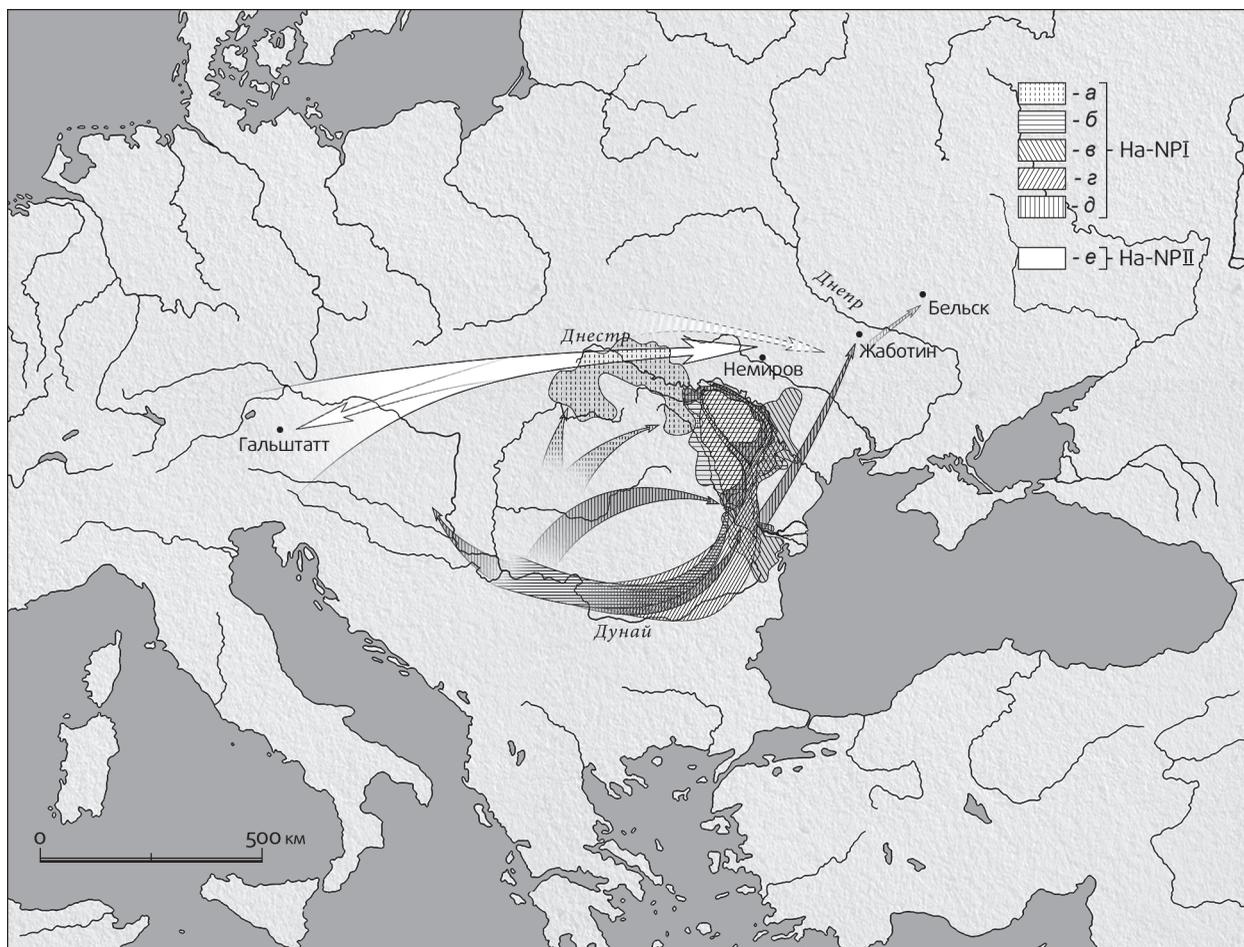

Рис. 5. Карта-схема продвижения носителей культур и культурных групп «гальштатта Северного Причерноморья» (Ha-NP) в XII–VI вв. до н. э.

Условные обозначения:

первый этап (Ha-NP I), функционирование среднедунайского очага культурогенеза: *a* — Гава—Голиграды—Грэничешть, *б* — Кишинэу—Корлэтенъ, *в* — Тэмэоань—Холеркань—Балта, *г* — Козия—Сахарна, *д* — Басарабь—Шолдэнешть (включая Жаботин и Бельск);

второй этап (Ha-NP II): *e* — миграция из Восточногогальштаттского культурного круга вместе с возвращающимися воинскими контингентами — носителями раннескифского комплекса (включая Немиров)

Fig. 5. Schematic map of the spread of bearers of cultures and cultural groups of the ‘Hallstatt of the northern Black Sea littoral’ (Ha-NP) in the 12th–6th centuries BC:

first phase (Ha-NP I), functioning of the Middle-Danubian centre of the cultural genesis: *a* — Gáva—Holihrazy—Grănicești, *b* — Chișinău—Corlăteni, *v* — Tămăoani—Holercani—Balta, *z* — Cozia—Saharna, *d* — Basarabi—Șoldănești (including Zhabotin and Belsk);

second phase (Ha-NP II): *e* — migration from the eastern Hallstatt cultural area accompanying the returning military contingents — bearers of the early Scythian complex (including Nemirov)

смотрено прежнее мнение, что трансляции басарабских традиций осуществлялись в этот регион через носителей культуры Шолдэнешть из бассейна Среднего Днестра.

Новое изучение материалов культуры Шолдэнешть и импортов Басарабь в Северном Причерноморье (Кашуба, 2008. С. 37–50; Кашуба, 2008б. С. 29) в сопоставлении с типичными басарабскими материалами из Жаботинского

поселения (Дараган, Кашуба, 2008. С. 53–59) привели к новым взглядам на характер присутствия культурного комплекса Басарабь в Северном Причерноморье. Помимо памятников его восточной периферии (культура Шолдэнешть) здесь имеются результаты прямых контактов и импорты в местных, северопричерноморских культурах (глиняные жертвенники, керамика, отдельные предметы), а также ими-

тации. Важно, что практически все такие свидетельства отсутствуют на синхронных памятниках Днестровского бассейна.

Сравнительное исследование показало, что в Среднем Поднепровье влияния культурного комплекса Басарабь осуществлялись напрямую посредством миграций небольшими коллективами и передвижением отдельных индивидуумов (что способствовало распространению идей, определенных культов и пр.) и не были связанными с носителями культуры Шолдэнешть (*Kaşuba*, 2008. Р. 37 сл.; *Кашуба*, 2008б. С. 29). Выяснилось, что специфические изображения мальтийских крестов на керамике⁷ присутствуют как на Правобережье Днепра (второй горизонт Жаботинского поселения, середина/третья четверть VIII в. до н. э.; см. *Дараган*, *Кашуба*, 2008. С. 53–59, 64–69), так и на целом ряде поселений его Левобережья, в Поворсклье (*Kaşuba*, 2011. С. 237 сл. Abb. 1; 4–5). Важно, что проведенный И. Б. Шрамко анализ всей совокупности данных с опорой на стратиграфию позволяет аргументированно датировать отдельные участки Западного укрепления Бельского городища (где имеются ранние материалы с такими специфическими изображениями) начиная от второй половины VIII в. до н. э. (*Шрамко*, 2006. С. 42; 2010. С. 38).

Проведенное новое изучение материалов Жаботинского поселения (*Дараган*, 2006) в сопоставлении с присутствующими здесь позднесахарнянскими материалами и басарабскими импортами свидетельствует, что Жаботинское поселение возникло около 800 г. до н. э. в результате прямой миграции населения поздней Сахарны из Днестровского бассейна и носителей культурного комплекса Басарабь из Среднего Подунавья (*Дараган*, *Кашуба*, 2008. С. 68. Рис. 1; *Дараган*, 2011. С. 733, 760–761). Последние данные по Левобережью Днепра позволяют считать, что на территорию Днепровской Левобережной лесостепи на жаботинском этапе переселилась часть населения с Днепровского Правобережья (*Шрамко*, 2006. С. 33 сл.; *Дараган*, 2011. С. 555; и др.). Таким образом,

речь идет о трансляции культурных традиций периодов раннего и среднего гальштатта из Карпато-Подунавья.

Приведенные данные показывают, что возникновение как самого Жаботинского поселения, так и начальной фазы жаботинского этапа (и, соответственно, целого ряда относящихся к нему памятников) происходили в контексте развития и дальнейшего распространения в Северном Причерноморье гальштаттских, карпато-дунайских культур. Таким образом, гальштаттские (карпато-дунайские) традиции присутствовали на Правобережье и Левобережье Днепра, что означает включение этих областей в дальние провинции среднедунайского (карпато-балканского) очага культурогенеза. Стоит отметить, что VIII век до н. э. явился временем максимального расширения территории влияния этого очага — как это наблюдается на примере культурного комплекса Басарабь, типичные артефакты которого засвидетельствованы на территории от Левобережья Днепра на востоке до юго-восточных приальпийских областей на западе (ср. *Eibner*, 1996. S. 105 сл.; 2001. S. 181–190; *Kaşuba*, 2008. Fig. 1; *Kaşuba*, 2011. Abb. 1).

Однако уже с начала VII в. до н. э., когда среднедунайский очаг культурогенеза постепенно перестает пульсировать, воздействие гальштаттских (карпато-дунайских) культур в Среднем Поднепровье сравнительно быстро ослабевает. Это в полной мере подтверждают материалы Жаботинского поселения, которое уже в начале/первой половине VII в. до н. э. теряет свое значение. Свидетельством этому является отсутствие в его материалах раннего греческого импорта, трактуемого как дары/дипломатические подарки местной элите или дарение, возможно, жречеству для установления дружественных контактов в еще доколониационный и в начальный периоды греко-варварских взаимоотношений (*Vachtina*, 2007. P. 23–37; *Vakhtina*, 2007. P. 141–149; *Kerschner*, 2006. S. 239).

Таким образом, появление на жаботинском этапе в VIII в. до н. э. в Среднем Поднепровье гальштаттских материалов напрямую связано со специфическими археологическими культурами Карпато-Подунавья и Восточного Прикарпатья (рис. 5). Однако в Северном Причерноморье имеются не только материалы эпохи гальштатт, но также материалы культуры Галь-

⁷ Пятифигурные мальтийские кресты являются одним из культуруопределяющих элементов культурного комплекса Басарабь второго этапа его развития (см. *Metzner-Nebelsick*, 1992. S. 362 сл. Karte 3; *Gumä*, 1993. P. 232 сл.; и др.).

штатт из Средней Европы. И здесь стоит вернуться к находкам из раскопок Немировского городища и импортам.

Материалы культуры/культурных групп Гальштатт в Северном Причерноморье. Возобновление М. И. Артамоновым раскопок Немировского городища в середине XX в. (Артамонов, 1955. С. 110–117; и др.) выявило локальную специфику памятников скифского времени в Южном Побужье. И хотя материалы раннего железного века из Немирова практически не были опубликованы, факт «гальштаттского присутствия» способствовал выделению подольской группы памятников или восточноподольского/побужского локального варианта лесостепной культуры скифского времени (Бессонова, 1994. С. 3–34). Предпринятое в конце XX в. Г. И. Смирновой и М. Ю. Вахтиной изучение материалов из Немирова позволило поместить раннескифские артефакты в хронологические рамки второй половины VIII — VI в. до н. э. и предложить три этапа развития (Смирнова, 1996. С. 67–84; 2002. С. 217–233; Вахтина, 1996. С. 85–93; 2000. С. 209–217; и др.). Несмотря на то что в керамическом комплексе имелись доказательства связей со среднеевропейскими культурами Восточногальштаттского круга, верх взяло мнение о преобладании в Немирове влияний позднегальштаттской (карпато-дунайской!) культуры Фериджиле-Бырсешть из Южного Прикарпатья (Смирнова, 2001. С. 38–43. Рис. 3, 1–16; 6, II). Противоречия (и в чем-то «исследовательский тупик»), появившиеся вследствие таких представлений и тезиса о «феномене Немирова», были сняты высказанной гипотезой о возможности выделения в хронологических пределах раннескифского периода особого «немировского этапа». Он будет обозначать региональную специфику лесостепных областей Южного Побужья и маркировать в Северном Причерноморье импульс из культурных групп Восточногальштаттского круга в VII в. до н. э. (Кашуба и др., 2010. С. 156–167). Само же Немировское городище в раннескифский период, видимо, являлось важным центром, где постоянно проживала какая-то влиятельная группа населения (дары/дипломатические подарки). В настоящее время эта гипотеза, которую успела услышать и поддержать Г. И. Смирнова(†), разрабатывается.

Что касается импортов, спектр которых в последнее время существенно расширился, то

в своем подавляющем большинстве они поступали в Северное Причерноморье из культур и культурных групп Восточногальштаттского круга или посредством их носителей (в случае североиталийских предметов). Такого рода изделия представлены посудой с металлическими аппликациями, бляшками в виде листа клевера на головной убор, железными топорами с крыльшками, шампуром, шлемом, бритвами, фибулами, браслетами, ситечком, наконечником ножен и пр. (Фиалко, 2006. С. 61–73; Кашуба, 2008а. С. 56–61; Дараган, Снытко, 2008. С. 303–306; Дараган, 2011. С. 597–616; Бандрировский, 2011. С. 59–63; Бандрівський, Крушельницька, 2011. С. 47–56; и др.). Как подчеркивают многие исследователи, здесь должна проводиться дальнейшая работа по уточнению датировок самих импортов, но также некоторых опорных раннескифских памятников в Северном Причерноморье с учетом обновленной европейской хронологической схемы периода НаС и наметившейся тенденции к удревнению отдельных категорий восточнореческой расписной посуды и тарных амфор.

Новейшие исследования показывают примерно одинаковый временной отрезок (около середины VII в. до н. э.) попадания восточногальштаттских импортов в Северное Причерноморье и появления предметов раннескифского облика в Карпатском бассейне и юговосточноальпийской зоне, что подтверждает фактически синхронный характер культурных связей (Дараган, Снытко, 2008. С. 303 сл.; Дараган, 2011. С. 598 сл. Рис. V.62–74; Бандрівський, Крушельницька, 2011. С. 55). Любопытно, что наблюдается также совпадение времени возвращения (около середины VII в. до н. э.) отрядов воинов-всадников в лесостепные области Поднепровья, как из далеких приальпийских земель (восточногальштаттский импорт), так и из Закавказья, из северных областей Урарту, судя по закавказским бусам-розеткам (Рябкова, 2010. С. 178–188). В отношении гальштаттских импортов справедливо было отмечено, что речь должна идти не только о добыче и трофеях, принесенных возвращающимися воинами из приальпийских земель, но также об особых моментах в идеологической сфере (общность отдельных представлений?), в равной степени понятных населению столь отдаленных друг от друга территорий (Бандрівський, Крушельницька, 2011. С. 55). Судя по характеру

и объему материалов из культур Восточногалыштатского круга в лесостепных областях Северного Причерноморья, где наряду с элитным комплексом присутствуют и рядовые изделия (например, посуда на Немирове), вместе с возвращающимися воинскими контингентами сюда пришла какая-то группа населения (женщины, ремесленники, возможно, торговцы). Его основным местом проживания стало Немировское городище. Одновременно оно стало центром трансляций культурных стандартов Восточногалыштатского круга, которые через пять-шесть поколений к середине/второй половине VI в. до н. э. себя уже окончательно исчерпали.

Новые возможности исследований галыштатских древностей в Северном Причерноморье. Представленный обзор показывает, что на территории Северного Причерноморья в конце эпохи бронзы—раннем железном веке, в период, обозначаемый в европейской хронологической схеме как галыштатский (= эпоха галыштатт, HaA—HaD или XII—VI вв. до н. э.), действительно были распространены археологические культуры, материалы и импорты, трактуемые как галыштатские. Одни из них имели карпато-дунайское происхождение, вторые — средневропейское. Чтобы акцентировать и закрепить ключевое для европейских территорий в финальный этап эпохи бронзы и ранний железный век понятие «галыштатт» (= эпоха-культура) применительно к специфическим материалам из Северного Причерноморья, предлагаю для их обозначения ввести термин «Ha-NP» (или «галыштатт Северного Причерноморья»). На временной шкале, судя по датировкам входящих в него культур/культурных групп, Ha-NP соответствует эпохе галыштатт средневропейской хронологической схемы — HaA—HaD или XII—VI вв. до н. э. (рис. 6).

Как показывает проведенный обзор, термин «галыштатт» всегда подразумевался специалистами, когда речь шла о специфических культурах западных областей лесостепи Северного Причерноморья. Первоначально для их обозначения применялся термин «фракийский галыштатт», от которого впоследствии отказались. Можно добавить, что этот термин никак не отражал материалы Восточногалыштатского круга, известные в Северном Причерноморье. Также была предпринята попытка выделить «культуру украинского галыштатта», однако этот термин представляется крайне

неудачным, да и относится он исключительно к культурам раннего железного века Западной Украины (см. *Бандрівський*, 2005. С. 311—321). Можно констатировать, что для северопричерноморских материалов термин «галыштатт» эмпирически, стихийно и без уточнения такой дефиниции уже давно используется специалистами. Поэтому дефиниция Ha-NP (или «галыштатт Северного Причерноморья») отражает знания о культурно-историческом развитии этого региона в конце эпохи бронзы и начальном этапе раннего железного века, накопленные к настоящему времени усилиями нескольких поколений исследователей.

Принимая во внимание, что входящие в Ha-NP галыштатские культуры и культурные группы имеют миграционный характер, но разный механизм своего появления, в развитии Ha-NP можно выделить два этапа (рис. 6). Первый этап (Ha-NP I, XII—VII/VI вв. до н.э.) обусловлен процессом «галыштаттизации» Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья. Она связана с функционированием (пульсацией) среднедунайского очага культурогенеза, что вызвало в XII—VII/VI вв. до н. э. появление в рассматриваемом регионе галыштатских (карпато-дунайских) культур. Вторым этапом (Ha-NP II, VII—VI вв. до н. э.) связан с деятельностью носителей раннескифского комплекса, благодаря которым осуществился непосредственный контакт и последовавшая затем миграция небольшой группы населения из культур/культурных групп Восточногалыштатского круга в районы Южного Побужья.

Предлагаемая дефиниция Ha-NP (или «галыштатт Северного Причерноморья») является прикладной, но имеет и самостоятельное значение. Термин Ha-NP отражает объективно существовавшую реальность, представление о которой необходимо дальше расширять. Основная цель его создания — это закрепить правомочность применения термина «галыштатт» в отношении отдельных археологических культур, материалов и находок из Северного Причерноморья, а также обоснованно использовать (с необходимыми оговорками) европейскую хронологическую схему периодов HaA—HaD при их датировании. Привязки к европейской и эгейской хронологическим схемам позволяют предлагать для материалов Ha-NP независимые датировки, что способствует построению более надежного фундамента следующего раннескифского периода. Таким об-

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА		«ГАЛЬШТАТТ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ» = Ha-NP				Лет до н.э.
По Райнеке/ Мюллер-Карпе	Обновленная	Периодизация	Культуры, культурные группы и этап			
			Северо-Восточное и Восточное Прикарпатье	Среднее Побужье	Правобережье Днепра	
Ha D1	Ha D1/2	Ha-NP II	позднегальштаттские группы	↑↑↑ «Немировский этап» Немиров		600
Ha C	Ha C1/2					
Ha B3	Ha C1a	Ha-NP I	↑↑↑ Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть)		↑↑↑ Жаботинская культура Жаботин	700
Ha B2	Ha B2/3		Сахарна-Шолдэнешть			800
Ha B1	Ha B1		↑↑	↑↑↑ Сахарна (Козия-Сахарна)		900
Ha A2	Ha A2		↑↑	↑↑ Холеркань (Тэмзоань-Холеркань-Балта)		1000
Ha A1	Ha A1		↑↑↑	↑↑↑ Гава-Голиграды-Грэничешть / Кишинэу-Корлэтенъ		1100
Br D	Br D					1200

Рис. 6. Спектр культур, культурных групп и этапов «гальштатта Северного Причерноморья» (Ha-NP) и синхронизация с обновленной европейской хронологической схемой гальштаттского периода

Fig. 6. Spectre of the cultures, cultural groups and phases of the ‘Hallstatt of the northern Black Sea littoral’ (Ha-NP) and its synchronization with the revised European chronology of the Hallstatt period

разом, начатые более века назад гальштаттские исследования А. А. Спицына получают свое новое продолжение с учетом современных знаний о гальштатте в Северном Причерноморье.

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Артамонов, 1955 — Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–53 гг. // КСИ-ИМК. М., 1955. Вып. 59.

Археологічні пам’ятки..., 1982 — Археологічні пам’ятки Прикарпаття і Волині доби бронзи та раннього заліза. Київ, 1982.

Бандривский, 2011 — Бандривский М. Восточногальштаттский импорт — новый источник для датировки курганов среднестровской (западноподольской) группы (по материалам усыпальницы в Швайковцах возле Чорткова на Тернопольщине) // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Материалы Круглого стола, 23–24 июня 2011 года. СПб., 2011.

Бандрівський, 2005 — Бандрівський М. Проблема Білоградівки і Чорнолісся — реабілітація «культури українського гальштату»? // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2005. Вип. 8.

Бандрівський, 2008 — Бандрівський М. Етнокультурна ситуація на заході України у постгавський час: голіградська культура й пам’ятки латорицької групи (проблеми хронології й періодизації) // МДАПВ. Львів, 2008. Вип. 12.

- Бандрівський, Крушельницька*, 2011 — *Бандрівський М. С., Крушельницька Л. І.* Кернос з Непоротова і керносоподібні посудинки з Середнього і Верхнього Придністров'я: проблеми походження і датування // Древности Восточной Европы. Сб. науч. трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.
- Бандрівський и др.*, 2002 — *Бандрівський М., Корчинський О., Крушельницька Л.* Оборонні укріплення доби раннього заліза у верхній Наддністрянщині // Військово-історичний альманах. Львів, 2002. Вип. 2.
- Бессонова*, 1994 — *Бессонова С. С.* Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев, 1994.
- Бобринской*, 1901 — *граф Бобринской А.* Курганы и случайные археологические находки близ м. Смьлы. Дневники раскопок 1889–1897 гг. С.-Петербург, 1901. Т. 3.
- Бочкарев*, 1991 — *Бочкарев В. С.* Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. Л., 1991.
- Бочкарев*, 1995 — *Бочкарев В. С.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конф. СПб., 1995. Ч. 1.
- Бочкарев*, 2010 — *Бочкарев В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010.
- Бочкарев*, 2011 — *Бочкарев В. С.* Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Материалы Круглого стола, 23–24 июня 2011 года. СПб., 2011.
- Бруяко*, 2005а — *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н. э.). Кишинев, 2005.
- Бруяко*, 2005б — *Бруяко И. В.* Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. № 3 (2003–2004): Скифия, Фракия и эллинский мир.
- Вахтина*, 1996 — *Вахтина М. Ю.* Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія. Київ, 1996. № 4.
- Вахтина*, 2000 — *Вахтина М. Ю.* Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΥΣΤΙΓΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.
- Гамченко*, 1911 — *Гамченко С.* Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре. СПб., 1911.
- Гольцева, Кашуба*, 1995 — *Гольцева Н. В., Кашуба М. Т.* Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья. Тирасполь, 1995.
- Дараган*, 2006 — *Дараган М. М.* Жаботинський етап раннього залізного віку Дніпровського Правобережного лісостепу (за матеріалами Жаботинського поселення): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006.
- Дараган*, 2011 — *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.
- Дараган, Кашуба*, 2008 — *Дараган М., Кашуба М.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista Arheologică. Chişinău, 2008. S. N. Vol. 4. No. 2.
- Дараган, Снытко*, 2008 — *Дараган М. Н., Снытко Н.* Восточноальпийский гальштат и раннескифские (РСК-3) памятники Среднего Поднепровья: поиск хронологических реперов // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.). СПб., 2008.
- Дергачев*, 1997 — *Дергачев В. А.* Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона. Кишинэу, 1997.
- Дергачев*, 2010 — *Дергачев В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Кишинэу, 2010. Вып. 1: Одноушковые кельты с арковидными фасками.
- Дергачев*, 2011 — *Дергачев В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Кишинэу, 2011. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья.
- Каврук*, 2011 — *Каврук В.* Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (Часть первая) // Revista Arheologică. Chişinău, 2011. S. N. Vol. 7. No. 1–2.
- Кашуба*, 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 3: Мельпомена археологическая.
- Кашуба*, 2003 — *Кашуба М. Т.* Дополняя среднегальштатские древности в Хлижень II или «рваный край» VII в. до н. э. в Бессарабии // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2003. № 3 (2001–2002): Старая Скифия.
- Кашуба*, 2008а — *Кашуба М. Т.* «Скифы и Гальштат» А. А. Спицына в современных исследованиях по Северному Причерноморью // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.). СПб., 2008.
- Кашуба*, 2008б — *Кашуба М. Т.* О восточных (северопричерноморских) памятниках и импортах культурного комплекса Басарабь, VIII–начало VII вв. до н. э. // Проблемы історії та археології України: Матеріали VI Міжнародної наукової конференції, присвяченої 150-річчю з дня народження академіка В. П. Бузескула (Харків, 9–11 октября 2008 р.). Харків, 2008.
- Кашуба*, 2011 — *Кашуба М. Т.* Днестровско-Прутское междуречье как локальный центр перехода к раннему железному веку в Северном Причерноморье // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Материалы Круглого стола, 23–24 июня 2011 года. СПб., 2011.

- Кашуба, Левицкий*, 2011 — *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* Заметка о происхождении одной категории сосудов для питья позднейшего предскифского—раннескифского времени в Северном Причерноморье // Древности Восточной Европы. Сб. науч. трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.
- Кашуба и др.*, 2003 — *Кашуба М. Т., Хахеу В. П., Левицкий О. Г.* Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов раскопок второй половины XX века) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2003. № 3 (2001–2002): Старая Скифия.
- Кашуба и др.*, 2010 — *Кашуба М. Т., Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю.* Немировское городище: сто лет археологических исследований // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред. В. А. Алкшин и др. СПб., 2010.
- Клейн*, 1999 — *Клейн Л. С.* Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 1: Время собирать камни.
- Клейн*, 2000 — *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация: подходы и критерии // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 1: Время последних неандертальцев.
- Крушельницкая*, 1991 — *Крушельницкая Л. И.* Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (проблемы этнокультурных процессов): Дис. ... ист. наук в форме науч. доклада. Киев, 1991.
- Крушельницкая, Малеев*, 1990 — *Крушельницкая Л. И., Малеев Ю. Н.* Племена культуры фракийского гальштата (Гава—Голиграды) // Археология Прикарпатья, Волины и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев, 1990.
- Крушельницка*, 1976 — *Крушельницка Л. І.* Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. Київ, 1976.
- Крушельницка*, 1985 — *Крушельницка Л. І.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубж епох бронзи і заліза). Київ, 1985.
- Крушельницка*, 1993 — *Крушельницка Л.* Нові пам'ятки культури Гава—Голигради // Пам'ятки гальштатського періоду в межах річки Вісли, Дністра і Прип'яти. Київ, 1993.
- Крушельницка*, 1998 — *Крушельницка Л.* Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами неперотівської групи пам'яток). Львів, 1998.
- Лапушнян*, 1979 — *Лапушнян В. Л.* Ранние фракийцы X—начала IV вв. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
- Ларина, Кашуба*, 2005 — *Ларина О. В., Кашуба М. Т.* Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье // *Revista Arheologică. Chişinău*, 2005. S. N. Vol. 1. No. 1.
- Левицкий, Демченко*, 1995 — *Левицкий О. Г., Демченко Т. И.* Памятники скифской архаики на территории Молдавии // Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. 5.
- Левицкий, Кашуба*, 2011 — *Левицкий О. Г., Кашуба М. Т.* Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений) // *АВ. СПб.*, 2011. № 17.
- Малеев*, 1981 — *Малеев Ю. Н.* История племен Западной Подолии и Прикарпатья в конце бронзового—начале железного веков: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981. НА ИА НАНУ, ф. 12/601.
- Мелокова*, 1958 — *Мелокова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М., 1958 (МИА; № 64).
- Мелокова*, 1984 — *Мелокова А. И.* Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н. э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Никулицэ*, 1977 — *Никулицэ И. Т.* Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.
- Никулицэ*, 1987 — *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
- Никулицэ, Фидельский*, 2004 — *Никулицэ И. Т., Фидельский С. А.* Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи // *Sercetări arheologice în Republica Moldova (2000–2003)*. Chişinău, 2004. Vol. 1.
- Пассек*, 1959 — *Пассек Т. С.* Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих областей Украины // *СА*. 1959. № 1.
- Пассек*, 1963 — *Пассек Т. С.* Румынско-советский семинар по проблемам первобытной археологии // *СА*. 1963. № 3.
- Рябкова*, 2010 — *Рябкова Т. В.* К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010 (Археологический альманах; Вып. 21).
- Свешніков*, 1964 — *Свешніков І. К.* Пам'ятки голиградського типу на Західному Поділлі // *МДАПВ*. Львів, 1964. Вип. 5.
- Смирнова*, 1969 — *Смирнова Г. И.* Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969 (МИА; № 150).
- Смирнова*, 1976 — *Смирнова Г. И.* Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы. Л., 1976 (АСГЭ; Вып. 17).
- Смирнова*, 1990 — *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II—первой половине I тыс. до н. э.: Дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. Киев, 1990.
- Смирнова*, 1996 — *Смирнова Г. И.* Немировское городище — общая характеристика памятника VII—VI вв. до н. э. // Археология. Київ, 1996. № 4.
- Смирнова*, 2001 — *Смирнова Г. И.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного При-

- черноморья (по материалам Немировского городища) // РА. М., 2001. № 4.
- Смирнова*, 2002 — *Смирнова Г. И.* Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
- Смирнова, Кашуба*, 1988 — *Смирнова Г. И., Кашуба М. Т.* О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии. Л., 1988 (АСГЭ; Вып. 29).
- Спицын*, 1911 — *Спицын А.* Скифы и Гальштатт // Сб. археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
- Тихонов*, 2011 — *Тихонов И. Л.* 2011. Кафедре археологии СПбГУ — 75 лет // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: К 75-летию кафедры археологии. Тезисы конф. 5–6 декабря 2011 года. СПб., 2011.
- Ткачук*, 1998 — *Ткачук М. Е.* Гетика. Археология имени // Revista Arheologică. Chişinău, 1998. No. 2.
- Ткачук*, 1999 — *Ткачук М. Е.* Гетика, которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 3: Скифский квадрат.
- Фиалко*, 2006 — *Фиалко Е. Е.* Об одном типе золотых украшений скифского времени (к вопросу об эволюции и происхождении) // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2006. № 1.
- Фидельский*, 2009 — *Фидельский С.* Погребение железного века у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северофракийских памятников // Tyragetia. Chişinău, 2009. S. N. Vol. 3 [18]. No. 1.
- Шрамко*, 2006 — *Шрамко І. Б.* Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006.
- Шрамко*, 2010 — *Шрамко И. Б.* Бельское городище: основные этапы развития // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Междунар. науч. конф. (28–29 октября 2010 года, Харьков). Харьков, 2010.
- Arnăut*, 2003 — *Arnăut T.* Vestigii ale sec. VII–III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați. Chişinău, 2003.
- Boroffka*, 1991 — *Boroffka N.* Die Verwendung von Eisen in Rumänien von den Anfängen bis in das 8. Jahrhundert v. Chr. // Europe in the 1st millennium B. C.: Symposium 3rd – 4th April 1986, Institute of Archaeology, Oxford. Berlin, 1991.
- Eibner*, 1996 — *Eibner A.* Die Bedeutung der Basarabi-Kultur in der Entwicklung des Osthallstattkreises // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa: Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7–9. November 1996). Bukarest, 1996.
- Eibner*, 2001 — *Eibner A.* Der Donau-Drave-Save-Raum im Spiegel gegenseitiger Einflussnahme und Kommunikation in der frühen Eisenzeit. Zentralorte entlang der «Argonautenstraße» // Die Drau-, Mur- und Raab-Region im 1. vorchristlichen Jahrtausend: Akten des Internationalen und Interdisziplinären Symposiums vom 26. bis 29. April 2000 in Bad Radkersburg. Bonn, 2001 (UPA; Bd 78).
- Florescu, Florescu*, 1983 — *Florescu M., Florescu A.* Cercetările arheologice de la Cîndeşti-Coasta Banului com. Dumbrăveni (jud. Vrancea), în perioada 1976–1980 (necropola aparținând purtătorilor culturii Monteoru, aşezarea de la sforşitul epocii bronzului — cultura Noua şi resturi de locuire hallstattiene) // Materiale şi cercetări arheologice: a XV sesiune de rapoarte (Muzeul judeţean Braşov, 1981). Bucureşti, 1983.
- Gumă*, 1993 — *Gumă M.* Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti, 1993 (Bibl. Thracol. 4).
- Gumă*, 1995 — *Gumă M.* The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1995. T. 16. No. 1–2.
- Hänsel*, 1976 — *Hänsel B.* Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976 (Beitr. Ur- u. Frühgesch. Arch. Mittelmeer-Kulturraum; Bd 16-17).
- Istoria României*, 1960 — *Istoria României. I. Comuna primitivă. Sclavagismul. Perioada de trecere la feudalism / Red. resp. C. Daicovicui.* Bucureşti, 1960.
- Kaşuba*, 2008 — *Kaşuba M.* Materiale ale culturii Şoldăneşti în bazinul Nistrului de Mijlociu — observații preliminare // Tyragetia. Chişinău, 2008. S. N. Vol. 2 [17]. No. 1.
- Kaşuba*, 2010 — *Kaşuba M.* Primă epocă a fierului (sec. XII – VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura Cozia-Saharna. Cultura Şoldăneşti (Basarabi-Şoldăneşti) // Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V). Chişinău, 2010.
- Kaşuba*, 2011 — *Kaşuba M.* Erscheinungsformen hallstattzeitlicher Stammesfeste im Nordpontikum am Beispiel der Malteserkreuzdarstellungen (2. Hälfte 8.–7. Jh. v. Chr.) // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Frühheisenzeit (5000–500 v. Chr.). Bd 2. Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen: Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldawien (4.–8. Oktober 2010). Rahden/Westf.; Kiel, 2011 (PAS; Bd 27).
- Kaşuba, Levişki*, 2010 — *Kaşuba M., Levişki O.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Considerații generale // Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V). Chişinău, 2010.
- Kerschner*, 2006 — *Kerschner M.* Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // Eurasia Antiqua. Berlin, 2006. Bd 12.
- László*, 1975 — *László A.* Începuturile metalurgiei fierului pe teritoriul României // SCIVA. Bucureşti, 1975. T. 26. No. 1.
- László*, 1976 — *László A.* Über der Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1976. T. 1. No. 1–2.

- László*, 1986 — *László A.* Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei // *Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamț*, 1986. Vol. 12–14.
- László*, 1989 — *László A.* Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII–VII siècles av. n. è. // *La civilisation de Hallstatt. Liège*, 1989 (Etud. et Rech. Arh. de l'Université de Liège 36).
- László*, 1994 — *László A.* Începuturile epocii fierului la est de Carpați. Culturile Gava-Holihady și Corlăteni-Chișinău pe teritoriul Moldovei. București, 1994 (Bibl. Thracol. 6).
- László*, 2001 — *László A.* Prima epocă a fierului // *Istoria românilor / Coord. M. Petrescu-Dombovița, Al. Vulpe*. București, 2001. Vol. 1: Moștenirea timpurilor îndepărtate.
- Levički*, 1994a — *Levički O.* Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați. București, 1994 (Bibl. Thracol. 7).
- Levički*, 1994b — *Levički O.* Grupul Holercani — Hansca. Aspectul pruto-nistean al complexului hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată // *Relations Thraco–Illyro–Helléniques: Actes du 14e Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14.–19. septembre 1992)*. Bukarest, 1994.
- Levički*, 2003 — *Levički O.* Lumea tracică și masivul cultural Nord-Pontic în perioada Hallstattiană timpurie (secolele XII–X î.e.n.). București, 2003 (Bibl. Thracol. 40).
- Levički*, 2006 — *Levički O.* Necropola tumulară Hallstattiană târzie Trinca — «Drumul Feteților». Iași, 2006 (Bibl. Archaeologica Moldaviae 3).
- Levički*, 2010 — *Levički O.* Prima epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă, Zona de silvostepă. Tracii timpurii // *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V)*. Chișinău, 2010.
- Levički, Haheu*, 1999 — *Levički O., Haheu V.* Necropola Hallstattiană târzie de la Giurgiuștești // *Studia in honorem Ion Niculiță*. Chișinău, 1999.
- Mateevici*, 2007 — *Mateevici N.* Amforele grecești on mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI — începutul sec. II a. Chr. Chișinău, 2007 (Bibl. «Tyragetia» 14).
- Metzner-Nebelsick*, 1992 — *Metzner-Nebelsick C.* Gefäße mit basaraboider Ornamentik aus Frög // *Festschrift zum 50jährigen Bestehen des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck*. Bonn, 1992 (UPA; Bd 8).
- Morintz*, 1977 — *Morintz S.* Probleme privind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice // *Revista de Istorie*. București, 1977. T. 30. No. 8.
- Morintz*, 1987 — *Morintz S.* Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie on zona istropontică (Cercetările de la Babadag) // *Thraco-Dacica*. București, 1987. T. 8. No. 1–2.
- Morintz, Roman*, 1969 — *Morintz S., Roman P.* Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României — Insula Banului // *SCIV*. București, 1969. T. 20. No. 3.
- Nestor*, 1933 — *Nestor I.* Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien // *Ber. RGK. Frankfurt am Main*, 1933. Bd 22 (1932).
- Nestor*, 1970 — *Nestor I.* Epoca fierului // *Istoria poporului român*. București, 1970.
- Nicic*, 2008 — *Nicic A.* Interferențioe cultural-cronologice on nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II — începutul mil. I. a. Chr. Chișinău, 2008 (Bibl. «Tyragetia» 15).
- Niculiță*, 1992 — *Niculiță I.* Tracii de nord on prima jumătate a mileniului I î. e. n. // *Probleme actuale ale istoriei naționale și universale*. Chișinău, 1992.
- Niculiță*, 2004 — *Niculiță I.* Thraco-Getica. Studii și materiale. Chișinău, 2004.
- Niculiță et al.*, 2008 — *Niculiță I., Zancoci A., Arnăuț T.* Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). Chișinău, 2008 (Bibl. «Tyragetia» 18).
- Pârvan*, 1992 — *Pârvan V.* Getica. O proistorie a Daciei [преизд.]. Chișinău, 1992.
- Samoilova*, 2010 — *Samoilova T.* Începuturile istoriei. Perioada antică. Tracii și civilizațiile antice (sec. VII — I î. Hr.). Constituirea primelor formațiuni statale. Colonizarea grecească a litoralului de nord-vest al Mării Negre // *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V)*. Chișinău, 2010.
- Sava et al.*, 1995 — *Sava E., Manzura I., Teaciu M., Kurciatov S., Bubulici V., Rabinovici R., Gukin V., Alaiba R., Bădău-Wittenberger M.* Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărușca Nouă-Arionesti — raionul Dondiușeni, Republica Moldova // *Cercetări arheologice în aria Nord-Tracică*. București, 1995. Vol. 1.
- Sava, Levički*, 1995 — *Sava E., Levički O.* Așezarea culturii Noua Petrușeni «La Cigoreanu» (investigații de șantier din anul 1991) // *Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă*. București, 1995. Vol. 1.
- Smirnova*, 1971 — *Smirnova G. I.* Über die Entstehung der Denkmäler der Holigrady-Gruppe im Vorkarpatengebiet // *VIII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Proto-historiques: Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS (Belgrade, 1971)*. M., 1971.
- Stoia*, 1989 — *Stoia A.* The Beginning of Iron Metallurgy in Romania (1200–700 B. C.) // *The Bronze Age — Iron Age Transition in Europe. Aspects of continuity and change in European societies c. 1200 to 500 B. C.* Oxford, 1989. Vol. 1 (BAR I.S; 483).
- Tentiuc et al.*, 2009 — *Tentiuc I., Levinschi A., Iucal V., Pâslaru V.* Investigațiile arheologice de la Țuțora on anul 2009. Considerații preliminare // *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (ediția a XIX-a)*, 15–16 octombrie 2009. Program. Rezumatele comunicărilor. Chișinău, 2009.
- Vachtina*, 2007 — *Vachtina M. Ju.* Greek Archaic Orientalising Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-Steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges*. Aarhus, 2007 (Black Sea Studies; Vol. 6).
- Vakhtina*, 2007 — *Vakhtina M.* Archaic East-Greek pottery from Nemirovo City-Site // *Frues Ionien: Akten des Symposium am Panionion*, 29.09.–1.10.1999. Berlin, 2007 (Milesische Forschungen; Bd 5).

Vasiliev et al., 1991 — Vasiliev V., Aldea I., Ciugudean H. Civilizația dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuții arheologice: Așezarea fortificată de la Teleac. Cluj-Napoca, 1991.

Vulpe, 1990 — Vulpe A. Die Kurzschnäbel, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. München, 1990 (PBF. VI/9).

Zaharia, Morintz, 1965 — Zaharia E., Morintz S. Hallstattul timpuriu în România // SCIV. București, 1965. T. 16. No. 3.

Hallstatt in the Northern Black Sea Region — Modern Studies

M. T. Kashuba

The studies of the Hallstatt Age on the northern Black Sea littoral have now turned over their century-old history. Their beginning was laid in the article by Alexander A. Spitsyn «*Skify i Gal'shtatt*» («Scythians and the Hallstatt»; 1911). New and important evidence accumulated at the modern level of our knowledge about the final period of the Bronze Age and the Early Iron Age allows us to apply the term «Hallstatt» to some finds from the northern Black Sea area if we apply it widely to artefacts of a certain period (respectively HaA—HaB—HaC—HaD; 12th—6th centuries BC). Some archaeological cultures now known as possessing a number of specific features, as well as finds of single imports of the 12th—6th centuries BC from the eastern Carpathians, Middle Bug region and middle reaches of the Dnieper, have been attributed as Hallstatt antiquities of the northern Black Sea littoral (Ha-NP). The first phase of the evolution of Hallstatt material culture in the northern Black Sea region was related with the process of «Hallstattization» of the eastern Carpathians. In terms of archaeology, this phase left a number of Hallstatt Carpathian/Danubian cultures of the 12th—8th/7th centuries BC (Gáva—Holihady—Grănicești, Chișinau—Corlăteni Cozia—Saharna, Basarabi—Șoldănești and the

late Hallstatt antiquities). The second phase in the evolution of the Hallstatt cultures in the northern Black Sea area was influenced by regions of the East-Hallstatt circle of Central Europe (the Nemirov and synchronous group of sites). Hallstatt antiquities on the northern Black Sea littoral, taken in the aggregate, are of differing origins. They belong to Hallstatt and Hallstatt-like cultures or migrant (i.e. non-local) cultural groups. Also the western and southwestern orientation of the contacts of the bearers of these cultures is discussed. The appearance of Hallstatt or Carpathian-Danubian antiquities in the northern Black Sea region at the first phase (Ha-NP I; 12th—7th/6th centuries BC) was linked with the functioning (pulsation) of the Middle-Danubian hotbed of the cultural genesis («Hallstattization» of the eastern Carpathian region). At the second phase (Ha-NP II; 7th—6th centuries BC), the Hallstatt antiquities were generated by the activities of bearers of the early Scythian complex. The latter caused the immediate contacts and afterward migration of populations of the cultures or cultural groups from the East-Hallstatt area of Central Europe to the Middle Bug River and some to the forest-steppe of the Dnieper right banks (the «Nemirov stage»).

Теория влияний и своеобразие на примере древнерусского драгоценного убора

Н. В. Жилина¹

Словосочетание «теория влияний» традиционно понимается как критикуемая концепция о происхождении русской культуры, при которой внешнее влияние переоценивается. Но рассмотрение иноземных влияний и культурного своеобразия действительно нуждается в теории, и в этом контексте данное понятие употребляется в прямом значении, без кавычек.

В археологической литературе влияние чаще констатируется, чем раскрывается. На первый план выступает анализ формы вещей, а главными доказательствами влияния являются внешние аналогии и более раннее распространение форм в другом регионе. В результате на сложные и тонкие процессы взаимодействий накладывается аморфно-обобщенный ярлык: такие-то явления «пришли оттуда» или «возникли под влиянием». Одной только констатации аналогий недостаточно для выводов о внешних влияниях, аналогии могут свидетельствовать и о сходстве пути развития. Необходимо на конкретном археологическом и историческом материале воссоздавать процессы, происходящие в обществах при контакте с иноземной культурой. Попытаемся выделить варианты этих процессов на примере славяно-русской истории сквозь призму ювелирного материала.

Культурные взаимодействия бывают связаны с историей народа: политическими событиями, передвижениями, сменой культурной ориентации.

1. Собственная полноценная разработка мирового образа наравне с другими народами. Профессиональная культура декоративной обра-

ботки ювелирных изделий проявляется в искусстве славян в VI–VII вв., ее источник определяется исследователями как германский и византийский. Пальчатые фибулы Поднепровья относят к германскому массиву, вместе с тем отмечается технологическое и художественное своеобразие славянской ветви фибул в европейском мире (рис. 1, 1–8)² (Корзухина, 1996. № 19/1, табл. 79, 1, 2; № 65, табл. 79, 12; № 27/12; табл. 8, 3; № 82/1, табл. 59, 1; № 73/47, 55; табл. 29, 1, 6). Славянские пальчатые фибулы, в отличие от европейских и боспорских, изготовлены из латуни, а не из серебра, крупнее по размеру; более скромно орнаментированы, не имеют стеклянных и драгоценных полихромных вставок (Амброз; 1993, Гавритухин, 1996; Щеглова, 1999; Шаблавина, 2001. С. 309, 310; Родинова, 2004; 2006 а, б; Шмонеvский, 2006). Исследования по технологии изготовления фибул и находки ремесленных комплексов подтверждают их местное производство. Вкладах Днепровского Левобережья (Новая Одесса, Козиевка) есть шаблоны для изготовления фибул (Корзухина, 1996. С. 285, 297, 634, 638; Шаблавина, 2001. С. 313). На производственном комплексе V–VIII вв. селища Бернашевка (Винницкая обл.) также найдена литейная форма для пальчатой фибулы (Винокур, 1998. С. 223, рис. 2).

Причисление днепровских пальчатых фибул к германскому массиву (Родинова, 2008. С. 284) не противоречит исторической действительности, но несколько затушевывает процесс собственного художественного синтеза в искусстве восточных славян. Европейские пальчатые фибулы — довольно эклектичное

¹ Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН. Отдел славяно-русской археологии.

© Н. В. Жилина, 2012

² Иллюстрации воспроизводятся в авторской редакции (примеч. — Ред.)

художественное явление, сложившееся на основе синтеза более ранних евразийских стилей (полихромного, перегородчатой инкрустации и резьбы «кербшнит»). Стилистический симбиоз способствовал созданию в каждом из регионов уникального художественного варианта. Славянские и крымские пальчатые фибулы дают переходные звенья к антропозооморфным (рис. 1, 9, 10) (Корзухина, 1996. № 68/2, табл. 23, 2; № 73/47, табл. 29, 1; № 102/3, табл. 80, 10; № 150/16 и 5а, табл. 111, 1, 7).

Антропозооморфные фибулы, по мнению исследователей, сформировались на основе германских пальчатых, наследуются звериные мотивы, используется упрощенный византийский растительный орнамент, востребуется местное народное творчество (Амброз, 1993; Родинкова, 2006 а, б). В качестве источника появления антропозооморфных фибул рассматривается и местная днепровская традиция пальчатых (Приходнюк, 2000. С. 66. Рис. 7, 9)

(рис. 1, 11–15) (Корзухина, 1996. № 27/11, табл. 8, 2; № 81/8а, табл. 48, 5; № 3/2, табл. 1, 1; № 73/70, табл. 32, 2; № 77/1; табл. 43, 4). Тем не менее внешние составляющие не объясняют качественного художественного изменения и нового стилистического уровня, который демонстрируют эти изделия. Стилль фибул нового этапа можно охарактеризовать как декоративно-реалистический, схематические абстракции остались в прошлом. Человеческие и животные образы становятся значительно более живыми. Новые образы следует скорее противопоставить прежним схематичным и ячеистым изображениям пальчатых фибул, а не выводить из них. Антропоморфизм не следует только из византийского влияния, позднеантичный натурализм ранневизантийского искусства созвучен художественным нормам эпохи формирования антропоморфного многобожия у европейских народов, в том числе и восточных славян. Звериные мотивы, не явля-

Рис. 1. Славянские фибулы конца VI — начала VIII в.

Пальчатые: 1, 2 — Княжа Гора; 3 — Смела; 4 — Мартыновка; 5 — Березовка, погребение; переходные: 6 — Суук-Су, погребение 131; 7 — Суук-Су, погребение 28; 8 — Балаклея; 9 — Пастырское, Киевской обл.; 10 — Среднее Поднепровье; антропозооморфные: 11 — Мартыновка; 12 — Козиевка; 13 — Киев; 14 — Пастырское, случайные находки; 15 — Блажки;

Славянские и русские зооморфные и антропоморфные изображения (в разных масштабах для сравнения стилистики):

V–VII вв.: 16 — гребень, Псковское городище; пражско-пеньковские древности — 17 — фигурка льва, поселение на о. Мытковский; 18 — бронзовое накладное украшение в виде фигурки лошади, Самчинцы; 19, 20 — детали украшений, Пастырское городище, случайные находки; 21 — Среднее Поднепровье, Загребелье; XI–XIII вв. — 22 — накладная пластина из цветного металла, Гочевский могильник, курган 98; 23 — радимичи, Брянская губ., погребения; 24 — смоленско-полоцкие кривичи, Харлапово, курган 19; 25, 26 — матрицы для нашивных бляшек, Старая Рязань, Южное городище, раскоп 17 и из раскопок А. Л. Монгайта;

Деревянная резьба:

XIII–XIV вв. — 27, 28 — головы коней, Новгород;

XIX — начало XX в. — 29, 30 — декор изб, ГИМ; 31 — Ивановская обл.; 32 — Кострома

Fig. 1. Slavic brooches of the late 6th — early 8th century.

Fingered fibulae: 1, 2 — Knyazha Gora; 3 — Smela; 4 — Martynovka; 5 — Berezovka, burial; intermediate: 6 — Suuk-Su, burial 131; 7 — Suuk-Su, burial 28; 8 — Balakleya; 9 — Pastyrskoye, Kiev Oblast; 10 — middle Dnieper region; anthropomorphic and zoomorphic: 11 — Martynovka; 12 — Kozievka; 13 — Kiev; 14 — Pastyrskoye, stray finds; 15 — Blazhki.

Slavic and Russian zoomorphic and anthropomorphic representations (at different scales for comparison of the stylistics): 5th–7th centuries: 16 — comb, townsite of Pskov; Praga-Penkovka antiquities: 17 — lion figurine, settlement on the island of Mytkovsky; 18 — bronze plaque in the form of a horse figurine, Samchintsy; 19, 20 — parts of ornaments, townsite of Pastyrskoye, chance finds; 21 — Middle Dnieper, Zagrebelye;

11th–13th centuries: 22 — plate from non-ferrous metal, cemetery of Gochevo, barrow 98; 23 — the Radimichi tribes, Bryansk Province, burials; 24 — the Smolensk-Polotsk Krivichi, Kharlapovo, barrow 19; 25, 26 — moulds for casting sewn-on plaques, Old (Staraya) Ryazan, Southern Townsite, excavation 17 and collection from A. L. Mongayt's excavations.

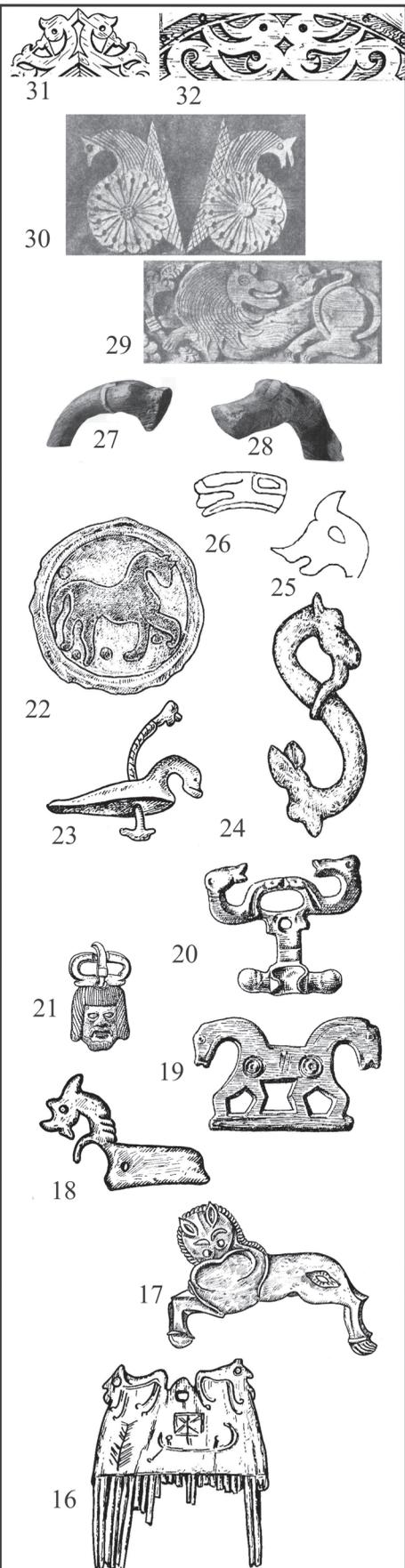
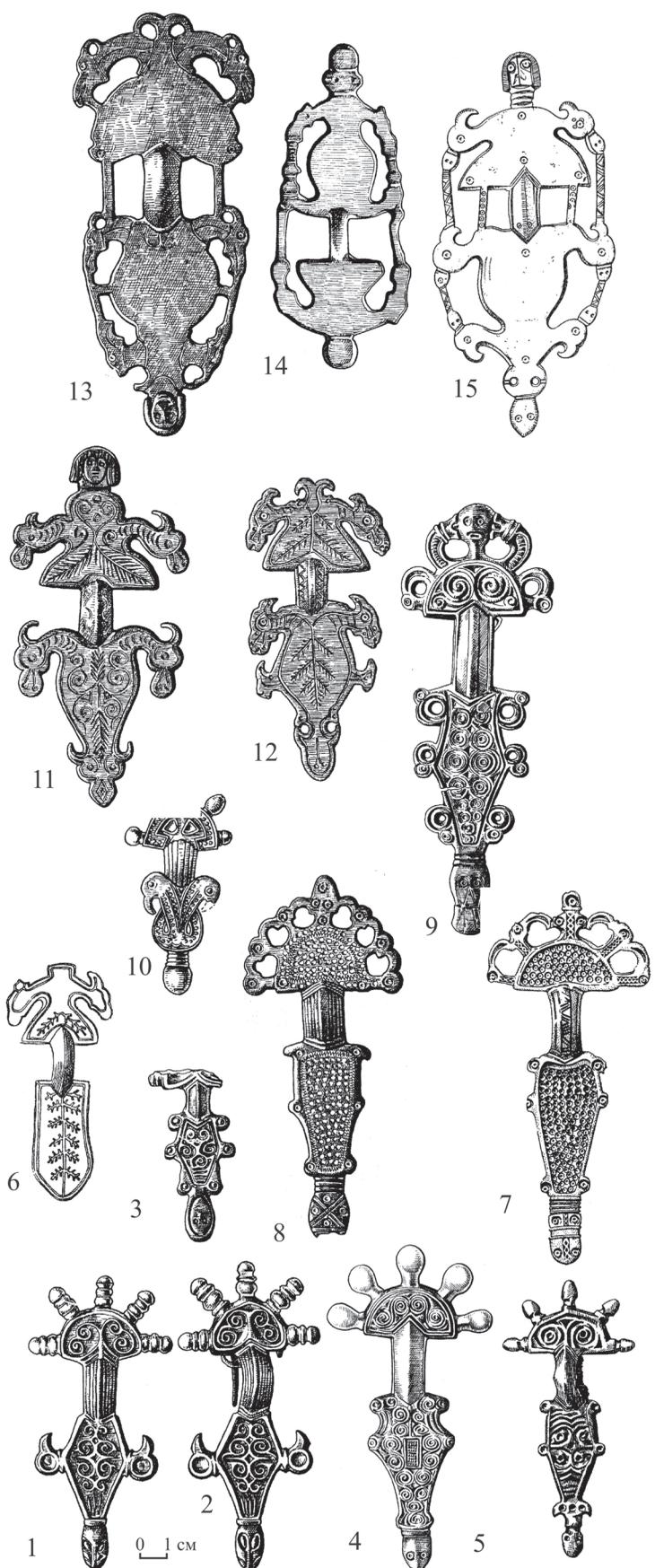
Carved wood:

13th–14th centuries: 27, 28 — horse heads, Novgorod;

19th — early 20th century: 29, 30 — decorations of log-houses, State Historical Museum; 31 — Ivanov Oblast; 32 — Kostroma

вторая половина VII в. - первая половина VIII в.

конец VI - первая половина VII вв.

ясь воспроизведением с натуры, были оригинальной собственной декоративной разработкой, созданной на пути развития славянского первобытно-языческого искусства. Об автономности художественного оформления свидетельствует группа редких славянских субстратных антропоморфных изображений синхронного периода (рис. 1, 16–21) (Седов, 1982. Табл. XIX, 2; IV, 7, 9; Корзухина, 1996. № 73/190, 191, табл. 42, 11, 12; № 102/49, табл. 91, 26). Есть сведения о пражско-пеньковской культовой глиняной зооморфной скульптуре, характеризовавшейся как обобщенной лепкой, так и более реалистической манерой исполнения (поселение Ханска II) (Седов, 1982. С. 26). Зооморфные изображения известны и среди более позднего древнерусского материала (рис. 1, 22–26) (Монгайт, 1955. С. 136, рис. 103, 4; Седов, 1982. Табл. XXXVI, 14; XLVII, 9; L, 20; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 60, 1). Выразительны параллели изображениям фибул в более поздней деревянной резьбе, известной по новгородскому археологическому и крестьянскому этнографическому материалам (рис. 1, 27–32) (Колчин, 1971. Табл. 24, 3, 4; Рождественская, 1981. Рис. 22, 3; 23, 2; Соболев, 2000. Рис. 43). Именно эта собственная, пунктирно намечаемая составляющая, вероятно, и оказалась главной в процессе художественного синтеза.

2. Освоение передовой ювелирной технологии и рождение в связи с этим сходной формы украшения на местной почве. В конце VII–первой половине VIII в. в Поднепровье известны филигранные серьги или височные украшения со звездообразной привеской, имеющие византийские прототипы (рис. 2, 3) (Айбабин, 1973). Днепровские звездообразные украшения по технологии можно разделить на несколько групп (рис. 2). Первая группа — филигранные украшения Харьковского клада (рис. 2, 5, 6) (Корзухина, 1996. Табл. 72, 1а, 2а). После технологического изучения этих украшений можно говорить о ремесленном контакте славянских и византийских мастеров, определенных отступлениях от византийской технологии филигранны: нерегулярность и грубость зерни при сохранении общего впечатления ювелирной тонкости (Жилина, 2005. Каталог А: № 87–94; 2006, 2007). Славянские ювелиры на основании знакомства с высокими технологиями иноземного ювелирного дела развивали свои более простые, но уже далеко не элементарные приемы изготовления.

Вторая группа изделий имеет элементарную филигрань — более простую, крупную и грубую.³ На основе формы иностранного образца производятся упрощенные филигранные изделия: центральная часть подвески выглядит как изготовленная из спаянных колец или спирали, вокруг располагается орнаментация из треугольников грубой зерни (рис. 2, 7, 11, 12) (Седов, 1982. Табл. V, 7; Корзухина, 1996. табл. 26, 4; 91, 7). Изделия в технике элементарной филигранны известны и в Византии (рис. 1, 2) (Everyday Life in Byzantium, 2002. No. 550, 553). Такая технология, на наш взгляд, вполне могла быть своей и в славянском мире.

Третья группа представлена литыми украшениями, изготовленными на основе иноземной формы. Именно более простая технология обусловила их своеобразный облик. На литых вариантах VIII в. в варваризированном виде переданы и птичьи головы стиля пальчатых фибул, и византийский акант (рис. 2, 8–10, 13–15) (Корзухина, 1996. Табл. 37, 4, 7, 8; 91, 4; Седов, 1982. Табл. V, 6). По изделиям этой группы видна аналогия более ранним височным кольцам с ромбовидной орнаментацией из пражско-пеньковских древностей, в свою очередь в упрощенном виде отражавших орнаментику перегородчатой инкрустации (рис. 2, 4) (Седов, 1982. Табл. IV, 1).

Более сложные зерненные изделия изготавливаются славянами в конце IX в., а к X в. их количество существенно возрастает (Жилина, 2005). Общими прототипами гроздевидных филигранных украшений, распространившихся у славян в IX–X вв., можно считать провизантийские наушники из предвеликоморавского горизонта, сочетавшие стеклянные и полудрагоценные вставки с филигранью (Dekan, 1976. Fig. 69–72; Poulik, Chropovsky, a kol., 1985) (рис. 3, 3–5). Украшения с круглыми бусинами, закрепленными внизу кольца, послужили прототипами для моравских колец с одной-тремя гранулами зерни, среди которых выделяется одна наиболее крупная. Подражания таким формам в филигранны появились в Микульчицах в конце VII в. и существовали на протяжении IX–первой половины X в. (рис. 3, 6–8, 10, 19, 21) (Poulik, 1975. Obr. 16, 4). Украшения с длинной нижней гра-

³ Для точной характеристики технологии необходимо специальное изучение этих украшений, однако внешнее стилистическое впечатление может быть оценено визуально.

Рис. 2. Славянские височные украшения VI–VIII вв.: византийские прототипы: 1 — Византийская провинция; 2 — Азорос, близ Элассон; 3 — Сицилия (Таормина); пражско-пеньковские древности — 4, 18 — Семенки; 5, 6 — Харьевский клад; 7, 8, 9, 10, 15 — Пастырское городище; 11 — Среднее Поднепровье; 12, 13 — Пастырский клад, 1949 г.; 14 — Обухов, Киевской губ. (табл. 91, 4); 16, 17 — Мартыновский клад; 19 — Старая Ладога, словене; 20, 21 — Казиха, курган 21, длинные курганы псковских кривичей; 22–26 — Зайцев

Fig. 2. Slavic temple ornaments of the 6th–8th centuries.

Byzantine prototypes: 1 — a Byzantine province; 2 — Azoros near Helasson; 3 — Sicily (Taormina); Praga-Penkovka antiquities: 4, 18 — Semenki; 5, 6 — Kharyevsky hoard; 7, 8, 9, 10, 15 — townsite of Pastyrskoye; 11 — Middle Dnieper; 12, 13 — Pastyrskoye hoard, 1949; 14 — Obukhov, Kiev Province (Pl. 91, 4); 16, 17 — Martynovka hoard; 19 — Staraya Ladoga, the Sloveni; 20, 21 — Kazikha, barrow 21, long barrows of the Pskov Krivichii; 22–26 — Zaytsev

неной бусиной послужили прототипами для гроздевидных форм с удлиненной и цилиндрической нижней частью, выполнявшейся в технике грануляции и тиснения (рис. 3, 23, 27).

В технике грануляции довольно несложно воспроизводится форма, совмещающая в себе абрис гроздевидных и лучевых украшений. Некоторые моравские кольца украшаются элементарной имитацией подвески или бусины из филигранной проволоки (рис. 3, 9, 10). Если рассматривать только аналогию по внешнему виду изделий, то славянские формы выглядят как отражение прототипов византийско-подунайского круга. Но в среде каждого из славянских народов к данному времени уже имелся свой опыт грануляции, поэтому в простейших формах правильней видеть его результат. Такую форму, как височное кольцо из Блучина, не было необходимости заимствовать, оно выглядит как естественное продолжение начальных опытов по грануляции (рис. 3, 11).

Таким образом, наблюдая и осваивая достижения техники византийской филигрании, за-

падные и восточные славяне начинают использовать элементарные «выкладки» из крупных гранул, в результате чего у них возникают сходные формы гранулированных украшений. Это стимулирует дальнейший переход ювелирного ремесла к более тонким технологическим приемам, но имеющим местные особенности. В IX–X вв. различные в деталях сходные типы украшений общеславянского убора выработались в Моравии, Польше и на Руси. Одно и то же внешнее влияние накладывалось на очень близкие однокоренные этнические традиции.

Для ювелирного дела Великой Моравии наиболее характерными оказываются известные с VIII в. и пережившие в IX в. подлинный расцвет чисто гранулированные формы наушниц с ограниченным применением тиснения (рис. 3, 14–18) (Dostál, 1966. Obr. 8, 12, 15, 32, 40; 10, 28). Следующим этапом становится развитие тисненой конструкции из сферических бусин, но традиции формообразования поначалу соответствуют гранулированному этапу: бусины не надеваются на стержень, а подвешивают-

ся на петле (рис. 3, 19–27) (Ibid. Obr. 7, 21, 27, 31; 9, 2, 13, 14, 19). В бусинных формах продолжают повторяться особенности строения прототипов (рис. 3, 3 и 19; 4 и 22, 24; 5 и 26). У тисненых и ажурных украшений первой половины X в. бусины надеваются на стержень (рис. 3, 25, 28–31, 33) (Ibid. Obr. 7, 20).

К концу IX в. на Руси изготавливаются гроздевидные наушницы, как с объемно-гранулированным декором, так и тисненные (рис. 3, 50–55) (Корзухина, 1954. № 16, 17). К рубежу IX и X вв. относятся филигранные бусины с сетчатым орнаментом из ромбов и треугольников, сплошь покрытые зернью и другой филигранной орнаментацией. Они найдены в погребениях киевского некрополя с византийскими монетами этого времени, во Владимирских курганах и некоторых кладках (рис. 3, 57–61) (Голубева, 1949. С. 105–109, рис. 2; Корзухина, 1954. № 23; Жилина, 2005. Каталог А: № 113–146).

Исследователи объясняют появление филигранных украшений на Руси западнославянским влиянием и переселением групп населения после распада Великой Моравии (Пушкина, 1987. С. 56; Ениосова, 1998. С. 261, 265; Рябцева, 2005. С. 77–79, 102–104). Объяснение состоит не только в этом. Нельзя не обратить внимания на собственные традиции ювелирного дела восточных славян, выработавшиеся в предыдущий период (рис. 1; 2). Разница ювелирных традиций проявилась также достаточно явно: у западных славян вплоть до XII в. преобладают украшения гранулированного этапа, у восточных — относительно быстро распространяется тисненая конструкция. Украшения западных славян оставались изделиями другой культуры, составляя лишь небольшую долю в общем материале, они (или подражания им) не усваивались в своей точной форме у соседей, а бытовали лишь какое-то время (рис. 3, 38, 39, 49). Очень близкие западнославянские украшения могли использоваться и в уборе восточных славян. Усваивались и отдельные элементы геометрической орнаментации, хотя ничто не мешало столь же быстрому местному развитию орнаментации аналогичной.

Таким образом, в результате самостоятельного воспроизведения технологических приемов в среде славянских народов возникли сходные формы, различающиеся в деталях.

3. Подражание форме иностранного украшения на уровне собственной более простой технологии. К середине IX в. складываются лучевые

височные кольца славян-радимичей (рис. 3, 43, 45–48) (Корзухина, 1954. № 8; Путь из варяг..., 1996. № 600–604). Они представляют далеко не высший уровень ювелирного дела, но, безусловно, относятся к профессиональной ремесленной культуре, сложившейся на основе литья и гравировки. Образцами для переработки в истоке послужили две формы филигранных византийских серег: с увеличенной центральной гроздевидной частью и с относительно-равномерными треугольниками зерни, расположенными по всему кольцу (фонды НМИУ, инв. № ДРА 714) (рис. 3, 1, 2, 5).

Первая группа лучевых колец отражает наиболее художественно выполненные копии изделий с типично византийскими орнаментальными композициями с разработкой образа парных птиц. По всей видимости, на Руси были известны и византийские оригиналы (рис. 3, 40, 46, 47) (Ениосова, 1998. Рис. 1, 1, 2). Подобные украшения носили не в столичных элитарных, а скорее — в демократических слоях околовизантийского мира, к которому относились и группы славянского населения, так что соавторство славян в их создании вполне допустимо. Группа украшений с элементарной филигранью для этого времени пока неизвестна, но ее отражение, вероятно, можно наблюдать по литым изделиям. По материалам Новотроицкого городища известны промежуточные формы височных украшений, предшествовавших формированию лучевых колец. Они совмещали центральную амфоровидную или гроздевидную часть и подтреугольные лучи (рис. 3, 41, 42) (Ляпушкин, 1958. Рис. 15, 3). Исследователи пришли к выводу, что прототипом луча является треугольник зерни (Корзухина, 1950; Шинаков, 1980; Жилина, 1997; Григорьев, 2000. С. 127–133; Рябцева, 2005. С. 32). А. В. Григорьев хронологически разделил лучевые височные кольца IX–XI вв. по степени связанности с зернеными прототипами, передача которых осуществляется все более грубо и обобщенно. В конечном счете исходные формы совсем не просматриваются (Григорьев, 2000. С. 127–133, рис. 46).

Многие литые лучевые височные кольца не имеют следов прямого воздействия византийских прототипов и не обязательно отражают их упрощение: форма и орнаментация слишком элементарны и плоскостны (рис. 3, 43, 45). Это может объясняться и продолжением развития навыка элементарной грануляции, известной в предшествующий период. Форма, отражающая

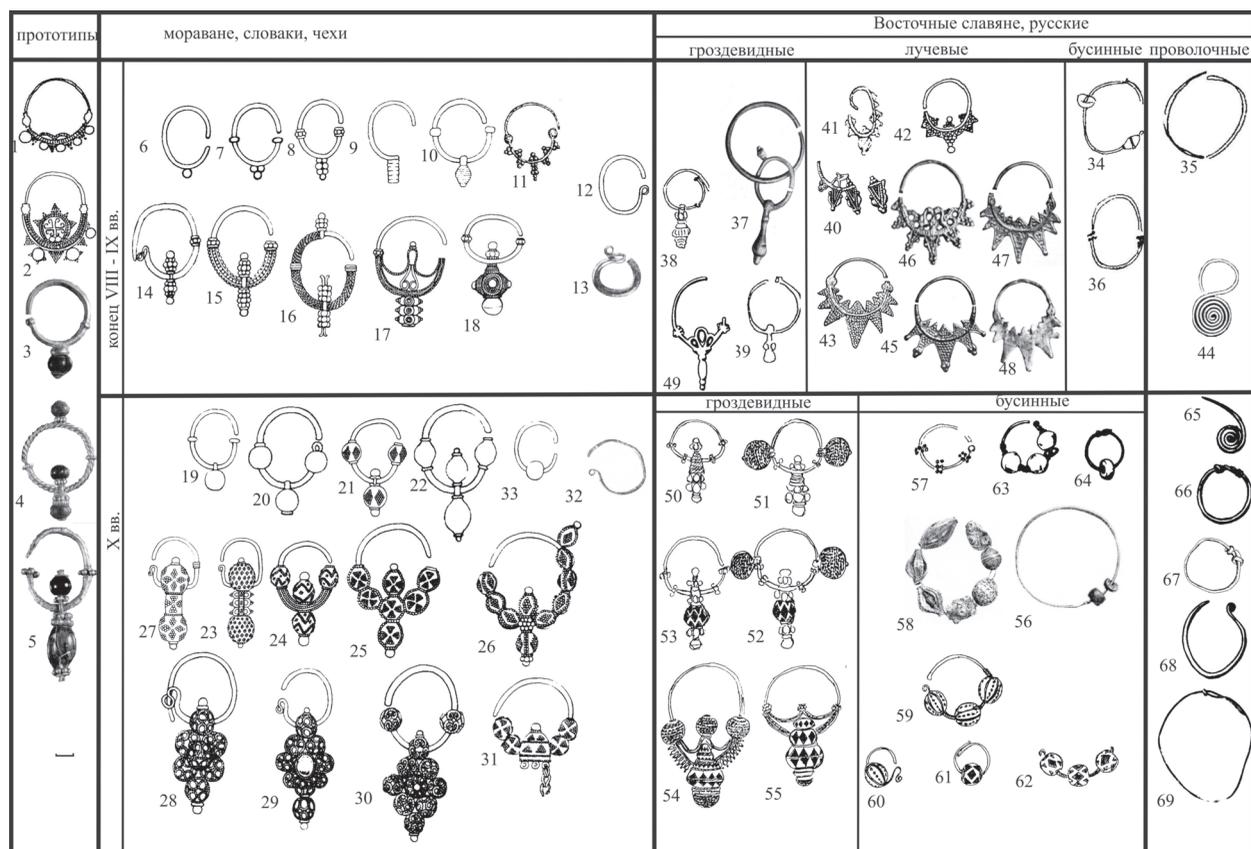

Рис. 3. Височные и наушные украшения славян IX–X вв.:

прототипы: 1, 2 — Византия или Сирия (фонды НМИУ, инв. № ДРА 714); 3, 4, 5 — Византия или Моравия;
мораване, словаки, чехи: 6, 14–16, 18, 21, 23, 24, 26, 29, 31 — Старе Место; 7 — Болерадице; 8 — Хлук;
 9 — Боришице; 10 — Пенчин; 11, 22 — Блучин; 12, 30 — Микульчицы; 13, 32 — Бреслав-Поганско; 17 — Ланжхот;
 20 — Височаны; 25 — Врбка, Стеборицы; 27 — Ребешовице; 28 — Модра; 33 — Стражниче;
восточные славяне, русские: 34–36, 38, 39, 41–43 — Новотроицкое городище; 37, 45, 47 — с. Железницы Рязанской губ. (Корзухина, 1954. № 8); 40 — Гнездово, курган № 63 и Супруты; 44 — Полтава, 1905 (Корзухина, 1954. № 1);
 46, 48 — Супруты; 49, 63–66, 68 — Гнездово; 50–53 — Копиевка Винницкой обл., 1928 (Корзухина, 1954. № 16);
 54, 55 — Боршевка Волынской губ., 1883 (Корзухина, 1954. № 17); 56, 58 — Гнездово, 1867 (Корзухина, 1954. № 23);
 57, 59–62 — Киевский некрополь и Владимирские курганы; 67 — Гнездово, 1993 (Пушкина, 1996);
 69 — Березовецкий могильник, курган № 19

Fig. 3. Temple and ear ornaments of the Slavs of the 9th–10th centuries:

prototypes: 1, 2 — Byzantine Empire or Syria (collection of National Museum of the History of Ukraine, inv. № ДРА 714);
 3, 4, 5 — Byzantium or Moravia;
Moravians, Slovaks, Czechs: 6, 14–16, 18, 21, 23, 24, 26, 29, 31 — Staré Město; 7 — Boleradice; 8 — Hluk; 9 — Borišice;
 10 — Pěňčín; 11, 22 — Blučina; 12, 30 — Mikoulčice; 13, 32 — Pohansko near Břeclav; 17 — Lanžhot; 20 — Vysocany;
 25 — Vrbka, Stěbořice; 27 — Rebešovice; 28 — Modra; 33 — Stražnice;
Eastern Slavs, Russians: 34–36, 38, 39, 41–43 — townsite of Novotroitskoye; 37, 45, 47 — village of Zheleznitsy, Ryazan Province (Корзухина, 1954. № 8); 40 — Gnezdovo, barrow № 63 and Supruty; 44 — Poltava, 1905 (Корзухина, 1954. № 1);
 46, 48 — Supruty; 49, 63–66, 68 — Gnezdovo; 50–53 — Kopievka, Vinitsa Oblast, 1928 (Корзухина, 1954. № 16);
 54, 55 — Borshchevka, Volyn Province, 1883 (Корзухина, 1954. № 17); 56, 58 — Gnezdovo, 1867 (Корзухина, 1954. № 23);
 57, 59–62 — necropolis of Kiev and barrows of Vladimir; 67 — Gnezdovo, 1993 (Пушкина, 1996); 69 — cemetery of Berezovets, barrow № 19

грубый зерненный прототип (городище Новотроицкое), могла происходить не напрямую из Моравии, а быть результатом самостоятельного воспроизведения (рис. 3, 42) (Ляпушкин, 1958. Рис. 15; 63, 3). На формирование литых лучевых колец могли оказать влияние и другие изделия, например, лунничные кольца с поверхностным лучевым орнаментом второй четверти IX в. (Седов, 1982. С. 249, 255; 1999).

В итоге лучевые височные кольца ушли от объемности, подвеска слилась с кольцом-дужкой (Шинаков, 1980; Григорьев, 2000. С. 127–133, рис. 46; Жилина, 2007). В их облике не проявляется ни провизантийский зооморфный, ни геометрический зерненный орнамент. Созданные в IX–XI вв. височные кольца восточнославянских племен, несмотря на подражание в исходных формах, получают в итоге совершенно оригинальный облик. Подражание иностранному образцу является здесь предпосылкой собственного творческого процесса и синтеза. Данный вариант в значительной мере является и формой своеобразия, а не только влияния.

4. Украшения приходят со своими носителями и распространяются внутри культуры временно и ограничено в соответствии с социальной ролью и территорией пришедшего населения. Скандинавские украшения появляются на территории Руси во второй половине VIII–IX вв.: Старая Ладога и округа (Давидан, 1971. С. 137; Корзухина, 1971. С. 129–130). Появление скандинавского убора в это время еще не вызвало распространения каких-либо его элементов в местной среде. Восточнославянские клады IX в. не содержат скандинавских украшений. Немногочисленные скандинавские вещи принадлежали в это время самим переселенцам и показательны как выделяющий их этнический признак (рис. 4, I; 5, I) (Древности..., 1995. С. 105, № 290). Археологический материал позволяет характеризовать данную группу населения в основном как ремесленников (Рябинин, 1994). Судя по летописи, варяги собирали дань с местного населения и, значит, находились с ним в определенной конфронтации, видимо, отличаясь костюмом и убором (ПВЛ, 2004. С. 74, 75).

В конце IX–первой четверти X в. наиболее типичные детали скандинавского убора — железные гривны с молоточками Тора, скорлупообразные и равноплечие фибулы — гораздо более многочисленны. Бытование скандинавских украшений расширяется территориально,

увеличивается и их круг. Материалы Старой Ладogi хронологически продолжают материалами Рюрикова городища второй половины IX в. (Носов, 1990; Рябинин, 1994. С. 26). Чистота скандинавских погребальных комплексов в этот период наибольшая. Широкого распространения женского скандинавского убора пока не фиксируется, но у него остается конструктивная особенность, связанная с драпированным хитонообразным скандинавским женским костюмом (рис. 5, II) (Дубов, 1976. Рис. 2, 1–26). Мужские воинские погребения также сохраняют национальную окраску: оружие и детали убора орнаментированы в национальных скандинавских художественных стилях Еллинг и Борре (курган Л–47⁴ из Гнездова) (Авдусин, 1952. Рис. 26–29; 1957. С. 122–127; Блiфельд, 1977. С. 93, табл. XV) (рис. 4, II). Украшения скандинавских типов единично появляются в тех частях кладов X в., которые, возможно, были сокрыты в первой четверти столетия: Гнездово, 1867 г.; Глубоцкое Могилевской губ., 1883 г. (рис. 5, III) (Корзухина, 1954. № 23, 36). Само появление скандинавских изделий и украшений в славянских кладах свидетельствует о формировании в обществе новой элитарной группы: знатных воинов-скандинавов с семьями, составлявших важную часть княжеской дружины.

На середину–вторую половину X в., по общему мнению, падает максимальное количество скандинавских украшений (Авдусин, Пушкина, 1989). В этот период скандинавский погребальный обряд уже не сохраняется в чистом виде, скандинавские захоронения не выделяются в Гнездовском могильнике как компактные группы (Жарнов, 1991. С. 219). Предметы скандинавского убора чаще происходят из смешанных погребальных комплексов с преобладанием скандинавского или славянского элементов, а также — с использованием болгарских или финских украшений (рис. 4, III; 5, IV) (Путь из варяг..., 1996. № 20–29, 212–253; 274–292).

Скандинавские украшения, главным образом, входили в состав убора скандинавок (Пушкина, 1972). Но не стоит отрицать и их распространения у местного населения путем торговли. Славянские женщины, ставшие женами осевших на Руси скандинавов, могли носить скандинавскую одежду и убор или смешанный

⁴ Л — лесная группа курганов.

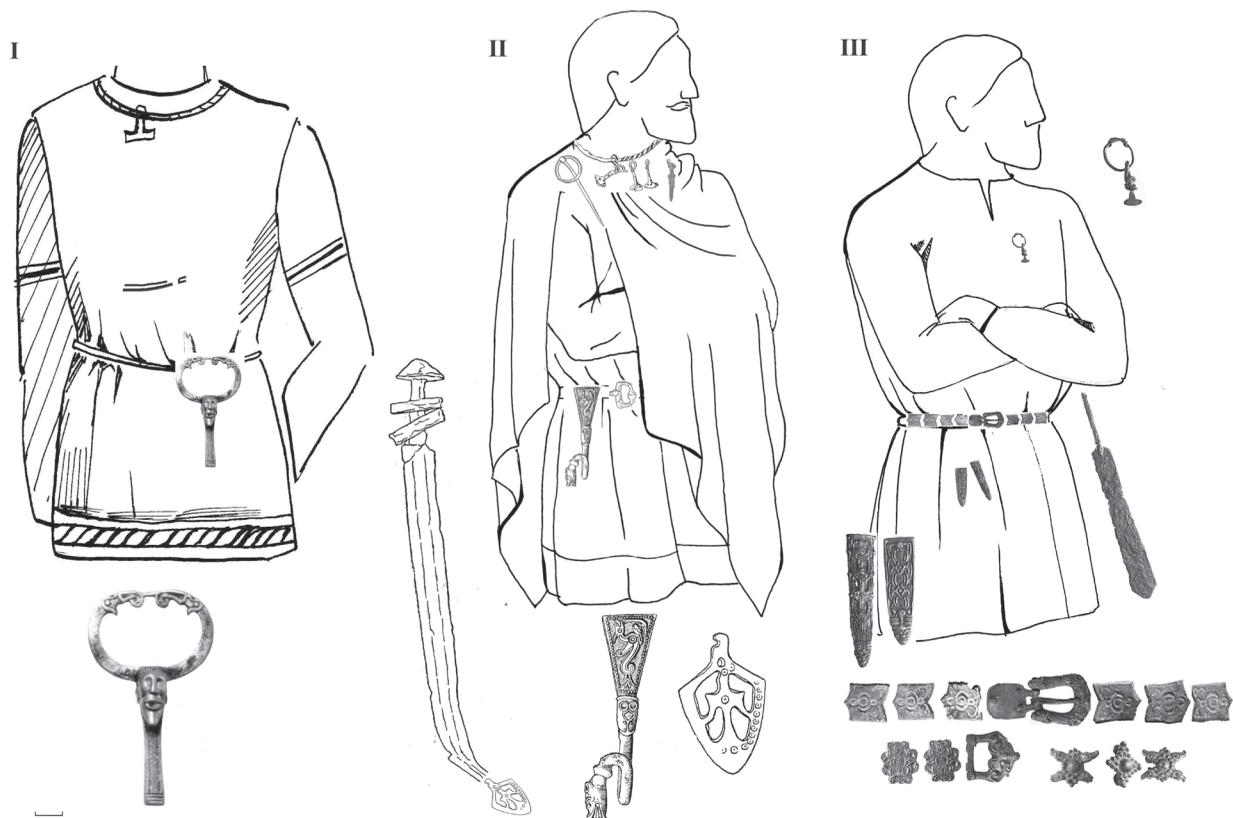

Рис. 4. Мужской скандинавский убор в реконструкциях.

I — вторая половина VIII — первая половина IX в., типовая гипотетическая реконструкция мужского убора по материалам ранних горизонтов Старой Ладоги: железная тордированная гривна, навершие для амулета или инструмента;

II — конец IX в. — первая четверть X в., типовая реконструкция по погребальным комплексам: кургану Л-47 в Гнездово (железная гривна с тремя привесками, два медных обломка обкладки ремня, медная привеска к поясу с изображением двух драконов для подвешивания меча, подвеска-амулет в виде ножа на серебряном ушке) и кургану № 58 в Шестовицах (булавка кольцевидная с длинной иглой для скалывания мужского плаща, пряжка пятиугольная для ремня, наконечник ножен меча);

III — середина — вторая половина X в. — реконструкция по кургану 16 в Гнездово (раскопки С. И. Сергеева): поясной набор (скобы, пряжки, бляшки, наконечники в стиле Борре), уздечные бляшки в стиле Борре, подвеска-амулет в виде молоточка серебряная, жертвенный нож, костяное навершие с плетеным орнаментом

Fig. 4. Scandinavian men's attire in reconstructions.

I — second half of the 8th — first half of the 9th century, standard hypothetical reconstruction of men's attire according to finds from the oldest horizons of Staraya Ladoga: iron torques, top of an amulet or a tool;

II — late 9th century — first quarter of the 10th century, standard reconstruction of burial complexes: barrow Л-47 in Gnezdovo (iron neck ring with three pendants, two copper fragments of belt plate, copper belt fixture with representation of two dragons for hanging a sword, amulet-pendant in the form of a knife on a silver loop) and barrow № 58 in Shestovitsy (ring pin with a long shaft for claspings a man's cloak, pentagonal buckle for a belt, sword scabbard chape);

III — middle — second half of the 10th century, reconstructions of finds from barrow 16 in Gnezdovo (excavations of S. I. Sergeev): belt set (cramp-irons, buckles, plaques, points in the Borre style), bridle mounts in the Borre style, silver hammer-shaped pendant-amulet, sacrificial knife, bone top with a guilloche pattern

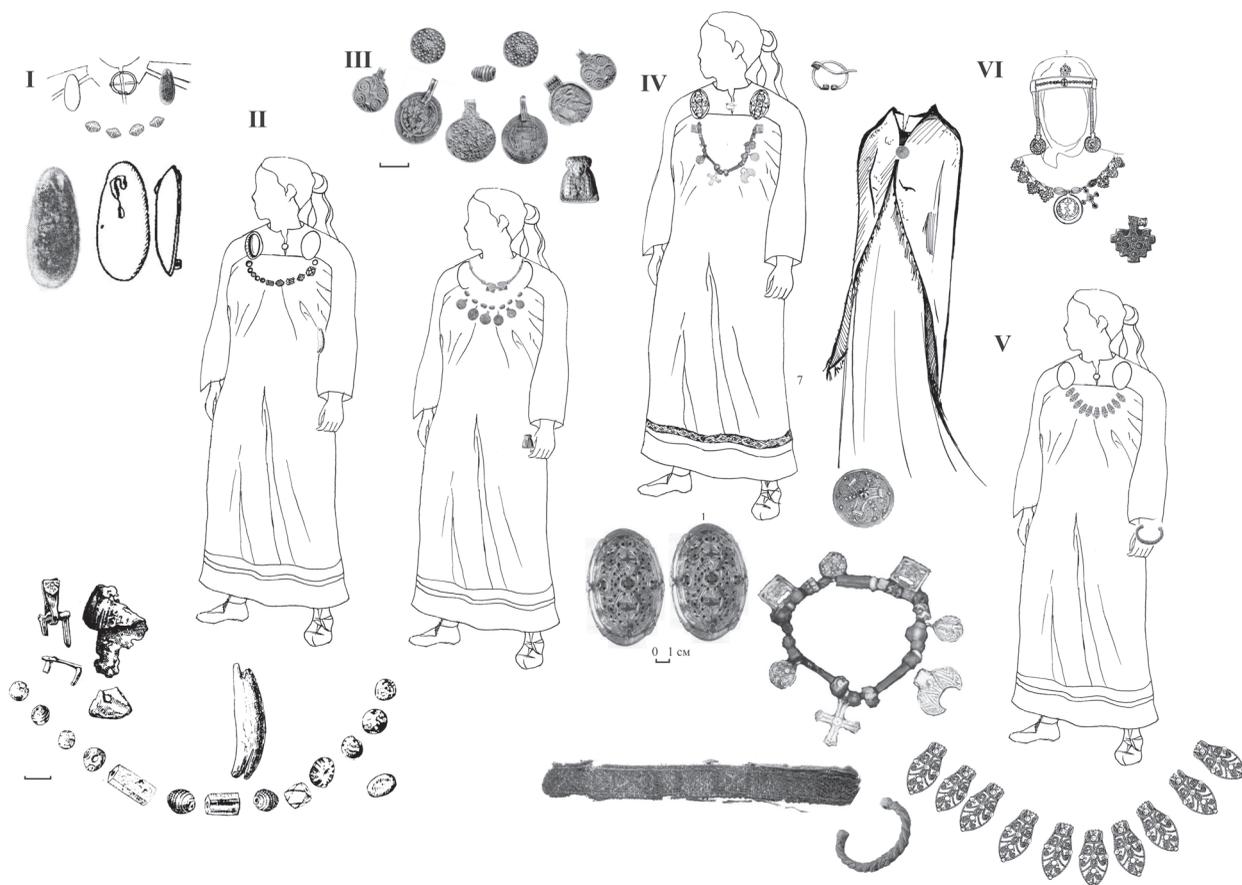

Рис. 5. Женский скандинавский убор в реконструкциях.

I — VIII — начало IX в. — типовая гипотетическая реконструкция мужского убора по материалам ранних горизонтов Старой Ладоги и округи: основное женское платье — овальные скорлупообразные и подковообразная фибулы; верхняя одежда — войлочный платок (Старая Ладога, горизонт E3); серебряные бусины из рубчатой проволоки (курган № 7, Плакун);

II — Конец IX — первая четверть X в. — реконструкция по кургану 95 из Тимерево: ожерелье из призматических сердоликовых, хрустальных шарообразных, стеклянных бусин; серебряные бусины из штампованной проволоки; сердоликовая овальная вставка перстня; остатки овальной скорлупообразной фибулы (тип 27, 30 или 31); подвеска из медвежьего клыка;

III — первая четверть X в. — реконструкция по раннему комплексу клада в Гнездово 1867 г. (№ 23): гривны; подвески к ожерелью; фигурка идола; щитовидные бляшки; бусина из штампованной проволоки;

IV — середина — вторая половина X в. — реконструкция по кургану Ц-198 в Гнездово: фибула подковообразная спиралеконечная; фибулы овальные скорлупообразные ЯП51; фибула круглая с филигранью и аметистовой вставкой; ожерелье из различных бусин: стеклянных и филигранных; дисковидная подвеска в стиле Борре; дисковидная подвеска с зооморфным изображением; филигранная лунница в линейно-геометрическом стиле; крест с пуансонным орнаментом; подвески из поясных бляшек восточного происхождения; браслет проволоочный с завязанными концами; шелковая нашивная тесьма с золотными нитями;

V—XI — начало XII в. — реконструкция женского убора с использованием украшений из московского клада 1988 г.: набор из десяти антропоморфных подвесок к ожерелью; браслет со змеиными головками.

VI — начало XII в. — реконструкция с использованием украшений клада из Киева в Михайловском монастыре 1903 г. (№ 103)

Fig. 5. Women's Scandinavian attire in reconstructions.

I — 8th — early 9th century, typical hypothetical reconstruction of women's attire on the basis of finds from the oldest horizons of Staraya Ladoga and its surroundings: common women's dress — oval eggshell and horseshoe brooches; outerwear — felt shawl (Staraya Ladoga, horizon E3); silver beads from ribbed wire (barrow no. 7, Plakun);

II — Late 9th — first quarter of the 10th century, reconstructions of finds from barrow 95 from Timerevo: necklace of prismatic cornelian, spherical crystal and glass beads; silver beads from stamped wire; cornelian oval insert of a signet-ring; remains of an oval egg brooch (type 27, 30 or 31); pendant from a bear fang;

костюм со скандинавскими элементами. Они получали его в подарок от мужей, а некоторые вещи могли и приобретаться (*Жарнов*, 1991. С. 214, 215). Ко второй половине X в. скандинавские вещи, встречающиеся вместе со славянскими, становятся показателем ассимиляции. В смешанной среде было возможно и общее ношение амулетов, сближение языческих верований соответствует политеизму язычества. В кладе в Скадино скандинавский кресаловидный амулет находится вместе со славянскими зернеными украшениями, лунницей и медальоном (*Корзухина*, 1954. № 53). Тексты договоров с греками 945 г. и 971 г. не упоминают скандинавских богов при рассказе о клятвах русской дружины, но упоминают Перуна и Волоса (ПВЛ, 2004. С. 99, 123).

Наблюдается нарушение конструктивных принципов скандинавского костюма: использование пуговиц и височных колец: погребение № 124 Киевского некрополя, комплекс Гнездовского городища из раскопок Н. В. Андреева и Н. П. Милонова (Путь из варяг..., 1996. № 333–343, 721–727). Вкладах скандинавские украшения третьей четверти X в. также присутствуют наряду со славянскими. Преобладание скандинавских украшений отмечается лишь для Гнездовского клада 1867 г. (*Корзухина*, 1954. № 23).

Славянский убор своей структуры не изменил. В его состав проникали лишь те скандинавские украшения, которые допускали ношение в конструктивно разных костюмах: браслеты, перстни, подвески к ожерелью. Об этом можно судить по составу ряда кладов: Скадино Ленинградской обл., 1928 г.; Белогостицкий Ростовской обл., 1836 г.; Спанка, 1913 г., Путилово, 1927 г., и Забельская, 1914 г. — Петербургской губ.; Мироновский Фольварк Киевской губ., 1883 г.; Крыжово Псковской губ., 1904 г.; Собачьи Горбы близ Новгорода, 1906 г. (*Корзухина*, 1954. № 32, 52–56, 59, 63).

Стилистически и технологически скандинавские украшения X в. отличны от славяно-русских (рис. 6). Наиболее употребимым технологическим приемом является штампованная филигрань с небольшим дополнением зернью. На Руси более используется витая скань и обильная зернь.⁵

Литые дисковидные подвески в стилях Борре и Еллинг известны до второй половины X в. (рис. 7, 1–5). Более ранними являются филигранные подвески с геометрической перегородчатой стилистикой, восходящей к меровингскому периоду. На литых подражаниях такая стилистика наблюдается по вторую половину X в. (рис. 6, 19) (*Гуцин*, 1936. Табл. IV, 24; *Duczko*, 1985. Fig. 150, 15; Путь из варяг..., 1996. № 80, 383, 410; *Седова*, 1981. Рис. 13, 5).

Вместе с североευропейскими находками на Руси появился и стиль перегородчатой зерни, хорошо известный в Скандинавии. В изобразительной форме его сохранили редкие антропоморфные амулеты (рис. 6, 1, 2) (*Гуцин*, 1936. Рис. 15, с. 57; *Duczko*, 1989. P. 11–14). В более декоративной манере выполнены подвески с изображениями птиц (рис. 6, 20–21) (*Гуцин*, 1936. Табл. IV, 17; Путь из варяг..., 1996. № 81; *Седова*, 1981. Рис. 12, 2; *Новикова*, 1993).

На подвесках и бусинах скандинавского происхождения наблюдается завитковый филигранный стиль (рис. 6, 22–31) (*Duczko*, 1985. P. 72–73, fig. 18–20, 25, 28–32, 88, 91, 92). Наиболее ранними являются подвески с изображением древа или схематизированных растительных побегов (рис. 6, 25). Аналогичные подвес-

⁵ Тем не менее следует отметить, что и в Скандинавии и на Руси известен весь спектр технологических приемов, в частности, витая скань в Скандинавии и штампованная филигрань на Руси. Преимущественное использование технологических видов определяется, видимо, стилистическими явлениями, актуальными в прикладном искусстве стилями.

III — first quarter of the 10th century, reconstruction of the oldest finds from the Gnezdovo hoard of 1867 (№ 23):

necklaces; pendants of a necklace; idol figurine; shield plaques; bead from stamped wire;

IV — middle — second half of the 10th century, reconstruction of finds from barrow Ц–198 in Gnezdovo: horseshoe spiral-ended brooch; oval egg brooches ЯП51; round brooch with filigree and amethyst insert; necklace of miscellaneous glass and filigree beads; discoid pendant in the Borre style; discoid pendant with a zoomorphic representation; filigree lunette ornament in the linear-geometric style; cross with a punched decoration; pendants of belt plaques of oriental origin; wire bracelet with the two ends tied together; silk sewn-on braid with gilt threads;

V–XI — early 12th century, reconstruction of female attire with presumable application of ornaments from the Moscow hoard of 1988: set of ten anthropomorphic pendants for a necklace; bracelet with snake heads.

VI — early 12th century, reconstruction on the basis of ornaments from the Kiev hoard in the Michael monastery in 1903 (№ 103)

ки с одной вертикальной осью симметрии есть в норвежском кладе IX в. из Хона (Гущин, 1936. Табл. IV, 25; *Duczko*, 1985. Fig. 150, 24–26, 35; *Носов*, 1990. Рис. 48, 14; *Пушкина*, 1996. Рис. IV, 3, 4). Более ранней орнаментальной схемой можно считать и трехчастную (рис. 6: 26). (Гущин, 1936. Табл. IV, 19, 20; *Duczko*, 1985. Fig. 150, 8, 9, 14). Орнаментальным итогом является декоративно завершенная четырехчастная композиция (рис. 6, 28–30, 27) (Гущин, 1936. Табл. IV, 23, 24). Бусины с накладными завитковыми и спиральными элементами из штампованной филиграни с небольшим употреблением зерни использовались в ожерельях и подвесных кольцах к ним (рис. 6, 28–32) (Гущин, 1936. Табл. II, 6; *Duczko*, 1985. Fig. 88–91, 93).

Названные выше скандинавские стили не восприняты в славянском искусстве X в., их художественного воздействия на современный дорогой убор не отмечается. Завитковый стиль филиграни приходит на Русь к концу XI–началу XII в. в византийском варианте. Тем не менее скандинавские стилистические явления оставили художественный след в древнерусском ювелирном искусстве XI–XIII вв.: реликты перегородчатого стиля и завитковая орнаментация в демократическом литом уборе (рис. 7, III — 1–6) (*Седов*, 1982. Табл., XXXVI, 1; XXXVII, 1; XXIX, 24–26). В черневом и гравировальном искусстве пунктирно продолжена линия стилей Еллинг–Урнес: топорик из Биляра, черневой браслет из киевского клада

1893 г. (рис. 7, II — 1–4) (*Корзухина*, 1954. № 94; *Рыбаков*, 1971. № 58, 59; *Лебедев*, 2005. Рис. 92). Это конкретные линии в общей стилиевой картине древнерусского прикладного искусства.

В XI в. скандинавские вещи и украшения есть в сокровищницах некоторых фамилий, видимо, родственно связанных со скандинавами (рис. 5, V, VI). Они конструктивно удобны для уборов разных этнических традиций: подвески к ожерелью, крестовидные и антропоморфные; браслеты, подковообразные фибулы. По составу ряда кладов этого времени можно наблюдать, что конструкция и структура исконно-скандинавского убора в целом потеряны: Невельской Витебской губ., 1892 г.; Васьково, Псковской обл., 1923 г.; Спанка Петербургской губ., 1913 г.; Москва, 1988 г.; Киев, 1903 г.) (*Корзухина*, 1954. № 49, 50, 56, 103; *Панова*, 1996).

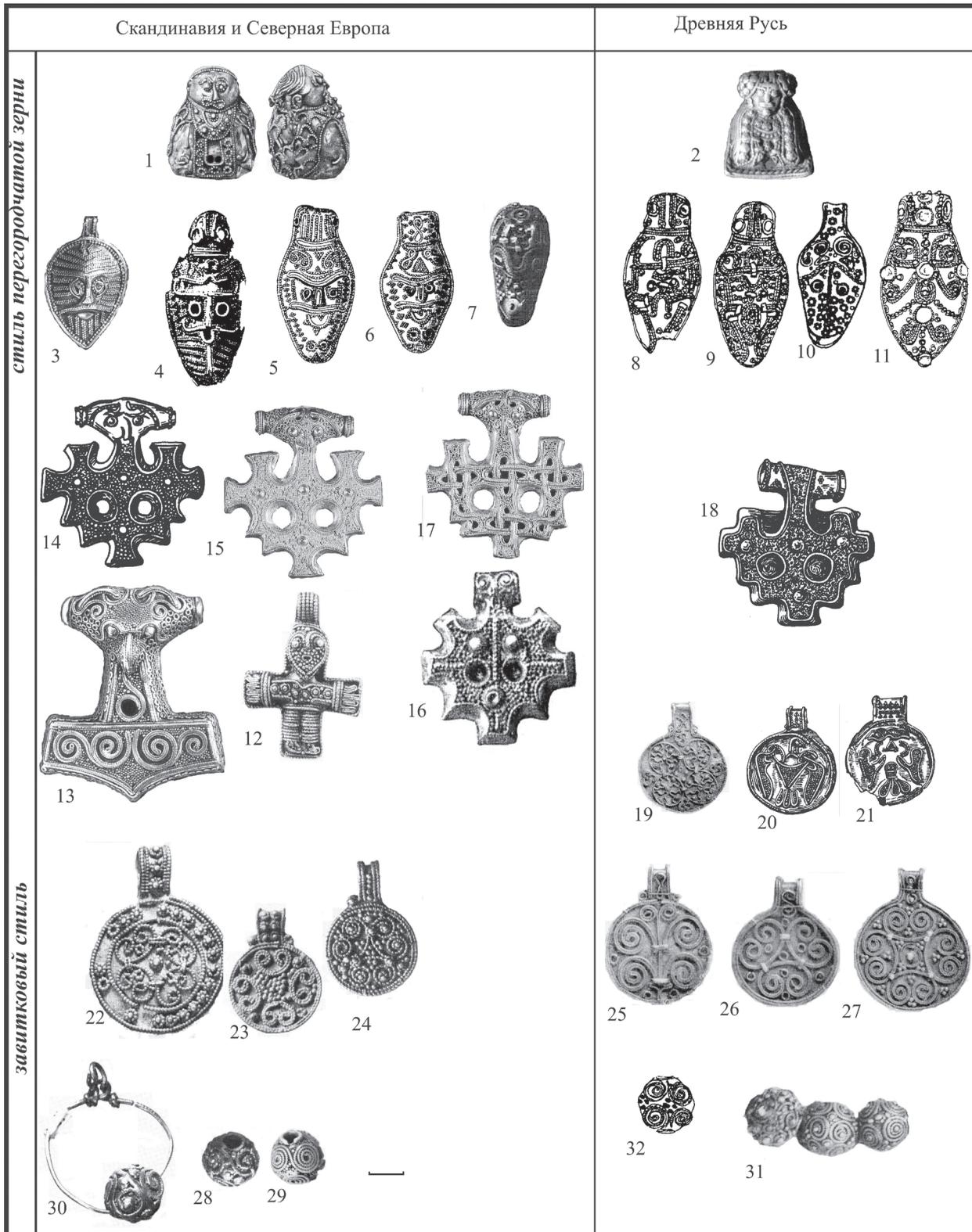
Общая форма скандинавских крестообразных подвесок отражала фигуру молота Тора, а верхняя часть сохраняла изображение ворона. К XI в. они известны на Руси в стилистически измененном варианте (рис. 6, 12–18) (*Наследие варягов...*, 1996. С. 37; *Herrmann*, 2003. P. 189). Зерневой фон и изображение птицы орнаментально разрабатываются и постепенно исчезают, форма изделия теряет крестообразность, приближаясь к розетке. В таком виде когда-то языческие по семантике подвески находили место даже в составных ожерельях с христианским крестом, о чем свидетельствует

Рис. 6. Изделия в скандинавских художественных стилях IX–XI вв.

Стиль перегородчатой зерни: миниатюрные скульптуры идолов богов — 1 — Дания (Tronninge), 2 — Гнездово, 1867 г. (№ 23); антропоморфные и зооморфные подвески к ожерелью — 3, 5, 6 — Фельхаген (Готланд); 4 — Эстония (Паравере); 7 — Швеция (Sodra Lovtorp, Grimsra, Sorunda) (ГИМС, инв. № 23846); 8, 9 — д. Забельская Петербургской губ. (№ 54); 10 — Рюриково Городище; 11 — Москва, 1988 г. (*Новикова*, 1999); 2 — подвеска с Распятием, Бирка (погребение № 660) (*Duczko*, 1985. Fig. 61); крестообразные подвески — 13 — Швеция (Сконе), 14, 15, 17 — о. Рюген (Хиддензее), 16 — Швеция (Hejslunds); 18 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г. (*Корзухина*, 1954. № 103); дисковидные подвески — 19–21 — Гнездово, 1867 г. (№ 23); 20 — Владимирские курганы; завитковый стиль: дисковидные подвески: Швеция — 22 — Бьорко (Черная Земля); 23, 24 — могильник Бирка, погребения № 983, 943; 25–27, 31 — Гнездово, 1867 г. (№ 23); бусины — 28, 29 — Бирка, погребения № 660, 557; 30 — Бьорко (Черная Земля)

Fig. 6. Objects in Scandinavian artistic styles of the 9th–11th centuries.

Style of cloisonné granulation: miniature sculptures of idols: 1 — Denmark (Tronninge), 2 — Gnezdovo, 1867 (№ 23); anthropomorphic and zoomorphic necklace pendants: 3, 5, 6 — Föhlagen (Gotland); 4 — Estonia (Paravere); 7 — Sweden (Sodra Lovtorp, Grimsra, Sorunda) (State Historical Museum, Stockholm, inv. no. 23846); 8, 9 — village of Zabel'skaya, Petersburg Province (№ 54); 10 — Rurik Gorodishche; 11 — Moscow, 1988; 12 — pendant with a crucifix, Birka (burial no. 660); cross-like pendants: 13 — Sweden (Skåne), 14, 15, 17 — island of Rügen (Hiddensee), 16 — Sweden (Hejslunds); 18 — Kiev, Monastery of the Archangel Michael, 1903; discoid pendants: 19–21 — Gnezdovo, 1867 (№ 23); 20 — Vladimir barrows; volute style, discoid pendants: 22 — island of Björkö (settlement 'Black Earth', Sweden); 23, 24 — cemetery of Birka (Sweden), burials nos. 983, 943; 25–27, 31 — Gnezdovo, 1867 (№ 23); beads: 28, 29 — Birka, burials nos. 660, 557; 30 — Björkö ('Black Earth')

набор украшений из киевского клада 1903 г. (Корзухина, 1954. № 103). Аналогичная картина наблюдается по антропоморфным и зооморфным подвескам к ожерельям IX–XI вв., они дают схематизацию и орнаментализацию изображения (рис. 6, 3–11) (Новикова, 1999; Наследие варягов..., 1996. С. 52, фото на обложке; Diczko, 1985. Fig. 61).

Таким образом, в данном случае распространение внешнего имеет ограниченную сферу. Скандинавские вещи использовали преимущественно сами скандинавы, но возникли своеобразные варианты восприятия внешнего местным населением. Импортные изделия позволили славянским мастерам познакомиться с североевропейскими технологическими традициями и стилистическими особенностями скандинавского прикладного искусства.

5. Использование в местном уборе оригинальных иноземных украшений, типологически сходных с местными, поступивших путем торговли или дарения. Украшения Востока и кочевых народов составляют небольшую долю среди русских украшений, сколько-нибудь распространяются только те категории и типы, которые могут конструктивно вписаться в славяно-русский убор. Как правило, они выделяются своеобразной формой или художественным оформлением⁶ (рис. 8).

В конце VIII в. используются салтовские серьги, заполняющие собой лакуну в восточнославянском уборе: отсутствие объемно-гроздевидных форм (рис. 3, 37) (Корзухина, 1954. № 8; Ляпушкин, 1958. С. 26). В XII в. на сопредельных с кочевниками территориях использу-

ются серьги половецкого типа (рис. 8, 5–8) (Корзухина, 1954. № 122, 130, 132). В это же время наряду с типичными древнерусскими трехбусинными кольцами используются: 1) кольца с укрупненной средней бусиной и довольно крупной филигранью (традиции ювелирного дела Волжской Болгарии) (рис. 8, 3, 4); 2) бусинные украшения из тонкой филигрании минимальных параметров, предположительно иранского происхождения (рис. 8, 1, 2) (Там же. № 112, 158; Жилина, Макарова, 2008. Каталог С: № 87). Единично в составе кладов известны и восточные перстни. В раннем кладе из Каширы есть серебряный перстень с изумрудом IX–X вв., предположительно восточный (Корзухина, 1954. № 5). На двух перстнях имеются восточные надписи: клад из Киева 1889 г. (надпись «Аллах» в обратном начертании) и 1936 г. (надпись «Арзен» по-армянски) (Там же. № 68, 97). Восточные вещи включаются в определенных, индивидуальных вариантах древнерусского костюма и убора, при этом они остаются весьма отличимы от остальных его составляющих. В целом они не оказывают влияния на изменение убора.

Восточные изделия иногда используются не по назначению. Например, восточная подвеска X в. переделана в ременную пряжку (рис. 8, 10) (Там же. № 23). Литая подвеска с куфической надписью надета на ромбошитковое височное кольцо (рис. 8, 9) (Там же. № 51).

Наиболее существенное влияние на древнерусский убор оказали многочисленные восточные монеты своим общим обликом и арабскими надписями. Им делались подражания, и можно полагать, что такой вид украшений, как монетовидные подвески, стабилизировался без участия дирхемов (рис. 8, 11–14) (Гущин, 1936. Табл. III, 14, 26, 27; Корзухина, 1954. № 23, 47; Пушкина, 1996). Общее название для ожере-

⁶ В данной работе я оперирую в основном материалами кладов, поскольку именно клады, отражающие убор элиты общества, показывают степень усвоенности той или иной иностранной формы.

Рис. 7. Стилистическая линия скандинавского тератологического орнамента:

I — подвески в стилях Еллинг и Борре: 1–5 (№ 23);

II — изделия древнерусского времени — 1 — браслет, Киев, клад 1893 г.; 2, 3 — образцы стиля Урнес; 4 — топорик из Биляра, XI в.;

III — 1, 2 — Гочевские курганы (северяне); 3–5 — курганы из раскопок В. З. Завитневича (дреговичи);

6 — Мироновский Фольварк (№ 32)

Fig. 7. Stylistic line of the Scandinavian teratological designs:

I — pendants in the Jellinge and Borre styles: 1–5 (№ 23);

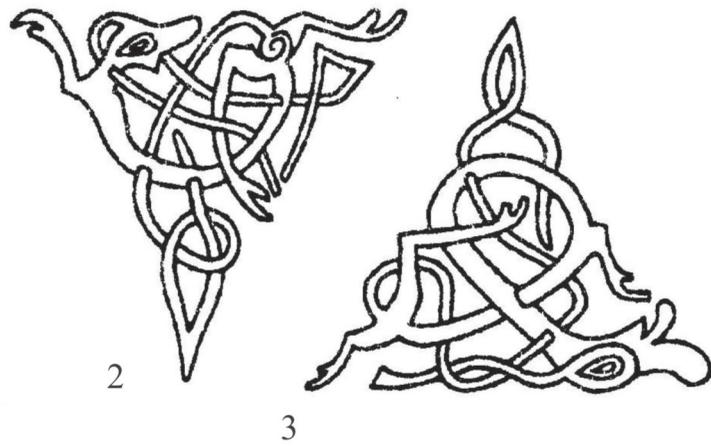
II — ancient Russian objects: 1 — bracelet, Kiev, hoard of 1893; 2, 3 — examples of the Urness style; 4 — a small axe from Bilyar (Bilär), 11th century;

III — 1, 2 — Gochevo barrows (Severyani); 3–5 — barrows excavated by V. Z. Zavitnevich (Dregovich); 6 — Mironovsky Folwark (№ 32)

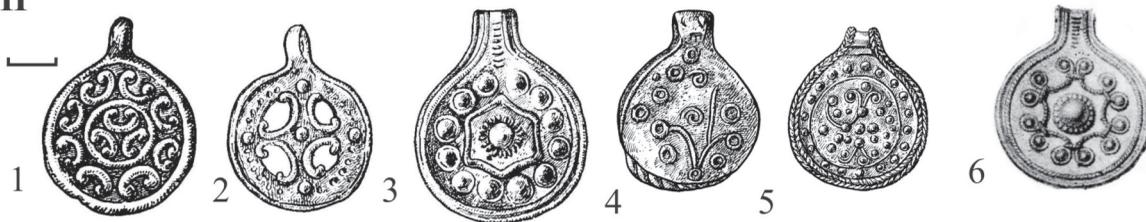
I

II

III

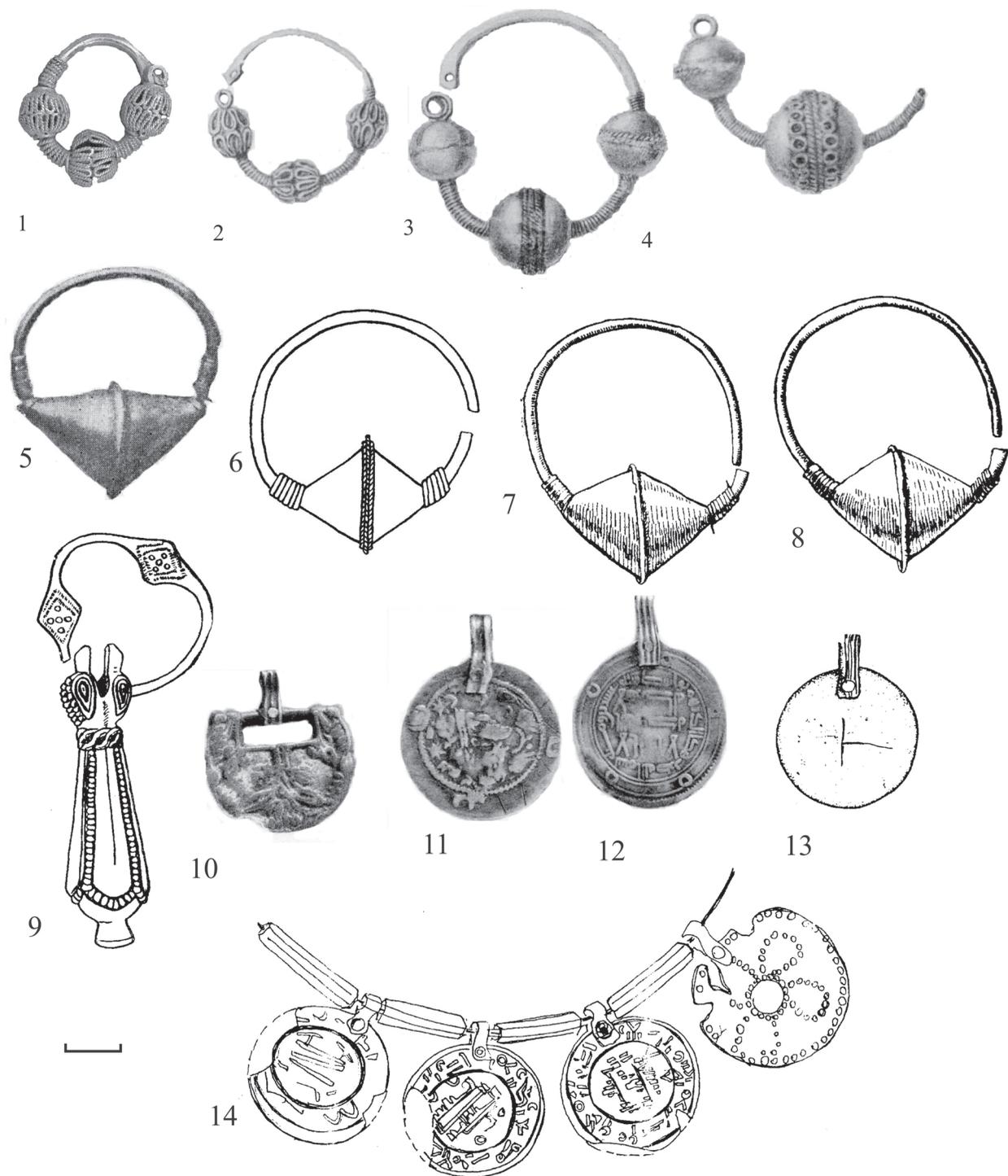

Рис. 8. Восточные украшения в русском уборе:

Бусинные украшения XI–XII вв.: 1 — кольца из собрания Владычной палаты. Новгород, XI в.; 2–4 — клад в Стариково Курской обл. 1883 г. (№ 158); 5 — Княжая Гора, 1897 г. (№ 122) 6 — Пивцы, 7, 8 — Пишки — Киевской губ. (№ 130, 132); 9 — клад из Демшина, Псковской губ., 1891 г. (№ 51); 10–12 — Гнездово, клад 1867 г. (№ 23); 13 — Гнездово, 1993; 14 — реконструкция мониста по кладу из Витебской губ., до 1907 г. (Корзухина, 1954. № 47)

Fig. 8. Eastern ornaments in Russian Costume:

Bead ornaments of the 11th–12th century: 1 — rings from the collection of the Vladychnaya Palace, Novgorod, 11th century; 2–4 — hoard of 1883 from Starikovo in Kursk Province (№ 158); 5 — Knyazha Gora, 1897. (№ 122) 6 — Pivtsy, 7, 8 — Pishki, Kiev Province (№ 130, 132); 9 — hoard of 1891 from Demshino, Pskov Province, 1891 (№ 51); 10–12 — Gnezdovo, hoard of 1867 (№ 23); 13 — Gnezdovo, 1993; 14 — reconstruction of a necklace (*monisto*) on the basis of the hoard from Vitebsk Province, found before 1907

ля — «монисто», этимологически связанное со словом «монета», утвердилось на Руси на долгое время, возможно, именно с эпохи распространения арабского монетного серебра.

б. Сильное долговременное влияние вследствие глобальной смены культурной ориентации — появление новых форм культуры, использование готовых систем убора и украшений, восприятие внешних орнаментальных стилей и логики их развития. После выбора христианской веры в Древней Руси распространяется эмалевый убор, видоизменяются черневой и скано-зерненный (рис. 9, 1, 2). Долговременное и осознанное взаимодействие с византийской культурой обуславливает наиболее мощный результат внешнего влияния, отразившийся и на ювелирном деле Руси. В конце XI—первой половине XII в. эмалевое и черневое искусство Руси в целом следует за византийским стилевым движением, проходя через аскетически-сакральный (рис. 10, 1—4) и черневой проэмалевый стили (рис. 10, 19—25) (Макарова, 1986. № 47, 99, 100, 237). В скани поначалу преобладает строгий стиль, также соответствующий стилистике эмалевых произведений (рис. 11, 10—19) (Даркевич, 1974. Рис. 13), затем активно развивается завитковый плоскостной стиль (рис. 11, 22—24), появляется ковровый стиль с более разнообразным набором элементов (рис. 11, 25—27) (Рыбаков, 1971. Рис. 18). Искусство зерни этого времени более демократично и оригинально, здесь продолжается прежнее стилистическое развитие: сохраняется линейно-геометрический стиль (рис. 12, 11, 12) и развивается геометрический (рис. 11, 1—8). Растительно-кринообразный стиль сказывается в искусстве эмали, черни и тиснения. Начиная с геометризованной стадии (рис. 10, 5—16) (Каргер, 1958. Табл. С; Пекарська, 1996. Табл. 1), в середине XII в. он проходит через наиболее гармоничный естественный этап, а в конце XII—первой трети XIII в. завершается периодом с чрезмерно утрированными изогнутыми побегам (рис. 13, 1—7; 18—22) (The Glory of Byzantium..., 2006. P. 309—311, No. 212; Ханенко В., Ханенко Б., 1902. Табл. XXVI, № 632—637). Новая стилистическая вершина филигранны — пышный стиль — также вдохновлена византийским искусством (рис. 13, 8—11). Стадии пышного и плетеного стили наблюдаются и в тиснении (рис. 13, 23—26) (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 42, 2; Чернецов, 2000. Рис. 24). Черневое искусство в XII—XIII вв. демонстрирует более сложный синтез,

обращаясь к истокам искусства X—XI вв. в тератологии и вводя в орнаментальный арсенал образы языческой Руси; наиболее ярким для черни становится плетеный стиль (рис. 13, 12—16) (Макарова, 1986. № 182).

Таким образом, и в ситуации глобального бесспорного внешнего воздействия местная культура продолжает производить новации на основе собственного опыта.

Среди византийских ювелирных изделий известны каплевидные эмалевые подвески, украшавшие край дорогой одежды или головной убор. Один из истоков этой традиции христианского убора демонстрирует мафорий Богоматери (рис. 12, 1, 3) (The Glory of Byzantium..., 2006. No. 146). В XI в. на Руси создан серебряный скано-зерненный убор с колоколовидными рясами (рис. 9, 3). Подвески по форме аналогичны византийским (рис. 12, 2, 6) (Попудренко, 1975; Якубовський, 2003. Рис. 54). Византийское происхождение имеют сионцевидные подвески из древнерусских кладов в форме храма (рис. 12, 4, 5) (Корзухина, 1954. № 102, 163). Но внешняя аналогия с византийскими изделиями вряд ли означает полное подражание (Рябцева, 2011). Подвески в форме колокольчиков существуют у многих народов, они известны и в кладах Поднепровья VI—VII вв. (рис. 12, 8) (Корзухина, 1996. Табл. 54, 1). Моравские ряса, оформленные в виде фигур женщины или коня, с бляшками в виде плодов и листьев, хорошо демонстрируют народную традицию шумящих украшений (рис. 12, 9, 10) (Poulik, Chropovsky, a kol., 1985. Tabl. XVIII). Характерные для традиционной культуры колоколовидные или кистевидные подвески сохраняются до этнографически фиксируемых костюмов (рис. 12, 13, 14) (Моисеенко, Фалеева, 1990. Рис. 5, рис. на шмуцтителе). Поэтому в колоколовидной форме древнерусских рясен XI—XII вв. (рис. 12, 11, 12) (Корзухина, 1954. № 162; Буланкина и др., 2005. Рис. 16) соединились по крайней мере два источника: византийская культура ювелирного изделия и собственная традиция шумящих украшений. Соединение этих традиций дало гибридные формы (рис. 12, 7) (Якубовський, 2003. Рис. 40).

В первой половине XII в. разрабатываются формы лучевых колтов, продолжающих традиции височных колец (колты на широкой дужке), трехбусинные кольца используются аналогично височным украшениям (рис. 9, 4). Под воздействием формы византийских лунничных

Рис. 9. Общая эволюция древнерусского убора XI — первой трети XIII вв. (Реконструкции Н. В. Жилиной, рисунки О. В. Федорова).

Конец XI — XII в.: 1, 2 — мужской и женский золотой уборы из украшений в технике перегородчатой эмали, византийская традиция; женские серебряные уборы в технике зерни и скани — 3 — конец XI — начало XII в., с колоколовидными ряснами; 4 — первая половина XII в., с колтами на широкой дужке и трехбусинными кольцами в роли височных; 5 — конец XII — первая треть XIII в., с колтами на луннице и трехбусинными дужками в очелье

Fig. 9. General evolution of ancient Russian costume of the 11th — first third of the 13th century (reconstructions by N. V. Zhilina, drawings by O. V. Fedorova).

Late 11th — 12th centuries: 1, 2 — men's and gold women's decorations constituted by objects in the cloisonné enamel technique, Byzantine tradition; women's silver decorations in techniques of filigree and granulation: 3 — late 11th — early 12th century, bell-shaped ornaments (*ryasnas*); 4 — first half of the 12th century, decorations with hollow pendants (*kolts*) with broad bows and three-bead rings used as temple ornaments; 5 — late 12th — first third of the 13th century, *kolts* on lunate objects and three-bead bows

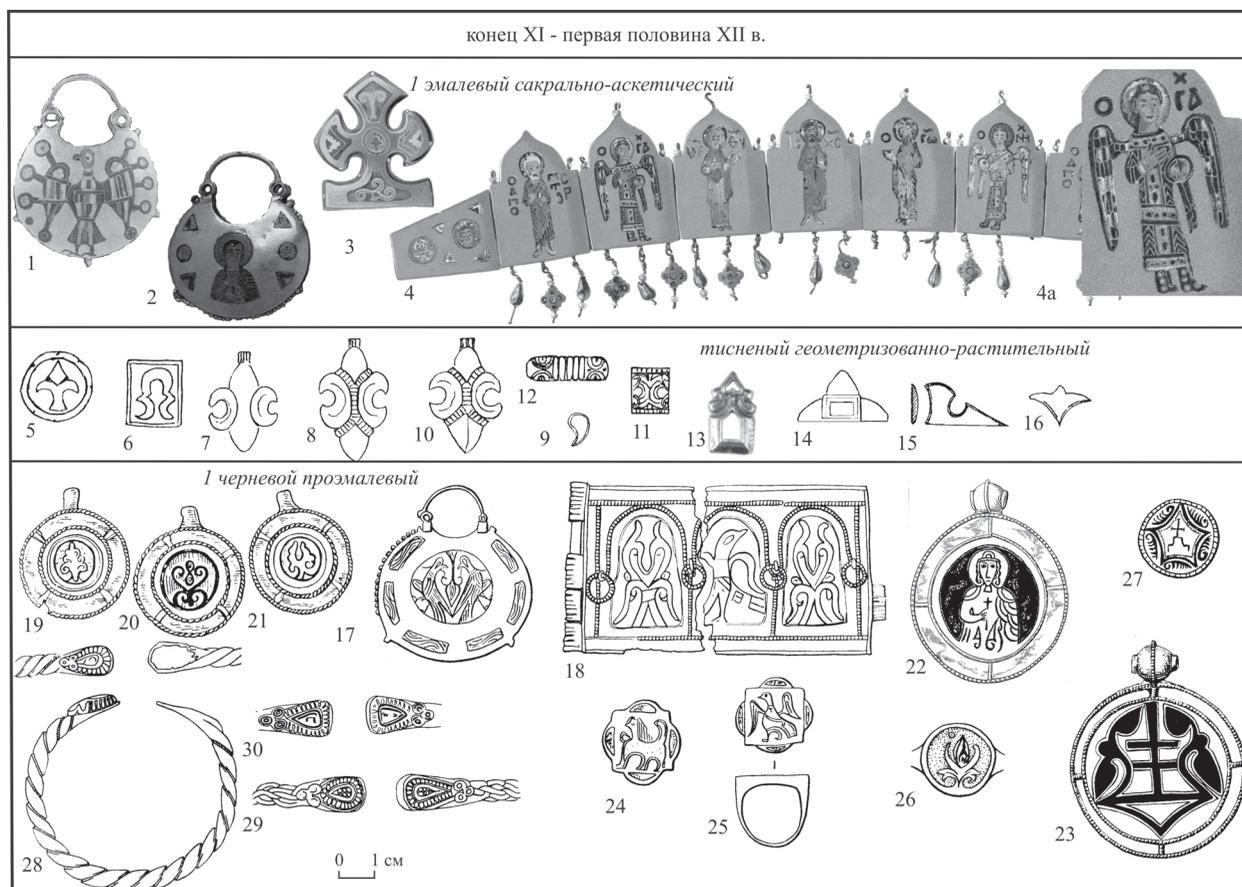

Рис. 10. Стили в древнерусском ювелирном искусстве XI — первой половины XII в.: 1 — Княжая гора (№ 120); 2 — Владимир (№ 167); 3, 11, 13 — Старая Рязань (№ 163); 4 — Киев (№ 99); 5, 7, 8 — Киев (№ 103); 6 — Киев; 9, 14 — Старая Рязань (№ 162); 10 — Киев (№ 85); 15, 16 — Старая Рязань; 17, 19–21 — Киев (№ 85); 18 — Любеч; 22, 23 — Старая Рязань (№ 186); 24 — Никоновские курганы Московской обл.; 25, 26 — Калужская губ.; 27 — Старая Рязань (№ 189); 28–30 — Пилява Киевской губ. (№ 34)

Fig. 10. Styles in ancient Russian jewellery of the 11th — first half of the 12th century: 1 — Knyazha Gora (№ 120); 2 — Vladimir (№ 167); 3, 11, 13 — Old Ryazan (№ 163); 4 — Kiev (№ 99); 5, 7, 8 — Kiev (№ 103); 6 — Kiev; 9, 14 — Old Ryazan (№ 162); 10 — Kiev (№ 85); 15, 16 — Old Ryazan; 17, 19–21 — Kiev (№ 85); 18 — Lyubech; 22, 23 — Old Ryazan (№ 186); 24 — Nikonovskoye barrows, Moscow Oblast; 25, 26 — Kaluga Province; 27 — Old Ryazan (№ 189); 28–30 — Pilyava, Kiev Province (№ 34)

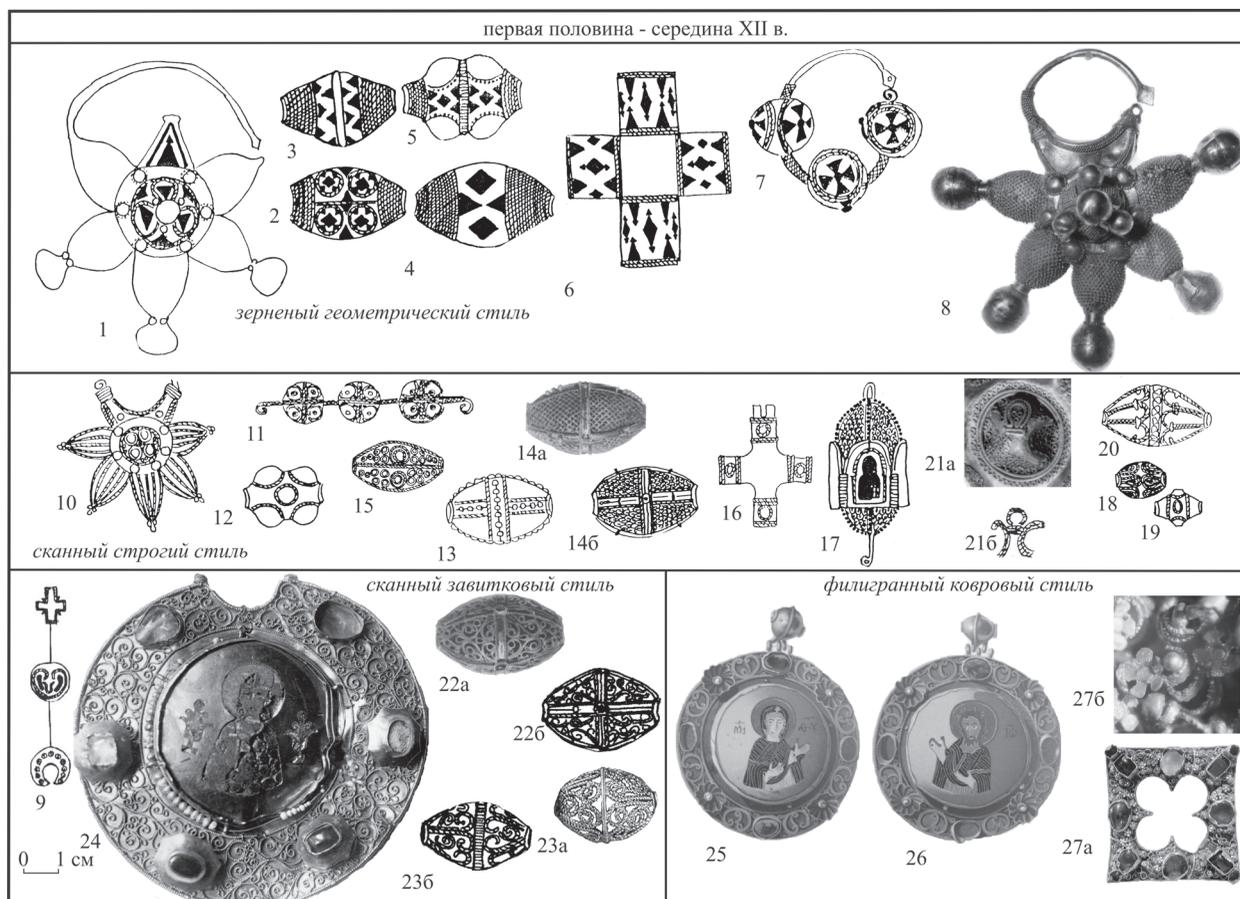

Рис. 11. Стили в искусстве филигрании первой половины — середины XII в.: 1 — Терехово Орловской обл. (№ 154); 2 — Киев (№ 103); 3–5, 7, 8 — Старая Рязань (№ 186); 9 — Новгород, Троицкий раскоп, 20–30 — 60–80-е гг. XI в.; 10 — Киев, случайная находка 1876 г., коллекция Б. И. Ханенко; 11 — Старая Рязань (№ 163); 12, 15 — Киев (№ 204); 13 — Сахновка Киевской губ. (№ 127); 14, 16, 17, 22, 24 — Старая Рязань (№ 162); 20 — Киев, клад (№ 90); 18 — Киев (№ 102); 19 — Старая Рязань; 21 — Старая Рязань (№ 187); 23 — Москва (№ 197); 25, 26 — Киев (№ 90); 27 — Старая Рязань, случайная находка

Fig. 11. Styles in the filigree art of the first half — middle of the 12th century: 1 — Terekhovo, Orel Oblast (№ 154); 2 — Kiev (№ 103); 3–5, 7, 8 — Old Ryazan (№ 186); 9 — Novgorod, Troitsky Excavation, 1020s–30s — 1060s–80s; 10 — Kiev, stray find of 1876, collection of B. I. Khanenko; 11 — Old Ryazan (№ 163); 12, 15 — Kiev (№ 204); 13 — Sakhnovka, Kiev Province (№ 127); 14, 16, 17, 22, 24 — Old Ryazan (№ 162); 20 — Kiev, hoard (№ 90); 18 — Kiev (№ 102); 19 — Old Ryazan; 21 — Old Ryazan (№ 187); 23 — Moscow (№ 197); 25, 26 — Kiev (№ 90); 27 — Old Ryazan, stray find

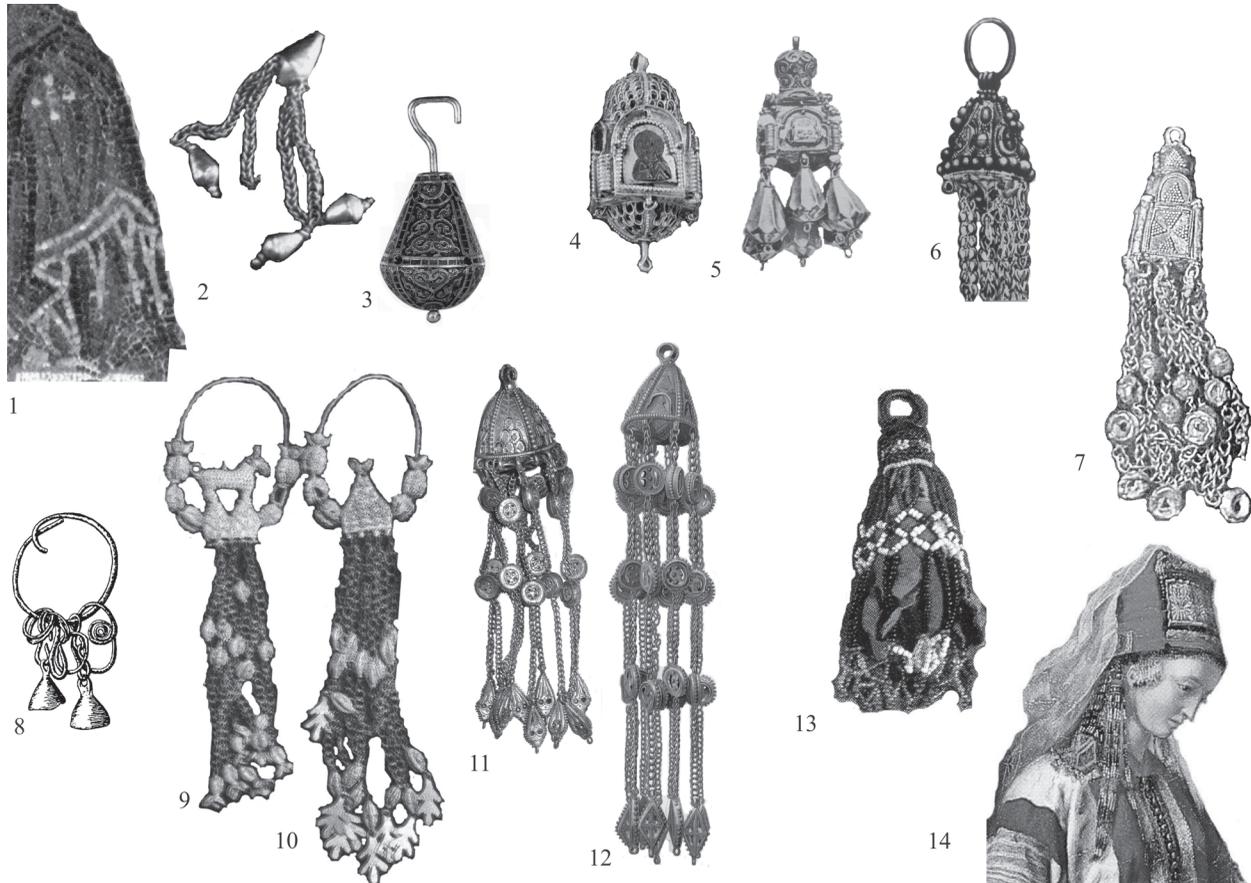

Рис. 12. Византийская и славяно-русская линии развития колоколовидных подвесок.

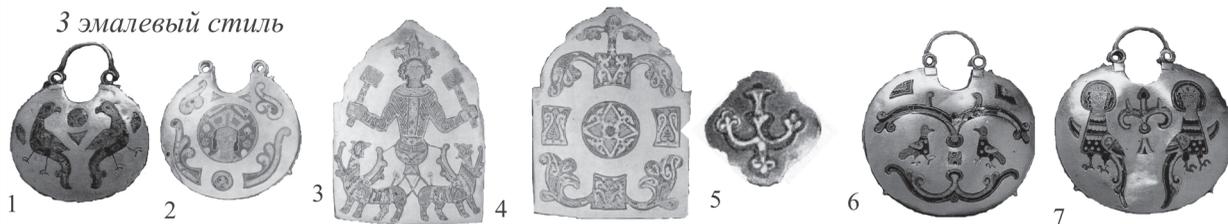
1 — край мафория Богоматери с подвесной каймой, фрагмент мозаики X в. Софийского собора в Константинополе; 2 — подвески, Телиженицкое городище, Хмельницкой обл., клад 1978 г. № 2; 3 — Подвеска лора, вторая половина XI в.; подвески-сионцы из древнерусских кладов — 4 — Старая Рязань, 1822 г. (№ 163); 5 — Киев, Михайловский монастырь, 1887 г. (№ 102/5); 6 — Чернигов 1958; 7 — Згарское/Божск-Хмельницкой 1970, подвеска-рясна; 8 — кольцо с подвесками, Козиевка; 9, 10 — моравские подвески-рясна с колоколовидными частями; 11 — Старая Рязань, 2005; 12 — Старая Рязань, 1868 г. (№ 162); 13 — кисть-накосник крестьянского головного убора русских, начало XX в.; 14 — рязанская крестьянка, неизвестный художник, вторая половина XIX в.

Fig. 12. Byzantine and Slavic-Russian lines of the evolution of bell pendants.

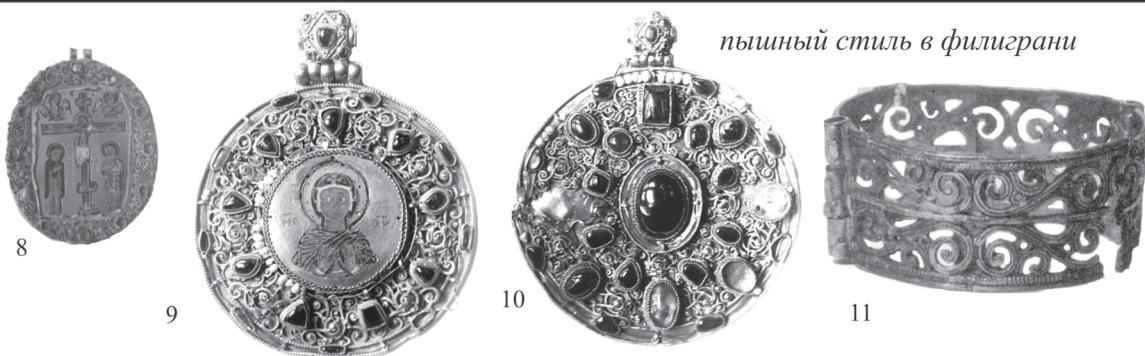
1 — edge of the kerchief of Our Lady with a suspended fringe, fragment of mosaics of 10th century in the Sophia cathedral of Constantinople; 2 — pendants, settlement-site Telizhenitskoye, Khmel'nitsk Oblast, hoard of 1978 № 2; 3 — pendant of a tippet, second half of the 11th century; pendants-*sionsy* from ancient Russian hoards: 4 — Old Ryazan, 1822 (№ 163); 5 — Kiev, Monastery of the Archangel Michael, 1887 (№ 102/5); 6 — Chernigov 1958; 7 — Zgarskoye/Bozhsk, Khmel'nitsk Oblast, 1970, *ryasna*-pendant; 8 — ring with pendants, Koziyevka; 9, 10 — Moravian *ryasna*-pendant with bell-shaped parts; 11 — Old Ryazan, 2005; 12 — Old Ryazan, 1868 (№ 162); 13 — braid tassel of Russian peasant head decoration, early 20th century; 14 — Ryazan peasant woman, unknown artist, second half of the 19th century

конец XII - первая треть XIII вв.

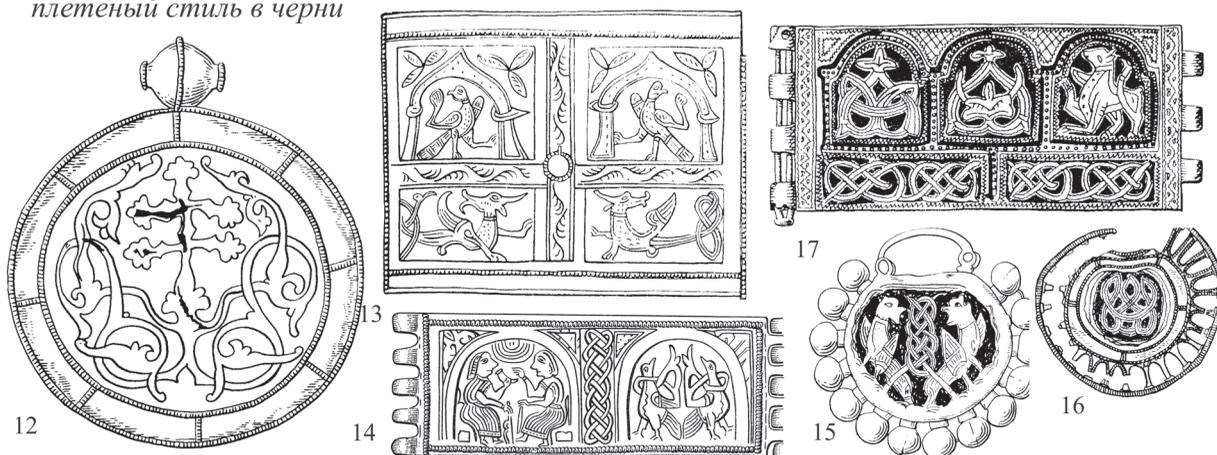
3 эмалевый стиль

пышный стиль в филигрании

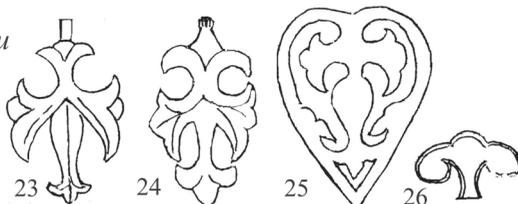

плетеный стиль в черни

утрированный кринообразный в тиснении

пышный в тиснении

плетеный стиль в тиснении

0 1 см

колтов происходят модификации: лучевые зерненные колты приобретают лунницу, а трехбусинные кольца изменяются до дужек и входят в состав очелей (рис. 12, 5) (Корзухина, 1954. С. 67; Жилина, 2001; 2002).

Проанализированный материал конспективно показывает, как на Руси византийский опыт объединился с более ранними местными традициями. При возрождении русского драгоценного убора после татаро-монгольского нашествия арсеналом для создания новых форм становится единый сплав славянской и византийской культур.

Другой разряд влияний связан с относительно постоянным этническим и культурным окружением народа.

7. Проявление родственности и дальнейшее породнение уборов. Параллели между славянским, финно-угорским и балтским уборами отмечаются с раннеславянского времени. В археологической литературе ощутима тенденция: скрупулезно отмечая внешние аналогии, «разбирать» восточнославянскую материальную культуру на составляющие. Вместе с тем необходимо показать и целостность славянского прикладного искусства, его внутренние связи и художественные принципы. Если в 1970-е гг. преобладало стремление рассматривать весь комплекс славянского художественного материала как преимущественно автохтонный по происхождению и напрямую связанный с местной мифологической культурой (Василенко, 1977), ныне чувствуется обратное движение к отрицанию славянского вклада в собственное искусство и отражения в нем славянской мифологии (Петрухин, 2007. С. 47, 48). В. Е. Родинкова выделила среди украшений женского раннеславянского металлического убора группы: балтскую, финскую, германскую и суб-

стратную, включающую наиболее простые и незамысловатые изделия, но и они трактуются как позднееримские (Родинкова, 2008. С. 281, 284). Эти полярные тенденции хотелось бы откорректировать.

Большая часть произведений славянского искусства демократического уровня относится к достилевому пласту (Жилина, 2008). Приемы обработки и орнаментации сходны для разных материалов. Норм декоративной обработки с какими-либо отличительными особенностями на этом уровне не может быть выработано. Скромные ряды косой и зигзагообразной насечки или геометрического орнамента повторяют контур вещей, располагаясь преимущественно по концам и краям. Такому уровню соответствуют наиболее массовые украшения славянских кладов VI–X вв.: гривны, браслеты, перстни, височные кольца (рис. 2, 16–26; 3, 56, 63, 64, 66–69) (Корзухина, 1954. № 23; Седов, 1982. Табл. XIX, 4, 5, 13; Успенская, 1993. Рис. 4; Пушкина, 1987. Рис. 1, 10–12, 16, 17; Корзухина, 1996. № 27/18аб. Табл. 17, 5, 6; 106, 4, 11–14; Пушкина, 1996).

Тем не менее уже на данном достилевом уровне исследователи находят возможным говорить об импорте или заимствованиях, хотя при этом за славянскими изделиями постоянно признается своеобразие в деталях. Височным кольцам середины VI–VII вв. из Среднего Поднепровья со спиральными завитками, обращенными внутрь, приводятся аналогии из литовских материалов IV–V вв. (Родинкова, 2008. С. 281) (рис. 2, 16, 17). Эта аналогия не должна вести к выводу о балтском влиянии или импорте. Типологические ряды украшений со спиральной орнаментацией выглядят сходно, но они свои для каждой территории. Восточнославянский ряд довольно хорошо представ-

Рис. 13. Стили в русском ювелирном искусстве конца XII — первой трети XIII в.: 1 — из зарубежных собраний; 2 — Киев (№ 80); 3–5 — Сахновка Киевской губ. (№ 127); 6, 7 — Киев (№ 65); 8–10 (Старая Рязань, № 162); 11 — Любеч (№ 203); 12 — Владимир (№ 166); 13 — Старая Буда Киевской губ. (№ 112); 14 — Болоховское городище Хмельницкой обл. (№ 205); 15 — Святое озеро Черниговской губ. (№ 152); 16 — Киев; 17 — Киев (№ 101); 18 — Владимир (№ 201); 19, 22, 23 — Киев (№ 109); 20, 27 — Старая Рязань (№ 163); 21 — Киев; 24 — Кресты Тульской обл. (№ 156); 25 — Старая Рязань (№ 162); 26 — Старая Рязань; 28 — Старая Рязань.

Fig. 13. Styles in Russian jewellery of the late 12th–first third of the 13th century: 1 — from foreign collections; 2 — Kiev (№ 80); 3–5 — Sakhnovka, Kiev Province (№ 127); 6, 7 — Kiev (№ 65); 8–10 — Old Ryazan (№ 162); 11 — Lyubech (№ 203); 12 — Vladimir (№ 166); 13 — Staraya Buda, Kiev Province (№ 112); 14 — settlement-site of Bolokhovo, Khmel'nitsk Oblast (№ 205); 15 — Lake Svyatoye, Chernigov Province (№ 152); 16 — Kiev; 17 — Kiev (№ 101); 18 — Vladimir (№ 201); 19, 22, 23 — Kiev (№ 109); 20, 27 — Old Ryazan (№ 163); 21 — Kiev; 24 — Kresty, Tula Oblast (№ 156); 25 — Old Ryazan (№ 162); 26 — Old Ryazan; 28 — Old Ryazan

лен и логичен (рис. 2, 16–19, 22; 3, 65) (Пушкина, 1987. Рис. 1, 9). В первой половине VIII в. вплоть до северных районов Восточной Европы распространены небольшие кольца со спиральным завитком, иногда отогнутым вниз наподобие медальона, аналогично форме звездобразных украшений (Шеглова, 1990; Петрухин, 2007) (рис. 2, 22). Распространены и кольца со спиральным завитком-застежкой (рис. 2, 18, 19). Кольца с грубой застежкой на петлю и крючок можно считать конструктивной основой для последующих усовершенствований (рис. 2, 20, 21) Эти типы являются первыми общевосточнославянскими украшениями. Ряд продолжают спиральные височные кольца северян (рис. 3, 44) (Корзухина, 1954. № 1).

Как балтский импорт рассматриваются браслеты с расширенными многогранными концами, более простые формы, наблюдающиеся у славян, считаются подражательными. К финно-угорскому импорту относят браслеты с прямоугольными в сечении орнаментированными концами, хотя абсолютно точных аналогий не наблюдается. Браслеты с узкими расплюснутыми концами, как более оригинальную форму, к финно-угорскому импорту отнести, вероятно, действительно возможно. Славянский металлический убор сближается с финно-угорским и по наличию нагрудных цепей (Родинкова, 2008. С. 281).

Сама элементарность форм рассмотренных украшений практически исключает необходимость и, следовательно, возможность заимствования. Наблюдаемые аналогии следует понимать как проявление конструктивных

сходств в уборе металлической стадии,⁷ общей для многих народов, у средневековых финно-угров сохранявшейся довольно долго (Жилина, 2011). Распространены тяжелые металлические украшения: браслеты, гривны, височные кольца, носимые по несколько штук, детали украшений соединяются цепями, украшения дополняются пластинчатыми подвесками геометрической формы, одежда — металлическими нашивками; костюм соединяется с украшениями конструктивно и покрывается слоем металлических подвесных и нашивных украшений подобно броне, задача убора — скреплять одежду и поддерживать ее на теле.

Одна и та же стадия убора, один и тот же уровень развития техники обуславливали не только возникновение сходных форм в разных центрах, но и легкость перенимания, возможность повторения подобной формы самостоятельно. Устанавливать направления заимствования таких элементарных вещей и невозможно, и не нужно. Важнее очертить и определить родственную стадию и среду убора. Так, по мнению Н. В. Хвоцинской, ставить задачу определения источника традиции расшивания одежды металлом бесперспективно (Хвоцинская, 1993. С. 165). Кроме того, собственное творчество восточных славян подтверждается мелкими особенностями деталей и форм, отсутствием точного сходства с изделиями балтов и финнов,

⁷ Нам представляется возможным выделить в уборе из украшений четыре основные стадии: натуральный убор, металлический убор, ювелирный убор, аксессуарный убор.

Рис. 14. Финно-угорские украшения и амулеты.

I — клад из Чернобыля Киевской губ., 1896 г. XII — первая треть XIII вв. (№ 139): 1 — серебряная цепь с шумящими подвесками); бронзовые украшения — 2 — подвеска шумящая в виде барана; 3 — подвеска шумящая в виде двуглавой птицы с ромбическими привесками; 4, 5 — кольца височные;

II — зооморфные подвески в виде птиц группы I по Е. А. Рябинину: 1, 2 — X–XI вв., 3–5 — XI–XII вв.; 6 — XII–XIII вв.; 6–8 — подвески-коньки типа XIV по Е. А. Рябинину;

III — славянские и финно-угорские шумящие амулеты: 1 — меря, XI в. (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXIX: 10); 2 — славяне, Бочарово Смоленской губ., XI–XII вв.; 3–5 — весь, XI–XII и XII–XIII вв.

Fig. 14. Finno-Ugric ornaments and amulets.

I — hoard from Chernobyl in Kiev Province, 1896, 12th — first third of 13th century (№ 139): 1 — silver chain with rattling pendants; bronze ornaments: 2 — rattling pendant in the form of a ram; 3 — rattling pendant in the form of a two-headed bird with rhomboid pendants; 4, 5 — temple rings;

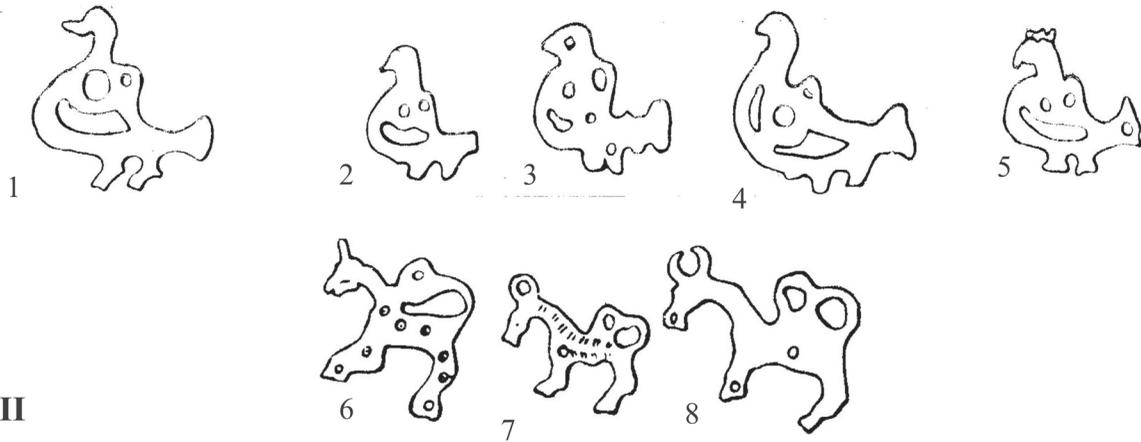
II — zoomorphic bird-shaped pendants of group I according to E. A. Ryabinin: 1, 2 — 10th–11th centuries, 3–5 — 11th–12th centuries; 6 — 12th–13th centuries; 6–8 — horse-shaped pendants of type XIV according to E. A. Ryabinin;

III — Slavic and Finno-Ugric rattling amulets: 1 — Merya, 11th century; 2 — Slavs, Bocharovo in Smolensk Province, 11th–12th century; 3–5 — Ves tribe, 11th–12th and 12th–13th centuries

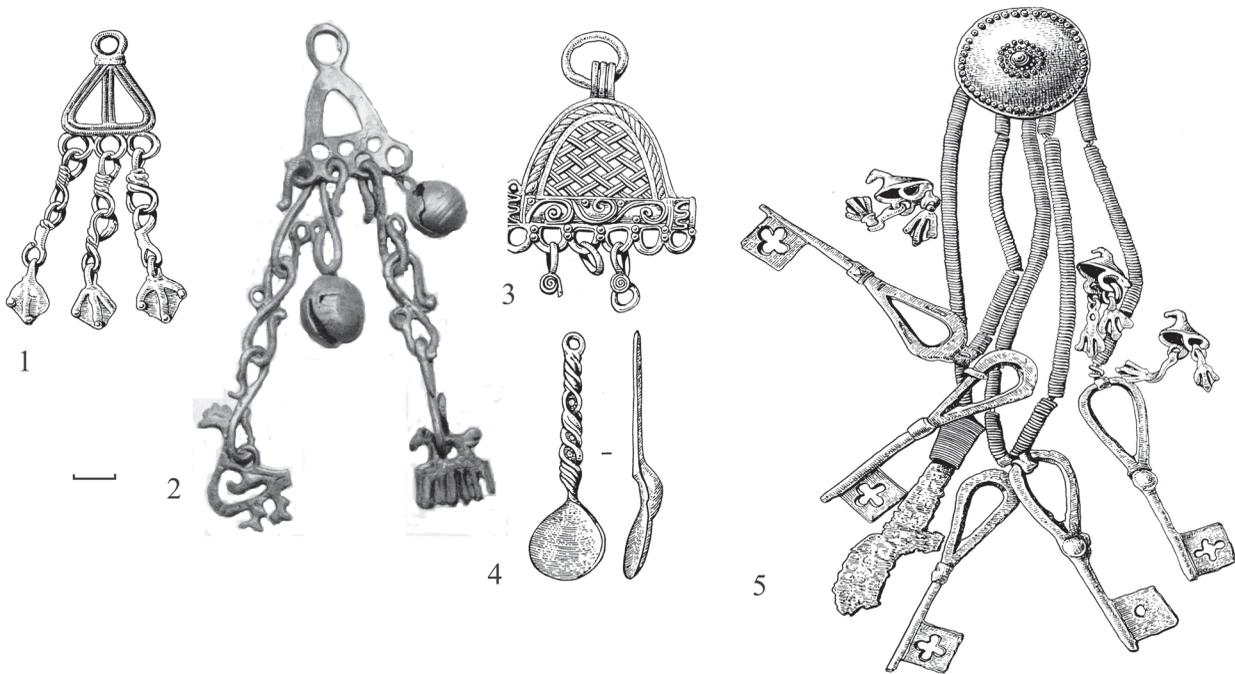
I

II

III

своеобразным сочетанием признаков (например, круглые в сечении браслеты имеют тот же орнамент, что и браслеты с прямоугольными концами). Не следует забывать и о древней балто-славянской общности I тыс. до н. э.: оба этноса имеют равное право авторства на эти скромные предметы (Седов, 2005. С. 16).

Среди всех древнерусских кладов только три клада состоят из финно-угорских украшений. Два из них имеют чистый финно-угорский состав: клад XI в. из Льговки Калужской губ., 1946 г., и клад XII–XIII вв. из Чернобыля Киевской губ., 1896 г. (Ханенко В., Ханенко Б., 1902. Табл. XVI, 379, 380, 624, 836; Корзухина, 1954. № 37, 139). Третий клад из Мужичево Тверской губ., 1927 г., характеризуется гибридной структурой состава (Корзухина, 1954. № 171). Браслеты и височные кольца, зооморфные подвески амулетов — те общие формы, с помощью которых уборы могли породниться (рис. 14, I — I–4). Клад на Киевской земле с подвеской типа VIII с изображением двуглавых петухов Г. Ф. Корзухина связала с бегством населения от татар на Киевщину (Корзухина, 1954. С. 44). Такие конкретные ситуации создавали предпосылку породнения.

Закономерностью является выработка на украшениях, изначально распространенных локально, общих стилистических черт, способствовавших восприятию их в разноэтнической среде. Завитковый орнамент чернобыльского изделия — пример гибрида художественного оформления (рис. 14, I — 3). Пластинчатые подвески в форме птиц X–XIII вв. (группа I) связываются происхождением с чудскими народами. Коньки «обычного» типа (тип XIV) определяются как общедревнерусский тип (рис. 14, II — 1–5 и 6–8) (Рябинин, 1981. С. 12–19, 28–31, рис. 3). Все эти зооморфные подвески стилистически одинаковы: характеризуются пластинчатостью, почти гладкой поверхностью, уходом от финно-угорского стиля крупной филигранны. Это итоговые примеры породнения с лаконичной универсальной формой, принимаемой древнерусским населением. На основе таких общих форм наблюдается сходство славянских и финно-угорских зооморфных амулетов (рис. 14, III — 1–5) (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXIX, 10; Табл. XVII, 1, 20; XVIII, 16; Рыбаков, 1971. Ил. 132).

Внешнее влияние всегда опирается на местную основу, то или иное воздействие в нее внедряется. Конкретная сумма испытанных внеш-

них влияний вместе с собственной традицией обуславливает своеобразный облик культуры народа. Выделение и объяснение влияний при конкретном историко-археологическом изучении приведет не к раздроблению представления об этой культуре («нет ничего своего»), а к характеристике неповторимого синтезированного народом результата, который при этом не является и абсолютно независимым («все свое»).

Авдусин, 1952 — Авдусин Д. А. Гнездовская экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. 44.

Авдусин, 1957 — Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2.

Авдусин, Пушкина, 1989 — Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Айбабин, 1973 — Айбабин А. И. К вопросу о происхождении сережек Пастырского типа // РА. 1973. № 3.

Амброз, 1993 — Амброз А. К. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. 1993. № 2.

Бліфельд, 1977 — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Буланкина и др., 2005 — Буланкина Е. В., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище // Великое княжество Рязанское. М., 2005.

Василенко, 1977 — Василенко В. М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление: I в. до н. э. — XIII в. н. э. М., 1977.

Винокур, 1998 — Винокур И. С. Бернашевский ювелирный комплекс Антско-Склавинского порубежья // Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998 (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии; Т. 4).

Гавритухин, 1996 — Гавритухин И. О. Типологическое определение инвентаря. Детали ремешковой гарнитуры. Фибулы // Гавритухин И. О., Обломский А. М., Ахмедов И. Р. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Голубева, 1949 — Голубева Л. А. Киевский некрополь // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов: М.; Л., 1949. Т. 1 (МИА; № 11).

Григорьев, 2000 — Григорьев А. В. Северская земля в VIII–начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Гущин, 1936 — Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936.

Давидан, 1971 — Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Вып. 16.

Даркевич, 1974 — Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969) // Археология Рязанской земли. М., 1974.

- Даркевич, Борисевич*, 1995 — *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Древности...*, 1995 — *Древности Северо-Западной России: К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова: Каталог выставки.* СПб., 1995.
- Дубов*, 1976 — *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимеревского могильника // *Славяно-русские древности.* М., 1976 (КСИА; № 146).
- Ениосова*, 1998 — *Ениосова Н. В.* Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // *Общество, экономика, культура и искусство славян.* М., 1998 (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии; Т. 4).
- Жарнов*, 1991 — *Жарнов Ю. Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // *Смоленск и Гнездово.* М., 1991.
- Жилина*, 1997 — *Жилина Н. В.* Древнерусские звездчатые колты (схема развития) // *Научные чтения памяти В. М. Василенко.* М., 1997.
- Жилина*, 2001 — *Жилина Н. В.* Христианские новации в древнерусском металлическом уборе XI–XIII вв. // *Православие и культура этноса: Материалы междунар. науч. симпозиума (Москва, 9–13 октября 2000 г.).* М., 2001.
- Жилина*, 2002 — *Жилина Н. В.* Русский ювелирный убор // *Родина.* М., 2002. № 11–12.
- Жилина*, 2005 — *Жилина Н. В.*, 2005. Славяно-русская филигрань VIII–X вв.: Монография в журнале // *СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, Stratum Plus*, 2003–2004; № 5: Мастера Средневековья.
- Жилина*, 2006 — *Жилина Н. В.* Зернь и филигрань у славян в VII–IX вв. (заимствования и самостоятельность) // *Боспорские исследования.* Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11.
- Жилина*, 2007 — *Жилина Н. В.* Височные украшения славяно-русского убора: византийское влияние и собственные традиции // *Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (11–13 грудня 2006 р.).* Київ, 2007.
- Жилина*, 2008 — *Жилина Н. В.* Хронология украшений древнерусских кладов IX–XI вв. // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.* М., 2008. Т. II.
- Жилина*, 2011 — *Жилина Н. В.* Металлический убор финно-угорских народов Восточной Европы как звено в эволюции средневекового костюма // *Fenno-Ugric Peoples and Languages in the 21st century: Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Hungary, Piliscsaba, 09–14 августа 2010).* Piliscsaba, 2011. Pars VIII: Dissertationes sectionum: Literatura, archeologia et historica
- Жилина, Макарова*, 2008 — *Жилина Н. В., Макарова Т. И.* Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М., 2008.
- Каргер*, 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Колчин*, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Резное дерево. М., 1971 (Археология СССР, САИ; Вып. Е1–55).
- Корзухина*, 1950 — *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне татаро-монгольского нашествия // *СА.* 1950. № 14.
- Корзухина*, 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина*, 1971 — *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi // *Скандинавский сборник.* Таллин, 1971. Вып. 16.
- Корзухина*, 1996 — *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Симферополь, 1996. Вып. 5.
- Лебедев*, 2005 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Ляпушкин*, 1958 — *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л., 1958 (МИА; № 74).
- Макарова*, 1986 — *Макарова Т. И.* Черное дело Древней Руси. М., 1986.
- Моисеенко, Фалеева*, 1990 — *Моисеенко Е., Фалеева В.* Бисер и стеклярус в России: XVIII–начало XX века. Л., 1990.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1955 (МИА; № 49).
- Наследие варягов...*, 1996 — *Наследие варягов: Диалог культур / Гос. музей-заповедник «Московский Кремль»; Гос. исторический музей, Стокгольм; Отв. ред. И. Янссон.* Стокгольм, 1996.
- Новикова*, 1993 — *Новикова Е. Ю.* Подвеска с птицей из Владимирских курганов: Опыт атрибуции // *Средневековые древности Восточной Европы.* М., 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82).
- Новикова*, 1999 — *Новикова Е. Ю.* Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси // *Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер.* М., 1999 (Труды ГИМ; Вып. 111).
- Носов*, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. СПб., 1990.
- Панова*, 1996 — *Панова Т. Д.* Клады Кремля. М., 1996.
- ПВЛ*, 2004 — *Повесть временных лет* // *Библиотека литературы Древней Руси.* СПб., 2004. Т. 1: XI–XII века.
- Пекарська*, 1996 — *Пекарська Л.* Дорогоцінності тайника Десятинної церкви // *Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення.* Київ, 1996.
- Петрухин*, 2007 — *Петрухин В. Я.* Дохристианские древности по археологическим материалам IV–X вв. // *История русского искусства.* М., 2007. Т. 1: Искусство Киевской Руси / Под ред. А. И. Комеча.
- Попудренко*, 1975 — *Попудренко М. А.* Стародавні знахідки з Чернігова // *Археологія.* Київ, 1975. Вып. 16.
- Приходнюк*, 2000 — *Приходнюк О. М.* Фибулы Пастырского городища // *Археология восточноевропейской лесостепи.* Воронеж, 2000. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья.
- Путь из варяг...*, 1996 — *Путь из варяг в греки и из грек...*: Каталог выставки. М., 1996.
- Пушкина*, 1972 — *Пушкина Т. А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на тер-

- ритории Древней Руси // Вестник МГУ. Серия 8: История. М., 1972. № 1.
- Пушкина, 1987 — Пушкина Т. А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 3, вып. 16. Секция V.
- Пушкина, 1996 — Пушкина Т. А. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996.
- Родинкова, 2004 — Родинкова В. Е. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004.
- Родинкова, 2006а — Родинкова В. Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы) // РА. М., 2006. № 3.
- Родинкова, 2006б — Родинкова В. Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. М., 2006. № 4.
- Родинкова, 2008 — Родинкова В. Е. Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.
- Рождественская, 1981 — Рождественская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981.
- Рыбаков, 1971 — Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971.
- Рябинин, 1981 — Рябинин Е. А.. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981 (Археология СССР; САИ; Вып. Е1—60).
- Рябинин, 1994 — Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладогe // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Рябцева, 2005 — Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор: Основные тенденции формирования. СПб., 2005.
- Рябцева, 2011 — Рябцева С. С. О находках «рясен с колоколовидным верхом» в памятниках Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы // Археология древнерусского города XI—XV веков: Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза: ТД Междунар. науч. конф. (Рязань, 6—9 апреля 2011 г.). М., 2011.
- Седов, 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Седов, 1999 — Седов В. В. Лунничные височные кольца славянского ареала // Древности славян и Русь. М., 1999.
- Седов, 2005 — Седов В. В. Избранные труды. Славяне. Древнерусская народность. М., 2005.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. М., 1981.
- Соболев, 2000 — Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М., 2000 (переиздание книги: М.; Л., 1934).
- Успенская, 1993 — Успенская А. В. Березовецкий могильник X—XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82).
- Финно-угры и балты..., 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Ред. В. В. Седов. М., 1987. (Археология СССР).
- Ханенко В., Ханенко Б., 1902 — Ханенко В. Н., Ханенко Б. И. Древности Приднепровья. Киев, 1902. Вып. 5.
- Хвоцинская, 1993 — Хвоцинская Н. В. Об особенностях костюма населения восточнобалтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. Вып. 2.
- Чернецов, 2000 — Чернецов А. В. Отчет о работе Старорязанской экспедиции в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23687, 23688.
- Шаблавина, 2001 — Шаблавина Е. А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н.э.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Шинаков, 1980 — Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3.
- Шмонеvский, 2006 — Шмонеvский Б. Производство антропо-зооморфных фибул днепровского типа в начале раннего средневековья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной: ТД (Санкт-Петербург, 10—15 апреля 2006 г.). СПб., 2006.
- Щеглова, 1990 — Щеглова О. А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Щеглова, 1999 — Щеглова О. А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 5: Неславянское в славянском мире.
- Якубовський, 2003 — Якубовський В. І. Скарби Болохівської землі. Кам'янець-Подільський, 2003.
- Dekan, 1976 — Dekan J. Moravia Magna: Großmähren — Epoche und Kunst. Tatraň; Bratislava, 1976.
- Dostál, 1966 — Dostál B. Slovanská pohřebišťe ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966.
- Duczko, 1985 — Duczko W. The Filigree and granulation Work of the Viking Period // Birka V: Untersuchungen und studien. Stockholm, 1985.
- Duczko, 1989 — Duczko W. Ostlig kontakt // Skalk. Højbjerg, 1989. No. 4.
- Everyday Life in Byzantium, 2002 — Everyday Life in Byzantium. Athens, 2002.
- Herrmann, 2003 — Herrmann J. The Northern Slavs // The Northern World. London, 2003.
- Poulik, 1975 — Poulik J. Mikulčice: Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.
- Poulik, Chropovský, a kol., 1985 — Poulik J., Chropovský B. a kollektiv. Velká Morava a počátky československé státnosti. Praha; Bratislava, 1985.
- The Glory of Byzantium..., 2006 — The Glory of Byzantium: art and culture of the Middle Byzantine era, A. D. 843—1261. New York, Metropolitan Museum of Art, 2006.

The Theory of Influences and Originality through the Example of Old Russian Jewellery Sets N. V. Zhilina

Analysis of foreign influences and definition of the cultural originality need a theoretical basis. In order to resolve the problems of cultural influences, it is necessary to reconstruct the processes of contacts using particular archaeological and historical evidence. Based on the example of Slavic-Russian history, variants of these processes are here presented through the prism of jewellery.

A number of these variants are concerned with the people's history: political events, migrations and changes in the cultural orientation.

1. Original development of world example on equal part with other peoples. The East Slavs produced in the 6th–8th centuries a typologically and stylistically original variety of brooches — finger-shaped and anthropo- or zoomorphic ornaments, based on Roman and Byzantine examples.

2. Mastering of an advanced jeweller's technology and the consequent appearance of similar types of ornaments.

Basing on the use of the Byzantine filigree technique (cluster-like and star-shaped earrings of the 7th–9th centuries), the West and East Slavs started to apply elemental inlaid works of large granules resulting in the appearance of very simple filigree ornaments.

3. Imitation of types of foreign ornaments at the level of a simpler native technology. In the 9th–11th centuries, original rayed temporal rings appear among East-Slavic peoples imitating in their casting technique the types of Byzantine filigree ornaments.

4. Ornaments imported by their wearers and distributed temporarily and on a limited scale among the local culture according to the social role and territory of the new-coming people. Since the late 8th century and in the 9th–10th centuries, Scandinavian ornamental objects spread throughout Rus and hybrid types were developed. The Slavic set of ornaments, preserving its structure, had not adopted some specific details of Scandinavian ornamentation (shell brooches) but typologically common types (necklace pendants, bracelets) were instead distributed. Scandinavian artistic styles in the 10th century were unusual in the Slavic artistic crafts, although, to some extent, they were to be reproduced later.

5. The use of ornaments typologically resembling their native variants among the local ornamental sets.

The eastern ornaments of peculiar artistic types (in the 11th and 12th centuries — Saltovo and Polovtsian earrings, Iranian three-bead rings, signet-rings) were used in the ornamental sets in a similar way as the local objects. They are distinguishable among the native sets influencing in nothing their structure. Instead, the use of foreign objects was transformed according to the norms of the Russian ornamental set (e.g. belt plaques serving as necklace pendants).

6. The strong long-termed and conscientious influence produced by a change of cultural orientation — the use of a readymade system of jewellery and ornamental styles. After the adoption of the Christianity, Byzantine sets of enamel ornaments spread in Rus while the niello and granulated filigree objects were modified. The enamel and, in the beginning, niello arts of Rus followed the Byzantine styles. The silver granulated filigree craft preserved its traditions of making ornaments in geometric styles (bell-shaped *ryasno*-pendants, *kolts* with a broad bow). In the art of niello, peculiar heathen motifs were used and an original interlacing style appeared.

Another sphere of influences was due to the continuous ethnical and cultural surrounding of the people.

7. Affinity and convergence of the ornamental sets.

A large variety of Slavic, Finnish and Baltic metal ornaments — neck-rings, bracelets and temporal rings, since the early Middle Ages, had elementary forms and designs. Zoomorphic objects among the composition of amulets acquired common shapes in different ethnical media. There was no necessity to borrow them and therefore it is senseless to establish the sources of their distribution. Of greater importance is to evaluate the limits of their native milieu.

External influence is always supported by a local basis. A particular aggregate of the external influences together with the native tradition determine the peculiar form of a people's culture. A detailed historico-archaeological study and theoretical understanding of the influences lead neither to shattering of the ideas about that culture («nothing is its own») nor to absolutization of the independence of its development («each trait is its own») but to an unbiased characterization of the unique result synthesized by the people.

Окно в далекое прошлое: взгляд из Сибири

Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

«Окно в прошлое» — так озаглавил канадский исследователь М. Стевенсон книгу, посвященную реконструкции облика поселений на многослойной стоянке Пис Пойнт (*Stevenson, 1986*). Действительно, запечатанные в тонкослоистых аллювиальных толщах культурные слои стоянок каменного века дают уникальную возможность заглянуть в глубины времени, выявить эпизоды обитания человека и реконструировать, вплоть до мельчайших деталей, особенности жизнедеятельности древних охотников. В. Т. Петрин удачно назвал такие реконструкции «моментальными снимками» остатков материальной культуры прошлого (*Генинг, Петрин, 1985. С. 9*). Эти познавательные возможности теряются при обычной для археологии палеолита практике изучения мощных насыщенных находками культурных слоев, представляющих собой сложно построенные «палимпсесты», совокупность накладывающихся друг на друга следов неоднократного заселения человека.

К сожалению, в течение длительного времени проблематика воссоздания облика жилищ, поселений и хозяйственной жизни древнейших обитателей Сибири находилась «в тени» культурно-исторических построений, нацеленных, согласно господствовавшим воззрениям, на выделение разнообразных археологических культур. Такая ориентация исследовательских усилий приводила к тому, что основное место в работах занимало типологическое описание выборки формальных орудий и сопоставление ее с выборками, происходящими с других па-

мятников. В то же время характеристика культурного слоя и его структур давалась предельно кратко, а реконструкция хозяйства обитателей стоянки сводилась к набору стандартных фраз об «охоте и собирательстве». Приятное исключение составляли исследования читинских археологов (*Константинов, 2001*). Если ранее работа в этом направлении сводилась к описанию встреченных при раскопках остатков жилых и очажных конструкций без детального изучения пространственного распределения находок и установления сезонности обитания, то впоследствии были предприняты усилия по планиграфическому анализу приочажных скоплений (*Разгильдеева, 2003*). Заметим, что диссертация, посвященная планиграфическому изучению группы кокоревских стоянок на Енисее (*Гречкина, 1984*), осталась неопубликованной и неизвестной большинству сибирских археологов.

На первый взгляд, книга Е. М. Инешина и А. В. Тетенькина, основанная на материалах серии нижних культурных слоев многослойной стоянки Большой Якорь I на Витиме, должна рассматриваться в ряду монографических публикаций памятников палеолита Восточной Сибири. На деле значение рецензируемого труда далеко выходит за рамки региональной тематики. Открывает книгу глава, содержащая краткий очерк истории археологических исследований на Витиме, где, помимо работы нескольких групп иркутских археологов, отмечен заметный вклад якутских коллег.

Особое значение для понимания направленности работы имеет специальный методологический раздел (глава 2). Здесь мы находим чет-

ко сформулированную исследовательскую задачу, лежащую в русле построений А. Леруа-Гурана и Л. Бинфорда. В основе подхода авторов лежит сочетание ряда методов — изучение планиграфического распределения предметов каменного инвентаря с прослеживанием «связей» по ремонту, определение сезонности обитания на основе костных остатков и технологический анализ каменной индустрии. В этой связи важную роль играет предложенная в этой главе классификация типов очагов и конфигураций приочажных скоплений культурных остатков, основанная на сопоставлении планов десятков комплексов памятника. Правда, такая итоговая схема была бы более уместна в завершающем разделе книги.

Геоморфология и четвертичная история района исследований — тема 3-й главы. Здесь же приведены полный список радиоуглеродных датировок для разрезов и археологических памятников Байкало-Патомского нагорья, схема корреляции стратиграфических колонок стоянок. Касаясь радиоуглеродных датировок, нельзя не отметить, что, хотя большая часть дат помещает пачку палеолитических слоев памятника в узком интервале позднесартанского времени, от 12,7 до 11,7 тыс. лет, имеется взаимное наложение датировок различных слоев, а также серия как омоложенных (до 10 тыс. лет), так и удревленных определений (до 17,8 тыс. лет для 5-го культурного слоя).

В 4-й главе книги мы находим подробное описание стратиграфии памятника, приуроченного к отложениям 13–14 м террасы Витима. Хорошо сохранившиеся позднепалеолитические культурные горизонты (3–12) связаны с песчано-суглинистой слоистой толщей аллювиального генезиса, прорезанной мерзлотными жилами. Судя по всему, следы обитания человека относительно быстро перекрывались отложениями, не испытывая значительных перемещений. Отмечены следы воздействия хищников на ряд костей, что можно приписать как деятельности песцов, посещавших место стоянки после оставления ее человеком, так и возможному наличию собак. Для установления сезонности обитания, наряду с оценкой возраста млекопитающих по характеру зубов (*Клевезаль*, 2007), авторами использован предложенный М. С. Губиным метод определения сезона по костным остаткам рыб.

В поисках оптимальной методики раскопок исследователи перешли от стандартной площадной разборки слоя к расчистке по квадра-

там с частыми разрезами, индивидуальной фиксацией находок и промывкой содержимого по четвертям квадрата. В данном случае мне остается только позавидовать авторам книги. В свое время, основываясь на многолетнем опыте изучения аллювиальных стоянок на Верхнем Енисее, я предлагал для данного типа памятников отказаться от практики расчистки культурного слоя на площади раскопа в пользу поквadratного вскрытия (*Васильев*, 1990). Увы, работы на Майне в 1990-е гг. пришлось прервать по не зависящим от меня причинам, и реализовать свои планы мне так и не удалось.

Естественным продолжением дискуссии служит 5-я глава, посвященная вопросам реконструкции природно-климатической обстановки в регионе в финале плейстоцена. К сожалению, бедность отложений остатками пыльцы не дает возможности провести палинологическое изучение разреза, и в палеоклиматических реконструкциях остается опираться на косвенные данные, в первую очередь на оценку роли животных — обитателей открытых и лесных ландшафтов. Учитывая экологическую пластичность крупных млекопитающих, такие выводы неизбежно носят приблизительный характер. Среди фауны доминируют остатки зайца, есть кости северного оленя, песца. Немногочисленны остатки бизона, снежного барана, северного и благородного оленя, овцебыка, лося, волка, соболя. Единичными экземплярами представлены кости лошади.

Центральное место в книге занимает 6-я глава, где описывается планиграфия и находки из культурных слоев финального палеолита. Авторы широко используют распространенный в японской и американской археологии прием показа находок посредством помещения уменьшенных рисунков вещей с указанием линиями их реального положения на плане раскопа. Такой метод позволяет наглядно представить планиграфическую ситуацию, впрочем, он применим лишь для памятников с минимальным числом находок (при большем числе объектов план смазывается и становится нечитаемым — см. рис. 6.24, 6.47).

В различных горизонтах памятника на раскопанной площади вскрыты очаги (от одного до шести), часто с каменной обкладкой, каменные выкладки, скопления костей и предметов расщепленного камня. В ряде случаев авторы предполагают наличие остатков легких наземных жилищ. Таким образом они интерпретируют почти лишенные находок зоны вокруг оча-

га № 2 в 8-м культурном слое, очага № 1 в 7-м слое и асимметричное в плане полукруглое скопление, примыкающее к очагу в слое 3В. В последнем случае четкость очертаний распределения находок как будто указывает на наличие замкнутого пространства. Безусловно, не надо забывать, что выводы построены на материалах небольшого раскопанного участка, и стоило бы осторожнее говорить, например, о «парной позиции» очагов, учитывая неизвестное число и расположение подобных структур на не вскрытой раскопками площади.

Обитатели стоянки использовали для получения крупных заготовок дисковидные, левалуазские, одно- и двуплощадочные нуклеусы. Среди орудий — разнообразные бифасы, скребла, скребки, поперечные резцы. Большой серией представлены удлиненные микронуклеусы на двусторонне обработанных заготовках, полностью соответствующие распространенной на востоке Азии технике юбетсу. Интересна находка плиты-терочника со следами охры.

Разнообразны орудия из кости — наконечники (в том числе изделие с вкладышами в пазу), иглы, стерженьки, однорядный гарпун и др. Уникальное для палеолита явление — наличие артефактов из графитита, представленных изделиями со следами скобления (одно — с отверстием) и своеобразным карандашевидным предметом.¹

Заслуживают внимания наблюдения авторов о функциональной вариативности каменного инвентаря в зависимости от характера слоя или исследованного его участка. Так, в инвентаре 5-го культурного слоя при сохранении общих параметров индустрии (все палеолитические слои памятника в культурном плане однородны) отсутствуют клиновидные нуклеусы, зато имеется серия крупных ядрищ для отщепов и много скребел.

Следующая краткая глава повествует о многочисленных находках из верхних культурных слоев (1, 2, 2а, 3) памятника, практически полностью разрушенных в ходе строительных работ. Происходящие отсюда изделия из камня и керамику авторы относят к различным периодам эпохи неолита.

Вопросы реконструкции технологии обработки камня у обитателей стоянки находятся в

центре внимания 8-й главы книги. В начале раздела кратко рассмотрен вопрос о месте памятника в системе культур каменного века Северной Азии. Комплексы нижних слоев (3а–9) стоянки Большой Якорь I отнесены авторами к широко распространенному на востоке Сибири варианту позднего верхнего палеолита с листовидными бифасами. Обычно такие памятники обозначаются как дюктайская культура. При этом подчеркивается, что, судя по материалам Витима (местонахождения Коврижка II и III), развитие дюктайской традиции не прерывается здесь с началом голоцена. В сходном ключе трактует сейчас последовательность культурного развития на территории Северо-Восточной Азии все большее число исследователей (*Питулько, Павлова, 2010*).

Каменная индустрия памятника основана на использовании почти исключительно местного сырья, добывавшегося из ближайшего речного галечника. В то же время источник графитита был расположен за 60 км от стоянки. В комплексе слоя 3В преобладает приносное сырье — гиалодациты и андезиты-дациты. Особо отметим орудия из приносного горного хрусталя, встреченные в разных слоях стоянки.

Интересен вывод авторов о полифункциональном использовании бифасов, выступающих в роли орудий (ножей или скребел), нуклеусов для снятия отщепов и заготовок микроядрищ.

Наконец, итоговая глава работы посвящена реконструкции характера поселений палеолитических слоев. По данным анализа костных остатков, выделяются стойбища, обитаемые в период поздней осени–зимы (7-й и 8-й культурные слои). К этой группе авторы причисляют слой 9 с немногочисленными костями и вовсе лишенный костных остатков слой 3В. Для данных комплексов характерно обилие бифасов, резцов и микропластин.

Напротив, комплексы культурных слоев 4Б и 5 рассматриваются как следы весенних стоянок. Здесь в большей степени представлены скребла, меньше процент резцов, и в 5-м слое имеется серия крупных ядрищ. Однако в целом четкого дихотомического деления разносезонных комплексов по составу каменного инвентаря не получается. Так, к зимнему сезону года, судя по анализу фауны, можно отнести комплекс наиболее насыщенного находками 6-го культурного слоя с остатками шести очагов. При этом здесь имеются как многочисленные бифасы и резцы, так и крупные ядрища и уни-

¹ Пользуясь случаем, выражаю самую искреннюю признательность авторам рецензируемой книги за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией памятника.

фасиальные скребла. Авторы справедливо полагают, что в некоторых случаях возможно наложение следов обитания в разные сезоны года на одной поверхности.

Основные выводы исследования интересны, и в будущем стоило бы рассмотреть их в более широком южносибирском контексте, привлекая для сопоставления данные по планиграфии близких по хронологии и характеру культурного слоя аллювиальных памятников Забайкалья и Енисея.

Вместе с тем в монографии встречаются странные моменты. Прежде всего, чужеродной вставкой в тексте книги выглядят помещенные в главу 2 обширные пассажи теоретического плана со ссылками на гениальные труды некоего Щедровицкого. Да не обидятся на меня авторы, но все эти «парадигматические» и «синтагматические» характеристики, «схемы-конфигураторы», «онтологические схемы», «пазловая организация знания» и прочие философствования имеют косвенное отношение к археологии. Все-таки речь в книге идет о вполне конкретных вещах — реконструкции характера древних поселений на основе хорошо сохранившихся культурных остатков и воссоздания технологии обработки камня на базе ремонта. На практике весь набор используемых для анализа материалов памятника методических приемов и даже способы графического отображения результатов следуют в русле направления, давно и успешно развивающегося в мировой науке. Замечу, что как зарубежные, так и отечественные исследователи (не исключая автора этих строк) даже не слышали о факте существования Щедровицкого и его «московского методологического кружка», и это обстоятельство совершенно не сказалось на их работе.

Тяга к чрезмерно усложненной оригинальной терминологии свойственна представителям иркутской школы, правда, в большинстве случаев не без труда можно соотнести используемые термины с принятыми в обычной археологии. Но что такое «позиции акторов в радиусах позитивной топики» (с. 133), так и осталось для меня тайной. Очень жаль, что работа, посвященная интереснейшему конкретному материалу, замусорена большим числом фраз типа: «Где акты деятельности есть единицы

развития процессов деятельности, их связь задается кооперацией друг с другом» (с. 217).

Далее, примененный авторами способ отображения последовательности технологической цепочки использования и переделки изделий из камня в виде формулы в чем-то напоминает лапласовскую «аналитическую и структурную типологию» (*Laplace*, 1974). Этот прием, основанный на условной формализованной записи морфологических элементов артефакта, периодически появляется в археологии палеолита то в одной, то в другой стране, но еще не было случая, чтобы изобретенная с таким трудом сложная схема имела успех за пределами узкой конкретной исследовательской группы.

В заключение отмечу великолепный уровень издания, четкость многочисленных цветных фотографий и прекрасное качество графических иллюстраций. Будем надеяться на то, что книга Е. М. Инешина и А. В. Тетенькина привлечет внимание исследователей древностей Сибири к вопросам реконструкции облика поселений каменного века.

Васильев, 1990 — *Васильев С. А.* Актуальные проблемы исследования сибирских аллювиальных палеолитических стоянок // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.

Генинг, Петрин, 1985 — *Генинг В. Ф., Петрин В. Т.* Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985.

Гречкина, 1984 — *Гречкина Т. Ю.* Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

Клевезаль, 2007 — *Клевезаль Г. А.* Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М., 2007.

Константинов, 2001 — *Константинов А. В.* Древние жилища Забайкалья. Новосибирск, 2001.

Питулько, Павлова, 2010 — *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.

Разгильдеева, 2003 — *Разгильдеева И. И.* Планиграфия палеолитических жилищ Студеновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003.

Laplace, 1974 — *Laplace G.* Typologie analytique et structurale. Base rationnelle d'étude des industries lithiques et osseuses // Les banques de données archéologiques. Marseille, 1974.

Stevenson, 1986 — *Stevenson M. G.* Window on the past: archaeological assessment of the Peace Point site, Wood Buffalo National park, Alberta. Ottawa, 1986.

С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел палеолита

Опорная колонка древних культур Северной Америки

*M. L. Larson, M. Kornfeld, G. C. Frison (eds.). Hell Gap.
A Stratified Paleoindian Campsite at the Edge of the Rockies. Salt Lake City:
The University of Utah Press, 2009. 444 p.*

Более трех десятилетий назад в свет вышла монография известного американского археолога профессора Д. Фрисона «Доисторические охотники Высоких Равнин» (*Frison, 1978*), сразу же получившая признание в профессиональной среде и на долгие годы ставшая одним из основных трудов по палеоиндейским культурам континента. Это и неудивительно. Ведь именно в северо-западной части Скалистых Гор и их предгорий («Высоких Равнин»), на территории Вайоминга и прилегающих участков штатов Колорадо и Монтана, сосредоточены основные четко стратифицированные многослойные памятники, доставившие, помимо выразительных наборов каменного инвентаря, остатки фауны, следы искусственных конструкций, словом, все те данные, которые позволяют реконструировать образ жизни палеоиндейцев. Монография подводила итог многолетним полевым изысканиям автора, открывшего и раскопавшего ряд первоклассных стоянок (Эгейт Бейсин, Милл Айрон, Картер-Керр Макги, Хенсон, Хорнер, Колби и др.).

Инициированные Д. Фризоном изыскания были продолжены его учениками и последователями. Руководимый Д. Фризоном со дня основания департамент антропологии университета Вайоминга из скромного сугубо регионального учреждения превратился в один из ведущих центров североамериканской археологии с широкой сетью научных связей как в пределах США, так и в мире, не исключая нашей страны (см. *Васильев, 2004; Васильев и др., 2010*). Знаменательным моментом стало открытие в 2007 г. нового здания Института Фрисона — прекрасно оборудованного центра меж-

дисциплинарных исследований. Итог активно ведущихся изысканий подводит новое, уже третье, переработанное и многократно расширенное издание книги (*Kornfeld et al., 2010*).

Безусловно, подобные монументальные обобщающие труды должны опираться на серию изданий материалов опорных памятников. К числу таких объектов относится многослойная стоянка Хелл Гэп в Вайоминге. Памятник состоит из вытянувшихся по долине сухого ручья пунктов находок, обозначенных как местонахождения I, II и III (точнее, северная часть пункта III, называемая также пункт III_N). Пункт IV, доставивший только поздние археологические остатки, в работе не рассматривается. Местонахождение, первоначально обозначенное как пункт V, оказалось единым целым с южной частью пункта III, поэтому в книге оно фигурирует под именем пункт III_S/V.

О значении памятника лучше всего говорят слова составителей тома: «Хелл Гэп представляет собой одну из драгоценностей в истории североамериканской археологии, но среди памятников, составляющих основу палеоиндейской археологии, это до сих пор одна из наименее понятных и плохо опубликованных стоянок. Ни одна другая стоянка из числа раскопанных палеоиндейских памятников Северной Америки не доставила данных обо всех культурных комплексах, известных на Великих Равнинах в интервале между 11000 и 8000 лет назад... Хелл Гэп является эталонной стоянкой для трех новых палеоиндейских культурных комплексов, выделенных в 1960-е гг. — фредерик, хелл гэп и гошен» (с. 3). Особо отметим, что Хелл Гэп представляет собой остатки многочисленных жилых стоянок (большинство палеоиндейских памятников региона — это места забоя и раз-

делки туш животных), причем в некоторых культурных слоях были вскрыты следы искусственных сооружений.

Раскопки на памятнике вели различные коллективы исследователей, данные были рассеяны, коллекции неоднократно перемещались (с неизбежными утратами), и в итоге о стоянке до недавнего времени можно было судить лишь по ряду предварительных информационных заметок (*Irwin-Williams et al.*, 1973). Увы, это распространенная судьба наиболее сложных и богатых материалами памятников. Любому специалисту по палеолиту на память приходит печальная участь Мальты и Костенок I.

Итак, первую кампанию раскопок в 1960–1966 гг. возглавили исследователи Гарвардского университета (Г. Ирвин и его сестра, Ц. Ирвин-Уильямс) в сотрудничестве с работавшим тогда в Вайоминге Д. Эгоджино и при постоянных геологических консультациях К. Вэнс Хейнза. К сожалению, смерть Г. Ирвина прервала работу над итоговой монографией о памятнике. На протяжении 1970–1980-х гг. стоянку неоднократно посещали местные археологи, вели здесь сборы и шурфовку. Коллекции и полевая документация 1960-х гг. после многочисленных перипетий оказались в конце концов в университете Вайоминга, где новое поколение археологов смогло начать их обработку. Начиная с 1990 г. полевые исследования были возобновлены университетом Вайоминга под руководством составителей рецензируемого тома. Тогда были вскрыты старые раскопы, заложена серия стратиграфических траншей, уточнена стратиграфия памятника и корреляция различных пунктов находок. На пункте I развернулись раскопки.

Главы книги объединены в три тематических блока. Вначале следуют две статьи, посвященные общей характеристике стоянки и особенностям истории ее изучения. Во вводной главе М. Корнфельд и М. Л. Ларсон останавливаются на различиях в подходе и применяемой методике раскопок во время первой и второй кампании раскопок. Р. Кнудсон дает подробную хронику полевых работ 1960-х гг., приводит портреты исследователей того времени.

Далее идет серия статей ученых-естественников, раскрывающая особенности строения и хронологии отложений на памятнике и представляющая палеогеографические реконструкции для финала плейстоцена—раннего голоце-

на региона. Ведущий специалист по геологии палеоиндейских стоянок, К. Вэнс Хейнз, приводит суммарное описание геологической ситуации и обрисовывает геохронологическую привязку различных культурных комплексов. Р. Рейдер останавливается на характеристике погребенных почв, встреченных в разрезах памятника. К. Миллер и П. Гольдберг излагают результаты микроморфологического анализа отложений. Определения фитолитов и их значение для реконструкции палеоклиматов представлены в статье Г. Фредлунда, фауне гастропод посвящена заметка К. Джасса и Д. Мида. Р. А. Брайсон и Р. Ю. Брайсон делают попытку соотнести данные по разрезу Хелл Гэп с палеоклиматическими кривыми для Северо-Американского континента.

Наконец, основная часть тома состоит из статей, посвященных фауне, планиграфии и особенностям каменного инвентаря стоянки. Открывает раздел исследование костных остатков, происходящих из раскопок 1960-х гг., проведенное Д. Рапсоном и Л. Нивен. На основании изучения характеристик зубной системы бизонов установлена сезонность обитания различных комплексов памятника. Продолжает тему Д. Байерс, определивший фауну из двух горизонтов слоя культуры эгейт бейсин на пункте II. Э. Нелл, М. Хилл и А. Изета описывают комплекс с наконечниками эден из пункта III/V. Далее Э. Нелл представляет материалы культуры коди (горизонты с наконечниками альберта и эден-скотсблаф) на пункте I. М. Мюниц публикует результаты трасологического анализа орудий из комплексов культуры коди. Следы сработанности интерпретируются как свидетельства охотничьей деятельности, разделки добычи, работы по шкуре и дереву. Находки из двух горизонтов, относимые к поздней палеоиндейской культуре фредерик на пункте I, стали темой статьи Э. Барнза.

Последующие статьи посвящены различным аспектам изучения всей коллекции каменного инвентаря памятника. М. Л. Ларсон описывает технологию обработки камня на палеоиндейских комплексах пункта I. М. Корнфельд останавливается на типологии каменных орудий, используя при этом систему описания и классификации, основанную не на целостных формах вещей, а на характере рабочих элементов. Нельзя не заметить, что в нашей археологии близкий по характеру подход был в свое время предложен И. И. Коробковым (*Коробков*,

Мансуров, 1972), но опыты подобного рода, как правило, успеха не имеют.

Известный знаток технологии расщепленного камня, Б. Бредли, анализирует характер изготовления метательных наконечников и бифасов. Японский исследователь Ю. Хашизуме изучил следы слома наконечников в ходе их использования на охоте. Д. Бамфорт и М. Беккер провели трасологическое исследование выборки орудий, установив доминирование процессов обработки шкур во всех комплексах памятника и идентифицировав следы насаживания скребков на рукоятку.

М. Л. Ларсон озаглавила заключительную главу книги «Хелл Гэп: 50 лет спустя». В ней автор подводит итоги изложенных выше исследований и обрисовывает основные нерешенные проблемы изучения стоянки.

В самом общем виде стратиграфия памятника рисуется следующим образом (обозначения слоев идут в алфавитном порядке снизу вверх). Самые нижние горизонты (А–D) позднплейстоценового возраста не содержат культурных остатков. Лишь единичные угли и кости бизона, обнаруженные на разных пунктах на уровне кровли слоя D_2 (как и случайная находка наконечника кловис), могут указывать на возможное присутствие здесь человека в эпоху кловис, порядка 11,3–11,0 тыс. лет назад.

Основные ранние палеоиндейские остатки рубежа плейстоцена и голоцена связаны с толщей слоев E_1 – E_3 . На уровне нижнего слоя E_1 формируется луговая почва, сопоставляемая с сухим и холодным эпизодом молодого дриаса (11–10 тыс. лет). На пункте I зафиксированы следы культуры гошен, перекрываемой остатками культур фолсом и мидленд (большинство исследователей считает, что наконечники типа мидленд представляют собой всего лишь незаконченные наконечники фолсом, брошенные до нанесения желобчатого скола). В комплексах гошен и фолсом преобладают остатки бизона; вероятно стоянка была обитаема во время осени–зимы.

Новейшие исследования говорят о том, что речь скорее идет о горизонтах отложения артефактов, чем о собственно культурных слоях. Детальный анализ микростратиграфии и планиграфии показал, что материалы гошен, мидленд, фолсом и эгейт бейсин на пункте I местами встречены практически на одной поверхности, занимая различное пространственное положение и будучи частично смешанными

(Sellet, 2001). Ведущиеся сейчас полевые исследования призваны прояснить эти вопросы. М. Л. Ларсон указывает на возможность альтернативных объяснений данного феномена. Можно предполагать при низкой скорости седиментации существование здесь длительно экспонированной дневной поверхности, осваивавшейся различными группами палеоиндейцев. Наконечники могли смешиваться за счет эрозии или втаптывания почвы обитателями стоянки и животными. Нельзя исключать и сбора носителями той или иной культуры наконечников предшествующих эпох, подобранных на поверхности.

Литологические слои E_2 – E_3 , как и вышележащий слой F, К. Вэнс Хейнз относит к пребореалу и бореалу (анатермальное время по североамериканской шкале). Около 10 тыс. лет назад местность освоили носители культуры эгейт бейсин, чьи следы на нескольких пунктах памятника стратиграфически связаны с верхней частью слоя E_1 и подошвой слоя E_2 . Вероятно, речь идет о ряде эпизодов обитания. Судя по результатам анализа фаунистических остатков, бизоны добывались неподалеку от стоянки.

Несколько позднее (в интервале 10,2–9,6 тыс. лет) здесь появляются группы культуры хелл гэп. Их следы зафиксированы на уровне слоя E_3 и представлены серией кратковременных охотничьих лагерей.

Вышележащие отложения (слой E_4) отмечены формированием палеопочвы, датированной временем около 9,5 тыс. лет. В этих отложениях залегают остатки культуры коди, представленные комплексами с наконечниками альберта с датами от 9,4 тыс. лет. В пункте I изучены остатки кратковременного лагеря со своеобразной каменной индустрией. Если в абсолютном большинстве культурных слоев других культур преобладают изделия из местного кремня и кварцита, распространенных на прилегающей возвышенности Хартвилл, то в слое альберта доминирует экзотический кремень, принесенный более чем за 200 км от стоянки.

В слоях E_5 и E_6 также имеются остатки культуры коди, идентифицируемые здесь по наличию наконечников двух типов — эден и скотсблаф, с датировками от 9,4 до 8,6 тыс. лет. После формирования погребенной почвы в кровле слоя E_6 и эрозионного перерыва следуют отложения слоя F, где на пункте III/V зафиксированы следы ряда культурных горизонтов с на-

конечниками эден. Отличительной чертой этих поселений охотников на бизонов, оленей и кроликов является сезон обитания — от весны до осени, в то время как практически все остальные поселения функционировали в зимний период.

Столщей слоя F связаны следы культуры фредерик, датированные временем около 8,7 тыс. лет. В данном случае мы имеем дело с остатками долговременных поселений охотников на бизона. Особенностью данного комплекса с обилием наконечников и бифасов является широкое использование термической обработки камня при расщеплении, свидетельством чему служат вскрытые при раскопках специализированные очаги. В верхней части слоя F отмечены редкие следы присутствия позднейшей палеоиндейской культуры — ласк, которую некоторые авторы относят уже к началу следующей, архаической, эпохи в археологии Северной Америки.

После очередного перерыва в осадконакоплении и эрозионного вреза в долине Хелл Гэп, произошедшего между 7,5 и 6,5 тыс. лет, начинается формирование толщи слоя G, включающего поздние археологические остатки вплоть до исторического периода.

Завершает книгу серия приложений к главам, содержащая необходимые дополнительные сведения. Раздел начинается с воспоминаний Д. Дюгвида об обстоятельствах открытия им стоянки в далеком 1958 г. Далее следует рассказ о начале раскопок в Хелл Гэп, принадлежащий перу первого исследователя памятника, Д. Эгоджино. Р. Кнудсон в соавторстве с М. Корнфельдом составила полный список участников полевых работ за все годы, а также опись архивных данных по кампании раскопок 1960-х гг., хранящихся ныне в университете Вайоминга. В книгу помещены подготовленные в свое время Г. Ирвином для монографии по стоянке планы вскрытых на пункте I культурных слоев. К. Вэнс Хейнс публикует список радиоуглеродных определений для различных комплексов и пунктов памятника, включая датировки, не попавшие в статьи и заметки. Им же дано детальное описание разрезов по раскопам, шурфам и стратиграфическим траншеям.

Д. Рапсон и Л. Нивен представили обширный статистический материал по фаунистическим остаткам из пункта I, включающий серию таблиц (распределение остатков бизона по частям скелета, картина возрастного состава животных по данным анализа зубной системы). Д. Миллер приводит результаты петрографического определения местных и приносных пород камня, использовавшихся обитателями стоянки.

Б. Бредли подробно раскрывает применяемую им систему кодирования признаков для описания бифасов и наконечников, а Ю. Хашизуме — условные обозначения для фиксации следов поломки на наконечниках. Эти приложения, несомненно, будут представлять интерес для специалистов по технологии обработки камня. Завершают книгу результаты определения немногочисленных остатков грызунов, представленные Д. Уолкером.

Безусловно, издание вынужденно носит отрывочный характер. Составители предпочли путь постепенного введения в научный оборот информации о памятнике по мере готовности, не ожидая дня, когда многочисленные авторы подготовят свои разделы целиком. Не будем забывать, что перед нами лишь первый том из планируемой серии публикаций, и в итоге мы надеемся получить полную картину данных по основной колонке палеоиндейских культур для всего Северо-Американского континента.

- Васильев, 2004* — *Васильев С. А.* Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.
- Васильев и др., 2010* — *Васильев С. А., Березкин Е. Ю., Козинцев А. Г.* Сибирь и первые американцы. 2-е изд. СПб., 2010.
- Коробков, Мансуров, 1972* — *Коробков И. И., Мансуров М. М.* К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий // Палеолит и неолит СССР. Т. 7: Посвящается 60-летию П. И. Борисковского. М., 1972 (МИА; № 185).
- Frison, 1978* — *Frison G. C.* Prehistoric hunters of the High Plains. New York, 1978.
- Irwin-Williams et al., 1973* — *Irwin-Williams C., Irwin H., Agogino G., Haynes C. V. Jr.* Hell Gap: Paleo-Indian occupation on the High Plains // *Plains anthropologist*. 1973. Vol. 18. No. 59.
- Kornfeld et al., 2010* — *Kornfeld M., Frison G. C., Larson M. L.* Prehistoric hunter-gatherers of the High Plains and Rockies. 3rd ed. Walnut Creek, 2010.
- Sellet, 2001* — *Sellet F.* A changing perspective on Paleoindian chronology and typology: a view from the Northwestern Plains // *Arctic anthropology*. 2001. Vol. 38. No. 2.

*С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел палеолита*

Сотрудничество Восток—Запад

Международная научная конференция «История и практика археологических исследований», посвященная 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына

Конференция, посвященная 150-летию юбилею выдающегося русского археолога, одного из основоположников современной археологической науки в нашей стране, проходила в Санкт-Петербурге 26–30 ноября 2008 г. Ее организаторами выступили Санкт-Петербургский государственный университет (Музей истории СПбГУ, Исторический факультет, Кафедра археологии), Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж, в сотрудничестве с Институтом археологии РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН. В состав Программного комитета конференции вошли: Л. А. Вербицкая — президент СПбГУ, академик РАО; И. А. Горлинский — первый проректор по учебной и научной работе СПбГУ; А. Ю. Дворниченко — декан исторического факультета; Н. А. Макаров — директор ИА РАН; В. И. Молодин — зам. директора ИАЭ СО РАН; М. Б. Пиотровский — директор Государственного Эрмитажа. Оргкомитет возглавили директор ИИМК РАН, заведующий кафедрой археологии, член-корреспондент РАН, профессор Е. Н. Носов и директор Музея истории СПбГУ, доцент кафедры археологии И. Л. Тихонов. Финансовую поддержку конференции оказали Исторический факультет СПбГУ, Российский гуманитарный научный фонд (грант 08-01-14013г) и Санкт-Петербургский научный центр РАН (грант 23 раздела 3.4)

Открытие конференции и пленарное заседание прошло 26 ноября в Актовом зале СПбГУ.

© И. Л. Тихонов, 2012

С приветствиями и пожеланиями успешной работы к участникам обратились первый проректор по учебной и научной работе СПбГУ профессор И. А. Горлинский и декан Исторического факультета профессор А. Ю. Дворниченко. От имени дирекции и сотрудников Института археологии РАН в Москве приветственный адрес зачитала ученый секретарь института, доктор исторических наук Е. Г. Дэвлет. В адресе отмечалась роль А. А. Спицына как одного из основоположников отечественной археологии, внесшего огромный вклад в становление методики полевых исследований, формирование современных представлений о задачах и методах археологии как особой науки, принадлежащей к кругу исторических дисциплин. Председатель Оргкомитета конференции член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Александр Андреевич Спицын (размышления о научном творчестве)», в котором убедительно показал, что А. А. Спицын является одной из наиболее значимых и признанных фигур отечественной археологии, войдя в ее историю прежде всего как фактолог, вещевед, знаток и систематизатор обширного конкретного археологического материала, а не автор обобщающих и синтезирующих исследований. И. Л. Тихонов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад малоизвестным или новым, полученным в ходе работы с архивными источниками сведениям о жизни и научной деятельности А. А. Спицына в Санкт-Петербурге, которая проходила в стенах Императорской Археологической комиссии, Русского Археологического общества.

логического общества и Петербургского университета. Л. С. Клейн (Санкт-Петербург) рассмотрел научное творчество Спицына через призму истории мировой археологии, сопоставив его деятельность с рядом ведущих фигур европейской археологии конца XIX—начала XX вв.: М. Гернесом, Г. Коссиной, Ж. Дешелеттом и особо отметив приоритеты Спицына в России по части использования понятия «археологическая культура» и картографического метода. С. В. Кузьминых (Москва) и И. Е. Сафонов (Воронеж) в совместном докладе «А. А. Спицын и отечественная археология эпохи раннего металла» показали, что вклад ученого в изучение эпохи палеометалла в отечественной историографии не оценен в должной мере, хотя ему принадлежали одна из схем культурного развития Европейской России в это время и первые сводки и обобщения по памятникам фатьяновской, сейминской и абашевской культур бронзового века.

Доклады Б. А. Конникова (Омск) «А. А. Спицын и археология Западной Сибири», Т. Б. Никитиной (Йошкар-Ола) «Вклад А. А. Спицына в изучение средневековых древностей Вятского края» и Е. Ю. Захаровой (Воронеж) «Роль А. А. Спицына в развитии воронежской археологии» были посвящены анализу вклада и значительной роли ученого в становлении региональной археологии и изучении памятников отдельных губерний Российской империи.

А. Д. Столяр (Санкт-Петербург) рассказал о взаимоотношениях М. И. Артамонова с Александром Андреевичем Спицыным, которого он всегда числил среди своих главных учителей. Также докладчик на примере Спицына и других выходцев из провинциальной среды показал, какую важную роль они играли в создании и развитии петербургской археологической школы. И. В. Тункина (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад истории создания на рубеже 1920–1930-х гг. Готской группы ГАИМК и участию в ее работе А. А. Спицына. А. Д. Пряхин (Воронеж) в своем докладе подвел итог почти тридцатилетнему периоду исследований по историографии археологии в Воронежском государственном университете.

Музеем истории СПбГУ была подготовлена выставка о жизни и научной деятельности А. А. Спицына, первыми посетителями которой стали участники конференции. На выставке были представлены подлинные фотографии, полученные от дочери ученого — Н. А. Спицы-

ной, полевые документы учеников А. А. Спицына, его научные труды и многие другие материалы.

27 ноября в Петровском (Сенатском) зале Здания Двенадцати коллегий продолжила тематику работы первого дня конференции секция «А. А. Спицын: страницы биографии и научное наследие». Она открылась докладом В. С. Бочкарева (Санкт-Петербург) «А. А. Спицын и бронзовый век Восточной Европы», в котором докладчик очень высоко оценил роль ученого в формировании представлений о начале и динамике развития бронзового века на Восточно-Европейской равнине.

Д. Г. Савинов (Санкт-Петербург) в своем докладе «Большие курганы — склепы Минусинской котловины (по следам одной работы А. А. Спицына)» показал, что, хотя выдающийся археолог специально и не занимался древностями Сибири, ряд его наблюдений и предположений, в частности, о том, что подобные погребения могли иметь характер родовых склепов, используемых для нескольких поколений, стал концептуальной основой всего последующего изучения этого вида археологических памятников.

Совместный доклад М. Г. Гусакова и Г. К. Патрик (Москва) был посвящен проблемам изучения Дьяковской культуры, научная характеристика которой впервые была дана А. А. Спицыным, он же выделил и три ее главных признака — сетчатая керамика, грузики и городища. В итоге авторы доклада пришли к выводу, что, несмотря на выявление значительного числа новых памятников, распространенных на значительно большей территории, чем было известно Спицыну, и корректировку его хронологии, во многом современные исследователи не слишком далеко ушли от первоначальных выводов, сделанных Спицыным.

Сотрудники Музея истории СПбГУ О. Л. Бильвина и И. Л. Тихонов рассказали о работе, проведенной музеем, по выявлению и подготовке к публикации эпистолярного наследия А. А. Спицына, хранящегося в различных архивах Санкт-Петербурга и Москвы. С. В. Кузьминых (Москва) коснулся целого ряда проблем российской археологии, освещенных в переписке А. А. Спицына с известным финским археологом А. М. Тальгреном, которая была выявлена им в архиве Хельсинкского университета. С. П. Щавелев (Курск) посвятил свой доклад письмам А. А. Спицына

об изучении среднеазиатских древностей, написанным в 1928–1929 гг. М. В. Воеводскому.

Целая группа сообщений была посвящена роли А. А. Спицына в изучении древностей и становлении археологии в российских регионах. Среди них были доклады О. М. Мельниковой (Ижевск) «Становление профессиональной археологии в российской провинции в начале XX в.: А. А. Спицын и музей Сарапульского земства (по материалам ЦГА УР)»; Е. М. Черных (Ижевск) о научном наследии ученого, посвященном памятникам Удмуртского Прикамья; И. В. Ислановой (Москва) о работах Спицына, связанных с проблематикой изучения древностей раннего железного века Верхнего Поволжья и Валдая; Е. В. Тороповой (Новгород) о вкладе выдающегося археолога в изучение новгородских древностей.

В. Л. Мельников (Санкт-Петербург) рассказал о взаимоотношениях А. А. Спицына с выдающимся художником и общественным деятелем Н. К. Рерихом, для которого он стал одним из главных наставников в археологии. А. Л. Мусихин (Нижний Новгород) проанализировал многочисленные и разнообразные публикации А. А. Спицына по истории Вятки, появившиеся на страницах местных «Губернских ведомостей». М. Т. Кашуба (Кишинев) показала отправное значение работы Спицына «Скифы и Гальштатт» в современных исследованиях по этой тематике в Северном Причерноморье. О. В. Игнатьева (Пермь) посвятила свой доклад работам Спицына по изучению пермского звериного стиля, а М. В. Богданов (Санкт-Петербург) — семантической дешифровке фигурки медведя со змеями из публикации ученого. В. Г. Пуцко (Калуга) прочитал доклад «Средневековые каменные кресты в освещении А. А. Спицына и в русской научной традиции XIX–XX вв.».

Учитывая тот факт, что в 1909 г. А. А. Спицын стал первым преподавателем курса по русской археологии, была организована секция «Проблемы археологического образования». В ходе ее работы прозвучали доклады Е. Н. Жуковой (Тверь) об изучении археологии в Тверском государственном университете с 1920-х гг. до наших дней и Е. Ф. Синельниковой (Самара) об археологических исследованиях Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания, существовавшего при Самарском государственном университете в 1919–1929 гг. Е. А. Молев (Нижний Новгород)

на примере Китейской экспедиции рассказал о значительной роли археологической практики в процессе подготовки историков. А. Н. Бесуднов (Липецк) затронул проблемы преподавания археологических дисциплин в системе высшего педагогического образования. Доклад И. Е. Сафонова и М. В. Цыбина (Воронеж) был посвящен интересному опыту использования ресурсов мультимедиа в преподавании курса «Археология России» в Воронежском государственном университете.

Секция «Практика археологических исследований» работала 27 ноября в Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН. На ней были представлены доклады, отражающие современные исследования по разнообразным темам, во многих случаях представляющие продолжение и развитие идей и постановки проблем, восходящих к творчеству и наследию А. А. Спицына. Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил) проанализировал в своем докладе случаи находок изделий из костей человека в археологических памятниках от эпохи камня до периода железного века и их роль в обрядах и магических ритуалах. С. В. Сотникова (Тобольск) на основании сведений, содержащихся в древнеиндийском эпосе «Ригведа», и изучения могильников андроновской культуры предприняла попытку реконструкции представлений о мироустройстве, бытующих у племен данной культуры. В. А. Иванов (Уфа) посвятил свой доклад составлению культурно-ландшафтной карты Приуралья в эпоху раннего железного века. Доклад М. Н. Дараган (Киев) и Н. Снытко (Мюнхен) был посвящен проблеме поиска хронологических реперов и сопоставления памятников Восточно-альпийского гальштатта и раннескифских памятников Среднего Поднепровья. О. В. Шаров (Санкт-Петербург) рассказал об истории открытия и исследования склепов с росписями на Госпитальной улице в Керчи в начале XX в. и сделанных в них находках предметов полихромного стиля эпохи переселения народов. Д. Е. Чистов (Санкт-Петербург) коснулся вопроса истории изучения и современных исследованиях античного поселения на острове Березань.

О. А. Щеглова (Санкт-Петербург) и В. Е. Родинкова (Москва) посвятили свои доклады проблемам, связанным с выделением А. А. Спицыным набора раннесредневековых украшений из Поднепровья под именем «древностей антов». Н. В. Жилина (Москва) остановилась

на вопросах хронологии и реконструкции скандинавского убора на Руси. А. А. Красноперов (Ижевск) коснулся проблем изучения эпохи конца раннего железного века—начала средневековья в Прикамье. И. В. Стасюк (Санкт-Петербург) рассказал о последних исследованиях недавно обнаруженного могильника у поселка Ополе, оставленного небольшой группой населения, заметно отличающейся от основной массы памятников Ижорского плато. С. Н. Травкин (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад монетным находкам в связи с проблемами исторической географии XII—XIII вв. одного из регионов Юго-Восточной Европы, расположенного между Днепром, Карпатами и устьем Дуная. К. М. Плоткин (Санкт-Петербург) познакомил участников конференции с проблемами выделения и сохранения археологического наследия Санкт-Петербурга.

29 ноября в Зале заседаний Государственного Эрмитажа состоялось заседание секции «История отечественной археологии». Открыл заседание заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа доктор исторических наук А. Ю. Алексеев. А. С. Смирнов (Москва) выступил с докладом, посвященным сложению системы археологических организаций в Российской империи XIX в., которое было взаимосвязано с имперской политикой правительства. Ю. Ю. Пиотровский (Санкт-Петербург) прочитал доклад о роли А. А. Спицына в развитии полевой методики отечественной археологии в конце XIX—начале XX в., а И. А. Сорокина (Москва) остановилась на начале складывания системы регламентации полевых археологических исследований в России, происходившей в XIX столетии. Д. Д. Елшин (Санкт-Петербург) рассказал о раскопках Императорской Археологической комиссии в Киеве в 1908—1914 гг., в ходе которых были изучены фундаменты Десятиной церкви, а Е. Г. Панкратова (Санкт-Петербург) — о взаимоотношениях И. Е. Забелина и В. Г. Тизенгаузена на основании их переписки. Е. Ю. Басаргина (Санкт-Петербург) познакомила слушателей с неосуществленными проектами создания Русских Археологических институтов в Афинах и Риме, Е. Н. Груз-

дева (Санкт-Петербург) — с деятельностью А. П. Лебединской, участвовавшей в 1912—1913 гг. в раскопках Н. И. Репникова в Старой Ладого. Д. Ю. Ефремова (Йошкар-Ола) посвятила свой доклад истории изучения святилищ Ветлужско-Вятского междуречья, у истоков которого стоял А. А. Спицын. Н. Н. Жервэ (Санкт-Петербург) осветила три историко-археологические экспедиции Новгородского музея, проведенные в 1928—1931 гг. под руководством известного краеведа С. М. Смирнова. О. С. Свешникова (Омск) рассмотрела историю создания в 1930-е гг. коллективом советских археологов монографии по истории первобытной культуры.

По окончании заседания для его участников были проведены экскурсии по выставке археологических находок на территории Армении «У подножья Арарата» и особым кладовым Государственного Эрмитажа.

В заключительный день работы конференции — 30 ноября состоялась автобусная экскурсия в Старую Ладого, которую провели научный сотрудник ИИМК РАН К. А. Михайлов и заместитель директора по научной работе Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника А. А. Селин. Участники экскурсии посетили археологические экспозиции музея, расположенные в Воротной башне и каменном доме купцов Калязиных; осмотрели Каменную крепость, Георгиевский собор, Земляное городище и Успенский монастырь с церковью Успения Богородицы XII в. В ходе экскурсии ее участники также посетили Смоленское православное кладбище Санкт-Петербурга, где, почтив память выдающегося русского археолога, возложили венок и цветы на могилу А. А. Спицына.

Всего на конференции было представлено 56 докладов из 70 заявленных. В ее работе приняли участие более 60 специалистов из России, Украины, Казахстана, Молдавии, Венгрии представляющих различные научные центры: академические и отраслевые научно-исследовательские институты, университеты, музеи и другие организации. Материалы конференции изданы Издательством СПбГУ.

*И. Л. Тихонов
Россия, Санкт-Петербург
Музей истории СПбГУ*

История науки

Вклад С. Н. Замятнина в изучение палеолита Кавказа

И. М. Бухтоярова¹

Полевая деятельность С. Н. Замятнина всегда охватывала очень широкий диапазон памятников — как в хронологическом отношении, так и в территориальном. 30-е гг. XX в. отмечены успешными археологическими экспедициями С. Н. Замятнина на Черноморском побережье и в Западной Грузии (*Васильев*, 2008. С. 43). Он не раз отмечал в своих работах важность изучения кавказских памятников в проблематике исследования палеолита СССР (*Замятнин*, 1950а. С. 127–139; 1961б. С. 67–118).

Еще начиная с середины 1920-х гг. ученый собирал в своем архиве самые разнообразные материалы по Черноморскому региону — литературу, карты, фотографии и т. д. Сохранились его заметки и выписки о раскопках К. С. Мережковского в Крыму, об открытиях Г. А. Бонч-Осмоловского в Киик-Коба (НА ИИМК РАН, РА, ф. 69, д. № 69). С 1934 г. и в течение пяти последующих лет С. Н. Замятнин возглавляет Закавказскую, затем Кавказскую и Причерноморскую археологические экспедиции Института антропологии и этнографии АН СССР (с 1935 г. он назывался Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР, с 1937 г. — Институтом этнографии АН СССР). Раскопки 1934 г. проводились на средства, ассигнованные Абхазским научно-исследовательским институтом краеведения (*Замятнин*, 1937а. С. 3). В экспедиции приняли участие

М. М. Иващенко и Л. Н. Соловьев (О работах..., 1934), в 1935 г. — М. З. Паничкина, В. Щербаков, А. П. Краснов, А. Н. Каландадзе и А. Г. Волченко.

Первые два года работы экспедиции С. Н. Замятнина были посвящены, в основном, разведкам и обследованию открытых местонахождений. Два последних — стационарным раскопками работам в пещерах, содержащих отложения эпохи палеолита. Археологические исследования на Черноморском побережье потребовали специального изучения четвертичных отложений (в окрестностях Сухуми и Очемчири). Поэтому в 1935 г. на раскопках побывали В. И. Громов, Г. Ф. Мирчинк и Н. О. Ласкорунская (*Ласкорунская*, 1936. Д. 13–16). В 1936 г. геологические исследования были развернуты и велись специальной экспедицией Геологического института АН СССР под руководством Е. В. Шанцера по поручению советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA).

Геологические условия залегания остатков, по мнению С. Н. Замятнина, представляли чрезвычайный интерес. В ряде пунктов им была прослежена связь различных по возрасту находок с древними морскими террасами. Ученый отмечал, что «большинство открытых местонахождений залегают в делювиальных отложениях и в пещерных навесах, представляющих собой ненарушенный культурный слой» (*Замятнин*, 1937а. С. 4). Таким образом, все культурные остатки располагаются в условиях, не допускающих разрушения или перемещения культурного слоя.

¹ Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет, кафедра Зарубежной истории.

В ходе археологических исследований С. Н. Замятнина в Сухуми в окрестностях горы Яштух древнепалеолитические находки ашельского (клектонского — по С. Н. Замятнину) типа были открыты на пятой (80–100-метровой) береговой террасе в различных слоях (Там же. С. 12). Оказалось, что в то время, как ашельские орудия встречались на пятой (80–100-метровой) террасе, орудия мустьерского облика, более поздние, локализовались на третьей (30–40-метровой) террасе. Таким образом, характер залегания материалов уже сам по себе становится критерием для определения их археологического возраста.

Среди ашельских орудий Абхазии встречались грубые массивные кремневые отщепы широких и неправильных очертаний, сколотые с дисковидного нуклеуса. Из этих отщепов путем грубой обработки изготавливались массивные скребла и остроконечники.

Верхнепалеолитический материал на Черноморском побережье Кавказа и в Абхазии был обнаружен в слоях второй (15–20-метровой) террасы и на поверхности третьей и пятой террас (Там же. С. 16). Очевидно, выбор места для стоянок в верхнем палеолите имел иные критерии, по сравнению с выбором мест для проживания людей в ашельский и мустьерский периоды. По своим формам, особенно нуклевидным, абхазский верхний палеолит сближается с пещерными стоянками той же эпохи, известными в Западной Грузии и в Крыму.

Открытие большой группы памятников эпохи раннего палеолита на Черноморском побережье и в Абхазии позволило впервые заявить о том, что территория нашей страны была заселена в более древний период, чем мустьерское время. Кроме того, при работах в Абхазии в 1934–1936 гг. С. Н. Замятниным была разработана методика поисков открытых местонахождений шелльско-ашельского возраста, легшая в основу дальнейшего изучения нижнего палеолита на Кавказе (*Любин, Формозов, 1956. С. 3*).

В результате работ 1934–1938 гг. экспедиции С. Н. Замятнина удалось обнаружить около 40 палеолитических местонахождений, в том числе ряд верхнепалеолитических и некоторые более позднего времени (*Замятнин, 1937в. Л. 51*). Из них 33 местонахождения были расположены в Абхазии, где основные работы велись в 1934–1935 гг.

По характеру каменного инвентаря С. Н. Замятнин разделил все памятники на три большие группы (*Замятнин, 1937а. С. 3*):

1) нижнепалеолитические, домустьерские местонахождения (ашель, клектон) — 10 памятников;

2) мустьерские местонахождения — наиболее многочисленные — 23 памятника;

3) верхнепалеолитические — 9 памятников.

В процессе изучения и накопления материалов по палеолиту Кавказа С. Н. Замятнин выделил два региона (Азово-Черноморский и Абхазский) и уточнил количество открытых местонахождений: в 11 пунктах установил наличие остатков ашельской эпохи (по С. Н. Замятнину — «позднешелльской-ашельской»), в 27 — мустьерской и в 12 — верхнепалеолитической эпохи (*Замятнин, 1961б. С. 71*). Все три группы были подробно им охарактеризованы.

К первой, наиболее ранней древнепалеолитической группе местонахождений относились, прежде всего, Яштухское, наиболее богатое и тщательно изученное, затем Кюрдере, Бырц, Гвард, Апианча, Колхида, Ачигвары и др. С. Н. Замятнин отмечал, что в ряде пунктов в 1935 г. были собраны ручные рубила — типичное орудие древнего палеолита. Но наиболее многочисленный инвентарь этих местонахождений составляли массивные отщепы треугольной формы, остроконечники, скребла, а также большое количество нуклеусов. Характерными чертами этой группы являлись: массивность кремневых изделий, обработка не ретушью, а техникой грубого скалывания, применяющегося в технике изготовления ручного рубила. На основании выделенных признаков, С. Н. Замятнин отнес местонахождения первой группы к древнему палеолиту.

Вторая хронологическая группа была представлена рядом местонахождений с характерным мустьерским инвентарем: Ахабиюк, Келасури, Лечкоп, Эшеры и др. В состав коллекций входили скребла, остроконечники, треугольные тонкие пластины, диски и двусторонние орудия. Среди всех местонахождений С. Н. Замятнин выделил Ахабиюк, которое датировал позднемустьерским временем. «Кремни этого местонахождения чрезвычайно тонкие, очень изящной формы, крупных размеров, с тщательно обработанной ударной площадкой» (Там же. С. 72).

Верхнепалеолитические памятники Кавказа были встречены С. Н. Замятниным в несколь-

ких пунктах: Новые Гагры, Верхняя Наа, Захаровка, Моква. Значительный интерес представляют его выводы о характере культурного слоя этих памятников: «в отличие от древнепалеолитических и мустьерских местонахождений, которые в свое время претерпели более или менее значительное перемещение, ...верхнепалеолитические остатки находятся в совершенно непоколебленном состоянии. Так, например, в Гали залежавшие на очень небольшой глубине находки (всего 10–15 см от поверхности), чрезвычайно густо насыщали слой и наряду с более крупными орудиями и обломками давали мелкие и мельчайшие осколки и чешуйки кремня» (Там же).

Таким образом, работы С. Н. Замятина в Абхазии имели большое значение, так как позволили выявить группу домустьерских памятников, изучить геологические закономерности их размещения и присущие им особенности обработки кремня.

С. Н. Замятину принадлежит видное место в исследовании памятников палеолита на территории Грузии, где отмечались, благодаря карстовым пещерным стоянкам, многочисленные находки каменных орудий и палеонтологических остатков. К изучению палеолитических пещер Западной Грузии (Имеретии) он приступил в 1934 г.

Всего в Мгвимеви С. Н. Замятиным было исследовано семь навесов и гротов (из них только в четырех были обнаружены кремневые остатки). Так, в навесе № 1 (длина — 40 м, ширина 6–7 м) преобладали палеолитические кремневые орудия и осколки костей животных (О работах..., 1934). В гроте № 3 (очень узком) на передней площадке были собраны несколько оббитых кремней. Больше всего находок было обнаружено в навесе № 5 (длина — 40 м, ширина 8–9 м) (Там же). На дне пещеры № 7 обнаружены 3 законченных орудия. Всего С. Н. Замятин собрал около 2 тысяч кремневых изделий, включая осколки и пластинки без вторичной обработки. По его мнению, материалы навеса № 1 и навеса № 5 (по характеру, формам орудий, степени сохранности) ничем не отличались и происходили из одного разрушенного культурного слоя в навесах.

Систематизировав материалы палеолитических пещер Имеретии, С. Н. Замятин уже в 1935 г. разработал периодизацию верхнего палеолита Западной Грузии, основанную на типологическом анализе кремневых изделий (*За-*

мятин, 1935. С. 116). Он разделил пещеры Имеретии на три группы, которые в совокупности охватывали весь верхний палеолит, от ориньякского и до азильского периода. Каждая из них была представлена несколькими памятниками.

Первая, наиболее ранняя группа включала немногочисленные материалы из разведочных шурфов С. А. Круковского (1918 г.) в окрестностях Чиатуры: из пещеры Хергулис-Клде (у с. Вачеви) и скалистого навеса Таро-Клде (у с. Шукрути). Кремневый инвентарь этих двух местонахождений, наряду с верхнепалеолитическими типами орудий, содержал «пержитки мустьерских форм, приготовленные на широких подтреугольной формы отщепах, остроконечники и скребла» (Там же. С. 117).

Вторая группа, лучше всего представленная, характеризовалась пещерой Девис-Хврели, а также пещерой Сакажия (Вирхова) в окрестностях Кутаиса, раскопанной Р. Шмидтом в 1914 г. Изменения в характере каменного инвентаря от ранней группы к средней заключались в исчезновении мустьерских форм и увеличении числа и типов различных пластинок с притупленным краем. Однако встречались и многочисленные мелкие орудия геометрических форм (сегментовидные острия, треугольники, четырехугольники), тесно связывающие эту группу с последующей — третьей.

Третья, последняя группа в периодизации была представлена только одной пещерой Гварджилас-Клде, полностью раскопанной С. А. Круковским (1916–1917 гг.). Здесь в инвентаре уже преобладали пластинки и острия с притупленным краем и геометрические формы орудий (треугольники, сегменты и др.).

Все три хронологические группы были связаны общей линией развития и постепенностью в изменении инвентаря. Инвентарь, сложившийся в начальную пору верхнего палеолита, изменялся медленно и сохранял свои особенности до позднего времени. Для имеретинских памятников было характерно почти полное отсутствие двусторонне обработанных орудий и малое количество орудий из кости.

Так же редко встречались и памятники палеолитического искусства.

Занимаясь вопросами хронологической классификации верхнего палеолита Грузии, С. Н. Замятин отмечал несколько особенностей: «...чрезвычайно близкое сходство основной массы кремневого инвентаря всех трех упо-

мянутых групп палеолитических пещер, большую последовательность и преемственность при переходе от одной хронологической группы к другой» (Там же). По его мнению, тут отсутствовала четкость, характеризующая хронологию западноевропейского палеолита. Учитывая эти особенности, С. Н. Замятнин считал, что следует отказаться от прямого сопоставления имеретинских пещер с французскими палеолитическими местонахождениями только лишь на основании сходства отдельных типов орудий. Как показало дальнейшее, в этих своих предположениях он оказался абсолютно прав.

В то же время, по мнению С. Н. Замятнина, верхний палеолит Грузии имеет больше общих черт со Средиземноморьем, в частности, с капсийской культурой Малой Африки, с культурой Гримальди на Апеннинах и с древненатуфийскими стоянками Палестины и Сирии (*Замятнин*, 1937б. С. 73–74). Три намеченные выше группы хронологически могут быть сопоставлены: первая с ориньякским периодом, вторая, по-видимому, наиболее длительная, с солотрейским и раннемадленским (по Г. К. Ниорадзе — с верхнеориньякским) и третья группа с позднемадленским и ранне-азильским периодами (*Паничкина*, 1950. С. 40–42).

Однако уже тогда С. Н. Замятнин видел недостатки своей периодизации. В одной из своих статей он писал: «...намеченная картина, в зависимости от состояния наших источников, носит пока схематический, эскизный характер, и дальнейшие систематические работы внесут, конечно, значительную детализацию» (*Замятнин*, 1935. С. 118). Позже С. Н. Замятнин решил, что «единственный путь, который может привести к постепенному выяснению сложной сети культурных взаимоотношений глубокой древности и наполнить конкретным историческим содержанием наши представления, — это все более тщательный и разносторонний анализ источников по данной проблеме» (*Замятнин*, 1957. С. 443).

Новые источники по палеолиту Закавказья (раскопки Г. К. Ниорадзе, Н. З. Киладзе), а также сопоставление состава фауны отдельных местонахождений, позволили С. Н. Замятнину расширить свою классификацию. В 1957 г. он проследил развитие верхнего палеолита Западной Грузии не в виде изолированной схемы, а в контексте с накопленными сведениями по верхнему палеолиту Восточно-Европейской

равнины. К средней группе были отнесены также ряд скалистых навесов Мгвимеви близ Чигатур, пещера Уварова у монастыря Моцамети, пещера Бнеле-Клде у с. Ргани (многослойный памятник).

Периодизация, разработанная С. Н. Замятнинным для верхнего палеолита Западной Грузии, не потеряла своего значения и теперь. Лишь открытые в 1972 г. Н. З. Бердзенишвили памятники ранней поры верхнего палеолита (Сагварджили I и Чахати) несколько изменяют и усложняют представления о ранней поре верхнего палеолита Имеретии (исследовательница считает их более древними, чем Таро-Клде и Хергулис-Клде).

В 1936 и 1937 гг. С. Н. Замятнин проводил археологические раскопки в Сочинском и Адлерском районах Краснодарского края. Работы были сосредоточены в двух пунктах: в ущелье р. Кудепсты у с. Навалишино и в долине р. Мзымты в Ахштырском ущелье (*Замятнин*, 1940. С. 100). С. Н. Замятнин впервые на Кавказе исследовал пещерные стоянки с рядом слоев, включая мустьерские горизонты. В отличие от геологов И. П. Герасимова и К. К. Маркова, С. Н. Замятнин не отрицал возможности более древнего доледникового заселения первобытным человеком территории СССР (*Замятнин*, 1961а. С. 20–24).

Ахштырская пещера — самая известная в окрестностях Сочи стоянка первобытных людей находится в 15 км выше Адлера, где река Мзымта и образует Ахштырское ущелье. В 1936 г. М. З. Паничкина обнаружила в пещере обработанные кремни и кости животных. В 1937 г. С. Н. Замятнин раскопал в привходовой части Ахштырской пещеры пятиметровую толщу отложений глины, щебня, множества костей животных и кремневых орудий труда. Всего при археологическом исследовании пещеры была вскрыта площадь в 60 кв. м (*Замятнин*, 1937г. Л. 63). На изученном участке он выделил два культурных слоя «эпохи мустье» — «верхний» и «нижний», уровни обитания человека в позднем палеолите—неолите, энеолите—бронзе и средневековье (*Замятнин*, 1938. Л. 5). Все это свидетельствовало о том, что в среднечетвертичное время, когда человек впервые заселил эту пещеру, ее устье находилось почти на уровне реки (*Замятнин*, 1950б. С. 61). Вследствие удобного расположения, пещера служила местом обитания для нескольких поколений людей в течение длительного времени,

что подтверждает несколько культурных слоев. Ахштырская пещера довольно глубокая и имеет длинный темный коридор. Но, как отмечал С. Н. Замятнин, была обитаема лишь площадка перед пещерой и близкое к входу пещерное пространство, освещаемое солнцем.

Навалишинская пещера расположена недалеко от Ахштырской пещеры на правом берегу р. Кудепсты в 12 км от берега моря. Раскопками был охвачен участок у входа в пещеру, а в результате работ С. Н. Замятнина в 1937 г. было вскрыто 22 кв. м (Замятнин, 1940. С. 101). Небольшой раскоп также был произведен в глубине главного коридора. В верхних горизонтах раскопа встречен материал микролитического облика и кости животных (хомяка, барсука, слепыша). Ниже залегает слой с находками верхнепалеолитического характера. И наконец, в нижнем слое обнаружены характерные мустьерские орудия. Но по характеру находок она не являлась местом постоянного обитания, а представляла собой лишь сезонную стоянку. По предположению С. Н. Замятнина, пещера посещалась людьми лишь во время сезонной охоты на пещерного медведя, а в зимнее время была вообще непригодна для обитания.

На современном этапе исследований, благодаря труду многих специалистов-палеолитоведов, получены новейшие ценные материалы по Кавказскому региону, которые к тому же подкреплены сериями радиоуглеродных датировок (Кулаков, 2011; Кулаков, Кулькова, 2011).

В 1999–2008 гг. Причерноморская экспедиция ИИМК РАН провела комплексное изучение Ахштырской пещерной стоянки. В результате работ были вскрыты пещерные отложения мощностью более 3 м и взяты образцы для проведения палинологического, геохимического, палеомагнитного и других анализов, а также получены новые пробы для изотопного датирования (Кулаков, Кулькова, 2011. С. 59). Высокий уровень концентрации артефактов в слое 6/1 подтверждает выводы С. Н. Замятнина о длительном заселении пещеры человеком.

Таким образом, С. Н. Замятнину принадлежит значительный вклад в археологическое изучение Кавказского региона, включая развитие археологии в закавказских республиках бывшего СССР. В результате систематических и обширных полевых работ им были открыты и изучены палеолитические местонахождения на территории Грузии (1934 г.), Абхазии (1934–1936 гг.), Краснодарского края (1936–1938 гг.).

С. Н. Замятнин исследовал пещерные стоянки с четким стратиграфическим залеганием мустьерских и верхнепалеолитических слоев. Ряд местонахождений датировался домустьерским возрастом. Кроме того, исследования С. Н. Замятнина доказали весьма раннее заселение южных районов нашей страны, а анализ находок позволил выделить ряд признаков, свойственных памятникам нижнего и среднего палеолита. Систематизация археологического материала привела С. Н. Замятнина к созданию периодизации верхнего палеолита Западной Грузии (1935 и 1957 гг.) и палеолита Азово-Черноморского и Абхазского регионов (1937 г.).

Васильев, 2008 — Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008.

Замятнин, 1935 — Замятнин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья // Советская этнография. 1935. № 2.

Замятнин, 1937а — Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.

Замятнин, 1937б — Замятнин С. Н. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия) (первые следы на скальной палеолитической графике в Закавказье) // СА. 1937. Вып. 3.

Замятнин, 1937в — Предварительный отчет С. Н. Замятнина о работах Черноморской палеолитической экспедиции 1937 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1937 г., д. № 207.

Замятнин, 1937г — Замятнин С. Н. Ахштырская пещера. Чертежи 1937–1938 гг. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1937 г., д. № 346.

Замятнин, 1938 — Замятнин С. Н. Черноморская палеолитическая экспедиция. Краткий отчет о работе по обследованию Ахштырской пещеры в Адлеровском районе Краснодарского края в 1938 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1938 г., д. № 88.

Замятнин, 1940 — Замятнин С. Н. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1940. № 6–7.

Замятнин, 1950а — Замятнин С. Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936–1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. 1950. Вып. 2.

Замятнин, 1950б — Замятнин С. Н. О первоначальном заселении пещер // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. Вып. 31.

Замятнин, 1957 — Замятнин С. Н. Палеолит Западного Закавказья. Т. 1. Палеолитические пещеры Имеретии // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. 1957. Т. 17.

Замятнин, 1961а — Замятнин С. Н. О древнейшем заселении территории СССР // Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.

- Замятнин*, 1961б — *Замятнин С. Н.* Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // *Очерки по палеолиту*. М.; Л., 1961.
- Кулаков*, 2011 — *Кулаков С. А.* О присутствии «ашеля» на Ахштырской пещерной стоянке (северо-западный Кавказ) // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. М., 2011. Т. 1.
- Кулаков, Кулькова*, 2011 — *Кулаков С. А., Кулькова М. А.* Предварительная корреляция результатов стратиграфического и литолого-минералогического изучения отложений Ахштырской пещерной стоянки // *Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова*. М., 2011.
- Ласкорунская*, 1936 — *Ласкорунская Н.* Закавказская археологическая экспедиция. Автограф., 1936 г. // НА МАЭ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 13: полевой дневник № 1, 46 л.; д. 14: Полевой дневник № 2, 45 л.; д. 15: полевой дневник № 3, 42 л.; д. 16: полевой дневник № 4, 34 л.
- Любин, Формозов*, 1956 — *Любин В. П., Формозов А. А.* Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946–1955) // *Доклад советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов*. М., 1956.
- НА ИИМК РАН, РА — НА ИИМК РАН, РА, ф. 69, д. № 69: Крым, 9 л.
- О работах...*, 1934 — О работах Кавказской палеолитической экспедиции ИА и Э АН СССР и ГАИМК // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1934 г., д. № 215.
- Паничкина*, 1950 — *Паничкина М. З.* Палеолит Армении. Л., 1950.

К итогам III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород—Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.)

В 2006 г. в России была возобновлена традиция проведения Всероссийских археологических съездов как крупнейших форумов для обсуждения проблем археологической науки и древней истории. Первый (XVII) Всероссийский археологический съезд состоялся в 2006 г. в Новосибирске, Второй (XVIII) проходил в 2008 г. в Суздале. Они стали значительными событиями в научной и общественной жизни современной России. Возобновление традиции проведения съездов дало существенные импульсы для консолидации археологической и исторической науки и преодоления региональной разобщенности, охране памятников древности и культуры, предоставило возможность широкой аудитории для ознакомления с результатами важнейших научных проектов, выполненных отдельными учреждениями в различных субъектах Российской Федерации.

На II (XVIII) Археологическом съезде было принято решение о проведении очередного Всероссийского археологического съезда в Великом Новгороде, приуроченного к 100-летию XV съезда, состоявшегося там в 1911 г. XV съезд оказался последним съездом в Российской империи перед революцией. Следующий съезд, намеченный к проведению в Пскове в 1916 г., несмотря на ряд проведенных организационных мероприятий, не собрался из-за начавшейся мировой войны. Нынешний съезд в Великом Новгороде также был организован в преддверии празднования в 2012 г., согласно указу Президента Российской Федерации Д. А. Медведева,

1150-летию государства Российского. III Археологический съезд состоялся на базе одного из старейших российских курортов «Старая Русса» (Новгородская обл.) 24–29 октября 2011 г., с проведением пленарного заседания в г. Великий Новгород. На нем обсуждались актуальные вопросы археологической и исторической науки, проблемы сохранения археологического наследия как части культурного наследия народов России, роль археологии в образовании, музейном строительстве, в реставрации древних археологических памятников и другие проблемы. В работе III (XIX) Всероссийского археологического съезда приняли участие более 700 специалистов из 70 городов Российской Федерации, представлявшие 57 регионов и более 200 учреждений. На съезде присутствовали археологи из Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Эстонии, Германии, Китая, Польши. К открытию съезда было издано два тома трудов. Работа съезда широко освещалась в средствах массовой информации и в сети Интернет.

Заседания проходили по нескольким секциям.

В работе секции «Культурно-исторические процессы в палеолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда» приняли участие 57 исследователей. Наиболее многочисленными оказались делегации Санкт-Петербурга, Москвы и Новосибирска. Были представлены региональные центры археологии как европейской части России (Сыктывкар, Липецк, Курчатов), так и Сибири (Чита, Иркутск, Магадан). Всего было заслушано и обсуждено 48 докладов и 2 poste-

ра. Географически тематика докладов охватывала пространство от Печоры до Китая, от Африки до Аляски, а хронологически — от древнейших следов человека на территории нашей страны (находка из Ливенцовки с возрастом порядка 2,1 млн лет) до конца плейстоцена. Первое заседание было посвящено памяти одного из крупнейших отечественных археологов — П. И. Борисковского, чей столетний юбилей мы отмечаем в 2011 г. Наибольший интерес вызвала проблема антропогенеза, точнее, вопрос о месте происхождения рода Homo и ранних миграциях представителей этого рода. Другая область исследования, вызвавшая повышенный интерес, — проблема хронологии ранних археологических древностей Кавказа, где за последнее десятилетие произошла решительная переоценка возраста древнейших памятников, связанная с открытием и активным изучением серии местонахождений с возрастом, достигающим сейчас до 1,5 млн лет. Представленные на съезде находки из Средней Азии позволили радикально пересмотреть вопрос о характере и времени перехода от среднего к верхнему палеолиту в регионе. Большой интерес вызвала серия выступлений по палеолиту Сибири. В центре внимания докладчиков находились новые открытия в пещерах Алтая — Денисовой и Чагырской, вопросы палеогеографии позднего палеолита Прибайкалья, находки на горе Игетей. Особенно много докладов было посвящено богатейшим памятникам Забайкалья, причем темами рассмотрения были такие разнообразные сюжеты, как находки предметов древнейшего искусства и музыкальных инструментов, вопросы реконструкции облика жилищ и поселений, характер культурного развития в средней фазе верхнего палеолита и при переходе от плейстоцена к голоцену и др. Несколько выступлений касались материалов каменного века Тихоокеанской зоны — Приморья, Кореи и Японии и крайнего Северо-Востока Азии и Аляски. Однако в центре внимания большинства докладов находились вопросы изучения палеолита Русской равнины: вниманию собравшихся были представлены развернутые обзоры процессов расселения древнего человека в северной части равнины, палеогеографии стоянок этой зоны. Была заслушана серия докладов, посвященных различным аспектам исследования опорных памятников древнекаменного века региона — Сунгирия, Зарайска, стоянок Костенки, Каменная Балка,

Анетовка II, Дивногорские стоянки на Дону. В целом работа секции по палеолиту продемонстрировала динамичное успешное развитие данного направления в российской науке о древностях. Расширяется круг памятников, внедряются компьютерные методы, новейшие технические средства ведения полевых работ и визуального трехмерного представления результатов. Приемы технологического анализа и трасология, бывшие ранее несколько изолированными сферами исследования, ныне все активнее входят в практику конкретных разработок.

В работе секции «Мезолит и неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география» приняло участие 85 специалистов, представляющих научные организации из 25 городов РФ. Кроме того, на секции выступил с докладом археолог из Тартуского университета (Эстония). Было заслушано 39 докладов, 3 доклада представлено в стендовой форме. Наибольший интерес вызвали проблемы первоначального заселения арктической Евразии, вопросы неолитизации Евразии, пути совершенствования методов абсолютного датирования на пути корреляции радиоуглеродных данных, полученных по углю, кости, раковинам и керамике, построение археологической периодизации мезолитических и неолитических памятников по типологии каменного инвентаря, орнаменту и технологии изготовления керамики, изучение процессов адаптации неолитического населения к природной среде с использованием междисциплинарных подходов и методов (на примере памятников Южного Урала и Дальнего Востока), разработка культурно-хронологических схем неолита для различных регионов России: север лесной зоны Восточной Европы, Верхнее и Среднее Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Дальневосточный регион, духовная культура неолитического населения Евразии. Особый интерес вызвали презентации материалов новейших археологических исследований. В ходе дискуссий отмечен высокий уровень докладов и обсуждения поставленных проблем, а также сформулированы перспективные направления работы. Наиболее актуальной была признана проблема «Неолитизация Евразии: содержание и факторы развития процесса». Признано необходимым обратить внимание специалистов на важность разработки единого терминологического аппарата научных исследований по неолитической проблематике.

Работа секции «Эпоха бронзы Евразии» объединила 35 исследователей. На заседаниях было заслушано 33 доклада, посвященных актуальным проблемам археологии эпохи энеолита и бронзового века. В работе секции участвовали специалисты из стран СНГ (Кишинев, Молдавия) и дальнего зарубежья (Китай). Наиболее оживленную полемику вызвала проблема происхождения индоевропейцев. Ценная научная информация содержалась в блоке докладов, посвященных исследованиям раннеземледельческих памятников Центральной Азии и Среднего Востока, а также Балкан. Несколько докладов касались актуальных проблем археологии Северного Кавказа. Отдельный блок докладов образовали сообщения по археологии волго-уральских степей, а также доклады, посвященные археологии Западной Сибири. Шесть из них выполнены в рамках реализации различных проектов РФФИ, а один — в рамках проекта РГНФ.

Всего в заседании секции «Археология античности» приняли участие 30 человек. В общей сложности было заслушано 16 докладов. На заседании секции доклады были посвящены двум основным темам: новым исследованиям на Боспоре и работам российских исследователей на различных памятниках античного времени. Среди заслушанных докладов следует выделить масштабное сообщение о работах российских античных экспедиций в Крыму, т. е. на территории Украины. Два доклада были посвящены раскопкам античных памятников в другом регионе СНГ — Средней Азии, где позиции нашей науки остаются достаточно сильными. Еще два доклада дают представление о российском присутствии в дальнем зарубежье. Это Стабианская экспедиция Гос. Эрмитажа в Италии и международный проект по изучению древнего города Келены — Апамея Фригийская в Турции. Что касается исследований античных экспедиций на территории Российской Федерации, то они, по понятным причинам, сосредоточены, в основном, на Таманском полуострове. Весьма интересными были доклады, затронувшие проблему своеобразия культуры греческих государств Северного Причерноморья в первые века нашей эры.

Работа секции «Памятники раннего железного века Евразии» проходила при участии 80 специалистов. Было заслушано 30 научных докладов. Следует отметить общий высокий уровень подготовки докладов: все презентации

отличались качественными и интересными слайдами, в том числе содержащими различного рода реконструкции, в одном случае был показан видеофильм. В итоговой дискуссии были затронуты наиболее важные и насущные вопросы, среди которых помимо проблематики раннего железного века были и проблемы археологической терминологии, связанные с понятием «археологическая культура». Заслушанные на заседаниях секции доклады затронули значительный диапазон проблематики раннего железного века и широко охватили территорию Евразии. Были рассмотрены фундаментальные и частные проблемы раннего железного века Евразии, среди которых хронология и периодизация, комплексное изучение памятников и отдельных артефактов, региональные особенности культурно-исторического развития и др. Материалы кочевых и оседлых культур рассматривались в отдельности и в их взаимодействии в исторической перспективе. Можно выделить несколько крупных блоков докладов, в которых были освещены: 1) новые и новейшие археологические открытия; 2) отдельные категории артефактов; 3) новые авторские подходы и гипотезы, касающиеся различных проблем раннего железного века; 4) вопросы древнего искусства (скифо-сибирский звериный стиль, петроглифы, изображения на керамике и др.); 5) междисциплинарные исследования и подходы к изучению археологических материалов.

Секция «Археология эпохи переселения народов и раннего средневековья Евразии» оказалась наиболее объемной по географии докладов. В нее были включены материалы исследования памятников I тыс. н. э. значительной части Восточной Европы, Сибири, Казахстана, Средней Азии, Приморья и Чукотки. В ее работе приняли участие 112 специалистов, были заслушаны 53 доклада, 4 доклада представлены в стендовой форме. Наиболее актуальными представляются исследования, посвященные возникновению Российского государства, юбилей которого планируется отметить в 2012 г.; древностям I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы, которые охватывают широкий круг вопросов, касающихся культуры и хронологии финских народов, населявших лесную зону Восточной Европы, и начального этапа древнерусской колонизации региона; памятникам лесостепной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства,

где следует отметить общий интерес к региону Верхней и Средней Оки, ключевому для понимания сложных этнических процессов, протекавших в Восточной Европе в эпоху Великого переселения народов; североевропейским древностям в Восточной Европе рубежа I–II тыс. н. э., которые касались соотношения североевропейских и древнерусских древностей, денежного обращения, элитного погребального обряда; вопросам хронологии и различных аспектов материальной культуры юга Восточной Европы и Северного Кавказа. В докладах, посвященных древностям Среднего Поволжья, Предуралья и Зауралья на рубеже I–II тыс. н. э., традиционно особое внимание уделялось погребальному обряду и украшениям восточных финнов и угров. Группа докладов о Западной Сибири в эпоху средневековья характеризуется широтой хронологического охвата: от первых веков нашей эры до XIII–XIV вв. Большая серия докладов исследователей из Сибирского и Дальневосточного отделений РАН была посвящена материальной культуре государства Бохай (VIII–начало X вв.) и сложным этническим процессам, протекавшим на территории современных российского Приморья, Монголии, Северного Китая и Кореи.

На секции «Средневековая археология Восточной Европы» было прослушано 45 докладов и 3 сообщения были представлены в виде постеров. Всего в работе секции приняли участие более 120 человек. Доклады были посвящены как фундаментальным проблемам археологии и новым открытиям, так и конкретным исследованиям по отдельным категориям древностей. Значительный блок докладов, посвященных археологии Новгорода и Новгородской земли, продемонстрировал успехи новгородской археологии за последние десятилетия. Именно на основе этих открытий были получены данные для обоснования празднования 1150-летнего юбилея Великого Новгорода и 1150-летнего юбилея Российского государства в 2012 г. На секции также обсуждались археологические открытия, сделанные на территориях Псковской земли, Рязанского, Владимиро-Суздальского, Смоленского и других древнерусских княжеств. Не менее интересными и дискуссионными были доклады по средневековой археологии сопредельных территорий, в частности, Республики Беларусь, а также Поволжья, Крыма, Предуралья, Сибири. Особая группа докладов была посвящена золото-

ордынским древностям Подонья и Поволжья. В рамках секции состоялся круглый стол «Современные наука, власть и общество: проблемы восприятия начальной истории древнерусских городов», где были отражены проблемы возникновения и развития городов на Северо-Западе России в эпоху образования древнерусского государства, достоверности результатов археологических открытий и их освещение в широкой печати, а также вопросы взаимоотношения научной общественности и местных административных органов. В частности, был затронут вопрос об обоснованности празднования через несколько лет юбилея основания г. Старая Русса. Особо следует отметить, что в заседаниях секции приняли участие коллеги фактически из всех регионов РФ от Санкт-Петербурга до Владивостока, представляющие различные научные и образовательные учреждения — институты Академии наук, высшие учебные заведения, музеи, археологические центры и др.

Секция «Археология эпохи Московского государства и Российской империи» провела три дня заседаний, во время которых было в общей сложности заслушано 33 доклада по широкой тематике позднего средневековья и ранней империи практически по всем регионам России. На них присутствовали 84 человека. В докладах на секции были представлены результаты новых исследований, и подведены итоги исследований исторических поселений России, в том числе ныне не существующих. Ряд докладов был посвящен исследованию некрополей и антропологическому исследованию останков на них. Большой интерес вызвали доклады коллег из Сибири, которые в первую очередь рассматривали проблемы колонизации этого региона. Секция полагает, что целесообразно продолжить работу и на будущих археологических съездах по тематике «Археология эпохи Московского государства и Российской империи», которая является достаточно новой.

Секция «Проблемы сохранения памятников археологии в современной России» подчеркнула специфику сохранения памятников археологии в России и за рубежом. Всего на заседаниях секции было прослушано и обсуждено 25 докладов, присутствовали на заседаниях секции более 150 человек, живо вступавших в дискуссии, делясь опытом работы в рассматриваемых ситуациях, в разных регионах России и

СНГ. Был представлен доклад и новые методические указания об особенностях проведения археологических подводных исследований. Заслушано сообщение о поправках и возможных изменениях в Федеральном законе РФ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», что вызвало интерес и продолжительное обсуждение у собравшихся специалистов. Стоит особенно подчеркнуть работу круглого стола, который был проведен в первый день работы секции на тему: «Законодательные основы охраны историко-культурного наследия: современное состояние и направления изменения». Были обсуждены такие проблемы как: ответственность органов за сохранение памятников, археологические фирмы «однодневки», отсутствие единого подхода во всех округах, нормы и правила хранения археологических коллекций, экспертиза отчетов и мн. др.

На секции «История археологической науки и место археологии в современном обществе» заслушано 20 докладов, представленных исследователями из различных научных учреждений, высших учебных заведений, музеев Российской Федерации и ближнего зарубежья. Всего в работе секции приняли участие 35 исследователей. Спектр заслушанных докладов удивительно широк: «роль личности» в археологической науке (В. А. Городцова, М. М. Пришвина, Ю. Г. Гендуне); значение деятельности дореволюционных столичных и региональных обществ (ИМАО, ИРВИО, Общество изучения Сибири, научные сообщества Тверской губернии). Следует отметить, что не прекращаются исследования в области истории отечественной археологии, а также методологии науки. Отрадно, что после более чем столетнего перерыва возобновлены полевые археологические работы в Палестине. Доклад об истории этих исследований и работах последних двух лет вызвал

большой интерес. Участники секции подняли чрезвычайно важный вопрос изучения археологического наследия, хранящегося в государственных и частных собраниях.

Работа секции «Методы естественных наук в археологии» происходила при участии 45 исследователей. Наиболее многочисленными оказались делегации Санкт-Петербурга и Москвы. Всего было заслушано и обсуждено 15 устных и 6 стендовых докладов. В основном тематика докладов была посвящена методам естественных наук, применяемым в ходе археологических исследований. Например, почвообразование и земледелие, палеоэкологические реконструкции среды обитания древнего человека, топографические и геофизические методы изучения археологических памятников. В центре внимания большинства докладов была проблема почвообразования, а точнее, вопрос о методах проводимого геохимического анализа почв. Большой интерес вызвал доклад, посвященный поиску и картографированию археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки, в котором обсуждалась методика синхронизации тахеометрической и магнитометрической съемок для поиска и исследования не выраженных в рельефе остатков объектов железодельного производства. Темой, вызвавшей оживленную дискуссию, явились полученные данные об изотопном составе углерода и азота костей животных и людей из пяти коллективных захоронений средневекового Ярославля. Большой интерес вызвал стендовый доклад, посвященный проблемам радиоуглеродного датирования органического вещества керамики.

Ряд представленных на съезде докладов выполнялись в рамках реализации РГНФ.

На заключительном пленарном заседании участники единогласно приняли публикуемые ниже Решения съезда.

Е. Н. Носов
чл.-корр. РАН, директор Института истории
материальной культуры РАН,
сопредседатель Оргкомитета
III (XIX) Всероссийского археологического съезда

О. И. Богуславский
к. и. н., заместитель директора
Института истории материальной культуры РАН,
председатель Секретариата Оргкомитета
III (XIX) Всероссийского археологического съезда

III (XIX) Всероссийский археологический съезд

РЕШЕНИЯ

29 октября 2011 г.

III (XIX) Всероссийский археологический съезд, состоявшийся 24–29 октября 2011 г. в Старой Руссе и Великом Новгороде, продолжил традицию проведения крупных национальных форумов для обсуждения актуальных проблем археологической науки. Эта традиция, заложенная археологами дореволюционной России, была возобновлена в 2006 г. Новосибирским институтом археологии и этнографии СО РАН и придала новые импульсы для консолидации археологической и исторической науки в изучении древнего прошлого нашей страны и сохранении археологического наследия — одного из важнейших составляющих культурного наследия народов России.

III (XIX) Всероссийский археологический съезд посвящен празднованию в 2012 г. 1150-летия Российского государства и приурочен к 100-летию XV — последнего дореволюционного — съезда, состоявшегося в Новгороде в 1911 г.

Важность данного мероприятия, благодаря которому российские ученые имеют возможность ознакомиться с результатами научных проектов и обсудить актуальные вопросы археологической и исторической науки, отражает быстро растущее число его участников. III (XIX) Всероссийский археологический съезд, главным организатором которого стал Институт истории материальной культуры РАН, собрал более 700 участников, представляющих научные организации Российской академии наук, высшие учебные заведения, музеи, органы охраны памятников истории и культуры и другие организации из более 60 субъектов Российской Федерации.

На Съезде обсуждались фундаментальные проблемы культурно-исторического развития древних обществ от эпохи палеолита до нового времени, комплексного изучения исторических источников и природной среды, в которой проходил культурогенез народов Евразии, особенностей развития кочевых и оседлых племен на территории нашей страны, проблемы расселения славян и становления русской государственности, вопросы истории развития археологии как науки. Особое место в программе Съезда заняли доклады по археологии Новгорода и Новгородской земли, раскрывающие выдающиеся достижения в изучении средневековых древностей Северо-Запада, значение городских центров Северной Руси в средневековой истории Европы. Археологические исследования последних лет в Новгороде и Приильменье дали важнейший материал для научного обоснования празднования 1150-летия Российского государства в 2012 г.

Съезд констатирует высокий уровень археологических исследований в России, прогресс в развитии археологии как дисциплины, являющейся важной составляющей исторической науки.

Одним из наиболее актуальных направлений работы Съезда, привлечших внимание большинства его участников, стало обсуждение результатов охранно-спасательных археологических исследований, проблем сохранения объектов археологического наследия, современное состояние законодательной и нормативной правовой базы, регулирующей вопросы сохранения археологического наследия нашей страны.

Участники съезда отмечают следующее:

Важным для сохранения археологического наследия является совершенствование нормативной правовой и научно-методической базы, регулирующей вопросы сохранения и изучения археологического наследия России. Принятие Федерального закона от 27 июня 2011 года № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (переработанной)», а также ожидаемое приведение национального законодательства в соответствие с нормами Европейской конвенции, несомненно, будут способствовать комплексному сохранению археологического наследия России, предотвращению незаконного оборота археологических предметов и коллекций.

В настоящее время расхищение археологического наследия в нашей стране приобретает новое качество — оно пытается получить легальный статус и общественное признание как одно из направлений сохранения культурного наследия. Данная ситуация усугубляется популяризацией кладоискательства со стороны средств массовой информации, которые освещают коллективные мероприятия кладоискателей, выставки коллекций, добытых в ходе незаконных раскопок. В связи с этим необходимо законодательно установить запрет на распространение информации о незаконных археологических раскопках и археологических находках, полученных незаконным путем; установить прямой запрет на торговлю археологическими находками и уголовную ответственность за нарушение данного запрета; установить контроль за распространением металлодетекторов.

Необходимо также усилить государственный контроль за деятельностью государственных музеев в части приобретения и демонстрации музейных предметов и коллекций, в отношении которых можно подозревать, что они связаны с неконтролируемыми находками, незаконными раскопками или же неправомерно с официальными раскопками, а также выработать соответствующие рекомендации в отношении деятельности негосударственных музеев.

Недостаточное внимание к мероприятиям по археологическому обследованию территории России и постановке недвижимых археологических объектов на государственный учет создает благоприятные условия для экспансии грабителей. Необходимы не только ежегодное выделение средств из федерального бюджета на

планомерное обследование, паспортизацию и инвентаризацию памятников археологии, но и разработка единого научно-методического обеспечения, утвержденного в установленном порядке и обязательного для использования археологами на всей территории Российской Федерации.

Важным для сохранения археологического наследия является повышение уровня организации музейного хранения коллекций, обеспечивающего полную и долговременную сохранность артефактов, полученных в ходе археологических полевых исследований. В связи с этим участники Съезда с одобрением отмечают принятие на государственном уровне решения о создании в Новгороде и Твери депозитариев для хранения археологических коллекций.

Особое место занимают вопросы сохранения объектов археологического наследия в зонах гидротехнических сооружений при их эксплуатации. Существует реальная угроза безвозвратной утраты для науки и будущих поколений огромного пласта древнейшего культурно-исторического наследия. Именно поэтому археологический надзор в зонах гидротехнических сооружений, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, должен стать обязательным, а финансирование охранных археологических мероприятий должно стать обязательной расходной статьей при их эксплуатации.

За последние годы заметно сократились объемы государственного финансирования фундаментальной науки, исследовательских проектов и экспедиций, в том числе по линии государственных научных фондов. Данный фактор ведет к снижению интенсивности и уровня проведения научных исследований российских ученых, ограничивая их возможности в проведении мультидисциплинарных исследований, связанных с привлечением методов естественных наук и исследований, требующих привлечения высокотехнологичного оборудования, соответствующих современному мировому уровню.

Участники Съезда считают необходимым:

— создание оптимальных условий для развития археологии как фундаментальной науки, обеспечивающей познание древней и средневековой истории;

— увеличение в Российской Федерации числа археологических учреждений и специали-

рованных археологических подразделений в музеях, высших учебных заведениях, государственных органах исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, создание новых рабочих мест для археологов в государственных учреждениях науки и культуры;

— консолидацию усилий археологических учреждений, государственных органов исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, органов местного самоуправления в целях усиления борьбы с незаконными раскопками и торговлей предметами археологии;

— совершенствование законодательной и нормативной правовой базы, в части установления:

— запрета на распространение информации о незаконных археологических раскопках и археологических находках, полученных незаконным путем;

— прямого запрета на торговлю археологическими находками и установления уголовной ответственности за нарушение данного запрета;

— контроля за распространением металлодетекторов;

— регулярное проведение конференций, круглых столов, семинаров по проблемам сохранения объектов археологического наследия, направленных на обмен опытом в указанной сфере, практику разработки и применения нормативных правовых документов и методик охранных мероприятий;

— музеефикацию археологических объектов на территории России как форму сохранения культурного наследия;

— дальнейшее внедрение практики создания специализированных музейных фондов, предназначенных для хранения и научного изучения массового археологического материала;

— улучшение условий хранения в существующих музеях, совершенствование системы хранения археологических предметов и археологических коллекций с учетом их специфики, приведения технических условий хранения к современным мировым стандартам;

— расширение преподавания археологии в вузах как одной из дисциплин, важных для формирования научного исторического самосознания и широкого гуманитарного кругозора, подготовку профессиональных археологических кадров, соответствующих требованиям современной науки;

— повсеместное внедрение современных методик проведения археологических полевых исследований, направленных на более тщательную фиксацию материала;

— проведение организациями, ведущими археологические полевые исследования, активной работы по подготовке к публикации научных отчетов;

— активное привлечение средств массовой информации и использование Интернет-ресурсов в освещении результатов научных археологических раскопок, а также в целях борьбы с грабительскими раскопками и кладоискательством;

— оказание молодым ученым содействия, необходимого для дальнейшего развития науки, в возможности повышения квалификации через механизм специализированных стажировок, обменов и иных мероприятий.

Участники Съезда рекомендуют:

Федеральному Собранию Российской Федерации совместно с Правительством Российской Федерации:

Ускорить принятие проекта федерального закона № 163864-5 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подготовленного ко второму чтению группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации.

Правительству Российской Федерации:

1. Считать задачу сохранения археологического наследия России одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры.

2. Принять меры по реализации основных положений Европейской конвенции по защите археологического наследия (переработанной) в части предотвращения грабительских раскопок и незаконного оборота археологических предметов и коллекций.

3. Принять меры, направленные на сохранение археологического наследия России, обратив особое внимание на обязательное обеспечение и повышение качества охранных археологических мероприятий при реализации крупных инвестиционных проектов.

Министерству культуры Российской Федерации:

1. Принять меры по совершенствованию нормативной правовой базы в части установления:

запрета на распространение информации о незаконных археологических раскопках и археологических находках, полученных незаконным путем;

прямого запрета на торговлю археологическими находками и установления уголовной ответственности за нарушение данного запрета;

контроля за распространением металлодетекторов.

2. Подготовить обращение в Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и органы государственной власти субъектов Российской Федерации с просьбой обратить внимание средств массовой информации на:

— недопустимость рекламы кладоискательства и металлодетекторного поиска как деятельности, выступающей прикрытием незаконных раскопок и разрушения объектов археологического наследия;

— ответственность за использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний.

Подготовить публичные заявления представителей государственной власти и крупных российских политиков, указывающие на недопустимость незаконных раскопок, торговли археологическими древностями и выхода из подполья активистов грабительства под видом общественных деятелей, занимающихся охраной культурного наследия.

3. Усилить государственный контроль за деятельностью государственных музеев в части приобретения и демонстрации музейных предметов и коллекций, в отношении которых можно подозревать, что они связаны с неконтролируемыми находками или незаконными раскопками, а также выработать соответствующие рекомендации в отношении деятельности негосударственных музеев.

4. Принять меры по организации работ по систематическому археологическому обследованию территорий, паспортизации археологических объектов на территории Российской Федерации, организации мониторинга их состояния, включая:

— финансирование указанных мероприятий;

— разработку и утверждение научно-методического обеспечения по определению (уточнению и актуализации) границ территорий

объектов археологического наследия в целях постановки на государственный учет и работ по музеефикации объектов археологического наследия, обнаруженных в ходе проведения спасательных археологических полевых работ.

5. Разработать и утвердить в рамках своей компетенции нормативные правовые акты:

— о составе информации, предоставляемой археологами в органы охраны культурного наследия при обнаружении объекта археологического наследия;

— о внесении поправок в порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы, включая наделение экспертными полномочиями специализированных организаций.

При проведении государственной историко-культурной экспертизы в отношении объектов археологического наследия предусмотреть обязательное участие специалиста-археолога в составе экспертной группы.

6. Во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № ВП–П44–5924 расширить полномочия Российской академии наук в процедуре выдачи Министерством разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

7. Продолжить работу по созданию специализированных фондов, предназначенных для хранения и научного изучения массового археологического материала.

Министерству экономического развития Российской Федерации:

Во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № ВП–П44–5924 ускорить подготовку и внесение в установленном порядке предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд с учетом специфики задач по охране объектов археологического наследия.

Министерству образования и науки Российской Федерации:

1. В целях расширения подготовки специалистов в области археологии включить специ-

альность «археология» в Перечень направлений (специальностей) высшего профессионального образования.

2. Разработать комплекс мер, направленных на финансовую поддержку и повышение квалификации молодых ученых в ведущих российских и зарубежных археологических учреждениях через механизм стажировок, обменов и иных мероприятий.

3. Рассмотреть вопрос о расширении финансирования археологических исследований в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

4. Во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № ВП–П44–5924 ускорить рассмотрение вопроса о материальном обеспечении студентов, участвующих в археологических экспедициях в период прохождения практики.

Министерству природных ресурсов Российской Федерации совместно с Федеральным агентством водных ресурсов:

Принять меры по финансированию охраняемых археологических мероприятий в зонах водохранилищ и водохозяйственных систем комплексного назначения, защитных и других гидротехнических сооружений, находящихся в ведении Агентства.

Участники Съезда выразили намерение:

1. Продолжить традицию проведения Всероссийских археологических форумов, способствующих расширению сотрудничества научных организаций Российской академии наук, высших учебных заведений, музеев, научно-производственных организаций, органов охраны памятников истории и культуры различных регионов России, их консолидации, направленной на изучение и сохранение культурного наследия, обмену опытом и развитию методической базы.

2. На Всероссийских археологических съездах считать приоритетными проблемные доклады по крупным, заранее определенным темам. Для составления программ будущих съездов и отбора докладов привлекать координаторов, представляющих ведущие археологические учреждения России.

3. Провести очередной, IV (XX) Всероссийский археологический съезд в 2014 г.

Участники Съезда выражают благодарность Президиуму Российской академии наук, Российскому гуманитарному научному фонду, Российскому фонду фундаментальных исследований, Санкт-Петербургскому научному центру, администрации Новгородской области, администрации Старорусского района и Новгородскому музею-заповеднику за финансовую поддержку и организационную помощь в проведении Съезда.

ИИМК РАН В 2010–2011 гг.

В 2010–2011 гг. сотрудники ИИМК РАН, в рамках «Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008–2012 годы», успешно вели работу по 10 темам, утвержденным для Института на 2010–2012 гг. Президиумом РАН:

1. «Древнейшие культуры Евразии: общие черты и локальные особенности эволюции» (руководитель — зав. Отделом палеолита д. и. н. С. А. Васильев).

2. «Освоение человеком каменного века Севера России: пути миграций и адаптаций» (руководитель — к. и. н. В. Я. Шумкин).

3. «Раннеземледельческие и кочевнические племена на юге Центральной Азии в древности и раннем средневековье (материальная культура, хронология, контакты, духовное развитие и общественные отношения)» (руководитель — зав. Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа, к. и. н. В. А. Алёшкин).

4. «Культуры Евразийских степей и Кавказа в древности и раннем средневековье (происхождение, развитие, контакты)» (руководитель — с. н. с. В. С. Бочкарев).

5. «Материальная и духовная культура средневековых городов Северной Руси» (руководитель — зав. Отделом славяно-финской археологии, д. и. н., проф. А. Н. Кирпичников).

6. «Славяне, финны и германские племена в процессе межэтнического, культурного и хозяйственного развития» (руководитель — д. и. н. А. И. Сакса).

7. «Северное Причерноморье на периферии античного мира: города и сельские поселения Боспорского царства» (руководитель — зав. Отделом истории античной культуры, д. и. н. Ю. А. Виноградов).

8. «Техника и технологии первобытных производств (трасологический и технологический

анализы археологических источников)» (руководитель — д. и. н. В. Е. Щелинский).

9. «Аналитическое исследование археологического материала эпохи бронзы Северного Кавказа с использованием естественнонаучных методов (изотопный анализ, радиоуглеродное датирование, спектральный анализ металла, дериватография, остеология)» (руководитель — зав. Лабораторией археологической технологии, к. т. н. А. Н. Егорьков).

10. «Археологическая и реставрационная деятельность РАИМК на территории Евразии в 1919–1925 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)» (руководитель — д. и. н. Г. В. Длужневская).

В мае 2010 г. была проведена комплексная плановая проверка научно-организационной и хозяйственной деятельности Института за последние пять лет (2005–2009 гг.) Комиссией Президиума РАН (председатель чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков). Комиссия одобрила деятельность Института, и по ее заключению «Институт истории материальной культуры РАН является одним из ведущих археологических учреждений страны, разрабатывающим фундаментальные проблемы археологии России и сопредельных территорий и во многом определяющим тематику и методы научных исследований в этой области».

Основным событием в жизни ИИМК РАН и всего археологического сообщества в России в 2011 г. стало участие в III (XIX) Всероссийском археологическом съезде в городах Великий Новгород — Старая Русса, 24–29 октября 2011 г., на который съехалось более 700 делегатов. Основная нагрузка по его организации и проведению легла на ИИМК РАН. Помощь в подготовке съезда оказали Институт археологии РАН, администрация Новгородской области и Старорусского муниципального района, администрация ЗАО «Курорт “Старая Русса”», Новгород-

ский государственный объединенный музей-заповедник и Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Работа съезда широко освещалась в средствах массовой информации и в сети Интернет. На заседаниях 11 секций было заслушано и обсуждено около 400 докладов и сообщений исследователей из различных регионов России и зарубежных гостей. Проблематика докладов охватывала древности от эпохи раннего палеолита до времени Российской империи. Работа трех секций съезда была посвящена проблемам истории и историографии науки, сохранению памятников истории и культуры и возможности применения естественнонаучных методов в археологии. Сотрудники ИИМК РАН приняли активное участие не только в организационной подготовке и проведении форума, но и в его научных заседаниях. Делегатами съезда явились 48 исследователей ИИМК (более половины штатного состава научных сотрудников!), сделавшие 50 докладов. На заключительном пленарном заседании было принято **Решение III (XIX) Всероссийского археологического съезда**, публикуемое в данном томе «Археологических вестей». (см. С.). К началу работы съезда были подготовлены и выпущены «Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1–2» (СПб.; М.; Великий Новгород, 2011).

В 2010–2011 гг. сотрудники ИИМК успешно работали над 11 проектами Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»:

1. «Палеолит как “terra incognita”: на пороге научной революции (некоторые итоги социокультурных исследований палеолита в России)» (руководитель — д. и. н. М. В. Аникович).

2. «Древнейшее население Сибири и миграции человека в Новый Свет: опыт междисциплинарного исследования (по данным археологии, антропологии, этнографии, фольклористики и лингвистики)» (руководитель — д. и. н. С. А. Васильев).

3. «Ашельские рубила Кавказа: развитие технологий и протодизайна» (руководитель — д. и. н., проф. В. П. Любин).

4. «Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность охотников раннего верхнего палеолита Северо-Восточной Азии» (руководитель — к. и. н. В. В. Питулько).

5. «Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена—голоцена на северо-запа-

де Русской равнины» (руководитель — к. и. н. Г. В. Синицына).

6. «Сырьевые ресурсы и технологии обработки камня индустрий раннего и среднего палеолита Юга европейской части России (Кавказ, Приазовье)» (руководитель — д. и. н. В. Е. Щелинский).

7. «Сравнительный анализ каменных индустрий костенковско-авдеевско-зарайского культурного единства» (руководитель — к. и. н. Е. Ю. Гиря).

8. «Географическое происхождение и миграции населения эпохи бронзы Евразийских степей и Северного Кавказа по данным археологии и результатам изотопных анализов» (руководитель — к. х. н. Г. И. Зайцева).

9. «Формирование окуневского культурного феномена» (руководитель — к. и. н. И. П. Лазаретов).

10. «Курганные древности Боспора Киммерийского (история изучения, хронология, социальная и этническая атрибуция)» (руководитель — д. и. н. Ю. А. Виноградов).

11. «Историко-культурное наследие севера Центральной Азии и Южной Сибири (по материалам фотоотдела Научного архива ИИМК РАН)» (руководитель — д. и. н. Г. В. Длужневская).

В 2011 г. сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН закончили научно-исследовательские работы по двум проектам программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»:

1. «Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Взаимодействие и взаимовлияние славян, скандинавов и финнов в процессе становления древнерусской государственности» (руководитель — д. и. н. проф. А. Н. Кирпичников).

2. «Культурные взаимодействия славян, финнов и скандинавов в Приильмень в I тыс. н. э.» (руководитель — чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носов).

Итоги работ по вышеперечисленным грантам Президиума РАН и ОИФН РАН неоднократно подводились в докладах на всероссийских и международных форумах, в многочисленных статьях в различных авторитетных изданиях и в ряде монографий.

В 2010–2011 гг. сотрудники ИИМК РАН по фонду РФФИ получили 16 инициативных и четыре издательских гранта, а также гранты на проведение полевых исследований (пять) и научных мероприятий (два). В 2011 г. РФФИ в

рамках специального «Конкурса ориентированных фундаментальных исследований» было профинансировано пять междисциплинарных комплексных экспедиций Института:

1. Российско-Армянская экспедиции (руководитель — С. А. Асланян).

2. Приднестровская экспедиция (руководитель — д. и. н. Н. К. Анисюткин).

3. Костёнковская экспедиция (руководитель — к. и. н. А. А. Синицын).

4. Костёнковско-Борщевская экспедиция (руководитель — д. и. н. М. В. Аникович).

5. Восточно-Якутская (Яно-Индибирская) экспедиция (руководитель — к. и. н. В. В. Питулько).

РГНФ в 2010–2011 гг. финансировал работы сотрудников ИИМК РАН по 23 исследовательским проектам, а также проведение конференций (три) и экспедиций (12). Особо следует отметить 6 совместных проектов: два с Академией наук Белоруссии (руководители — к. и. н. Г. Н. Поплевко и к. и. н. Г. В. Синицына.); два — с Украиной: проведение международной конференции (руководитель — д. и. н. Н. И. Платонова) и организация экспедиции (руководитель — к. и. н. Н. Н. Скакун.), проект с Эстонией (руководитель — к. и. н. С. Н. Лисицын) и с Вьетнамом (руководитель — к. и. н. В. А. Алёкшин.).

Д. и. н. С. А. Васильев в 2010 г. завершил руководство проектом «Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды» программы «Международного Полярного Года».

Полевые исследования. В 2010–2011 гг. в Институте были организованы 64 экспедиции и отряда в различных регионах России и за рубежом. С марта по декабрь 2010 г. проводились исследования в границах многослойного археологического памятника «Ниеншанц (Охта 1) Шведская крепость 1611–1703 гг., участки культурного слоя, грунтовый могильник». Работы выполнялись Охтинской археологической экспедицией (начальник — к. и. н. Н. Ф. Соловьева). В работе экспедиции приняли участие около 500 человек, в числе которых специалисты: ученые-археологи и представители смежных научных дисциплин из 10 городов России. В результате были получены новые данные об участках внутренней и внешней оборонительных линий шведской крепости Ландскрона (1300–1301 гг.); фортификационных сооружениях двух периодов существования крепости Ниеншанц в виде сохранившихся рвов и

нижних частей деревоземляных бастионов (1611–1656, 1656–1703 гг.); исследован участок позднесредневекового могильника. Не подтвердилось наличие здесь раннесредневекового мысового городища. В границах указанной территории изучены культурные остатки эпохи первобытности (IV–III тыс. до н. э.). Полученные результаты свидетельствуют о местонахождении здесь промысловой зоны эпохи неолита. В декабре 2010 г. в ИИМК РАН состоялось межведомственное научно-практическое совещание «Голоцен охтинского мыса: проблемы стратиграфии, геохронологии, палеогеографии и геохимии». Были заслушаны доклады научных сотрудников ИИМК РАН, СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, ФГУП ВСЕГЕИ, НИИ Арктики и Антарктики,

В 2010 г. продолжила полевые исследования Кипрская экспедиция ИИМК РАН (начальник д. и. н. В. А. Горончаровский). Раскопки были произведены на памятнике эпохи эллинизма и римского времени Влю близ сел. Аногира (округ г. Лимассол). Третий сезон в 2010 г. археологические исследования во Вьетнаме на памятниках эпохи бронзы и железного века производила Южно-Вьетнамская экспедиция ИИМК РАН, под руководством к. и. н. В. А. Алёкшина.

Сотрудники Института принимали участие в работах международных экспедиций в Сибири, на Украине и Средней Азии. Д. и. н. Ю. А. Виноградов в 2010 г., работа в составе Российской археологической миссии в Йемене.

В 2011 г., после трехлетнего перерыва, возобновилось исследование уникального раннепалеолитического памятника Богатыри/Синяя Балка Приазовской экспедицией ИИМК РАН (начальник д. и. н. В. Е. Щелинский). Полевая работа экспедиций ИИМК РАН, как всегда в последнее время, носила как научно-исследовательский, так и охранный и аварийно-спасательный характер. На юге России Майкопская (начальник — к. и. н. А. Д. Резепкин), Западно-Кавказская (начальник — к. и. н. В. А. Трифонов) и отряды Боспорской экспедиций (начальники — д. и. н. Ю. А. Виноградов. и С. В. Кашаев) успешно провели раскопки памятников различных эпох на Северо-Западном Кавказе, на Тамани и в Адыгее. На Северо-Западе России вели исследования Новгородская областная экспедиция (начальник — чл.-корр. РАН Е. Н. Носов), Староладожская экспедиция под руководством д. и. н. проф. А. Н. Кирпичникова и Выборгская экспедиция (начальник — д. и. н. А. И. Сакса) и отдельные отряды. Более выра-

женный спасательный характер носили археологические работы в Сибири экспедиций Тувинской (начальник — к. и. н. В. А. Семенов.), Средне-Енисейской (начальник — к. и. н. Н. А. Боковенко) и Бейской (начальник — к. и. н. М. Н. Пшеницына).

Большие научно-исследовательские и охранные работы провела в 2011 г. Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН (начальник — к. и. н. В. Я. Шумкин). С мая по ноябрь ею выполнено восемь хоздоговоров в Мурманской области, обследованы значительные территории в Кольском, Ловозерском, Кировском, Оленегорском и Терском районах в пределах строительства народнохозяйственных объектов, открыто 40 новых памятников от мезолита до железного века.

Значительные охранные археологические исследования были осуществлены экспедициями и отрядами Отдела охранной археологии ИИМК РАН, сформированного в 2011 г. За год был проведен большой объем работ в зонах хозяйственного освоения территорий в различных регионах Российской Федерации — Мурманской, Новгородской и Саратовской областях, в Красноярском крае, в Туве и Кабардино-Балкарии, и на территории Санкт-Петербурга и его ближайших окрестностей. Объемы и характер этой деятельности различны — от археологического надзора за земляными работами до ширококомасштабных раскопок.

Осенью 2011 г. начала работать совместная Российско-туркмено-немецкая комплексная археологическая экспедиция (начальник — к. и. н. Н. Ф. Соловьева), которая провела исследования раннеземледельческих поселений Монжуклы-депе и Йылгынлы-депе. В ее работе принимали участие Национальное управление по охране памятников истории и культуры Туркменистана и исследователи из Берлинского университета во главе с профессором Р. Бернбеком.

В 2010–2011 гг. к. и. н. Е. Ю. Гиря руководил Международной экспериментально-трассологической школой для аспирантов, стажеров и студентов России, стран СНГ и дальнего зарубежья в районе г. Мариуполя (Донецкая обл., Украина).

Наиболее важные результаты деятельности коллектива ИИМК РАН в 2010–2011 гг. нашли отражение в издании 30 монографических исследований, шести сборников статей и шести сборников материалов научных форумов. Надо отметить, что из более чем 750 статей и заметок,

вышедших в 2010–2011 гг., 208 были опубликованы в зарубежных изданиях

В 2010 г. вышли в свет крупные монографические исследования: д. и. н. З. А. Абрамовой «Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы (Труды ИИМК РАН; Т. XXXIV)»; д. и. н. Л. Б. Вишняцкого «Неандертальцы: история несостоявшегося человечества»; к. и. н. В. В. Питулько «Геоархеология и радиоуглеродная археология памятников каменного века Северо-Восточной Азии» (в соавторстве Е. Ю. Павловой); к. и. н. И. В. Верещагиной (†) «Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока (Труды ИИМК РАН; Т. XXXII)»; коллективная монография под общей редакцией к. и. н. М. Н. Пшеницыной «Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея (Труды ИИМК РАН; Т. XXXI)»; коллективная монография «Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования»; В. С. Бочкарева «Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы»; д. и. н., проф. А. Н. Кирпичникова «Старая Ладога — древняя столица Руси» (в соавторстве с В. Д. Сарабьяновым); д. и. н. Н. И. Платоновой «История археологической мысли в России. Вторая половина XIX—первая треть XX века»; д. и. н. А. Е. Мусина «Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование» и «Церковная старина в современной России»; д. и. н. А. И. Сакса «Древняя Карелия в конце I—начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли»; к. и. н. И. И. Еремеева «Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и оз. Ильмень (Труды ИИМК РАН; Т. XXXIII)» (в соавторстве с О. Ф. Дзюба).

Среди сборников статей следует отметить книги: «Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается» (отв. редакторы чл.-корр. РАН Е. Н. Носов и д. и. н. С. В. Белецкий); «Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова» (отв. редакторы: д. и. н. А. Е. Мусин и д. и. н. Н. В. Хвошинская); «Культурное наследие Российского государства Вып. 5. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историче-

ском и культурном достоянии. Ч. 1 и 2» (отв. редактор д.и.н., проф. А. Н. Кирпичников).

В 2011 г. вышли в свет крупные монографии: к. и. н. Е. Я. Рогова (†) «Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму»; д. и. н., проф. В. П. Любина и к. и. н. Е. В. Беляевой «Страницы ранней преистории Абхазии (Труды ИИМК РАН; Т. XXXVIII)»; д. и. н. М. В. Аниковича, д. и. н. Н. К. Анисюткина, д. и. н. Н. И. Платоновой «Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. Вып. 1: Историография, методология, основные проблемы»; д. и. н. С. А. Васильева «Сибирь и первые американцы. 2-е изд» (в соавторстве с Ю. Е. Березкиным и А. Г. Козинцевым); к. и. н. Л. А. Соколовой «Формирование окуневского культурного комплекса. Эпоха ранней бронзы Южной Сибири»; Н. Ю. Кузьмина «Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура»; д. и. н. В. А. Горончаровского «Спартакоская война: восставшие рабы против римских легионов».

Среди сборников статей следует отметить издания: «Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии» под редакцией д. и. н. С. А. Васильева и д. и. н. В. Е. Шеллинского; «История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойко (Киев, 05–08. 10. 2010) — отв. редактор д. и. н. Н. И. Платонова. Особо следует отметить выход в свет «Российского археологического ежегодника № 1» (главный редактор д. и. н. Л. Б. Вишняцкий). Это новое российское археологическое издание планируется выпускать раз в год и посвящать в первую очередь обсуждению наиболее актуальных проблем археологии и древней истории. Издание совместное ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского госуниверситета, но вся редакционная коллегия и большая часть авторов сборников — сотрудники ИИМК.

В 2010–2011 гг. ИИМК РАН выпустил 5 и 6-й номера «Записок ИИМК РАН», (отв. редактор — чл.-корр. РАН Е. Н. Носов). Это издание продолжает серию Кратких сообщений ИИМК АН СССР, основанную в 1939 г.

В 2010 г. проведена большая работа по подготовке и размещению 13 выпусков изданий ИИМК РАН («Археологические вести» и «Записки ИИМК РАН») на сайте eLIBRARY.ru. Увеличилась публикационная активность сотрудников ИИМК РАН в Интернете. Так д. и. н. С. А. Васильев и д. и. н. Л. Б. Вишняцкий мно-

го сотрудничают с новым интернет-порталом «Антропогенез». К. и. н. А. А. Сеницын и к. и. н. Н. Н. Скакун подготовили материалы для публикации на сайте gazeta.ru. Наряду с развитием общеинститутского интернет-сайта www.archeo.ru, ряд крупных экспедиций ИИМК РАН открыли собственные страницы в Интернете. Уже более двух лет работают сайты Кольской и Охтинской археологических экспедиций. В 2010 г. создан интернет-сайт Отдела охранной археологии ИИМК РАН.

В 2011 г. проведена большая работа по регистрации всех сотрудников ИИМК РАН в электронной научной библиотеке, на сайте eLIBRARY.ru. В 2011 г. институтский интернет-сайт www.archeo.ru подвергся коренной переработке и улучшению.

В 2010–2011 гг. ИИМК РАН помимо III (XIX) Всероссийского съезда в Старой Руссе и Новгороде организовал и провел шесть крупных научных мероприятий:

1. В марте 2010 г. Отдел палеолита совместно с Отделом археологии МАЭ (Кунсткамера) РАН провел научную конференцию «Замятнинские чтения». На форуме было заслушано около 20 докладов специалистов по археологии каменного века России (Санкт-Петербург, Москва) и Эстонии.

2. В октябре 2010 г. Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН по совместному гранту РГНФ и НАН Украины участвовал в проведении международной конференции «История археологии: личности и школы (к 160-летию В. В. Хвойко)» (Киев, Украина), собравшей более 50 специалистов.

3. 13–15 декабря 2010 г. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа провел крупную международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. В работе форума приняли участие более 100 археологов — специалистов по археологии эпохи бронзы, железного века и средневековья Евразии из многих археологических центров России, ближнего и дальнего зарубежья. Работа конференции прошла на самом высоком научном уровне, было заслушано более 80 докладов и сообщений, к началу работы форума были изданы материалы конференции «Древние культуры Евразии».

4. 23–24 июня 2011 г. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа организовал Круглый стол «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в северной Евразии», который собрал более 30 специалистов по данной проблемати-

ке, на заседаниях было заслушано и обсуждено более 10 докладов. К началу работы выпущен сборник материалов.

5. 22–25 ноября 2011 г. Отдел истории античной культуры совместно с Государственным Эрмитажем и Институтом лингвистических исследований РАН провел очередную девятую конференцию международного симпозиума «Боспорский феномен» по теме «Население, языки, контакты». Этот научный форум собрал более 100 специалистов: археологов, историков, искусствоведов и филологов. На заседаниях были заслушаны доклады и сообщения, рассмотрены теоретические и актуальные вопросы изучения античных древностей, а также представлены и новые открытия и исследования античных памятников Северного Причерноморья. Изданы материалы форума «Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.)».

Сотрудники ИИМК РАН в 2010–2011 гг. принимали самое активное участие в работе целого ряда международных научных форумов как в России и странах СНГ, так и за рубежом, где прочитали 501 доклад. К. и. н. Г. В. Синицына много лет является членом Оргкомитета ежегодного «Тверского археологического семинара». Чл.-корр. РАН, проф. Е. Н. Носов, д. и. н. А. И. Сакса, к. и. н. В. Я. Шумкин и к. и. н. Е. М. Колпаков в октябре 2010 г. были членами Оргкомитета и активными участниками «Всероссийского археологического форума молодых ученых» в г. Архангельске.

Под руководством д. и. н. С. А. Васильева в 2010–2011 гг. в Институте продолжал работать Методический семинар (проведено четыре заседания), выступления на котором направлены в первую очередь на изучение применения компьютерных технологий в археологии.

В 2010–2011 гг. сотрудники ИИМК РАН участвовали в подготовке и проведении ряда выставочных мероприятий. В 2010 г. в г. Москве в здании Государственной Думы, работала выставка «Исторические богатства Старой Ладуги по новым археологическим находкам и архитектурно-реставрационным работам» (руководитель подготовки выставки проф. А. Н. Кирпичников). В октябре–ноябре 2010 г. к. и. н. В. Я. Шумкин возглавил выставку «Петроглифы Канозера» и «Раскопки в Териберке» в Мурманске. Д. и. н. А. И. Сакса был одним из авторов и организаторов выставки по итогам архе-

ологических раскопок в Выборге (1998–2008 гг.). Сотрудники Научного архива ИИМК РАН (заведующая — д. и. н. Г. В. Длужневская) в 2010 г. подготовили и провели две выставки фотоматериалов: 1. «Кавказ. Фотографии конца XIX—начала XX в.» в Государственном Центре фотографии (РОСФОТО), октябрь 2010–январь 2011 гг. 2. «Фотография и археология» в Государственном Центре фотографии (РОСФОТО), осень 2010 г.

В 2011 г. д. и. н. А. Е. Мусин являлся одним из организаторов Историко-археологической выставки «Русь викингов: к другой Нормандии? Новгород и Северная Русь от эпохи викингов до позднего средневековья (VIII–XV вв.)». Выставка была подготовлена музеем Нормандии совместно с ИИМК РАН и Центром Мишеля де Буара в рамках реализации совместного российско-французского проекта и приурочена к 1100-летию юбилею Нормандии. Министерство культуры Франции присвоило выставке статус общенациональный значения. Издан каталог выставки «Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves a la fin du Moyen Age (VIIIe–XVe s.) [Catalogue de l'exposition]», Caen, Musée de Normandie, 24 juin — 31 octobre 2011 / S. Berthelot, A. Musin (dir.). Paris: Errance, 2011.

В феврале 2011 г. к. и. н. В. Я. Шумкин и к. и. н. Е. М. Колпаков организовали и провели в Санкт-Петербурге совместно с Институтом палеонтологии человека (Париж), Лабораторией Лазаре (Ницца), Эстонским обществом изучения первобытного искусства (Таллин), при поддержке Французского института в С.-Петербурге, международную выставку «Наскальное искусство европейских окраин». В июне–августе 2011 г. в г. Путтикон Хови (Финляндия) В. Я. Шумкин и Е. М. Колпаков организовали выставку «Петроглифы Канозера». К. и. н. В. А. Семенов. был автором выставки «Тува. Перекресток эпох» в помещении Русского географического общества в Санкт-Петербурге (декабрь 2011 г.).

В 2010 г. по сценарию и под научным кураторством к. и. н. В. А. Трифонова был снят научно-популярный фильм «Колихо: тайна дольменов Кавказа» (студия «Атлас культуры», Ростов-на-Дону), в котором впервые объективно рассказывалось о проблемах изучения мегалитов на Кавказе. Эта работа на Международном конкурсе научно-популярных фильмов (СПб., 2010 г.) был награжден дипломом «За лучший

фильм по истории России» Президентской библиотеки РФ им. Б. Н. Ельцина.

В 2010–2011 гг. ИИМК РАН продолжал интенсивно развивать научные контакты с зарубежными коллегами. В Институте выступали с докладами, проходили стажировку и работали с археологическими материалами исследователи из Франции, США, Японии, Польши, Финляндии, Китая, Израиля и стран СНГ. Сотрудники Института выступили с более чем 120 докладами, на научных форумах в странах СНГ и дальнего зарубежья.

В 2010–2011 гг. сотрудники ИИМК РАН активно продолжали работы по нескольким программам международного сотрудничества РАН:

1. «Запад и Восток в формировании материальной культуры христианства в Северной Руси и Малопольше в X–XV вв.» — программа сотрудничества ИИМК РАН и Краковского отделения Института археологии и этнологии Польской академии наук.

2. «Две Нормандии»: комплексное сравнительное исследование скандинавского присутствия в Нормандии (Франция) и в Новгородской земле (Россия) и оценка его культурно-исторического значения» программа сотрудничества ИИМК РАН и CNRS Caen (Bass-Normandie).

3. Проект «Prosopographie Christliche Archäologie» Institut der Gorres-Gesellschaft, Rome, Italy (2008–2010).

4. Программа ИИМК РАН и Института археологии Сербской АН (Белград) «Материальная культура Византии на западных и северных окраинах славянского мира по данным археологии на примере средневековой Сербии и Древней Руси».

5. Программа совместных научных проектов между РАН и Академией наук Чешской Республики на 2009–2011 гг. Проект «Культурная адаптация к изменениям природной среды (климата) в верхнем палеолите Восточной (Костенковская группа) и Центральной Европы (Моравская группа)».

6. Программа «Становление и интенсификация двустороннего сотрудничества» Германского научного фонда (DFG PI 452-4/1). Проект «Педостратиграфия, окружающая среда и климат верхнего палеолита южнорусских степей, Костенки и Борщеве (Воронеж, Россия)».

7. Проект Оксфордской радиоуглеродной лаборатории «Уточнение хронологии времени перехода от среднего к верхнему палеолиту».

8. Проект Оксфордской радиоуглеродной лаборатории «Уточнение хронологии времени возникновения граветта в Европе».

9. RESET project (RESponse of humans to abrupt Environmental Transitions).

10. Программа сотрудничества Института истории материальной культуры РАН и Краковского отделения Института археологии и этнологии Польской академии наук по теме: «Между романизацией и ромеизацией. Русь Рюриковичей и Польша Пястов на путях европеизации».

11. Фонд Трои (Troia Foudation's), проект «Межкультурные взаимодействия в Северо-Западной Анатолии в VII–II вв. до н. э.», 2009–2012 гг.

12. Британский институт в Анкаре (BIAA Ankara), проект «Местные особенности в погребальном обряде античных центров Северной Анатолии», январь–февраль 2011 г.

13. Министерство науки, исследований и искусства, Баден-Вюртемберг (Германия), научно-исследовательский проект: «Междисциплинарный анализ культурных взаимодействий в древних контактных зонах», 2009–2012 гг.

14. Программа сотрудничества РАН и Польской академии наук по теме: «Греческие центры Северного и Восточного Причерноморья» на 2011–2013 гг.

15. Проект «Western Crimean Archaeological Project, 2010–2013 (Danish Council for Independent Research)».

16. Международная междисциплинарная программа «Economic Models and Adaptation Strategies in a Varying Cultural and Environmental Context: the Northern Black Sea in the Late Bronze Age and Early Iron Age (EMAS)», 2010–2013 (Danish Council for Independent Research; грант 09-069235).

17. Международный грант «Estonia—Latvia—Russia Cross Border Cooperation Programme within European Found and Parthnership Instrument (Archaelogy & Power & Community)», 2012–2014 гг.

18. В 2010 г. руководитель радиоуглеродной группы ЛАТ ИИМК РАН, к. х. н. Зайцева возглавляла российскую группу международного проекта Евросоюза (FEPRE) № 028192 «Формирование Европы. Математическая модель неолитизации Европы».

С. н. с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, к. и. н. М. Е. Килуновская является представителем Международного фон-

да CARAD при ЮНЕСКО по исследованию памятников наскального искусства в России.

Зав. Отделом палеолита ИИМК РАН д. и. н. С. А. Васильев продолжал представлять археологов России в Комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP). Д. и. н. А. И. Сакса является членом финского археологического общества, финского литературного общества, общества Калевала (Финляндия). К. и. н. В. Ф. Столба несколько лет осуществлял координацию совместных российско-датских работ в Датском Центре Черноморских исследований, Орхусский университет, принимал участие в пленарных заседаниях Датской Королевской Академии (Копенгаген). К. и. н. П. Е. Сорокин работал в составе мониторинговой группы Балтийских стран по морской археологии. К. и. н. В. В. Питулько входил в состав Наблюдательного совета программы «The Carpenter-Meldgaard Endowment A Research Program based on the Archives of the late Jørn Meldgaard. The National Museum of Denmark». В 2010 г. составе Общественной палаты Ленинградской области образована комиссия по сохранению исторического, культурного и духовного наследия (председатель А. Н. Кирпичников). По инициативе Комиссии Палата поддержала проекты разработки законодательства об охране археологического наследия, о восстановлении студенческих строительно-реставрационных и археологических отрядов и их государственной поддержке.

Д. и. н. С. А. Васильев в 2011 г. получил «Премия Отделения историко-филологических наук РАН имени академиков Алексеевых» за публикацию монографии «Сибирь и первые американцы» (в соавторстве с Ю. Е. Березкиным и А. Г. Козинцевым). К. и. н. В. А. Семенов в 2011 г. удостоен Нагрудного знака «За высокие показатели в преподавательской и научной деятельности, значительный вклад в развитие кадрового потенциала Тувинского государственного университета и в честь 60-летнего юбилея» и «Благодарности Министерства культуры Республики Тыва за вклад в достижения и сохранения объектов наследия Республи-

ки Тыва». Чл.-корр. Е. Н. Носов в 2011 г. награжден памятной медалью Н. Г. Богословского «За вклад в развитие Новгородского музея».

Д. и. н., проф. А. Н. Кирпичников избран почетным членом Общества Древностей Финляндии. К. и. н. В. Ф. Столба избран членом Орхусского Ученого Общества (Det Ijrde Selskab / The Aarhus Learned Society). К. и. н. М. Т. Кашуба в 2010 г. награждена дипломом Президиума Академии наук Молдовы «За заслуги».

Ученый совет ИИМК РАН в 2010–2011 гг. провел 16 заседаний, на которых рассматривались организационные и научные вопросы. В частности, были заслушаны доклады: к. х. н. Г. И. Зайцева и О. В. Лохова (ИИМК РАН) «Стабильные изотопы в археологических исследованиях». К. и. н. В. А. Завьялов — Председатель Санкт-Петербургской группы ОПИ Полевого комитета проанализировал характер сдачи полевых отчетов сотрудниками Института, рассказал о наиболее наболевших проблемах и наметил задачи группы на будущее. На расширенном заседании Ученого совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа состоялся доклад к. и. н. В. А. Семенова «Итоги исследований в Туве с 1973 по 2011 гг.».

В 2010–2011 гг. Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200.15.01) провел защиты трех докторских и восьми кандидатских диссертаций. Среди них две докторские защиты сотрудников Института: И. Ю. Шауба по теме «Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.)» и В. А. Лапшина по теме «Тверь в XIII–XV веках».

Четыре сотрудника ИИМК защитили кандидатские диссертации: аспирант А. А. Бессуднова по теме «Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона»; А. К. Очередной — «Памятник Хотылево I и его место в палеолите Восточной Европы»; О. В. Лозовская — «Деревянные изделия позднего мезолита–раннего неолита лесной зоны европейской части России: комплексные исследования (по материалам стоянки Замостье 2)»; М. А. Юшкова «Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России».

С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.	КЧ	— Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.
АиИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.	ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград.
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе.	МАЕ	— Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э.: К 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. Санкт-Петербург.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.	МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук. Ленинград, Санкт-Петербург.
БМК	— Большой Майкопский курган.	МГУ	— Московский государственный университет. Москва.
ВАС	— Всероссийский археологический съезд.	МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
ВУА	— Военно-ученый архив Главного штаба (1867–1906). Москва.	МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.	МИАМ	— Материалы и исследования по археологии г. Москвы.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. Москва.	МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
ГО	— Географическое общество.	МКТ	— Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград.	МНК	— Международная научная конференция.
ДКП	— Древние культуры Прикубанья.	МНО	— майкопско-новосвободненская область.
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва.	МТЭ	— Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец.
ИАЭ СО РАН	— Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.	МФ	— Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы.
Известия ГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.	НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.	НА IA	— Науковий архів Інститута
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.		
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.		
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Ленинград.		

НАНУ	археології НАН України.	ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ.
НЖК	— накольчато-жемчужная керамика.	ЦГА УР	— Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
НИР	— Научно-исследовательская работа.	ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР (1941—июнь 1992), с 1992 г. — Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
НМИУ	— Национальный музей истории Украины. Киев.	ЧОИДР	— Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.	ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
НПО СА	— Научно-производственное объединение «Северная археология», Нефтеюганск.	АА	— Acta Anatolica.
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.	АЕ	— Archäologie in Eurasien. Berlin.
ОРК	— Очерки русской культуры.	BAR I.S	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск.	ВСН	— Bulletin de correspondance Hellénique. P.
ПОС	— Псковский областной словарь.	Ber. RGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt am Main
РА	— Российская археология. Москва.	BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
РБВ	— ранний бронзовый век.	CPCE	— Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe-IIIe millenaires: Actes du colloque d'Istanbul, 16-19 Décembre 1998. Paris, 2000 (Varia Anatolica 11).
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов. Москва.	INQUA	— International Union for Quaternary Research.
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (до июня 1992 г. — ЦГВИА СССР). Москва.	MDAFA	— Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan. P.
СА	— Советская археология. Москва.	PAS	— Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bonn.
САИ	— Свод археологических источников.	SCIV(A)	— Studii și Cercetări de Istorie Veche (с 1974 — Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie). București.
СБВ	— средний бронзовый век.	SEQS	— Section on European Quaternary Stratigraphy.
СГХМ	— Сургутский городской художественный музей. Сургут.	SP	— STRATUM plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест.
СлРЯ XI	— XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв.	UPA	— Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, Bonn.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.		
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск.		
СРНГ	— Словарь русских народных говоров.		
ТД	— тезисы докладов.		
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва.		
ТУАК	— Тверская ученая архивная комиссия.		
ХАЭЭ	— Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция. Москва.		

Научное издание

Археологические вести
Выпуск 18

Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Н. В. Головачева,
Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова,
В. Я. Стеганцева

Адрес редакции:

Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам
Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 60 × 90 ¹/₈
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 32,0. Печ. л. 40.
Тираж 400 экз. Заказ 4177.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2